

Предлагаемое читателю издание подготовлено на основе материалов Международной научной конференции «75 лет Победы: Советский Союз и завершение Второй мировой войны на Дальнем Востоке», организованной Российским военно-историческим обществом и Музеем Победы на Поклонной горе 3 сентября 2020 г. Статьи посвящены актуальным проблемам истории Второй мировой войны, в том числе противостоянию СССР и Японии накануне и в ходе нее, разгрому японского агрессора во время Маньчжурской стратегической наступательной операции и Освободительной миссии Красной армии на Дальнем Востоке в 1945 г.

Книга издана Российским военно-историческим обществом к 75-летию Победы над Японией и окончания Второй мировой войны.

ISBN 978-5-4469-1839-3

9 785446 918393

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ЗАВЕРШЕНИЕ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

75 ЛЕТ ПОБЕДЫ

75 ЛЕТ ПОБЕДЫ

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ
И ЗАВЕРШЕНИЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

РОССИЙСКОЕ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
Музей Победы
Ассоциация историков Второй мировой войны

75 ЛЕТ ПОБЕДЫ

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ
И ЗАВЕРШЕНИЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Москва • Санкт-Петербург
2020

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
DOI 10.31754/nesstor4469-1839-3
С 30

МУЗЕЙ
ПОБЕДЫ

Рецензенты:

д-р ист. наук *Мяжков Михаил Юрьевич*
(Российское военно-историческое общество)

д-р ист. наук *Сенявская Елена Спартаковна*
(Институт российской истории Российской академии наук)

Монография утверждена к печати
Научным Советом
Российского военно-исторического общества

Ответственный редактор —
канд. ист. наук, директор департамента науки и образования
Российского военно-исторического общества *Ю.А. Никифоров*

Составители:
Д.В. Шполянский (отв. составитель), Ю.А. Никифоров,
В.И. Петракова, О.В. Сдвижков, А.В. Смирнова

С 30 75 лет Победы: Советский Союз и завершение Второй мировой войны на Дальнем Востоке / отв. ред. Ю.А. Никифоров. — СПб. : Нестор-История, 2020. — 696 с.

ISBN 978-5-4469-1839-3

Предлагаемое читателю издание подготовлено на основе материалов Международной научной конференции «75 лет Победы: Советский Союз и завершение Второй мировой войны на Дальнем Востоке», организованной Российским военно-историческим обществом и Музеем Победы на Поклонной горе 3 сентября 2020 г. Статьи посвящены актуальным проблемам истории Второй мировой войны, в том числе противостоянию СССР и Японии накануне и в ходе нее, разгрому японского агрессора во время Маньчжурской стратегической наступательной операции и Освободительной миссии Красной армии на Дальнем Востоке в 1945 г.

Книга издана Российским военно-историческим обществом к 75-летию Победы над Японией и окончания Второй мировой войны.

ISBN 978-5-4469-1839-3

9 785446 918393

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

© Коллектив авторов, 2020

© Российское военно-историческое общество, 2020

Содержание

Военно-стратегическое и геополитическое измерения Второй мировой войны

О. Р. Айрапетов

Возникновение очага войны в Китае в контексте
международных отношений начала 1930-х гг. 11

В. А. Зубачевский

Германо-Польское сотрудничество в сфере образования и пропаганды
(1934–1938 гг.) как фактор подготовки к войне с Польшей.....29

И. С. Шишкин

Советская внешняя политика в 1939–1940 гг.:
возвращение своего или оккупация чужого?38

Д. Робертс

Черчилль и Сталин как товарищи по оружию:
Уроки для сегодняшнего дня.....72

С. М. Монин

Советский Дальний Восток и ленд-лиз78

А. И. Прохоровская

Роль Ялтинской конференции (4–11 февраля 1945 г.) в создании
послевоенного миропорядка97

В. Н. Барышников

К. Г. Маннергейм и Хельсинкский процесс над главными виновниками
участия Финляндии во Второй мировой войне..... 104

Н. В. Илевский

Дискуссионные проблемы периодизации Второй мировой войны 125

**Советский Союз в боях против нацистской Германии и ее союзников
на европейском театре военных действий: усилия армии и тыла**

В. И. Фесенко

Из опыта стратегического развертывания вооруженных сил СССР
накануне и начальном периоде войны с Германией 135

В. В. Коровин

Политико-правовое регулирование организации сопротивления
немецко-фашистским оккупантам на территории СССР 148

В. А. Ахмадуллин

Советские мусульмане в Великой Отечественной войне:
новые страницы истории 169

П. В. Улизко

Формирование образа врага средствами печатной пропаганды у личного
состава Красной армии в годы Великой Отечественной войны 185

Ю. В. Рубцов

Институт штрафных частей РККА
в годы Великой Отечественной войны 197

А. А. Печенкин

Потери советских генералов и адмиралов в период Второй мировой
войны (сентябрь 1939 — сентябрь 1945 г.) 223

А. С. Ирютин

Бой 12-й Особой бригады морской пехоты Северного флота
за высоту «Кровавая» на р. Западная Лица в конце 1941 — начале 1942 г. 232

Е. Ф. Кринко

Демографические последствия Второй мировой войны
для юга РСФСР 244

О. А. Кошкина

Советский человек на фронте и в тылу: из опыта работы
с частным архивом и источниками личного происхождения 268

Н. Г. Бесплеменная

Юные защитники Сталинграда

(по документам ГКУВО «ЦДНИВО»)..... 275

О. Ю. Фирстов

Сталинград в судьбе немецких военнопленных 281

Д. Н. Шкаревский

Аномалии в деятельности органов транспортной юстиции

в период Великой Отечественной войны 291

Завершающий этап Второй мировой войны на Дальнем Востоке: Разгром милитаристской Японии

А. А. Кошкин

Капитуляция Японии: атомные бомбы или советский блицкриг?

Очерк истории..... 307

А. Ю. Плотников

Победный 1945-й: от капитуляции фашистской Германии

до разгрома милитаристской Японии. Вклад СССР..... 345

В. П. Зимонин

Маньчжурская стратегическая наступательная операция и ее роль

в принуждении Японии к миру..... 351

А. В. Исаев

Курильская десантная и Южно-Сахалинская операции:

успех военный и политический 364

В. А. Гуров

СССР в войне против милитаристской Японии и общий ход

боевых действий на Дальнем Востоке в августе 1945 г. 375

А. Е. Шагов

Группировка советских войск на Дальнем Востоке как фактор

сдерживания агрессии Японии в годы Второй мировой войны..... 390

О. П. Еланцева

Строительство железной дороги Комсомольск — Советская гавань
в документах Государственного комитета обороны (1943–1945 гг.)..... 400

К. А. Арутюнян

Решающая роль Красной армии в принуждении Японии к миру
и вклад воинов-армян в этой победе
(9 августа — 2 сентября 1945 г.)..... 412

Р. Назаров

К истории участия воинов-узбекистанцев в заключительном этапе
Второй мировой войны на Дальнем Востоке..... 420

А. А. Бондаренко, А. А. Пчелинов-Образумов

«Настала пора обуздать агрессора на востоке...»:
Белгородчина и советско-японская война 1945 г. 433

Е. Л. Катасонова

Гуманитарные аспекты советско-японской войны:
японские военнопленные в СССР..... 444

Гуманитарные аспекты истории Второй мировой войны. Нацистские военные преступления и политика геноцида на оккупированных территориях СССР

Е. К. Красноженова

Преступления против детства на оккупированной территории
Ленинградской области (1941–1944 гг.) 465

С. В. Аристов

Коменданты концлагерей на оккупированной территории СССР:
социально-психологический портрет..... 473

М. И. Жбанникова

Жизнь мирного населения при «новом немецком порядке»
на территории Ростовской области в годы Великой Отечественной
войны (по материалам ГАРО, районных и городских газет) 484

<i>В. И. Гуцин</i> Население Елгавы к концу войны	500
--	-----

<i>А. А. Пчелинов-Образумов, Т. В. Крылова</i> Выживший в гитлеровской неволе: судьба бывшего военнопленного Ф. Н. Донцова (по документам личного фонда).....	514
---	-----

<i>И. Гуеррини, М. Плувиано</i> 1943–1945 гг.: Итальянцы на принудительных работах в Германии. Мужчины и женщины, принужденные поддерживать немецкую военную машину	522
--	-----

<i>Г. Д. Джунушалиева</i> Анализ историографии XX — начала XXI в., посвященной коллаборационизму народов Центральной Азии в годы Великой Отечественной войны	531
---	-----

Память о Второй мировой войне в современном мире

<i>К. А. Пахалюк</i> К вопросу о политизации памяти о Великой Отечественной войне в современной Европе	539
--	-----

<i>К. Ренкас</i> Война памяти	556
--	-----

<i>Д. В. Ефременко</i> Память о Второй мировой войне и дилемма мнемонической безопасности	560
---	-----

<i>О. В. Корнилова</i> КАТҮН-1943: Возникновение и генезис одного из концептов информационной войны.....	571
--	-----

<i>А. М. Ермаков</i> Война Германии против Советского Союза в гражданском образовании ФРГ	585
---	-----

И. А. Пермяков

Сохраняя память: материалы РГАНИ по истории
Великой Отечественной войны 598

В. В. Чертов

Комплекс Главного храма Вооруженных сил Российской Федерации
и Музейного комплекса «Дорога памяти» как символ сохранения
памяти о подвиге народа в Великой Отечественной войне
1941–1945 гг. 607

В. М. Арутюнян

Пересмотр истории Второй мировой / Великий Отечественной войны
недопустим. История — это не про прошлое, это про наше
настоящее и будущее 614

И. Н. Афанасьев

Память о Второй мировой войне на линии огня:
победы, поражения, уроки 639

Л. И. Будченко

Архивы Волгоградской области в помощь поисковым группам
и отрядам по установлению судеб погибших и пропавших без вести
в годы Великой Отечественной войны 655

А. А. Савченко

Полет к Победе 668

В. Г. Кикнадзе

Победа Советского Союза над Японией и победоносное завершение
Второй мировой войны в 1945 г. в исторической политике
Российской Федерации 679

Военно-стратегическое
и геополитическое измерения
Второй мировой войны

Возникновение очага войны в Китае в контексте международных отношений начала 1930-х гг.

В 1927 г. новая армия Китайской республики сумела преодолеть сопротивление ряда независимых, а иногда открыто враждебных ей групп милитаристов, управлявших отдельными провинциями Китая. В марте 1927 г. были взяты Шанхай и Нанкин, в который была перенесена столица республики². Вклад СССР в эти победы был чрезвычайно велик и не отрицался никем из современников. Но советско-китайские отношения вскоре после побед Гоминьдана резко ухудшились.

Успехи националистов беспокоили британцев и американцев. Первые признаки угрозы имели место уже в мае 1925 г. в Шанхае. Убийство рабочего-коммуниста на японской фабрике вызвало массовые протесты³. При попытке толпы прорваться в международный сектльмент гуркхи и китайская полиция открыли огонь, было убито 9 человек, что вызвало взрыв возмущения и весьма эффективный бойкот британских товаров. Последовали жесткие предупреждения со стороны западных держав⁴. События привели к всекитайскому движению «30 мая», во главе которого стали коммунисты. Их численность за два года, с 1925 по 1927 г., выросла с 900 до 57 900 человек⁵. По официальной статистике, в Шанхае в 1926 г. на 165 заводах и фабриках прошло 169 забастовок,

¹ Айрапетов Олег Рудольфович — кандидат исторических наук, доцент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва).

² Благодатов А.В. Записки о китайской революции 1925–1927 гг. М., 1979. С. 204–226.

³ Ху Цяо-му. Тридцать лет Коммунистической партии Китая. М., 1952. С. 18–19.

⁴ Grew J. C. Turbulent era. A diplomatic record of forty years. 1904–1945. Boston, 1952. Vol. 1. P. 656–657.

⁵ Ху Цяо-му. Тридцать лет Коммунистической партии Китая. М., 1952. С. 19–20.

82 из которых закончились частично или полностью удачно для участников стачек. За год в них приняло участие 202 297 человек⁶. В начале января 1927 г. давно назревавшая проблема прорвалась наружу: в Ханькоу горожане праздновали приход гоминьдановских войск, демонстрации проходили близ границы британского селтльмента — стоявшая здесь морская пехота открыла огонь, были жертвы⁷.

Казни проводили и местные китайские власти. Все это лишь ухудшило кризис. Рабочие вышли на улицу с лозунгами «Да здравствует Национальная армия» и «Да здравствует Чан Кай-ши!». В забастовках приняли участие свыше 350 тыс. человек. Руководили движением коммунисты⁸. 21 марта 1927 г. около 5 тыс. вооруженных рабочих начали занимать полицейские участки и разоружать гарнизон. Были захвачены арсенал, вокзал, телефонная и телеграфная станции. Во главе восставших стоял коммунист Чжоу Эн-лай⁹. Успех вызвал излишние эмоции. В результате толпа протестующих ворвалась на территорию британской концессии, со здания консульства был спущен флаг. Англичане организовали эвакуацию женщин и детей в Шанхай и вызвали корабли военно-морского флота¹⁰. Толпа попыталась проникнуть в международный селтльмент и была обстреляна британской командой. Было убито 12 человек, несколько десятков получили ранения. Лондон поначалу взял паузу, но пресса безусловно связала события с ростом влияния коммунистов в Китае¹¹.

Вскоре колебания были преодолены, было призвано 4 батальона резервистов, начата подготовка частей англо-индийской армии¹². Для отправки в экспедицию было собрано 3 бригады британской армии¹³. На Дальний Восток было послано 3 крейсера и две флотилии эскадренных миноносцев. В результате силы британского флота в китайских водах достигли 8 крейсеров, 2 лидеров, 16 эсминцев, 12 подводных лодок, 1 авианосца и 15 речных канонерских лодок¹⁴. О сво-

⁶ *Isaacs H. R.* The tragedy of the Chinese revolution. P. 130.

⁷ *Благодамов А. В.* Записки о китайской революции 1925–1927 гг. С. 194.

⁸ *Isaacs H. R.* The tragedy of the Chinese revolution. P. 132–134.

⁹ *Wilson D. Chou.* The story of Zhou Enlai. 1898–1976. Lnd., 1984. P. 85.

¹⁰ События в Китае // Возрождение. Париж. 1927. 8 янв. № 585. С. 1.

¹¹ События в Китае // Возрождение. Париж. 1927. 9 янв. № 586. С. 1.

¹² Китайская смута // Возрождение. Париж. 1927. 24 янв. № 601. С. 1.

¹³ Китайские события // Возрождение. Париж. 1927. 26 янв. № 603. С. 1.

¹⁴ *Шведе Е.* Сведения об иностранных флотах. Англия // Морской Сборник (далее — МС). 1927. № 5. С. 84.

ем желании принять участие, но самостоятельное, в действиях против нарушителей экстерриториальности концессий заявили и США¹⁵. В марте 1927 г., после взятия Нанкина инциденты имели место и здесь. Гоминьдановские солдаты попытались провести обыски в зданиях консульств. Было убито 5 иностранцев, включая генконсула Великобритании, еще 5 было ранено. Всего было разграблено 10 миссий западных держав, произошли нападения на иностранцев и их имущество. Стоявшие на рейде британские и американские военные суда открыли заградительный огонь¹⁶.

Армия Китайской республики, как отмечал орган РККФ, «...встала лицом к лицу с силами империализма»¹⁷. В апреле 1927 г. в Китае находилось уже до 16 батальонов британской пехоты со вспомогательными частями, 1 батальон морской пехоты — всего до 14 тыс. человек, эскадра выросла до 13 крейсеров, 2 авианосцев, 20 эсминцев и лидеров, 17 речных канонерок, 40 сторожевых судов и т. д. Кроме того, там у Японии было 11 крейсеров, 22 эсминца; у США — 4 крейсера, 12 эсминцев и 11 канлодок; действовали небольшие эскадры Франции, Испании, Италии и Португалии¹⁸. В мае 1927 г. в китайских водах находилось уже 105 иностранных военных судов, из них в Шанхае — 51 и Гонконге — 32. Только с осени их количество стало сокращаться¹⁹. Ситуация была непредсказуемой, но она стала развиваться совсем не по сценарию столкновения революционеров с империалистами²⁰.

События развивались слишком быстро и грозили Китаю внешним конфликтом. Тем временем назревал и внутренний кризис. В 1926 г. Коминтерн принял решение поддержать оппозицию Чан Кай-ши при поддержке коммунистов. Желательной комбинацией стало бы разделение власти на политическую во главе с другим ближайшим сотрудником Сунь Ят-сена — Ван Цзин-вэем (он считался тогда более левым политиком) — и военную во главе с Чан Кай-ши²¹. Одновременно с этим политический советник от Коминтерна М. М. Бородин

¹⁵ События в Китае // Возрождение. Париж. 1927. 28 янв. № 605. С. 1.

¹⁶ The American secretaries of state and their diplomacy. NY., 1963. Vol. XI; *Казанин М. И.* В штабе Блюхера. Воспоминание о Китайской революции 1925–1927 годов. М., 1966. С. 74–75.

¹⁷ Кантон-Ханькоу-Шанхай // Красный флот. 1927. № 7. С. 3.

¹⁸ *Шведе Е.* Сведения об иностранных флотах. Англия // МС. 1927. № 1. С. 84.

¹⁹ *Шведе К.* Сведения об иностранных флотах // МС. 1928. № 3. С. 85.

²⁰ Кантон-Ханькоу-Шанхай // Красный флот. 1927. № 7. С. 3.

²¹ *Мамаева Н. Л.* Коминтерн и Гоминдан. 1919–1929. М., 1999. С. 262.

все более стал склоняться в сторону ставки на аграрную революцию²². В апреле 1926 г. Политбюро рассмотрело и возможность соглашения с Чжан Цзо-лином. Оно должно было оградить Монгольскую Народную Республику от покушений со стороны маньчжурских войск, а также оградить интересы СССР на КВЖД²³. Курс Бородина, поддержанный секретарем Исполкома Коминтерна К. Б. Радеком и членом Политбюро Н. И. Бухариным²⁴, привел к самым негативным последствиям.

10 марта 1927 г. Политбюро рассмотрело ситуацию в Китае. Докладчиками были И. В. Сталин и Л. М. Карахан. Выводы были однозначны: «Оформление в Южном Китае двух центров, двух Гоминьданов, двух правительств и, значит, двух партий, считаем опасным и недопустимым»²⁵. Недвусмысленны были и рекомендации — немедленный созыв единого пленума ЦК Гоминьдана с обязательным участием Чан Кай-ши и безусловное подчинение всех членов партии принятым на нем решениям. Тесное сотрудничество КПК и Гоминьдана было признано «абсолютно необходимым»²⁶. Впрочем, дело зашло уже слишком далеко и исправить ошибки не удалось.

27 марта 1927 г. Чан Кай-ши прибыл в Шанхай на канонерской лодке из Нанкина. В городе его приветствовали, на улицах проходили многочисленные демонстрации, в иностранных концессиях стояли готовые ко всему войска. Обстановка была очень напряженной. Сразу же по приезду Чан Кай-ши вступил в переговоры, одновременно подготавливая расправу над левыми²⁷. 7 апреля 1927 г. на секретном заседании руководство Гоминьдана взяло курс на установление прямой военной диктатуры Чан Кай-ши. 11 апреля 1927 г. США, Анг-

²² Доклад М. М. Бородина на заседаниях комиссии Политбюро ЦК ВКП (б). Пекин, 15 и 17 февраля 1926 г. // ВКП (б), Коминтерн и национально-освободительное движение в Китае. Документы. М., 1996. Т. 2. Ч. 1. 1926–1927. С. 106–107.

²³ Из протокола № 18 (Особый № 13) заседания Политбюро ЦК ВКП(б). Москва, 1 апреля 1926 г. // ВКП(б), Коминтерн и национально-освободительное движение в Китае. Документы. М., 1996. Т. 2. Ч. 1. 1926–1927. С. 169–170.

²⁴ О китайской революции. Статья Н. Бухарина и постановление ИККИ. Иркутск. 1927. С. 5–6, 19–20.

²⁵ Из протокола № 90 (Особый № 68) заседания Политбюро ЦК ВКП(б). Москва, 10 марта 1927 г. // ВКП(б), Коминтерн и национально-освободительное движение в Китае. Документы. М., 1996. Т. 2. Ч. 2. 1926–1927. С. 643.

²⁶ Там же. С. 643–644.

²⁷ *Morwood W.* Duel for the Middle Kingdom. The struggle between Chiang Kai-shek and mao-Tse-tung for control of China. NY., 1980. P. 128–130.

лия, Япония, Франция и Италия направили Чан Кай-ши совместный ультиматум, требуя наказать виновных в инцидентах, произошедших с иностранными подданными на территориях, контролируемых его правительством. Действия против иностранного капитала всегда возглавляли коммунисты²⁸. США уже начали рассматривать планы интервенции для защиты своих граждан. По расчетам, требовалось около 50 тыс. военных, в близлежащих районах у Вашингтона имелось около 13 тыс. Впрочем, воевать не пришлось²⁹.

30 ноября 1926 г. И. В. Сталин пророчески предупреждал китайских коммунистов о том, что в сложившихся обстоятельствах внешние силы предпочитают уже не прибегать к прямой интервенции. «При современных условиях империализм предпочитает интервеннировать путем организации гражданской войны внутри зависимой страны, путем финансирования контрреволюционных сил против революции, путем моральной и финансовой поддержки своих китайских агентов против революции»³⁰. 23 февраля 1927 г., выступая на праздновании годовщины образования РККА, преемник Фрунзе на посту наркомвоенмора — К. Е. Ворошилов — отметил, что «...разумная политика нашего государства в Китае, все улучшающиеся отношения с Японией и отвлечение внимания Чжан Цзо-лина победоносным движением кантонской армии на север обеспечили в истекшем году мир на советском Дальнем Востоке»³¹. Но этот мир оказался хрупким и недолговечным.

В 1927 г. руководство Гоминьдана взяло курс на борьбу с коммунистами и отказ от сотрудничества с СССР. Переориентация внешнеполитического курса включала и создание тесных партнерских отношений с Японией, ориентацию на улучшение отношений с Великобританией и расширение сотрудничества с Лигой Наций. Вскоре этот курс привел к резкому ухудшению советско-китайских отношений, что в конечном итоге привело к конфликту на Дальнем Востоке. Уже 21 июля 1927 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение об отзыве советников из армии Китайской Республики³². Это было

²⁸ Непомнин О. Е. История Китая XX век. С. 242–244, 267–268.

²⁹ The American secretaries of state and their diplomacy. NY., 1963. Vol. XI. P. 70.

³⁰ Сталин И. В. О перспективах революции в Китае. Речь в Китайской комиссии ИККИ 30 ноября 1926 г. // Сочинения. М., 1948. Т. 8. 1926. Январь — ноябрь. С. 360.

³¹ Ворошилов К. Е. Девять лет // Статьи и речи. М., 1937. С. 95.

³² Мамаева Н. Л. Коминтерн и Гоминдан... С. 337, 339.

своевременное решение. Положение советских военных советников в Китае стало небезопасным: в Гуанчжоу их вместе с семьями начали брать под охрану, которая весьма походила на домашний арест³³. При этом Советский Союз продолжал поддерживать китайских коммунистов. В 1927 г. в советских военных училищах и академиях училось около 200 китайцев, половина из них была коммунистами³⁴. В 1930 г., в связи с изменившимися обстоятельствами, обучение китайских военных было перепрофилировано на партизанскую войну³⁵. После многочисленных провокаций против советских учреждений и служащих на КВЖД 16 августа 1929 г. СНК и ЦИК приняли решение о разрыве отношений с Китайской республикой³⁶.

Гоминьдановское правительство расширило свои контакты с Западом. В 1930 г. в штабах и управлениях китайской армии служило около 4,5 тыс. советников из США, Великобритании, Франции, Германии и Италии. Все свои силы Чан Кай-ши бросил на борьбу с китайской Красной армией и находившимися под ее контролем советскими районами. С ноября 1930 по сентябрь 1931 г. правительство Китая организовало три похода против Красной армии, и все три закончились провалом³⁷. К концу 1920-х Япония сблизилась с Нанкинским правительством. Капиталовложения японского бизнеса в Китае составили 1 831 млн иен, займы — около 700 млн иен³⁸.

Японские власти, разумеется, не руководствовались концепцией «единого Китая» и пытались добиться в Маньчжурии уступок в ряде

³³ *Благодатов А. В.* Записки о китайской революции 1925–1927 гг. С. 273–277; *Шувалов И. П.* На юге Китая // На китайской земле. Воспоминания советских добровольцев. 1925–1945. М., 1974. С. 80–83.

³⁴ *Мировицкая Р. А.* Советский Союз и Китай. в период разрыва и восстановления отношений (1928–1936 гг.). М., 1975. С. 59.

³⁵ Из Протокола № 128 (Особый № 126) заседания Политбюро ЦК ВКП(б). Москва, 15 июня 1930 г. // ВКП(б), Коминтерн и национально-освободительное движение в Китае. Документы. М., 1999. Т. 3. Коминтерн и Советское движение в Китае. 1927–1931. Ч. 2. С. 888–889.

³⁶ Постановление Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров. О прекращении сношений Союза ССР с Китаем. 16 августа 1929 года // Собрание Законов и Распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических республик, издаваемое Управлением Делами Совета Народных Комиссаров Союза СССР и Совета Труда и обороны. 10 сентября 1929. № 54. С. 1078.

³⁷ *Сапожников Б. Г.* Китай в огне войны (1931–1950). М., 1977. С. 20–24.

³⁸ *Семенов Б.* Японо-китайские отношения // Морской Журнал (далее — МЖ). 1928. № 1. С. 4.

вопросов: земельная собственность, железные дороги, контроль над денежным обращением и налогами. Правитель Манчжурии (уже признавший власть Чан Кай-ши) маршал Чжан Цзо-лин не отказывался от предложений, но постоянно саботировал переговоры³⁹. Между тем в Токио стали приходить к мысли о необходимости занять более жесткую линию по отношению к Китаю. 27 июня 1927 г. в столице Японии была созвана «восточная конференция» — совещание, в котором приняли участие главы правительств, Военного, Морского министерств, МИДа, дипломаты, аккредитованные в Китае. 7 июля была принята «Политическая программа в отношении Китая»⁴⁰. В ней излагался японский взгляд на Маньчжурию и Монголию — эти территории признавались не китайскими. Но эта программа включала в себя и внутриполитические задачи. Необходимо было вернуть страну на путь, который повел бы ее к настоящему величию, а также вывести армию из-под влияния и контроля коррумпированных политиков. Участники совещания требовали проведения твердого правительственного курса⁴¹.

В 1931 г. японцы перешли к действиям. 17 сентября 1931 г. император отдал приказ о приведении армии в боевую готовность. Общее руководство осуществлял полковник Доихара Кэндзи. Работа, которую вели японцы, прошла незамеченной — Чан Кай-ши и его союзники были слишком заняты борьбой с «красными бандитами». Подчиненные Кэндзи — полковник Итагаки Сейчиро⁴², подполковник Ичихара Канджи и майор Ханая Тадаши — имитировали под Мукденом нападение на принадлежавшую Японии линию железной дороги. Она имела длину свыше 1100 км при ширине не менее 62 м и проходила по отчужденной от Китая территории, подлежащей управлению администрации дороги. Ночью 18 сентября 1931 г. патруль японцев под командованием поручика Суемори Камомота был обстрелян группой китайских солдат, по японским данным — от 300 до 500 человек. Начался бой, в результате, по донесению японского офицера, был взорван кусок рельса длиной около метра. Патруль Квантунской армии, по отчету ее офицеров,

³⁹ Канторович А. Новые формы борьбы за Манчжурию // МЖ. 1928. № 3. С. 8–9.

⁴⁰ Кошкин А. А. Японский фронт маршала Сталина. Россия и Япония: тень Цусимы длиной в век. М., 2004. С. 26.

⁴¹ Министру Двора Его Превосходительству Икки Киюкомуро. О Позитивной политике в Маньчжурии и Монголии // История войны на Тихом океане. М., 1957. Т. 1. Агрессия в Маньчжурии. С. 353–356.

⁴² За военные преступления по приговору Токийского трибунала казнен в 1948 г.

преследовал китайцев до казармы в Мукдене, которой овладел штурмом. Китайский гарнизон был уничтожен через 5 часов после начала боя. Эти события и стали предлогом для вторжения в Маньчжурию.

Японская армия мирного времени равнялась тогда 250 тыс. человек, ее силы в Маньчжурии были относительно невелики. Их основу составляла 2-я пехотная дивизия под командованием ген. — л. Тамоно Джиро (две бригады), усиленная кавалерийским и артиллерийским полками, батальоном и ротой саперов, сигнальной частью. Вместе с охраной дороги, жандармами и гарнизоном Квантуна это составляло не более 10,4 тыс. человек. У наследника Чжан Цзо-лина — маршала Чжан Сюэ-ляна было около 250 тыс. регулярных и около 80 тыс. иррегулярных войск, но основные силы концентрировались в районе Пекина. В Маньчжурии находилось от 3 до 5 бригад, растянутых по железной дороге и корейской границе. Превосходство в численности все равно оставалась за китайцами. Японцы исходили из того, что при таком соотношении сил им может помочь только наступление. Уже на следующий день после инцидента важнейшие станции Мукден и Чанчунь были в руках японцев. Потерь почти не было. В Мукдене было убито 400 китайских и 2 японских солдата⁴³.

В это время заканчивался третий поход Чан Кай-ши против коммунистов. Те довольно энергично противостояли чанкайшистам и быстро переходили от обороны к наступлению⁴⁴. Основные принципы борьбы с гоминьдановцами впервые сформулировал Чжу Дэ. Они получили название «16 иероглифов»⁴⁵. Мао Цзе-дун изложил их в стихах: «Ты наступаешь — я отступаю. Ты отступаешь — я преследую. Ты останавливаешься — я тебя тревожу. Ты устал — я бью»⁴⁶. Позже Мао разъяснял: «Сунь-цзы говорил: “Уклоняйся от боя, когда противник стремительно рвется вперед, бей его, когда он, расслабленный, воз-

⁴³ Веселовский Н. Япония и ее Вооруженные силы. М., 1932. С. 20; Penlington J. N. The Mukden mandate. Acts and aims in Manchuria. Tokio, 1932. P. 1; Бушманов Н. С. Боевые действия японской армии в Маньчжурии и Шанхае. 1931–1933 гг. М., 1940. С. 17; Капозников Б. Г. Китай в огне войны... С. 26–27; Iriye A. The origins of the Second World war in Asia and the Pacific. Lnd. and N.-Y. 1987. P. 6–8; Coax A. D. Nomonhan. Japan against Russia, 1939. Stanford University Press. 1985. Vol. 1. P. 2, 20, 24, 26–27, 30; Bergamini D. Japan's Imperial conspiracy. Lnd., 1971. P. 415–415, 425–426; Cadosoci T. Политическая стратегия Японии до начала войны. М., 2016. С. 8.

⁴⁴ Ху Цяо-му. Тридцать лет Коммунистической партии Китая. С. 37.

⁴⁵ Пожилов И. Б. Чжу Дэ. Политическая биография. М., 2011. С. 84.

⁴⁶ Эми Сю. Мао Цзе-дун. Чжу Дэ. М., 1939. С. 26.

вращается назад”, говоря так, он имел в виду моральное и физическое истощение противника с целью уничтожения его превосходства»⁴⁷.

Эта тактика партизанской войны долгое время с успехом применялась китайской Красной армией. Она не давала противнику передышки. Один из чанкайшистских генералов жаловался: «Толстых загоняли до худобы, худых загоняли до смерти»⁴⁸. Красная армия Китая постоянно увеличивалась. С 1928 по начало 1930 г. коммунисты создали 10 корпусов численностью от 2 до 10 тыс. человек. Общая их численность составила 60 тыс. человек. Для повышения уровня командного состава была создана Военная академия во главе с преподавателем школы Вампу Е Цзянь-ином⁴⁹. Нанкину было не до организации борьбы с японцами.

24 сентября 1931 г. японское правительство сделало первое заявление по вопросу о событиях в Маньчжурии. Оно явно свидетельствовало о том, что Токио не намерен останавливаться: «Императорское правительство всегда и искренне поддерживало дружественные отношения с Китаем, твердо придерживаясь курса, направленного на обеспечение сосуществования и сопроцветания между обоими государствами и не жалело сил для решительного его осуществления. К сожалению, за последние несколько лет китайское правительство и частные лица совершили ряд поступков, оскорбляющих национальные чувства нашего народа. За последнее время участились досадные инциденты в районе Маньчжурии и Монголии, где наша страна имеет особо важные интересы. Среди широких слоев народа нашей страны создалось впечатление, что китайская сторона отказывается пойти навстречу нашей справедливой и дружественной политике»⁵⁰. Японские войска, по мнению Токио, вынуждены были заняться самозащитой, по окончании которой они должны будут вернуться в отчужденную зону Южно-Маньчжурской железной дороги⁵¹. Теперь настало время для Чан Кай-ши оценить помощь Лиги Наций и Великобритании.

⁴⁷ *Мао Цзэ-дун*. Стратегические вопросы революционной войны в Китае (декабрь 1936 года) // Избранные произведения по военным вопросам. М., 1958. С. 123.

⁴⁸ *Elliot-Bateman M.* Defeat in the East. The mark of Mao Tse-tung on war. Lnd., 1967. P. 82.

⁴⁹ *Юрьев М. Ф.* Красная армия Китая. М., 1958. С. 102, 122.

⁵⁰ Первое заявление императорского правительства по поводу маньчжурских событий (24 сентября 1931 года) // История войны на Тихом океане. М., 1957. Т. 1. Агрессия в Маньчжурии. С. 357.

⁵¹ Там же. С. 358.

Между тем международная реакция на оккупацию Маньчжурии была вялой. В британском МИДе господствовало мнение — виноваты китайцы, хотя японцы переборщили с наказанием. Роберт Ванситарт, постоянный секретарь Форин-офис, был краток и категоричен: «Китайцы напрашивались на проблемы и получили их»⁵². Эта позиция оказалась определяющей для Лиги Наций. Поначалу новость об инциденте не вызвала здесь беспокойства. В Женеве не ожидали развития конфликта и решили отправить в Маньчжурию комиссию под руководством лорда Виктора Литтона, который должен был разобраться в причинах произошедшего, не делая при этом никаких выводов⁵³.

Литтон был сыном вице-короля Индии, успевшим послужить и во флоте, и в индийской колониальной администрации, и, по его собственному признанию, мало что знал о Японии. В Маньчжурию он отправился через Токио⁵⁴. В это время в Маньчжурии уже шли военные действия. «Оккупация эта, — отмечал ее очевидец, — была произведена необыкновенно отчетливо и быстро и почти без потерь»⁵⁵. 26 октября правительство Японии сделало второе заявление по вопросу о Маньчжурии. Оно было гораздо проще — ответственность за случившееся была возложена на китайскую сторону, урегулировать последствия «провокационных действий китайской армии» предлагалось путем отказа от агрессии, уважения территориальной целостности, подавления антияпонских движений и признания особых интересов Японии в Маньчжурии⁵⁶.

Командующий Квантунской армией генерал-лейтенант барон Сигеру Хондзе 4 октября 1931 г. издал обращение к жителям Маньчжурии — он призывал их к сотрудничеству, так как японская армия пришла, чтобы защитить их от насилия и бандитизма и водворить «мир на Востоке»⁵⁷. Японские атаки были внезапными, но в ряде случаев китайские гарнизоны оказали упорное сопротивление. Большое значение имело широкое использование японцами авиации и броневых автомобилей. Заметным было лишь сопротивление партизан, правда, оно

⁵² Rose N. Vansittart: Study of a diplomat. Lnd., 1978. P. 103.

⁵³ Walters F.P. A history of the League of Nations. Lnd., 1967. P. 463, 481.

⁵⁴ Bergamini D. Japan's Imperial conspiracy. P. 489.

⁵⁵ Суворин Б. [А.] В Манчжурии 1932 г.: действия японцев зимой по занятию Манчжурии // Часовой. Париж. 1934. 15 янв. № 118–119. С. 12.

⁵⁶ Второе заявление императорского правительства по поводу маньчжурских событий (25 октября 1931 года) // История войны на Тихом океане. М., 1957. Т. 1. Агрессия в Маньчжурии. С. 360–361.

⁵⁷ Penlington J.N. The Mukden mandate... P. 68.

было стихийным и не имело центрального руководства. Фактически это были крестьянские отряды, плохо вооруженные и почти необученные, действовавшие в своих районах⁵⁸. Чжан Сюэ-лян обратился за советом к своему побратиму. Чан Кай-ши посоветовал не втягиваться в войну с японцами.⁵⁹ В 1931 г., в разгар боев в Маньчжурии, Чан Кай-ши отдал приказ по своим армиям: «Избегать расширения инцидента, решительно не допускать столкновения»⁶⁰. Причина была проста — в Китае шла гражданская война.

Основные силы Чжан Сюэ-ляна начали отход в сторону Пекина. Обзор событий в Маньчжурии, сделанный Генеральном штабом РККА, гласил: «1. Боевые действия в Маньчжурии велись или при отсутствии сопротивления, или при недостаточном сопротивлении китайских войск, имевших приказ не оказывать сопротивления японским войскам; только некоторые из столкновений могут быть по существу названы боями. 2. Существенное место в операциях занимала борьба с партизанскими отрядами, имевшая существенно специфический характер»⁶¹. Осенью 1928 г. Мао Цзе-дун дал следующую оценку новой ситуации, которая возникла в Китае: «Нынешнее господство новых, гоминьдановских милитаристов представляет собой, как и прежде, господство компрадоров в городе и тухао и лешэнь⁶² в деревне; во внешней политике это означает капитуляцию перед империализмом, во внутренней — замену старых милитаристов новыми и дальнейшее усиление экономической эксплуатации и политического угнетения рабочих и крестьян»⁶³.

В Маньчжурии начала работу комиссия лорда Литтона. Работа шла под контролем японцев, которые не допускали к Литтону и его сотрудникам нежелательных им лиц⁶⁴. Командующий Квантунской армией принял решение пускать комиссию (в нее входило 5 человек, включая лорда) повсюду, предварительно подготовив почву. Из госпиталей, которые посещал Литтон, исключались англоговорящие раненые

⁵⁸ Бушманов Н. С. Боевые действия японской армии в Маньчжурии... С. 26, 49–52.

⁵⁹ Morwood W. Duel for the Middle Kingdom... P. 229.

⁶⁰ Кутаков Л. Н. История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962. С. 107.

⁶¹ Японская армия в Маньчжурии и Китае (первые итоги операций). Издание IV Управления штаба РККА. Для служебной работы. М., 1932. С. 3.

⁶² Кулаки и помещики.

⁶³ Мао Цзе-дун. Почему в Китае может существовать красная власть? (5 октября 1928 года) // Избранные произведения. Пекин, 1967. Т. 1. С. 71.

⁶⁴ Сапожников Б. Г. Китай в огне войны... С. 30.

и больные, в Харбине по разного рода подозрениям арестовали 1361 человека, было даже введено денежное вознаграждение за донос на умысел на подачу жалобы на имя Литтона. Зато петиции с похвалами и благодарностями лились рекой⁶⁵. Литтон, очевидно вдохновившись такими свидетельствами, даже сопротивление китайцев называл бандитизмом⁶⁶. Это весьма соответствовало настроениям в Японии — большинство ее жителей по-прежнему относились к Англии как к союзнику⁶⁷. Британский посол в Токио сэр Фрэнсис Линдли также был настроен прояпонски и советовал своему правительству поддержать Японию. Свою роль сыграли и взгляды дипломата на СССР как на угрозу британским интересам в регионе⁶⁸.

Комиссия все же установила, что повреждения железной дороги в результате взрыва были столь ничтожны (если вообще были), что через 15–20 минут через поврежденный участок прошел по расписанию скорый поезд на Чанчунь⁶⁹. Наличие каких-либо выводов было тем более удивительно, при том что поначалу Литтону не смогли даже показать место подрыва. Офицеры штаба Квантунской армии забыли его⁷⁰. Фальшивка с нападением на ЮМЖД была столь очевидной и столь грубой, что безусловно можно утверждать: японские власти не были очень озабочены изысканием повода для своей агрессии⁷¹. Доклад комиссии Литтона был довольно противоречивым документом. Прав был современник, отмечавший: «Доклад написан эзоповским дипломатическим языком с тысячью оговорок, с “беспристрастным” приведением подряд всех показаний и доводов “за” и “против”, с множеством противоречий»⁷². В нем было немало рассуждений об истории бандитизма в Китае в разные эпохи. Литтон считал необходимым особо отметить, что зачастую с бандитами сотрудничают армии, собранные местными генералами, а также и то, что возник новый вид угрозы

⁶⁵ *Bergamini D.* Japan's Imperial conspiracy. P. 490.

⁶⁶ *Сапожников Б. Г.* Китай в огне войны... С. 30.

⁶⁷ *Cartazzi H., Nish I., Grove P. Hoare J. E.* British envoys in Japan. 1859–1972. Scarborough, 2004. P. 124.

⁶⁸ *Ibid.* P. 135.

⁶⁹ *Смирнов Л. Н., Зайцев Е. Б.* Суд в Токио. М., 1984. С. 22–23.

⁷⁰ *Бушманов Н. С.* Боевые действия японской армии в Маньчжурии... С. 21.

⁷¹ История дипломатии. М.; Л., 1945. Т. 3. Дипломатия в период подготовки Второй Мировой войны (1919–1939 гг.). С. 430–431.

⁷² *Терентьев Н.* Доклад Литтона // Мировое хозяйство и мировая политика (далее МХиМП). 1932. № 11–12. С. 49.

существующему порядку и японо-китайским отношениям — коммунизм⁷³. Эти настроения были характерны не только для Англии.

Русская революция и успехи освободительного движения на юге Китая начали сказываться во французском Индокитае. Эта колония была весьма доходным владением Французской республики. Уголь, цинк, олово, вольфрам, рис — все это вывозилось отсюда⁷⁴. Условия труда местных крестьян были тяжелейшими, оплата мизерной, широко использовался женский и детский труд⁷⁵. С 1925 г. во Вьетнаме началась волна массовых выступлений крестьянства, забастовок протеста, демонстраций. Формировались националистические партии⁷⁶. Часть вьетнамцев, прошедших через войну и эмиграцию, оказалась под влиянием революционных событий и Французской коммунистической партии. Одним из них был Хо Ши-мин. Позже он напишет: «Подобно тому, как восходящее солнце гонит прочь тьму, так Октябрьская революция озарила новым светом историю человечества»⁷⁷.

В 1923 г. он приехал в Москву и с самого начала обратил самое серьезное внимание на создание будущих кадров. В период с 1925 до конца 1930-х гг. в советских вузах получили образование более 60 вьетнамцев⁷⁸. 6 января 1930 г. в Гонконге по инициативе Хо Ши-мина коммунистические организации французского Индокитая объединились в Коммунистическую партию Индокитая⁷⁹. В ночь с 9 на 10 февраля 1930 г. в форте Иен-Бай в 160 км от Ханоя начался мятеж двух рот тонкинских стрелков. Вскоре он был подавлен⁸⁰. Заговор был подготовлен

⁷³ League of Nations. Appeal by the Chinese government. Report of the Commission of enquiry by Viktor Bulwer-Lytton (1932). Series of League of Nations Publications. VII. Political. Geneva. Oct. 1, 1932. Vol. VII. № 12. P. 19–24.

⁷⁴ Шилтова А. П., Мордвинов В. Ф. Национально-освободительное движение во Вьетнаме (1858–1945). М., 1958. С. 76–77.

⁷⁵ Виоллис А. Индо-Китай. S.O.S. M., 1936. С. 30–36.

⁷⁶ Шилтова А. П., Мордвинов В. Ф. Национально-освободительное движение во Вьетнаме... С. 106.

⁷⁷ Хо Ши Мин. Октябрьская революция и освобождение народов Востока. М., 1957. С. 5.

⁷⁸ Соколов А. А. Коминтерн и Вьетнам. Подготовка вьетнамских политических кадров в коммунистических ВУЗах СССР. 20–30-е годы (Историко-политический очерк). М., 1998. С. 27, 35.

⁷⁹ Шилтова А. П., Мордвинов В. Ф. Национально-освободительное движение во Вьетнаме... С. 106.

⁸⁰ Haslam J. Soviet foreign policy, 1930–1933. The impact of depression. Hong-Kong, 1983. P. 34.

националистами, которые планировали выступление в Северном Вьетнаме. 15 февраля восстание началось в нижней дельте Тонкина, но совместного выступления с военными не удалось — оно также было подавлено. Против восставших крестьян французские власти использовали даже авиацию. Репрессии были жестокими, часть повстанцев бежала к чанкайшистам⁸¹. Стабильного контроля над Индокитаем у Парижа уже не было⁸². В сентябре 1930 г. активизировалось крестьянское движение⁸³. Восставшим удалось создать на несколько месяцев в ряде уездов центрального Вьетнама советские районы⁸⁴.

В Париже надеялись, что проблемы в Маньчжурии отвлекут внимание как китайского правительства, так и Москвы от французской колонии⁸⁵. Правые круги Третьей республики считали, что усиление Японии приведет к конфликту с СССР, и открыто заявляли, что только Токио в состоянии будет разгромить большевизм⁸⁶. Все эти расчеты были на руку японцам. С другой стороны, что касается Маньчжурии, то эта территория, в результате колонизации китайского крестьянства, по мнению Литтона, стала к концу 1920-х гг. китайской. Из 30 млн ее населения 28 млн он определил китайцами или китаизированными маньчжурами. Всех иностранцев (включая японцев, корейцев и русских) — около 400 тыс.⁸⁷ Описание инцидента на железной дороге в целом было не в пользу японской версии событий⁸⁸. Это же касалось и нового государства, которое было фактически названо созданием японских военных и чиновников⁸⁹. После войны на Токийском трибунале японские военные признали запланированный характер пропаганды, а документы комиссии Литтона, утверждавшей, что ни о какой самообороне японской стороны и речи быть не может, вошли в основу документов обвинения⁹⁰. Разумеется, в 1931 г. эти свидетельства

⁸¹ Шилтова А. П., Мордвинов В. Ф. Национально-освободительное движение во Вьетнаме... С. 107.

⁸² Haslam J. Soviet foreign policy, 1930–1933... P. 34.

⁸³ Хо Шу Мин. Октябрьская революция... С. 20.

⁸⁴ Шилтова А. П., Мордвинов В. Ф. Национально-освободительное движение во Вьетнаме... С. 109.

⁸⁵ Haslam J. Soviet foreign policy, 1930–1933... P. 97.

⁸⁶ Ibid. P. 98.

⁸⁷ League of Nations. Appeal by the Chinese government. Report of the Commission of enquiry by Viktor Bulwer-Lytton (1932)... P. 25.

⁸⁸ Ibid. P. 66–84.

⁸⁹ Терентьев Н. Доклад Литтона // МХИМП. 1932. № 1. С. 55.

⁹⁰ Смирнов Л. Н., Зайцев Е. Б. Суд в Токио. С. 23–24.

были проигнорированы. Разумеется, в 1931 г. официальная версия Токио гласила, что Япония не желала этого конфликта и не готовилась к нему⁹¹.

Эта версия и была озвучена правительством островной империи 24 сентября 1931 г. Ответственность за инцидент была возложена на китайские власти, которые постоянно занимались провокациями и антияпонской пропагандой, что ставило под угрозу жизнь и собственность подданных микадо в Северо-Восточном Китае. После разрушения китайских гарнизонов, по версии Токио, «забота о поддержании мира и общественного порядка была возложена на мирные китайские организации, под надзором японских войск»⁹². Естественно, вскоре одной из причин наступления Токио объявил необходимость бороться с «китайскими красными партизанами» и корейскими коммунистами, которые действовали опираясь на свои якобы существующие базы в Благовещенске⁹³.

Эта демагогия не была беспочвенной. В Лиге Наций ожидали, что Япония наведет должный порядок в Маньчжурии, после чего выведет оттуда свои войска⁹⁴. Новый порядок весьма энергично приветствовала белая эмиграция. Ее представители с удовлетворением отмечали более благоприятное отношение к себе со стороны новой власти⁹⁵. Японский представитель в Лиге в октябре 1931 г. с охотой обсуждал проблемы мира, но избегал разговоров о выводе войск⁹⁶. 24 октября 1931 г. Совет Лиги Наций принял резолюцию о выводе японских войск из Северо-Восточного Китая в трехнедельный срок, т. е. он должен был завершиться к 16 ноября 1931 г. Представитель Японии проголосовал против, и в результате решение потеряло обязательный характер⁹⁷. Это означало, что Токио сохранил свободу рук

⁹¹ Хаттори Т. Япония в войне 1941–1945. М., 1973. С. 24.

⁹² Декларация Японского Правительства. 24 сентября 1931 года // Сборник документов по международной политике и международному праву. М., 1932. Вып. 3. Японо-китайский конфликт. План Гувера и репарационная проблема. Деятельность Лиги наций и др. С. 18.

⁹³ Заявление ТАСС об антисоветских провокациях японских властей в Манчжурии. 14 ноября 1931 г. // Документы внешней политики СССР. М., 1968. Т. 14. 1 января — 31 декабря 1931 г. С. 645.

⁹⁴ Scott G. The rise and fall of the League of Nations. Lnd., 1973. P. 212.

⁹⁵ Суворин Б. [А.] В Манчжурии 1932 г.: действия японцев зимой по занятию Манчжурии // Часовой. Париж. 1934. 15 янв. № 118–119. С. 12.

⁹⁶ Scott G. The rise and fall of the League of Nations. P. 214.

⁹⁷ Кутаков Л. Н. История советско-японских... С. 107.

в Маньчжурии, и одновременно вопросом ближайшего будущего ставилась перспектива выхода японских войск на советско-китайскую границу по Амуру и в Приморье.

31 декабря 1931 г. народный комиссар иностранных дел М. М. Литвинов на встрече со своим японским коллегой Кенкити Иосидзава затронул вопрос о состоянии советско-японских отношений. Министр находился в Москве по пути из Парижа в Токио. Наркоминдел сообщил о желании советского правительства выстроить систему договоров о ненападении по всему периметру границ СССР, о ведущихся переговорах с соседями, с которыми еще не было заключено таких соглашений. Он предложил заключить такое соглашение и с Японией. Литвинов понимал, что Иосидзава не может дать ответа немедленно, без консультации с коллегами по кабинету, и предложил обсудить этот вопрос по возвращении. Японский дипломат предпочел уклониться от продолжения беседы на эту тему⁹⁸. Токио проигнорировал предложение советского правительства⁹⁹. Полпред СССР в Японии 9 января 1932 г. на встрече с представителями местной прессы заявил, что «создание конфликта между нами и Японией всецело зависит от последней»¹⁰⁰. Неофициальный ответ японской стороны на очередное предложение о заключении пакта о ненападении последовал вскоре после этого: в соглашении нет смысла, ввиду отсутствия у Токио агрессивных планов¹⁰¹.

Между тем «неагрессивные» военные действия японцев в Маньчжурии затянулись. Причина была проста — у них поначалу попросту не было сил для движения на север. После непродолжительных боев 5 февраля 1932 г. они заняли Харбин. Опять дело решили бронемашины и самолеты. Китайцы несли большие потери и отступали на север¹⁰². 4–5 декабря 1932 г. остатки китайских войск, прижатых к советской границе в районе станции Отпор Читинской области, перешли

⁹⁸ Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Министром Иностранных Дел Японии Иосидзава. 31 декабря 1931 г. // Документы внешней политики СССР. М., 1968. Т. 14. 1 января — 31 декабря 1931 г. С. 746–748.

⁹⁹ *Bix H.P.* Hirohito and the making of the modern Japan. Harper and Collins. 2000. P. 248–249.

¹⁰⁰ Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии А. А. Трояновского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР. 10 января 1932 г. // Документы внешней политики СССР. М., 1969. Т. 15. 1 января — 31 декабря 1932 г. С. 19.

¹⁰¹ *Кутаков Л. Н.* История советско-японских... С. 115.

¹⁰² *Бушманов Н. С.* Боевые действия японской армии в Маньчжурии... С. 61.

ее, где они были разоружены и интернированы. Из 4009 человек, перешедших советскую границу, было 2400 солдат, 11 генералов, 369 офицеров и 18 прапорщиков. Остальные были гражданскими лицами¹⁰³. Японцы потребовали выдачи китайских военных, на что последовал категорический отказ¹⁰⁴. Вскоре границу перешло еще около 9 тыс. человек. Было принято решение переправить военных в Синьцзян, а гражданских — в центральную часть Китая через Владивосток¹⁰⁵.

Результатом курса Чан Кай-ши стала фактическая международная изоляция Китая во время оккупации трех северо-восточных провинций Китая японцами и создания там марионеточного государства Маньчжоу-го, которое превратилось в плацдарм для дальнейших действий японцев, которые привели к созданию очага Второй мировой войны на Дальнем Востоке. Только после завершения оккупации Маньчжурии, 12 декабря 1932 г., Советский Союз и Китай восстановили дипломатические отношения, прерванные в 1929 г., в полном объеме¹⁰⁶. Глава НКВД М. М. Литвинов дал пространное интервью по поводу случившегося, в котором он заявил: «Это вполне нормальный акт, по-моему, вряд ли он нуждается в объяснениях. Объяснять нужно разрыв отношений между государствами или отказ от них как явления, нарушающие нормальную международную жизнь и составляющие иногда угрозу миру. Нет надобности останавливаться на событиях, которые несколько лет тому назад привели к разрыву между СССР и Китаем. Мне достаточно напомнить, что события эти имели место не по инициативе СССР. Политика СССР диктует установление и сохранение нормальных отношений со всеми государствами и не рассматривает разрыв или отказ от отношений как подходящее средство для урегулирования международных вопросов. Вряд ли какое бы

¹⁰³ Из справки Главного управления пограничной охраны и войск ОГПУ о переходе на советскую территорию с территории Маньчжоу-го и интернировании китайских воинских частей под командованием генерала Су Бен-вена. 5 декабря 1932 г. // Пограничные войска СССР, 1929–1938. Сборник документов и материалов. М., 1973. С. 382–383.

¹⁰⁴ Сообщение ТАСС о беседах Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Л. М. Карахана с Временным Поверенным в Делах Японии в СССР Амо о судьбе генерала Су Бин-вэня. 10 декабря 1932 г. // Документы внешней политики СССР. М., 1969. Т. 15. 1 января — 31 декабря 1932 г. С. 676–678.

¹⁰⁵ *Мировицкая Р. А.* Советский Союз и Китай... С. 82–84.

¹⁰⁶ Обмен нотами между Народным Комиссаром Иностранных Дел СССР и Главной делегацией Китая на Конференции по разоружению о восстановлении дипломатических и консульских отношений между СССР и Китаем // Документы внешней политики СССР. М., 1969. Т. 15. 1 января — 31 декабря 1932 г. С. 680–681.

то ни было государство, прибегавшее к этому средству, может похвастаться успехом в деле разрешения спорных с СССР вопросов. Я уверен, что вряд ли и в Китае может кто-либо сейчас думать, что печальные события, приведшие к разрыву отношений между СССР и Китаем, принесли последнему какую-либо пользу»¹⁰⁷.

¹⁰⁷ Интервью Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М. М. Литвинова по поводу восстановления дипломатических отношений между СССР и Китаем. 12 декабря 1932 г. // Документы внешней политики СССР. М., 1969. Т. 15. 1 января — 31 декабря 1932 г. С. 681.

В. А. Зубачевский¹

Германо-Польское сотрудничество в сфере образования и пропаганды (1934–1938 гг.) как фактор подготовки к войне с Польшей

У становление нацистской диктатуры в Германии Ю. Пилсудский и его ближайшее окружение рассматривали как важную для себя положительную перемену. Польские правящие круги еще в 1932 г. полагали, что утверждение у власти нацистов будет длительным процессом и в их интересах явится ослабление германо-польской напряженности².

Эти взгляды отразил доклад 18 марта 1933 г. польского сенатора Т. Кательбаха, который заявил, что в Германии на смену умирающему прусскому национализму, опирающемуся на авторитет Гинденбурга, идет новый национализм. Для австрийца А. Гитлера главной внешнеполитической задачей является аншлюс, отметил сенатор, и, «может, в скором времени Берлин станет “пограничным городом”, а его место займет другой город, переименованный в “Гитлербург”?» «Гитлер, — по словам Кательбаха, — понимает опасность агрессии против Польши и не пойдет на нее»³.

Гитлер воспользовался просчетом польских политиков и пошел после краткой антипольской кампании на сближение с Польшей. В конце мая фюрер, беседуя с дипломатом Г. Дирксеном, заметил: «Если бы только мы могли договориться с Польшей! Но Пилсудский —

¹ Зубачевский Виктор Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, социологии и политологии Омского государственного педагогического университета (г. Омск).

² Wysocki A. Tajemnice dyplomatycznego seifu. W., 1974. S. 92, 93.

³ Katelbach T. Niemcy na przełomie // Straznica Zachodnia. 1932. № 4. S. 409–413 (номер отпечатан в 1933 г.).

единственный человек, с которым это было бы возможно»⁴. Советские дипломаты сразу обратили внимание на изменение политики Гитлера. Нарком иностранных дел М. М. Литвинов сказал 23 марта 1933 г. посланнику Польши в Москве Ю. Лукасевичу: «движение на юг для Гитлера представляет меньшую опасность <...> военного столкновения, чем на восток <...> Сам Гитлер как австриец <...> стремится <...> скорее инкорпорировать Австрию, чтобы таким образом стать рейхсдейче»⁵.

Скептически отнеслись к германо-польскому сближению отдельные политики Франции и Б. Муссолини, у которого с Гитлером были разногласия по поводу Австрии. Однако германо-польское сближение продолжалось. Пилсудский после выхода 14 октября 1933 г. Германией из Лиги Наций начал встречное движение. 18 октября 1933 г. бывший кайзеровский офицер граф Ю. Липский вручил верительные грамоты президенту П. фон Гинденбургу.

15 ноября Гитлер встретился с Липским. Посланник поставил вопрос о последствиях выхода Германии из Лиги Наций для отношений с Польшей. Беседа Липского с Гитлером носила, впрочем, односторонний характер — говорил один канцлер, повторяя сказанное им публично; имело значение, «пожалуй», что он подчеркнуто сказал — «я не пруссак». Из переговоров исключались вопросы территориальные и о разоружении. О беседе Гитлера и Липского 20 ноября говорили полпред в Варшаве В. А. Антонов-Овсеенко и министр иностранных дел Ю. Бек, который пришел к выводу, что с Германией надо искать новый модус вивенди. На замечание, что территориальный вопрос не разрешен, Бек заметил: это верно, мы не допускаем и разговора по этому вопросу. Министр с удовлетворением отметил, что в Москве польско-германское соглашение принято спокойно⁶.

Германо-польские переговоры закончились 26 января 1934 г. подписанием «Декларации о мирном разрешении споров» между Германией и Польшей. По настоянию Германии пакт о ненападении получил менее обязывающие, чем договор, название и форму — декла-

⁴ Дирксен Г. Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики. М., 2001. С. 163–164.

⁵ ДВП СССР. Т. 16. М., 1970. Д. 90. С. 182–183.

⁶ 27 ноября 1933 г., Варшава. Из дневника полпреда СССР в Польше В. А. Антонова-Овсеенко о беседах с министром иностранных дел Польши Ю. Беком, редактором «Газеты польской» Б. Медзиньским, редактором «Курьера поранного» В. Степчиньским и публицистом «Газеты польской» И. Матушевским о польско-германском сближении // ДМИСПО. М., 1969. Т. VI. Д. 74. С. 107–108, 110.

рация. В тексте документа не содержалось признание Германией статус-кво восточной границы, было зафиксировано обязательство решать спорные вопросы путем «непосредственных переговоров» и «не прибегать к применению силы», что на практике не исключало давления на Польшу. Немецким дипломатам удалось обойти вопрос о германо-польской границе, при этом внушив Польше, что этот документ является основой ее безопасности⁷. Смысл пакта, по мнению польских правящих кругов, состоял в тактическом укреплении позиций Польши в ее отношениях с Германией и западными державами, должен был содействовать решению важных, с точки зрения пилсудчиков, задач. Однако член коллегии НКВД Б. С. Стомоняков в письме 4 февраля 1934 г. Антонову-Овсенко обратил внимание на отсутствие «в пакте обычной клаузулы об утере пактом силы <...>, если другая сторона нападет на какое-нибудь третье государство»⁸.

Историк В. В. Соколов заметил, что польское правительство никогда в 1930-е гг. не придерживалось «принципа равноудаленности» или «принципа равновесия», которые отражали лозунг «ни шага ближе к Берлину, чем к Москве». Достаточно вспомнить, сколько раз был Бек в Берлине и сколько раз он принимал высоких германских гостей в Варшаве. В Москве же Бек был с визитом в феврале 1934 г. и даже не дождался возвращения в столицу И. В. Сталина, бывшего в отъезде, что явилось ошибкой Бека⁹.

Заметим, что еще в августе 1933 г. предпринимались попытки «исторического обоснования» германо-польского сближения. 21–27 августа в Варшаве состоялся Международный конгресс историков. К нему немецкие ученые подготовили объемный труд «Германия и Польша». В нем, например, они писали: «Во всей истории <...> теперешняя Германия была той, которая всегда спешила на помощь молодому и неопытному соседу»¹⁰.

24 февраля 1934 г. в Варшаве состоялся обмен ратификационными грамотами германо-польской декларации, подписанной 26 января

⁷ Kalisch J. Zur Genesis der «deutsch-polnischen Nichtangriffserklärung vom 26. Januar 1934» // Wiss. Ztschr. Rostock. 1976. Hf. 2. S. 171–180.

⁸ ДВП СССР. Т. 17. М., 1971. Д. 42. С. 108.

⁹ Соколов В. В. Польский внешнеполитический узел в преддверии Второй мировой войны // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия. Сб. статей. М., 2001. С. 88–89.

¹⁰ Цит. по: Климовский Д. С. Зловещий пакт (Из истории германо-польских отношений межвоенного двадцатилетия). Минск, 1968. С. 37.

в Берлине. 24 февраля стороны подписали германо-польский протокол о прессе, по которому средства массовой информации должны были помогать сближению и соглашению Германии и Польши. 27 февраля телеграфные агентства двух стран опубликовали коммюнике об использовании прессы, образования, радио, кинематографа, искусства в интересах взаимопонимания и «дружественной атмосферы». Ликвидировали запрет на ввоз печатной продукции, в частности, 12 нацистских газет¹¹. Особое значение это имело для Германии: немцы, живущие в Польше, могли беспрепятственно получать нацистские издания. Польша заверила, что будет препятствовать распространению антифашистской прессы, выпускаемой немецкими эмигрантами. Протокол о печати продлили в июне 1936 г., но Польша попросила недельную отсрочку, чтобы убедить народ, для которого новая политика в отношении Германии была неясна и непопулярна.

Вскоре появились признаки смягчения германо-польских отношений. В частности, был запрещен реваншистский кинофильм «Страна под крестом», а в Польше — националистический фильм «Апокалипсический всадник». МИД Германии запретил 2-е издание книги Вальтера Реcke «Польский вопрос как проблема европейской политики»¹². Центральные немецкие органы печати в целом воздерживались от грубых выпадов против Польши, поскольку рейх устраивала «унификация» в Данциге и расширение прав верховного комиссара Лиги Наций. Имперское правительство не отягощало германо-польские отношения Данцигским вопросом, но «случайно» пропускало информацию о намерении Польши расширить свои права в «вольном городе». Указания Липского на нарушения протокола отверг Й. Геббельс, заявивший 26 мая 1937 г.: «Пресса должна иметь свободные руки для активной критики, важно, что печать не критикует личности»¹³.

Любимой темой пропаганды стало положение немецкого меньшинства в Польше — «Братья и сестры по ту сторону границы». 22 февраля 1934 г. «*Völkischer Beobachter*» опубликовала статью варшавского корреспондента, в которой он выступил против «тяжелого угнетения немцев»¹⁴. Статья вышла до заключения протокола о прес-

¹¹ Там же. С. 99.

¹² *Recke W.* Die polnische Frage als Problem der europäischen Politik. B., 1927.

¹³ Цит. по: *Kalisch J.* Wirksamkeit und Grenzen des deutsch-polnischen Presseprotokolls vom 24. Februar 1934 // *Wiss. Ztschr.* Rostock. 1976. Hf. 9. S. 1009.

¹⁴ *Völkischer Beobachter.* 1934. 22 Februar.

се, но ее предмет оставался постоянной темой нацистской печати. Протокол о прессе заставлял вести антипольскую пропаганду на закрытых мероприятиях, съездах, вечерних докладах, но она даже усиливалась. Этой цели служил основанный в 1933 г. «Союз восточных немцев», ожила деятельность «Союза немцев за границей». Съезд в Мюнхене 6–10 августа 1934 г. принял решение об активизации «Остфоршунга». Конфиденциально на съезде говорили: «Мы начинаем пропаганду, чтобы через 10 лет слово коридор не приносило огорчения». Образец антипольской пропаганды дал гаулейтер Бреслау Йозеф Вагнер, выступивший 14 апреля 1935 г. на съезде «Союза восточных немцев» в Бохуме с экстремистской речью¹⁵.

Липский 10 марта 1934 г. обязал польские консульства информировать миссию, а затем посольство (ставшее им по инициативе Гитлера) об антипольских акциях. После этого акта руководство НСДАП вынуждено было реагировать на инциденты как «прискорбные» случаи в германо-польских отношениях, обещая предотвращать их в будущем. Однако польская дипломатия вела «страусиную политику», реагируя лишь на очевидные нарушения протокола. Особенно это касалось печати и публичных выступлений. Дали официальный повод для протеста пьесы А. Герцога «Девушка на границе» и Р. Фитце «Народ на границе», обращение Я. Шахта в январе 1936 г. к немецким трудящимся верхнесилезских металлургических заводов. Польское посольство направило только в 1934–1935 гг. 17 протестов на нарушения протокола о прессе, но заметных последствий эти ноты не имели.

Советские дипломаты обращали внимание на активное германо-польское сотрудничество в духовной сфере. Полпред в Варшаве Я. Х. Давтян писал 24 февраля 1935 г. ставшему замнаркома иностранных дел Стомонякову: «Пока что германо-польский флирт продолжается вовсю: триумфальное турне с лекциями по Германии Каден-Бандровского [польский писатель], поездка представителей Варшавского и Краковского муниципалитетов в Дрезден на шопеновские торжества, выставка польской графики в ряде городов Германии, радиопереклички, поездка делегации в составе 20 человек польского министерства коммуникаций в ряд городов Германии и т. д. Польская пресса по-прежнему занимает исключительно дружественную

¹⁵ См.: *Kalisch J.* Wirksamkeit und Grenzen des deutsch-polnischen Presseprokolls... S. 1010.

позицию в отношении Германии, а корреспонденты с “Газеты польской” в Берлине и других городах Европы превозносят Гитлера и его политику. Оппозиционная пресса не смеет писать ничего резкого по адресу германских деятелей и дальше общей информации по внешнеполитическим вопросам не смеет идти. Это, конечно, не мешает Беку всегда повторять мне, что в Польше имеется свобода печати»¹⁶. Однако газета «Роботник» отметила: «польская цензура более рьяно защищает от нападок гитлеровцев, чем даже руководящих деятелей польского государства»¹⁷.

Отношение в Польше к советской культуре становилось все негативнее. Стомояков в письме Давтяну от 19 апреля 1936 г. привел заявление чиновника польского МВД Кавецкого: «в Польшу больше не будут допущены <...> советские книги, фильмы, пьесы и т. п.». Давтян, в свою очередь, сообщил в НКВД 19 апреля об усилении «общего похода против советского культурного влияния»¹⁸.

Особенно показательными для германо-польского сотрудничества были переговоры о содержании школьных учебников. Антисемитизм и расизм, геополитические теории Ф. Ратцеля¹⁹, Р. Челлена²⁰ и К. Хаусхофера²¹ о «недостаточном жизненном пространстве» для немцев использовались в школьном и высшем образовании. Нацистские учителя опирались на традиционное для Пруссии преподавание истории, отвергавшее способность польского народа иметь самостоятельное государство; все социально-экономические и культурные достижения поляков приписывались немецкому «силовому строительству» (культуртрегерство). Только в январе 1936 г. впервые неофициально встретились референт по печати посольства Польши и представитель министерства народного образования. Стороны решили взять за образец встречу немецких и французских историков, выработавших рекомендации для изображения франко-германских отношений в школьных учебниках обеих стран.

Первая официальная встреча состоялась 6–7 апреля 1937 г. в Берлине. Польшу представлял краковский историк Ян Домбровский,

¹⁶ ДВП СССР. Т. 18. М., 1973. Д. 80. С. 136.

¹⁷ Письмо Стомоякова Временному Поверенному в Польше Б. Г. Подольскому. 4 марта 1936 г. // ДВП СССР. Т. 19. М., 1974. Д. 62. С. 118.

¹⁸ ДВП СССР. Т. 19. Д. 234. С. 235–236; Д. 135. С. 239.

¹⁹ *Ratzel F. Politische Geographie. München u. B., 1923.*

²⁰ *Kjellen R. Der Staat als Lebensform. B. — Grünwald, 1924.*

²¹ *Haushofer K. Grenzen in ihrer geographischen und politischen Bedeutung. Heidelberg-B.; Magdeburg, 1939.*

Германию — школьный советник из Бреслау Рудольф Фитцен. В заключительном протоколе было сказано: «<...> обе делегации обращают внимание на исторические и культурные достижения других народов <...> Спорные вопросы не должны раскрываться односторонне <...> На передний план надо выводить те исторические периоды, когда царил дух взаимопонимания <...> искоренить из школьных учебников выражения, задевающие национальные чувства другого народа»²². Однако к проверке польских школьных учебников были привлечены видные «остфоршеры», что насторожило Варшаву. Польские учителя подготовили меморандум: в нем они подвергли критике вышедшие из печати в Германии в 1933–1935 гг. 15 школьных учебников, 4 методических пособия для учителей, 28 пособий для школьников, 4 атласа. Меморандум назвал ряд тем, начиная с истории первобытного общества и создания польского государства при Пястах, требующих корректировки. В немецких учебниках и пособиях прославлялись германская экспансия в средневековье, разделы Польши и прусская политика. 28–29 августа 1937 г. представители сторон встретились на совещании в Варшаве, но немецкие учителя и чиновники не были готовы к серьезной дискуссии, и это обрекло переговоры по школьным учебникам на неудачу²³.

Тем не менее партнерство с Варшавой принуждало Берлин к «дружественным» актам в отношении Польши. «Новый дух» сотрудничества продемонстрировало создание при высшей школе имени Г. Лессинга в Берлине германо-польского института. Школа имени Лессинга была основана перед Первой мировой войной либеральной интеллигенцией. После прихода к власти Гитлера в ходе «ариизации» и «унификации» школу возглавил штандартенфюрер СА Ахим фон Арним. Германо-польский институт должен был пропагандировать внутреннюю и внешнюю политику санационного режима. 25 февраля 1935 г. институт торжественно открыли в присутствии Геринга, Геббельса и Липского. До осени особой активности германо-польский институт не проявлял, и лишь в октябре секретарь польского посольства Ежи Скорковский предложил провести с ноября 1935 г. по июнь 1936 г. 24 лекции силами польских ученых: в частности, 2 — о жизнедеятельности Пилсудского, 3 — на историко-политические темы,

²² Цит. по: *Kalisch J.* Wirksamkeit und Grenzen des deutsch-polnischen Presseprokolls... S. 1013.

²³ *Ibid.* S. 1015.

7 — на культурно-политические и краеведческие темы, 3 — о народном образовании. Секретарь германо-польского института Карл Прагер предложил особое внимание уделить лекциям о польской науке, искусстве, литературе, религии. Мотив: в Германии знают о достижениях Запада в этих сферах, но почти ничего о Польше²⁴.

Самый «привлекательный» лектор должен был читать о Пилсудском: выступление поручили Казимиру Иллакович — известной писательнице и секретаре Пилсудского. Заметим, что после смерти Пилсудского 12 мая 1935 г. Гитлер приказал с 13 по 18 мая приспустить флаги на госучреждениях, а Геринг в день похорон диктатора 21 мая выступил в рейхстаге с траурной речью о «великом маршале». Внимание привлекла лекция «Роль Польши в европейской истории» Оскара Халецкого, который требовал воссоздания польско-литовской федерации в границах Речи Посполитой 1772 г., оценивая Польшу как «оплот христианской западной Европы» против «азиатской большевистской России». Последнюю лекцию «История и современность» прочел 27 мая 1936 г. директор варшавского Восточного института Ольгерд Гурка, обосновывая восточную политику Польши как образцовую. Некоторые темы лекций (положение евреев в Польше, армия, торговля) Польша отклонила.

В апреле 1936 г. германо-польский институт выделился в отдельную организацию, и перед ним встали вопросы бюджета, статута и размещения. В августе Арним беседовал с польским госсекретарем Яном Шембеком во время Олимпийских игр в Берлине. Арним поднял вопрос о создании польско-германского института в Варшаве, который мог стать центром нацистской пропаганды для немецкого меньшинства в Польше. Но в 1937 г. возобновилась пропагандистская война вокруг Данцига. Это дало Липскому повод посетить 26 мая Геббельса: посол сообщил о полезной работе берлинского института и о предстоящем открытии польско-германского института в Варшаве. Но пассивность института усилилась, в 1938 г он еще прозябал. Однако 2 декабря 1938 г. Арним выступил в ратуше Дюссельдорфа с реваншистским докладом «Военно-политическое положение Германии на восточной границе». «Невозможность» такого поведения руководителя института отметило посольство Польши, и с этого времени он прекратил свое существование²⁵. Германо-польское сотрудничество в духовной сфере

²⁴ Ibid. S. 1017.

²⁵ Ibid. S. 1021.

сыграло свою роль на благо III рейха и время учета польских интересов осталось позади.

После Мюнхенской конференции, ставшей прологом Второй мировой войны, 24 октября 1938 г. министр иностранных дел И. фон Риббентроп в беседе с Липским предложил «глобальное решение спорных вопросов между Германией и Польшей», а в марте 1939 г. Гитлер выдвинул свои требования в ультимативной форме.

Советская внешняя политика в 1939–1940 гг.: возвращение своего или оккупация чужого?

В широкомасштабной кампании по внедрению в общественное сознание западной концепции Второй мировой войны, основанной на тождестве нацизма и «сталинизма», особое место отводится присоединению к Советскому Союзу в 1939–1940 гг. Бессарабии, Западной Белоруссии, Западной Украины и Прибалтики. Наряду с пактом Молотова — Риббентропа и во взаимосвязи с ним, эти действия СССР объявляются «вещественными доказательствами» равной ответственности Германии и Советской России за развязывание мировой войны.

Соответственно, предвоенные территориальные приобретения СССР трактуются исключительно как действия, грубо попирающие нормы международного права и преступные по отношению ко всему мировому сообществу. В рамках новой концепции войны их теперь предписывается рассматривать как начальный этап Второй мировой войны, на котором две тоталитарные империи зла совместно решали свои агрессивные задачи. Пакт был «сговором» Сталина и Гитлера против мира и цивилизации, а «четвертый раздел» Польши, «оккупация» Эстонии, Латвии, Литвы и Бессарабии стали его воплощением в жизнь.

При этом, как предписывает считать новая концепция войны, если последствия германской агрессии для ее жертв были ликвидированы в результате Победы, то результаты советской агрессии 1939–1940 гг. до сих пор довлеют над странами Восточной Европы. Даже победа Запада в холодной войне их полностью не устранила. Поэтому вполне естественно, что пересмотр смысла Второй мировой войны неразрывно

¹ *Шишкин Игорь Сергеевич* (г. Москва).

связан с темой «преодоления последствий пакта Молотова — Риббентропа» или, иначе — «последствий оккупации».

Что осудил и отменил Съезд народных депутатов?

Подобный подход был применен уже в Постановлении Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 г. «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года»: «Съезд признает секретные протоколы юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания. Протоколы не создавали новой правовой базы для взаимоотношений Советского Союза с третьими странами, но были использованы Сталиным и его окружением для предъявления ультиматумов и силового давления на другие государства в нарушение взятых перед ними правовых обязательств»².

Какие последствия влечет такая взаимоувязка «преступного» пакта с территориальными приобретениями СССР в 1939–1940 гг., объясняет директор Польского института международных дел Славомир Дембский. Он утверждает, что раз по решению Съезда Секретные протоколы были изначально недействительными, то «не существовало правового основания принадлежности балтийских республик к советской сфере влияния, а также *незаконным было признание граждан прибалтийских государств гражданами СССР и проводимая советскими властями национальная политика на их территории* (выделено мною. — И. Ш.)»³.

Вот так, «легким движением руки», с помощью осуждения пакта отрицают законность присоединения к СССР Прибалтики. А раз незаконно, значит преступно, значит «оккупация», значит русские, поселившиеся на этих территориях после 1940 г., — «гражданские оккупанты», справедливо ограниченные в правах, на них не могут распространяться нормы международного права, гарантирующие политические, социальные и гуманитарные права национальных меньшинств.

На первый взгляд логично. Секретный протокол незаконен и недействителен с момента подписания. Это признал высший орган Советского Союза. Значит, незаконны и все действия СССР, им обусловленные.

² Известия. 1989. 27 дек. С. 2.

³ Дембский С. Мюнхенское соглашение и Пакт Риббентропа — Молотова через семьдесят лет: проблемы, интерпретации влияния // Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков. М., 2009. С. 56.

Нелегитимные действия не могут порождать легитимные последствия. Этой логикой до сих пор активно пользуются, причем не только в рамках научных исследований, но и в практической политике.

Однако не все внешне логичное соответствует действительности. Применительно к пакту Молотова — Риббентропа очень часто, казалось бы, убедительные доводы на поверку оказывались наукообразной формой пропаганды и откровенной дезинформацией. В полной мере это относится и к приведенной выше трактовке Постановления Съезда, при всем уважении к известному польскому историку, крупному специалисту в области международных отношений.

Во-первых, Постановление Съезда народных депутатов в плане **оценки** пакта не является истиной в последней инстанции. Этот документ всего лишь отражал расстановку политических сил в высшем органе власти СССР в период распада страны. В России, в отличие от многих стран Запада, точка зрения парламентского большинства на исторические события не является обязательной для граждан.

В предыдущей главе уже говорилось о том, что оценка пакта, данная в Постановлении Съезда, абсолютно безосновательна. Что ни сам Договор о ненападении, ни прилагавшийся к нему Секретный протокол, не нарушали ни норм действовавшего на тот момент международного права, ни правоприменительной практики того времени. Что за все прошедшие после принятия Постановления десятилетия обличители пакта смогли найти в нем лишь два «преступления»: он «обесценил» Советско-французский договор о взаимопомощи (не стоивший в 1939 г. и бумаги, на которой он был написан), а также он противоречил «духу» Советско-польского договора о ненападении. Если бы все договоры были столь же «преступными», надо полагать, в международных делах царила бы полная идилия. Причем российское законодательство не запрещает никому высказывать подобную позицию, несмотря на наличие Постановления Съезда.

Во-вторых, в отличие от оценки пакта, решение Съезда о признании Секретного протокола недействительным с момента подписания имеет силу закона и является обязательным для российского государства и его граждан, до тех пор пока Государственная дума не отменит его. Вместе с тем надо ясно понимать, что именно этим Постановлением Съезд признал протокол юридически ничтожным.

Собственно Договор о ненападении, законность которого Съезд подтвердил, содержал обязательство СССР сохранять нейтралитет

по отношению к Германии независимо от ее столкновений с третьими странами. Секретные же протоколы к Договору, в свою очередь, оформили обязательство Германии не вмешиваться в дела СССР на европейской части постимперского пространства. Следовательно, Съезд отменил:

а). договоренность Советского Союза и Германии о разграничении сфер интересов;

б). намерение решать возникающие при этом проблемы «путем дружеского взаимопонимания».

Все. Ничего более.

Поэтому признание Секретных протоколов юридически ничтожными с момента подписания никоим образом не может поставить под сомнение легитимность присоединения к СССР Прибалтики, Западной Белоруссии, Западной Украины и Бессарабии.

Даже один из главных специалистов по «научному» обоснования лжи о советской «оккупации» Прибалтики И. Фелдманис был вынужден признать этот очевидный факт. В статье «Оккупация Латвии — исторические и международно-правовые аспекты», размещенной на сайте МИДа Латвии и выражающей официальную латышскую позицию по данному вопросу, он пишет: «Секретный дополнительный протокол напрямую не изменил международно-правовой статус Финляндии, Латвии, Эстонии и Литвы (Литва была включена в сферу советских интересов 28 сентября 1939 года). Однако установление сфер интересов *свидетельствовало о непринятии во внимание суверенитета упомянутых государств и выражении сомнения в их независимости* (выделено мною. — И. Ш.)»⁴.

Таким образом, Съезд, признавший недействительным Секретный протокол, дезавуировал документ, свидетельствующий всего лишь о «непринятии во внимание» и «выражении сомнения». Утверждает это не какой-нибудь русский империалист, а совсем даже наоборот — убежденный и последовательный борец с русским империализмом.

Причина очевидна: договоренности СССР и Германии, закрепленные в Секретных протоколах, в принципе не могли изменить международно-правовой статус территорий, отнесенных к зоне советских интересов. Эти территории не принадлежали Германии, и Третий рейх, при

⁴ Фелдманис И. Оккупация Латвии — исторические и международно-правовые аспекты. URL: <http://www.am.gov.lv/ru/latvia/history/history-juridical-aspects> (дата обращения: 07.08.2020).

всем желании, не мог передать их СССР. Ни по Секретному протоколу, ни по несекретному. Поэтому признание Секретного протокола незаконным вовсе не делает незаконной «передачу» этих территорий СССР, так как такой передачи не было и не могло быть.

Кроме того, если бы решения СССР и Германии по каким-то неведомым причинам были обязательны для исполнения правительствами прибалтийских республик, тогда зачем же делать их секретными для тех, кому предстоит их исполнять? Нонсенс. Руководство Польши, Румынии, Эстонии, Латвии, Литвы не знало содержания Секретных протоколов и, даже в случае желания выполнить волю Москвы и Берлина, не могло ими руководствоваться.

В связи с этим есть все основания утверждать, что никакого влияния на признание или непризнание законности возвращения в СССР территорий, отторгнутых в ходе революции и Гражданской войны, Постановление Съезда, как и вообще любая другая оценка пакта Молотова — Риббентропа, не имеет и иметь не может в принципе. Данный процесс осуществлялся не на основе пакта, а на совершенно иной правовой базе.

Из чего, конечно же, вовсе не следует, что пакт на этот процесс никак не повлиял. Повлиял, и еще как повлиял. Надо отдать ему должное. Секретные протоколы к Договору о ненападении, разграничившие «сферы интересов», обеспечили Советскому Союзу возможность возвращения территорий без противодействия третьих сил. Пакт лишил Финляндию, Эстонию, Латвию, Литву и Румынию возможности использовать Германию против СССР.

Поэтому они и кричат истощно о преступном поспании в Секретном протоколе их суверенных прав. Но Германия — тоже суверенная и независимая страна. Она совершенно не обязана была служить интересам государств-лимитрофов, образовавшихся на обломках Российской империи или урвавших какие-либо российские территории в период краха Империи. Не было ни одной нормы международного права и ни одного международного договора, которые обязывали бы Германию противодействовать восстановлению территориальной целостности СССР/России.

Как не существовало ни одной такой нормы, запрещающей России, именовавшейся тогда СССР, возвращать отторгнутые территории. В противном случае придется признать противоправным, следовательно, преступным возвращение Францией Эльзаса и Лотарингии,

восстановление территориальной целостности Германии после падения Берлинской стены или воссоединение Вьетнама.

Впрочем, все это теория. Даже абсолютно юридически безупречный документ может быть частью противоправной (преступной) операции и тем самым справедливо квалифицироваться и сам в качестве противоправного и преступного. Поэтому от теории надо перейти к практике и рассмотреть вопрос о правомерности возвращения Советским Союзом конкретно Прибалтики, Западной Белоруссии, Западной Украины и Бессарабии. Тем более что этому вопросу, как и оценке пакта Молотова — Риббентропа, отводится огромная роль пропагандистами новой концепции Второй мировой войны.

Конечно, кто-то может сказать, что тема «преодоления последствий пакта» не имеет к современной России никакого отношения. И действительно, на первый взгляд, объявление территориальных приобретений СССР в 1939–1940 гг., незаконной, преступной оккупацией, попирающей нормы международного права, не представляет никакой опасности для Российской Федерации.

Нынешняя Россия эти последствия давно для себя «преодолела», вернувшись к границам даже не СССР августа 1939 г., а к причудливому сочетанию границ Российской империи начала XVIII в. с границами Московского царства начала XVII в.

Потеряв руку, странно опасаться чьих-либо намерений оттяпать от нее пальцы.

Прибалтика теперь уже является частью не России, а Европейского союза. Польша все возможные претензии на Вильнюс, Западную Белоруссию и Западную Украину ныне должна разрешать с Литвой, Белоруссией и Украиной, а не с Россией. Восстановление же статус-кво в Бессарабии касается исключительно Румынии и Молдовы.

Казалось бы, проблема оценки законности территориальных приобретений СССР, проблема преодоления последствий пакта — это чужая проблема и чужая головная боль. Для Российской Федерации она носит исключительно исторический или историко-правовой характер.

Однако подобный «оптимистический» подход не имеет под собой никакого основания. Это проблема российская, причем не историческая, а политическая. Проблема, от которой прямо зависит безопасность страны, ее роль и место в мире. Лучшее доказательство — та активность и упорство, с которыми Запад эту тему продвигает. Или кто-то верит в то, что политики Европы и Америки занимаются

историческими изысканиями исключительно ради установления того, что на самом деле было многие десятилетия назад?

Поэтому как вопрос об оценке пакта Молотова — Риббентропа, так и вопрос о «преодолении» его последствий самым непосредственным образом связаны с безопасностью нашей страны. Уклонится от него — значит подыграть геополитическим противникам.

Прибалтика

В республиках Прибалтики миф о советской «оккупации» стал краеугольным камнем государственности, без которого просто немыслима их современная политическая система, а не только внешняя политика.

Эстония, Латвия и Литва позиционируют себя как прямое продолжение довоенных государств (принцип континуитета). По официальной версии, в 1920 г. Советская Россия признала их независимость, а в 1940 г., «оккупировала» на основании пакта Молотова — Риббентропа. Однако республики Прибалтики де-юре сохранили свою государственность и восстановили ее в 1991 г. Соответственно, СССР — государство-оккупант, а его граждане, поселившиеся в Прибалтике, — «гражданские оккупанты».

Конечно, все народы имеют полное право создавать какие угодно исторические мифы и даже верить им. До тех пор, пока это не касается жизненных интересов других народов и государств.

Латвия и Эстония, из состава которых в период «советской оккупации» в РСФСР были переданы некоторые, населенные преимущественно русскими, территории, сразу же после обретения независимости, опираясь на доктрину континуитета, стали предъявлять России территориальные претензии на Пыталовский район (Латвия) и города Печоры, Изборск, Ивангород (Эстония).

Литва, в отличие от Латвии и Эстонии, за время пребывания в СССР почти на треть увеличила территорию и даже благодаря Москве вернула свою столицу Вильнюс (ранее оккупированную Польшей). Поэтому, лишенная возможности требовать территории, она решила выставить России (как правопродолжателю Советского Союза) многомиллиардный счет. Литовский пример пробудил финансовые аппетиты и Латвии с Эстонией. Даже сугубо предварительно латышские эксперты быстро успели насчитать почти 200 млрд долларов, которые Россия должна выплатить пострадавшей от ее «оккупации» Латвии.

Несомненно, если бы все сводилось исключительно к предъявлению России многомиллиардных счетов и к территориальным претензиям, то обращать серьезное внимание на эту возню не было бы никаких оснований. Как сказал В. В. Путин: «Не Пыталовский район они получают, а от мертвого осла уши»⁵.

Однако главным проявлением политики преодоления последствий «оккупации» в Прибалтике является совершенно реальная, осуществляемая уже два десятилетия дискриминация русского населения.

В результате этой политики в якобы демократических странах, членах Евросоюза, значительная часть населения (преимущественно русские), исправно платящая налоги, оказалась поражена в политических и гуманитарных правах, столкнулась с практикой «запретов на профессию».

Ограничение в правах каких-либо групп населения и даже полное их лишение встречались в истории неоднократно, но в современных демократических государствах подобное наблюдалось ранее лишь в Соединенных Штатах Америки (до отмены расовой дискриминации специальным законом в 1964 г. в результате массового общественного движения за права чернокожих граждан). В Европе, пока прибалтийские республики не обрели независимость, прецедентов подобной политики не было. Как известно, Третий рейх демократическим государством себя не объявлял.

Следует также учитывать, что миф о советской «оккупации» имеет и совершенно определенное глобальное измерение. Если присоединение Прибалтики признается «оккупацией», тогда появляется возможность «доказать», что на первом этапе Второй мировой войны две агрессивные империи совместно делили мир, пока империалистические инстинкты не столкнули их в смертельном противоборстве.

Так, казалось бы, сугубо региональное и даже местечковое историческое мифотворчество прибалтийских режимов становится элементом борьбы за геополитический передел мира, порожденной крахом СССР и биполярной системы мироустройства. Именно поэтому и прибалтийские режимы, и страны Запада, и российские либералы с таким упорством продвигают концепцию советской оккупации Прибалтики.

⁵ URL: <http://www.newsru.ru/russia/23may2005/otmertvogoslaushi.html> (дата обращения: 17.08.2020).

Только несколько примеров:

Сенат США в 2005 г. единогласно принял резолюцию, призывающую правительство Российской Федерации «сделать ясное и недвусмысленное заявление о признании и осуждении незаконной оккупации и аннексии Советским Союзом с 1940 по 1991 год прибалтийских стран — Эстонии, Латвии и Литвы»⁶.

Президент Литвы Валдас Адамкус (1998–2009 гг.) в интервью Le Figaro заявил: «Владимир Путин говорит нам: “О какой оккупации вы говорите?” Он объясняет нам, что пакт Молотова — Риббентропа был осужден при Ельцине и этого будет для нас достаточно. Я отвечаю: “Нам не нужны извинения. Мы хотим услышать только одно. Да, Россия оккупировала страны Балтии и удерживала их силой на протяжении 50 лет. Точка”»⁷.

Член президентской «Комиссии по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России» Н. Сванидзе: «Да. Имела место оккупация Прибалтики. Но она имела место еще до войны по пакту Молотова — Риббентропа по его секретным протоколам, отрицать это невозможно, все равно что отрицать, что сейчас весна на дворе. Но это правда. И после войны советские войска туда вернулись. Для Прибалтики освобождение от фашистов перешло в оккупацию со стороны советских войск»⁸.

Реальность

Территория современной Эстонии и большей части Латвии вошли в состав России не в 1940, а в 1721 г., по Ништадтскому мирному договору. Полезно напомнить, Россия заплатила за эти земли огромную по тем временам сумму — 2 млн ефимков. Что позволяет говорить не только о завоевании, но и покупке территории в русскую собственность у ее тогдашнего законного владельца — Швеции. Оставшаяся часть современной Латвии и Литва были присоединены к России уже при Екатерине Великой по результатам так называемых «разделов Польши». Сколько бы проклятий в адрес этих «разделов» ни было произнесено поляками и представителями прогрессивной общественности, они в полной мере соответствовали нормам международного права XVIII в.

⁶ URL: <http://lenta.ru/news/2005/05/21/pardon/> (дата обращения: 15.08.2020).

⁷ URL: <http://www.regnum.ru/news/460686.html> (дата обращения: 12.08.2020).

⁸ URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/36198/> (дата обращения: 12.08.2020).

В период Гражданской войны в этих губерниях власть захватили сепаратисты, которые при поддержке внешних сил объявили о своем отделении от России. В отличие от захвата Бессарабии Румынией, независимость Эстонии, Латвии и Литвы Советская Россия в 1920 г. была вынуждена признать.

Осенью 1939 г. в условиях начавшейся в Европе Второй мировой войны СССР вынудил (именно вынудил) прибалтийские государства согласиться на заключение договоров о взаимопомощи и размещении на их территории советских военных баз. В 1940 г. в ультимативной форме Москва добилась отставки правительств и проведения досрочных выборов, по итогам которых все три республики обратились к руководству СССР с просьбой принять их в состав Советского Союза. Прибалтика вернулась в состав России, существовавшей тогда в форме СССР.

Нельзя не признать того, что пакт Молотова — Риббентропа в этом возвращении Прибалтики в «родную гавань» сыграл огромную роль. Он лишил руководство прибалтийских государств возможности использовать против Советского Союза Германию, а предоставленные сами себе правящие режимы Эстонии, Латвии и Литвы, не имевшие почти никакой опоры в народе, устоять были не в состоянии.

Именно этот процесс возвращения в СССР незаконно отторгнутой в ходе Гражданской войны Прибалтики ныне и именуется противоправной и преступной «оккупацией», за которой последовала не менее преступная «аннексия».

«Оккупация» и международное право

Отличительной особенностью беспрерывно звучащих обвинений СССР в оккупации суверенных государств является то, что никто из обвинителей (совершенно случайно) не считает для себя нужным поинтересоваться в справочниках по международному праву, что такое «оккупация» и какие действия подпадают под это понятие. Просто поразительна «неосведомленность» борцов с русским/советским империализмом о том, что правовые термины имеют четко определенный смысл.

Вопрос о правомерности применения понятия «оккупация» к процессу вхождения Прибалтики в состав СССР с международно-правовой точки зрения был исследован вице-президентом Российской ассоциации международного права С.В. Черниченко, который дал

однозначное заключение: «ни о какой оккупации Прибалтийских государств советскими войсками не может быть и речи»⁹.

«Военная оккупация, — пишет С. В. Черниченко, — временное занятие неприятельской армией части территории или всей территории противника без перехода суверенитета над занятой территорией к оккупирующему государству. Между Советским Союзом и Латвией, Литвой и Эстонией в 1940 году не существовало состояния войны. Между ними не велись какие-либо военные действия без объявления состояния войны. *Советские войска не нападали на эти государства и не занимали их территорию без их согласия. Таким образом, их нельзя относить к неприятельским войскам, а их ввод на территорию Прибалтийских государств не может быть расценен как оккупация* (выделено мною. — И. Ш.)»¹⁰.

Существует в международном праве, отмечает С. В. Черниченко, и понятие о невоенной оккупации, но оно касается лишь занятия не населенных и никому не принадлежащих территорий. Отнести к такому Прибалтику 1940 г. никак невозможно.

Правовую оценку С. В. Черниченко в полной мере подтверждает и руководитель Российско-Балтийского центра Института социологии РАН Р. Х. Симонян: «IV Гагская конвенция от 18 октября 1907 г., подписанная 44 странами, рассматривает оккупацию как последствие международного военного конфликта, т. е. оккупации должны предшествовать военные действия между государствами. Оккупированной считается территория противника, занятая в ходе войны или военного конфликта. Именно так оккупацию определяет ст. 42 в разд. III “О военной власти на территории неприятельского государства”. Так же трактует понятие “оккупация” и более поздний международный документ — Женевская конвенция “О защите населения во время войны” от 12 августа 1949 г. Но в 1939–1940 гг. между СССР и Латвией, СССР и Литвой, СССР и Эстонией не было ни вооруженного конфликта, ни военных действий. Следовательно, исходя из определения, зафиксированного Гагской конвенцией, не было и оккупации. Других документов в системе международного права, определяющих понятие “оккупация”, не было»¹¹.

⁹ Черниченко С. В. О «оккупации» Прибалтики и нарушении прав русскоязычного населения». URL: <http://www.mid.ru/ns-pobeda.nsf/b33502cdd8144475c3256eda0037e5fc/a9693d8763f70b92c3256f00001e65f2?OpenDocument> (дата обращения: 12.08.2020).

¹⁰ Там же.

¹¹ Симонян Р. Х. Оккупационная доктрина в странах Балтии: содержательный и правовые аспекты // Государство и право. 2011. № 11.

Не имея возможности опровергнуть очевидный факт отсутствия военных действий между прибалтийскими республиками и Советским Союзом, поборники мифа об «оккупации» пытаются обвинить СССР в агрессии (без применения военной силы). Основываются они на разработанной Советским Союзом Конвенции об определении агрессии от 1933 г., в которой прямое военное нападение трактовалось лишь как одна из форм агрессии. В качестве доказательства того, что действия СССР подпадают под определение агрессии, приводится морская блокада Эстонии Советским Союзом (пункт 4 статьи 2 Конвенции — «морская блокада портов и берегов другого государства») ¹².

Нет нужды даже вступать в сугубо исторический спор: была или нет блокада и как ее можно трактовать. Например, Р.Х. Симонян полагает, что у СССР «был безупречный формальный повод» ¹³. Важнее другое. Конвенция 1933 г. в принципе неприменима к оценке событий, связанных с возвращением Прибалтики.

Разработанная советскими юристами Конвенция считается крупным прорывом в области международного права. Она легла в основу определения агрессии, принятого Генеральной Ассамблеей ООН в 1974 г. Но в действующее предвоенное международное право она не вошла. Помешала позиция тогдашних великих держав. «Англичане, — как отмечает В.М. Фалин, — в ту пору не уставали твердить: будучи империалистической державой, Британия не может не быть агрессивной» ¹⁴.

Разрабатывался документ в рамках Конвенции о сокращении и ограничении вооружений, которая подписана не была. «Со времен Рима, — напоминает украинский специалист по предвоенному международному праву Владимир Макачук, — правовой аксиомой признавался тот факт, что, в случае недействительности основного договора, не вступает в силу и акцессорный» ¹⁵.

¹² Мялксоо Л. Советская аннексия и государственный континуитет: Международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940–1991 гг. и после 1991 г. Исследование конфликта между нормативностью и силой в международном праве. Тарту, 2005. С. 122–127.

¹³ Симонян Р.Х. Указ.соч.

¹⁴ Фалин В.М. К предыстории пакта о ненападении между СССР и Германией // Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? М., 2009. С. 48.

¹⁵ Макачук В.С. Государственно-правовой статус западно-украинских земель в период Второй мировой войны: историко-правовое исследование / пер. с укр. М., 2010. С. 172.

На этом основании утверждает В. С. Макаrchук: «Соблюдение правительствами заинтересованных стран (включая, конечно, и СССР) условий этого “акцессорного” договора было актом доброй воли, отказаться от которого позволяли соображения того, что на протяжении долгого времени ведущие европейские державы не подписывали конвенцию о разоружении»¹⁶.

Итак, не было войны, не было агрессии, следовательно, в принципе не могло быть и никакой «оккупации», которую прибалтийские режимы положили в основу своей государственности и которую Запад сейчас активно использует, насаждая новую концепцию Второй мировой войны.

Причем это не юридическое крючкотворство. Правовые нормы, тем более когда их используют для выдвижения финансовых и территориальных претензий, а также поражения в правах сотен тысяч людей, в обязательном порядке должны иметь однозначный, утвержденный международным сообществом смысл. Только это делает их нормами международного права. Любые вольности в данной сфере — путь в произвол и беззаконие.

Казалось бы, вопрос исчерпан. Но если политический интерес требует признания того, что дважды два равняется пяти, то в «доказательствах» недостатка не будет. Миф о преступной «оккупации» является тому наглядным примером.

С одной стороны, появились рассуждения о никогда не существовавшей в международном праве «оккупации в мирное время» (*occupatio pacifica*) и квазиоккупации. С другой стороны, «оккупацию» Прибалтики стараются доказать несоответствием действий СССР по отношению к Эстонии, Латвии и Литве другим нормам международного права. По принципу, раз противоправно, значит «оккупация».

Однако и при таком подходе у поборников лжи об «оккупации» концы с концами не сходятся.

До сих пор никому не удалось опровергнуть тот факт, что размещение советских войск в прибалтийских государствах на основе договоров о взаимопомощи 1939 г.; последующий ввод дополнительных воинских контингентов в 1940 г., в результате советских ультиматумов; а также вступление Прибалтики в состав СССР в 1940 г. осуществлялись в соответствии с решениями законных органов власти

¹⁶ Там же.

Эстонии, Латвии и Литвы, правомочных принимать соответствующие решения.

Наверное, самую оригинальную попытку «доказать» незаконность заключенных прибалтийскими государствами договоров о взаимопомощи с СССР предпринял уже не раз упоминавшийся ведущий латышский специалист по проблемам «оккупации» И. Фелдманис: «Договоры, которые были заключены о взаимной помощи между столь неравными по силе сторонами (державой и малыми и слабыми государствами), трудно оценивать как легитимные»¹⁷.

Статья, обогащающая международное право новым признаком заведомой нелегитимности межгосударственных договоров (несоизмеримые «весовые категории» договаривающихся сторон), размещена на сайте МИДа Латвии. Она не только отражает личное мнение автора, но и является правовым обоснованием официальной позиции латышского государства по проблеме вхождения республики в состав СССР.

Следовательно, в пылу борьбы с русским империализмом министерство иностранных дел Латвии подвело правовую базу под признание нелегитимными договоров прибалтийских республик об их вступлении в НАТО и всех двусторонних договоренностей с Америкой в сфере безопасности. Если, конечно, латвийский МИД не считает, что США — равны по силе маленькой, но гордой Латвии.

Пропагандисты мифа об «оккупации» обычно ссылаются на вынужденный характер действий прибалтийских властей, не имевших возможности в условиях 1939–1940 гг. противиться воле СССР. Так, по мнению профессора М. И. Семиряги: «Ультимативные методы, которые применяли Сталин и Молотов в своей практике отношений с суверенными странами, нельзя оправдать никакими особенностями тогдашней международной обстановки, благородными требованиями безопасности и другими соображениями. Такие методы и в политическом и в юридическом плане противоречат общепринятым принципам в практике международных отношений и должны быть безусловно осуждены. Пакты о взаимопомощи с Прибалтийскими республиками были навязаны советским руководством под угрозой применения силы. Это были неравные договоры, которые существенно ограничивали проведение политики нейтралитета этими государствами»¹⁸.

¹⁷ Фелдманис И. Указ. соч.

¹⁸ Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941. М., 1992.

Пафос автора понятен, хотя его утверждение о некой возможной политике нейтралитета прибалтийских государств во Второй мировой войне и лежит за гранью научного анализа, а если называть вещи своими именами, является чистой воды демагогией. Но для нашей темы важнее другое: на каком конкретно юридическом основании действия Советской России по присоединению Прибалтики должны быть осуждены, да еще и «безусловно», как утверждает г-н профессор?

Дмитрий Кленский, один из активных борцов за права русского и русскокультурного населения Эстонии, анализируя доводы поборников мифа об «оккупации», обращает внимание на существенную особенность их системы доказательств — сознательный отказ от принципа историзма (что уже видели на примере трактовок понятия «агрессия»). Они в основном опираются на Устав ООН, запрещающий применение силы и угрозы ее применения в отношениях между государствами, и Венскую конвенцию «О праве международных договоров», которая признает противоправными договоры, заключенные путем ультиматумов¹⁹.

Однако данная Конвенция, подчеркивает Д. Кленский, не имеет обратной силы, что в ней специально оговаривается, и применяется «только к договорам, заключенным государствами после ее вступления в силу в отношении этих государств»²⁰. Принята Конвенция была 23 мая 1969 г., а для СССР вступила в силу только 29 мая 1986 г. Хотя Устав ООН, в котором был сформулирован запрет на применение угрозы военной силы в межгосударственных отношениях, и был принят раньше — в 1945 г., но и он к предвоенным договорам не имеет никакого отношения.

Впрочем, и сами прибалтийские ученые, в отличие от их либеральных собратьев в России, не могут в угоду политической конъюнктуре отрицать очевидное. Эстонский исследователь международно-правовых основ событий 1939–1940 гг. Лаури Мьялскоо пишет: «Хотя и под давлением, правительства стран Балтии все же согласились с условиями договоров о взаимопомощи. Эти договоры применялись на практике более чем полгода, поэтому говорить об их недействительности задним числом было бы фикцией. Кроме того, в то время доминировало мнение юристов... согласно которому заключенные под принуждением договоры не были автоматически недействительными»²¹.

¹⁹ URL: www.regnum.ru/news/1448134.html (дата обращения: 12.08.2020).

²⁰ Там же.

²¹ Мьялскоо Л. Указ. соч. С. 123.

Провокация

Выход из очевидной невозможности объявить действия СССР противоречащими нормам международного права того времени «мифотворцы» ищут в решениях (ни много ни мало) Нюрнбергского трибунала, пытаясь поставить присоединение Прибалтики на одну доску с захватом Австрии и Чехословакии Германией.

Из того факта, что Нюрнбергский трибунал, несмотря на отсутствие военных действий, квалифицировал немецкие захваты как «акты агрессии», Л. Мяслоо делает вывод: «Анализ практики Нюрнбергского трибунала по военным преступлениям дополнительно подтверждает точку зрения, согласно которой Советский Союз совершил агрессию против стран Балтии»²².

Его поддерживает и латышский профессор Дитрих Лебер (во время войны добровольцем воевал против СССР): «Нюрнбергский военный трибунал включил ультиматум Германии Австрии в 1938 г. в состав тех актов, которые считаются “преступлением против мира”»²³, что позволяет аналогично трактовать и советские ультиматумы прибалтийским республикам.

При всей внешней убедительности перед нами в очередной раз откровенная пропаганда и спекуляция. И никакого преувеличения в такой трактовке нет.

«Если проанализировать факты, — пишет С. В. Черниченко, — легко заметить, что параллели здесь неуместны. <...> Немецкие войска вторглись в Австрию, а ее присоединение к Германии (аншлюс, т. е. аннексия) было “оформлено” уже после ввода на ее территорию немецких войск». Захват Чехословакии был осуществлен в результате договора о «включении чешского народа в состав Германской империи», навязанного президенту Гаха в Берлине после сообщения об уже отданном приказе вермахту начать вторжение.

Поэтому «вторжение немецких войск в Австрию и Чехословакию, безусловно, представляло собой агрессивную войну, хотя вторжение и не встретило сопротивления. Аннексия, которая явилась следствием агрессивной войны и договора, заключенного в результате

²² Там же. С. 130.

²³ Лебер Д. А. Юридические последствия пакта «Молотова — Риббентропа» для балтийских государств. URL: <http://www.hot.ee/r/russconference/> (дата обращения: 12.08.2020).

принуждения (в случае с Чехословакией), к началу Второй мировой войны считалась недействительной»²⁴.

В отличие от этого, ввод советских войск осуществлялся строго на основе уже действовавших межгосударственных договоров (хотя и заключенных под давлением), а вхождение Эстонии, Латвии и Литвы в состав СССР произошло после соответствующих обращений их высших законодательных органов. Поэтому, делает вывод С. В. Черниченко, решения Нюрнбергского трибунала к данным событиям неприменимы — «включение Латвии, Литвы и Эстонии в состав СССР не противоречило действовавшему в 1940 году общему международному праву»²⁵.

Как видим, разница принципиальная. Не понимать ее прибалтийские правоведы не могут. А если не понимают — значит, не хотят понимать. Следовательно, есть основания рассматривать обвинения СССР в «оккупации», с использованием решений Нюрнбергского трибунала, как пропаганду, не имеющую ничего общего с научным поиском. А всякая пропаганда имеет политическую цель.

В данном случае цель очевидна, и она не только в том, чтобы найти еще один внешне убедительный довод в поддержку мифа об «оккупации». В Нюрнберге Советский Союз вместе с союзниками судил нацистских преступников. Теперь прибалтийская пропаганда пытается представить СССР не как вершащего суд победителя, а как преступника, по каким-то странным обстоятельствам не оказавшегося на скамье подсудимых в Нюрнберге. Следовательно, перед нами один из элементов широкомасштабной кампании по пересмотру смысла Второй мировой войны. Не более того, но и не менее.

Особую гнусность этому пропагандистскому ходу (к пропаганде такие определения вполне допустимы) придает то, что он исходит от государств, где нагло и цинично попирают решения Нюрнбергского трибунала, чествуя недобитых ветеранов СС.

Нарушение двусторонних договоров

Наряду с попытками вывести осуждение СССР из решений Нюрнбергского трибунала, Советский Союз активно обвиняется в нарушении двусторонних договоров с прибалтийскими республиками и их

²⁴ Черниченко С. В. Указ. соч.

²⁵ Там же.

внутреннего права (конституций). Чаще всего ссылаются на договоры о ненападении Советского Союза с прибалтийскими государствами. Так, договор с Эстонией от 1932 г. в статье № 1 содержал обязательство сторон не совершать «действий, направленных против целостности и неприкосновенности территории или против политической независимости другой стороны». Аналогичные положения были в договорах с Латвией и Литвой. Предусматривали они и обязательные согласительные процедуры в случае возникновения разногласий.

Нет нужды отрицать, что подобные обязательства СССР на себя брал. Как нет нужды отрицать и того, что в 1940 г. он явно взял курс на ликвидацию прибалтийской независимости и ни к каким согласительным процедурам во взаимоотношениях с ними в 1939–1940 г. не прибегал. Однако из этого вовсе не следует, что советские действия были незаконны.

В международном праве действует доктрина *rebus sic stantibus* — сохранение силы договора только при неизменных обстоятельствах. Все договоры заключаются государствами во имя национальных интересов, и они всегда стоят на первом месте. Советская Россия заключила договоры о ненападении с Эстонией, Латвией и Литвой не ради самих договоров, а для обеспечения собственной безопасности.

В условиях надвигающейся Второй мировой войны эти договоры уже не могли предотвратить использование территории Прибалтики как плацдарма германской агрессии против СССР. Поэтому на переговорах с Англией и Францией ставился вопрос о коллективных гарантиях независимости прибалтийских республик. Не получив поддержки, Советский Союз добивается от Эстонии, Латвии и Литвы заключения договоров о взаимопомощи, предусматривающих размещение воинских контингентов Красной армии на их территории (военных баз).

Крах Франции и фактическое прекращение боевых действий на Западе опять кардинально меняют международную обстановку. В новых условиях советские базы в Прибалтике ничего гарантировать СССР не могли. Тогда и был взят курс на включение прибалтийских государств в состав Советского Союза.

Коренным образом менялась международная обстановка, менялось и отношение СССР к ранее заключенным договорам. Международное право не обязывает государства жертвовать своей безопасностью и жизненными интересами ради соблюдения двусторонних договоренностей.

Более того, в предвоенном международном праве существовало отсутствующее ныне «право на самопомощь». В соответствии с ним, пишет В. С. Макарчук, «государство, которое считало, что действия другого субъекта международного права представляют угрозу для его жизненно необходимых интересов (а последние трактовались весьма обширно), могло в соответствии с действующим международным правом прибегнуть к силовым действиям для устранения этой угрозы»²⁶.

«Право на самопомощь» широко применялось в период Второй мировой войны и, следовательно, соответствовало правоприменительной практике того времени. Например, 10 мая 1940 г. английские и французские войска заняли принадлежавшие Голландии острова Аруба и Кюрасао, дабы не допустить их оккупации Германией.

СССР в случае с Прибалтикой, в отличие от Англии и Франции, не стал пользоваться «правом на самопомощь» и силой оккупировать Эстонию, Латвию и Литву, хотя и имел на это полное право. Был избран другой путь обеспечения своей безопасности — через восстановление территориальной целостности страны путем реинтеграции Прибалтики.

Поэтому нет никаких оснований считать реально существовавшее нарушение Советским Союзом двусторонних договоров с прибалтийскими государствами преступным нарушением международного права и объявлять на этом основании его действия «оккупацией» и «незаконной аннексией».

Право наций на самоопределение

Постоянно звучащим в адрес СССР обвинением является и то, что присоединение Прибалтики было грубым попранием права наций на самоопределение. Принцип права наций на самоопределение был провозглашен Советской Россией сразу после Октябрьской революции, и хотя окончательно он вошел в международное право в качестве одного из принципов только с образованием ООН, считать его недействующим в предвоенные годы (подобно «определению агрессии») нельзя.

Советская Россия внедрила его в реальную практику международных отношений при заключении договоров с сепаратистскими режимами, победившими на окраинах Российской империи. Активно

²⁶ Макарчук В. С. Указ.соч. С. 175.

руководствовались правом наций на самоопределение державы Антанты, перекраивая в Версале карту Балкан, Центральной и Восточной Европы.

Следовательно, в момент присоединения Прибалтики к СССР это была реально работающая норма международного права. Не подлежит также сомнению и то, что СССР в 1920 г. признал за эстонским, латышским и литовским народами право на самоопределение.

И то и другое полностью соответствует действительности. Действительности не соответствуют только обвинения СССР в нарушении права наций на самоопределение при включении Эстонии, Латвии и Литвы в свой состав. Самоопределение прибалтийских народов в 1918 г. нисколько не опровергает их права на самоопределение в 1940 г.

Ситуация настолько очевидна, что официозные прибалтийские историки и правоведы не смогли выдумать ничего лучше кроме «обогатившего» международное право утверждения профессора Д. Лебера: «Право самоопределения является постоянным и продолжительным. Если оно раз было применено, то субъект этого права больше не может воспользоваться им в отношении этого же объекта»²⁷.

Имеют ли народы право изменять свою позицию в отношении однажды выбранной формы государственной власти, правящей партии и личности президента, профессор, к сожалению, не объяснил. «Откровение Лебера» (иначе не назовешь) лучше всего характеризует «научный» уровень прибалтийского официоза.

Предательство

Одним из наиболее распространенных доводов в пользу противоправного характера присоединения Прибалтики является утверждение о нарушении демократических норм при выборах новых органов законодательной власти, проголосовавших за вхождение в состав СССР в нарушение конституций, и поэтому несоответствии их решений подлинной воле эстонского, латышского и литовского народов.

Отсюда делают далеко идущие выводы: включение Эстонии, Латвии и Литвы было аннексией — насильственным присоединением территории других государств вопреки воле их народов. Следовательно, последствия такого присоединения юридически ничтожны,

²⁷ Лебер Д. А. Указ. соч.

никаких прав на аннексированные территории Советский Союз не получил, а насильственно присоединенные страны де-юре сохранили свою государственность.

Таким образом «аннексия», подобно «оккупации», используется для обоснования континуитета прибалтийских республик, финансовых и территориальных претензий к России, «права» на дискриминацию русского населения.

Казалось бы, правовую позицию прибалтийских режимов в данном вопросе делает неуязвимой то, что в преамбуле договора между РСФСР и Литвой «Об основах межгосударственных отношений» от 27 июля 1991 г. содержится указание на важность «устранения Союзом ССР нарушающих суверенитет Литвы последствий аннексии 1940 г.»²⁸.

Зачем Ельцин, заинтересованный в поддержке Запада и сепаратистов в национальных республиках СССР, пошел на подписание такого документа, понятно, но пока договор не отменен, его положения являются обязательными для российских властей.

Однако козырной картой для обоснования претензий к России договор не стал и используется исключительно в пропагандистских целях. Причина в низкой квалификации российских демократов и литовских сепаратистов, подготовивших документ.

В межвоенный период в международном праве далеко не всякая аннексия считалась незаконной. На это прямо указывает С. В. Черниченко: «До Второй мировой войны недействительной считалась аннексия, явившаяся результатом агрессивной войны или же договора, заключенного под принуждением. <...> Если считать аннексией включение Прибалтийских государств в состав Советского Союза, то она не была результатом ни агрессивной войны, ни договора, навязанного силой»²⁹.

Следовательно, сама по себе квалификация действий СССР в качестве аннексии Прибалтики ни в коей мере не превращает эти действия в юридически ничтожные и не отрицает факта приобретения Советским Союзом законных прав на прибалтийские территории (титула).

Конечно, это не что иное, как юридическое крючкотворство. Но из-за предательской, иначе не квалифицируешь, формулировки Ельцина

²⁸ Подробнее см.: *Демури* М. В. Советско-германские документы августа — сентября 1939 года в контексте современной политики // *Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну?* М., 2009. С. 342.

²⁹ *Черниченко* С. В. Указ. соч.

этим приходится заниматься. Впрочем, все валить на одного Ельцина не совсем правильно. Что можно было ожидать от режима, который вел переговоры о сдаче Курил Японии или продаже Карелии финнам? Одним предательством государственных интересов России больше, одним меньше.

Сложнее понять, почему Путин, уже дважды продлевая этот договор в 2002 и 2012 гг., не потребовал пересмотра откровенно антироссийской преамбулы к нему? Скорее всего, причина в нежелании правящего класса России обострять отношения с Западом, тем более из-за какого-то там обвинения СССР в «аннексии» Литвы. Очевидно, что отказ продлить действие этой формулировки привел бы к конфронтации не только с Литвой, но и Евросоюзом в целом. Нужно это было тем, для кого заветной мечтой является построение единой Большой Европы от Лиссабона до Владивостока и вхождение в состав западной элиты? Вопрос риторический.

Кстати, такой позиции нынешней российской власти по договору с Литвой ничуть не противоречат заявления президента про «мертвого осла уши» и упорное отрицание концепции «оккупации» Прибалтики с вытекающими из нее территориальными и финансовыми претензиями к России. Как бы предлагается размен: «мы не идем на обострение, но и вы не зарывайтесь».

Однако из этого совершенно не следует, что общественность России не должна требовать аннулирования предательской ельцинской формулировки в преамбуле договора, требовать приведения его в соответствие с историческими реалиями.

Добровольное вхождение

Добиваться этого Россия имеет полное право на том основании, что нет никаких причин ставить под сомнение выбор населения Прибалтики, сделанный в 1940 г.

Во-первых, наличие военных баз одного государства на территории другого государства с точки зрения международного права не является основанием для признания выборов нелегитимными, а решений избранных органов власти юридически ничтожными.

Во-вторых, нет никаких оснований отрицать наличие массового недовольства социально-экономическим и этническим гнетом диктаторских режимов Ульманиса, Сметоны и Пятса и влияния этого народного недовольства на итоги выборов. Известный специалист

по истории Латвии Л. М. Воробьева прямо утверждает: «Было бы абсолютно неоправданно отрицать, что события лета 1940 г. в Латвии были результатом выступления самого латышского народа, большая часть которого активно или пассивно поддержала линию КПЛ на коренные преобразования внутренней жизни и вхождение Латвии в СССР»³⁰.

Более того, для обоснования легитимности присоединения Прибалтики совершенно нет нужды вдаваться в чисто исторический спор о том, кто и какие проценты и насколько «чисто» на выборах получил. Для этого гораздо важнее задаться вопросом, который поставил С. В. Черниченко: *«Когда народы Латвии, Литвы и Эстонии вполне “стерильно” выражали свою волю? Критериев здесь нет, и в международном праве их не найти, а политические оценки субъективны (выделено мною. — И. Ш.)»*³¹.

Попытки признать юридически ничтожными обращения вышших законодательных органов Эстонии, Латвии и Литвы с просьбой о вступлении в СССР на основании якобы неопровержимого довода — «знаем мы, как проводились выборы» — на самом деле путь в никуда. Причем в первую очередь для самих прибалтийских государств. Их государственность при таком подходе рассыпается подобно карточному домику.

Если встать на эту позицию, то надо признать незаконными выборы в Верховные Советы, провозгласившие отделение прибалтийских республик от СССР, так как они проводились «по советской системе» и в условиях присутствия «оккупационных» войск (по официальной версии).

Прибалтийским режимам следовало бы прислушаться к предупреждению российского МИДа: «Если подвергать сомнению легитимность органов власти советского периода, возникает вопрос и о легитимности провозглашения республиками Прибалтики своей независимости»³².

Не надо забывать и того, что под вопросом оказывается и первая

³⁰ Воробьева Л. М. История Латвии: От Российской империи к СССР. Кн. 2. М., 2010. С. 91.

³¹ Черниченко С. В. Указ. соч.

³² Комментарий Департамента печати и информации МИД России в связи с высказываниями ряда европейских политиков относительно «оккупации» стран Балтии Советским Союзом и необходимости осуждения этого со стороны России от 04.05.2005.

независимость Латвии с Эстонией, провозглашенная не демократическими избранными органами власти в условиях явной и никем не отрицаемой немецкой оккупации.

Следовательно, при таком подходе самым легитимным волеизъявлением народов Прибалтики вполне может оказаться выбор лета 1940 г.

Ссылки на его противоречие конституциям Эстонии, Латвии и Литвы ситуацию не выправят. Все прибалтийские диктаторы совершили антиконституционные военные перевороты (Пятс и Ульманис в 1934 г., Сметона в 1926 г.). СССР даже при всем желании не мог поправить того, что было уже давно поправлено.

Как видим, вся система доказательств «оккупации» Прибалтики строится на подмене понятий, демагогии и сознательной лжи. Поэтому «оккупационная» концепция не может рассматриваться в качестве результата (пусть и ошибочного) научного поиска истины. Это классический образец «исторической политики». Пропагандистский миф, выражающий политические интересы противников России.

В настоящее время мы можем только удивляться тому, как советское руководство, в условиях уже идущей Второй мировой войны, смогло возвратить Прибалтику, не выходя за рамки международного права, не заложив на будущее ни одной юридической мины.

Именно благодаря мастерству дипломатии того времени современный российский МИД на все обвинения в «оккупации» и требования покаяться за нее может неизменно спокойно отвечать: «Российская позиция по данному вопросу неоднократно излагалась и остается неизменной. И ввод дополнительных частей Красной Армии, и присоединение прибалтийских государств к Советскому Союзу не вступали в противоречие с нормами действовавшего в то время международного права»³³.

В значительной мере правовую безупречность и мирный характер присоединения Прибалтики позволил обеспечить пакт Молотова — Риббентропа, исключивший вмешательство Германии во взаимоотношения СССР с Эстонией, Латвией и Литвой.

³³ Там же.

Западная Украина и Западная Белоруссия

Освободительный поход

Если присоединение Бессарабии и Прибалтики объявляются обычно противоречащими нормам международного права или без указания конкретных норм или с указанием заведомо не относящихся к данному историческому периоду, то Освободительный поход Красной армии дает сторонникам преступного характера пакта Молотова — Риббентропа, на первый взгляд, богатую пищу. Здесь в перечислениях международных договоров, погранных СССР, недостатка нет. Еще бы, Советский Союз провел против суверенного государства, с которым был связан договором о ненападении, военную операцию, повлекшую отделение части его территории в пользу России.

Н. С. Лебедева, представлявшая Россию в российско-польской группе по сложным историческим вопросам, пишет: «Введя на рассвете 17 сентября без объявления войны части Красной армии на территорию Польши, санкционируя боевые действия против ее армии, сталинское руководство тем самым нарушило: договор о мире с этой страной, подписанный 18 марта 1921 г. в Риге; протокол от 9 февраля 1929 г. о досрочном введении в силу пакта Бриана — Кэллога, запрещающего использование войны как инструмента национальной политики; конвенцию об определении агрессии 1933 г.; договор о ненападении между СССР и Польшей от 25 июля 1932 г. и протокол, продлевающий действие этого договора до 1945 г.; совместное коммюнике, опубликованное польским и советским правительствами в Москве 26 ноября 1938 г., в котором вновь подтверждалось, что основой мирных отношений между двумя странами является договор о ненападении 1932 г.»³⁴.

На этом основании автор утверждает, что, 17 сентября 1939 г. «правящие круги СССР начали не только агрессивную войну, но войну в нарушение договоров и международных соглашений»³⁵.

Казалось бы, возразить нечего. Однако весь этот наводящий ужас длинный перечень международно-правовых актов, якобы погранных СССР, свидетельствует не о преступности «сталинского руко-

³⁴ Лебедева Н. С. Сентябрь 1939 г.: Польша между Германией и СССР // Международный кризис... С. 426.

³⁵ Там же.

водства», а о некомпетентности в международном праве ученой дамы, или же о ее стремлении сознательно ввести читателей в заблуждение.

Правовые основы Освободительного похода уже были объектом изучения специалистов-правоведов, результаты их исследований доступны каждому желающему. Дабы избежать обвинений в ангажированности, сошлюсь на капитальную монографию известного украинского историка права В. С. Макаруча «Государственно-территориальный статус западно-украинских земель в период Второй мировой войны», написанную уже в «незалежной» Украине, где на официальном уровне Освободительный поход объявлен преступной агрессией тоталитарного сталинского режима.

Итак, пакт Бриана — Кэллога, на котором в значительной мере базировалась правовая конструкция Нюрнбергского трибунала и нарушением которого нас «страшает» Н. С. Лебедева, действительно запрещает использование войны «в роли орудия национальной политики» (ст. 1). Все верно, но только к Освободительному походу он не имеет абсолютно никакого отношения.

СССР официально трактовал Освободительный поход как гуманитарную операцию, направленную на защиту «единокровного населения». Ни Советский Союз Польше, ни Польша Советскому Союзу войну не объявляли. Более того, польское верховное командование отдало приказ своим войскам в бой с частями Красной армии не вступать. Не рассматривали действия СССР как войну против Польши и ее союзники (Англия и Франция), а также нейтральные на тот момент Соединенные Штаты (почему они так поступили — это другой вопрос). Поэтому «с правовой точки зрения, норм *de lege lata* — действующих на момент 1939 г. международного права, ввод советских войск на территорию Второй Речи Посполитой началом войны быть трактованным не мог и не был»³⁶.

Нет войны — нет и нарушения пакта Бриана — Кэллога. Как это ни печально звучит для поборников новой концепции войны.

Несмотря на провозглашенный гуманитарный характер Освободительного похода и отсутствие состояния войны между СССР и Польшей, советские действия, несомненно, в полной мере подпадают под определение агрессии, содержащееся в Конвенции об определении агрессии 1933 г. Но все дело в том, что эта Конвенция, о чем уже было

³⁶ Макаруч В. С. Указ. соч.

выше в связи с Прибалтикой сказано, так и не вступила в силу и не являлась действующим международным договором, выполнение условий которого было бы обязательным для СССР³⁷.

Объявлять преступными действия Советской России на основании разработанной ею же, но не поддержанной другими странами Конвенции — это уже слишком.

Нет никаких оснований, как показывает В. С. Макачук, и в обвинении СССР в нарушении договора о ненападении с Польшей и всех связанных с ним двусторонних соглашений. «В международном праве, — пишет он, — действует доктрина *rebus sic stantibus* — предостережение о сохранении силы договора лишь при неизменном положении вещей. Советские договоры с Польшей подписывались из расчета на то, что польское государство сохранит свой суверенитет и сыграет роль своеобразного щита между СССР и агрессивными государствами. Можно ли было 17 сентября 1939 г. допустить, что независимая Польша, с которой СССР подписывал пакт о ненападении, будет продолжать свое существование, как субъект международного права? Или следовало ждать, когда Германия оккупирует все польские земли и по своему усмотрению решит, что делать с урегулированной советской сферой влияния: передать венграм, создать марионеточное польское государство в новых границах или разрешить А. Мельнику сформировать свое правительство в Западной Украине?»³⁸

Ни одно государство не обязано при кардинальном изменении обстоятельств жертвовать своей безопасностью во имя верности заключенным при других условиях договорам. Разгром Польши Германией коренным образом эти обстоятельства изменил и сделал договор о ненападении просто бессмысленным.

В связи с этим Освободительный поход Красной армии явился «не столько противозаконным “нападением на Польшу”, сколько оправданным с точки зрения действующего на то время международного права шагом страны, вынужденной приостановить свои договоренности с контрагентом вследствие кардинальной перемены обстоятельств, в которых эти договоренности были составлены, а также возникновения реальной угрозы для собственных жизненно-важных интересов»³⁹.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 108.

³⁹ Там же.

Для политиков и правоведов того времени это было очевидно, а потому и не было тогда никаких обвинений СССР в нарушении пакта Бриана — Кэллога, Конвенции об определении агрессии и договора о ненападении с Польшей.

Да, СССР, вернув Западную Белоруссию и Западную Украину, нарушил Рижский мирный договор 1921 г., в котором после поражения в советско-польской войне Советская Россия признала переход этих территорий в состав Польши.

Но Франция, проиграв франко-прусскую войну в 1871 г., по условиям Франкфуртского мира признала переход к Германии Эльзаса и Лотарингии. По итогам Первой мировой войны она их себе вернула. И никто не обвиняет за это Францию в преступлении.

Нарушение Франкфуртского договора было узаконено в международно-правовом отношении Версальским мирным договором. Точно так же нарушение Советским Союзом Рижского договора было узаконено советско-польским договором о границе от 16 августа 1945 г. и предшествующими решениями Ялтинской конференции союзных держав. Поэтому обвинения «сталинского руководства» в преступлении на основании нарушения Рижского договора не более чем сознательная демагогия. С таким же успехом можно обвинить его и в преступном нарушении договора о «вечном мире» с Польшей от 1686 г.

Присоединение Западной Белоруссии и Западной Украины к СССР

Международно-правовая обоснованность Освободительного похода не решает проблему легитимности включения занятых в ходе похода Красной армией земель Западной Украины и Западной Белоруссии в состав СССР. Их принадлежность Польше СССР признал по Рижскому мирному договору в 1921 г., который СССР в 1939 г. несомненно нарушил, о чем уже говорилось выше.

Однако и в данном случае обвинить Советский Союз в попрании норм международного права также нет оснований. Правовую основу присоединения западнорусских земель обеспечило соблюдение Советским Союзом принципа этнического самоопределения, который после Первой мировой войны стал внедряться, хотя и не последовательно, в систему международного права.

Президент США Вудро Вильсон, предлагая в одном из своих знаменитых «14 пунктов» создать на обломках Российской, Германской

и Австро-Венгерской империй независимую Польшу, считал необходимым при определении ее границ исходить в первую очередь из этнического принципа: «Должно быть создано независимое Польское государство, которое должно включать в себя все территории с неоспоримым польским населением»⁴⁰.

Последствием такого подхода стала хорошо известная «линия Керзона» — определенные Верховным советом Антанты восточные границы Польши, примерно соответствующие современным западным границам Украины и Белоруссии.

Вторая Речь Посполитая с такими границами мириться не желала, попыталась построить Польшу от «моря до моря» и развязала войну против Советской России. Побежденная в войне Россия была вынуждена на мирных переговорах в Риге уступить значительную часть своей территории Польше и передвинуть границу на 100–150 километров восточнее «линии Керзона».

Вынужденный договор, конечно же, все равно является обязательным к исполнению договором. Вместе с тем советское правительство никогда не скрывало свое намерение добиться воссоединения украинского и белорусского народов путем проведения плебисцита на этих территориях и продолжало, несмотря на польские протесты, в официальных документах именовать их «Западная Украина» и «Западная Белоруссия». Поляки от проведения плебисцита в Галиции наотрез отказались. Как мы помним, отказалась от плебисцита в захваченной Бессарабии и Румыния. При этом и Польшу, и Румынию в этом вопросе полностью поддерживали «верные принципам демократии» великие державы Запада, а открытого волеизъявления народов требовал «тоталитарный» СССР.

Наряду с Рижским договором, в доказательство противоправности действий СССР по присоединению Западной Белоруссии и Западной Украины поляки приводят декрет советского правительства от 28 августа 1918 г., по которому аннулировались все соглашения о разделах Польши. Тем самым Россия якобы отказывалась от этих земель, входивших в состав Речи Посполитой до ее первых трех разделов.

Однако данный декрет к проблеме воссоединения не имеет никакого отношения. На этот счет существует четко выраженная еще в 1929 г.

⁴⁰ URL: <http://www.grinchevskiy.ru/1900–1945/chetirnadcat-punktov.php> (дата обращения: 12.08.2020).

позиция СССР, изложенная в специальном Меморандуме: «Договоры о разделе Польши были аннулированы Советским правительством как противоречащие принципу самоопределения народов. Однако декрет 1918 г. вовсе не означает, что польскому народу оказывается предпочтение за счет других народов — украинского, белорусского, латвийского и литовского, что, декларируя отказ от актов раздела Польши вследствие их противоречия принципу самоопределения народов, Советское правительство санкционировало поправление прав на самоопределение других народов, населяющих территории, некогда принадлежавшие Речи Посполитой. Именно поэтому в упомянутом декрете нет постановления, по которому РСФСР отказывалась бы в пользу Польши от территорий, некогда входивших в состав последней. Декрет не может иметь значения международного акта, предоставляющего кому-либо правовые титулы на владение определенными территориями или дающего возможность рассматривать эти территории как “terra nullius”»⁴¹.

Освободительный поход предоставил возможность решить вопрос о государственной принадлежности Западной Украины и Западной Белоруссии путем народного волеизъявления, не нарушая норм международного права. На освобожденных от польских оккупантов землях были проведены выборы, уже по результатам которых и были приняты решения о воссоединении Западной Украины и Западной Белоруссии с СССР и их вхождении в УССР и БССР соответственно.

Поборники концепции преступности действий СССР отрицают, как и в случае с Прибалтикой, демократичность процедуры выборов в условиях оккупации территории Красной армией и явной заинтересованности Советской России в их результатах. Тем самым ставят под сомнение и сам факт национального самоопределения. При этом они намеренно или нет забывают, подчеркивает В. С. Макаручук, что и «плебисциты в Силезии 1921 г. и Исландии 1944 г. проходили в условиях военной оккупации, а плебисциты 1935 г. в Сааре и 1938 г. в Австрии — еще и в обстановке ощутимого силового давления заинтересованного государства»⁴².

В данном случае речь опять-таки не идет о принципе «все воруют». Дело совсем в другом. В неправомерности самого подобного подхода

⁴¹ Документы внешней политики СССР. 1939. Т. 22. В 2 кн. Кн. 2. Сентябрь — декабрь. М., 1992. С. 114.

⁴² Макаручук В. С. Указ. соч. С. 230.

к оценке событий прошлого. О чем уже говорилось выше на примере голосований в новые органы власти в Прибалтике.

Проведенные советской властью в 1939 г. плебисциты на освобожденной территории не были оспорены в суде, не противоречили международно-правовой практике того времени, а их результаты, в виде новой западной границы СССР, получили, хотя и не сразу, признание де-юре со стороны мирового сообщества. Включая и признание Польши — по договору о границе от 16 августа 1945 г.

Континуитет

Присоединение Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР нередко трактуется на Западе и в либеральном сообществе России как соучастие совместно с Германией в четвертом разделе Польши. Обвинение более чем серьезное. Независимо от пунктов и подпунктов международного права межвоенного периода, раздел Польши, несомненно, является преступлением против польского народа. Другой вопрос, участвовала ли Советская Россия в четвертом разделе Польши?

В международном праве существует понятие континуитета, которое отражает непрерывность государства как субъекта международного права. У государства могут изменяться политическая и социально-экономическая системы, название, границы, но оно продолжает существовать как один и тот же субъект истории, участник межгосударственных отношений, носитель прав и обязанностей, вытекающих из распространения на него норм международного права. Например, континуитет Франции означает, что феодальная и капиталистическая Франция; французское королевство Капетингов, Каролингов, Валуа, Бурбонов; две империи и несколько республик, несмотря на все различия в политике, экономике, территории, — один и тот же субъект истории и международного права.

Применительно к России, утверждает В. С. Черниченко, это означает, что «Российская империя, РСФСР, СССР и Российская Федерация — один и тот же участник межгосударственных отношений, один и тот же субъект международного права, не прекращавший своего существования, непрерывный»⁴³.

⁴³ Черниченко В. С. Является ли Россия правопродолжателем или правопреемником СССР? URL: http://sd.net.ua/2005/01/06/javljaetsja_li_rossija_prodlzhatelem_ili_pravopreemnikom_sssr.html (дата обращения: 11.08.2020).

При этом Российская империя, несомненно, являлась новой формой Московского царства, и оно с полным основанием может быть добавлено в определение В. С. Черниченко. Принцип континуитета России получил правовое оформление в законах о государственном флаге Российской Федерации, государственном гимне Российской Федерации, о государственном гербе Российской Федерации: герб Московского царства, флаг Российской империи, музыка гимна СССР.

Сложнее, на первый взгляд, обстоит дело с континуитетом применительно к Киевской Руси. Вместе с тем великие князья Московские, позже московские цари, изначально позиционировали себя в качестве наследников Киевской Руси. Их политика получила определение как «собрание русских земель», которые они считали своими «отчинами и дединами». Официальной заявкой на право обладания всеми русскими землями, правовым оформлением континуитета Московского царства и Киевской Руси стало принятие Иваном III титула «Государя всея Руси», к XVII в. титул трансформировался в «Государь, Царь и Великий князь всея Великия и Малая и Белая России Самодержец».

Все это дает нам право утверждать, что Советский Союз, несмотря на кардинальную смену социально-экономической и политической системы, являлся правопродолжателем Российской империи, Московского царства и Киевской Руси, был одним и тем же субъектом истории и международного права. При этом необходимо особо подчеркнуть, что, несмотря на постоянно звучавшие в СССР пропагандистские лозунги — «Мы родом из Октября», Советский Союз во внешней политике де-факто, а затем и де-юре по мере укрепления власти Сталина начинает позиционировать себя как продолжателя Российской империи.

Во внешней политике СССР де-факто, а затем и исподволь де-юре начинает позиционировать себя как продолжателя Российской империи. Так в 1940 г. в ультиматуме Румынии с требованием вернуть Бессарабию впервые официально понятия «СССР» и «Россия» были употреблены как синонимы: «В 1918 году Румыния, пользуясь военной слабостью России, насильственно отторгла от Советского Союза (России) часть его территории — Бессарабию»⁴⁴.

⁴⁴ Документы внешней политики СССР. 1940–22 июня 1941. Т. 23. В 2 кн. Январь — ноябрь 1940. М., 1995. С. 385.

В 1948 г. выдающийся советский правовед профессор Ф.И. Кожевников писал как об очевидности то, что еще в 20-е гг. воспринималось бы как сущая контрреволюция: «Великая Октябрьская социалистическая революция не создает в юридическом смысле нового субъекта международного права. Субъектом этого права по-прежнему остается Россия... образование СССР не означает исчезновения России в качестве субъекта этого права на международной арене... СССР... это — Россия, но в виде социалистического союзного государства»⁴⁵.

Понятие континуитета подводит прочную правовую базу под действия СССР в 1939 и 1940 гг. Российская империя в результате революции и Гражданской войны лишилась значительных территорий. Каким-то территориям независимость была предоставлена добровольно (Польша, Финляндия), чью-то независимость или переход к другим государствам Советская Россия была вынуждена признать (Прибалтика, Западная Украина и Западная Белоруссия), какие-то изменения границ признаны не были (Бессарабия).

Утратив территории, Россия не утратила права на их возвращение (не путать с правом на обладание). Отрицать наличие такого права у СССР, значит, поставить под сомнение правомерность, например, возвращения Франции Эльзаса и Лотарингии, которые были переданы Германии по мирному договору после поражения во франко-прусской войне 1870 г.

Галиция не входила в состав Российской империи, но она входила в состав Киевской Руси. Отрицание права Советского Союза на Галицию равносильно отрицанию права русской нации на воссоединение, правомерности всей политики «собираания земель», без которой не было бы и современного российского государства.

Конечно, желающих поставить под сомнение право России на существование найдется не мало и внутри страны, и за ее рубежами. Но в таком случае надо будет признать противоправным существование в современных границах и большинства европейских государств. В частности, Современная Германия является результатом объединения, причем «железом и кровью» Бисмарком после многих веков раздробленности почти всех ветвей немецкой нации в одном государстве.

⁴⁵ Цит. по: Кулагина И.А. Правосубъектность Российской Федерации в контексте международного права: дис. ... канд. юр. наук. М., 2007.

Другой вопрос, какими методами восстанавливать свое право на территорию и право на этническое самоопределение в форме воссоединения? Как уже говорилось выше, СССР реализовал свои права в полном соответствии с нормами международного права и международно-правовой практики того времени. Поэтому нет никаких оснований считать возвращение захваченных Польшей территорий и завершение многовекового процесса воссоединения всех трех ветвей русской нации в одном государстве преступлением по отношению к польскому народу — четвертым разделом Польши. Возвращение «своего» не может быть разделом «чужого».

Захват Польши и ее раздел между рейхом и «генерал-губернаторством» осуществила Германия, и только на ней лежит вся полнота ответственности за это.

Советскому Союзу в связи с присоединением Западной Белоруссии и Западной Украины можно поставить в вину только то, что он отстаивал свои права, совершенно не учитывая интересов Польши, предоставив Германии полную свободу действий западнее согласованной в Секретных протоколах к пакту Молотова — Риббентропа линии разделения сфер интересов. Однако в основе такого обвинения будет лежать уже не правовая, а моральная и политическая оценка действий СССР. Причем подобная оценка вовсе необязательно будет отрицательной.

*Д. Робертс*¹

Черчилль и Сталин как товарищи по оружию: Уроки для сегодняшнего дня²

Этот доклад подготовлен на основе моей книге «Черчилль и Сталин: товарищи по оружию во время Второй мировой войны», которая была опубликована в конце 2019 г. Соавторами книги были Мартин Фолли и Олег Ржешевский.

К сожалению, профессор О.А. Ржешевский умер за несколько месяцев до выхода книги в свет. Книга была задумана Ржешевским и вдохновлена его собственными работами о Черчилле и Сталине, в частности многочисленными документами, которые он опубликовал, о взаимоотношениях двух лидеров во время войны. Олег Александрович свято верил в публикацию документов и в то, что исторические исследования должны основываться, прежде всего, на фактах и доказательствах. Конечно, у него были свои взгляды! — и мы не всегда соглашались друг с другом. Но наши разногласия и аргументы всегда основывались на фактах, а не на какой-то заранее установленной идеологической или политической позиции.

Наша книга — это документальная история Черчилля и Сталина во время войны. Около половины книги составляют документы. Главные из них — это стенограммы их бесед, состоявшихся во время визитов Черчилля в Москву в августе 1942 и октябре 1944 г., а также в Тегеране, Ялте и Потсдаме. Все документы для этой книги взяты из российских архивов, так что это во многом советская хроника отношений Черчилля и Сталина, хотя в наших комментариях мы широко

¹ Робертс Джеффри — профессор университета г. Корк (Ирландия).

² Перевод с англ. О. В. Сдвижкова.

использовали британские стенограммы их бесед. Одной из наших целей было представить англоязычной аудитории эти важные документы из российских архивов, чтобы читатели могли сами увидеть, о чем разговаривали Черчилль и Сталин во время войны.

Мы называли Черчилля и Сталина товарищами по оружию во время Второй мировой войны, потому что именно так они относились друг к другу, и именно так их воспринимала широкая общественность. В Англии во время войны был популярный пропагандистский плакат, изображавший их стоящими рядом и с надписью: «Черчилль и Сталин: товарищи по оружию».

Черчилль и Сталин объединились, чтобы победить общего врага, угрожавшего самому существованию их государств и обществ. Черчилль видел в Сталине гораздо меньшее зло по сравнению с Гитлером. В то же время для Сталина общий интерес к поражению фашизма преобладал над его враждебностью к британскому капитализму и империализму. Хотя Черчилль был одним из главных организаторов коалиции капиталистических стран, которая пыталась разгромить большевистскую Россию после Первой мировой войны, в 1930-х гг. он выступал против англо-французского умиротворения нацистской Германии и настаивал на прочном союзе Великобритании, Франции и Советского Союза для противостояния Гитлеру. Когда англо-советско-французские переговоры провалились, ему не понравился последующий советско-нацистский пакт августа 1939 г., но он понимал, что заставило Сталина заключить сделку с Гитлером, и верил, что рано или поздно Британия и Советский Союз будут сражаться вместе.

В период действия нацистско-советского пакта, с августа 1939 по июнь 1941 г., Сталин опасался преждевременного втягивания в войну на стороне Великобритании, но он восхищался отказом Черчилля капитулировать перед Гитлером после падения Франции в 1940 г. После нападения Гитлера на СССР многие британские политические и военные деятели ожидали быстрой победы Германии и не хотели выделять какие-либо ресурсы на помощь Советскому Союзу. Черчилль, однако, без колебаний заявил о своей солидарности с русским народом. В июле 1941 г. было подписано англо-советское соглашение о совместных военных действиях против Германии, а в мае 1942-го был заключен англо-советский союзный договор.

Декларация Черчилля о солидарности со Сталиным была первым решающим шагом в формировании великого союза Великобритании,

Советского Союза и Соединенных Штатов — одной из самых эффективных военных коалиций в истории. Как сказал Сталин в Ялте, «в истории дипломатии я не знаю такого тесного союза трех великих держав, как этот».

К тому моменту, когда Черчилль и Сталин впервые встретились в Москве в августе 1942 г., Советский Союз смог выдержать первый немецкий натиск, хотя Красная армия и понесла миллионные потери. Как и Черчилль в 1940 г., Сталин проявил мужество, оставшись в Москве в ноябре 1941 г., когда вермахт стоял у ворот советской столицы. Аналогом «звездной» речи Черчилля в июне 1940 г. было патристическое обращение Сталина к войскам, маршировавшим 7 ноября 1941 г. по Красной площади по пути на фронт. Из их переписки было ясно, что и тот и другой были глубоко вовлечены в руководство военными действиями британских и советских вооруженных сил. Каждый из них имел личный военный опыт — Черчилль в британских имперских войнах в Африке и во время Первой мировой войны, Сталин во время Гражданской войны в России. Они оба серьезно интересовались военной историей, стратегией и доктринами и имели склонность к одежде военного стиля. Если президента Рузвельта Сталин описывал как великого человека и в мирное время, и во время войны, Черчилля он называл своим товарищем по оружию.

Рузвельт был третьим партнером в руководстве антигитлеровской коалицией. Подобно Черчиллю и Сталину в своих странах, он осуществлял жесткий политический контроль над военными действиями США, но не взял на себя роль активного верховного главнокомандующего.

Сталин считал Рузвельта представителем американской прогрессивной буржуазии и был впечатлен его быстрым решением распространить поставки по ленд-лизу на СССР после нападения немцев на Советский Союз, хотя Соединенные Штаты тогда еще не вступили в войну. Соглашение о поставках из США было подписано в сентябре 1941 г., более чем за три месяца до нападения Японии на Перл-Харбор. Сталин с большим уважением относился к политической группе, которую представлял Рузвельт, и стремился достичь американской промышленной и военной мощи посредством сочетания американских методов массового производства и социалистического экономического планирования. «Если бы я родился и вырос в Америке, — сказал Сталин главе американской Торговой палаты в июне 1944 г., — я, вероятно, был бы бизнесменом».

В то время как Сталин испытывал большую личную привязанность к Рузвельту и политически доверял ему больше, чем Черчиллю, мне кажется, что эмоционально он был ближе к Черчиллю и связан с британским лидером особым образом, что было невозможно в отношении Рузвельта. Это было потому, что он видел в Черчилле товарища по оружию, и то же самое верно в отношении взгляда Черчилля на Сталина.

Конечно, не стоит преувеличивать близость и уровень сотрудничества Черчилля и Сталина во время войны. В Антигитлеровской коалиции было много противоречий, трудностей и споров, которые мешали ее функционированию, но не угрожали распадом. Самым важным источником напряженности была неспособность западных союзников открыть второй фронт во Франции ранее, чем через три года после немецкого вторжения в СССР. Именно Черчилль сопротивлялся открытию второго фронта. Только на Тегеранской конференции в декабре 1943 г. он окончательно согласился с тем, что это должно быть сделано. Наиболее сложным был вопрос о советско-польской границе и отношениях Москвы с польским эмигрантским правительством в Лондоне. Он был разрешен только летом 1945 г. Советская сторона была недовольна размерами материальной помощи со стороны Великобритании, США и других стран-союзников, особенно когда она была наиболее необходима в 1941–1942 гг. Только после победы Красной армии под Сталинградом помощь союзников стала поступать в СССР в огромных количествах. Эта помощь не была безусловно необходимой для победы Советского Союза над нацистской Германией, но она имела важнейшее значение. Без нее война затянулась бы большее время, а потери советских войск были бы еще выше.

В то время как личное отношение Черчилля к Сталину оставалось принципиально позитивным на протяжении всей войны, в 1945 г. он стал более враждебным по отношению к Советскому Союзу. Он высоко оценивал вклад Советского Союза в общие военные усилия, но ему не нравились стратегические и политические последствия победы Советского Союза над нацистской Германией.

Такова была подоплека печально известной операции «Немыслимое», чрезвычайного плана 1945 г., составленного по приказу Черчилля для войны с Советским Союзом.

Черчилль потерял власть в июле 1945 г., к большому удивлению Сталина, который предсказывал большинство в 80 мест для Консервативной партии Черчилля. В отставке Черчиллю не хватало внимания

и восхищения публики, которые он имел раньше как великий военный лидер. Возможность вновь привлечь к себе внимание появилась у него в марте 1946 г. в Фултоне, штат Миссури, где он произнес свою знаменитую, некоторые сказали бы — печально известную — речь о «железном занавесе». Сталин ответил тем же, публично осудив Черчилля как поджигателя войны. Тем не менее они сохранили личную привязанность друг к другу, и когда Черчилль вернулся к власти в Великобритании в 1951 г., он был сторонником возобновления переговоров с Советским Союзом на высшем уровне. «Разговоры лучше, чем война», — сказал Черчилль.

Часто говорят, что военный союз Великобритании, Соединенных Штатов и Советского Союза появился только благодаря Гитлеру и распался, как только нацистская Германия потерпела поражение. Но мы считаем, что ни образование, ни распад коалиции не были неизбежны. Она была создана и функционировала в течение тяжелейших четырех лет тотальной войны благодаря воле лидеров великих держав.

В условиях войны лидеры коалиции решили объединиться против общего врага, а затем продолжить политическое сотрудничество в мирное время. После войны был сделан другой выбор. Каждая сторона решила преследовать собственные, а не общие цели альянса, результатом этого стала холодная война.

Первый подход спас мир от Гитлера и нацистов. Второй — верг мир в ситуацию потенциально катастрофического конфликта, который продолжался много десятилетий. Огромные ядерные арсеналы, созданные в это время, остаются экзистенциальной угрозой для человечества.

Это первый урок из отношений Черчилля и Сталина для сегодняшнего мира. Характер международных отношений и характер отношений между государствами в своей основе зависят от политического выбора. Иногда этот выбор труден и сложен, но он всегда возможен.

Второй урок состоит в том, что личные отношения лидеров имеют значение. Три государства-партнера по Антигитлеровской коалиции имели очень разные социально-политические системы, между советским коммунизмом и западной либеральной демократией существовала долгая история идеологического противостояния. Антикоммунисты внутри западных стран были враждебны союзу со старым идеологическим противником, в то время как в Советском Союзе существовали глубокие подозрения в отношении лидеров западных капиталистических стран. Коалиции также пришлось столкнуться с попытками Гит-

лера посеять семена сомнения, распространяя слухи о том, что каждый из союзников ведет переговоры о сепаратном мире с немцами.

Антигитлеровская коалиция преодолела эти трудности благодаря Черчиллю, Рузвельту и Сталину. В личных контактах они убедились, что могут работать вместе и доверять друг другу. Временами это доверие и дружба были натянуты, но трудности преодолевались, а разногласия разрешались путем компромиссов, в которых уважалась честь участников и защищались жизненно важные интересы их стран. Такая коалиция, сложившаяся во время войны, была немыслима без этой личной связи, и в основе ее были дружеские и рабочие отношения Черчилля и Сталина.

Третий урок на сегодня можно резюмировать политическим лозунгом моей юности: «Пессимизм интеллекта, оптимизм воли». Это был девиз итальянского марксиста Антонио Грамши, а сами слова принадлежат французскому писателю Ромену Роллану.

Дело в том, что ситуация может измениться очень быстро, и настроения резко меняются в течение очень короткого времени. Накануне нападения Гитлера на СССР Англия и Соединенные Штаты были очень враждебны к Советскому Союзу, не в последнюю очередь из-за сотрудничества Сталина с Гитлером в период нацистско-советского пакта.

Современная русофобия на Западе может ощущаться исключительно сильной, но это ничто по сравнению со вспышками антисоветских настроений после вторжения Красной армии в Финляндию в декабре 1939 г.

После 22 июня 1941 г. отношение к Советскому Союзу изменилось почти в одночасье, и волна народных просоветских настроений захлестнула западные союзные государства. После начала холодной войны произошел регресс, но новая антисоветская волна была вытеснена сдвигом в сторону разрядки после смерти Сталина. То же самое произошло после Кубинского ракетного кризиса и после прихода к власти Горбачева.

Именно сейчас очень трудно без пессимизма оценивать перспективы кардинального улучшения российско-западных отношений. Однако история показывает, что хотя сегодняшняя русофобия, как и ее предшественница, советофобия, широко распространена, но это не означает, что она глубоко укоренена в обществе и неизбежна. Это поверхностное явление, которое может быть преодолено при наличии правильных обстоятельств, правильных лидеров и правильного политического выбора.

Советский Дальний Восток и ленд-лиз

Проблема ленд-лиза в последние десятилетия привлекает серьезное внимание российских исследователей. Среди прочих аспектов этой весьма объемной и многообразной темы стала, в частности, рассматриваться не только история северных (арктических) конвоев, о которых всегда вспоминали в первую очередь, когда разговор заходил о ленд-лизе. Пришла пора поговорить и о других маршрутах доставки союзнической военно-экономической помощи в СССР. Тем более что в Мурманск и Архангельск пришло грузов меньше, чем через Персидский залив и Иран в советское Закавказье и на Каспий или через Тихий океан в советские дальневосточные порты. Именно этот последний маршрут в конечном счете и стал главным по объему поставок².

Сразу после нападения Германии на Советский Союз США и Британия заявили, что окажут ему содействие в борьбе против агрессии. Поначалу англичане действовали более активно. Москва и Лондон

¹ Монин Сергей Михайлович — кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО (У) МИД РФ (г. Москва).

² См., напр.: Быстрова И.В. Ленд-лиз для СССР. Экономика, техника, люди (1941–1945). М., 2019; Бутенина Н.В. Ленд-лиз: сделка века. М., 2004; Краснов В.Н., Краснов И.В. Ленд-лиз для СССР. М., 2008; Комаров М.П. Ленд-лиз для Военно-морского флота СССР. СПб., 2014; Котельников В.Р. Авиационный ленд-лиз. М., 2015; Монин С.М. Победа — одна на всех // Великая Победа: в 15 т. Т. 7: Испытание. М., 2015. С. 368–390; Он же. Дорогами ленд-лиза // Великая Победа: в 15 т. Т. 15: Великая победа и современный мир. М., 2015. С. 121–134; Паперно А.Х. Ленд-лиз. Тихий океан. М., 1998; Почтарев А.Н. Морские секреты Второй мировой. Военно-морское сотрудничество СССР и США. М., 2016; Ленд-лиз и Россия. Архангельск, 2006; Рыжков Н.И. Великая Отечественная: ленд-лиз. М., 2012; Соколов М. АвтоНАШЕСТВИЕ на СССР. Трофейные и ленд-лизовские автомобили. М., 2011; Супрун М.Н. Ленд-лиз и северные конвои, 1941–1945. М., 1997; и др. Опубликованы переводные работы: Джонс Р.Х. Ленд-лиз. Дороги в Россию. Военные поставки США для СССР во Второй мировой войне. 1941–1945. М., 2015; Стеттиниус Э. Ленд-лиз — оружие победы. М., 2000.

сразу же приступили к обсуждению этого вопроса по дипломатическим каналам. В 12:00 22 июня советский посол в Лондоне И. М. Майский прибыл по приглашению на встречу с министром иностранных дел А. Иденом. В ходе состоявшейся беседы, как сообщал посол, было подчеркнуто, что «британское правительство готово оказать нам содействие во всем, в чем оно может, и просит лишь указать, что именно нам нужно». В это же самое время в Москве первый заместитель наркома иностранных дел А. Я. Вышинский принял британского временного поверенного в делах Г. Баггалея по его просьбе (посол С. Криппс находился в это время в Лондоне). Британский дипломат заявил, что его правительство «могло бы оказать помощь в снабжении СССР через Владивосток или Персидский залив»³. Вечером того же дня британский премьер-министр У. Черчилль в специальном радиообращении по Би-Би-Си публично, четко и ясно заявил, что его страна предоставит Советскому Союзу всю возможную поддержку.

То, что в первый же день германо-советской войны англичанами был упомянут Владивосток, не удивительно. В Первую мировую войну наряду с Архангельском этот порт был главным по приему военных грузов, которые направляли в Россию ее тогдашние союзники по Антанте⁴. И теперь туда были направлены суда с материалами, запрошенными Советским Союзом.

28 июня английской экономической миссии в СССР была передана советская заявка на получение сырья. В послании У. Черчилля И. В. Сталину, полученном в Москве 26 июля, говорилось о том, что принимаются «меры к поставке в течение этого года большого количества каучука, олова, шерсти и шерстяной одежды, джута, свинца и шеллака»⁵. Из всего перечисленного, надо полагать, под рукой оказался прежде всего каучук, крупным производителем которого была британская колония Малайя в Юго-Восточной Азии.

1 августа У. Черчилль с подробностями извещал И. В. Сталина, что в дополнение к 10 000 тонн каучука, которые будут

³ Документы внешней политики СССР. Том 24. 22 июня 1941 г. — 1 января 1942 г. М., 2000. С. 10, 14.

⁴ Порох, золото и сталь. Военно-техническое сотрудничество в годы Первой мировой войны. СПб., 2017.

⁵ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2 т. Изд. 2-е. Т. 1. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли. (Июль 1941 г. — ноябрь 1945 г.). М., 1976. (Далее: Переписка...). С. 22.

в ближайшее время отправлены в один из северных советских портов, для СССР уже выделено из Малайи еще 10 000 тонн. «Из этого последнего количества, — перечислял британский премьер, — 2651 тонна уже отправлена 20 июля на пароходе “Волга” из Порт-Суэттенэм во Владивосток. Пароход “Арктика” также вышел из Малайи, имея на борту 2500 тонн. Пароход “Максим Горький”, вышедший из Шанхая 25 июля, и пароход “Красный партизан”, отплытие которого из Гонконга намечено на 1 августа, должны прибыть в Малайю в первых числах августа и забрать дополнительный груз каучука...»⁶

Это были первые более-менее развернутые упоминания в переписке на высшем уровне о военно-экономической помощи СССР со стороны западных союзников, и касались они, как видим, прежде всего поставок через Дальний Восток.

Правда, в послании 21 июля британский премьер-министр вскользь обозначил еще одно направление поставок. Он писал, что «мы посылаем минный заградитель с различными грузами в Архангельск. Это самое большое, что мы в силах сделать в настоящее время. Я хотел бы, чтобы можно было сделать больше»⁷.

«Самое большое», что смогли послать англичане в страну, ведущую грандиозную по масштабам вооруженную борьбу с вторгшимся в ее сухопутные пределы агрессором, как оказалось, это партия магнитных мин и глубинных бомб. 31 июля их доставил в Архангельск минный заградитель «Адвенчур». «Сделать больше» удалось ровно через месяц, когда в том же порту встречали целый конвой из семи транспортов, которые привезли гораздо более солидную порцию военных грузов. До конца года пришло еще шесть конвоев. Так начал функционировать северный (арктический) маршрут.

Одновременно создавались условия для развертывания третьего основного маршрута ленд-лизовских поставок. 25 августа по взаимной договоренности советские и британские войска вошли в Иран, чтобы не только не допустить профашистский переворот в Тегеране, но и обеспечить возможность транспортировки товаров, в том числе оружия, через его территорию от Персидского залива до советских Закавказья и Средней Азии (Персидский коридор).

⁶ Там же. С. 24.

⁷ Там же. С. 21.

Американцы в это время, хотя и объявили о поддержке СССР, особо не торопились. Да и заявление о помощи было обставлено разными условиями, а о ленд-лизе не было сказано ни слова. Американский истеблишмент, как и британский, за немногим исключением ненавидел большевистскую Россию, но, в отличие от последнего, полагал, что у него еще есть время и он может со стороны посмотреть, как Гитлер и Сталин уничтожают друг друга. Тем не менее Соединенные Штаты участвовали в Московской конференции по военно-экономической помощи СССР (29 сентября — 1 октября) и подписали там протокол о поставках, но режим ленд-лиза распространили на Советский Союз только 7 ноября 1941 г. (Англичане сделали такой шаг в сентябре, раньше американцев.)

Едва ли это было обусловлено желанием сделать Кремлю своеобразный подарок к главному советскому празднику. Катастрофическая ситуация, сложившаяся к этому времени на московском направлении на советско-германском фронте, заставила американское руководство поторопиться с определением своей позиции. Если промедлить с помощью, то СССР, как считали в Вашингтоне, мог или рухнуть, или пойти на сепаратный мир, и тогда Германия, развязав себе руки на Востоке, сможет всей своей мощью обрушиться на англосаксов, не говоря уже о том, что захватит все поставленные Советам материалы.

Впору было серьезно заняться организацией поставок в Советский Союз. Тем более что в первые месяцы после нападения Германии на СССР отправка грузов через Тихий океан могла осуществляться в довольно спокойной обстановке. Но уже тогда на этом маршруте выявились немалые трудности как политического, так и природно-географического и организационного плана.

Активизация морского сообщения между СССР и США не на шутку встревожила Японию. Когда во Владивосток пришли американские танкеры, советской стороне было заявлено, что транспортировка американских стратегических материалов, в том числе авиационного топлива, через прибрежные японские воды раздражает общественное мнение Японии, так как продажа ей такой продукции запрещена. Высказывалось опасение, что нефть из США могла предназначаться китайскому правительству Чан Кайши, с которым Япония вела войну, а сами эти материалы могли использоваться в возможной будущей войне на Тихом океане. Если же эти грузы попадут в Европу, то это

затронет обязательства Токио перед Берлином и Римом по Тройственному пакту. Обеспокоенность японской стороны вызывалась также предположением, что в обмен на военные поставки СССР может предоставить США военные базы в Приморье и на Камчатке, и это закмнет «северную часть кольца — окружения Японии».

Соответствующие заявления делались японским МИДом советскому послу в Токио К. А. Сметанину, а японский посол в Москве И. Татэкава говорил об этом наркому иностранных дел В. М. Молотову⁸. Подобные тревоги терзали руководство Страны восходящего солнца вплоть до 1945 г. Между тем Москва неизменно отклоняла не раз высказывавшиеся Вашингтоном просьбы насчет баз, не желая преждевременного обострения отношений и тем более открытого конфликта с Токио.

После нападения японцев на Перл-Харбор 7 декабря 1941 г. и вступления Соединенных Штатов во Вторую мировую войну Тихий океан превратился в полномасштабный театр военных действий. Ситуация с перевозками грузов в СССР резко осложнилась.

Оказавшись теперь уже непосредственным участником войны, США, естественно, все свои ресурсы бросили на скорейшее развертывание и укрепление собственных вооруженных сил. Масштабный перевод американской экономики на военные рельсы в 1941 г. только начинался. В этой связи возможности для выделения требуемых объемов военных материалов для СССР были отнюдь не безграничны. Задача поддержки советского союзника была отодвинута в сторону, и поставки ему после Перл-Харбора были приостановлены. Возобновились они только после прямого указания президента Ф. Рузвельта, отданного 28 декабря 1941 г.⁹ Но проблемы оставались. Порты западного (тихоокеанского) побережья США оказались загружены войсками, боевой техникой и различным военным имуществом, отправляемыми на театр военных действий. Для этого был задействован практически весь наличный грузовой тоннаж. Впрочем, на маршрутах на советский Дальний Восток американские транспорты больше не могли появляться, ибо сразу стали бы мишенью для японцев.

Теперь между США и СССР могли ходить только суда под советским флагом с советскими экипажами. Они шли через океан по-

⁸ Сафронов В. П. Война на Тихом океане. М., 2007. С. 252–256.

⁹ Яковлев Н. Н. Неизвестный Рузвельт. Нужен новый курс! М., 2012. С. 388.

одиночке, без всякого эскорта, в темное время суток включая судовые огни только на подходах к японским территориальным водам (так называемые «капельные рейсы»). За 18–20 суток суда с западного побережья США добирались до дальневосточных портов СССР.

Такое «путешествие», однако, отнюдь не было легкой прогулкой. Напротив, оно требовало изрядной доли энергии, выдержки и профессионального мастерства.

Маршрут проходил через зоны боевых действий, где вполне можно было получить торпеду или бомбу неизвестно даже от кого: случайно, по ошибке или от «дружественного огня» (от своего союзника). Приходилось постоянно быть в напряжении, ожидая любых неожиданностей. Так, в 1942 г. японцы захватили острова Атту и Кыска из Алеутского архипелага, вдоль которого проходил основной путь судов с ленд-лизовскими грузами. Первый из них американцы не без труда отбили в мае следующего года. Со вторым, правда, вскоре произошел интересный казус. Две недели с моря и с воздуха американцы утюжили этот остров, предвзяв высадку своего десанта, но все впустую, поскольку, как потом выяснилось, японцы оттуда заранее предусмотрительно эвакуировались. Но около 100 кораблей, сосредоточенных для этой операции, спокойной обстановки для грузовых перевозок явно не создавали.

Всего за годы войны на пути в СССР из США и стран Малайского архипелага погибло 18 советских судов: 2 — от японской авиации, 1 — от японской подлодки, 6 — от американских субмарин, 1 — от неизвестной подлодки, 8 — по навигационным, погодным и неустановленным причинам¹⁰. По другим данным, погибло 28 судов¹¹. Последней потерей советского торгового флота во Второй мировой войне стал «Трансбалт», крупнейшее судно Дальневосточного государственного морского пароходства (ДВГМП). Оно шло с ленд-лизовским грузом в 10 тыс. тонн (рельсы, кузова к грузовикам и продовольствие) стоимостью 1 471 129 долл. Находясь между Сахалином и Хоккайдо, «Трансбалт» 17 июня 1945 г. (есть и другие датировки — 13 июня, 13 июля) был торпедирован американской субмариной. Считается, что «причиной его гибели, как и ряда других дальневосточных судов СССР, стали безответственные атаки американских подводных лодок

¹⁰ Пузырев В.П. Ленд-лизовские поставки в Россию через Тихий океан // Ленд-лиз и Россия. Архангельск, 2006. С. 161.

¹¹ Рыжков Н.И. Указ. соч. С. 184–185.

и недостаточно четкое оперативное взаимодействие советского ВМФ и американского морского командования»¹².

Недружественная политика Японии в отношении СССР проявлялась и в том, что советские суда нередко останавливались и досматривались, а то и вовсе задерживались порой на недели и месяцы. За годы войны случилось 178 таких эпизодов. Такое поведение Японии облегчалось самой географией региона и его природно-климатическими характеристиками.

Геостратегическое положение СССР на Тихом океане до 1945 г. было крайне невыгодным. Южный Сахалин и все Курильские острова тогда принадлежали Японии. Это давало ей возможность контролировать проливы, через которые лежал путь в советские порты, а при необходимости блокировать вход-выход в Охотское и Японское моря. Расположенный как раз «напротив» Владивостока незамерзающий пролив Цугару (Сангарский) между Хоккайдо и Хонсю во время войны был закрыт японцами для прохода советских судов. Попасть в порты Приморья через другой незамерзающий пролив — Корейский (Цусимский) — можно было, лишь обогнув с юга Японские острова. Но в прилегающих акваториях со временем развернутся военные действия, да к тому же это означало 5–6 дополнительных суток хода.

Первый Курильский пролив между островом Шумшу и Камчаткой считался опасным из-за течений, рифов и отмелей, а зимой еще покрывался льдом. В проливе Лаперуза между Сахалином и Хоккайдо, который зимой покрывался дрейфующим с севера льдом и к тому же «славился» сильными течениями, японцы выставили минные поля, оставив по краям двухмильные проходы. Мелководный Татарский пролив между Сахалином и материком, равно как и еще более мелкий Амурский лиман, а также северная часть Охотского моря могли быть по полгода покрыты льдом. Вдобавок на подходах к главным советским портам Тихоокеанский флот поставил свои минные поля и заграждения.

Столь сложные условия для судовождения потребовали создания военно-лоцманской службы. Ее станции располагались вблизи мест проводки судов, прежде всего при входе и выходе из Владивостока и Петропавловска-Камчатского и в Татарском проливе. Это были бухта Валентина (Приморье) и бухта Ахонтен (совр. бухта Русская, Камчатка).

¹² Пузырев В. П. Указ. соч. С. 159; Рыжков Н. И. Указ. соч. С. 184; Соколов В. В. Ленд-лиз в годы Второй мировой войны // Новая и новейшая история. 2010. № 6. С. 15.

Если ледовая обстановка, мелководье или транспортные пробки не позволяли крупнотоннажным судам дойти до порта назначения, они могли разгрузиться в какой-то промежуточной точке и опять уйти в США за новой партией продукции. Или разгрузиться лишь частично, чтобы с меньшей осадкой подняться вверх по Амуру до Николаевска, Комсомольска или даже Хабаровска.

Чаще всего в качестве перевалочной базы использовался Петропавловск-Камчатский, благо расположен он был на берегу огромной Авачинской бухты, зайти в которую можно было со стороны открытого океана без всякого постороннего контроля. До войны там действовал лишь один простенький деревянный причал для рыболовецких судов с грузооборотом в 20–30 тыс. тонн в год. Теперь там стали складировать ленд-лизовские материалы и в летнюю навигацию небольшими судами доставлять их к местам перегрузки на железную дорогу. Чтобы Петропавловск-Камчатский мог выполнить столь масштабную работу, в его гавани было развернуто крупное строительство. В 1943 г. уже действовали два деревянных торговых причала, а в конце войны это был капитальный механизированный морской торговый порт, через который за военные годы прошло, по некоторым подсчетам, 2,6 млн тонн грузов¹³.

Коренная реконструкция потребовалась и для других портов, прежде всего для Владивостока. С начала войны до 1 сентября 1941 г. туда было доставлено «всего» 151 тыс. тонн грузов. Но даже к такому очень скромному (на фоне того, что будет) объему порт оказался не готов, и там возникли большие заторы. Американцы сразу заметили это обстоятельство. Советским дипломатам пришлось выкручиваться, отвечая на вопросы, как они говорили, о «мифической» транспортной пробке. Они заверяли, что «американские оборонные грузы пойдут из Владивостока на фронт поистине пассажирской скоростью, что наш транспорт блестяще справился с мобилизацией...»¹⁴.

В реальной жизни трудности разного рода, задержки с поставками, пробки и заторы при разгрузке, хранении и транспортировке серьезно осложняли функционирование тихоокеанского маршрута. Так, за время действия Второго (Вашингтонского) протокола с 1 июля 1942 г.

¹³ Рыжков Н. И. Указ. соч. С. 178–179.

¹⁴ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945: Документы и материалы. В 2 т. Т. 1. 1941–1943. М., 1984. С. 90, 93. Далее: Советско-американские отношения...

по 30 июня 1943 г. по этому маршруту в СССР было завезено только 1548 тыс. тонн грузов — вдвое меньше запланированного¹⁵. С советской стороны, начиная с Государственного комитета обороны (ГКО) и Совнаркома СССР, потребовались исключительные усилия для налаживания ленд-лизских поставок по этому направлению. На помощь дальневосточникам прибыли опытные портовые специалисты из Европейской части страны. Во Владивостоке были развернуты работы по резкому наращиванию возможностей этого транспортного узла. В порту ремонтировались и расширялись старые причалы, подъездные пути, складские помещения и строились новые. Аналогичные меры предпринимались для повышения пропускной способности железной дороги. Причем делать это приходилось и дальше по всей трассе Транссиба, где тоже возникали заторы. При этом использовалась заказанная по ленд-лизу техника (портовое оборудование, различные краны, железнодорожный подвижной состав и т. д.). Для расшивки заторов была оборудована специальная перевалочная база на станции Перелетная в 120 км от города. В 1944 г. Владивостокскому порту были переданы близлежащие нефтяные терминалы, которые после реконструкции напрямую обеспечивали перекачку с танкеров в цистерны нефтепродуктов, различных масел, технического спирта.

Эти усилия не пропали даром. Всего за годы войны порт Владивостока, через который проходили как отечественные, так и импортные материалы, отправил почти 400 тыс. вагонов и платформ, более 10 млн тонн грузов (в том числе 7,9 млн импортных), обработал 32 тыс. судов. Таким образом, главный дальневосточный порт переработал в 1941–1945 гг. почти в 4 раза больше импортных грузов, чем Мурманск, и почти в 5 раз больше, чем Архангельск и другие беломорские порты¹⁶.

Помимо Владивостока и Петропавловска-Камчатского ленд-лизские поставки принимали, хотя и в гораздо меньшем объеме, Находка, Советская Гавань, Магадан (Нагаево), Николаевск-на-Амуре, Комсомольск-на-Амуре, Хабаровск.

Еще одной проблемой, которую пришлось решать при организации поставок по ленд-лизу через Дальний Восток, была острая нехватка тоннажа. Проще говоря, не было необходимого количества судов для перевозки такого огромного и все увеличивавшегося потока грузов.

¹⁵ Рыжков Н. И. Указ. соч. С. 174.

¹⁶ Рыжков Н. И. Указ. соч. С. 177–178.

К началу войны Дальневосточное государственное морское пароходство располагало 85 судами (70 пароходов, 15 теплоходов, в том числе 5 танкеров). Еще несколько судов было у Дальстроя и в составе рыболовного флота. Этого было явно недостаточно. Тем более что эти суда в основном были старые (по 20, а то и 40 лет), не очень большие (по 3–5 тыс. тонн водоизмещением), тихоходные (до 10–12 узлов).

В 1941–1943 гг. с западных бассейнов на Дальний Восток в основном через Северную Атлантику и Панамский канал, но также Северным морским путем и даже с Черного моря через Индийский, Атлантический и Тихий океаны были переброшены 39 старых советских транспортных судов. Этот перевод во многом был обусловлен тем, что англичане, формировавшие арктические конвои, перестали ставить в их состав совсем уж тихоходные суда.

Проблема тоннажа была в значительной степени решена за счет поставок из США по ленд-лизу 128 сухогрузов и танкеров (в 1942 г. — 27, в 1943 г. — 46, в 1944 г. — 20, в 1945 г. — 35 единиц). В основном передавались отремонтированные старые суда. Но имелись и только что построенные.

Это были суда типа «либерти», которые сыграли неоценимую роль в обеспечении морских перевозок союзников. Для их постройки американцы применили новую технологию, заменив трудоемкую клепку сборкой сварных секций. Это позволило перевести производство на поток. Каждый день в США спускалось на воду несколько новых судов, от закладки которых в среднем проходило 42 дня. Скорость «либерти» была не слишком высока (около 11 узлов), но водоизмещение — почти 15 тыс. тонн. Всего было построено более 2700 единиц общим водоизмещением 19 млн тонн. Стандартная загрузка для этих судов — 2840 джипов, или 525 броневедомостей М8, или 440 легких или 260 средних танков, или 651 000 76-мм или 300 000 105-мм снарядов.

Первый транспорт такого типа был передан советской стороне в январе 1943 г. Всего было предоставлено 38 новых сухогрузов типа «либерти», а также несколько танкеров.

Для северных широт, где в основном действовал советский флот, большое значение имели поставки из США кораблей ледового класса, тех же ледоколов. В 1945 г. на Миссисипи были построены 15 буксиров ледокольного класса типа река — море, которые советские моряки перегнали из Нового Орлеана через Панамский канал к устьям сибирских рек.

Руководил организацией тихоокеанского маршрута ленд-лизовских поставок начальник ДВГМП. Эту должность последовательно занимали А. А. Афанасьев, В. Ф. Федотов, Г. А. Мезенцев.

В январе 1945 г. в составе ДВГМП насчитывалось 185 судов общим водоизмещением 1,1 млн тонн (весь торговый флот СССР составлял 1,8 млн тонн).

Указанные сложности в обеспечении функционирования тихоокеанского маршрута ленд-лиза сказались на объемах поставок в первые годы войны. Да и союзники поначалу сосредоточили свои усилия на самом коротком и быстром пути в СССР (10–14 суток) — через северные (арктические) моря в Архангельск и Мурманск. Немцы, будучи полностью уверенными в своей скорой победе, не обращали внимания на арктические конвои, так что те в 1941 г. потерь не имели. Но под Москвой вермахт потерпел поражение, блицкриг сорвался, да еще США вступили в войну. Стало ясно, что война затягивается.

В начале 1942 г. немцы перебазировали на север Норвегии свой самый мощный линкор «Тирпиц», другие тяжелые корабли, сосредоточили там значительные силы авиации и подводного флота. Началась настоящая охота за конвоями, которая облегчалась наступлением полярного дня. Союзников хоть как-то спасали густые туманы, нередко висевшие над морем. Если с августа 1941 г. до конца марта 1942 г. из 110 транспортных судов был потоплен 1, то в мае уже 9 из 57. В июле произошла известная история с конвоем PQ-17, который по существу был брошен на произвол судьбы британским эскортом. Из его 35 судов жертвами немецких подлодок и самолетов стали 22, вместе с которыми на морском дне оказались 210 самолетов, 430 танков, 3350 автомобилей и почти 100 тыс. тонн других грузов. Вдобавок шедший ему навстречу обратный конвой QR-13 из-за навигационной ошибки наскочил на английское минное поле у берегов Исландии и лишился 5 судов. В сентябре тяжелые потери понес конвой PQ-18 (13 транспортов из 40).

Под предлогом большого урона англичане в сентябре прекратили отправку конвоев и возобновили движение только в декабре 1942 г. с наступления полярной ночи. К тому же, как объясняли в Лондоне, грузовой тоннаж потребовался для высадки англо-американских войск в Северной Африке.

Для Советского Союза прекращение отправки арктических конвоев было неожиданно. За время действия Первого (Московского)

протокола (1 октября 1941 г. — 30 июня 1942 г.) они перевезли почти 1 млн тонн грузов, тогда как через Тихий океан прошло менее 250 тыс. тонн, а через Иран — чуть более 300 тыс. тонн. Северный маршрут был ценен тем, что обеспечивал возможность доставлять ленд-лизовские материалы быстро, получать их относительно недалеко от фронта и промышленных центров СССР, и — что в тот момент было особенно важно — значительную часть грузов составляло оружие. Летом — осенью 1942 г. повсю развернулись Сталинградская битва и битва за Кавказ, шло кровопролитное Ржевское сражение. Советская промышленность завершила переход на военные рельсы, но после резкого падения в начале войны еще только начала наращивать выпуск вооружения.

В этих условиях помощь союзников была бы как нельзя кстати. Но вместо этого — приостановка конвоев. Не мудрено, что реакция Москвы была очень резкой. Тем более что практически одновременно британская сторона известила Кремль о том, что второго фронта в 1942 г. не будет. В послании И. В. Сталина У. Черчиллю от 23 июля доводы англичан о необходимости прекращения подвоза военных материалов в северные порты СССР были названы «несостоятельными», а соответствующее решение британского правительства «непонятным и необъяснимым». Ясно, что на войне «ни одно большое дело не может быть осуществлено без риска и потерь». Тем более что «Советский Союз несет несравненно более тяжелые потери». «Во всяком случае, — подчеркнул И. В. Сталин, — я никак не мог предположить, что Правительство Великобритании откажет нам в подвозе военных материалов именно теперь, когда Советский Союз особенно нуждается» в этом «в момент серьезного напряжения на советско-германском фронте».

У. Черчилль, желая смягчить предполагаемый ответ на свои известия, кивал на то, что часть грузов вместо северных советских портов можно перенаправить в Персидский залив. На это И. В. Сталин как о само собой разумеющемся написал: «Понятно, что подвоз через персидские порты ни в коей мере не окупит той потери, которая будет иметь место при отказе от подвоза северным путем»¹⁷.

В это время союзники только развернули реконструкцию транспортно-портовой сети в Иране. Особенно интенсивно эта работа пошла

¹⁷ Переписка... С. 64–69.

с осени 1942 г., когда Британия уступила руководство ею Соединенным Штатам, располагавшим, конечно, гораздо большими ресурсами. Американцы строили и перестраивали порты и аэродромы, железные и шоссейные дороги, авто- и авиасборочные заводы. На севере Ирана аналогичные работы по расширению транспортной инфраструктуры проводила советская сторона. Но компенсировать «недосдачу» из-за отсутствия конвоев этот маршрут пока не мог.

В такой обстановке вроде бы можно было форсировать увеличение грузопотока через Дальний Восток. Но в своем обмене посланиями ни советский, ни британский руководители ни словом не обмолвились об этом третьем маршруте. Можно выдвинуть два объяснения данного обстояательства. Или этот дальневосточный вариант рассматривался как чисто советско-американский проект, и с англичанами его нечего было обсуждать. Или возможности этого маршрута на тот момент были полностью исчерпаны, и это было хорошо известно и в Москве, и в Лондоне.

Только по мере решения вышеуказанные проблем, сдерживавших наращивание поставок через Тихий океан, роль этого маршрута относительно двух других стала расти. Если в 1942 г. его доля составила всего 29,9%, то уже в 1943 г. — 49,8%. В последние два года войны она оставалась примерно на том же уровне: в 1944 г. — 45,8% и в 1945 г. — 56,5%. Закономерен и конечный результат. Через советский Дальний Восток за все годы войны прошло более 8 млн тонн ленд-лизовских грузов (47,1% всех поставок). Это больше, чем через Иран (23,8%) и арктическими конвоями (22,6%) вместе взятых¹⁸.

Основные маршруты поставок в СССР грузов по ленд-лизу

Маршруты	тоннаж, тыс. тонн	%
Тихоокеанский	8 244	47,1
Трансиранский	4 160	23,8
Арктические конвои	3 964	22,6
Черное море	681	3,9
Советская Арктика	452	2,6
Всего	17 501	100,0

¹⁸ Рыжков Н. И. Указ. соч. С. 148–149, 174.

Отгрузка по ленд-лизу из США и Канады в СССР (тыс. тонн)¹⁹

Протоколы	Всего	Маршруты				
		Арктические конвои	Тихоокеанский	Трансиранский	Авиатрасса Аляска — Сибирь	Черное море
Первый	1578	993	245	307	33	—
Второй	2915	345	1517	976	67	—
Третий	5774	883	2500	2270	91	—
Четвертый	6437	1715	3356	614	106	646
С 01.07.1945 по 15.09.1945	674	—	552	—	103	20

Через Тихий океан СССР получал прежде всего объемные, габаритные грузы, как то: продовольствие, горючее, машины, оборудование, транспортные средства, а также предметы потребления. Часть материалов оставалась на Дальнем Востоке, что позволяло не вести все необходимое для снабжения региона из Европейской части страны. Оружие (за исключением того, что предназначалось советским вооруженным силам на Дальнем Востоке) обычно поступало через Мурманск и Архангельск или через Иран.

Особый разговор — ленд-лиз и подготовка СССР к войне с Японией. Соединенные Штаты долго добивались решения Москвы присоединиться к союзникам в их борьбе на Тихом океане против еще одного агрессора. Когда согласие было получено, началась практическая подготовка. Советская сторона предала американцам список необходимого ей оружия и иной продукции. В рамках программы «Операция Веха» (Operation Milepost) начиная с апреля 1945 г. предусматривалась доставка во Владивосток и Находку топлива, оборудования и других материалов на сумму в 1,5 млрд долларов. Специально для Тихоокеанского флота была подготовлена программа «Проект Хула» (Project Hula, по названию гавайского танца), которая предполагала передачу СССР около 180 военных кораблей и судов (тральщиков, сторожевиков, транспортов), а также подготовку 12 тыс. советских моряков к эксплуатации этой техники. Передача советской стороне кораблей и обучение советских экипажей, в том числе в таких сложных

¹⁹ Там же. С. 148–149.

по тем временам сферах, как радиолокация и гидроакустика, проходила на американской базе Колд-Бей на Аляске²⁰.

Как известно, война СССР с Японией оказалась скоротечной, и очень многое из поставленного по ленд-лизу просто не успели пустить в дело.

На советском Дальнем Востоке начинался еще один морской путь ленд-лиза. Летом суда с доставленными из США грузами собирались в бухте Провидения (Анадырский залив Берингова моря, у юго-восточного берега Чукотского полуострова). Затем в сопровождении ледаколов они шли Северным морским путем (СМП) в Мурманск или Архангельск. По мере необходимости осуществлялись заходы в порты Арктики и крупных рек Сибири, чтобы оставить там топливо, оборудование, продовольствие; забрать лес, природные ископаемые или готовую продукцию (как на Норильском горно-обогатительном комбинате). Хотя всего по СМП в годы войны было перевезено около 4 млн тонн грузов, импортная часть составила меньше полумиллиона тонн (2,6% поставок по ленд-лизу).

Эти грузы, однако, были крайне необходимы не только как ежегодный арктический «завоз», но и для обустройства и функционирования воздушной трассы ленд-лиза Аляска — Сибирь (АЛСИБ).

Идея наладить перегон самолетов из США в СССР через Аляску и Сибирь появилась практически сразу, как только эти две страны стали неформальными (а затем и формальными) союзниками. 29 июня американский посол Л. Штейнгардт в беседе с наркомом иностранных дел В. М. Молотовым выяснял, есть ли на севере СССР аэродромы, пользуясь которыми американские истребители могли бы переправляться в Советский Союз «воздушным путем». 31 июля личный представитель президента США Г. Гопкинс на встрече с В. М. Молотовым с иронией заметил, что его собеседнику, «наверное, покажется весьма курьезным тот факт, что американцы начали уделять внимание советско-американской границе в районе Аляски лишь после начала германо-советской войны. Только теперь американцы взяли в руки карту и увидели, что в течение долгого времени Советский Союз и США являлись соседями, у которых никогда не было никаких недоразумений и конфликтов». Эта бодрящее «открытие» породило в американских

²⁰ Вторая мировая война и трансформация международных отношений. От многополярности к биполярному миру. М., 2020. С. 544; *Коршунов Ю. Л.* Россия и США. Страницы морской истории. М., 2008. С. 183–194.

верхах желание сразу же по-деловому его использовать. И вот уже 1 августа сам президент Ф. Рузвельт (хотя лично он, надо полагать, и раньше знал, где сходятся границы СССР и США), принимая советских представителей, интересовался возможностями перегона американских истребителей «восточносибирским маршрутом»²¹.

20 июля 1941 г. ГКО принял постановление о проведении изысканий маршрута будущей авиатрассы, которая должна была напрямую соединить СССР и США. Рассматривалось три варианта. Первый — вдоль Северного морского пути. Но там были только небольшие базы и посты, использовавшиеся полярной авиацией. К тому же зимой — полярная ночь. Второй — через Камчатку и северный Сахалин на Комсомольск-на-Амуре. Но слишком близко от Японии. Третий — через Чукотку, Колыму и Якутию на Красноярск. Был выбран последний вариант, получивший официальное название «Красноярская трасса». Основные аэродромы этого маршрута находились на линии Уэлькаль — Сеймчан — Якутск — Киренск — Красноярск²².

9 октября 1941 г. ГКО принял постановление об организации воздушного перегона самолетов из США в СССР по маршруту Аляска — Сибирь. Началось строительство советского участка трассы.

На всем северо-востоке страны было лишь три по местным меркам приличных грунтовых аэродрома — в Якутске, Магадане и Петропавловске-Камчатском, причем на будущей трассе находился только первый из них. Немногочисленные другие аэродромы предназначались для легких самолетов типа У-2. Зимой они ставились на лыжи, летом использовались гидросамолеты. Надо было строить новые и реконструировать старые аэродромы, а также узлы связи и радионавигации, метеостанции, ангары и авиационные мастерские, создавать систему снабжения горючим и маслами. Были подготовлены 17 базовых, промежуточных и запасных аэродромов (одновременно в США и Канаде было построено 15 аэродромов). Работы велись в малонаселенной, а то и вообще ненаселенной местности, на труднодоступных территориях, в тундре и тайге, в местную жару и дикий холод. Трудились все, кого удавалось мобилизовать на выполнение этого важнейшего правительственного задания: местные жители, военнослужащие, заключенные.

²¹ Советско-американские отношения... С. 48, 88, 90.

²² Котельников В. Р. Указ. соч. С. 29–41.

Высшие руководители СССР и США было в курсе происходящего на строящейся трассе и время от времени обменивались мнениями на этот счет. Так, 23 июня 1942 г. Ф. Рузвельт писал И. В. Сталину о том, что «если было бы возможно осуществлять поставку самолетов из Соединенных Штатов в Советский Союз через Аляску и Сибирь вместо того, чтобы поставлять их через Африку, как это практикуется теперь (через южную Атлантику — Западную Африку — Ближний Восток — Персидский залив. — С. М.), было бы сэкономлено большое количество времени». Также это «позволило бы осуществить доставку в Советский Союз по воздуху самолетов с коротким радиусом действия вместо доставки их по морю, как это делается теперь».

1 июля глава советского правительства ответил, что полностью разделяет мнение «о целесообразности маршрута для переброски самолетов из США через Аляску и Сибирь» и что уже даны «указания об окончании в кратчайший срок проводящихся в Сибири работ по подготовке к приему самолетов»²³.

Воздушная трасса Аляска — Сибирь была открыта 6 октября 1942 г., когда с территории США в сторону СССР вылетела первая группа из 12 бомбардировщиков А-20 «Бостон». За ней последовали другие.

Движение было организовано следующим образом. Американские летчики пригоняли самолеты с заводских аэродромов в город Грейт-Фолс (штат Монтана) на границе с Канадой. Там находился штаб 7-й перегонной группы Аляскинского крыла Транспортного командования ВВС армии США. Далее начиналась трасса Аляска — Канада (АЛКАН), которая шла вдоль берега Тихого океана и заканчивалась в Фэрбенксе на Аляске (более 3,5 тыс. км). Причем система перегонки была сквозной, когда один и тот же экипаж вел свою машину от Грейт-Фолс до Фэрбенкса.

Неподалеку от Фэрбенкса на авиабазе Ленд-Филд находилась советская военная миссия. Прошедшие через ее приемку самолеты передавались летчикам 1-го перегонного полка. Они перелетали через Берингов пролив на Чукотку, на аэродром в Уэлькале, где им на смену приходили пилоты 2-го перегонного полка. И таким «эстафетным» способом, сменяя друг друга, советские летчики пяти авиаполков до-

²³ Переписка... Т. 2. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэнном. (Авг. 1941 г. — дек. 1945 г.). М., 1976. С. 21–23.

водили самолеты до Красноярска (6,5 тыс. км, из них по территории СССР — 5 тыс. км). Обратно на каждом этапе летчиков доставляли на транспортных самолетах. По прибытии в Красноярск истребители разбирали и по железной дороге отправляли в Европейскую часть страны, а бомбардировщики летели туда своим ходом. В итоге каждый самолет, вылетевший с заводской площадки где-то в США и приземлившийся на советском фронтовом или флотском аэродроме, должен был преодолеть порядка 14 тыс. км.

Самолеты обычно шли строем «клин». Впереди летел бомбардировщик — лидер, у которого было более совершенное навигационное оборудование и в составе экипажа имелся штурман. В середине строя — 8–12 истребителей. Позади шел еще один бомбардировщик, задача которого — следить за отстающими и в случае вынужденной посадки точно определить ее место и вызвать помощь. Бомбардировщики и транспортные самолеты могли лететь поодиночке.

Специально для АЛСИБа была сформирована 1-я перегоночная авиадивизия, состоявшая из пяти строевых и одного транспортного авиаполков. Первым начальником трассы и одновременно командиром дивизии был назначен И. П. Мазурук, известный полярный летчик, Герой Советского Союза, воевавший на Северном флоте. В дивизию отбирались самые опытные летчики. Особенно ценились пилоты полярной и морской авиации, а также те, кто уже успел повоевать на ленд-лизовских машинах или перегонял самолеты по Трансиранской трассе. Так, 13-й авиаполк особой морской авиационной группы Северного флота, прикрывавший союзные конвои, был перепрофилирован на перегонку самолетов. Перегонка самолетов приравнивалась к боевым вылетам. Многие летчики-фронтовики успешно летали по АЛСИБу, а перегонщики, перейдя во фронтовую или флотскую авиацию, успешно применяли свой опыт обращения с американской боевой техникой.

Столь строгий отбор был обусловлен экстремальными условиями, в которых приходилось действовать. Конечно, вражеских истребителей или зениток на АЛСИБе можно было не опасаться. Но здесь были свои опасности и сложности. Даже если не брать жилищно-бытовые, психологические, логистические и многие другие проблемы, а взять только, так сказать, авиационную сторону дела. На лютom морозе двигатели не запускались, приборы, а также жидкости и смазка замерзали, резина лопалась, колеса самолетов примерзали к земле. Расчищать

взлетно-посадочные полосы от снега приходилось вручную, лопатой. Полеты проходили в крайне сложных природно-географических и климатических условиях: в дождь, снег, туман, в дыму от лесных пожаров, в жесточайшие морозы (до -60° и даже до -70°), при сильном ветре и низкой облачности. «Полюс холода» в Оймяконе приходилось даже облетать стороной. Самолеты обледеневали, магнитные компасы оказывались ненадежны, точных карт не было. А лететь надо было над бескрайней тундрой, тайгой, горами, над безлюдными пространствами, где, если что случится, не было никакой возможности приземлиться и получить техническую помощь. Не удивительно, что на советском участке перегоночной трассы был потерян 81 самолет (по другим данным — 44), погибло 115 советских летчиков. На американском участке разбились 68 самолетов.

Темпы перегонки самолетов по АЛСИБу нарастали: 1942 г. — 114 шт., 1943 г. — 2465 шт., 1944 г. — 3029 шт., до сентября 1945 г. — 2300 шт. Всего за годы войны до Красноярска добралось 7908 американских самолетов. Это больше половины всех поставок из США. Среди них было 2616 истребителей П-39 «Аэрокобра», 2396 истребителей П-63 «Кингкобра», 1355 бомбардировщиков А-20 «Бостон», 729 бомбардировщиков Б-25 «Митчелл».

Транспортные самолеты перевозили по АЛСИБу особо ценные грузы и дипломатическую почту. Летали по этой трассе высокопоставленные государственные деятели, дипломаты и чиновники, в том числе советские послы в США М. М. Литвинов и А. А. Громыко.

В годы Великой Отечественной войны тихоокеанский маршрут, Северный морской путь и воздушная трасса АЛСИБ, проходившие через советский Дальний Восток, составили существенную и эффективную часть сложного и разветвленного механизма военно-экономического взаимодействия СССР с его западными союзниками и внесли свой достойный вклад в общую Победу.

А.И. Прохоровская¹

Роль Ялтинской конференции (4–11 февраля 1945 г.) в создании послевоенного миропорядка

Ялтинская конференция (4–11 февраля 1945 г.), вторая по счету встреча лидеров стран антигитлеровской коалиции — СССР, США и Великобритании — во время Второй мировой войны. Занимает важную главу в истории не только нашей страны, но и всего мира.

Осмысление решений Ялтинской конференции актуально в условиях современной геополитической обстановки, когда некоторые западные страны взяли курс на пересмотр роли СССР в победе во Второй мировой войне, на ревизию послевоенного миропорядка. Цинично искажается понимание принципов мирного развития, заложенных Ялтинской конференцией 1945 г., главным историческим достижением которой является согласованное создание механизма, который позволил бы ведущим державам оставаться в рамках дипломатии при разрешении возникающих между ними разногласий, несмотря на различия идеологий и геополитических взглядов.

Существенное значение в ходе проведения переговоров имел значительный рост международного авторитета Советского Союза, которому способствовали выдающиеся победы Красной армии. В результате успешно проведенных стратегических операций боевые действия были перенесены на германскую территорию, и война вступила в завершающую стадию. Это толкало западных союзников на поиски компромиссов с СССР.

¹ *Прохоровская Анастасия Игоревна* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации (г. Москва).

На конференции удалось согласовать важнейшие военно-стратегические, политические вопросы: условия безоговорочной капитуляции Германии, вступление СССР в войну с Японией, создание всеобщей международной организации для поддержания мира и безопасности — Организации Объединенных Наций. Решения, которые были приняты на конференции, оказали большое влияние на ускорение окончания войны и послевоенное устройство мира.

Главы СССР, Великобритании и США смогли добиться единства в вопросах военной стратегии и ведения коалиционной войны. Совместно были согласованы и спланированы мощные удары армий союзников в Европе и на Дальнем Востоке.

В ходе совещаний по военным вопросам было подтверждено, что 8 февраля 1945 г. на западном фронте начнется советское наступление. В общих чертах было намечено взаимодействие стратегических сил авиации. Координация соответствующих операций возлагалась на Генеральный штаб Красной армии и главы союзных военных миссий в Москве.

Однако американские и британские военные специалисты уклонились от выполнения просьб советской стороны воспрепятствовать переброске немецких войск из Норвегии и Италии на советско-германский фронт.

Был решен вопрос и о вступлении СССР в войну на Дальнем Востоке. Подписанное 11 февраля 1945 г. соглашение предусматривало, что Советский Союз через два-три месяца после капитуляции Германии вступит в войну против Японии. В этой связи были согласованы условия, которые выдвинул И. В. Сталин: сохранение статус-кво Монгольской Народной Республики; возвращение Советскому Союзу южной части Сахалина и всех прилегающих к ней островов; интернационализация Дайрена (Далая) и восстановление аренды на Порт-Артур как на военно-морскую базу СССР; возобновление совместной с Китаем (с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза) эксплуатации Восточно-Китайской и Южно-Маньчжурской железных дорог; передача СССР Курильских островов². Это соглашение конкретизировало общие принципы союзнической политики.

² Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сборник документов. Том IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). М., 1979. С. 273.

Поскольку перспектива вступления СССР в войну с Японией предполагала ее поражение в ближайшем будущем, эта политическая договоренность определяла границы возможного продвижения Красной армии на Дальнем Востоке.

На конференции были разработаны условия обращения союзников с побежденной Германией и решены вопросы о ее будущем³. Союзные планы предусматривали, прежде всего, разделение Германии на оккупационные зоны. Конференция подтвердила разработанные Европейской консультативной комиссией соглашения «О зонах оккупации Германии и об управлении “Большим Берлином”», а также «О контрольном механизме в Германии».

По условиям соглашения «О зонах оккупации Германии и об управлении “Большим Берлином”» вооруженные силы трех держав должны были занять строго определенные зоны. Красной армии предназначалась для оккупации восточная часть Германии. Северо-западная часть отводилась для занятия британскими войсками, юго-западная — американскими. Район «Большого Берлина» должны были занять совместно вооруженные силы трех стран. Северо-восточная часть «Большого Берлина» предназначалась для занятия советскими войсками. Зоны для войск Великобритании и США еще не были определены.

Согласно соглашению «О контрольном механизме в Германии», верховная власть в Германии должна была осуществляться главнокомандующими вооруженных сил СССР, США и Великобритании, каждым в своей зоне оккупации по инструкциям своих правительств.

Было решено за счет британской и американской оккупационных зон предоставить также зону Франции и пригласить французское правительство войти в качестве члена в Контрольный совет по Германии.

При обсуждении германского вопроса руководители США и Великобритании настаивали на принятии решения о создании комиссии для изучения вопроса о возможности ее расчленения. Однако англо-американские планы раздела Германии не получили одобрения советской делегации.

Точка зрения Советского Союза на будущее Германии была хорошо известна с самого начала войны из выступлений советских руководителей. СССР отвергал политику мести, национального унижения и гнета. В то же время руководители трех держав заявили о решимости

³ Там же. С. 266.

осуществить в отношении побежденной Германии важные мероприятия: разоружить и распустить германские вооруженные силы; уничтожить германский генеральный штаб; определить наказание гитлеровским военным преступникам; уничтожить нацистскую партию, нацистские законы, организации и учреждения.

Особое место занял вопрос о репарациях Германии, инициированный СССР⁴. Советское правительство потребовало, чтобы Германия возместила ущерб, нанесенный союзным странам гитлеровской агрессией. Общая сумма репараций должна была составить 20 млрд долларов, из которых СССР претендовал на 10 млрд долларов. Советское правительство предложило, чтобы репарации взымались в натуре — в форме единовременного изъятия из национального богатства Германии и ежегодных товарных поставок из текущей продукции. Такой способ преследовал цель уничтожения военного потенциала Германии. При этом учитывался опыт разрешения репарационной проблемы после Первой мировой войны, когда от Германии требовали возмещения ущерба валютой и когда репарационный вопрос способствовал не ослаблению, а усилению ее военного потенциала.

Одним из самых сложных и дискуссионных являлся «Польский вопрос». В ходе конференции должны были решиться вопросы о восточных и западных границах Польши, а также о составе будущего польского правительства.

До 1939 г. ее восточная граница проходила практически под Киевом и Минском. Западная граница с Германией находилась восточнее р. Одер, при этом большая часть балтийского побережья принадлежала Германии. На востоке довоенной исторической территории Польши поляки являлись национальным меньшинством среди украинцев и белорусов, тогда как часть территорий на западе и севере, населенных поляками, находилась под германской юрисдикцией.

Советская делегация внесла следующие предложения по вопросу польских границ. Предлагалось считать границей Польши на востоке линию Керзона с отклонением от нее в некоторых районах на 5–6 км в пользу Польши. Считать западной границей Польши линию, идущую от города Штеттина на юг по Одере, а дальше по реке Нейсе

⁴ Протокол о переговорах между Главами Трех Правительств на Крымской конференции по вопросу о репарациях натурой с Германии // Сборник документов. Том IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). М., 1979. С. 278.

(Западной). Пополнить Временное польское правительство некоторыми демократическими деятелями из эмигрантских польских кругов и признать его союзными правительствами. Предлагалось, чтобы Временное правительство в возможно короткий срок призвало население Польши к всеобщим выборам для организации постоянных органов государственного управления. Предлагалось представителям стран-участниц конференции совместно с представителем Временного польского правительства обсудить вопрос о его пополнении и представить свои предложения на рассмотрение трех правительств.

Главы стран-участниц конференции согласились с предложением СССР о восточной границе Польши⁵. Что касается ее западной границы, то, ввиду позиции Великобритании и США, было принято решение ограничиться признанием того, что «Польша должна получить существенные приращения территории на Севере и на Западе». Фактически граница вернулась к границе 1939 г., основным отличием от которой стала передача Польше Белостокской области.

В связи с вопросом об установлении новой польско-германской границы в западных странах широкое распространение получил тезис о рекомпенсации, первоначально сформулированный У. Черчиллем. Согласно данному тезису возврат Польше ее древних германизированных земель был представлен как рекомпенсация за «потери», понесенные ею на востоке. Такого рода рассуждения явились выражением политики дискредитации СССР как захватчика польских земель с целью подорвать советско-польские отношения в послевоенный период. В основе передвижения границ Польши на запад с самого начала лежали принципы восстановления исторической справедливости, пресечения попыток экспансии на восток, установления длительного и прочного мира.

В результате длительного обсуждения польского вопроса было достигнуто компромиссное соглашение, по которому было создано новое правительство Польши — «Временное правительство национального единства», на базе Временного правительства Польской Республики «с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы». Англо-американский план замены Временного польского правительства не был принят.

⁵ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сборник документов. Том IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). С. 280.

Достигнутая договоренность по польскому вопросу была определенным шагом на пути решения одного из наиболее спорных вопросов послевоенного устройства мира.

По предложению СССР Крымская конференция обсудила вопрос о Югославии⁶. Было принято предложение СССР с поправками британской делегации. Новое югославское правительство должно было быть сформировано из руководителей национально-освободительного движения при участии нескольких представителей эмигрантского югославского правительства. Это решение стало большой политической поддержкой национально-освободительного движения Югославии.

Союзниками де-факто было подтверждено, что вся Восточная Европа остается в советской сфере влияния. Таким образом, позднейшие спекуляции в западных средствах массовой информации на тему, что Сталин «самовольно прибрал Восточную Европу к своим рукам» опровергаются материалами конференции⁷.

Важное место в совместной работе делегаций заняла проблема обеспечения международной безопасности в послевоенные годы. Были одобрены важнейшие международно-правовые документы, такие как Декларация об освобожденной Европе, документы об основных принципах создания международной Организации Объединенных Наций, заложившие основу отношений между государствами после войны⁸.

Удалось разрешить важный вопрос о процедуре голосования в Совете Безопасности. В результате, был принят предложенный Рузвельтом «принцип вето», т. е. правило единогласия великих держав при голосовании.

Было принято решение о созыве 25 апреля 1945 г. в Сан-Франциско конференции Объединенных Наций с целью подготовки устава международной организации безопасности. На конференцию предполагалось пригласить страны, подписавшие декларацию Объединенных Наций 1 января 1942 г., и те страны, которые объявили войну общему врагу к 1 марта 1945 г.

Была принята специальная декларация «Единство в организации мира, как и в ведении войны». В ней указывалось, что государства, представленные в Ялте, подтверждают свою решимость сохранить и усилить в предстоящий мирный период то единство действий, кото-

⁶ Там же.

⁷ Ялта-45. Начертания нового мира / Отв. ред. Н. А. Нарочницкая. М., 2010. С. 36.

⁸ Там же. С. 274.

рое сделало победу в войне возможной и несомненной для Объединенных Наций.

Принятые на конференции решения содействовали разрешению многих геополитических вопросов путем диалога.

Таким образом, Ялтинская конференция стала одним из крупнейших международных совещаний во время войны и высшей точкой сотрудничества трех союзных держав в ведении войны против общего врага. Ялтинские решения способствовали укреплению антифашистской коалиции на заключительном этапе войны и достижению победы над Германией. В ходе ее работы во многом была определена архитектура послевоенного мира, построенная на балансе влияния ведущих мировых держав.

Принятые решения служат доказательством возможности и эффективности международного сотрудничества государств с различным общественным строем. Борьба за их всестороннее и полное осуществление стала одной из главных задач советской внешней политики не только в конце войны, но и в послевоенные годы.

Итоги Ялтинской конференции 1945 г. были признаны «бесценным наследием, в которых воплотился дух международного сотрудничества и истинного союзничества»⁹. Система мироустройства, заложенная в Ялте, позволила освободиться от абсолютизации войны как инструмента регулирования международных отношений.

⁹ URL: http://fedpress.ru/news/polit_vlast/news_polit/1423044064 (дата обращения: 04.02.2015).

В. Н. Барышников¹

К. Г. Маннергейм и Хельсинкский процесс над главными виновниками участия Финляндии во Второй мировой войне

В ноябре 2020 г. исполнилось 75 лет с момента начала Хельсинкского судебного процесса над главными военными преступниками. Этот процесс проводился синхронно с заседаниями Нюрнбергского международного трибунала и осуществлялся параллельно с аналогичными судебными процессами в других странах, участвовавших во Второй мировой войне на стороне фашистского блока. Проведение всех этих заседаний было прямым следствием постигшего нацистскую коалицию поражения. Сами же процессы были непосредственно обусловлены условиями подписанных ранее соглашений о перемирии или актом о безоговорочной капитуляции. Материалы Нюрнбергского международного трибунала затем в достаточно большом объеме были изданы на разных языках².

Однако в отношении Хельсинкского процесса остается еще достаточно много загадок. Несмотря на то, что этот судебный процесс не являлся международным, а осуществлялся сугубо финскими юристами, полного объема опубликованных затем документов, которые отражали бы материалы, связанные с судебно-следственной работой по подготовке этого процесса, а также самими заседаниями в Финляндии, так и не было издано. Причем первые документы этого процесса были из-

¹ *Барышников Владимир Николаевич* — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Нового и Новейшего времени Института истории СПбГУ (Санкт-Петербург).

² См.: Trial of Major War Criminals before the International Military Tribunal (IMT). 1–42. Nuremberg, 1946–1948; Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. В 8 т. М., 1987–1999.

даны еще в 1945–1946 гг.³, но основная масса источников до сих пор продолжает оставаться лишь достоянием архивных фондохранилищ. Характерно при этом, что к широкой публикации сейчас переходят только в отношении документов второстепенного характера, имеющие лишь касательное отношение к самому Хельсинкскому суду⁴.

В результате нельзя сказать, что и в исследовательской литературе существует много работ, в которых непосредственно затрагивались бы вопросы данного важного для истории Второй мировой войны процесса. В Финляндии можно лишь выделить ряд подобного характера сочинений⁵. Тем не менее пока нет ответа, почему Советский Союз не воспользовался поражением Финляндии и в новых условиях политически не закрепил достигнутую победу⁶. Утверждение, скажем, весьма уважаемого профессора К. Рентола о маниакальном желании И. В. Сталина «поглотить Финляндию» упирается в до сих пор не объяснимый никем парадокс, что к судебном заседании данного процесса так и не был привлечен единственный финский маршал К. Г. Э. Маннергейм. Рассуждения историка о том, что «Сталин принимал большие решения, но это не означает, что он был в состоянии контролировать их результаты»⁷, вероятно, не может считаться достойным аргументом и разъяснением возникшего в отношении маршала в 1945 г. достаточно позитивного для него итоговый результат.

Нет объяснений сложившейся вокруг Маннергейма в 1945 г. ситуации и в России. Причем это тем более является удивительным, поскольку о самом Маннергейме издано колоссальное количество литературы⁸. Как по этому поводу признался видный финский историк, профессор М. Клинге, «наряду с Сибелиусом, он еще при жизни стал самым известным финном как у себя на родине, так и за границей»⁹.

³ См.: *Sotasyyllisyysoikeudenkäynnin asiakirjoja*. Hels., 1945; *Sotasyyllisyysjuttu*. Hels., 1946.

⁴ См., напр.: *Sotasyyllisyyden asiakirjat*. Toimittanut H. Rautkallio. Tampere, 2006. 681 s.

⁵ *Soini Y. Kuin Pietari hiilivalkealla*. Sotasyyllisyyssasian vaiheet 1944–1949. Hels., 1956; *Blinnikka A. Valvontakomission aika*. Porvoo, 1969; и др.

⁶ *Tarkka J.* 13. artikla. Suomen sotasyyllisyyssysymys ja liittoutuneiden sotarikospoliittikka vuosina 1944–1946. Hels., 1977; *Rentola K.* Stalin ja Suomen kohtalo. Hels., 2016.

⁷ *Rentola K.* Stalin ja Suomen kohtalo. S. 7.

⁸ См. библиографию: *Meinander H.* Gustaf Mannerheim. Aristokraatti sarkatakissa. Hels., 2017. S. 314–325.

⁹ *Клиње М.* Густав Маннергейм (1867–1951). Президент республики, регент, маршал Финляндии // Сто замечательных финнов. Хельсинки, 2004. С. 374.

В целом, что касается нашей страны, то последний всплеск интереса к данной исторической личности приходится на 2015–2016 гг., когда в Санкт-Петербурге решили даже установить мемориальную доску в память о русском периоде Маннергейма. Также с достаточным постоянством в России выходят различные работы о различных сторонах жизни финского маршала. Это даже создает определенную картину, схожую по своей сути с культом того или иного советского государственного и политического деятеля, который ранее довольно долго существовал в СССР. Достаточно сказать о книгах, в которых раскрываются отношения Маннергейма с женщинами или лошадьми, а также повествуются подробные сведения о его жизни в Санкт-Петербурге или, скажем, в Польше¹⁰. Есть даже работы «Маннергейм за 90 минут» или «Маннергейм в Петербурге: Методическое пособие по проведению экскурсий»¹¹. Не удивительно, что существующие об этом рассуждения обычно находятся в плоскости, которая достаточно далека от истории.

Тем не менее относительно причин отсутствия Маннергейма в 1945–1946 гг. на скамье подсудимых Хельсинкского процесса обычно приводятся лишь достаточно общие рассуждения, которые трудно назвать научными. Более того, предлагаемые для обсуждения версии нередко вообще носят крайне экстравагантный характер. В частности, например, есть любопытное утверждение отечественного так называемого маннергеймоведа, исследователя-публициста Л. В. Власова, который убеждает, что попросту «Сталин понимал, что предать суду старого маршала — значит бросить на скамью подсудимых саму идею независимости Финляндии, а этого он не хотел»¹². Эти и подобные им взгляды и суждения¹³, однако, можно считать абсолютно наивными. Они серьезно никаким образом, естественно, оценены быть не могут.

Не менее нелепым выглядит и публицистическое утверждение, что сталинское руководство в 1945 г. могло «поблагодарить» финского

¹⁰ Власов Л. В. «Всадники-друзи, в поход собирайтесь!». СПб., 2010; *Он же*. Густав Маннергейм в Петербурге. СПб., 2003; *Он же*. Женщины в судьбе Маннергейма. СПб., 2002; *Он же*. Маннергейм. М., 2004; Власов Л. В., Власова М. А. Маннергейм и Польша. СПб., 2005;

¹¹ Густав Маннергейм за 90 минут. СПб., 2006; Жуков А. А. Маннергейм в Петербурге: Методическое пособие по проведению экскурсий. СПб., 2007.

¹² Власов Л. В. Маннергейм. С. 290.

¹³ См.: Иоффе Э. Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. СПб., 2005. С. 324.

маршала за то, что в 1941 г. немецкие войска не взяли Ленинград и армии Маннергейма «никоим образом не участвовали» в штурме города, который осуществлялся исключительно немецкой группой армий «Север». Наряду с этим утверждается, например, что финский маршал вместе с Г. К. Жуковым вообще «спасали Ленинград» от его захвата германскими войсками¹⁴. Или еще, что в годы войны «между Маннергеймом и Сталиным имелаась прямая связь, которая, возможно, позволяла почти даже открыто обмениваться мнениями»¹⁵. Бесспорно, что возникновение и бытование столь далеких от реальности историй, касающихся Маннергейма и его отношений с советским руководством, так или иначе связаны с беспрецедентным по своей сути фактом того, что Маннергейму на Хельсинкском суде не были предъявлены какие-либо обвинения.

В этом плане ситуация действительно кажется парадоксальной. С финской стороны маршал нес, и не мог не нести, наибольший груз ответственности за то, что его страна участвовала в 1941–1944 гг. вместе с Германией в войне против СССР. Более того, в ходе военных действий ведомство Маннергейма персонально отвечало за осуществление на захваченной в 1941–1944 гг. советской территории различных форм оккупационного режима, включая организацию концентрационных лагерей и проведение репрессивных операций в отношении как военнопленных, так и гражданского населения Карелии. Так же, вероятно, не следует забывать и об участии финских войск в блокаде Ленинграда¹⁶. Причем, в отличие от других союзников Германии, только Финляндия имела вместе с нацистами свой собственный сектор фронта у стен осажденного города. Это, несомненно, предполагало и свою собственную, персональную, ответственность за гибель колоссального количества мирных жителей города, поскольку Ленинград, по первоначальным замыслам, которые были согласованы германским командованием с финляндским руководством, вообще должен был быть уничтожен¹⁷. Это после окончания Второй мировой войны

¹⁴ Савицкий В. Два маршала, или враги союзники // Знание и общество. 2007. № 1.

¹⁵ Lehmus K. Kolme kriisia. Helsinki — Tapiola, 1972. S. 205.

¹⁶ Подр. см.: Барышников Н. И. Финляндия. Из истории военного времени 1939–1944. СПб., 2010. С. 190–246.

¹⁷ См.: Там же. С. 212–213, 204–205; Барышников Н. И. «Добиться официально от Германии, чтобы Петербург полностью уничтожить...». Намерения К. — Г. Маннергейма в отношении Ленинграда // Военно-исторический журнал. 2008. № 7. С. 3–6.

всем было хорошо известно, и в 1945 г. сказанные Сталиным на Потсдамской конференции слова, что «без помощи Финляндии Германия не могла бы осуществлять блокаду Ленинграда»¹⁸, никем из участников этой конференции, естественно, не оспаривались.

Хорошо понятен лишь сам формальный механизм, при котором Маннергейм избежал наказания. Просто указали, что по существующим тогда финским законам маршал официально не мог быть привлечен к суду, поскольку являлся действующим президентом страны. Хотя сам Маннергейм занял в августе 1944 г. данный пост без каких-либо национальных выборов и без соответствия с законами, определенными финской конституцией. Тем не менее занимаемый им тогда самый высокий пост в государстве не помешал финскому маршалу накануне начала судебного процесса просто покинуть Финляндию. Президент без всяких для своего государства проблем отправился 3 ноября в Португалию¹⁹, возложив при этом свои обязанности на премьер-министра Ю. К. Паасикиви. Далее же он пробыл за границей достаточно продолжительное время — два месяца. Как было официально объявлено, его отъезд являлся вынужденной мерой, связанной с болезнью²⁰. Но вернулся Маннергейм лишь 2 января 1946 г. Это случилось, когда основные страсти вокруг судебного процесса начали успокаиваться и уже готовились вынести окончательный обвинительный приговор.

Сам приговор был зачитан 21 февраля ближайшему соратнику Маннергейма, бывшему президенту республики Р. Рюти, а также его коллегам: премьер-министрам Ю. Рангелю и Э. Линкомиесу, членам правительства — В. Таннеру, Ю. Рамсаю, Т. Рейникка и А. Кукконену²¹. Приговор был вынесен еще и финляндскому посланнику в Германии Т. Кивимяки²². Маннергейм, собственно, ни разу на суде

¹⁸ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. VI. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.). Сб. док. М., 1984. С. 95.

¹⁹ *Mannerheim G. Muistelmät. Os. II. Hels., 1952. S. 500.*

²⁰ Ibid.

²¹ Суд приговорил Р. Рюти к 10 годам тюремного заключения. Далее, 6 лет тюремного заключения было определено Ю. Рангелю, а Э. Линкомие и В. Таннер получили соответственно 5 с половиной лет и 5 лет и 6 месяцев. Ю. Рамсай был приговорен к 2 годам и 6 месяцам тюрьмы, а А. Кукконену и Т. Рейникка к 2 годам тюремного заключения.

²² Т. Кивимяки был приговорен к 5 годам тюремного заключения, причем к нему не были применены общие для всех остальных подсудимых определенные статьи обвинения. Было лишь подчеркнуто, что «судебное преследование Кивимяки пошло по-

не появлялся. И здесь можно лишь с большой долей уверенности утверждать, что он внимательно наблюдал за его ходом со стороны, поскольку в документах его личного архивного фонда хранятся материалы этого процесса, которые были выполнены в форме ротапринтных отчетов о проходивших тогда заседаниях²³.

Тем не менее после оглашения на процессе окончательных обвинений ведущая финская газета «Хельсингин Саномат» в передовой статье прямо отметила, что в них были приведены факты, о которых народ Финляндии не имел ни малейшего представления. Более того, в газете указывалось, что становится ясным, какую роль в вопросе о вступлении Финляндии в войну сыграл бывший главнокомандующий — т. е. маршал К. Г. Маннергейм.

Действительно, при внимательном ознакомлении со статьями обвинительного заключения, состоящими из семи пунктов, можно четко отметить, что большая часть из них самым непосредственным образом касается военно-политической деятельности финского маршала, и он, безусловно, на процессе должен был выступать как главный обвиняемый.

Конкретно, уже в первом пункте заключения указывалось, что обвинения вынесены именно тем, кто «позволил германским военным силам расположиться в стране»²⁴. Здесь, без всякого сомнения, можно, однако, констатировать, что никто из находившихся на скамье подсудимых бывших государственных деятелей Финляндии не был так близок к данному обвинению²⁵, как не привлекавшийся к суду Маннергейм. Именно он непосредственно стоял у истоков начинающегося с августа 1940 г. военного сотрудничества с Германией. Причем он, минуя высшие государственные структуры, принялся решать важнейшие проблемы страны, которые касались ее суверенитета. Роль маршала тогда была столь значительной, что даже в рейхе стремились договариваться не с высшим руководством страны, а именно с Маннергеймом.

другому» и его обвинения «не соответствовали ни одному из пунктов», предъявленных другим участникам процесса (см.: *Soini Y. Kuin Pietari hiilivalkealla. Sotasyllisysasian vaiheet 1944–1949. S. 186*).

²³ Kansallisarkisto. Mannerheimin G. Kokoelma. Sotasyllisyyt.

²⁴ Sotasyllisyytjuttu. S. 18. См. также: Ленинградская правда. 1945. 18.11; *Soini Y. Kuin Pietari hiilivalkealla. Sotasyllisysasian vaiheet 1944–1949. S. 186*.

²⁵ По этой статье обвинения проходили президент Р. Рюти, а также премьер-министр Ю. В. Рангель и министр А. Кукконен (*Sotasyllisyytjuttu. S. 18; Soini Y. Kuin Pietari hiilivalkealla. Sotasyllisysasian vaiheet 1944–1949. S. 186*).

Только с ним шли на достижение важных договоренностей, от которых, в принципе, зависела вся будущая судьба Финляндии на многие годы²⁶.

В результате, собственно, подчиненные Маннергейма уже в сентябре 1940 г. стали подписывать с нацистами такие договоренности, которые позволяли пропускать германские войска на финскую территорию, и, более того, они там стали беспрепятственно и весьма основательно располагаться. Таким образом Финляндия оказалась единственной страной в мире, которая добровольно открыла свои границы для дислокации здесь немецкой армии.

Далее, именно военное ведомство, продолжая развивать достигнутые с Германией соглашения, принялось осуществлять все практическое военно-стратегическое планирование. Благодаря этому уже в начале 1941 г. части германской армии получили право использовать территорию Финляндии, чтобы затем развернуть свое наступление на мурманском направлении и в Северной Карелии²⁷.

Характерно при этом, что вплоть до мая 1941 г. узкий круг политического руководства страны лишь ставился в известность о принимаемых тогда военными решениях. Весь же состав финского правительства узнал о военном сотрудничестве с Германией только после сообщения об этом на специальном совещании, которое было сделано Р. Рюти 9 июня 1941 г.²⁸ Однако, как отметил известный финский историк, профессор М. Йюкипи, даже после этого «о деталях военных переговоров и об их результатах правительство оставалось все-таки в неведении»²⁹.

Таким образом, именно стараниями Маннергейма Финляндия оказалась «в едином строю» с Германией, а на ее территории разместились более 40 тыс. немецких солдат³⁰. Более того, благодаря достигнутым финскими военными договоренностям в распоряжение немецкой авиации были еще переданы ряд финских аэродромов, а в финских шхерах получили возможность разместиться свыше 40 немецких военных кораблей³¹. Да и А. Гитлер никоим образом не скрывал особую роль Маннергейма

²⁶ См.: *Jokipii M.* Jatkosodan synty. Hels., 1987. S. 22.

²⁷ *Seppälä H.* Suomi hyökkääjänä 1941. Porvoo, 1984. S. 68; *Menger M.* Deutschland und Finnland im zweiten Weltkrieg. Berlin, 1988. S. 92–94.

²⁸ *Jokipii M.* Jatkosodan synty. S. 331.

²⁹ *Ibid.* S. 334.

³⁰ *Seppälä H.* Suomi hyökkääjänä 1941. S. 93; *Носков А. М.* Скандинавский плацдарм во Второй мировой войне. М., 1977. С. 145.

³¹ *Jokipii M.* Jatkosodan synty. s. 459; *Menger M.* Deutschland und Finnland im zweiten Weltkrieg. S.108.

в совместной с нацистами подготовке агрессии против СССР. Он 21 июня 1941 г., наконец, направил президенту Финляндии «обходительное» письмо, в котором уже официально подтвердил существование между «немецким и финским военным руководством договоренностей», касающихся начала войны против Советского Союза³². На следующий день Гитлер уже публично заявил, что в едином строю с немецкими войсками на Севере находятся «финские братья по оружию», которых «возглавляет маршал»³³.

Таким образом, в войне на стороне рейха Финляндия оказалась в результате сознательной линии, которую осуществлял прежде всего финский маршал, и по первой статье обвинительного заключения он должен быть первым, кого следовало осудить.

То же самое можно сказать и о *втором пункте* этого заключения. Здесь осужденным выносился приговор за согласованное с Германией решение «перейти границу Советского Союза и овладеть территориями» СССР³⁴. Обвинили в этом четырех человек³⁵. Однако на самом деле только Маннергейм непосредственно занимался решением данного вопроса, а руководимые им войска не только перешли государственную границу с СССР, но и, естественно, развернули свое наступление как на ленинградском направлении, так и в Карелии. Причем, естественно, все это происходило синхронно с действиями германской армии, но сама агрессия против СССР с финской территории началась даже несколько раньше общего наступления германских войск на восточном направлении. В частности, немецкая авиация, действуя из Финляндии, развернула свои операции против СССР уже в два часа ночи, т. е. раньше, чем даже немецкие войска атаковали западные рубежи советской границы. За час до этого нападения³⁶ 18 немецких

³² Jokipii M. Jatkosodan synty. s. 347–348. Кстати, Р. Рюти тогда подготовил ответ фюреру. В нем он обратил внимание на то, что между обеими странами официально-военного соглашения не существует. Это, очевидно, еще больше подчеркивало роль Маннергейма в решении межгосударственных задач финско-немецкого военного сотрудничества. См.: Risto Rytin päiväkirjat. 1940–1944. Hels., 2006. S. 119.

³³ Цит. по: Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1989. С. 153.

³⁴ Sotasyyllisyyssjuttu. S. 19. См. также: Ленинградская правда. 1945. 18.11; Soini Y. Kuin Pietari hiilivalkealla. Sotasyyllisyyasian vaiheet 1944–1949. S. 186.

³⁵ По этой статье обвинения проходили: президент Р. Рюти, премьер-министр Ю. В. Рангель, министры — В. Таннер и А. Кукконен (см.: Sotasyyllisyyssjuttu. S. 19; Soini Y. Kuin Pietari hiilivalkealla. Sotasyyllisyyasian vaiheet 1944–1949. S. 186).

³⁶ Начальник Генштаба Красной армии Г. К. Жуков получил первое сообщение о начале боевых действий в 3:07 утра 22 июня 1941 г.

бомбардировщиков «Ю-88» уже вторглись в воздушное пространство СССР из Финляндии. Они двинувшись на район Ленинграда³⁷.

Что же касается сухопутных операций финской армии, то они тоже строго осуществлялись по согласованному с германским командованием плану «Барбаросса». Войска Маннергейма перешли к наступательным операциям только тогда, когда немецкая армия уже непосредственно приблизились к Ленинграду. В это время, 10 июля 1941 г., Маннергейм отдал приказ о начале уже финского наступления. В нем говорилось: «Свобода Карелии и великая Финляндия озаряются нам в огромном водовороте всемирно-исторических событий»³⁸. Столь откровенный призыв к захвату территорий соседнего государства мог лишь только свидетельствовать о том, что Маннергейм несколько не сомневался в ближайшей победе нацистов.

В результате финская армия, развернув свои наступательные операции, к началу сентября оказалась всего в чуть более чем 30 км от центра Ленинграда. В этих условиях 31 августа Маннергейм отдал уже новый приказ. В нем говорилось: «Старая государственная граница на перешейке достигнута, нам надо вести борьбу до конца...»³⁹ В результате на ближних подступах к Ленинграду с севера разгорелись ожесточенные бои. Сходу прорваться в город финская армия, как и германская с юга, не смогла. Штурм города захлебывался. Более того, к 20 сентября фронт окончательно стабилизировался, поскольку лобовое наступление на Ленинград прекратилось. Таким образом, защитники города отразили начавшийся штурм.

Но продвижение финских войск и захват советской территории продолжались. В Карелии, по приказу Маннергейма, его армия должна была осуществить прорыв в юго-восточном направлении, вступив с северо-востока на территорию Ленинградской области. Финским частям следовало продвигаться на соединение с немецкими войсками, наступавшими тогда с запада к городу Тихвину и реке Свирь. Причем и тут Маннергейм действовал в соответствии с директивой, полученной им от Гитлера. В результате финская армия двинулась в сторону

³⁷ См.: Барышников В. Н. К вопросу о бомбардировке района Ленинграда с территории Финляндии 22–23 июня 1941 г. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2011. С. 127–138.

³⁸ Jatkosodan kujaanjooksi. Juva, 1982. S. 46.

³⁹ Цит. по: Барышников Н. И. Финляндия. Из истории военного времени 1939–1944. С. 206.

реки Свирь и, выйдя к ней, сходу ее форсировала. В это же время было развернуто еще финское наступление на северо-восток в направлении столицы Карелии города Петрозаводска.

Тем не менее дальнейшее продвижение как немецких, так и финских войск явно начало захлебываться. На свирском направлении линия фронта, как это было и на ближних подступах к Ленинграду, тоже стабилизировалась. Определенный успех войск Маннергейма в течение октября — декабря 1941 г. наблюдался лишь в Карелии. Здесь финская армия смогла 1 октября занять Петрозаводск, а окончательно была остановлена только в середине декабря 1941 г. В целом финские войска под командованием Маннергейма смогли в 1941 г. захватить значительную часть советской территории, что полностью соответствовало приговору, который был вынесен по второму пункту обвинительного заключения. Причем не один из обвиняемых высших финских государственных деятелей большей ответственности, чем Маннергейм, за это нести не мог.

Что же касается *третьего пункта* обвинительного заключения, то он касался утверждения, что подсудимые «...повлияли своей деятельностью на объявление войны со стороны Великобритании»⁴⁰. Обвиняемыми по этому пункту оказались четыре человека⁴¹. Однако и здесь, если говорить объективно, единственному, кому следовало непосредственно предъявить данное обвинение, был опять Маннергейм.

Дело в том, что объявление Великобританией войны Финляндии очень тесно привязывалось к наступательным операциям финской армии. Поэтому в момент их осуществления как на ленинградском направлении, так и в Карелии, 22 сентября 1941 г. в Лондоне выразили надежду, «что войска Маннергейма остановятся у старых границ»⁴². Но этого, как известно, не случилось. И тогда, 24 ноября, Финляндии был выдвинут английский ультиматум. В нем содержались жесткие требования в прекращении наступления «на чисто российские территории» и сообщалось о возможности объявления Финляндии войны⁴³. Более того,

⁴⁰ Sotasyyllisyyssjuttu. S. 19. См. также: Ленинградская правда. 1945. 18.11; *Soini Y. Kuin Pietari hiilivalkealla*. Sotasyyllisyyssasian vaiheet 1944–1949. S. 186.

⁴¹ По этой статье обвинения проходили: президент Р. Рюти, премьер-министр Ю. В. Рангель, министры — В. Таннер и А. Кукконен (см.: Sotasyyllisyyssjuttu. S. 19; *Soini Y. Kuin Pietari hiilivalkealla*. Sotasyyllisyyssasian vaiheet 1944–1949. S. 186).

⁴² *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. С. 175. См. также: *Mannerheim G.* Muistelmät. Os. II. S. 364.

⁴³ *Барышников Н. И.* Финляндия: Из истории военного времени 1939–1944. С. 137. См. также: *Mannerheim G.* Muistelmät. Os. II. Hels., 1952. S. 364.

премьер-министр Великобритании У. Черчилль спустя несколько дней после этого, 29 ноября, сам лично обратился к Маннергейму с письмом. В нем он начертал в целом пророческие слова, указав, что «для многих английских друзей вашей страны было бы досадно, если Финляндия окажется на одной скамье с обвиняемыми и побежденными нацистами»⁴⁴. Но и это не возымело никакого результата. Маннергейм лишь ответил, что «не может приостановить проведение нынешних военных операций»⁴⁵. Только после этого Великобритания объявила войну Финляндии, а Маннергейм оказался именно тем человеком в финском руководстве, от решения которого, собственно, действительно зависела вся дальнейшая жесткая реакция Лондона. Таким образом, только Маннергейму и по данной статье следовало предъявлять главные обвинения.

В отношении *четвертого и пятого пунктов* обвинительного заключения, то они касались фактов уклонения Финляндией от миролюбивых инициатив США, которые рассматривались в Хельсинки в августе и октябре 1941 г., а также предоставления 20 марта 1943 г. Германии сведений о новых американских посреднических миролюбивых инициативах. Кроме того, в *шестом пункте* заключения финское руководство еще обвинялось в срыве мирных переговоров с СССР в начале 1944 г., поскольку в Хельсинки «не уполномочили делегатов должным образом»⁴⁶. Здесь, конечно, за все эти решения К. Г. Маннергейм личной персональной ответственности нести не мог. Но при этом он либо, наряду с другими, сам лично принимал участие в выработке соответствующих общеправительственных решений, за которые, собственно, затем выносились судебные приговоры, либо хорошо о данных решениях был проинформирован.

В частности, как только 11 августа 1941 г. из США по дипломатическим каналам в Хельсинки поступила информация о советском предложении «замириться»⁴⁷, то сразу же об этом поставили в известность, причем как и все финское руководство, так и персонально Маннергейма⁴⁸. Ответом маршала на эту информацию стал приказ по войскам, в котором по-военному просто было сказано: «Нам надо вести

⁴⁴ *Mannerheim G.* Muistelmät. Os. II. S. 366.

⁴⁵ *Ibid.* S. 367.

⁴⁶ *Sotasyyllisyyssjuttu.* S. 20. См. также: Ленинградская правда. 1945. 18.11; *Soini Y. Kuin Pietari hiilivalkealla. Sotasyyllisyyssasian vaiheet 1944–1949.* S. 187.

⁴⁷ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Документы и материалы. Т. I. М., 1984. С. 98.

⁴⁸ *Барышников Н. И.* Финляндия: Из истории военного времени 1939–1944. С. 116.

борьбу до конца, установив границы, обеспечивающие мир...»⁴⁹ В целом срыв финской стороной американских «мирных инициатив» проходил с использованием именно тех формулировок, которые содержались в данном военном приказе маршала. Так, на очередное американское обращение о возможности для Финляндии начать мирные переговоры и завершить войну последовал весьма выразительный ответ. В нем было заявлено, что это невозможно, поскольку «Финляндия стремится обезвредить и занять наступательные позиции противника, в том числе лежащие далее границ 1939 года»⁵⁰.

Характерно, что в присутствии маршала на совещании узкого круга лиц финского руководства 22 марта 1943 г. в очередной раз решался вопрос о том, как поступить в связи с новой нотой США о посреднической инициативе в деле выхода Финляндии из войны. Причем тогда уже думали ее не отвергать, как в 1941 г., но одновременно явно надеялись и не обострять своих прежних отношений с Германией. Договорились, что об этой американской инициативе нужно проинформировать рейх, направив для этого в Берлин министра иностранных дел Х. Рамсая⁵¹. Собственно, на хельсинкском процессе это и вменялось в вину осуждаемым. Но Маннергейм был среди тех, кто это решение поддержал, поскольку сам, как указывают участники этого совещания, лично выразил однозначное мнение, что «необходимо переговорить с Германией в Берлине, прежде чем давать ответ Соединенным Штатам»⁵², и поэтому он тоже должен был за это предстать перед судом. В целом, безусловно, трудно ставить в вину практически всему узкому кругу лиц государственного руководства Финляндии принятие решений, которые срывали возможность быстрого выхода Финляндии из войны⁵³, игнорируя при этом Маннергейма⁵⁴.

⁴⁹ Цит. по: Там же. С. 133.

⁵⁰ Цит. по: Там же. С. 141.

⁵¹ См.: Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне. С. 208–209.

⁵² Tanner V. Suomen tie rauhaan 1943–44. Hels., 1952. S. 53.

⁵³ По этим статьям обвинения проходили: президент Р. Рюти, премьер-министры — Ю. В. Рангель и Э. Линкомиес, министры — В. Таннер, А. Кукконена, Ю. Рамсай и Т. Рейникка (Sotasyyllisyyssjuttu. S. 19–20; Soini Y. Kuin Pietari hiilivalkealla. Sotasyyllisyyksien vaiheet 1944–1949. S. 186–187).

⁵⁴ Понимая это, впоследствии в своих воспоминаниях К. Г. Маннергейм стремился представить свою позицию относительно визита в Берлин министра иностранных дел Х. Рамсая в ином свете, указал, что он «довел до сведения Рамсая, что не считаю визит на Вильгельминштрассе [улица, где в Берлине располагалось министерство

Не должен был избегать обвинения финский маршал и по *седьмой*, последнему, *пункту* обвинения. Он касался письменных гарантий Германии в продолжении войны, которые были ей предоставлены президентом Финляндии Р. Рюти летом 1944 г. Формально к этому пункту Маннергейм отношения персонально тоже не имел. Более того, именно он эти письменные гарантии затем нарушил, поскольку в августе 1944 г., став президентом страны, четко взял курс на выход из войны, разорвав отношения с Берлином⁵⁵.

Но и здесь все было тоже далеко не однозначно. Для финских войск, которые терпели в июне 1944 г. сокрушительное поражение, тогда срочно была необходима военная поддержка Германии⁵⁶. С данной просьбой в рейх из Финляндии от военных и решили обратиться⁵⁷. В Берлине же, собственно, данным обращением постарались быстро воспользоваться, направив в Финляндию министра иностранных дел И. Риббентропа, который четко сообщил финскому руководству, что Германия сможет предоставить свою военную помощь, лишь имея ясные гарантии сохранения финско-немецкого сотрудничества⁵⁸. Маннергейм же, со своей стороны, уже лично тогда стал настаивать на необходимости получения немецкой военной поддержки, т. е. объективно предлагал согласиться с запрашиваемыми немецкой стороной требованиями⁵⁹. Как по этому поводу заметил специально занимавшийся данным вопросом финский исследователь М. Йокисипиля, «соглашение Рюти — Риббентропа не появилось бы без активных действий Маннергейма»⁶⁰. Действительно, Р. Рюти подписал запрашиваемые нацистами гарантии, на-

иностранных дел Третьего рейха. — В. Б.] желательным и что мы этим ничего не добьемся» (см.: *Mannerheim G. Muistelmät. Os. II. S. 419*).

⁵⁵ См.: Risto Rytin päiväkirjat. 1940–1944. S. 343; *Tanner V. Suomen tie rauhaan 1943–44. S. 338–339*.

⁵⁶ См.: *Барышников В. Н.* Маршал К. Г. Маннергейм и наступление советских войск в июне 1944 г. на Карельском перешейке // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2019. № 21 (1). С. 60–73.

⁵⁷ *Mannerheim G. Muistelmät. Os. II. S. 448*.

⁵⁸ Ibid. S. 449; *Tanner V. Suomen tie rauhaan 1943–44. S. 284*; *Барышников В. Н., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. С. 255–254.

⁵⁹ Risto Rytin päiväkirjat. 1940–1944. S. 329; *Linkomies E. Vaikkea aika. S. 354*; *Tanner V. Suomen tie rauhaan 1943–44. S. 300*; *Polvinen T. Teheranista Jaltaan. Suomi kansainvälisessä politiikassa. Osa II. Porvoo-Hels-Juva, 1980. S. 77*.

⁶⁰ *Jokisipiulä M.* Aseveljiä vai liittolaisia? Suomi, Hitlerin Saksan liittosopimusvaatimukset ja Rytin-Ribbentropin sopimus. Hels., 2004. S. 341.

правив фюреру личное письмо, в котором сообщил, что он обещает не заключать «мира с Советским Союзом, иначе как во взаимопонимании с Германией»⁶¹. К тому же о твердом решении Финляндии продолжать войну также уже по радио вынужден был заявить еще и премьер-министр Э. Линкомиес⁶².

Но за всеми этим обещаниями четко маячила фигура Маннергейма, поскольку именно он твердо настаивал на необходимости за счет финляндского суверенитета получить немецкую военную помощь. Причем даже ближайший к Маннергейму генерал Э. Хейнрикс считал, что немецкие «требования о соглашении нужно холодно отвергнуть»⁶³. Впоследствии в своих воспоминаниях о Маннергейме он прямо заметил, что «соглашение только лишь скомпрометировало нашу политику военного времени, и многократно возложило бремя личной ответственности на президента и главнокомандующего»⁶⁴. Более того, уже после окончания войны Э. Хейнрикс, часто встречаясь с Маннергеймом, заметил, что маршал «никогда не чувствовал себя свободным <...>, когда Рюти страдал в качестве заключенного “за то содеянное, за которое следовало нести ответственность ему”»⁶⁵.

Действительно, по наблюдениям близких к Маннергейму и Рюти высших финских государственных деятелей, именно президент для Маннергейма «являлся единственным, с кем он мог доверительно взаимодействовать»⁶⁶. Что же касается Р. Рюти, как считали уже германские дипломаты, он тоже вообще «не имел привычки делать какой-либо шаг при принятии важных решений без поддержки прежде всего главнокомандующего»⁶⁷. В результате, понимая всю свою причастность к пакту Рюти — Риббентроп, Маннергейм впоследствии, в уже своих мемуарах, как бы извинился за содеянное прямо перед Рюти. Он написал: «Видимо, не нужно говорить, что мне претило

⁶¹ Цит. по: *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. С. 255.

⁶² *Blücher W.* Suomen kohtalonaikojä. Muistelmia vuosilta 1935–44. Porvoo-Hels., 1951. S. 388; *Tanner V.* Suomen tie rauhaan 1943–44. S. 316.

⁶³ *Jokisipiulä M.* Aseveljiä vai liittolaisia? Suomi, Hitlerin Saksan liittosopimusvaatimukset ja Rytin-Ribbentropin sopimus. S. 331.

⁶⁴ *Heinrichs E.* Mannerheim Suomen kohtaloissa. Os. II. Suomen marsalkka. Hels. — Keuruu, 1959. S. 382.

⁶⁵ *Ibid.* S. 452.

⁶⁶ *Linkomies E.* Vakeia aikea. S. 181.

⁶⁷ *Blücher W.* Suomen kohtalonaikojä. Muistelmia vuosilta 1935–44. S. 383–384.

подталкивать президента на меру, из-за которой через некоторое время ему пришлось отказаться от своего поста»⁶⁸. Но дело было сделано. Поэтому и по седьмому пункту обвинительного заключения он должен был, он был обязан разделить с Р. Рюти, а также Э. Линкомиесом, Ю. Рамсаем и Т. Рейника скамью подсудимых⁶⁹. Но никаких обвинений и здесь Маннергейму на процессе предъявлено не было.

В конечном итоге мы видим, что по всем пунктам обвинительного заключения Маннергейм должен был предстать пред судом. И в данном случае, несомненно, пора, как представляется, поставить все-таки единственный, но вполне обоснованный вопрос: почему все же Маннергейму не выдвинули никаких обвинений, а на Хельсинкский процесс его даже не пригласили?

Аргументированного ответа на него до сих пор пока в полном объеме нет. Бесспорным тем не менее является то, что здесь многое зависело от позиции советского руководства. Очевидно, что в Москве, решая не способствовать возбуждению дела против финского маршала, руководствовались рядом как объективных, так и субъективных причин, которые вывели финского маршала из числа главных обвиняемых.

Прежде всего, известно, что у Советского Союза существовал к Финляндии несомненный геополитический интерес. Москва ясно стремилась добиться превращения этой страны в союзника. Данная стратегическая линия стала просматриваться уже с середины 1930-х гг.⁷⁰ Более того, отказавшись в 1944 г. от возможного захвата территории Финляндии, Советский Союз вынужден был стремиться учитывать внутреннее состояние, сложившееся в этой стране. Таким образом, в Москве стали искать, а затем должны были сделать соответствующую ставку на те политические силы, которые смогли бы поддерживать, а затем и реализовать главную стратегическую линию СССР.

При этом самым подходящим, конечно, в данном случае являлись представители левых политических группировок, прежде всего коммунисты. Они могли четко стать реальной политической си-

⁶⁸ *Mannerheim G.* Muistelmat. Os. II. S. 451.

⁶⁹ *Sotasyyllisyyssjuttu.* S. 20; *Soini Y. Kuin Pietari hiilivalkealla.* *Sotasyyllisyyssasian vaiheet 1944–1949.* S. 187.

⁷⁰ См.: *Барышников В. Н., Пленков О. Ю.* Дипломат Б. Е. Штейн и советско-финляндские отношения середины 1930-х гг. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2015. № 15. С. 79–103.

лой, которая объективно выступила бы за тесные союзные отношения с СССР. Но влияние коммунистов в Финляндии не выглядело достаточно убедительным и только в дальнейшем могло набрать должную силу⁷¹. Причем, несомненно, серьезным ударом по коммунистическому движению стала попытка создания в ходе «зимней войны» финского «народного правительства»⁷². Это, безусловно, подорвало авторитет в финском обществе КПФ, создавая весьма узкий коридор для усиления через них влияния Москвы на Финляндию.

Весь парадокс складывающейся ситуации заключался в том, что в условиях финского поражения Маннергейм оставался единственным представителем прежнего руководства страны, который прочно сохранял внутри Финляндии свое влияние⁷³. Он реально был в состоянии объединить население. Подобную позицию в финском обществе не имел тогда никто. К тому же большую роль в судьбе Маннергейма сыграл тогда премьер-министр Ю. К. Паасикиви. Он пользовался доверием советского руководства, но при этом поддерживал финского маршала. Паасикиви понимал, что без общественного влияния Маннергейма трудно будет осуществлять серьезные политические изменения в стране⁷⁴.

Тем не менее, принимая данное положение, следует отметить, что важным оставалась все же собственная политическая позиция маршала. А она четко менялась в сторону СССР. В результате, опираясь

⁷¹ См.: Из истории Коммунистической партии Финляндии. М., 1960. С. 123–124; *Смирнов В.* Финляндия // Антифашистское движение Сопротивления в странах Европы в годы Второй мировой войны. М., 1962. С. 656–659; *Барышников В. Н.* Антивоенное движение в Финляндии в 1941–1944 гг. // Вопросы истории европейского севера. Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1984. С. 92–101; *Барышников В. Н.* Развитие антивоенного движения в Финляндии в 1941–1944 гг. и его этапы // Клио. 1999. № 3 (9).

⁷² См.: *Барышников Н. И., Барышников В. Н.* Рождение и крах «терийковского правительства» (1939–1940 гг.). СПб.: Хельсинки, 2003.

⁷³ См., например: *Петров П. В.* Финское командование глазами советской разведки // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2011. № 7. С. 176 (см.: *Tervasmäki V. Mannerheim — Valtiomies ja sotapäällikkö talvi- ja jatkosodan käännekohtassa.* Helsingi, 1987. S. 228; *Барышников В. Н.* Финны на службе в войсках СС в годы Второй мировой войны. СПб., 2014. С. 170–171; Он же. Возникновение и характер деятельности «мирной оппозиции» в Финляндии в период 1943–1944 гг. // Скандинавский сборник, ХХІХ, Таллинн, 1985. С. 60; Он же. О различных идеях создания финских эмигрантских правительств в конце Второй мировой войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2012. № 7 (128). Т. 1. С. 7–13).

⁷⁴ J. K. Paasikiven päiväkirjat 1944–1956. Osa I. 28.6.1944–24.4.1949. Porvoo-Helsingi, 1985. S. 38.

на президентский авторитет Маннергейма, Паасикиви уже осенью 1944 г. включил коммунистов в состав своего правительства⁷⁵. Маннергейм же пошел еще дальше и подписал распоряжение о закрытии ряда близких к его собственному духу организаций, включая финскую «белую гвардию» — шюцкор, с которой он одержал в 1918 г. победу в гражданской войне. И наконец, считая себя всю жизнь ненавистником большевиков, он 10 ноября 1944 г. лично поздравил советское руководство с 27-й годовщиной Октябрьской революции. Все это, по крайней мере, говорило о том, что Маннергейм становится вполне управляемым, т. е. готовым к поддержке весьма непопулярных, прежде всего для него самого, действий в интересах Советского Союза.

Но самым главным являлось то, что сейчас пытаются не замечать определенные исследователи, когда утверждают, что «Сталин распорядился не трогать маршала из пиетета к его личности и заслугам»⁷⁶. На самом деле Маннергейм, трезво оценивая складывающуюся ситуацию, пытался реально учитывать геополитические интересы СССР. Об этом он в узком кругу руководства страны уже говорил в октябре 1944 г., заявляя, что «наша внешняя политика не должна идти против России»⁷⁷. Эти представления Маннергейма в Москве, очевидно, тоже почувствовали.

Наиболее отчетливо новая тенденция начала проявляться у маршала в январе 1945 г. Тогда Маннергейм лично предложил советскому руководству заключить договор, который представлял собой соглашение о военно-политическом союзе двух государств. То есть то, к чему в СССР безуспешно стремились в отношении Финляндии, начиная со второй половины 1930-х гг. На его переговорах со А. А. Ждановым, проходивших в Хельсинки два дня 18 и 22 января, Маннергейм письменно, собственноручно, на русском языке вывел первую статью предлагаемого договора⁷⁸. Дословно он написал: «В случае агрессии против Финляндии, против Советского Союза через Финляндию или против обоих государств вкупе, Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются на территории Финляндии, в северной части Балтийского

⁷⁵ См.: *Мери В.* Карл Густав Маннергейм — маршал Финляндии. М., 1997. С. 185.

⁷⁶ *Иоффе Э.* Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. С. 324.

⁷⁷ J. K. Paasikiven päiväkirjat 1944–1956. Osa I. 28.6.1944–24.4.1949. S. 38.

⁷⁸ См.: *Polvinen T.* Suomi kansainvälisessä politiikassa. Osa III. Porvoo-Hels. — Juva, 1981. S. 59.

моря и в Финском заливе оказывать друг другу поддержку и помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами»⁷⁹.

Причем сам парадокс складывающейся ситуации заключался в том, что фактически аналогичные формулировки были в договоре, который советское руководство заключило с «финским народным правительством» О. В. Куусенена в 1939 г.⁸⁰ Более того, аналогичные формулировки затем легли в основу Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, который был подписан Финляндией в 1948 г. в Москве⁸¹. Таким образом, Маннергейм оказался стратегом, который отбросил определенные прежние свои убеждения, постаравшись максимально учесть реальные цели Советского Союза. Именно это, как представляется, стало определяющим в отношениях Москвы к будущей судьбе этого человека.

⁷⁹ J. K. Paasikiven päiväkirjat 1944–1956. Osa I. 28.6.1944–24.4.1949. S. 92. См. факсимильную копию данного текста в кн.: *Tervasmäki V. Mannerheim — Valtiomies ja sotapäällikkö talvi- ja jatkosotien käännekohtissa*. S. 177.

Полный текст договора, предложенный Маннергеймом для его обсуждения советским руководством:

«Желая, в случае направленной против их стран в послевоенное время агрессии, согласовать между собою меры противодействия таковой агрессии, а равно желая обеспечить постоянную дружбу и послевоенное мирное сотрудничество между собою, решили с этой целью заключить нижеследующий договор:

Статья I.

В случае агрессии против Финляндии, против Советского Союза через Финляндию или против обоих государств вкупе, Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются на территории Финляндии, в северной части Балтийского моря и в Финском заливе оказывать друг другу поддержку и помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами.

Статья II: Высокие Договаривающиеся Стороны, учитывая интересы безопасности каждой из них, соглашаются на тесное и дружественное сотрудничество в период после восстановления мира и действовать в соответствии с принципами взаимного уважения к их независимости и суверенитету, равно как и прямого или косвенного невмешательства во внутренние дела другого государства. Они соглашаются развивать в возможно более широких масштабах свои экономические отношения и оказывать друг другу всяческую возможную экономическую помощь после войны.

Статья III. Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон обязуются не заключать какого-либо союза и не принимать участия в какой-либо коалиции направленных против Другой Высокой Договаривающейся Стороны» (J. K. Paasikiven päiväkirjat 1944–1956. Osa I. 28.6.1944–24.4.1949. S. 92).

⁸⁰ См.: Известия. 1939. 3 дек.

⁸¹ Советско-финляндские отношения 1948–1983 гг. Договор 1948 г. о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи в действии. Документы и материалы. М., 1983. С. 6–8.

Сравнительная таблица военных статей предложения
К. Г. Маннергейма 1945 г. и советско-финляндских договоров
1939 и 1948 гг.

Предложения Маннергейма, 1945 г.	Договор о взаимопомощи и дружбе между Советским Союзом и Финляндской демократической республикой, 1939 г.	Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндской Республикой, 1948 г.
Статья I В случае агрессии против Финляндии, против Советского Союза через Финляндию или против обоих государств вкупе, Высшие Договаривающиеся Стороны обязуются на территории Финляндии, в северной части Балтийского моря и в Финском заливе оказывать друг другу поддержку и помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами	Статья III Советский Союз и Финляндская Демократическая Республика обязуются оказывать друг другу всяческую помощь, в том числе и военную, в случае нападения или угрозы нападения на Финляндию, а также в случае нападения или угрозы нападения через территорию Финляндии на Советский Союз со стороны любой европейской державы	Статья I В случае, если Финляндия или Советский Союз, через территорию Финляндии, станут объектом военной агрессии со стороны Германии или любого союзного с ней государства, Финляндия, верная своему долгу самостоятельного государства, будет сражаться для отражения агрессии. Финляндия направит при этом все имеющиеся в ее распоряжении силы на защиту неприкосновенности своей территории на суше, на море и в воздухе, действуя в пределах своих границ в соответствии со своими обязательствами по настоящему договору, при помощи, в случае необходимости, Советского Союза или вместе с ним. В указанных выше случаях Советский Союз окажет Финляндии необходимую помощь, о представлении которой стороны договорятся друг с другом

Показательно, что подобную позицию Маннергейма оценили тогда даже финские коммунисты. Они, серьезно пострадавшие от политики Маннергейма в предшествовавший период, уже весной 1945 г. начали признавать заслуги стареющего маршала. Министр внутренних дел, коммунист Ю. Лейно, в частности, 1 апреля прямо указал премьер-министру Ю. К. Паасикиви на то, что именно «Маннергейм вывел Финляндию из войны, и это такая заслуга, которая позволяет его оста-

вить в стороне», намекая, очевидно, на надвигающиеся наказания всех тех, кто привел страну к войне. При этом он также четко подчеркнул, что в дальнейшем все «зависит от него самого, что он сделает»⁸².

А далее Маннергейм, действительно, стал статистом, никаким образом не препятствуя принятию в Финляндии закона о наказании виновников вовлечения страны в войну. В Москве осознавали, что большего уже от Маннергейма добиться будет очень сложно. Но главное уже было сделано. Поэтому, понимая всю неоднозначность политического положения Маннергейма, советское руководство решило позволить ему, накануне начала судебного процесса, 3 ноября 1945 г., покинуть Финляндию. Неслучайно перед началом этого процесса, 8 октября, на встрече в Кремле с финской делегацией в области культуры И. В. Сталин подчеркнул, что «не должно быть чувства мести в отношениях между народами»⁸³, и даже решил выразить «признательность Маннергейму»⁸⁴.

Но объективно дело заключалось далеко не в «признательности» или отказе от «мести». Как указывал в своих воспоминаниях резидент советской разведки в Финляндии Е. Т. Синицын, позиция руководства СССР выражалась в том, чтобы *позволить* Маннергейму *самому лично* осудить «своих соучастников». Что собственно и произошло. При этом в процитированных Синицыным словах И. В. Сталина о будущем маршала явно отсутствовала какая-либо «признательность». Более того, советский лидер вполне резонно заметил: «Во время суда Маннергейм неизбежно будет неоднократно упоминаться как повинный в приказах по армии и за сговор с немцами, о вступлении Финляндии в войну на стороне фашистской Германии. Тогда народ Финляндии примет отставку Маннергейма с облегчением»⁸⁵. Иными словами, в Кремле решили использовать его авторитет в переходный период, но затем его участие в управлении государством уже не предполагалось.

Так собственно далее и произошло. Маршал появился в Финляндии, когда судебный процесс завершился. А после того как он закончился и были вынесены обвинительные приговоры всем бывшим его

⁸² J. K. Paasikiven päiväkirjat 1944–1956. Osa I. 28.6.1944 – 24.4.1949. S. 130. См. также: *Rentola K. Stalin ja Suomen kohtalo*. S 138.

⁸³ Цит. по: *Helo J. Vaiennettuja ihmisiä. Tapahtumia toisen maailmansodan ja jälkeisenä aikakautena*. Hels., 1965. S. 115.

⁸⁴ *Lehmus K. Kolme kriisiä*. S. 244.

⁸⁵ Цит. по: *Синицын Е.* Резидент свидетельствует. М., 1996. С. 237.

коллегам по руководству страной, то через всего десять дней, 4 марта 1946 г., Маннергейм подал в отставку⁸⁶. Таким образом закончилась государственная карьера этого человека. Ему оставалось теперь только писать свои мемуары, находясь в большей степени вдалеке от Финляндии в Швейцарии в курортном местечке Монтре, где он проживал еще чуть более пяти лет.

Таким образом, человек, который был ответственным практически по всем статьям обвинительного заключения по делу финских виновников войны, избежал прямого наказания. «Гибкость» Маннергейма в отношении СССР, проявленная им в 1944–1945 гг., тем не менее не может все же скрыть историческую правду. Блокада Ленинграда, геноцид русского населения в Карелии, гибель тысяч советских военнопленных, а также все те десятки тысяч человеческих жизней, которые были брошены к алтарю создания «великой Финляндии», не должны, конечно, быть оправданы тем, что К. Г. Маннергейма не судили так, как судили всех его единомышленников. Но здесь, очевидно, уже должен быть суд истории и исторической правды.

⁸⁶ *Mannerheim G. Muistelmät. Os. II. S. 502–504.*

Дискуссионные проблемы периодизации Второй мировой войны

Сама постановка вопроса о необходимости периодизации истории Второй мировой войны для специалиста выглядит на первый взгляд странно. Ведь периодизация как метод упорядочения и систематизации исследуемого исторического материала применяется давно и успешно.

Однако приходится признать, что перемены, произошедшие в российском социуме в постсоветский период, неоднозначно сказались на качестве подготовки кадров профессиональных историков, не говоря уже о том, что в последние годы заметно вырос удельный вес историков-любителей, в среде которых широко распространен дилетантизм. В результате значение и полезность периодизации масштабных исторических событий нередко недооценивается, а в отдельных случаях даже отрицается. В Научно-исследовательском институте военной истории, в бытность его руководства А. А. Кольтюковым (2002–2010 гг.), доходило до прямых запретов не только заниматься этой темой, но даже использовать соответствующую терминологию как в целом, так и конкретно, в отношении истории Второй мировой и Великой Отечественной войн.

К счастью, есть примеры и противоположного свойства. В частности, интересны и полезны попытки применить для периодизации исторических процессов математическую базу².

¹ Илиевский Николай Вячеславович — старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра (фундаментальных военно-исторических проблем) Военного университета МО РФ (г. Москва).

² См., напр.: *Гринин Л. Е.* Периодизация истории: теоретико-математический анализ // История и математика: проблемы периодизации исторических макропроцессов.

Глубокая научно-обоснованная периодизация возможна только по завершении изучаемого процесса («Большое видится на расстоянии»), хотя «пробы пера» вполне возможны и по его ходу. Несмотря на то, что в какой-то мере периодизация упрощает историческую реальность, она по-настоящему необходима для выявления связей между различными сторонами, аспектами объекта исследования и обеспечения условий для успешного применения общенаучных методов анализа и синтеза. Таким образом, с помощью периодизации мы эффективнее познаем прошлое, а значит, получаем в результате более адекватные выводы, полезные не только в теоретическом отношении, но и в практическом смысле.

Очевидно, что, осуществляя периодизацию того или иного процесса, прежде всего необходимо правильно определиться с его границами. Применительно к войнам это обычно не составляет большого труда, поскольку их начало и окончание непосредственно связывается с ведением сторонами военных действий и юридическими актами объявления войны и заключения перемирия (мира).

Вторая мировая война уникальна во многих отношениях. Такой ее делают характер и содержание, пространственные масштабы и число участников, задействованные силы и средства, ожесточенность борьбы и последствия. Даже спустя 75 лет после своего окончания она остается в фокусе общественного интереса, предоставляя обширнейший материал как для изучения, так и для использования в информационных, идеологических, политических, дипломатических и иных целях.

Известно множество вариантов периодизации Второй мировой войны по самым различным критериям. В качестве «точки отсчета» соответствующих периодов обоснованно используются важнейшие события войны, в их числе: нападение Германии на СССР, нападение Японии на США, победа Красной армии под Сталинградом, разгром японского флота у атолла Мидуэй, открытие Второго фронта, первое в истории применение атомного оружия, вступление СССР в войну с Японией и многие другие.

Но какое событие определяет начало самой Второй мировой войны?

По мнению подавляющего большинства историков, политиков, обывателей, это нападение Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. Очевидно, что в его основе лежит факт вторжения германских воору-

женных сил на польскую территорию (т. е. начало масштабного военного противоборства в Европе), приведшего спустя два дня к объявлению Великобританией и Францией войны Германии.

Насколько, однако, обоснован и точен этот выбор? Такой вопрос может показаться умозрительным, но на самом деле он исключительно важен с практической точки зрения, так как неверное определение даты начала Второй мировой войны с неизбежностью порождает существенные изъяны в ее анализе и создает почву для ошибочных выводов.

Вторая мировая война представляет собой сложнейший процесс, включающий в себя целый ряд двусторонних и многосторонних войн, с переменным составом участников³. Но она есть нечто значительно большее, чем просто вооруженная борьба. В ее основе впервые в истории лежало судьбоносное столкновение трех глобальных цивилизационных проектов: либерального, коммунистического и фашистского.

Причем фашизм, с его планами принудительной селекции человечества, отличался предельной жестокостью и высокой агрессивностью, что наиболее откровенно продемонстрировал германский нацизм — самая радикальная форма фашизма. Фашизм исключал возможность своего сосуществования с другими проектами, имея целью их поглощение или уничтожение, что и стало смысловой базой для создания антифашистской (антигитлеровской) коалиции, поскольку опасность для либерального блока США — Великобритании и коммунистического СССР была общей. Однако путь к этому удивительному альянсу был противоречивым, трудным и долгим, что наложило свой особый отпечаток на содержание и характер всей Второй мировой войны.

В данной связи следует также особо подчеркнуть, что в этой войне беспрецедентно большая роль принадлежала невоенным средствам борьбы: идеологическим, информационным, экономическим, дипломатическим, специальным и др. Никогда прежде их удельный вес и значение, в сравнении с применением средств вооруженного насилия, не были столь велики.

Проблема определения начала Второй мировой войны должна быть переосмыслена с учетом всех названных выше обстоятельств.

К этому добавлю: дата 1 сентября 1939 г. уязвима и потому, что в таком случае за рамками эпохального конфликта оказываются первые

³ Как известно, Болгария, Италия, Румыния, Финляндия воевали на стороне обеих противоборствовавших коалиций.

годы японо-китайской войны (1937–1945 гг.), аншлюс Австрии (март 1938 г.), поглощение Германией Чехии (сентябрь 1938 — март 1939 г.), аннексия Мемеля (март 1939 г), заключение советско-германского Договора о ненападении (23 августа 1939 г.) и целый ряд других важных событий⁴, что, в числе прочего, способствует как непредумышленным искажениям истории Второй мировой войны, так и ее прямым фальсификациям, когда, например, ответственность за случившуюся мировую трагедию пытаются возложить на Советский Союз.

На мой взгляд, комплексный анализ событий, происходивших в мире после завершения Первой мировой войны и создания Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, позволяет определить в качестве начальной фазы Второй мировой войны ремилитаризацию Германии Рейнской зоны в марте 1936 г.

Как известно, эта немецкая территория имела особый правовой режим, установленный Версальским мирным договором в 1919 г. с целью затруднить возможное в будущем нападение Германии на Францию. Здесь запрещалось размещать германские войска, проводить маневры, создавать военные укрепления и пр. Таким образом, в случае новой войны жизненно важные промышленные центры Германии оказывались в уязвимом от Франции положении.

В соответствии с Локарнскими соглашениями 1925 г., призванными гарантировать незыблемость послевоенных границ, демилитаризация Рейнской зоны была сохранена.

После прихода нацистов к власти, правительство А. Гитлера взяло курс на ревизию итогов Первой мировой войны и вооруженную экспансию. Ранним утром 7 марта 1936 г. 19 батальонов вермахта вступили в Рейнскую область. К 11 часам они достигли Рейна и три батальона переправились на его западный берег. В тот же день послы Франции, Великобритании, Бельгии и Италии в Берлине были официально уведомлены об одностороннем расторжении Германией Локарнского договора. В заявлении, подготовленном министром иностранных дел рейха К. фон Нейратом, ремилитаризация называлась вынужденным шагом, на который Германия пошла-де из-за ратификации Парижем

⁴ Связь этих событий со Второй мировой войной не отрицается и в рамках привычного подхода к ее периодизации. Однако «традиционалисты» относят их к предыстории войны, говоря (еще со времен советской историографии) о формировании «очагов войны». Представляется, однако, что данное понятие в научном отношении выглядит не очень убедительно.

франко-советского пакта о взаимопомощи 1935 г. В документе, в частности, говорилось: «В интересах естественного права народа защищать свои границы и сохранять свои средства обороны, германское правительство восстановило с сегодняшнего дня полную и неограниченную суверенность империи в демилитаризованной Рейнской области»⁵.

Хотя Совет Лиги Наций и осудил Германию за нарушение международных обязательств, это не имело сколько-нибудь значимых последствий. Реакция Франции, чья долгосрочная безопасность оказалась под угрозой, первоначально была болезненной. В опубликованной французским правительством декларации даже содержался открытый намек на возможность применения Парижем военной силы для восстановления статус-кво.

Однако после консультаций с Великобританией было решено отказаться от этого намерения. Британский премьер С. Болдуин заявил, что вступление германских войск в Рейнскую область «не содержит угрозы военного конфликта», таким образом фактически признав действия Гитлера. Палата общин, в ходе состоявшегося 12 марта обсуждения кризиса, практически единодушно поддержала эту позицию.

В качестве компенсации Франция получила от Англии так называемое «континентальное обязательство», предусматривавшее, в случае вооруженного франко-германского конфликта, отправку на континент крупного контингента британских сухопутных сил. Однако это соглашение не являлось полноценной заменой утраченной Францией возможности при необходимости быстро занять Рейнскую область, с угрозой последующего наступления вглубь Рурского промышленного региона.

Хорошо известны слова генерала Г. Гудериана, сказанные им уже после войны: «Если бы французы вмешались в Рейнской области в 1936 году, мы бы проиграли все, и падение Гитлера было бы неизбежным». По оценке самого Гитлера: «Если бы французы вошли в Рейнскую область, нам пришлось бы ретироваться с поджатыми хвостами. Военные ресурсы, находившиеся в нашем распоряжении, были неадекватны даже для оказания умеренного сопротивления»⁶.

Установление полного контроля над Рейнской областью не только усилило экономику Германии и лишило Францию «подушки

⁵ История дипломатии. М.; Л., 1945. Т. 3. С. 558.

⁶ Подр. см.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 томах. Т. 2. М., 2015. С. 9–132.

безопасности», оно позволило Гитлеру продолжить реализацию своих экспансионистских планов. Позиция Великобритании оказалась деструктивной. Более того, она сыграла провоцирующую роль, так как убедила Гитлера в осуществимости его дальнейших планов, которые в итоге должны были привести к прямому военному столкновению, но в гораздо более выгодных для Германии условиях. Эскалация конфликта, который до поры до времени не выглядел слишком серьезным, была предпринята.

По мнению ряда авторитетных историков, в число которых входят, например, и такие известные немецкие ученые А. Хильегруббер и К. Хильдебранд, ремилитаризация Рейнской области была не спонтанным, а хорошо продуманным действием со стороны Гитлера, важной частью его плана войны.

Подытожим.

Считаю, что 7 марта 1936 г. может и должно рассматриваться в качестве исходной даты Второй мировой войны в силу следующих обстоятельств:

- Рейнский прецедент в общем контексте Второй мировой войны занимает особое место как *первое активное агрессивное действие нацистской Германии*⁷;
- ремилитаризация Рейнской области представляла собой сознательное *нарушение* Германией Версальского мирного договора и Локарнских соглашений, *с применением военной силы*;
- она *создала необходимые условия* для дальнейшей германской экспансии;
- данное событие находится в жесткой смысловой увязке с последующими военно-политическими акциями Гитлера, что позволяет рассматривать его в качестве *части гитлеровского плана войны*;
- как подтвердил дальнейший ход событий, ремилитаризация Рейнской зоны *сформировала долговременный конфликт* с участием Германии, Франции, Великобритании, СССР (как партнера Франции по договору о взаимопомощи 1935 г.), так как непосредственно задевала жизненно важные интересы этих государств (прежде всего, безопасность). При условии успеха дальнейших военно-политических акций Гитлера, как это в ре-

⁷ Здесь и далее курсив авт.

альности и произошло, эскалация конфликта и глобальное военное столкновение становились неизбежными.

Возможны ли иные подходы к датировке начала Второй мировой войны?

Разумеется. Например, в КНР распространена точка зрения, согласно которой ее правомерно относить к началу японо-китайской войны (7 июля 1937 г.), либо даже к Мукденскому инциденту (18–19 сентября 1931 г.). Ряд отечественных специалистов, в том числе участники нашей конференции, видные отечественные историки А. А. Кошкин и В. П. Зимонин, в основном разделяют эту позицию, выступая с критикой «европоцентричного» взгляда на генезис Второй мировой войны.

При всем уважении, думаю, однако, что это неверный подход.

Дело в том, что мир образца 1920–1930-х гг. по факту оставался европоцентричным, что находило свое подтверждение в экономическом, политическом, дипломатическом, военном, культурном и многих иных отношениях. Время Китая как мировой державы еще не пришло. Что касается США, то там по-прежнему были сильны изоляционисты, да и главные потенциальные союзники Америки находились в Европе.

Главным актором-агрессором Второй мировой войны была европейская Германия, а отнюдь не азиатская Япония. И дело здесь не только в разнице их потенциалов. Как уже отмечалось, Гитлер намеревался предложить миру собственный цивилизационный (*на самом деле антицивилизационный*) проект: один из трех основных — фашизм. У Японии своего глобального проекта не было.

Наконец, основной узел противоречий, приведших к Второй мировой войне, находился все же в Европе (с учетом, конечно, евразийского СССР), а не в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Что же потенциально дает нам новая датировка начала Второй мировой войны?

Прежде всего, она открывает возможности для более глубокого и более достоверного познания и понимания прошлого, причем с выходом далеко за исторические рамки 1936–1945 гг.

Благодаря ей иначе видится тема ответственности за Вторую мировую войну и ее последствия. Прав президент В. В. Путин, когда говорит об определенной виновности всех основных участников этой

войны⁸. Разумеется, это ни в коей мере не означает уравнивания агрессоров и их жертв. Тем более что мера этой виновности применительно уже к Великобритании, Франции, США, Польше, СССР тоже весьма существенно различается. Она зависит, например, от силы желания каждого из этих государств остановить агрессоров, от имеющихся у них возможностей для реализации этого желания и конкретных действий, предпринятых и не предпринятых ими.

Используя новую датировку начала Второй мировой войны, мы получаем также обновленную и усиленную базу для эффективного противодействия искажениям и фальсификациям истории. В частности, аргументация в защиту советско-германского Договора о ненападении в этом контексте становится еще более убедительной и понятной, в том числе и для той части западной общественности, которая способна к самостоятельному мышлению.

В будущем году исполняется 85 лет с момента Рейнских событий — думается, что это удачный информационный повод для широкой научной и общественной дискуссии по поводу их истинного значения.

⁸ См.: *Путин В.В.* 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим // Российская газета. 2020. 24 июня.

Советский Союз в боях против
нацистской Германии и ее союзников
на европейском театре военных действий:
усилия армии и тыла

Из опыта стратегического развертывания вооруженных сил СССР накануне и начальном периоде войны с Германией

Основные публикации, выступления в год 75-летия Великой Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне посвящены великому мужеству и героизму советского народа в борьбе с «коричневой чумой». Вместе с тем проблемы начала войны, ее начального периода и особенно подготовки советской страны и ее вооруженных сил к отражению германской агрессии в 1940-е гг. по-прежнему остаются актуальными и востребованными применительно к складывающейся геополитической обстановке в мире. И в первую очередь вопросы оперативно-стратегического планирования, предусматривающие определение порядка развертывания вооруженных сил, создание группировок войск для ведения военных действий и другие мероприятия.

Анализ современной историографии показывает несостоятельность попыток обвинить советское руководство в подготовке упреждающего удара по немецким войскам, тем более в развязывании Второй мировой войны. Обратимся к известным историческим фактам.

В начале 1940-х гг. на западе и востоке СССР Вторая мировая война стала стремительно приближаться к границам страны. Высшее политическое и военное руководство государства осознавало неизбежность и реальность надвигающейся угрозы. Поэтому в ходе подготовки страны к отражению назревавшей агрессии, в 1930–1940-е гг.

¹ *Фесенко Владимир Иванович* — старший научный сотрудник отдела Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, подполковник (г. Москва).

важное место в работе Генерального штаба занимали вопросы разработки «Плана войны», т. е. применения вооруженных сил в войне. Это был непрерывный и кропотливый процесс, сложность которого обуславливалась быстро меняющейся и в значительной степени противоречивой международной военно-политической обстановкой, решением политических, дипломатических, экономических, военных и других проблем, особенно в последний год перед началом Великой Отечественной войны.

Необходимо отметить, что оперативный план, как главный документ Плана войны, представлял собой совокупность документов, обеспечивающих при их выполнении организованное развертывание и вступление в боевые действия армии и флота в соответствии с целями и задачами первых операций.

Разработка такого рода документа представляла собой сложный и непрерывный творческо-управленческий процесс, связанный с решением политических, дипломатических, идеологических, военных и других проблем. Планирование применения вооруженных сил в войне являлось главным звеном в функциях Наркомата обороны и Генерального штаба РККА. Общее руководство этим сложным процессом осуществляло советское руководство.

Одним из основных документов являлась записка, разработанная начальником Генерального штаба, утвержденная наркомом обороны СССР, «О порядке стратегического развертывания Вооруженных сил (задачи фронтам, и флотам) с приложением карты и сводной таблицы распределения войсковых соединений, авиации и частей РККА по фронтам и армиям».

В предвоенные годы основные документы плана войны до августа 1940 г. разрабатывались под руководством маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова, до февраля 1941 г. генерала армии К. А. Мерецкова, а в последующем генерала Г. К. Жукова, при непосредственном участии генерал-лейтенанта Н. Ф. Ватутина, генерал-майора А. М. Василевского.

Доклад «Об основах стратегического развертывания РККА» был утвержден наркомом обороны и одобрен Главным военным советом 19 ноября 1938 г.² В последующем план обороны подвергался неод-

² Захаров М. В. Накануне великих испытаний. М., 1968. С. 28, 40; Горьков Ю. А. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995. С. 56.

нократному пересмотру и доработке. Первый раз работа над «Соображениями...» была завершена к сентябрю 1940 г. — «Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на западе и востоке на 1940 и 1941 г.». Дальнейшая работа над планом строилась с учетом позиции руководства страны о необходимости сосредоточения основных сил Красной армии на юго-западном стратегическом направлении.

В связи с изменениями в области военного строительства работа над основными документами плана затянулась и продолжалась до мая 1941 г.

По существу, последний предвоенный план «Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками», разработанный в период с 5 по 15 мая 1941 г., предусматривал разгром немецкой группировки южнее Варшавы и лишение ее возможности наступления, а также изоляцию Германии от союзных ей стран. В этом документе (ником из высших должностных лиц военного ведомства не утвержденном) содержалось предложение о нанесении упреждающего удара по изготовившемуся к вторжению противнику. Необходимость принятия такого решения обосновывалась состоянием, в котором находилась к этому времени главная группировка вермахта, противостоявшая западным приграничным округам, — она была «отмобилизованной с развернутыми тылами». В данном варианте плана предлагалось «упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск»³.

В предлагаемом документе не ставились задачи по овладению территориями каких-либо сопредельных суверенных государств, что наглядно свидетельствует об отсутствии агрессивных намерений в отношении как Германии, так и ее союзников. Основная цель заключалась в разгроме главной немецкой группировки южнее Варшавы и лишении ее возможности наступления, а также в изоляции нацистской Германии от союзных ей стран.

Следует отметить, что отношение политического руководства СССР к майскому оперативному плану было довольно непростым.

³ Горьков Ю.А. Указ. соч. С. 57.

Это обуславливалось сложившейся военно-политической обстановкой и явной угрозой нападения Германии на Советский Союз.

Все это вызывало большую обеспокоенность у главы партии и государства, о чем свидетельствует постоянное общение в тот период И. В. Сталина с наркомом обороны С. К. Тимошенко и начальником Генерального штаба Г. К. Жуковым. В мае последние были на приеме в Кремле 10, 12, 19 и 23-го числа, а 24 мая состоялось секретное совещание И. В. Сталина с командующими войсками, членами военных советов и командующими ВВС западных приграничных округов⁴. На нем обсуждались вопросы, связанные с последним оперативным планом войны по состоянию на 15 мая 1942 г.

В соответствии с увеличением состава войск Красной армии первый стратегический эшелон предусматривалось развернуть на основе существующих военных округов в составе четырех фронтов (189 дивизий и 2 бригады с учетом войск, находившихся в Крыму), что составляло 60 процентов всех соединений Красной армии. Наиболее сильную группировку предусматривалось создать в полосе Юго-Западного фронта (100 дивизий, в том числе 20 танковых и 10 моторизованных), который должен был формироваться на базе Киевского особого и Одесского военных округов. Второй стратегический эшелон — резерв Главного командования — предполагалось создать из пяти армий в составе 51 дивизии. Для обороны границ на Дальнем Востоке выделялись 32 дивизии и 2 бригады, объединенные в Дальневосточный фронт и Забайкальский военный округ. Оборона южных границ возлагалась на Северо-Кавказский, Закавказский и Среднеазиатский военные округа, имевшие в общей сложности 30 дивизий. Для прикрытия Беломорского побережья выделялась одна дивизия⁵. Основные силы Военно-морского флота СССР также сосредоточивались на западе в составе Северного, Балтийского и Черноморского флотов.

Оценивая предвоенный план «Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками», можно выделить как положительные стороны, так и допущенные просчеты.

Необходимо отметить, что в целом безошибочно был определен состав европейской коалиционной группировки врага. Действовав-

⁴ Там же. С. 35, 36.

⁵ 1941 год. Уроки и выводы. М., 1992. С. 58, 59.

шие соглашения с Германией объективно оценивались Генеральным штабом РККА, позиция Финляндии и Румынии для него была очевидной, так как определялась стремлением этих государств к реваншу за предпринятые против них действия в 1939–1940 гг. Совершенно точно указывалось на возможные агрессивные поползновения Японии на Дальнем Востоке. Следует отметить, что при разработке документов нарком обороны и Генеральный штаб руководствовались тем, что будущая война может носить затяжной характер, в связи с чем большое значение придавалось созданию резервов Главного командования. Признавалось также, что война может начаться внезапно.

К числу наиболее существенных просчетов планирования следует отнести неверное определение сроков начала войны с Германией, а также недооценку возможности развертывания главной группировки противника на западном стратегическом направлении. В ходе переработки плана из него постепенно исчезла весьма дальновидная и обоснованная оценка западного и юго-западного стратегических направлений как равнозначных.

Относительно начального периода войны в «Соображениях...» указывалось, что противнику для стратегического развертывания главных сил при нападении на Советский Союз потребуется до 10–15 суток. Делалось предположение, что военные действия с обеих сторон могут начаться лишь частью сил. Как вспоминал после войны Г. К. Жуков, «нарком обороны и Генеральный штаб считали, что война... должна начаться по ранее существовавшей схеме: главные силы вступают в сражение через несколько дней после приграничных сражений. Германия в отношении сроков сосредоточения и развертывания ставилась в одинаковые условия с нами. На самом деле и силы, и условия были далеко не равными»⁶.

В планировании стратегического развертывания важное место занимала организация прикрытия государственной границы. Весь комплекс мероприятий по решению этой проблемы осуществлялся на основе разработанного в мирное время «Плана обороны государственной границы 1941 г.», который являлся составной частью плана стратегического развертывания Советских вооруженных сил. Разработка планов прикрытия в округах проводилась на основании директив наркома обороны СССР. В ходе приближающейся угрозы войны с Германией,

⁶ Жуков Г. К. Указ. соч. Т. 1. С. 338.

особенно с февраля 1941 г., в Генеральном штабе шел напряженный и сложнейший процесс корректировки планов прикрытия. Обстановка складывалась так, что штабы округов не успевали качественно разрабатывать документы, при этом многие проекты устаревали еще до их утверждения.

В целом «План обороны государственной границы 1941 г.» отвечал требованиям решения задач по отражению удара противника. Вместе с тем он имел и ряд существенных недостатков. Так, планируемое построение обороны соединений и объединений не предусматривало создания полосы обеспечения, а передний край большинства дивизий проходил в непосредственной близости от государственной границы. Дислокация соединений и частей была определена прежде всего из наличия казарменного фонда, а не интересов оперативного развертывания войск. В результате большая часть дивизий Западного и Киевского особых военных округов перед тем, как занять оборону, должна была совершить перегруппировку на расстояние до 60 км, и зачастую вдоль фронта в непосредственной близости от границы. При этом система ввода в действие плана прикрытия не учитывала возможности внезапного нападения противника.

Важнейшим элементом приведения Вооруженных сил Советского Союза в боевую готовность был План мобилизационного развертывания. В предвоенный период под мобилизацией армии понимался ее планомерный и своевременный перевод на штаты военного времени.

Разработка мобилизационных планов была одной из важнейших функций Генерального штаба. Эта работа осуществлялась в тесной связи и одновременно с разработкой других документов оперативного плана («Соображений об основах стратегического развертывания», «Плана обороны государственной границы» и др.) и планами развития и реорганизации Вооруженных сил СССР.

Разработанный Генеральным штабом мобилизационный план перерабатывался четыре раза с мая 1940 г. по июнь 1941 г., получил впоследствии наименование МП-41⁷. Решением Главного военного совета от 16 августа 1940 г. разработка нового мобилизационного плана МП-41 с вводом его в действие была определена к 1 мая 1941 г. В связи с задержкой решения вопроса о количестве призываемых возрастов,

⁷ Михалев С.Н. Стратегические решения. Противоборство двух стратегий на Восточном (советско-германском) фронте в 1941–1945 гг. Кн. 1. Красноярск, 1998. С. 184.

схема мобилизационного развертывания была вручена округам только в конце декабря 1940 г. По существу намеченные сроки разработки МП-41 были сорваны.

Таким образом, разработка мобилизационных планов накануне войны осуществлялась в исключительно сложных условиях. В результате качество подготовленных документов было низким из-за имеющихся многочисленных ошибок, несогласованностей, неточных подсчетов и т. п. Это объяснялось тем, что в армии проводились непрерывные динамичные организационные мероприятия, ее численность, равно как и организационно-штатная структура частей и соединений, их боевой состав постоянно менялись. Военная же промышленность просто не успевала поставить в войска необходимое количество техники и вооружения. Все это делало мобилизационные планы нереальными.

Общая численность Красной армии после отмобилизования должна была составлять 8678 тыс. человек⁸. К 23 января 1941 г. мобилизационный план был существенно переработан и предполагал довести численность Красной армии в случае войны до 10 млн человек⁹. Однако 12 февраля 1941 г., после очередной доработки, план был утвержден с доведением численности армии до 8,7 млн человек.

К началу Великой Отечественной войны в соответствии с планом МП-41 (учитывая его последующие корректировки) Вооруженные силы СССР намечалось развернуть в составе 303 дивизий (из них: стрелковых и горно-стрелковых — 196, мотострелковых — 31, кавалерийских — 13), 348 авиационных полков, 5 управлений воздушно-десантных корпусов, 10 отдельных противотанковых артиллерийских бригад РГК, 94 корпусных артиллерийских полков, 74 артиллерийских полков РГК. Кроме того, предусматривалось развертывание соответствующего числа частей боевого обеспечения и обслуживания¹⁰.

После мобилизационного развертывания численность армии должна была составить 8,9 млн человек личного состава, 32 628 самолетов (из них 22 171 боевых), свыше 106 тыс. орудий и минометов, около 37 тыс. танков, 10 679 броневых автомобилей, около 91 тыс. тракторов, 595 тыс. автомобилей¹¹.

⁸ 1941 год. Уроки и выводы. М., 1992. С. 71.

⁹ Воен. — истор. журнал. 1992. № 1. С. 40.

¹⁰ Воен. — истор. журнал. 2006. № 6. С. 7.

¹¹ Там же. С. 7.

Таким образом, реализация плана МП-41 предусматривала призыв из запаса 5 млн человек, в том числе 600 тыс. средних и старших командиров, большая часть которого нуждалась в серьезной переподготовке. Но еще сложнее обстоял вопрос обеспечения войск вооружением и боевой техникой. Полностью удовлетворить потребности вооруженных сил согласно плану МП-41 было возможно лишь в течение пяти лет. Не менее сложный вопрос был с боеприпасами, по состоянию на 1941 г. промышленность поставляла лишь 30% от общей потребности в них вооруженных сил.

Отмобилизование войск при переводе их на военное положение (приведение в боевую готовность) предполагалось осуществить поэтапно. Первые два эшелона включали:

- войска прикрытия (114 дивизий — 25–30% состава приграничных округов), укрепрайоны, ВВС и войска ПВО;
- 109 стрелковых дивизий, все соединения БТ и МВ, 11 артиллерийских полков РВГК, части боевого обеспечения и армейские тылы.

Приведение их в боевую готовность планировалось произвести соответственно в течение 1–3 и 8–15 суток. Отмобилизование третьего и четвертого эшелонов (фронтовых тылов, запасных частей, стационарных госпиталей) должно было осуществиться в течение 8–15 и 16–30 суток¹².

Одновременно уточнялись планы стратегических перевозок для сосредоточения Вооруженных сил на театре военных действий, прикрытия стратегического развертывания, устройства тыла и материального обеспечения действующей армии, по связи, военным сообщениям, ПВО и др.

Необходимо признать, что установки мобилизационного развертывания Красной армии противоречили реальному положению дел. В условиях внезапного перехода противника в наступление мобилизационная готовность войск приграничных военных округов не могла быть достигнута. Так, соединениям армий прикрытия при переводе на штаты военного времени предстояло получить до 30% личного состава. Но необходимые для этого перевозки из внутренних военных округов не могли быть осуществлены в указанные для них сроки.

¹² Михалев С. Н. Стратегические решения. Противоборство двух стратегий на Восточном (советско-германском) фронте в 1941–1945 гг. Кн. 1. С. 186; Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1961. С. 144.

Важнейшее мероприятие в системе стратегического развертывания вооруженных сил заведомо было невыполнимо.

Более того, количественный рост армии требовал значительного роста боевой мощи и обеспечения возможности по отражению вторжения немецких войск. Все предвоенные стратегические расчеты велись из предположения, что возможности и средства для этого есть. Однако, как показали события, политическое руководство не учитывало особенности военной и политической обстановки перед войной и, главное, не согласовывало потребности Вооруженных сил с государственными планами производства боевой техники и вооружения. Все это влекло за собой устойчивое увеличение некомплекта в войсках, который не мог быть покрыт и в результате мобилизации. Соответственно, все это способствовало формированию большого количества небоеспособных или ограниченно боеспособных соединений и частей. В то же время части, которые были основой формирования новых соединений, снижали свой уровень боеспособности.

В связи с возникновением непосредственной угрозы нападения немецких войск на Советский Союз, военно-политическое руководство страны предприняло ряд практических мер по непосредственной подготовке и осуществлению стратегического развертывания Вооруженных сил.

Весной 1941 г., в апреле — мае, Наркомат обороны и Генеральный штаб с согласия правительства начали проводить скрытое отмобилизование военнообязанных под видом «Больших учебных сборов». Ставилась задача усилить войсковые части и соединения в 14 военных округах. Всего на «учебные сборы» к 1–10 июня 1941 г. было призвано 755 тыс. человек приписного состава. Это позволило пополнить 21 стрелковую дивизию до 14 тыс., 72 дивизии до 12 тыс. и 6 горных дивизий до 11 тыс. человек, довести их до штатов, близких к военному времени¹³. Незначительно пополнились части ВВС, артиллерия, инженерные войска, войска связи и ПВО, тыловые части, учреждения и штабы. Однако принятые превентивные меры мобилизации только личного состава кардинально не решали задачи приведения соединений в полную боевую готовность. Многие дивизии по-прежнему не были обеспечены автомобильным и гужевым транспортом, казарменным фондом, вооружением и другой боевой техникой.

¹³ Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1961. С. 144.

Всего на «учебные сборы» до начала войны было призвано 802 тыс. человек, что составляло 24% его общего количества по мобилизационному плану МП-41.

Кроме того, было принято важнейшее решение о выдвижении войск второго стратегического эшелона — армий Резерва Главного командования. Эти действия явились началом стратегического выдвижения и развертывания группировок войск на Западном ТВД.

В предварительном распоряжении военным советам Забайкальского и Дальневосточного военных округов, отданном Генштабом 26 апреля 1941 г., указывалось быть в готовности к отправке на запад 5-го механизированного, двух (31-го и 32-го) стрелковых корпусов (в общей сложности 9 дивизий) и двух (211-й и 212-й) воздушно-десантных бригад.

Распорядительным порядком в период с 13 по 22 мая 1941 г. начали свое выдвижение к западной границе три армии (16, 21 и 22-я) Забайкальского, Приволжского и Уральского округов.

16-я армия (12 дивизий) перебрасывалась в район Проскуров, Хмельники со сроком окончания сосредоточения 22 мая — 1 июня. 21-я армия (14 дивизий) должна была сосредоточиться в районе Чернигов, Гомель, Конотоп 17 июня — 2 июля. 22-я армия (6 дивизий) выдвигалась в район Идрица, Себеж, Витебск со сроком окончания сосредоточения 1–3 июля. На запад перебрасывался и 25-й стрелковый корпус из Харьковского военного округа, переходивший в подчинение 19-й армии. Кроме того, осуществлялись и другие межокружные и внутриокружные перегруппировки войск.

Группе армий ставилась задача оттрекогносцировать и приступить к созданию оборонительного рубежа по линии Сущево, Невель. Витебск, Могилев, Жлобин, Гомель, Чернигов, р. Десна, р. Днепр до Кременчуга. Начертание переднего края полосы заграждений и главной полосы обороны от Сущево до Гомеля указывалось по карте. Войска должны были быть готовы к переходу в контрнаступление по особому указанию Главного командования¹⁴.

Как показали дальнейшие события, главный удар, который нанесли немецкие войска севернее Припяти, вынудил советское командование перебрасывать войска с киевского на белорусское стратегическое направление.

¹⁴ Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М.: Воениздат, 1989. С. 261.

Таким образом, переброска войск была спланирована с расчетом завершения сосредоточения в районах, намечаемых оперативными планами с 1 июня по 10 июля 1941 г. Эта передислокация из внутренних округов, по сути, явилась началом стратегического сосредоточения советских войск на Западном ТВД. Выдвижение производилось с соблюдением строжайших мер маскировки, без увеличения обычного графика работы железной дороги. Поэтому к началу войны только 83 воинских эшелона прибыли в назначенные пункты, 455 находились в пути, а 401 эшелон и не грузились. Соединения убывали только с частью запаса боеприпасов, горючего и продовольствия, предусмотренного мобилизационными и оперативными планами¹⁵.

Все эти войска должны были составить Группу армий резерва («армии второй линии»).

В связи с нарастающей угрозой нападения немецких войск, военно-политическое руководство разрешило сосредоточить соединения второго оперативного эшелона западных округов в районах, определенных планами прикрытия. Директивой начальника Генерального штаба западным пограничным округам предписывалось с 12 по 15 июня скрытно вывести дивизии, расположенные в глубине, ближе к госгранице¹⁶. Под личную ответственность командиров и начальников, перегруппировка осуществлялась с особой осторожностью и соблюдением мер маскировки.

С большим запозданием были проведены и другие мероприятия стратегического развертывания. Только лишь с 14 по 19 июня командование приграничных округов получило указание к 22–23 июня вывести фронтовые (армейские) управления на полевые командные пункты.

Необходимо отметить, что некоторые мероприятия по развертыванию и повышению боевой готовности пытались на свой страх и риск проводить командиры и штабы непосредственно в войсках. В ряде случаев они носили частный характер, проводились с большим опозданием, а в итоге не были завершены. Более того, проявленные моменты инициативы жестко пресекались командованием, как на высшем, так и низовом звене управления войсками.

Тем не менее военно-политическим руководством СССР на исходе 21 июня в 23 час. 30 мин. было принято решение, подразумевавшее

¹⁵ 1941 год. Уроки и выводы. С. 84.

¹⁶ Великая Отечественная война 1941–1945. Кн. 1. Суровые испытания. М.: Наука, 1998. С. 119.

лишь частичное проведение мероприятий оперативных и мобилизационных планов в пяти пограничных военных округов и приведение их в боевую готовность. И это при том, что главные силы противника были полностью отмобилизованы, развернуты в соответствующих ударных группировках и готовы по первому сигналу начать вторжение, а на приведение Красной армии в полную боевую готовность требовалось определенное время. В то же время военно-политическим руководством игнорировалась вероятность разгрома и поражения армий прикрытия и захвата стратегической инициативы противником.

В результате запоздалого принятия решения, обстановка для оперативного развертывания войск приграничных округов сложилась трагически, а для дальнейшего стратегического развертывания вызвала колоссальные проблемы и по своей сути срыв выполнения плана обороны страны.

Начавшаяся война 22 июня 1941 г. кардинально изменила обстановку по подготовке к отражению нападения противника. Если до 27 июня сосредоточение советских войск осуществлялось в соответствии с планом стратегического развертывания, то в последующем резко изменившаяся обстановка вынуждала советское командование вводить стратегические резервы по частям, при огромных пространственно-временных параметрах.

Из всего комплекса мероприятий по стратегическому развертыванию Красной армии следует отметить значительные проблемы выполнения мобилизационного плана МП-41.

Стремительное наступление немецких войск сорвало мероприятия отмобилизования армий прикрытия во всех особых военных округах. При объявлении мобилизации 22 июня 1941 г. были призваны 14 возрастов, т. е. около 10 млн человек, а затем дополнительно еще более старшие возраста, доведя призыв до 14 млн человек, при потребности не более 5 млн человек. Все это не вызывалось военной необходимостью и вносило дезорганизацию в народное хозяйство и тревогу среди населения¹⁷.

С первых дней войны советские войска понесли большие потери и потребовалась необходимость их срочного восполнения. Возникшая проблема решалась формированием новых войсковых соединений, выводом частей и соединений в резерв Ставки ВГК для переформиро-

¹⁷ 1941 год. Уроки и выводы. С. 115.

вания и доукомплектования маршевыми пополнениями из запасных и учебных частей.

По плану МП-41 период мобилизации охватывал период с М5 до М25. На самом деле он завершился за первые 10 суток. Тяжелейшая обстановка на фронте потребовала с М10 выгружать эшелоны с мобилизационными ресурсами в новых пунктах и для других получателей. Таким образом, с этого времени уже осуществлялись оперативные перевозки, производившиеся в целях пополнения фронтов и округов.

При мобилизационных перевозках эшелоны с мобилизационными ресурсами отправлялись с большим опозданием. Срыв продвижения эшелонов был обусловлен одновременным движением большого количества оперативных эшелонов, которые не были предусмотрены в мобилизационный период.

Среднесуточная погрузка для оперативно-мобилизационных перевозок в июне составила 25 983 вагона, а в июле — 15 158. Сокращение оперативных перевозок в начале июля 1941 г. объяснялось окончанием массового отмобилизования и в целом завершением стратегического развертывания Красной армии.

Таким образом, незавершенность мероприятий накануне и в начальном периоде войны по стратегическому развертыванию Вооруженных сил СССР не позволила создать необходимую группировку войск для отражения нападения вермахта. Не использовалась возможность произвести оптимальные и необходимые перегруппировки в приграничных округах, привести войска в боевую готовность, занять намеченные планом районы и рубежи и завершить развертывание первого стратегического эшелона. Вследствие ряда причин и обстоятельств, допущенные просчеты военно-политического руководства привели к трагическим последствиям для армии, флота и в целом страны.

Политико-правовое регулирование организации сопротивления немецко-фашистским оккупантам на территории СССР²

В годы Великой Отечественной войны правовое положение участников движения сопротивления оккупационному режиму относилось к сфере регулирования как международных, так и внутригосударственных нормативных актов.

Определение статуса участников вооруженной борьбы в тылу войск противника относится к одной из сложных международно-правовых проблем и уходит истоками еще к XIX ст. Одна из первых попыток урегулировать на международном уровне правила ведения войн и юридически закрепить статус их участников была предпринята в 1870-е гг.

На Брюссельской международной конференции 1874 г. обсуждался проект конвенции, согласно которому военные законы, права и обязанности относятся не только к армии, но также к ополченцам и отрядам волонтеров. Однако этот проект, разработанный российским юристом-международником Ф. Ф. Мартенсом, не был принят³. На Гаагских конференциях мира (1899 и 1907 гг.) по кодификации законов и обычаев войны положения брюссельского проекта были закреплены в соответствующих конвенциях без существенных изменений.

¹ *Коровин Владимир Викторович* — доктор исторических наук, профессор кафедры конституционного права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Председатель регионального отделения Российского военно-исторического общества в Курской области (г. Курск).

² Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания на 2020 г. «Трансформация частного и публичного права в условиях, эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 0851–2020–0033).

³ *Калугин В. Ю.* Курс международного гуманитарного права. Минск, 2006. С. 31.

Конференция 1899 г. смогла принять текст Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны и приложение к ней. Это приложение, получившее в международном праве наименование «Положение о законах и обычаях сухопутной войны», содержало правила, касающиеся всех аспектов сухопутной войны. Договаривающиеся стороны смогли прийти к согласию по таким вопросам, как: определение категорий лиц, которые признавались комбатантами⁴ (в документе они названы «воюющими»), порядок обращения с военнопленными, ограничения на применение средств и методов нанесения вреда противнику, ограничения, налагаемые на поведение оккупирующей державы, и т. д.

В статье 1 Гаагского положения (1907 г.) упоминаются «ополчение и добровольческие отряды», если они отвечают четырем обязательным условиям, а именно: 1) имеют во главе лицо, ответственное за своих подчиненных; 2) имеют определенный и явственно видимый издали отличительный знак; 3) открыто носят оружие и 4) соблюдают в своих действиях законы и обычаи войны.

В статье 2 была добавлена еще одна категория: «население незанятой территории, которое при приближении неприятеля добровольно возьмется за оружие для борьбы с вторгающимися войсками и которое не имело времени устроиться, согласно статье 1 будут признаваться в качестве воюющих, если будут открыто носить оружие и будут соблюдать законы и обычаи войны»⁵.

Как видим, термин «партизан» в тексте документа отсутствует. Современные исследователи, расширительно толкуя положения Гаагской конвенции, склонны относить и участников вооруженной борьбы на оккупированной территории к числу лиц, получивших право вести военные действия. Так, А. Ю. Попов отмечает: «Несмотря на то, что в указанных статьях не сказано о партизанах, на наш взгляд, иррегулярные формирования, безусловно, относятся к партизанским и входят в разряд комбатантов. Таким образом, организованные партизанские формирования получали юридический статус, т. к. становились субъектом международного права»⁶.

⁴ Комбатант — лицо, входящее в состав вооруженных сил стороны конфликта и имеющее право принимать непосредственное участие в военных действиях (*Буше-Сольнье Ф.* Практический словарь гуманитарного права. М., 2004. С. 165).

⁵ Международное право. Ведение военных действий: Сборник Гаагских конвенций и иных международных документов. М., 2004. С. 22.

⁶ Попов А. Ю. НКВД и партизанское движение. М., 2003. С. 13.

По мнению известного специалиста в области международного гуманитарного права, профессора Лейденского университета Фрица Кальсховена, одним из самых противоречивых, в конечном счете так и не решенным как раз и стал вопрос о положении представителей гражданского населения, которые в ходе оккупации их страны неприятельской державой берутся за оружие для борьбы с ней. Проблема заключалась в следующем: обязана ли оккупирующая держава признать этих участников сопротивления комбатантами, или, напротив, их можно считать партизанами (франтирерами) и на этом основании, согласно широко распространенному мнению того времени, казнить без суда? При обсуждении этого вопроса мнения так называемых малых стран и крупных держав оказались противоположными. Первые полагали, что в ходе любого будущего вооруженного конфликта их территория может подвергнуться военной оккупации, и поэтому горячо отстаивали право населения оккупированной страны на сопротивление. Вторые утверждали, что, хотя жители оккупированных территорий, участвующие в вооруженном сопротивлении, и выглядят в глазах некоторых людей героями, они не могут быть признаны комбатантами, и поэтому будут всегда действовать на свой страх и риск.

Поскольку этот вопрос на Конференции остался нерешенным, его обсуждение завершилось включением в текст преамбулы к Конвенции абзаца, обычно называемого оговоркой Мартенса. Признавая, что решить все проблемы не представляется возможным, договаривающиеся стороны разъясняли, что в их намерение не входит, «чтобы непредвиденные случаи, за отсутствием на сей счет письменных постановлений, были предоставлены на произвольное усмотрение военным начальствующим», напротив, в подобных непредвиденных случаях как гражданские лица, так и комбатанты «остаются под защитой и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, законов человечности и требований общественного сознания»⁷.

Данная формулировка, хотя и составленная специально в связи с непростой проблемой вооруженного сопротивления на оккупированной территории, приобрела значение, выходящее далеко за пределы этой конкретной проблемы. Она подразумевает то, что независимо от вопросов, по которым государства могут расходиться во мнениях,

⁷ Кальсховен Ф. Ограничения методов и средств ведения войны. М., 1994. С. 16–17.

ведение войны будет всегда подчиняться существующим принципам международного права.

К сожалению, правовой статус партизан окончательно так и не был урегулирован международными соглашениями до начала Второй мировой войны. В результате массовые репрессии немецко-фашистских войск в отношении участников сопротивления оккупационному режиму на территориях СССР и стран Европы не попадали под уголовную ответственность, предусмотренную статьей 6 Устава Международного военного трибунала за такие военные преступления, как убийства, истязания или увод в рабство гражданского населения оккупированной территории; убийства и истязания военнопленных и т. д.

Поскольку руководство фашистской Германии попирало нормы международного права, сам факт безоговорочного признания партизан комбатантами несколько бы не изменил их участи. Представители гитлеровского командования утверждали, что именно партизаны виновны во всем, что касается грубейшего нарушения норм права вооруженных конфликтов. Так, генерал Л. Рендулич писал, что партизаны никогда не будут придерживаться норм международного права, и призывал принять самые серьезные меры к ограничению форм партизанской войны.

Как отмечает бывший директор Международного комитета Красного Креста (МККК) Жан Пикте: «...Самым сложным вопросом было положение партизан, ведущих борьбу на оккупированных территориях. Во время Второй мировой войны оккупирующая держава считала их не комбатантами, а преступниками, и они подвергались суровым репрессиям»⁸. Таким образом, неопределенность статуса участников сопротивления оккупационному режиму привела к массовому нарушению правил и законов ведения войны в отношении партизан.

Наиболее важную роль в регламентации процесса организации сопротивления в тылу немецко-фашистских войск сыграли внутригосударственные нормативные акты. Условно их можно разделить на несколько групп. К первой группе юридических источников целесообразно отнести директивные документы центральных органов власти (постановления ЦК ВКП(б), СНК СССР, ГКО). Вторую группу, на наш взгляд, составляют ведомственные нормативные акты

⁸ Пикте Ж. Развитие и принципы международного гуманитарного права. М., 1994. С. 50.

(директивы, распоряжения НКО СССР, НКВД СССР). Третья группа руководящих документов представлена приказами военного командования РККА. Четвертая группа источников содержит решения местных, прежде всего партийных органов по вопросам организации сопротивления оккупантам.

Основными программными документами, регламентирующими деятельность центральных и местных органов власти по развертыванию всенародной борьбы в тылу войск противника, были директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня и постановление ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 г.

Принятая 29 июня 1941 г. директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным организациям прифронтовой полосы о решительной перестройке всей работы на военный лад в числе других мер требовала: «В занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов и дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и т. д.; в захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия»⁹.

Для осуществления руководства указанной деятельностью директива обязывала первых секретарей обкомов и райкомов ВКП(б) одновременно создавать надежные подпольные ячейки и явочные квартиры во всех населенных пунктах, находящихся под угрозой оккупации.

Директива была получена на местах только 30 июня 1941 г.¹⁰ Документ носил закрытый характер, был передан в регионы телеграфной связью под грифом «секретно» и не предполагал ознакомления с ним широких масс населения, в связи с чем не мог стать фактором их вовлечения во всенародную борьбу с агрессором. Подлинно мобилизующей программой для всего народа стала речь И. В. Сталина по радио 3 июля 1941 г., во многом построенная на основе указанной директивы. Призывая к партизанской борьбе в тылу противника, руководитель страны сказал: «В занятых врагом районах нужно создавать пар-

⁹ Цит. по: *Логунова Т.А., Мошков Ю.А.* Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945): Сб. док. и материалов. Вып. 1. М., 1969. С. 5–7.

¹⁰ Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. 1045. Оп. 1. Д. 1997. Л. 26–28.

тизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов и оборудования...»¹¹

Но ни в упомянутой директиве, ни в первой с начала войны публичной речи И. В. Сталина, как справедливо отмечает А. С. Князьков, «ничего не было сказано об управлении и материальном обеспечении партизан, их взаимодействии с воинскими частями и подразделениями, попавшими в окружение»¹². Обозначенные проблемы наиболее остро стояли перед партизанскими формированиями вплоть до осени 1942 г.

В постановлении ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу германских войск» от 18 июля 1941 г. перед партийными организациями всех уровней были поставлены задачи создания невыносимых условий для германских интервентов, дезорганизации работы их транспорта и средств связи, срыва всех проводимых оккупантами мероприятий, прямого уничтожения захватчиков и их пособников. Для придания борьбе в тылу немецких войск широкого размаха и боевой активности, за ее организацию должны были взяться руководители республиканских, областных и районных партийных и советских органов. Им же предлагалось лично возглавить отряды, ведущие партизанскую борьбу на оккупированных территориях.

Согласно постановлению, в районах, находящихся под угрозой захвата противником, требовалось немедленно провести следующие организационные мероприятия: создать подпольные ячейки, переведя в кратчайшие сроки их членов на нелегальное положение; для обеспечения широкого развития партизанского движения организовать боевые дружины и диверсионные группы, состоящие из бойцов истребительных батальонов, отрядов народного ополчения, сотрудников НКВД, а также коммунистов и комсомольцев, не используемых в подпольной работе.

Обеспечение партизанских отрядов и подпольных групп оружием, боеприпасами, деньгами и ценностями должно было производиться путем закладки необходимых запасов в местах базирования. Для

¹¹ См.: *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е изд. М., 1950. С. 15.

¹² Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). Жуковский; М., 2001. С. 27.

осуществления связи партизанских отрядов и подполья с советским тылом предполагалось снабдить их радиоаппаратурой и использовать направляемых через линию фронта связных.

В заключительной части постановления ЦК ВКП(б) еще раз потребовал, «чтобы руководители партийных организаций лично руководили всей этой борьбой в тылу немецких войск, чтобы они вдохновляли на эту борьбу преданных советской власти людей личным примером, смелостью и самоотверженностью, чтобы вся эта борьба получила размах непосредственной, широкой и героической поддержки Красной Армии, сражающейся на фронте с германским фашизмом»¹³.

30 июня 1941 г. в соответствии с решением Президиума Верховного Совета СССР, ЦК ВКП(б) и СНК СССР был образован Государственный комитет обороны (ГКО). Постановления и распоряжения этого высшего чрезвычайного органа власти в годы Великой Отечественной войны определяли все важнейшие стороны жизни страны: развитие экономики, организацию вооруженных сил, строительство и функционирование системы власти на местах¹⁴.

Поэтому нормативные документы ГКО позволяли не только создавать представление о его участии в управлении страной, но и исследовать роль высших эшелонов власти в организации сопротивления немецко-фашистским войскам на оккупированной территории и в постановке основополагающих задач органам, руководившим борьбой в тылу противника — Центральному и фронтовым штабам партизанского движения.

Все постановления и распоряжения Государственного комитета обороны имели гриф «секретно», а часть из них — «совершенно секретно» или «особой важности». Одним из первых научных результатов рассекречивания постановлений ГКО стала монография Н. Я. Комарова, в которой комментируется более 100 документов. Однако эти комментарии освещают лишь отдельные стороны деятельности ГКО по организации сопротивления оккупантам, в частности, автор затронул только вопрос создания Центрального и фронтовых штабов партизанского движения в мае 1942 г.¹⁵

¹³ Русский архив: Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Документы и материалы. Т. 20 (9). М., 1999. С. 18–20.

¹⁴ Данилов В. Н. Чрезвычайные органы власти регионов России в годы Великой Отечественной войны: дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 1996. С. 50–51.

¹⁵ Комаров Н. Я. Государственный Комитет Обороны постановляет... Документы. Воспоминания, комментарии. М., 1990. С. 112.

Необходимо отметить, что постановления ГКО по вопросам организации сопротивления в тылу вражеских войск составляют всего 0,3 % от общего числа нормативных актов, принятых этим чрезвычайным органом управления за период его деятельности. Так, из 1087 постановлений ГКО за 1941 г. только два касались проблем партизанского движения, в 1942 г. по обозначенной проблематике было принято 22 постановления из общего числа 1591 (см. табл. 1). Увеличение количества руководящих документов ГКО в 1942 г. можно объяснить созданием централизованной системы управления партизанскими силами.

Таблица 1

Годы	Общее количество постановлений ГКО	Постановления ГКО по вопросам партизанского движения	% от общего числа постановлений ГКО
1941	1087	2	0,18
1942	1592	22	1,4
1943	2185	5	0,23
1944	2396	1	0,04
1945	2711	0	0
всего	9971	30	0,3

Первое постановление ГКО по вопросам партизанского движения за № 326 было принято 29 июля 1941 г. и касалось денежных выплат партизанам. В соответствии с ним и постановлением СНК СССР от 27 августа 1941 г. № 2010, финансовое обеспечение партизан и членов их семей осуществлялось за счет средств бюджетов территорий, на которых формировались партизанские отряды¹⁶.

Вопросы материального и технического снабжения партизанских формирований нашли отражение еще в нескольких постановлениях ГКО: № 1567 от 9 апреля 1942 г. «О денежном и материальном обеспечении лиц, вступивших в народное ополчение, истребительные батальоны и партизанские отряды, а также мобилизованных на оборонные

¹⁶ Русский архив: Великая Отечественная. Тыл Красной Армии в Великой Отечественной войне. 1941–1945.: Документы и материалы. Т. 25 (14). М., 1998. С. 235.

работы и призванных в формирования МПВО»¹⁷; № 2237 от 4 сентября 1942 г. «Вопросы партизанского движения» (об утверждении сметы расходов по партизанскому движению в 1942 г.)¹⁸; № 2430 от 19 октября 1942 г. «Об обеспечении Красной Армии и партизанских отрядов минами специального назначения»¹⁹ и др. Указанные документы оказали существенную роль в организации сопротивления немецко-фашистским захватчикам в 1942 г. на всех оккупированных территориях, в том числе и Центрального Черноземья.

Всего четыре постановления ГКО содержали программы организации партизанской борьбы в конкретных регионах страны: в Латвии (№ 383 от 3 августа 1941 г.), на Украине и в Молдавии (№ 2403 от 11 октября 1942 г., № 3252 от 26 апреля 1943 г.), в Эстонии (№ 2469 от 3 ноября 1942 г.)²⁰. Судя по географическому положению союзных республик, удостоенных внимания ГКО, руководство страны придавало особенное значение подъему народного сопротивления оккупантам на территориях, вошедших в состав СССР лишь накануне войны.

Большая часть постановлений ГКО посвящалась вопросам формирования, реорганизации и кадрового обеспечения структур управления партизанским движением. Решающим в организации сопротивления оккупантам стало постановление № 1837 от 30 мая 1942 г. «О создании Центрального штаба партизанского движения при Ставке ВГК»²¹. В целях объединения руководства партизанской борьбой в тылу войск противника и для дальнейшего ее развития, в соответствии с ним был создан Центральный штаб партизанского движения при Ставке Верховного главнокомандования (ЦШПД). Для непосредственного руководства партизанскими отрядами формировались 6 штабов партизанского движения при военных советах фронтов.

Постановление определяло в качестве основной задачи партизанского движения дезорганизацию вражеского тыла, чем и должен был руководствоваться ЦШПД, осуществляя управление боевой деятельностью партизанских формирований. Был утвержден персональный

¹⁷ Русский архив: Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Док. и мат. Т. 20 (9). М., 1999. С. 113–114.

¹⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 54. Л. 154–154 об.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 65. Л. 16–19.

²⁰ Русский архив: Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Док. и мат. Т. 20 (9). М., 1999. С. 20–21, 156–157, 285.

²¹ Там же. С. 114–115.

состав как ЦШПД, который возглавил секретарь ЦК КП(б) Белоруссии, член Военного совета Брянского фронта П. К. Пономаренко, так и фронтовых штабов партизанского движения.

В состав формируемых структур включались по одному представителю от руководящих органов ВКП(б), НКВД и военного командования. Так, принявший на себя руководство борьбой в тылу противника на территории северо-западных районов Центрального Черноземья, Брянский штаб партизанского движения (БШПД) возглавил секретарь Орловского обкома ВКП(б) А. П. Матвеев, его заместителем стал представитель центрального аппарата НКВД майор госбезопасности А. П. Горшков, членом штаба — начальник разведывательного отдела Брянского фронта полковник П. Н. Чекомазов.

6 сентября 1942 г. постановлением № 2264 была учреждена должность главнокомандующего партизанским движением, которую занял маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов. Ему в подчинение переходил Центральный штаб, что, по мнению авторов документа, способствовало усилению руководства партизанским движением и сосредоточению ответственности за его развитие в одних руках²². Назначение на должность главнокомандующего партизанским движением К. Е. Ворошилова, чья деятельность в период войны часто подвергалась резкой критике, особенно на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 1 апреля 1942 г.²³, объяснить трудно. 28 сентября 1942 г. Государственный комитет обороны постановлением № 2351 «Вопросы партизанского движения» переформировал фронтовые штабы партизанского движения (кроме Ленинградского) в представительства Центрального штаба партизанского движения при полевых управлениях фронтов. Одновременно руководители представительств вошли в состав военных советов²⁴. Постановлением ГКО № 2527 от 19 ноября 1942 г. должность главнокомандующего партизанским движением была упразднена, целесообразность такого решения объяснялась интересами «большей гибкости в руководстве» и «избеганием излишней централизации»²⁵.

²² Там же. С. 135.

²³ Там же. С. 111–112.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 58. Л. 38–39.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 69. Л. 214; Русский архив: Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Док. и мат. Т. 20 (9). М., 1999. С. 168.

7 марта 1943 г. постановлением ГКО № 3000 был расформирован Центральный штаб партизанского движения, с передачей руководства борьбой в тылу противника ЦК компартий союзных республик, обкомам ВКП(б) и соответствующим фронтовым штабам²⁶. Менее чем через полтора месяца, 17 апреля 1943 г., в соответствии с постановлением ГКО № 3195, ЦШПД был восстановлен²⁷, и уже окончательно упразднен 13 января 1944 г. постановлением ГКО № 4945²⁸. Подобные реорганизации, оказывавшиеся порой полной неожиданностью для руководства Центрального штаба, негативно влияли на эффективность работы как самого ЦШПД, так и всей системы управления партизанским движением.

Разработка проектов постановлений ГКО возлагалась обычно на заинтересованные ведомства и организации. Среди подготовленных решений по вопросам партизанского движения есть так и не вступившие в силу. 7 декабря 1941 г. заместитель наркома обороны СССР Е. А. Щаденко докладывал председателю ГКО И. В. Сталину о создании Управления по формированию партизанских частей, отрядов и групп. К докладу прилагался проект постановления ГКО о формировании партизанских армий. С целью активизации вооруженной борьбы в тылу войск противника предлагалось объединить разрозненные партизанские группы, действовавшие в различных регионах страны, в крупные формирования армейского типа²⁹. Решение по этому вопросу так и не обрело форму нормативного акта. Следует заметить, что укрупнение партизанских сил и придание им статуса войсковых объединений является отклонением от традиционных форм организации борьбы на оккупированной территории.

Приведем еще один пример. 30 ноября 1942 г. секретарем Курского обкома ВКП(б) И. Р. Поповым в ЦК ВКП(б) была направлена до-

²⁶ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 96. Л. 4; Русский архив: Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Док. и мат. Т. 20 (9). М., 1999. С. 277–278.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 105. Л. 32; Русский архив: Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Док. и мат. Т. 20 (9). М., 1999. С. 281–282.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 191. Л. 154–155; Русский архив: Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Док. и мат. Т. 20 (9). М., 1999. С. 433–434.

²⁹ Русский архив: Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Док. и мат. Т. 20 (9). М., 1999. С. 32–34.

кладная записка, в которой заявлялось следующее: «Обком партии считает необходимым предоставить ему право руководства партизанскими отрядами нашей области...»³⁰ И. Р. Попов просил предоставить право руководства партизанскими отрядами Курской области обкому ВКП(б). Начальник ЦШПД П. К. Пономаренко согласился с предложением Курского обкома партии, о чем и сообщил в докладной записке на имя И. В. Сталина, приложив к ней соответствующий проект постановления: «В целях улучшения руководства и дальнейшего развития партизанского движения на территории Курской области утвердить представителем ЦШПД при Брянском и Воронежском фронтах тов. Попова Ивана Романовича — секретаря обкома ВКП(б), предоставив ему право руководства партизанским движением Курской области»³¹. Но решение ГКО по данному вопросу не было принято, что в конечном итоге негативно сказалось на организации партизанской борьбы в регионе.

Конкретная реализация постановлений ЦК ВКП(б), СНК СССР и ГКО по вопросам организации сопротивления в тылу немецко-фашистских войск регламентировалась ведомственными приказами в первую очередь народных комиссариатов обороны и внутренних дел. Так, на основании приказа НКВД СССР № 001151 от 25 августа 1941 г. оперативные группы НКВД-УНКВД республик, областей и краев по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе, созданные в соответствии с приказом НКВД СССР № 00804 от 25 июня 1941 г.³², реорганизовывались в 4-е отделы НКВД-УНКВД. Именно на эти структуры возлагалась обязанность организации и руководства боевой деятельностью истребительных батальонов, партизанских отрядов и диверсионных групп³³. Приказом НКВД СССР № 001124 от 1 июня 1942 г. за 4 отделами НКВД-УНКВД закреплялось только управление агентурно-разведывательной и диверсионной деятельностью в тылу противника³⁴. С этого времени

³⁰ Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 22. Л. 220–221.

³¹ Там же. Л. 178–179.

³² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. документов. Том второй. Кн. I. Начало. 22 июня — 31 августа 1941 года. М., 2000. С. 77–79.

³³ Там же. С. 518.

³⁴ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. документов. Том третий. Кн. I. Крушение «Блицкрига». 1 января — 30 июня 1942 года. М., 2003. С. 519.

органы НКВД устраниаются от руководства партизанским движением, поскольку функции были возложены на ЦШПД.

Во исполнение постановления ГКО № 1837 «О создании Центрального штаба партизанского движения при Ставке ВГК», 16 июня 1942 г. был издан приказ НКО СССР № 00125, в соответствии с которым к 25 июня 1942 г. требовалось сформировать Центральный и фронтовые штабы партизанского движения, центральные школы организаторов партизанских отрядов и радиосвязи³⁵. А 15 июля 1942 г. был подписан приказ НКО СССР № 00143 «О создании школ и учебных пунктов по подготовке партизанских кадров».

Особое место среди ведомственных нормативных актов занимает приказ народного комиссара обороны СССР № 00189 от 5 сентября 1942 г., ставший правовой основой и программой деятельности как партизанских формирований, так и органов, осуществлявших руководство ими. В констатирующей части приказа до участников партизанской борьбы доводилась обстановка на фронте и в советском тылу. Подчеркивалось, что победить врага можно только совместными усилиями воинов Красной армии, тружеников тыла, непрерывными ударами партизанских отрядов по противнику на оккупированной территории. В подтверждение высокого значения народной борьбы с оккупантами были приведены примеры исторической роли участия партизан в разгроме врага в Отечественную войну 1812 г. и период Гражданской войны. В современной войне, как указывалось в приказе, «Красная Армия на фронтах, напрягая все свои силы, отстаивает свободу и независимость своего государства, народное партизанское движение на нашей территории, временно захваченной немецкими оккупантами, становится одним из решающих условий победы на врагом»³⁶. Руководством страны, признавая, что партизанское движение наносит ощутимый урон живой силе и технике противника, ставилась задача расширения его масштабов через вовлечение в борьбу с оккупантами широких слоев населения. Второй основной задачей партизан, в условиях сложившейся обстановки, объявлялось разрушение путей сообщения, что означало: «закрыть пути подвоза, значит лишить врага возможности пополнять фронт живой силой, техникой, горю-

³⁵ Русский архив: Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Док. и мат. Т. 20 (9). М., 1999. С. 115–116.

³⁶ Там же. С. 133.

чим, боеприпасами, а также [лишить возможности] вывозить в Германию в нашей стране добро...»³⁷

Распорядительная часть приказа конкретизирует задачи участников партизанского движения и содержит 10 позиций. В первом пункте перечислялись места проведения диверсий (железные, шоссейные и грунтовые дороги), транспортные объекты, подлежащие уничтожению (мосты, станционные сооружения, подвижной состав), и предлагались способы вывода их из строя (взрывы, поджоги, расстрел). В пунктах 2 и 3 перед партизанами ставилась задача уничтожения живой силы (гарнизоны, штабы, учреждения, отряды войск, охранные подразделения), материальной части (склады и базы вооружения, боеприпасов, горючего, продовольствия, гаражи, ремонтные мастерские) противника. Пунктами 4 и 5 предписывалось уничтожать линии связи и авиационную технику вражеских войск, включая обслуживающий их персонал. Выполнение перечисленных задач предполагало нанесение существенного урона военной мощи немецко-фашистской армии.

В шестом пункте приказа содержалось требование уничтожать хозяйственные команды оккупантов, занимающиеся грабежом гражданского населения, с последующей передачей изъятых местным жителям. В соответствии с седьмым пунктом партизанская борьба должна была охватить оккупированные города нашей страны. Восьмой пункт приказа предписывал уничтожать крупных военно-политических деятелей противника и коллаборационистов. Как видим, тем самым объявлялась экономическая и политическая война оккупационному режиму.

В девятом пункте приказа № 00189 перед партизанами ставилась задача ведения непрерывной разведывательной работы в интересах Красной армии. В приказе детально раскрывалась и методика проведения разведывательных операций: от подбора кадров до выбора объектов и способов сбора и передачи информации. Партизанская разведка, наряду с войсковой и агентурной, сыграла важную роль в стратегическом планировании операций советских войск.

Десятый пункт приказа обязывал командно-политический состав партизанских отрядов включиться в массовую агитационно-разъяснительную работу среди населения оккупированных территорий. Воспитывать ненависть к врагу и укреплять веру в победу над ним

³⁷ Там же.

предполагалось в том числе и через издание газет, листовок и другой печатной продукции.

Таким образом, приказом НКО СССР № 00189 от 5 сентября 1942 г. были определены основные задачи участников партизанского движения по следующим направлениям деятельности: диверсии на путях сообщения противника; уничтожение его живой силы и материально-технической базы; военно-политическая разведка вражеского тыла; агитационно-разъяснительная и идеологическая работа среди населения оккупированных территорий. Основные положения приказа были продублированы и конкретизированы соответствующими актами Центрального и фронтовых штабов партизанского движения и доведены до всех участников борьбы с оккупантами, на основе чего и строилась их дальнейшая боевая деятельность.

Приказ № 00189 по значимости можно сравнить с постановлениями ГКО и ЦК ВКП(б). Во-первых, он был подписан наркомом обороны И. В. Сталиным, возглавлявшим в период войны все руководящие органы страны. Во-вторых, задачи, поставленные перед партизанами в приказе, были сформулированы по-военному четко и конкретно. Как свидетельствуют документы партизанских формирований, действовавших на территории Центрального Черноземья, вся их боевая деятельность осенью 1942 — весной 1943 г. была подчинена выполнению этого «приказа тов. Сталина». Можно отметить, что она заметно активизировалась и приобрела целенаправленный характер.

Участие военного командования РККА в организации партизанского движения на оккупированных территориях можно разделить на два периода. С июля 1941 по май 1942 г. эта работа проводилась в основном политорганами Красной армии. После издания постановления ГКО № 1837 от 30 мая 1942 г. деятельность по руководству борьбой в тылу противника осуществлялась ЦШПД и штабами партизанского движения при военных советах соответствующих фронтов.

Главное политическое управление РККА директивой от 16 июля 1941 г. обязало военные советы и политуправления фронтов оказывать «всемерную помощь республиканским и областным комитетам ВКП(б) в подборе кадров для партизанских отрядов и диверсионных групп, в снабжении их оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами, в организации обучения будущих партизан приемам и методам

действий в тылу врага, в обеспечении перехода партизан через линию фронта и поддержании с ними связи»³⁸.

Эти требования фронтовых и армейских политорганов оказывать содействие в развертывании партизанской борьбы были вызваны изменениями в управленческой структуре Вооруженных сил СССР. Как указывал доктор исторических наук, генерал-лейтенант В. А. Жилин, «характерно, что сокращению по новым штатам подверглись практически все структурные подразделения полевых управлений фронта и армии, за исключением политических управлений (отделов), численность которых даже несколько возросла»³⁹. Это было вызвано тем, что в соответствии с постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) и Президиума ВС СССР от 16 июля 1941 г. управления (отделы) политической пропаганды фронтов (армий) были преобразованы в политические управления и отделы, с расширением функций последних.

Координация совместных действий армии, партизанского движения и подполья была возложена на командование РККА в соответствии с директивой Главного политического управления РККА от 19 августа 1941 г. На основании этой директивы при политуправлениях фронтов создавались отделы по партийно-политической работе среди населения и войск Красной армии, действующих на советской территории, занятой противником; при политотделах армий создавались соответствующие отделения. В задачи создаваемых отделов и отделений входили: установление и поддержание регулярной связи с частями Красной армии, находящимися длительное время в окружении и ведущими партизанскую борьбу, а также партизанскими отрядами из населения оккупированных областей; направление своих представителей в тыл врага для партийно-политического руководства партизанским движением; издание и распространение среди населения оккупированных районов специальной литературы (памяток, листовок, обращений)⁴⁰.

После создания Центрального штаба партизанского движения (1942 г.) основными управленческими документами по руководству

³⁸ Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). Жуковский; М., 2001. С. 37.

³⁹ Жилин В. А. Организационное строительство Вооруженных Сил: история и современность. М., 2002. С. 181.

⁴⁰ Русский архив: Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. Т. 20 (9). М., 1999. С. 23–24.

и координации вооруженной борьбы в оккупированных районах стали приказы, распоряжения и указания его начальника. Отдельные приказы начальника ЦШПД издавались во исполнение приказов НКО СССР. Например, в соответствии с приказом НКО № 00125 от 16 июня 1942 г. П. К. Пономаренко 27 июня — 2 июля 1942 г. подписал ряд приказов о создании оперативных групп при военных советах армий. Основные задачи по выполнению приказа НКО № 00189 от 5 сентября 1942 г. регламентировались и приказами главнокомандующего партизанским движением маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова.

Значительная часть руководящих документов Центрального штаба была направлена на организацию боевой деятельности партизанских сил. Так, 1 августа 1942 г. приказом начальника ЦШПД перед всеми участниками и руководителями партизанского движения ставилась задача немедленно начать жесточайшие удары по коммуникациям врага, не пропуская ни одного эшелона противника к линии фронта, уничтожая его живую силу, технику и вооружение. Распоряжения и указания начальника ЦШПД содержали требования по самому разнообразному кругу вопросов: снабжению вооружением и боеприпасами, медико-санитарному и продовольственному обеспечению партизан, борьбе с агентурой противника.

В соответствии с принципом жесткой централизации власти, фронтовые штабы партизанского движения также издавали директивные документы, направленные на исполнение установок вышестоящих органов военного управления. В качестве примера приведем приказ № 0012 Брянского штаба партизанского движения: дублируя приказ НКО СССР, он содержал более конкретные задачи, стоящие перед партизанскими отрядами⁴¹. Кроме вопросов, связанных с активизацией боевой деятельности, в нем были даны указания по укреплению дисциплины в подразделениях. Комиссарам отрядов и представителям органов НКВД строго вменялось в обязанность «заниматься агентурно-особистской работой в подразделениях». Эта работа должна была выполняться с целью своевременного выявления морально неустойчивых элементов и предателей. В отношении трусов и паникеров, оставляющих поле боя и не выполняющих приказы командования, а также мародеров, грабящих мирное население, определялась самая крайняя мера наказания — расстрел на месте.

⁴¹ ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 18. Л. 6–8.

Для подготовки отрядов к действиям в зимних условиях Брянский штаб требовал немедленно приступить к закладке в районах оперативной деятельности баз с оружием, боеприпасами, вооружением, а также подготовить необходимое количество землянок для размещения бойцов. Снабжение партизан всем необходимым приказом возлагалось на самих партизан: «оружие, боеприпасы, продовольствие и одежду пополнять за счет трофеев, отбиваемых у противника; в отряды новое пополнение принимать строго на добровольных началах и обязательно с оружием»⁴².

Создание централизованной системы управления партизанскими силами, несомненно, оказало положительное влияние на активизацию вооруженной борьбы в тылу немецко-фашистских войск. Но механизм принятия властных решений и их оперативного исполнения по вертикали не был отработан до конца. Как свидетельствуют документы, директивы штабов партизанского движения не всегда соответствовали обстановке, складывающейся на фронте и в тылу. Зачастую несвоевременное поступление информации разведывательного характера из партизанских отрядов в штабы приводило к появлению утративших актуальность боевых приказов.

Непосредственная работа по организации сопротивления в тылу немецко-фашистских войск на территории конкретных регионов регламентировалась решениями местных органов власти. Как справедливо отмечает доктор исторических наук К. В. Яценко: «Ведущая роль в перестройке работы местных партийно-государственных структур на военный лад и в том числе — в налаживании их военно-организаторской деятельности принадлежала партийным органам — обкомам и райкомам ВКП(б)»⁴³. Именно на основании постановлений бюро областных и районных комитетов партии осуществлялись подбор и расстановка кадров для партизанских отрядов и подпольных групп, проводилась идейно-политическая и агитационно-разъяснительная работа среди партизан и населения оккупированных районов.

Так, в Курской области уже 26 июня 1941 г., согласно постановлением Совнаркома СССР от 24 июня 1941 г. «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника

⁴² Там же. Л. 37.

⁴³ Яценко К. В. Военно-организаторская деятельность государственных политических структур областей Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2003. С. 54.

в прифронтовой полосе» и «Об охране предприятий и учреждений и создании истребительных батальонов», было принято совместное постановление бюро обкома ВКП(б) и облисполкома об организации истребительных батальонов⁴⁴. Этот вид добровольческих военизированных формирований рассматривался в качестве резерва для создания партизанских отрядов.

В связи с непосредственной угрозой фашистского вторжения на территорию Воронежской области обком партии 22 октября 1941 г. принял директиву, согласно которой на ее территории создавались партизанские отряды и партийное подполье⁴⁵.

В Тамбовской области 21 октября 1941 г. были приняты два постановления бюро обкома ВКП(б), направленные на организацию сопротивления оккупантам: «Об организации обороны области» и «О дислокации партизанских отрядов области». В соответствии с постановлением, на первых секретарей городских и районных комитетов партии, председателей райисполкомов, начальников районных отделов НКВД и военных комиссаров в случае оккупации противником территории области была возложена обязанность переводить все боевые отряды народного ополчения на положение партизанских отрядов, «встав во главе их и нанося противнику сокрушительные удары в тылу»⁴⁶. Для каждого партизанского отряда были установлены явочные пункты, квартиры, определены места базирования и дислокации.

Непосредственными исполнителями решений областных комитетов партии стали райкомы ВКП(б) и структурные подразделения НКВД. Сотрудники районных отделов НКВД, на основании предписаний, полученных от руководства областных управлений НКВД, занимались подбором бойцов партизанских отрядов, а бюро районных комитетов партии утверждало их командный состав.

Осенью 1941 — летом 1942 г. Курские обком ВКП(б) и управление НКВД издали ряд постановлений и приказов, направленных на активизацию сопротивления в тылу немецко-фашистских войск. К числу таких документов можно отнести постановление бюро Курского обкома ВКП(б) от 16 ноября 1941 г. «О партизанском движении и дивер-

⁴⁴ ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 39. Л. 1.

⁴⁵ Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО). Ф. 3478. Оп. 1. Д. 5. Л. 213.

⁴⁶ ГАСПИТО. Ф. 1045. Оп. 36. Д. 5. Л. 153.

сионной работе в тылу врага», констатировавшее их неудовлетворительное состояние и наметившее меры, необходимые для скорейшей отработки механизма управления партизанскими отрядами⁴⁷. 10 января 1942 г. бюро обкома ВКП(б) рассмотрело вопрос о ходе реализации постановления от 16.11.1941⁴⁸. Признав, что за истекший период появились некоторые положительные результаты работы по организации сопротивления в тылу противника, бюро обкома отстранило от должности отдельных руководителей партизанских отрядов, не начавших боевую деятельность. Приказом по областному управлению НКВД от 12 мая 1942 г. «в целях улучшения и качества разведки фронта и тыла противника» при 4-м отделе УНКВД была организована школа разведчиков⁴⁹. 30 мая 1942 г. бюро Курского обкома ВКП(б) приняло постановление «О создании резервных партизанских отрядов»⁵⁰; 6 октября 1942 г. было принято решение создания подпольных окружных комитетов ВКП(б)⁵¹; 4 ноября 1942 г. в целях наиболее оперативного руководства работой подпольных парторганизаций и партизанским движением в тылу врага бюро обкома приняло постановление о создании при обкоме рабочих групп по руководству подпольем⁵². Принимаемые руководством Курской области решения в большинстве своем затрагивали вопросы организационного оформления партизанского движения и подполья, зачастую оставляя без внимания проблемы их материально-технического обеспечения и оперативного управления.

Таким образом, директивные документы по вопросам организации сопротивления в тылу немецко-фашистских войск, издаваемые в период Великой Отечественной войны местными партийно-политическими структурами на основе нормативных актов государственных органов, оказали решающее воздействие на процесс создания, кадрового обеспечения, а также содержание деятельности партизанских формирований и подпольных групп. Но на эффективности борьбы в тылу врага, особенно в первый период войны, негативно сказывался

⁴⁷ ГАОПИКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25. Л. 87.

⁴⁸ Там же. Л. 90–91.

⁴⁹ Архив Управления ФСБ России по Курской области (АУФСБ РФ КО). Ф. 4-го отд. УНКВД КО. Д. 45. Л. 82.

⁵⁰ ГАОПИКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26. Л. 1–2.

⁵¹ Там же. Д. 22. Л. 129–131 об.

⁵² Там же. Л. 217–218.

организационный разнотечкой в руководстве ею как на местном уровне, так и в масштабах страны, когда налаживанием партизанского движения занимались по своим линиям и обкомы партии, и структуры НКВД, и военные органы. Противоречия, возникающие по вопросам управления партизанскими силами на уровне центральных аппаратов ВКП(б), НКВД и РККА, приводили к не меньшим разногласиям в решении организационных проблем борьбы с оккупантами среди региональных органов власти. В то же время во взаимодействии партийных структур, органов внутренних дел и военного командования есть и опыт успешного выполнения совместными усилиями таких управленческих задач, как установление связи с партизанскими отрядами, пересечение линии фронта, проведение разведывательных операций, снабжение партизан вооружением и продуктами питания, что в конечном итоге оказывало положительное влияние на результаты сопротивления немецко-фашистским оккупантам.

В. А. Ахмадуллин¹

Советские мусульмане в Великой Отечественной войне: новые страницы истории

Почти 80 лет прошло с того дня, когда войска гитлеровской Германии и ее сателлитов без объявления войны, в нарушение существовавших договоров вторглись на территорию Союза Советских Социалистических Республик. За годы, прошедшие после Великой Отечественной войны, тысячи ученых, исследователей, военачальников и политических деятелей отразили в своих книгах, диссертациях, статьях, сборниках документов различные аспекты этой войны. Тем не менее есть проблемы, которые продолжают оставаться актуальными и сегодня. Одна из них — недостаточная изученность взаимоотношений Советского государства и мусульман в годы Великой Отечественной войны. Таким образом, обращение к названной теме имеет большое практическое и научно-познавательное значение, обусловленное рядом обстоятельств. К сожалению, еще с советского времени утвердилось мнение, что председатель Центрального духовного управления мусульман (ЦДУМ) Г. З. Расулев и его коллеги обратились к мусульманам СССР только 15 мая 1942 г. Но анализ архивных документов, хранящихся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), позволил установить более раннюю дату. Муфтий 2 сентября 1941 г. написал обращение «Ко всем приходам мусульман», в котором призвал правоверных убивать захватчиков и не жалеть себя на фронте и в тылу ради разгрома врага. Существуют два варианта перевода этого документа с татарского на русский язык, которые имеют некоторые различия².

¹ Ахмадулин Вячеслав Абдулович — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Совета муфтиев России (г. Москва).

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 89. Оп. 12. Д. 10. Л. 13–15. См.: Приложение 1.

В ходе поиска более ранних патриотических обращений лидеров советских мусульман нам удалось обнаружить «Справку о религиозных организациях мусульман и сектантов евангельских христиан и баптистов в Узбекской ССР по состоянию на 1-е января 1946 г.» председателя Совета по делам религиозных культов при СНК СССР (СДРК, был создан в 1944 г.) И. В. Полянского (одновременно заместитель начальника отдела «О» (Оперативная работа среди духовенства) МГБ СССР, полковник госбезопасности). Он докладывал руководству СССР о том, что Г. З. Расулев и лидер мусульман Средней Азии и Казахстана И. Бабахан с первых дней войны обращались с соответствующими призывами к мусульманам и возглавили патриотическое движение мусульман своих регионов. Кроме того, И. В. Полянский отметил патриотические обращения учредительных съездов Духовного управления мусульман Закавказья (25–28 мая 1944 г., Баку) и Духовного управления мусульман Северного Кавказа (20–23 июня 1944 г., Буйнакс (Дагестанская АССР)). И. В. Полянский также отметил, что в годы войны мусульманские лидеры и простые мусульмане в своей основной массе активно участвовали в патриотической работе³.

К сожалению, И. В. Полянский не назвал точных дат первых патриотических обращений лидеров советских мусульман. С нашей точки зрения, значительный вклад в разрешение этой проблемы сделал в 1943 г. Стэнли Джордж Эванс. Он частично цитирует три обращения муфтия Г. З. Расулева от 18 июля, 7 августа и 2 сентября 1941 г.⁴ Анализ обращения муфтия Г. З. Расулева от 18 июля показывает, что С. Дж. Эванс опубликовал всего три предложения, при этом между вторым и последним существует многооточие. К сожалению, книга С. Дж. Эванса имеет серьезные недостатки. Во-первых, в ней нет ссылок на источник. Во-вторых, например, анализ публикуемого С. Дж. Эвансом обращения от 2 сентября 1941 г. показывает, что его текст несколько отличается от двух вариантов обращения, которые хранятся в РГАСПИ и даны в приложении № 1. К сожалению, Стэнли Джордж Эванс не указал источник, из которого он взял эти обращения.

Изменение политики властей в отношении религии сопровождалось комплексом мероприятий, которые находили отражение в доку-

³ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 34. Л. 13–14, 44.

⁴ *Evans S.* The Churches in the U.S.S.R. London: Cobbett Publishing Co. Ltd., 1943. P. 158–159.

ментах. Так, служащий Народного комиссариата иностранных дел и заведующий отделом международной жизни Совинформбюро Г. Саксин 13 сентября 1941 г. предложил народному комиссару иностранных дел В. М. Молотову и начальнику Совинформбюро А. С. Щербакову провести мусульманский радиомитинг в Москве, Баку или Ташкенте. Г. Саксин представил обращение глав мусульман Азербайджана к единоверцам всего мира и два обращения муфтия Г. З. Расулева. В документах содержались призывы оказывать прямую помощь Красной армии и тылу со стороны всех мусульман Земли, молиться за скорейшую победу СССР. Предлагалась и передача этих документов британскому Министерству информации для распространения среди мусульман Ближнего и Среднего Востока⁵

Эти два обращения муфтия Г. З. Расулева были опубликованы автором статьи в 2015 г., но без датировки⁶. Датировка этих документов принадлежит старшему научному сотруднику Отдела восточных рукописей Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, кандидату филологических наук Рамилю Махмутовичу Булгакову. Документ на с. 136 указанного издания он определил как выполненный с татарского оригинала, датированного 7 августа 1941 г. на основании упоминания в нем «военного соглашения Советского Правительства с английским правительством», т. е. «Соглашения о совместных действиях Правительства Союза ССР и Правительства Его Величества в Соединенном Королевстве в войне против Германии», подписанного в Москве народным комиссаром иностранных дел В. М. Молотовым и чрезвычайным и полномочным послом его величества в СССР Стаффордом Криппсом 12 июля 1941 г.⁷ Что же касается документа на с. 137–138⁸, то его атрибуцию он провел по датированному 23 (следовало бы написать 24) джумада-л-ахир 1320 года Хиджры, что соответствует дате 18 июля 1941 григорианского года, татарскому арабоалфавитному оригиналу, обнаруженному в конце февраля 2020 г. в Уфе в Национальном архиве

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 35. Л. 75–81, 83.

⁶ Ахмадуллин В. А. Патриотическая деятельность духовных управлений мусульман в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): монография. М., 2015. С. 136–138.

⁷ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы. М., 1944. Т. 1: 22 июня 1941 г. — 31 декабря 1943 г. С. 116.

⁸ См.: Приложения 3.1 и 3.2.

Республики Башкортостан сотрудником того же института — заведующим отделом истории и истории культуры Башкортостана, кандидатом исторических наук Марсилом Нурулловичем Фархшатовым. В настоящее время наши уфимские коллеги готовят публикацию, посвященную этому важнейшему открытию, которое даст новый импульс исследованиям вклада религиозных объединений и их лидеров в Победу советского народа над гитлеровской Германией и ее сателлитами. В новом издании, посвященном патриотизму советских мусульман, мы дали датировку этих документов⁹.

Почему документы были подготовлены государственным аппаратом? Думается, ответ весьма прост: несмотря на состоявшиеся обращения мусульманских лидеров к единоверцам, власти желали абсолютного контроля над каждым их публичным словом. К тому же они просто боялись потерять в очередной раз инициативу в столь важном деле, как идеологическая работа, тем более что такую оплошность власти допустили в первые дни войны. Произошло это из-за косности мышления, боязни новаций, да и просто из-за элементарного непонимания ситуации, вследствие чего власти запаздывали с реформированием государственно-конфессиональных отношений.

Занятая мусульманским духовенством и главами других конфессий патриотическая позиция подталкивала руководство Советского Союза к выводу — только выступая единым фронтом, народы СССР смогут выжить и победить врага, конечной целью которого, несмотря на демагогические заявления лидеров национал-социализма об особом положении ислама, было уничтожение или порабощение всех «неарийцев».

Одновременно всему миру демонстрировалось смягчение государственно-конфессиональных отношений в СССР, поэтому Советский Союз мог рассчитывать на большую помощь по ленд-лизу. В октябре 1941 г. США предоставили СССР беспроцентный заем на сумму 1 млрд долларов для закупки вооружения и сырья, а в перспективе предстояло получить по ленд-лизу еще 10 млрд долларов¹⁰. Вопрос

⁹ Ахмадуллин В. А. Священная война: духовные управления мусульман в годы Великой Отечественной войны: монография. М., 2020. С. 93–95.

¹⁰ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2 т. 2-е изд. Т. 2. М., 1976. С. 8.

о свободе совести в СССР был поднят руководством США в конце 1941 г. при подготовке проекта «Декларации 26 государств»¹¹, которая явилась формальным завершением образования антигитлеровской коалиции (впоследствии стала известна как «Декларация Объединенных Наций», подписана 1 января 1942 г. в Вашингтоне). В ее тексте есть слова: «...будучи убеждены, что полная победа над их врагами необходима для защиты жизни, свободы, независимости и религиозной свободы...»¹². Присоединившись к этому документу, СССР был вынужден выполнять, хотя бы для видимости, его положения, в том числе и блок религиозных вопросов.

Для регулирования патриотической деятельности мусульман Средней Азии и Казахстана Президиум Верховного Совета СССР 31 июля 1943 г. принял постановление о создании Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана (САДУМ). Для этого в Ташкенте 20 июля 1943 г., при активном участии властей, было проведено совещание мусульман региона по созыву съезда САДУМ¹³.

В день открытия I съезда САДУМ, 17 октября 1943 г., 10 авторитетных мусульманских деятелей во главе с организатором форума И. Бабаханом отправили И. В. Сталину телеграмму, в которой перечислили патриотические инициативы мусульман в годы войны и заверили его в неуклонном продолжении этой линии¹⁴.

На I съезде САДУМ была отмечена патриотическая деятельность мулл: призывы к верующим защищать Родину на фронте и в тылу; проведение многочисленных намазов о победе и о здоровье руководителей СССР; сборы средств на постройку боевой техники, подарки воинам, помощь семьям погибших фронтовиков; принятие фетвы о защите Родины и т. д. Значительным событием съезда стало объявление джихада захватчикам, что говорило о полном совпадении интересов мусульман Советского Союза, руководства СССР и всех народов Советского государства. Съезд САДУМ принял ряд патриотических инициатив: размножить доклад И. Бабахана на съезде «О патриотической работе среди мусульман в период Отечественной войны»; приняты фетва

¹¹ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца / пер. с англ. В 2 т. Т. 2. М., 1958. С. 20–21.

¹² Декларации 26 государств // Красная звезда. 1942. 3 янв.

¹³ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 6. Л. 33.

¹⁴ Там же. Л. 34–36; Российский государственный архив новейшей истории (РГА-НИ). Ф. 3. Оп. 60. Д. 32. Л. 17–19.

о защите Родины и патриотическое обращение к мусульманам о борьбе вместе со всеми народами СССР за победу над Германией¹⁵.

Народный комиссар государственной безопасности СССР В. Н. Меркулов 21 октября 1943 г. доложил председателю Государственного комитета обороны И. В. Сталину о принятых на съезде САДУМ патриотических инициативах и патриотических приветственных речах Г. З. Расулева и имама московской мечети Х. Ф. Насрутдинова¹⁶.

В 1944 г. произошло заметное улучшение государственно-мусульманских отношений. В дополнение к ЦДУМ и САДУМ руководство страны приняло решение о создании еще двух духовных управлений. В Баку 25–28 мая 1944 г. состоялся съезд мусульман Закавказья, на нем было создано Духовное управление мусульман Закавказья (ДУМЗАК). Руководители ДУМЗАК подписали патриотическое обращение к мусульманам СССР. Этот документ был разослан с помощью МИД СССР в зарубежные государства в виде брошюры на азербайджанском, турецком, персидском языках; в декабре 1944 г. готовилась брошюра на арабском. Президиум съезда отправил телеграмму И. В. Сталину с заверениями о широкой поддержке мусульманами любой деятельности руководства государства по разгрому врага¹⁷.

Учредительный съезд Духовного управления мусульман Северного Кавказа, состоявшийся 20–23 июня 1944 г. в Буйнакске (Дагестанская АССР), принял аналогичное обращение и послал соответствующую телеграмму И. В. Сталину и руководителям республик региона¹⁸. Заместитель народного комиссара государственной безопасности Б. З. Кобулов предложил распространить этот документ тиражом 5 тыс. экземпляров на одиннадцати языках региона и опубликовать в центральных газетах приветствие И. В. Сталина съезду¹⁹.

Анализ документов свидетельствует, что государственно-мусульманские отношения во время войны во многом зависели от обстоятельств внутреннего и внешнего характера, в которых оказались Советское государство и советские мусульмане в связи с агрессией Германии. Трагизм ситуации потребовал от Советского государства

¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 6. Л. 39–41, 47–49.

¹⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 18. Л. 88–94.

¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 12. Л. 157; Д. 222. Л. 57–69; Д. 38. Л. 98; Д. 6. Л. 66–66 об; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 261. Л. 27–33; РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 32. Л. 47–47 об.

¹⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 18. Л. 92–94.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 261. Л. 27–33, 47–50.

коренной перестройки государственно-мусульманских отношений. Великая Отечественная война стала решающим условием изменения отношения руководства СССР к мусульманам своей страны.

С нашей точки зрения, новые факты о государственно-мусульманских отношениях в годы войны могут быть обнаружены в публикациях Совинформбюро и документах, которые поступали в эту организацию. Именно Совинформбюро освещало положение на фронте и в тылу, не только для советских людей, но и для иностранцев. Важным направлением такой деятельности Совинформбюро стал выпуск при посольстве СССР в Великобритании ежедневного бюллетеня «Soviet war news». Его первый номер был издан 11 июля 1941 г. Затем, с 22 января 1942 г., Совинформбюро наладило издание еженедельника «Soviet War News Weekly». Информация по содержанию этих изданий хранится в Архиве внешней политики Российской Федерации (ф. 69, оп. 27) и в ГАРФ (ф. 8581, оп. 1)²⁰.

Исследование проблемы государственно-мусульманских отношений в период войны, на основе ранее недоступных архивных документов, позволяет увидеть новые, ранее неизвестные важные факты истории стран, входивших в единое государство — СССР.

²⁰ Баландина О.А., Давыдов А.Ю. Деятельность Совинформбюро в Великобритании в годы Великой Отечественной войны: структуры и люди // Научный диалог. 2016. Вып. № 11 (59). С. 170–179.

Приложение 1

Два варианта обращения председателя ЦДУМ Г. З. Расулева от 2 сентября 1941 г.²¹

Центр религиозных мусульман обращается к Вам объяснить наше воззвание всем верующим мусульманам и просит сообщить о результатах в центральное духовное управление мусульманам гор. Уфы.

подпись: Расулев Габдрахман, 2 сентября 1941 года за № 428.

Ко всем приходам мусульман.

Дорогие братья мусульмане !

Всем известно — хитрый, беспощадный, неуемный враг начал войну без объявления на нашу дорогую родину, даже человечество не помнит такого издевательства. Родина терпит, в настоящее время наши друзья, наши братья погибают на фронте, их жены и дети остаются сиротами. В этом виноваты они, которые воюют с нами. С нападением на нашу родину, родные сестры и дети обрекаются на несчастье, поэтому духовное собрание просит Вас защищать нашу родину во имя религии и также Вы просите всех родных мусульман к защите родины. В мечетях и частных домах молених, надо просить бога, чтобы он помог победить Красной Армии врага.

Дорогие мусульмане !

Известно, эта война, война за родину, поэтому на фронте и в тылу мусульмане с точки зрения религии обязаны бороться до уничтожения врага. Коран говорит: " Убивайте с именем бога не отступая перед врагом, бог отступающих не любит. Вы поступайте так, как они поступали с вами, как выгоняли вас из родных городов и сел. Мечные хуже смерти. Враг нам мстит и уничтожению его простиет бог. Вы не чувствуйте себя слабыми. Если вас едят те вы победите две естни. Если вас тысяча, победите две тысячи по милости божией. Бог помогает тем, которые настойчивы в своей борьбе. Вы воюете с теми, которые с вами воюют, а сама не объявляют войну. Мирным объявить войну бог это не любит, которые с ними воюют, их где печале боевые уничтожайте, откуда вас выгнали, а вы оттуда их выгоняйте. Боевое положение их хуже войны, т.е. издевательство врага над женщинами и

²¹ РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 12. Д. 10. Л. 13-14.

- 2 -

детьми. Пророк Магамет говорит: " Любовь к родине - честь религии ".

Принимая во внимание слова бога и пророка не опасаясь слабости в борьбе героически бороться настойчиво до окончательной победы.

С приветом. Муфти центральное духовное управление мусульман.

г.р.Уфа, Тураевская улица, дом № 50.

Перевел УСМАНОВ Лейфулла Камаметдинович.

/ Сообщение Мордовского Республиканского Совета СБВ

от 10/1-1942 года/.

Центр религиозных мусульман обращается к Вам об "объявить" наше восстание всем верующим мусульманам и просит сообщить о результатах в центрального духовного управления мусульманам г. Уфа.

Подпись: Расхлев Габдрахман. 8 сентября 1941 г.
за № 428.

Ко всем приходам мусульман.

Дорогие братья мусульмане!

Всем известно - хитры, беспощадны, неутомимы враг начал войну без объявления на нашу дорогую родину, даже человечество не помнит такого издевательств а. Родина терпит в настоящее время наши друзья, наши братья погибают на фронте, их жены и дети остаются сиротами. В этом виноваты они, которые воюют с нами. С нападением на нашу родину, родные сестры и дети обращаются на несчастье, поэтому духовное собрание просит Вас защищать нашу родину во имя религии и также Вы просите всех родных мусульман к защите родины. В мечетях и частных домах молельных, надо просить бога, чтобы он помог победить Красной Армии врага.

Дорогие мусульмане!

Известно, это война, война за родину, поэтому на фронте и в тылу мусульмане с точки зрения религии обязаны бороться до уничтожения врага. Коран говорит: "Убивайте с именем бога не отступая перед врагом, бог отступающих не любит. Вы поступайте так, как они поступали с вами, как выгоняли вас из родных городов и сел. Иначе хуже смерти. Враг нам мстит и уничтожение его простит бог. Вы не чувствуете себя слабым. Если Вас сотня, то вы победите две сотни. Если вас тысяча, победите две тысячи по милости бога. Бог помогает тем, которые настойчивы в своей борьбе. Вы воюете с теми, которые с вами воюют, а сами не объявляют войну. Мирным объявить войну бог это не любит, которые с нами воюют, их где погало беспощадно уничтожайте откуда вас выгнай, а вы оттуда их выгоняйте. Беспокойство их хуже войны, т.е. издевательство врага над женщинами и детьми. Пророк Магомед говорит: "Любовь к родине - часть религии.

Принимая во внимание слова бога и пророка не оказывая слабости в борьбе героически бороться настойчиво до окончательной победы.

С приветом. Муфти центрального духовенства управления мусульман. А. Уфа, Гурьевская улица, дом № 50.

Перевел Усманов Летфулла Камалетдинович.

Приложение 2

**Обращения председателя Центрального духовного управления
мусульман муфтия Г. З. Расулева к мусульман от 18 июля, 7 августа
и 2 сентября 1941 г.²²**

I. Appeal to Soviet Moslems on July 18th, 1941 by the Central Moslem Ecclesiastical Board of the U.S.S.R. in the Tartar language

“The Fascists have drenched our peaceful fields in blood. They slaughter innocent women, old men and children. Hitler is out to destroy learning and culture, to establish the Reich of barbarism and to exterminate the Moslem faith. The Central Moslem Ecclesiastical Board calls upon all the faithful to rise up in defense of their native land, to pray in the mosques for the victory of the Red Army and to give their blessing to their sons, fighting in a just cause... Love thy country, for such is the duty of the faithful”.

2. Call by Central Council of Moslem Mosques in U.S.S.R. to Mohammedans throughout the world, August 7th, 1941.

I. Обращение к советским мусульманам 18 июля 1941 года Центрального мусульманского духовного собрания²³ в СССР на татарском языке.

«Фашисты залили наши мирные поля кровью. Они убивают невинных женщин, стариков и детей. Гитлер стремится уничтожить образование и культуру, установить рейх варварства и истребить мусульманскую веру. Центральный Мусульманский Духовный Совет призывает всех верующих, встать на защиту своей Родины, молиться в мечетях за победу Красной Армии и благословить своих сыновей, борющихся за справедливое дело ... Любите свою страну, ибо таков долг верных».

2. Обращение Центрального Совета мусульманских мечетей²⁴ в СССР к мусульманам всего мира, 7 августа 1941 года.

²² Evans S. The Churches in the U.S.S.R. London: Cobbett Publishing Co. Ltd., 1943. P. 158–159.

²³ Очевидно, что англоязычный переводчик не знал мусульманских реалий в СССР, поэтому искажил название Центрального духовного управления мусульман.

²⁴ Имеется ввиду Центральное духовное управление мусульман.

“The Islamic peoples and the people of other faiths in the Soviet Union have risen as one man to resist the German Fascist invaders and their evil forces which, while destroying what the Moslems have built, at the same time argue that they are protecting them in other parts of the world. These Islamic masses have arisen and their hearts are filled with humanism (which is part of the Islamic religion) in answer to the call to fight of the Central Council of the Moslem Religious Centres in the U.S.S.R. And they are convinced that the Fascist German invaders will inevitably be driven out and crushed. To this call not only Moslems and other peoples of the U.S.S.R. have responded, but also other nations which suffer under the yoke of Fascist Germany as well as the Moslems of the Slavic and Polish States who have assured us that they will fight side by side with us.

The Islamic civilization which is to be found all over the world is today menaced with destruction by the German Fascist bands unless the Moslems of the world stand up to it and fight. And it is the will of the all-merciful God that the aggressors shall be driven out. Peace unto ye and God's mercy in the name of our Islamic brotherhood”.

«Мусульмане и другие верующие граждане Советского Союза встали все как один человек, чтобы противостоять немецко-фашистским захватчикам и их злым силам, которые, разрушая то, что построили мусульмане, в тоже время утверждают, что они защищают мусульман в других частях мира. Эти исламские массы поднялись, и их сердца наполнились гуманизмом (который является частью исламской религии) в ответ на призыв к борьбе Центрального совета мусульманских религиозных центров в СССР²⁵, и они убеждены, что немецко-фашистские захватчики неизбежно будут изгнаны и раздавлены. На этот призыв откликнулись не только мусульмане и другие народы СССР, но и другие народы, которые страдают под гнетом фашистской Германии, а также мусульмане славянских и польских государств, которые заверили нас, что будут сражаться бок о бок с нами.

Исламская цивилизация, которую можно найти во всем мире, сегодня находится под угрозой уничтожения немецко-фашистскими, бандами, если мусульмане всего мира не будут противостоять им и сражаться. И это воля всемилостивого Бога, что агрессоры будут изгнаны. Мир вам и Божья милость во имя нашего исламского братства».

²⁵ Имеется ввиду Центральное духовное управление мусульман.

3. Appeal to Moslems of the U.S.S.R. by Mufti Abdul Rahman Rassulayev, Head of the Central Ecclesiastical Board, on September 2nd, 1941:

“Everyone knows that a cunning, ruthless and implacable enemy has started hostilities on our beloved country without declaration of war. Never has humanity known such outrages as those which our native land is now suffering.

To-day our friends and brothers are perishing at the front, their wives are being widowed and their children orphaned. For this, these who are warring against us are responsible. With the invasion of our country, our kindred, our sisters and children are being plunged into misfortune.

Therefore the Ecclesiastical Assembly calls upon you to defend our country in the name of religion and to appeal to all our brother Moslems to do the same. In mosques and in private prayers pray to God to help defeat the enemy of the Red Army”.

3. Обращение главы Центрального Духовного Совета к мусульманам СССР Муфтия Абдула Рахмана Рассулаева²⁶ от 2 сентября 1941 года:

«Всем известно, что хитрый, беспощадный и непримиримый враг начал военные действия против нашей любимой страны без объявления войны. Никогда человечество не знало таких злодеяний, как те, от которых сейчас страдает наша родная земля».

Сегодня наши друзья и братья гибнут на фронте, их жены становятся вдовами, а их дети — сиротами. За это несут ответственность те, кто воюет против нас. С вторжением в нашу страну наши родные, наши сестры и дети попадают в беду.

Поэтому Духовное Собрание призывает вас защищать нашу страну во имя религии и призывать всех наших братьев-мусульман поступать так же. В мечетях и в частных молитвах молитесь Богу, чтобы помочь победить врага Красной Армии».

²⁶ Габдрахман Зайнуллович Расулев.

Приложение 3

1. Обращение муфтия Г. З. Расулева от 18 июля 1941 г.²⁷

ГРЕВОД *Подлинник на арабском языке* 97

ВСЕМ МУСУЛЬМАНАМ, МУСУЛЬМАНСКИМ ПРИКОНАМ
ПОДВЕДОМСТВЕННЫМ ИДУМ.

Во имя бога, милостивого, милосердного!
Вам мир и милостивое благославление!

Дорогие братья мусульмане.

Все Вам уже известно, что коварный враг без объявления войны разбойничье напал на нашу родину и тем совершил неслыханное в истории человечества вероломство и подлость.

Он является виновником всех бедствий, постигших нашу страну, виновником того, что многие наши братья и близкие нам люди погибли в боях - остаются сиротами их дети и жены.

Верующие мусульмане!

Центральное духовное управление мусульман призывает Вас встать на защиту отечества от подлого врага, который угрожает разорением и несет несчастье всем мусульманам, религии и нашим детям, братьям, сестрам, поднимите свой голос против врага-варвара, призывайте всех мусульман во имя бога, во имя нашего отечества, во имя религии ислама - обрушиться на врага и уничтожить его.

Проводите молитвенные богослужения в молитвенных домах и мечетях, посвящая победу нашей армии над врагом.

Верующие мусульмане, помните о том, что эта война является войной за отечество и долг каждого мусульманина личным участием оказывать всевозможную практическую помощь, как на фронте, так и в тылу - для победы над врагом, несущим разорение и нищету мусуль-

²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 35. Л. 77-78.

78

2.

манскому народу.

В священной книге "КОРАН", посланной мусульманам великим и всемогущим аллахом, - говорится:

"Сражайтесь с теми, которые сражаются с Вами, уживайте их, где ни застигните их, изгоняйте их откуда они Вас изгнали, искушение губительнее убийства." /Глава II-я стихи 186, 187, 188/.

Далее священный "КОРАН" говорит:

"Будьте стойкими в битвах с врагом, сто человек стойких победят двести, бог всегда вместе со стойкими в битвах." /Глава 8-я стих 67/.

"Будьте неутомимыми, не зовите их к примерению, вы будете выше их, с вами бог и он не оставит без награды, ваши подвиги за защиту родины." /Глава 47, ст. 37/.

Великий пророк Могамет в своих учениях также говорит:

"Любовь к родине, защита родины от врагов, несущих бесконечные и тяжелые бедствия для народов, уничтожающих культуру - священный долг каждого мусульманина".

Выполняя эти указания аллаха, приведенные в священной книге "КОРАН" - все мусульмане вместе со всеми народами нашей родины должны отдать все силы на борьбу с врагом до полного его уничтожения, быть мужественными и стойкими в битвах.

С молитвой и заботой о Вас

Председатель - муфтий ЦДУМ - РАСУЛЕВ.

печать.
Центральное
духовное
управление
Мусульман.

2. Обращение муфтия Г. З. Расулева от 7 августа 1941 г.²⁸

Перевод. (Подлинник на арабском яз. в НКВД)

46

Дорогие братья мусульмане всего мира, во имя бога милостивого и милосердного, Вам мир и милостивое благословение.

Народам всего мира уже известно о том, что фашистская Германия разбойничьи напала на миролюбивую Советскую Россию, этим самым совершила небывалое в истории человечества злое преступление. От ига фашизма и войны стонут десятки миллионов народов демократических стран Европы, он несет закабаление народам и нищету. Фашизм является виновником всех бедствий и разрушителем национально²⁹ культуры, религии и вековых традиций народов, виновником того, что сотни, тысячи детей, женщин и стариков остаются без мужей, отцов, сыновей, без крова и вынуждены владать жалкое существование.

Дорогие братья мусульмане, мы не можем стоять в стороне в этот грозный час для народов России. Центральное духовное управление мусульманов СССР, обращается к Вам и призывает Вас братьев по крови, во имя Ислама встать на защиту мусульман и народов России, их мирной жизни и религии от бандитского разрушения, уничтожения и кровопролития, которое несет им фашизм.

Оказывайте прямую помощь Красной Армии, где это возможно, в тылу или на фронтах. Молитесь за скорейшую победу над фашизмом и за полное его уничтожение! Призывайте другие нации и народы к борьбе с озверевшим фашизмом! По примеру мусульман России поддерживайте военное соглашение Советского Правительства с английским правительством и их народами.

В борьбе мусульман с фашизмом истребляющим религию, науку, приносящим неисчислимные бедствия народу, - великий всемогущий аллах поможет нам мусульманам. С молитвой и заботой о всех братьях - мусульманах.

печать,
центральное
духовное
управление
мусульман.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЦДУМ - Муфтий РАСУЛЕВ.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 35. Л. 76.

Формирование образа врага средствами печатной пропаганды у личного состава Красной армии в годы Великой Отечественной войны

В настоящее время, когда борьба за сферы влияния в мире значительно переместилась с полей битв в поле информационное, особенно актуальными становятся вопросы пропаганды, изучения и совершенствования ее элементов. Исторический опыт советских вооруженных сил предоставляет богатый материал для исследований в этой сфере. Сформированный в годы Великой Отечественной войны образ врага, вызывающего всенародную справедливую ненависть, стал не только мощнейшим идеологическим стимулом для бойцов действующей Красной армии, но и частью мировоззрения всего фронтового поколения.

Наиболее ярким примером в отечественной истории является «ярость благородная» советского народа по отношению к захватчикам в годы Великой Отечественной войны. Справедливая ненависть стала не только одним из доминирующих чувств в действующей Красной армии, но и в некоторой степени частью мировоззрения фронтового поколения. На фронте ненависть к врагу являлась важнейшим условием боеспособности наших войск, мощной мотивацией их готовности к самопожертвованию, к битве не на жизнь, а на смерть. Поэтому формирование образа врага стало естественной основой пропаганды в Красной армии.

Основными средствами армейской печатной пропаганды того периода следует считать газеты, плакаты и листовки. Именно при помощи них до личного состава доводилась политика партии на текущий

¹ *Улизко Павел Вячеславович* — заместитель начальника отдела Научно-исследовательского института военной истории Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, подполковник (г. Москва).

момент войны, бойцы вдохновлялись на подвиги и, конечно, формировался образ врага. Еще до начала войны Советский Союз преодолел массовую неграмотность с выдающимися результатами — читать и писать умели 87,4% общего числа населения². Пресса занимала все возрастающую роль в проведении партийной и государственной агитационной политики. С началом гитлеровской агрессии объемы гражданских СМИ были значительно сокращены в пользу армейских изданий³, в первые дни войны Главное управление политической пропаганды Красной армии направило в войска директивное указание, определяющее направление деятельности средств военной печати⁴.

Коренная перестройка пропагандистско-агитационной работы предполагала приоритетными вопросы воспитания советского патриотизма и ненависти к врагу, подвигам красноармейцев, а также героического прошлого народа⁵. В Директиве Совнаркома Союза ССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г.⁶, наряду с декларируемыми партией взглядами на мобилизацию всех сил и средств на разгром фашистских захватчиков, были определены основные задачи военных печатных органов по стимулированию боевого духа действующей армии, формированию убежденности в будущей победе в войне, в которой решался «вопрос о жизни и смерти Советского государства»⁷.

Более поздний анализ проведенной работы позволил выявить ряд существенных упущений, заложенных еще в предвоенный период. В планах статей и обзоров, представляемых в Управление пропаганды и агитации, отмечалась недостаточная разработанность разоблачения мифа о «непобедимости» немецкой армии при преобладании общих тем: «Вторая империалистическая война и разрушение культуры», «Писатели и война» и т. п.⁸, нивелировка образа врага в условиях

² Народное образование, наука и культура СССР: стат. сб. М., 1971. С. 21.

³ Овсенин Р. История новейшей отечественной журналистики М., 1996. С. 91.

⁴ Директива ГУПП КА от 23 июня 1941 г. «О содержании фронтовых, армейских и дивизионных газет в связи с началом войны» // Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО РФ). Ф. 32. Оп. 795436. Д. 3. Л. 203–204.

⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 221. Л. 28–90.

⁶ Вестник Архива Президента Российской Федерации. Война 1941–1945. М., 2010. С. 34–37.

⁷ Там же. С. 37.

⁸ Цит. по: Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. М., 2007. С. 289–291.

боевых действий. Практически весь первый год Великой Отечественной войны проводился постоянный поиск новых эффективных форм и методов мобилизации народа на борьбу с агрессором. В сложившихся условиях, прежде всего, необходимо было показать захватнический характер войны со стороны гитлеровской Германии, античеловеческую сущность фашистской идеологии на конкретных примерах бесчинств и репрессий, которые творились на оккупированных территориях. При этом формирование образа врага средствами пропаганды являлось необходимым элементом укрепления морального состояния и боевого духа личного состава Красной армии, для чего в первую очередь были задействованы печатные СМИ. Это объяснялось как технической стороной вопроса (газеты, листовки, бюллетени в действующей армии доступнее, чем, например, радио), так и тем, что «бумажная» периодика использовала весь широкий спектр пропагандистско-агитационного воздействия, включая различные жанры публицистики, литературы и изобразительного искусства.

Полная реорганизация структуры печатных средств массовой информации ставила целью обеспечение доступности изданий для всего личного состава действующей армии. Их количество было увеличено, прежде всего, за счет оптимизации общей печати. В 1941 г. более чем на 50% было сокращено количество центральных газет, с 39 до 18 наименований, которые объединили по принципу родственных тематик. Многие центральные журналы прекратили работу. «Знамя», «Новый мир», «Октябрь», наряду с сокращением общего тиража, практиковали уменьшение объема и совмещение номеров. С помощью таких организационных мер высвобождались кадры и ресурсы, необходимые для военной прессы. Существенно расширилась сеть армейской периодики. Если по состоянию на июль 1941 г. в стране выходило 465 красноармейских газет, то через три года их насчитывалось уже 757. Общий тираж составлял почти 3 200 000 экземпляров⁹. Кроме центральных военных газет свои печатные органы имели не только армии, округа и дивизии, как в мирное время, но и отдельные корпуса, а также бригады, входившие в состав фронтов. Средства печатной пропаганды среднего звена, к которым относились армейские, корпусные, дивизионные и бригадные газеты, были рассчитаны на основную массу личного состава действующих войск. Наибольший рост количества военных

⁹ Ортенберг Д. Сталин, Щербаков, Мехлис и другие. М., 1995. С. 81.

печатных средств информации, кроме начального периода войны, пришелся на 1942–1943 гг.¹⁰

В пропагандистском воздействии учитывался не только род войск, но и национальная принадлежность личного состава войсковых подразделений. Из общего числа печатных военных изданий в годы войны 64 газеты выходили одновременно на русском языке и на языках народов Советского Союза. Данная идея пропагандистского охвата «бойцов нерусских национальностей» принадлежала Л. З. Мехлису. 23 февраля 1942 г. он обращает внимание А. С. Кузнецова на то, что в национальных бригадах необходимо издание газет на языке их личного состава: «...ибо на фронте некому будет обслуживать эти бригады печатным словом. Главное обеспечить, чтобы газета не попала в руки буржуазного националиста или пораженца»¹¹. К примеру, согласно приказу начальника ГлавПУ № 01131/п от 11 марта 1942 г., дивизионная газета 224-й стрелковой дивизии 51-й армии начинала издаваться на грузинском языке под названием «Грузинский стрелок»¹². Тираж таких газет определялся в зависимости от процентного этнического состава конкретного воинского формирования. За основу бралось установившееся правило — один экземпляр на пять бойцов, хотя чаще всего на практике это соотношение составляло 1/8, не превышая 1/10. При этом действовал строгий запрет о разглашении данных тиражей изданий, чтобы противник не мог определить примерный состав подразделений.

Фронтные газеты выпускались в небольшом «полустандартном» формате и представляли собой четырехполосный набор статей. Как и остальные виды военных изданий, они рассчитывались главным образом на рядовой и сержантский состав, что подчеркивает их пропагандистскую ориентированность. Содержание материалов определялось исходя из задач каждого конкретного соединения с учетом передового опыта его бойцов. Профессионализм работников «фронтвой» печати стоит признать весьма высоким — они первыми определяли наиболее правильный вектор формирования образа врага и работали в этом направлении самым эффективным образом¹³.

¹⁰ *Срибная Т. А.* Военно-патриотическая печатная пропаганда в предвоенные годы и во время Великой Отечественной войны. Дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02. М.: РГБ, 2005. С. 89.

¹¹ ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 155. Л. 36.

¹² Там же. Л. 51.

¹³ «Раздавим фашистскую гадину!». Агитплакат, издание газеты «Звезда». № 5. 1941. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 148. Л. 45.

В силу того что личный состав был практически в постоянном соприкосновении с противником, формирование образа врага с каждым годом войны приобретало определенную специфику: на страницах фронтовых, армейских, дивизионных газет становилось меньше экспрессивных лозунгов, характерных для первых лет войны, журналисты сосредоточивали внимание своей читательской аудитории на показателях военной выучки и конкретных ратных подвигах. Итоги соцсоревнований «Кто убил больше немцев?», «Счета мести»¹⁴ и т. п. все более замещали общие слова о «жгучей ненависти». Впоследствии подобные соцсоревнования (как и посвященные им публикации) были запрещены, но, бесспорно, враг в сознании личного состава Красной армии утратил признаки человека и стал просто объектом уничтожения.

Таким образом система военной печати уровня от фронта до бригады в годы Великой Отечественной войны постоянно прогрессировала с учетом текущей ситуации, преследуя целью пропагандистское воздействие на широкие массы личного состава, прежде всего рядовой и сержантский состав. При этом формирование образа врага у личного состава проводилось в комплексе с боевым опытом действующей армии.

Центральным военным печатным органом в годы Великой Отечественной войны, направляющим пропагандистскую работу в войсках, являлась газета «Красная звезда». Этот мощный идеологический рупор задавал тон всей армейской публицистике, на который ориентировались другие издания. Но и здесь не обошлось без первоначальных ошибок, к которым можно отнести несоответствующий действительности бравурный стиль некоторых публикаций первого военного периода, инспирированная ВКП(б) пропаганда панславизма, злоупотребление узким набором клише и лозунгов коммунистического интернационала. Переход к парадигме советского патриотизма ярко характеризуется опубликованной на страницах издания в разгар битвы под Москвой статьей В. Василевской «Мера нашей любви к Родине — сила ненависти к врагу»¹⁵.

На протяжении войны каждый номер «Красной звезды» имел приблизительно одну структуру, в которой важное место занимали материалы, направленные на воспитание ненависти к врагу у личного состава Красной армии. На первой полосе в рубрике «От советского информбюро», состоящей из 8–10 заметок, как правило, в 2–3 из них

¹⁴ Советский воин. Газета Юго-Западного фронта. 1943. 14 апр.

¹⁵ Красная звезда. 1942. 1 янв.

рассказывалось о потерях немецкой армии, преступлениях, совершаемых врагом на оккупированных территориях СССР и других стран. Важной вехой в деятельности по воспитанию ненависти к врагу можно считать смену девиза «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» на «Смерть немецким оккупантам!». Данный тезис был озвучен И. В. Сталиным 6 ноября 1941 г. на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся, но в качестве титула появился в газете 11 декабря¹⁶ в соответствии с директивой Главного политического управления РККА № 278 от 10 декабря 1941 г. за подписью Л. З. Мехлиса. Этим документом предписывалось со всех без исключения военных изданий снять лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», который «неправильно ориентирует некоторые прослойки военнослужащих», и заменить его более подходящим к текущему моменту «Смерть немецким оккупантам!»¹⁷.

Также на первой полосе печатались лозунги и воззвания, например, «Боец Красной армии! Немец несет тебе, твоей семье, друзьям позорную и страшную неволю, мучения и гибель. Не дай в обиду семью, Родину. Бей немецкого гада насмерть!»¹⁸. С августа 1942 г. такие воззвания появлялись как на первой, так и на второй полосе, что было обусловлено усилением пропагандистской работы в связи с критическим положением на фронтах. Следует учитывать, что к середине 1942 г. война прямо или косвенно воспитала у населения СССР озлобление на жестокого агрессора, перенесенное на весь немецкий этнос. Этим объясняется появление лозунга «Убей немца!», в основу которого были положены фразы из стихотворения К. М. Симонова «Убей его!» (опубликованного в «Красной звезде» 18 июля 1942 г.¹⁹), публицистической статьи И. Г. Эренбурга «Убей!» (опубликована 24 июля 1942 г.)²⁰, рассказа М. А. Шолохова «Наука ненависти»²¹, вышедшего в свет 22–23 июня 1942 г. в ведущих советских газетах.

¹⁶ Красная звезда. 1941. 11 дек.

¹⁷ ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 920265. Д. 4. Л. 110.

¹⁸ Красная звезда. 1942. 16 авг.

¹⁹ Опубликовано под названием «Убей его!» в газете «Красная звезда» 18 июля 1942 г.; в «Комсомольской Правде» (19 июля 1942); в «Окнах ТАСС» (20 июля 1942); в журнале «Спутник агитатора» (№ 13, 1942); в журнале «Краснофлотец» (№ 15, 1942); в журнале «Политпросветработа» (№ 17–18, 1942).

²⁰ Красная звезда. 1942. 24 июля. № 172 (5236).

²¹ Шолохов М. Наука ненависти. Рассказ // Правда. 1942. 22 июня. № 173. Перепечатан газетой «Красная звезда». 1942. 23 июня.

С конца 1942 г. в советской пропаганде все отчетливее формируется образ героя — советского воина. Если в начале войны его главной чертой была готовность к самопожертвованию, то к 1943 г. на первое место выходит уверенность в победе. Модель антагонизма «герой против врага» окончательно оформляется в советской пропаганде, но «модифицируется» в зависимости от политической обстановки. Это касается смены риторики в отношении стран — сателлитов Германии в связи с началом освободительной миссии Красной армии в Европе в 1944 г.²², а также со вступлением советских войск на территорию Германии в 1945 г. Именно на страницах «Красной звезды» был обозначен курс на снижение «градуса ненависти» в пропаганде²³.

Зверствам и военным преступлениям оккупантов посвящались отдельные статьи. Распространенной формой были «дневниковые записи», в которых немецкие военнослужащие в циничных подробностях описывали казни пленных и мирного населения. Этот жанр одним из первых появился на страницах «Красной звезды» еще в самом начале войны. Публиковались также автографы таких дневников и писем, с целью опровергнуть сомнения в их подлинности. Это была одна из самых действенных форм пропаганды по воспитанию ненависти к врагу.

Следует отметить, что при использовании в пропаганде образов «героических предков» и проведении параллелей с прежними агрессорами практически не применялись исторические аналогии. Это объясняется позицией И. В. Сталина, озвученной 6 ноября 1941 г.: «...Гитлер походит на Наполеона не больше, чем котенок на льва, ибо Наполеон боролся против сил реакции, опираясь на прогрессивные силы, Гитлер же наоборот, опирается на реакционные силы, ведя борьбу с прогрессивными силами»²⁴. Кроме того, широкого распространения в пропаганде не получали параллели с Первой мировой («империалистической» с марксистско-ленинской точки зрения) войной.

Отдельного внимания заслуживают материалы, касающиеся судьбы советских военнослужащих в немецком плену. Несмотря на ранее обозначенную в «Красной звезде» официальную позицию советского

²² См.: Зверства румынских разбойников // Красная звезда. 1944 г. 16 марта; Красная звезда. 1944. 10 мая.

²³ См.: Наше мнение // Красная звезда. 1945. 9 февраля; *Эренбург И.* Хватит! // Красная звезда. 1945. 11 апр.; *Александров Г.* Товарищ Эренбург упрощает // Правда. 1945. 14 апр.

²⁴ О Великой Отечественной войне Советского Союза / И. Сталин. Пенза: издание газеты «Сталинское знамя», 1942. С. 44.

правительства по отношению к «ренегатам»²⁵, регулярно выходили статьи, в которых описывалось бесчеловечное отношение к захваченным красноармейцам, сопровождающиеся соответствующими фотоматериалами. Особенностью пропаганды было использование в печатных СМИ стихотворных текстов. «Красная звезда» представляла свои полосы известным советским поэтам. Многие из них обращались к теме отмщения врагам: «Ненависть» Н. С. Тихонова, «Я пою мечь» А. А. Суркова, «Убей его!» К. М. Симонова. Такие произведения становились своего рода заклинанием «благородной ярости» советских солдат.

Четвертая полоса «Красной звезды» отводилась международным событиям. Большинство материалов было посвящено бедственному положению экономики Германии и ее сателлитов, нищенскому состоянию населения государств-противников. Здесь же публиковались карикатуры Б. Е. Ефимова (впервые 31 июля 1941 г., регулярно — с декабря 1941 г.), в основном на зарубежную тематику. Однако по мере достижения побед Красной армией карикатуры стали чаще изображать руководство Германии, переживающее последствия очередного поражения. Как в советской пропаганде, так и в восприятии населения СССР и военнослужащих Красной армии сателлиты Германии представлялись «холопами» и «шакалами» в сравнении с их «хозяином», «тигром» — Третьим рейхом. «Шакалы получают по заслугам, — 12 декабря 1942 г. в заметке “Судьба шакалов” писал И. Г. Эренбург. — Но мы ни на минуту не забываем о тигре. Тигр получит за все — и за себя, и за шакалов, и за то, что он привел с собой мелких жадных хищников»²⁶.

На протяжении всей войны союзные Германии войска воспринимались как второстепенные пособники основного врага, не имевшие ни высокой боеспособности, ни воинского духа, которыми отличались немецкие части. «В итальянских, венгерских, румынских войсках дисциплина и морально-политическое состояние значительно ниже, чем в германской армии»²⁷. В то же время они не отставали от немцев в грабежах и издевательствах над населением. «Грабили они дружно, — отмечал в своей статье И. Г. Эренбург. — Правда, и в грабеже немцы соблюдали иерархию. Если немец брал корову, итальянцам доставалась курица»²⁸. Имен-

²⁵ Ортенберг Д. Июнь — декабрь сорок первого. М., 1984. С. 130–131.

²⁶ Эренбург И. Война. Апрель 1942 — март 1943. М., 1943. С. 70.

²⁷ Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 112–114.

²⁸ Эренбург И. Указ соч. С. 67.

но в таком ключе, как написано в этой статье, действовала советская пропаганда, стремившаяся к разобщению в стане своих врагов, и реалии военных лет давали немало пищи для подобного рода сравнений.

К средствам печатной пропаганды следует отнести наглядную агитацию, учитывая, что с началом войны важнейшее значение в этой сфере приобрел плакат. В июле 1941 г. по указанию Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) ТАСС приступил к выпуску «Окон ТАСС» — сатирических политических плакатов, продолживших традиции «Окон РОСТА» периода Гражданской войны²⁹. Благодаря бригаде высококвалифицированных художников и литераторов (художники Кукрыниксы, В. В. Лебедев и др., поэты Д. Бедный, В. И. Лебедев-Кумач, С. Я. Маршак, С. П. Щипачев и пр.) ежедневный выпуск «Окон ТАСС» состоял из двух плакатов с политической карикатурой и одного большого панно народно-героического характера.

К декабрю 1941 г. отделения «Окон» были созданы в Куйбышеве и Ташкенте³⁰. Средне-Азиатское отделение приступило к выпуску наглядной агитации на национальных языках — узбекском, казахском, киргизском, таджикском и туркменском³¹. Следует подчеркнуть, что советское правительство высоко оценило работу коллектива, присвоив в 1942 г. 9 Сталинских премий лучшим творческим работникам. На встрече с художниками «Окон ТАСС» М. И. Калинин подчеркнул значение плакатов в военных условиях: «Когда люди будут изучать эпоху Отечественной войны, они не пройдут мимо “Окон ТАСС”, как не пройдут мимо “Окон РОСТА” при изучении Октябрьской революции»³².

Плакат-окно, по существу, являлся минималистичной газетой, но со своими отличительными особенностями — соединением изображения с чисто литературным текстом, преимущественно стихотворным. Одни плакаты были рассчитаны специально для фронта (например, «Кто сегодня в немца не попал — у того задаром день пропал» или «В бою минута дорога, коль хочешь жить — убей врага!»), другие только для тыла. Несмотря на большой разброс в тематике, была объединяющая

²⁹ Коллектив из художников и литераторов, ставший «Окнами ТАСС», был собран уже 24 июня 1941 г.

³⁰ Планировалось также создать аналогичное Закавказское отделение по выпуску и распространению на азербайджанском, грузинском и армянском языках.

³¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 4459. Оп. 9. Д. 62. Л. 73–75.

³² ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 11. Д. 1249. Л. 1–6.

тема — речи, доклады и приказы И. В. Сталина. Сразу после его выступлений на улицах появлялись плакаты «Ворона в павлиньих перьях», «Молодец против овец», «Против молодца сам овца», «Гитлеровская Германия лопнет под тяжестью своего преступления» и т. п.³³

Значение плакатов на протяжении военных лет постоянно возрастало. Весной 1944 г. перед Управлением пропаганды была поставлена задача скорейшей подготовки «Памятки по наглядной агитации» и увеличения тиража путем переиздания лучших «Окон ТАСС» издательствами «Военгиз» и «Искусство», перепечатки литографическим способом. Прежде всего, эти меры были направлены на агитационно-пропагандистское обеспечение освобожденных районов³⁴.

Следует отдельно рассмотреть жанр советской карикатуры, который в годы Великой Отечественной войны выходит на принципиально новый качественный уровень. Мастерство советских карикатуристов на тот момент было признано неоспоримым и являлось неотъемлемым оружием советской власти. Основными характерными чертами, присущими советской карикатуре в военный период, являются: зооморфизм отрицательных персонажей; гротеск, визуальная гиперболизация; лишение врага статуса человека, мужчины, воина; отсутствие образа торжествующего врага; отсутствие мифологических мотивов при изображении неприятеля; использование образа политического и военного руководства противника в качестве главного объекта карикатуры. По сути, такие характерные черты могли быть перенесены, например, на очерки И. М. Эренбурга, который в своем публицистическом творчестве использовал похожие приемы³⁵.

Чаще всего образ врага в советской карикатуре связан с образом А. Гитлера и других руководителей рейха. Характерно, что если до конца 1942 г. фюрер изображался в виде главаря бандитской шайки, палача, людоеда, то уже с начала 1943 г. он представляется в образе жалкого побитого пса, комической старухи («Потеряла я колечко...», Кукурыники, 1943 г.). Образ Й. Геббельса в полной мере отражен в карикатуре «Брехомет»³⁶, благодаря которой за ним закрепляется про-

³³ Там же.

³⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 221. Л. 28–90.

³⁵ См.: *Эренбург И.* Бешеные волки. М.; Л., 1941; Гангстеры. М., 1941; Война. Июнь 1941 — Апрель 1942. М., 1942; Война. Апрель 1942 — Март 1943. М., 1943; Война. Апрель 1943 — Март 1944. М., 1944.

³⁶ Окно ТАСС. № 625. Кукурыники. 1942.

звище, метко характеризующее деятельность руководителя германской пропаганды. Между тем Гитлер никогда не изображался в виде дьявола или демоноподобного монстра, как И. В. Сталин на немецких плакатах. Это характерная черта советской карикатуры того времени — враг не ассоциируется с мифическими существами.

Распространение в советской карикатуре получило изображение солдат противника в виде «живых трупов». Так, в известном плакате Кукрыниксов «Превращение фрицев» (1943 г.) немецкая армия превращается в могильные кресты. Подобный способ изображения врага был новым для своего времени, так как, в отличие от традиционных макабрических сюжетов, показывал противника не несущим смерть, а принимающим ее.

Страны — сателлиты Германии, представленные в образах своих правителей (М. Хорти, И. Антонеску), играют своеобразную роль «вооруженных люмпенов», подобострастных перед унижающим и бросающим их на верную гибель Гитлером. Кроме того, советскими карикатуристами активно использовалась исторически сложившаяся неприязнь между Венгрией и Румынией по территориальным вопросам. Неоднократно повторялся сюжет карикатуры, в которой М. Хорти и И. Антонеску изображались в виде псов Гитлера, которые грызутся за кость с надписью «Трансильвания».

Гражданское население Германии было представлено в регрессе от довоенных педантичных хозяйственных бюргеров к люмпенам, обреченно ожидающим поражения в войне. Своеобразное закрытие темы изображения «Гитлера и его своры» было обозначено Кукрыниксами на страницах «Крокодила» в карикатуре «Праздничная уборка», где авторы изображались с журналом в руках, из которого в мусорное ведро сыпались образы руководителей Третьего рейха³⁷.

Еще одним весьма распространенным видом пропагандистской печатной продукции, формирующим образ врага у личного состава Красной армии, были листовки. Они, так же как и газеты, издавались определенными тиражами в дивизионных, армейских и фронтовых редакциях. Листовки печатались в большом количестве и выпускались перед важными боевыми операциями на фронте или в связи с крупными общественно-политическими мероприятиями. Сжатый объем информации в компактном формате был наиболее удобен для восприятия. Вестник

³⁷ Крокодил. 1945. № 18. 20 мая. С. 11.

фронтowej информации ТАСС в листовочном формате приводил факты злодеяний оккупантов на территории СССР, тяжелое положение военнопленных, часто используя в качестве источников свидетельства взятых в плен военнослужащих противника³⁸. Также выпускались сатирические листовки, высмеивающие врага, такие как «Вралишер Тарабахтер», стилизованная под нацистскую газету «Фолькишер Беобахтер»³⁹. Тираж печатных материалов зависел от важности предстоявшей операции или события, мог составлять несколько сотен тысяч экземпляров в масштабах одного фронта⁴⁰. В то же время листовки применялись для поддержания общего морального духа и боевого настроения армии. В этом случае они тиражировались независимо от тактического планирования, и приурочивались к знаменательным государственным датам, успешно проведенным военным акциям, подвигам конкретных воинов и т. п. При этом агитационно-пропагандистскую нагрузку имели даже способы распространения агиток. Вестник фронтowej информации ТАСС от 2 февраля 1944 г. содержал сообщение о том, что «доходчивой и оперативной формой популяризации героев на поле боя» в танковой части стали листовки «Передай по цепи»⁴¹.

В годы Великой Отечественной войны значительно возросла роль печатной пропаганды. Основной ее целью была не тотальная «прививка ненависти» к определенному этносу, а мобилизация и поддержание на высоком уровне морального состояния общества и боевого духа личного состава Красной армии. Сформированная модель «герой против врага» в своей простоте и универсальности оказалась наиболее эффективной для подъема масс на «Священную войну».

Таким образом система военной печати уровня от фронта до бригады в годы Великой Отечественной войны постоянно прогрессировала с учетом текущей ситуации, преследуя целью пропагандистское воздействие на широкие массы личного состава, прежде всего рядовой и сержантский состав. При этом формирование образа врага у личного состава проводилось в комплексе с боевым опытом действующей армии.

³⁸ Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы / Авт.-сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. М., 2007. С. 412.

³⁹ Там же. С. 417.

⁴⁰ О партийной и советской печати. Сборник документов. М., 1954. С. 499.

⁴¹ ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 21. Д. 25. Л. 24.

Институт штрафных частей РККА в годы Великой Отечественной войны²

В создании в Красной армии штрафных частей, в соответствии с приказом народного комиссара обороны СССР И.В. Сталина № 227 от 28 июля 1942 г. «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций», отразилась важнейшая проблема, встававшая с началом войны перед властями любого государства — каким образом обеспечить участие в боевых действиях лиц, вступивших в конфликт с законом. Изоляция от общества как мера наказания и исправления провинившихся в мирное время с началом войны утрачивала свой универсальный характер, а во многих случаях и оборачивалась своей противоположностью. Совсем нередкими были примеры того, как ранее законопослушные граждане специально шли на противоправные действия, дабы оказаться пусть в заключении, но подальше от линии фронта.

Со всей остротой эта проблема встала перед политическим и военным руководством СССР в условиях тотального характера навязанной нацистской Германией войны, потребовавшей мобилизации почти 35 миллионов человек, когда укомплектовать армию и флот лишь из лучших представителей общества было просто невозможно. «Мы открыли тюрьмы и всех взяли в армию... Красная

¹ Юрий Викторович Рубцов — доктор исторических наук, профессор (Военный университет Министерства обороны РФ)

² Статья подготовлена на основе материалов книги автора, изданной при участии Российского военно-исторического общества: Рубцов Ю.В. Обиды на Россию не имели. Штрафные и заградительные формирования в годы Великой Отечественной войны. М., Вече, 2020.

Армия не идеальна», — признал И. В. Сталин, когда в апреле 1945 г. на ужине, устроенном после заключения советско-югославского договора о дружбе, взаимной помощи и сотрудничестве, член югославской делегации М. Джилас упрекнул военнослужащих РККА в неподобающем поведении на освобождаемых территориях Европы³.

С началом войны, складывавшемся для РККА крайне тяжело, а подчас и катастрофически, вследствие удачных действий противника и массовой гибели командно-политических кадров личный состав оставался без управления, многие воинские части буквально расплылись, подчас даже не успев как следует вступить в соприкосновение с врагом. Немало военнослужащих в условиях непрерывных и кровопролитных боев, при выходе из многочисленных окружений отставали от своих частей, дезертировали, сдавались в плен.

Паника, дезертирство, отказ от выполнения боевых приказов, неподчинение начальникам, самовольное оставление позиций способны были разрушить самый стойкий военный организм и дезорганизовать тыл.

Непосредственно приказ № 227 был вызван острой обстановкой, сложившейся к этому моменту на южном крыле советско-германского фронта. Её суть передана в документе следующим образом: «Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа...

После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину»⁴.

³ Джилас М. Лицо тоталитаризма. Пер. с сербо-хорват. М., 1992. С. 82.

⁴ Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13 (2–2). М., 1997. С. 276.

Приближавшее к катастрофе развитие событий заставляло И. В. Сталина и его окружение искать любые средства, чтобы остановить отступление войск, стабилизировать обстановку на фронте, повысить внутреннюю устойчивость войсковых организмов и их способность к сопротивлению врагу. Одним из таких средств стало учреждение в соответствии с приказом № 227 штрафных частей (отдельных штрафных батальонов — ОШБ и отдельных штрафных рот — ОШР), а также заградительных отрядов.

* * *

Создавались они не на пустом месте, поскольку в годы Гражданской войны в России имели своих предшественников. Бичом молодой, еще не прошедшей стадии становления Красной армии было массовое, исчислявшееся десятками тысяч человек дезертирство. Совет рабочих и крестьянской обороны РСФСР в постановлении от 25 декабря 1918 г. признал его «одним из самых тяжких и позорных преступлений» и обязал Революционный Военный совет республики предпринять конкретные меры по борьбе с этим явлением⁵.

Санкции в отношении задержанных властями дезертиров определялись в широком диапазоне — от вычетов из денежного содержания до расстрела включительно⁶. В качестве одного из видов наказаний (наряду с преданием суду) было определено направление виновных в уклонении от службы «в особые опороченные части», которые и стали прообразом вскоре созданных штрафных формирований.

Какое-то время они создавались и комплектовались явочным порядком, пока приказом заместителя председателя РВСР Э. М. Складского № 997 от 3 июня 1919 г. ни были введены в действие Положение о штрафных частях и штат отдельной штрафной роты. Приказ предписывал «формирование штрафных рот производить по мере надобности... В переменный состав штрафных рот зачислять военнотружущих, осужденных к сему за преступные деяния военного характера, в том числе за дезертирство»⁷.

⁵ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917–1952 гг. М., 1953. С. 42.

⁶ Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 11. Оп. 15. Д. 49. Л. 2об.

⁷ РГВА. Ф. 6798. Оп. 1. Д. 5. Л. 31.

Положение о штрафных частях определяло, что они существуют в виде отдельных (самостоятельных) штрафных рот (на фронте) и штрафных команд при воинских частях (как на фронте, так и в тылу)⁸. Содержанию в штрафных ротах подлежали военнослужащие, осужденные революционными военными трибуналами. В штрафные команды военнослужащие, кроме того, могли попасть и распоряжением начальников и комиссаров этих частей за две краткосрочные (не более 6 дней) самовольные отлучки или за одну, если таковая продолжалась более указанного срока⁹.

По существу, штрафные части рассматривались властями как исправительно-пенитенциарные учреждения, а содержащиеся в них — как заключенные, хотя в Положении таких формулировок не было. К такому выводу приводит ряд статей, содержащих указания на значительные ограничения военнослужащих-штрафников в правах. Лицам, содержащимся в штрафных частях, запрещалось иметь при себе какое бы то ни было оружие и деньги свыше 50 рублей. Внешнее охранение помещений, занимаемых штрафниками, осуществлялось не собственным караулом, а караулом от воинских частей. Ворота и входные двери в эти помещения должны были быть постоянно закрыты на замок и открывались только в случаях, определенных начальником и комиссаром части. Казармы, в которых содержались штрафники (по терминологии документа — общие камеры), допускалось запираť на ночь, если начальник и комиссар части признавали это необходимым. Вход посторонних лиц в эти помещения допускался лишь с особого каждый раз разрешения начальника или комиссара части¹⁰.

И. В. Сталин, хорошо знакомый с практикой использования штрафных формирований в годы Гражданской войны и знавший о существовании подобных частей в вермахте, вернулся к идее их воссоздания в Красной армии в 1942 г.

Взгляд на этот институт, навязываемый общественному мнению в перестроечный и постперестроечный период, лишь как на проявление жестокой природы сталинского политического режима, чем дальше, тем больше обнажал свою узость и ангажированность. Да, не подлежит сомнению стремление высшей власти, не сумевшей должным образом подготовить страну к отражению нацистского нашествия, пе-

⁸ РГВА. Ф. 6798. Оп. 1. Д. 5. Л. 32.

⁹ Там же. Л. 33.

¹⁰ Там же. Л. 33–34.

реложить с себя вину за понесенные страной огромные людские и материальные потери. В то же время очевидно, что при оценке конкретной ситуации, сложившейся к середине 1942 г. на советско-германском фронте, невозможно ограничиваться только учетом форм и методов управления, к которым прибегала высшая власть, и игнорировать при этом характер взаимоотношений власти и народа, особенности законодательства 1940-х годов, специфику военного времени, законы и порядки которого всегда более суровы в любой стране, неважно — тоталитарной или демократической.

Под этим углом зрения очевидно, что советское военно-политическое руководство увидело в учреждении штрафных частей не только один из рычагов, посредством которых оно надеялось коренным образом изменить катастрофическую ситуацию на фронте, но и средство достижения перелома в психологическом настрое войск, мобилизации чувствальной ответственности каждого, в том числе оступившегося, военнслужащего за исход противоборства с врагом. Даже те бойцы и командиры, которые допустили грубое нарушение воинской дисциплины, а то и совершили преступление, благодаря учреждению штрафных частей не отстранялись от функции защиты Родины с оружием в руках.

При том, что в соответствии со сталинским приказом штрафные части направляли на наиболее тяжелые участки фронта и опасность для личного состава погибнуть была большей, чем в обычных частях, штрафники получали возможность возратить себе незапятнанную репутацию и быть восстановленными во всех правах. Такая возможность означала очень многое.

Как до учреждения штрафных батальонов и рот могла сложиться судьба военнслужащего, уклонившегося от боя, не подчинившегося приказу командира, наконец, дезертира? Законы военного времени предусматривали за большинство воинских преступлений расстрел, в лучшем случае — длительное заключение в исправительно-трудовом лагере или колонии. Штрафник же получал возможность вернуться на передовую и в бою заслужить право на снятие судимости или дисциплинарного взыскания. Иначе говоря, направление в штрафную часть представляло собой реальную альтернативу крайним мерам уголовного наказания.

При этом штрафные части периода Великой Отечественной войны, в отличие от таких же частей в Гражданскую войну, не были ни пени-тенциарными учреждениями, ни аналогами дисциплинарных частей.

Как известно, в дисциплинарных батальонах находились осужденные только за самовольную отлучку, а в штрафных частях — осужденные по широкому спектру статей УК РСФСР. Кроме того, если в дисциплинарных батальонах содержались только осужденные, то в штрафных частях наряду с осужденными с отсрочкой исполнения приговора были и военнослужащие, направленные сюда во внесудебном порядке, приказами командиров.

Но даже те штрафники, которые были направлены в ОШБ/ОШР по приговору военного трибунала, не содержались в них на положении заключенных с вытекающими отсюда строгими ограничениями в правах и свободах. Достаточно сказать, что им доверялось боевое оружие, с которым они шли в бой, несли внутреннюю службу, участвовали в боевой учебе.

Говоря строго юридическим языком, «институт штрафных частей времен войны... не является видоизменением исправительных, дисциплинарных батальонов, а связан с применением уголовно-правового института отсрочки исполнения приговора до окончания военных действий»¹¹.

* * *

Приказом наркома обороны СССР № 227 от 28 июля 1942 г. военным советам фронтов, их командующим предписывалось «сформировать в пределах фронта от одного до трех (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины». В пределах армий формировалось от пяти до десяти штрафных рот численностью 150–200 человек каждая, куда по тем же мотивам направлялись рядовые бойцы и младшие командиры¹².

Последующими нормативными правовыми актами, в первую очередь приказами наркома обороны СССР № 298 от 28 сентября 1942 г., утвердившим Положения о штрафных батальонах и штраф-

¹¹ Безнасюк А.С., Толкаченко А.А. Уголовные наказания военнослужащих: теория, законодательство, практика. М., 1999. С. 69.

¹² Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13 (2–2). М., 1997. С. 278.

ных ротах действующей армии, и № 323 от 16 октября 1942 г. «О направлении в штрафные части военнослужащих, осужденных военными трибуналами с применением отсрочки исполнения приговора до окончания войны» были определены две категории военнослужащих, которыми комплектовались такие части. Первая — лица, осужденные военными трибуналами с применением отсрочки исполнения приговора, вторая — направленные в эти части приказами командиров (начальников).

Следует отметить, что многие военные трибуналы, особенно в первый, самый тяжелый год войны не считали возможным смягчать наказание, когда законодательная санкция носила предельно определенный характер (например, при дезертирстве), и приговаривали военнослужащих к высшей мере наказания, не вдаваясь в глубокий анализ условий и обстоятельств преступления, мотивов действий подсудимого.

Между тем немедленное исполнение приговора, предусматривавшего лишение свободы, а тем более — высшую меру наказания, противоречило интересам обороны страны, поскольку сокращало численность действующей армии. Учитывая, что ряд преступлений, в том числе отступление с занимаемых позиций без приказа, дезертирство и другие, караемых по Уголовному кодексу расстрелом, временами носили хотя и массовый, но не злостный характер, пленум Верховного Суда СССР 22 апреля 1942 г. (то есть еще до учреждения института штрафных частей) принял постановление, в соответствии с которым, если суд при наличии смягчающих обстоятельств признавал более целесообразным направлять осужденного по обвинению в дезертирстве на фронт, то он был вправе путем применения ст. 51 и прим. 2 к ст. 28 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик назначить в виде наказания длительный срок тюремного заключения без поражения в правах с отсрочкой исполнения приговора до окончания военных действий и направить осужденного в действующую армию¹³.

В свою очередь, нарком юстиции Н. М. Рычков в приказе от 26 августа 1942 г., определяя задачи военных трибуналов по проведению в жизнь приказа наркома обороны СССР № 227, потребовал от председателей и членов военных трибуналов «покончить с практикой огульного осуждения многих лиц, в отношении которых могут быть

¹³ Сборник документов по истории советской военной юстиции. М., 1954. С. 375–376.

приняты меры дисциплинарного воздействия и меры, предусмотренные приказом № 227 (направление в штрафные роты и т. п.)»¹⁴.

Эта линия была развита в совместной директиве Наркомата юстиции и Прокуратуры СССР от 14 декабря 1942 г., в которой прямо говорилось о недопустимости применения в качестве меры наказания расстрела в отношении лиц, социальная опасность которых не требует применения такой меры, и содержалось требование при определении санкции дифференцировать степень вины обвиняемого, учитывать его личность, а также характер и последствия преступления¹⁵.

Забегая вперед, скажем, что военные трибуналы вплоть до завершения войны стали широко применять отсрочку исполнения приговора до окончания военных действий и направлять осужденных в штрафные части. Это подтверждают данные статистики: такая мера применялась (соответственно по воинским и должностным преступлениям): во втором полугодии 1941 г. — в 69,7% и 76,2% случаев, в 1942 г. — 78,8% и 84,4%, в 1943 г. — 82,6% и 92,6%, в 1944 г. — 49,5% и 80,4%, в январе–мае 1945 г. — 33,7% и 59,6%¹⁶.

Нередко военные следователи, разобравшись в существе нарушения военнослужащим закона или дисциплинарного проступка, отказывали в возбуждении уголовного дела и рекомендовали командирам (начальникам) шире использовать те полномочия, которыми их наделил нарком обороны, и собственным приказом направлять подчиненного в штрафную часть. Это позволяло военнослужащим, совершившим преступление или дисциплинарный проступок, особенно если они не носили злостного характера, реализовать свое конституционное право на защиту Отечества с оружием в руках.

Исследователи, получившие возможность изучить закрытые отчетно-статистические документы Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, определили общую численность военнослужащих, воевавших в ОШБ и ОШР в качестве лиц переменного состава (переменников, то есть собственно штрафников), в 427,9 тыс. человек¹⁷. Однако

¹⁴ Цит. по: Военные трибуналы – органы правосудия в Вооруженных силах СССР. 70 лет военным трибуналам. М., 1988. С. 141.

¹⁵ Военные трибуналы – органы правосудия в Вооруженных силах СССР. 70 лет военным трибуналам. М., 1988. С. 136.

¹⁶ Военная юстиция в России: история и современность. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. В.В. Ершова, В.В. Хомчика. М., 2017. С. 148.

¹⁷ Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М., 2010. С. 41.

эта цифра не вызывает доверия уже хотя бы потому, что именно таким было число военнослужащих, осужденных военными трибуналами с отсрочкой исполнения приговоров до окончания войны. Но далеко не все из числа получивших отсрочку направлялись для прохождения дальнейшей службы в штрафные части, на что обратил внимание А. В. Мороз¹⁸. Кроме того, для определения суммарной численности штрафников, исключая одних, надо приплюсовать других, а именно переведенных в категорию лиц переменного состава властью командующих и командиров.

Из сказанного следует, что в штабах статистика, позволяющая определить общую численность штрафников и долю в ней осужденных, с одной стороны, и направленных во внесудебном порядке, с другой, должным образом не собиралась и не обобщалась. Соотношение этих двух категорий можно выявить лишь прикидочно.

Например, в сентябре 1943 г. в составе очередной группы отчисленных из 76-го ОШБ Южного фронта 72 военнослужащих были ранее осуждены, а 18 пребывали здесь в соответствии с приказами своих командиров¹⁹. В 9-м ОШБ Воронежского фронта из 83 человек, представленных к отчислению из батальона 7 января 1943 г., 68 находились в батальоне по приговору военного трибунала, соответственно остальные 15 человек были направлены сюда во внесудебном порядке. Из 115 человек, представленных к отчислению 15 июля 1943 г., соотношение было 85 и 30²⁰.

Очевидно, что подсчеты методом прикидки могут дать лишь грубую оценку результата, лишь самое общее представление о соотношении обеих категорий переменников. Лишний раз это подтверждает, например, приказ, изданный командующим войсками Южного фронта генерал-полковником Р. Я. Малиновским 4 марта 1943 г. Из него следует, что штрафные части здесь комплектовались только из лиц, осужденных военными трибуналами с отсрочкой исполнения приговора до окончания войны, а командиры не пользовались правом направлять в штрафные части своих подчиненных, совершивших преступления и правонарушения. В числе переменников, поступивших в 58-ю

¹⁸ Мороз А. В. Штрафной контингент Великой Отечественной // Власть, 2013, № 11. С. 166.

¹⁹ Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО РФ). Ф. 9418. Оп. 27338. Д. 8. Л. 101 об.

²⁰ ЦАМО РФ. Ф. 9420. Оп. 111613. Д. 5. Л. 1–9 об., 254 об. – 264 об.

и 59-ю ОШР 28-й армии в январе и первой половине февраля 1943 г., таковых не было выявлено ни одного.

Командующий фронтом, предписывая устранить выявленные недостатки, потребовал от командиров частей и соединений пользоваться всей полнотой власти, предоставленной им приказами наркома обороны, и военнослужащих, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости (побег с поля боя, членовредительство, дезертирство и др.), направлять в штрафные части своей властью. Командиры частей должны были исходить из того, что «судебная репрессия может иметь место лишь в исключительных случаях и только в отношении особо злостных и неисправимых нарушителей воинской дисциплины»²¹.

Обращает на себя внимание, что, если Уголовный кодекс определял конкретные составы преступлений, совершение которых приводило тех или иных военнослужащих на скамью подсудимых, то командиры, обладавшие правом направлять подчиненных в штрафную часть, принимали свое решение произвольно, исходя из собственного понимания их вины. В результате в число штрафников-переменников нередко попадали лица, совершившие проступки, за которые следовало подвергнуть лишь дисциплинарному наказанию. Имелось немало случаев прямого злоупотребления властью со стороны командиров.

Налицо была явная необходимость в конкретном перечне (по аналогии с УК) противоправных действий, за которые военнослужащих следовало во внесудебном порядке направлять в штрафную часть приказом командира.

21 августа 1943 г. И. В. Сталиным как наркомом обороны СССР был издан приказ № 0413, который наделял командиров полков (отдельных частей) действующей армии и командиров дивизий (отдельных бригад) и им равных в военных округах и невоюющих (в приказе — недействующих) фронтах правом своей властью, без предания суду военного трибунала направлять в штрафные части действующей армии лиц сержантского и рядового состава по следующим основаниям: самовольные отлучки, дезертирство, неисполнение приказа, промотание и кража военного имущества, на-

²¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 4. Кн. 1. Секреты операции «Цитадель». 1 января – 30 июня 1943 года. М., 2008. С. 233–234.

рушение уставных правил караульной службы и «иные воинские преступления»²².

В отношении же лиц офицерского состава ни органы центрального военного управления, ни органы военной юстиции не проявили должной инициативы до самого окончания войны. Старшие начальники произвольно решали, кого и за что направить своей властью в штрафную часть.

Вот выборка из списка личного состава 1-й стрелковой роты 9-го ОШБ 1-го Украинского фронта за май 1944 г., графа «Основания направления в штрафной батальон»: за злоупотребления, за выстрел в красноармейца, за пьянство, за незаконное изъятие скота, за незаконное предоставление отпуска подчиненному, за халатность, за невыполнение приказа, за морально-бытовое разложение, за оставление материальной части, пребывание в окружении и т. п.²³.

Приказы руководителей Наркомата обороны СССР также показывают, что решения о направлении в штрафную часть наркомом и его заместителями принимались, исходя из собственного понимания каждым из них тяжести содеянного тем или иным военнослужащим.

Так, заместитель наркома обороны по химической обороне и гвардейским минометным частям генерал-майор артиллерии В. В. Аборенков приказом № 0682 от 10 сентября 1942 г. направил в штрафные батальоны ряд военнослужащих командно-начальствующего состава 58-го гвардейского минометного полка Сталинградского фронта, виновных в небрежном отношении к вверенной боевой технике и выведших из строя до 80% боевых и транспортных автомашин²⁴.

Приказом наркома обороны СССР № 0931 от 4 декабря 1942 г., подписанным заместителем наркома обороны, начальником Главного политического управления Красной армии генерал-полковником А. С. Щербаковым, были наказаны должностные лица военно-политического училища им. М. В. Фрунзе, виновные в «бездушно бюрократическом» отношении к удовлетворению материально-бытовых нужд политработников, находившихся в резерве ГлавПУ при училище. Начальник училища и начальник политотдела были сняты с должности,

²² Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР 1943–1945 гг. Т. 13 (2–3). М., 1997. С. 198.

²³ ЦАМО РФ. Ф. 9420. Оп. 115516. Д. 3. Л. 295.

²⁴ Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13 (2–2). М., 1997. С. 300.

а помощник начальника училища по материально-техническому обеспечению майор Копотиенко и начальник обозно-вещевого снабжения старший лейтенант интендантской службы Говтвяница не только утратили должность, но и были направлены в штрафной батальон²⁵.

Большой резонанс получил приказ № 0374 от 31 мая 1943 г., подписанный И. В. Сталиным по результатам проверки организации питания красноармейцев на Калининском фронте, которую провела комиссия Государственного Комитета Обороны. Она выявила «крупнейшие недостатки» — отсутствие в рационе горячей пищи, сокращенный сухой паек, произвольную замену одних продуктов другими, хищения и т. п. Подобные факты были вскрыты также на Воронежском и некоторых других фронтах.

С должности командующего Калининским фронтом был снят генерал-полковник М. А. Пуркаев, а член военного совета и начальник тыла фронта генерал-майор П. Е. Смокачев предан суду военного трибунала. В штрафные батальоны и роты было предписано направить «лиц начальствующего состава, виновных в перебоях в питании бойцов или недодаче продуктов бойцам»²⁶.

Еще одним приказе И. В. Сталина № 0089 от 31 мая 1943 г. нашли отражения результаты проверки работы особого отдела 7-й отдельной армии, в ходе которой были вскрыты факты «извращений и преступных ошибок в следственной работе». За указанные преступления заместитель начальника ОО армии, начальник следственной части подполковник Керзон и старший следователь Ильяхинен были уволены из органов контрразведки и осуждены к 5 годам заключения в ИТЛ. Следователи Седогин, Изотов и Соловьев, уволенные из контрразведывательных органов, были направлены в штрафной батальон при начальнике Тыла Красной армии²⁷.

Приказом наркома обороны СССР № 0112 от 29 апреля 1944 г., подписанным первым заместителем наркома обороны Маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым, «за невыполнение приказа военного совета армии, за оставление противнику выгодных позиций и неприятие мер к восстановлению положения, за проявленную трусость, ложные доклады и отказ от выполнения поставленной боевой задачи»

²⁵ Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13 (2–2). М., 1997. С. 373.

²⁶ Там же. С. 168.

²⁷ Там же. С. 170.

был направлен в штрафной батальон сроком на два месяца командир 342-го гвардейского стрелкового полка 121-й гвардейской стрелковой Гомельской Краснознаменной дивизии 13-й армии гвардии подполковник Ф. А. Ячменев²⁸.

При издании таких приказов явно преследовалась цель не только наказать конкретных виновников. Руководители Наркомата обороны рассматривали их как важное средство воспитания военнослужащих всех рангов, внедрения в их сознание убежденности в неотвратимости наказания за действия, подпадавшие под требования приказа наркома обороны СССР № 227 и последующих приказов, независимо от того, кто их совершил — рядовой или старший офицер.

Даже при отсутствии точной статистики о численности направленных в штрафные части, с одной стороны, по приговорам военных трибуналов, с другой — приказами командиров, можно с уверенностью утверждать: в качестве переменников свой воинский долг по защите Отечества исполняли представители обеих категорий, и лучшими качествами воина отличались как те, так и другие.

Сошлемся на несколько конкретных фактов, содержащихся в выявленных автором документах из хранящегося в ЦАМО РФ фонда 9-го ОШБ Воронежского фронта. Выше упоминалось ходатайство от 15 июля 1943 г. командира ОШБ майора А. Ф. Кудрявцева перед военным советом фронта об отчислении из батальона за героические действия группы штрафников, действовавшей на передовой в полосе действий 71-й гвардейской стрелковой дивизии 6-й гвардейской армии. В документе приводятся скупые, но выразительные подробности героических действий личного состава: «Находясь на передовой линии фронта с 28.06.43 по 9.07.43 в составе 210-го и 213-го гвардейского стрелковых полков 71-й гвардейской стрелковой дивизии группа штрафников в количестве 336 человек приняла на себя удар наступающего противника. В течение 5 суток боев получала наиболее опасные и ответственные участки. Так, в районе урочища Королевский бойцы отбили несколько атак противника и, перейдя в контратаку, уничтожили 8 немецких офицеров, до 1000 солдат, подбили 5 танков, уничтожили 20 пулеметов, взяли пленных и документы. В районе дер. Герцевка, находясь в обороне, стойко отразили натиск противника в течение 5 часов, уничтожив при этом до 400 немцев. При этом группа понесла

²⁸ Там же. С. 277.

потери 170 человек ранеными и 50 человек убитыми. За упорство в боях и проявленную отвагу группа имела несколько благодарностей от командира 71-й гв. сд. Дрались храбро, не щадя своей жизни, вполне искупили свою вину перед Родиной...».

Далее следует список из 115 человек, свидетельствующий, что в описанных выше боях героически проявили себя как ранее осужденные, так и направленные в штрафной батальон во внесудебном порядке. Например:

«Мошкин Александр Михайлович — штрафной рядовой, зачислен в штрафной батальон с должности командира 493 истребительно-[противотанкового] полка Резерва Главного Командования, Военное звание — подполковник. Судим военным трибуналом 6-й гв. А...

Литвин Яков Абросимович — штрафной рядовой, зачислен в штрафной батальон с должности командира роты отдельного саперного батальона 232 сд. В батальон направлен по приказу командира дивизии. Военное звание — старший лейтенант.

Копытов Василий Петрович — штрафной рядовой, зачислен в штрафной батальон с должности командира 114 заградотряда 46 А. Военное звание — капитан. Судим военным трибуналом 46-й А»²⁹.

Документы на отчисление из штрафного батальона отличившихся в боях переменников майор А. Ф. Кудрявцев направлял еженедельно. 19 июля 1943 г. он ходатайствовал о 23 ранее осужденных военнотружениках и двух, направленных в ОШБ по приказу старшего начальника, 25 июля — соответственно о 42 и 9, 30 июля — о 119 и 5³⁰.

В составе этого батальона штрафным рядовым воевал и упомянутый выше гвардии подполковник Ф. А. Ячменев, бывший командир 342-го гвардейского стрелкового полка 121-й гвардейской стрелковой Гомельской Краснознаменной дивизии 13-й армии. Он героически погиб в бою буквально перед окончанием двухмесячного срока, определенного ему в приказе, 26 июня 1944 г. в районе с. Млудятин Коломыйского района Станиславской, ныне Ивано-Франковской области³¹.

В практике боевого использования штрафных частей принципиальное значение имел вопрос, с какого момента начинать отсчет пребывания в ней переменника. Это было необходимо для соблюдения определенного каждому из них срока службы в штрафной части, ко-

²⁹ ЦАМО РФ. Ф. 9420. Оп. 111613. Д. 5. Л. 254–254 об.

³⁰ Там же. Оп. 115516. Д. 4. Л. 13 об., 56 об., 89 об.

³¹ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 395. Л. 55.

торый устанавливался либо военным трибуналом, либо командиром (начальником), направившим подчиненного в штрафную часть. В случае же, если этот срок по какой-то причине не был отражен в приговоре, его устанавливал своим приказом командир войсковой части, в которой ранее служил осужденный, в крайнем случае эту функцию брал на себя командир штрафной части.

Предельно ясным было указание, содержавшееся в приказе наркома обороны СССР № 323 от 16 октября 1942 г.: «Срок пребывания в штрафных частях исчисляется с момента фактического прибытия осужденного в штрафную часть»³². Этим приказом следовало руководствоваться по аналогии и в том случае, когда штрафник не являлся осужденным, а был направлен в ОШБ или ОШР властью уполномоченного на то командира.

Во многих штрафных частях эти сроки выдерживались. Однако так было не повсеместно. Судя по донесению штаба Воронежского фронта в Генеральный штаб от 11 января 1943 г., 34 штрафника «отбыли срок» не менее четырех месяцев³³. Таких сроков пребывания в штрафных частях не предусматривал ни один руководящий документ.

Военнослужащий А. И. Мельников прибыл в 8-й ОШБ 1-го Белорусского фронта 14 декабря 1943 г., а был отчислен «по отбытию наказания» лишь 7 апреля 1944 г., то есть находился в штате ОШБ почти четыре месяца. У переменника К. Г. Виноградова этот срок растянулся на еще больший срок — с 4 августа по 15 декабря 1944 г.³⁴

Грубое нарушение требований приказа НКО было допущено в отношении бывшего лейтенанта В. Н. Емельянова. По донесению врид начальника штаба 8-го ОШБ в отдел кадров 1-го Белорусского фронта, Емельянов прибыл в штрафной батальон 15 марта 1945 г. и уже через два дня был в бою был ранен. 28 марта военнослужащий возвратился из госпиталя и в момент донесения врид начальника штаба, то есть 22 апреля, продолжал находиться в батальоне³⁵. Между тем сам факт ранения, в соответствии с руководящими документами, должен был служить основанием для отчисления военнослужащего из штрафной части.

³² Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13 (2–2). М., 1997. С. 333.

³³ Там же. Прелюдия Курской битвы. Т. 15 (4–3). М., 1997. С. 49.

³⁴ ЦАМО РФ. Ф. 9419. Оп. 80744. Д. 4. Л. 287.

³⁵ Там же. Л. 354.

Переписка командования штрафных частей с вышестоящими штабами показывает, что в ряде случаев упомянутый приказ НКО не только не дошел до непосредственных исполнителей, но и отсутствовал в отделах кадров фронтов, и командование вынуждено было определять такой порядок самостоятельно. Это происходило даже в конце войны, когда штрафные части существовали уже более двух лет, и эти вопросы, казалось, должны были быть давно отрегулированы.

Боец переменного состава 8-го ОШБ А. И. Шарыпов в мае 1944 г. направил военному прокурору 1-го Белорусского фронта письмо, в котором просил разъяснения, как определяется начало и завершение пребывания в штрафной части. Вопрос был вызван тем обстоятельством, что Шарыпов был направлен в батальон на один месяц, но к моменту своего заявления пробыл там уже два месяца. Военная прокуратура фронта вместо того, чтобы дать ответ заявителю по существу, переадресовала письмо Шарыпова начальнику отдела кадров фронта. Последний обязал командира ОШБ разъяснить подчиненному, что срок прохождения службы в переменном составе «исчисляется с момента боевых действий батальона»³⁶. Легко увидеть, что тем самым должностные лица отдела кадров фронта и командования батальоном отошли от прямого указания приказа наркома обороны СССР № 323 от 16 октября 1942 г., а военный прокурор не пресек это нарушение. Ставить знак равенства между формулами «с момента фактического прибытия осужденного в штрафную часть» и «с момента боевых действий батальона», как это делалось в отделе кадров фронта, не было никаких оснований.

Субъективно замысел кадровиков понять можно: они стремились выполнить требования приказа № 227 о необходимости поставить переменников для «искупления вины» в наиболее сложные боевые условия. Фактическое же прибытие осужденного в штрафную часть еще не означало, что тот сразу попадал в бой, поскольку часть в этот момент могла находиться на переформировании, в обороне и т. п.

Не редкостью были и иные отступления от требований руководящих документов, в частности, при определении обоснованности направления военнослужащих в штрафные части. В ряде случаев нарушения пресекались командованием самих этих частей, либо органами военной юстиции.

³⁶ ЦАМО РФ. Ф. 9419. Оп. 80745. Д. 5. Л. 18, 19.

Так, уже в августе 1942 г. командир ОШБ Сталинградского фронта отказался принять в качестве переменников шестерых военнослужащих командного состава, поскольку особый отдел НКВД 62-й армии направил их своей властью, минуя военный трибунал, хотя не имел на это права. Указав, что в личных делах присланных имеются лишь протоколы допросов и нет судебного приговора, командир ОШБ направил указанных военнослужащих в распоряжение ОО НКВД фронта как «неправильно присланных»³⁷.

В практике были нередки случаи, когда в отношении ряда осужденных, пока они находились в пути в штрафную часть или даже уже проходили там службу, приговор суда обжаловался в кассационном или надзорном порядке. При этом ранее принятое судебное постановление отменялось, и производился пересмотр меры наказания.

Капитан административной службы В. Н. Сафонов 6 июня 1943 г. был осужден военным трибуналом 15-й гвардейской стрелковой дивизии Воронежского фронта к 5 годам ИТЛ без поражения в правах с применением прим. 2 к ст. 28 УК РСФСР. Для прохождения дальнейшей службы он был направлен в 9-й ОШБ фронта. Однако военный трибунал фронта 6 июля 1943 г., рассмотрев протест председателя трибунала, приговор в отношении Сафонова отменил, а дело дальнейшим производством прекратил. Копию своего определения он направил отделу кадров фронта для последующей её передачи в ОШБ фронта и объявления текста определения В. Н. Сафонову под расписку³⁸. Последний подлежал немедленному откомандированию из штрафной части.

Иначе сложилась судьба бывшего офицера Н. Г. Кориняка, 5 декабря 1944 г. осужденного военным трибуналом 130-й стрелковой дивизии 1-го Белорусского фронта с отсрочкой исполнения приговора и направленного в 8-й ОШБ «для отбытия меры наказания». Но военный трибунал 28-й армии своим определением потребовал применения к Н. Г. Кориняку реального лишения свободы в ИТЛ на 5 лет. 8 января 1945 г. командир штрафного батальона донес председателю военного трибунала о том, что по его требованию осужденный Кориняк под конвоем направлен в Брестскую тюрьму³⁹.

В повседневной жизни случались коллизии, когда формальное соблюдение законности сочеталось с отступлениями от закона, что прямо

³⁷ Там же. Оп. 80742. Д. 2. Л. 39.

³⁸ ЦАМО РФ. Ф. 9420. Оп. 111613. Д. 5. Л. 252–253.

³⁹ ЦАМО РФ. Ф. 9419. Оп. 80744. Д. 4. Л. 38, 39.

ущемляло права осужденных военнослужащих. Военный трибунал 362-й стрелковой дивизии того же 1-го Белорусского фронта приговорил Л. А. Алферова к лишению свободы в ИТЛ на 10 лет с отсрочкой исполнения приговора. Переменник полностью отбыл в 8-м ОШБ определенный ему срок и уже был отчислен из батальона в распоряжение отдела кадров фронта, когда военный трибунал фронта исключил из приговора в отношении Алферова отсрочку исполнения приговора. Уже в отделе кадров, куда прибыл военнослужащий, казалось бы, полностью отбывший наказание, он был взят под стражу⁴⁰.

Такой ситуации можно было бы избежать, если бы осужденный находился до вступления приговора в законную силу в местах заключения, как предписывал УПК РСФСР. Однако в данном случае органы военного управления руководствовались шедшим вразрез с УПК категорическим указанием наркома обороны СССР (приказ № 323 от 16 октября 1942 г.) «осужденных военными трибуналами... немедленно отправлять в распоряжение военного совета фронта для дальнейшего направления в штрафные части»⁴¹.

Анализ архивных материалов позволяет сделать вывод, что правоприменительная практика в отношении военнослужащих, направленных в штрафные части, в целом строилась с соблюдением требований законов и нормативных актов. В то же время в силу экстремальной обстановки, в которой действовали штрафные части и обслуживающие их органы военной юстиции, сложившимся еще с довоенных времен отношением к человеку с точки зрения законности тех лет, недостаточной профессиональной квалификации должностных лиц, да и банальной бюрократии и волокиты были нередки случаи отступления от установленного порядка — необоснованного привлечения к уголовной ответственности, нарушения сроков пребывания в штрафных частях военнослужащих переменного состава и другие.

Тем не менее, очевидно, что в суровых условиях войны направление совершивших уголовное преступление или грубый дисциплинарный проступок военнослужащих в штрафную часть представляла собой гуманную альтернативу расстрелу или длительному лишению свободы. Иные авторы, берущиеся за освещение этой темы, предпо-

⁴⁰ ЦАМО РФ. Ф. 9419. Оп. 80744. Д. 4. Л. 305–306.

⁴¹ Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13 (2–2). М., 1997. С. 333.

читают такую альтернативу не видеть, однозначно оценивая учреждение штрафных частей как проявление крайней жестокости сталинского режима. А вот подавляющая часть самих штрафников стремились сполна использовать выпавшую возможность быть восстановленным во всех правах и возвратить себе честное имя.

И это при том, что, как уже говорилось ранее, одного лишь пребывания на переднем крае для того, чтобы рассчитывать на юридическую и моральную реабилитацию, штрафнику было недостаточно. Следовало явным образом проявить в бою самопожертвование, героизм, искупая вину, как того требовал приказ № 227, кровью.

Вновь сошлемся на архивные документы. В составе 9-го ОШБ 1-го Украинского фронта летом 1944 г. воевал рядовой В.П. Щенников, направленный сюда после осуждения ВТ Ростовского-на-Дону гарнизона. Его предыдущий боевой путь — старший лейтенант был командиром стрелкового батальона 1052-го стрелкового полка 301-й стрелковой дивизии 5-й ударной армии 4-го Украинского фронта — побуждает к выводу, что на скамью подсудимых его привела, скорее всего, личная недисциплинированность. Не мог быть трусом или дезертиром участник боев с 1941 г., удостоенный государственных наград, трижды раненый.

И попав в штрафбат, он не стремился избегать опасности в надежде уцелеть и как-нибудь переждать те два месяца, на которые был определен в ОШБ. Из боевой характеристики на бойца-переменника Щенникова, подготовленной командиром взвода гвардии лейтенантом Балачаном после боя 8 июля 1944 г.: «При наступлении на сильно укрепленную полосу обороны противника... будучи первым номером ручного пулемета, он подавил огневую точку противника, чем дал возможность продвинуться остальным. Когда вышел из строя его второй номер, он взял диски и продолжал продвигаться в боевых порядках... Во время выхода с поля боя он вынес 2 ручных пулемета, 2 винтовки, 4 автомата и одного раненого командира отделения».

В одном расчете ручного пулемета со Щенниковым воевал штрафной рядовой Н.С. Корбань, старший лейтенант, адъютант старший стрелкового батальона 1340-го стрелкового полка 234-й стрелковой дивизии 4-й ударной армии 1-го Прибалтийского фронта. Он исправно обеспечивал командира расчета боеприпасами, а затем по приказу командира отделения оказал помощь четверым раненым в эвакуации с поля боя, вынес два ручных пулемета и винтовку.

Боевые характеристики обоих штрафников заканчивались одинаково: «Достоин представления к правительственной награде». Одинакова и резолюция командира роты гвардии капитана И. А. Полуэктова: «Достоин досрочной реабилитации»⁴².

Не собирались отсиживаться в окопах и переменники, воевавшие в штрафных ротах. В феврале 1945 г. в ходе Висло-Одерской операции 123-й ОШР 5-й армии удалось захватить невредимым мост через р. Пилица и удержать его до подхода основных сил. По свидетельству командира роты капитана З. М. Бунятова, удостоенного за тот бой звания Героя Советского Союза, личный состав дрался в полном смысле не на жизнь, а на смерть. Из 670 бойцов в живых остались лишь 47 человек.

Во многих случаях военнослужащие переменного состава штрафных формирований, вопреки проникшим в литературу утверждениям, удостоивались за боевые отличия государственных наград.

В истории войны зафиксирован факт присвоения звания Героя Советского Союза штрафнику. В. И. Ермак 19 июля 1943 г. в боях на Синявинских высотах под Ленинградом закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота. В двухтомнике «Герои Советского Союза» он назван стрелком 14-го отдельного стрелкового батальона 67-й армии Ленинградского фронта⁴³. На самом деле, как следует из наградного листа, подписанного 24 июля 1943 г., командиром ОШБ майором А. Н. Лесиком, он был штрафным рядовым 14-го ОШБ Ленинградского фронта⁴⁴.

В документе лаконично приведены подробности последнего боя 19-летнего штрафника: «В проводимой разведке боем 19 июля 1943 года рота, в которой находился тов. Ермак, попала под сильный пулеметный огонь кинжального действия, неся при этом потери. Видя тяжелое положение роты, т. Ермак бросился вперед, гранатами проделал себе проход к ДЗОТу, бросил противотанковую гранату в дверь ДЗОТа, но последний продолжал вести интенсивный огонь по боевым порядкам роты.

Быстро оценив обстановку и учитывая важность поставленной задачи, т. Ермак решил во имя нашей любимой Родины пойти на само-

⁴² ЦАМО РФ. Ф. 9420. Оп. 115516. Д. 4. Л. 33–34 об.

⁴³ Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. В 2 тт. М., 1987. Т. 1. С. 483.

⁴⁴ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 793756. Д. 15. Л. 224–224об.

пожертвование и закрыл амбразуру ДЗОТа своим телом. Рота поставленную задачу выполнила, уничтожила до роты немцев...».

Ходатайство о посмертном присвоении Владимиру Ермаку звания Героя Советского Союза поддержал начальник штаба фронта генерал-лейтенант М. М. Попов. С изданием 21 февраля 1944 г. указа Президиума Верховного Совета СССР ходатайство было реализовано.

В архивных фондах дивизий можно почерпнуть немало документов, свидетельствующих о том, что командование частями и соединениями, которым придавались ОШР, стремилось по достоинству оценить вклад штрафников в общий успех. Так, в штрафных частях 64-й армии в период боев под Сталинградом из 1023 человек, отчисленных в связи с проявленным в бою мужеством, были награждены: орденом Ленина — один, Отечественной войны 2 ст. — один, Красной Звезды — 17, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги» — 134.

Среди тех бывших штрафных рядовых, с которыми в 1990-е годы переписывался автор, тоже были награжденные. В период пребывания в штрафной роте И. И. Коржик удостоился ордена Красной Звезды, Н. И. Сапрыгин — ордена Славы 3 ст., Г. М. Дубинин — медали «За отвагу».

Награждали переменников и на исходе войны. Так, рядовой 163-й ОШР 57-й армии 3-го Украинского фронта М. И. Гавриленко был в расположение роты 25 марта 1945 г., а уже менее чем через месяц был награжден медалью «За отвагу» (был представлен к ордену Красной Звезды). Были отмечены его смелые, инициативные действия в бою: боец прорвался в тыл противника и гранатой подбил вражескую автомашину, уничтожив при этом четырех немецких солдат⁴⁵. К моменту награждения М. И. Гавриленко по ранению был уже отчислен из ОШР, так что к моменту окончания войны успел полностью восстановиться во всех правах.

В награждении штрафников, по наблюдениям участников войны, были все же свои нюансы. В целом переменников представляли к орденам и медалям более скромно, чем в линейных частях. Многие командиры считали, что возможность вернуть честное имя была для штрафников сама по себе большой наградой.

Так, в марте 1943 г. командир 12-го ОШБ Брянского фронта подполковник А. Ю. Булгаков представил 14 штрафников, отличившихся

⁴⁵ ЦАМО РФ. Ф. 79289. Оп. 1166420. Д. 5. Л. 11.

при взятии контрольного пленного, к наградам. Отдел кадров фронта принял для доклада командующему представления только на пятерых погибших и раненых, на остальных переменников наградной материал был возвращен⁴⁶.

Подчас решение не награждать отличившихся подчиненных принимало само командование штрафной части. В то же время автор, изучая представления к наградам, во многих случаях выявлял факты, когда старший начальник удостоивал штрафника более высокой награды, чем та, к которой тот был представлен его непосредственным командиром.

* * *

В соответствии с Положениями о штрафных батальонах и штрафных ротах действующей армии, лица переменного состава могли быть исключены из списка личного состава штрафной части в следующих случаях: гибели, досрочного отчисления за боевое отличие или вследствие полученного в бою ранения, отчисления по окончании срока пребывания.

Отложившиеся в фондах штрафных частей документы дают примерное представление о соотношении указанных выше категорий отчисленных. Так, из 4834 переменников, проходивших службу в 8-м ОШБ с 1 августа 1942 г. по 25 мая 1945 г., 1711 отчислены по истечении установленного срока и досрочно за отличия, 2035 — как получившие ранение в бою, 875 человек погибли, 86 убыли по другим причинам (пересмотрен приговор и т. п.)⁴⁷.

В 128-й ОШР, просуществовавшей с августа 1942 г. по октябрь 1945 г. (хоть и под другими номерами), воевали всего 3348 переменников. Из них 117 были освобождены по истечении установленного приказом срока, 457 — досрочно, по ранению — 1939, погибли — 796⁴⁸.

Право на отчисление штрафников, независимо от причины, имел только военный совет фронта (для ОШБ) и армии (для ОШР). Процедура отчисления предусматривала обязательное ходатайство командира штрафной части перед военным советом. К рассмотрению ходатайства при подготовке проекта соответствующего приказа войскам фронта, армии с целью исключить ошибки и случаи необоснованного

⁴⁶ ЦАМО РФ. Ф. 9422. Оп. 92371. Д. 1. Л. 2.

⁴⁷ ЦАМО РФ. Ф. 9419. Оп. 80744. Д. 4. Л. 573.

⁴⁸ Мороз А.В. Штрафная рота // Вся правда о штрафбатах. М., 2010. С. 159.

досрочного отчисления переменников привлекались военная прокуратура и военный трибунал.

Ходатайства о досрочном отчислении нередко отклонялись командованием по причине их поверхностного оформления, шаблонной боевой характеристики на штрафника. Но в первую очередь отказ следовал на основании вывода командования фронта или армии о недостаточном героизме при поведении штрафника в бою, либо о недопустимости сокращения срока пребывания в штрафной части в связи с тяжестью ранее совершенных преступлений (пребывание в плену, на оккупированной территории, нахождение на службе у оккупантов и др.).

Так, начальник штаба 1-й гвардейской армии генерал-лейтенант А. Г. Батюня приказал командирам ОШР армии: «При предоставлении ходатайств об освобождении штрафников из штрафных рот учитывать характер преступлений и проступков. На лиц, находившихся на службе в немецких войсках, как правило, ходатайств о досрочном освобождении не представлять...»⁴⁹.

Никакого автоматизма в вопросе досрочного отчисления не допускалось даже в конце войны. Это подтверждает распоряжение командующего войсками 1-го Белорусского фронта Маршала Советского Союза Г. К. Жукова и члена военного совета фронта генерал-лейтенанта К. Ф. Телегина от 6 марта 1945 г., в котором командиру 8-го ОШБ сообщалось об отказе в досрочном отчислении 16 переменников из-за тяжести ранее совершенных ими преступлений. Решение военного совета фронта: «...Оставить в батальоне до полного истечения срока пребывания в батальоне, как ранее определено»⁵⁰.

Все отчисленные из штрафной части (независимо, досрочно или в установленный срок) приказом войскам фронта, армии восстанавливались в прежнем воинском звании при условии, что они не были лишены этого звания военным трибуналом, и во всех правах. Им возвращались государственные награды, изъятые перед направлением в штрафную часть.

Законодатель предусмотрел возможность для осужденных военно-служащих, в том числе тех, которые были направлены в штрафные части по приговору военного трибунала с отсрочкой исполнения до окончания военных действий, еще в ходе войны получить освобождение

⁴⁹ ЦАМО РФ. Ф. 80466. Оп. 98055. Д. 22. Л. 64, 168.

⁵⁰ ЦАМО РФ. Ф. 9419. Оп. 80746. Д. 1. Л. 77.

от наказания и снятие судимости. Право на снятие судимости с военнослужащих, отличившихся в боях с немецкими захватчиками, которые указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 декабря 1941 г. было предоставлено военным советам фронтов, флотов и отдельных армий⁵¹, базировалось на положении статьи 28 УК РСФСР, и широко применялось в отношении отличившихся в боях штрафников.

Возможность, не дожидаясь окончания войны, получить освобождение от наказания и снятие судимости представляла собой огромный стимул для штрафников к проявлению героизма при защите Отечества. Ведь даже те из них, кто пострадал невинно и имел свой счет к государству, «обиды на Россию не имели. Она для них превыше всех обид»⁵².

В стремлении получить освобождение от наказания и снятие судимости штрафников активно поддерживали командование и военные трибуналы, выявляя отличившихся в бою и иницируя возбуждение командирами штрафных частей соответствующего ходатайства.

Чтобы усилить стимулирующее воздействие этой меры на широкие массы осужденных военнослужащих, был упрощен ранее утвердившийся порядок, при котором военные советы фронтов, флотов и отдельных армий снимали судимость только после того, как военный трибунал освобождал осужденного от наказания.

Указом от 26 февраля 1943 г. Президиум Верховного Совета СССР расширил круг органов, имевших право на снятие судимости по ходатайству военного командования с отличившихся военнослужащих, за счет военных трибуналов и иных судов⁵³. Был установлен единый судебный порядок, в соответствии с которым суды, освобождая военнослужащего, проявившего стойкость при защите Родины, от наказания, одновременно признавали его не имеющим судимости. «Такой порядок снятия судимости, — как обоснованно считал еще в 1945 г. известный военный юрист Н. В. Васильев, — полностью соответствует потребностям военного времени»⁵⁴.

⁵¹ Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13 (2–2). М., 1997. С. 129.

⁵² *Евтушенко Е.А.* Баллада о штрафном батальоне.

⁵³ Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР 1943–1945 гг. Т. 13 (2–3). М., 1997. С. 84.

⁵⁴ *Васильев Н.В.* Применение к осужденным военнослужащим отсрочки исполнения приговора. М., 1945. С. 19.

Право выносить определение об освобождении от наказания и снятие судимости, помимо того суда, который вынес приговор об осуждении, получили военные трибуналы по месту нахождения воинской части, в списочный состав которой входил осужденный, а если у последнего военная служба была завершена (например, в случае ранения и признания негодным к дальнейшей службе), то суд по месту жительства осужденного.

Актом справедливости по отношению к штрафникам стал указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 июля 1945 г. об объявлении амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией, в соответствии с которым все военнослужащие, направленные в штрафные части как осужденные, были освобождены от наказания и признаны не имеющими судимости⁵⁵.

В этом акте амнистии было зафиксировано признание государством и обществом того факта, что осужденные штрафники личным участием в боях искупили свою вину перед Родиной.

* * *

Опыт существования штрафных частей в РККА в период Великой Отечественной войны подкашивает необходимость совершенствования военно-уголовного законодательства Российской Федерации в части касающейся разработки и внесения в УК РФ уголовно-правовых норм об ответственности военнослужащих за преступления против военной службы, совершенные в военное время или в боевой обстановке.

В военно-уголовное законодательство, на взгляд автора, также целесообразно внести нормы, гарантирующие от подмены понятий разных видов юридической ответственности, а также смешения признаков уголовной и дисциплинарной ответственности военнослужащих, что наблюдалось в годы Великой Отечественной войны.

Совершенствование законодательства необходимо дополнить мерами организационного характера, предусмотрев создание в военное время особых воинских частей по типу штрафных периода Великой Отечественной войны, в которых осужденные военнослужащие, при определенных ограничениях их гражданских прав, могли бы с оружием в руках реализовать свое конституционное право на защиту Отечества.

⁵⁵ Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР 1943–1945 гг. Т. 13 (2–3). М., 1997. С. 390–391.

При этом важно исключить направление в эти части во внесудебном порядке и осуществлять его лишь по приговору военного трибунала. Для демократического государства, коим Конституция провозглашает Российскую Федерацию, недопустимы антиконституционные меры, вроде наделения правом на отправление правосудия неопределенного круга лиц командного состава, как это было в Красной армии в годы войны.

* * *

Споры о реальной роли, которую сыграли штрафные части в войне, идут и по сегодняшний день. Разумеется, нет в распоряжении военных историков каких-то универсальных весов, на чаши которых стоит положить вклад в победу отдельного человека или огромного коллектива — и будет все ясно. Если исходить из объективных критериев — количества штрафных частей и численности их личного состава, вооружения, боевых возможностей, то любой непредвзято настроенный человек признает: утверждения, что без штрафников и война не была бы выиграна — не просто преувеличение, они явно идут против правды.

В то же время не следует и преуменьшать значение боевой деятельности штрафных частей: в их рядах защищали Родину по самым скромным прикидкам около 1 миллиона человек, и большинство из них воевали — дай Бог каждому. 75-я годовщина Великой Победы — хороший повод, чтобы вспомнить о заслугах этой категории фронтовиков со сложной судьбой и отметить их вклад в уничтожение нацистской машины смерти.

Потери советских генералов и адмиралов в период Второй мировой войны (сентябрь 1939 — сентябрь 1945 г.)

Войны без потерь не бывает. К сожалению, мы до сих пор не знаем точной цифры потерь советских солдат и офицеров в Великой Отечественной войне. Даже цифра потерь высшего офицерского состава не является окончательной. Генеральские и адмиральские звания в СССР были введены 7 мая 1940 г., а 4 июня 1056 человек стали генералами и адмиралами. С 4 июня 1940 до 21 июня 1941 г. ушли из жизни 7 генералов: генерал-полковник артиллерии Владимир Давидович Грендаль (умер 16 ноября 1940 г.), генерал-лейтенант артиллерии Сергей Александрович Лебедев (умер 2 ноября 1940 г.), генерал-лейтенант Николай Кононович Щолоков (умер 10 апреля 1941 г.), генерал-майор артиллерии Антон Иосифович Козеровский (умер 21 сентября 1940 г.), генерал-майор Николай Иванович Егорычев (умер 27 ноября 1940 г.), генерал-майор танковых войск Георгий Иванович Иванов (умер 6 октября 1940 г.), генерал-майор авиации Борис Яковлевич Машенджинов (умер 22 мая 1941 г.). Все эти смерти относятся к небоевым потерям.

В 1960–1990-е гг. в публикациях назывались разные цифры генеральских потерь. В 1991–1994 гг. в «Военно-историческом журнале» был опубликован уточненный список, содержащий 416 фамилий генералов и адмиралов². Военный историк А.А. Шабаев писал

¹ Печенкин Александр Алексеевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политических наук Вятского государственного университета (г. Киров).

² Военно-исторический журнал. 1991. № 9–12; 1992. № 6–12; 1993. № 1–12; 1994. № 1–6.

о 438 генералах и адмиралах, погибших в период войны³, и, наконец, И. И. Кузнецов назвал цифру — 442 человека⁴.

Изучение военно-исторической литературы, документов Российского государственного военного архива (РГВА) и Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО) позволило автору включить в список в дополнение к 416 еще 47 фамилий генералов и адмиралов, погибших в 1941–1945 гг. С учетом выявленных фамилий составлен более полный список генералов и адмиралов (463 человека) с указанием фамилии, имени, отчества, звания, последней должности, даты и обстоятельств смерти⁵. Следует отметить, что в военно-исторической и мемуарной литературе называются и другие фамилии погибших генералов. Поскольку писатели и мемуаристы иногда дают ошибочные сведения о времени и обстоятельствах смерти того или иного генерала, каждую фамилию приходилось проверять по документам РГВА и ЦАМО, устраняя явные ошибки и внося необходимые уточнения.

Установив общую цифру потерь, необходимо рассмотреть их по периодам войны и обстоятельствам смерти. Согласно приказу заместителя наркома обороны № 023 от 04.02.1944 «К безвозвратным потерям отнесены погибшие в боях, пропавшие на фронте без вести, умершие от ран на поле боя и в лечебных учреждениях, умершие от болезней, полученных на фронте, или умершие на фронте от других причин, попавшие в плен. По своему характеру потери распределены на боевые и небоевые. Боевые — это убитые на поле боя, умершие от ран на этапах санитарной эвакуации и в госпиталях, пропавшие без вести в условиях боя и попавшие в плен. К небоевым отнесены потери, не связанные с непосредственным выполнением боевого задания, в том числе в войсках, ведущих боевые действия (погибшие при неосторожном обращении с оружием, в авариях, катастрофах и в результате других происшествий, умершие от болезни в лечебных учреждениях (на дому), покончившие жизнь самоубийством, расстрелянные по пригово-

³ *Шабаетв А. А.* Потери офицерского состава Красной Армии в Великой Отечественной войне // Военно-исторический архив. 1998. № 3. С. 180.

⁴ *Кузнецов И. И.* Судьбы генеральские. Высшие командные кадры Красной Армии в 1940–1953 гг. Иркутск, 2000. С. 182.

⁵ *Печенкин А. А.* Высший командный состав Красной Армии в годы Второй мировой войны. М., 2002. С. 247–275.

ру военных трибуналов за различные воинские и уголовные преступления)»⁶.

В 1993 и 2001 гг. коллектив под руководством генерал-полковника Г. Ф. Кривошеева опубликовал двумя изданиями статистическое исследование о потерях советских вооруженных сил в XX в.⁷ Если в первом издании называлась цифра 421 генерал, то во втором она была уменьшена до 416 человек. Хотя должно было быть наоборот, так как за время, прошедшее между двумя изданиями, были выявлены дополнительные сведения о погибших на войне генералах⁸, и общая цифра потерь должна была возрасти. Однако авторы статистического исследования, назвав цифру 416 человек, заявили, что «в это число не вошли не принимавшие участия в войне генерал-полковники А. Д. Локтионов, Г. М. Штерн, генерал-лейтенанты П. А. Алексеев, Ф. К. Арженухин, И. И. Проскуров, Е. С. Птухин, П. И. Пумпур, К. П. Пядышев, П. В. Рычагов, Я. В. Смушкевич, генерал-майоры П. С. Володин, М. М. Каюков, А. А. Левин, репрессированные перед войной и расстрелянные в годы войны»⁹.

В этом утверждении содержатся явные ошибки. Во-первых, генералы Володин, Проскуров, Птухин и Пядышев были арестованы не перед войной, а в начале войны, т. е. приняли в ней участие. Генерал-майор авиации П. С. Володин в конце июня 1941 г. был начальником штаба ВВС РККА, генерал-лейтенант К. П. Пядышев воевал в должности заместителя командующего Северным фронтом и командовал Лужской оперативной группой, а Герои Советского Союза генерал-лейтенанты авиации И. И. Проскуров и Е. С. Птухин в войне участвовали в должностях командующих ВВС 7-й армии и ВВС Юго-Западного фронта. Во-вторых, на мой взгляд, нет никаких оснований исключать из числа небоевых потерь умерших или погибших в годы войны генералов

⁶ Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил: Статистическое исследование. М., 2001. С. 8.

⁷ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование / В. М. Андроников, П. Д. Буриков, В. В. Гуркин и др.; под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М., 1993. С. 321; Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил: Статистическое исследование. М., 2001. С. 430.

⁸ Людские потери СССР в период Второй мировой войны. С. 100–104; Отдали жизнь за Родину // Военно-исторический журнал. 2000. № 5. С. 24–28; *Кузнецов И. И.* Указ. соч. С. 182; *Шабает А. А.* Указ. соч. С. 180.

⁹ Россия и СССР в войнах XX века. С. 432.

под предлогом их неучастия в боевых действиях. Ведь среди 416 перечисленных в официальном списке есть несколько десятков генералов и адмиралов, не находившихся в действующей армии ни одного дня и умерших от болезней и несчастных случаев в глубоком тылу. Поэтому в полном соответствии с упомянутым приказом № 023 считаю необходимым включить в список безвозвратных потерь всех генералов и адмиралов, чья жизнь оборвалась в период с 22 июня 1941 по 9 мая 1945 г. Разумеется, одни из них войдут в разряд боевых потерь, а другие — небоевых.

Уже на второй день войны, 23 июня 1941 г., советский генералитет понес первые потери. При налете немецкой авиации на командный пункт осколком авиабомбы был убит помощник командующего Западным фронтом генерал-майор И. П. Михайлин. До конца июня 1941 г. в боях погибли командиры дивизий генерал-майоры В. П. Пуганов и Д. П. Сафонов, командиры корпусов С. М. Кондрусев, М. Г. Хацкилевич, В. Б. Борисов и другие командиры соединений. 8 июля «Мессершмитт» обстрелял автомашину командующего 13-й армией П. М. Филатова. Тяжелораненого генерала эвакуировали в московский госпиталь, где он скончался. Генерал-лейтенант П. М. Филатов стал первым командармом, погибшим в Великой Отечественной войне.

Тяжелая обстановка отступления зачастую вынуждала генералов заниматься не своим делом. Известно много случаев, когда генералы, вместо того, чтобы руководить боем с командного пункта, лично вели своих бойцов в атаку и погибали на поле боя. В условиях окружения многие высокопоставленные военачальники оказывались под огнем противника и гибли как простые солдаты. В качестве примера можно назвать гибель командующего Юго-Западным фронтом генерал-полковника М. П. Кирпоноса и начальника штаба фронта генерал-майора В. И. Тупикова, погибших в урочище Шумейково 20 сентября 1941 г. Десятками гибли командиры дивизий, корпусов, командующие армиями. В первый год войны 4 генерала, оказавшись в окружении и не желая сдаваться в плен, застрелились. В том числе тяжелораненый командующий 33-й армией генерал-лейтенант М. Г. Ефремов, начальник штаба 57-й армии генерал-майор А. Ф. Анисов, командир 173-й стрелковой дивизии генерал-майор С. В. Верзин. Их поступки нельзя считать признаком малодушия или трусости. Напротив, в безвыходной обстановке эти генералы приняли мужественное решение.

За годы войны свыше 70 советских генералов были пленены (подавляющее большинство — в 1941–1942 гг.). Среди военнопленных были известные всей армии генералы: бывший командующий войсками Уральского военного округа генерал-лейтенант Ф. А. Ершаков, начальник кафедры Академии Генштаба генерал-лейтенант инженерных войск Д. М. Карбышев, несколько командиров корпусов и дивизий. Подавляющее большинство пленных генералов вели себя достойно, остались верными присяге. Лишь единицы согласились сотрудничать с врагом. Всего в немецком плену в 1941 г. погибли 23 советских генерала.

Несколько генералов, оказавшись на оккупированной врагом территории, продолжали сражаться в составе партизанских отрядов. 10 декабря 1941 г. погиб начальник Бахчисарайского партизанского района генерал-майор Д. И. Аверкин, ранее командовавший 48-й кавалерийской дивизией. Позднее погиб в бою бежавший из плена генерал-майор С. Я. Огурцов.

Итоги безвозвратных потерь советского генералитета за период Великой Отечественной войны таковы. За 46 с половиной месяцев войны погибло и умерло 463 человека, т. е. в среднем по 10 человек в месяц. Но эти потери по годам войны распределялись неравномерно. Наибольшими они были в 1941 г., когда за 6 месяцев они составили 108 человек, т. е. по 18 человек ежемесячно. В 1942–1944 гг. потери были вдвое меньше (от 8 до 9 человек в месяц). И в последние месяцы войны, январь — май 1945 г. вновь наблюдается большой рост потерь (по 12 человек в месяц). Однако в 1945 г. этот рост в основном достигается за счет большого количества умерших от болезней и погибших в катастрофах.

По военным званиям наибольшие потери понесли генерал-майоры — 377 человек, т. е. более 80%, генерал-лейтенантов погибло 66 человек (около 15%), генерал-полковников 6 (1,3%), контр-адмиралов 7 (1,6%), остальные менее 1%.

Из 463 человек общих потерь боевые потери за весь период войны составили 293 человека.

Постепенно росло боевое мастерство офицеров и генералов, улучшалась обстановка на фронте, что привело к резкому сокращению генеральских потерь. В 1942, 1943 и 1944 гг. ежемесячные боевые потери сократились более чем вдвое (около 5 человек). В эти годы меньше стали погибать в бою, но выросло число подорвавшихся на минах, что

объясняется большей беспечностью при передвижениях по дорогам. В 1944 и 1945 гг. резко возросло число погибших в автомобильных и авиационных катастрофах с одного-двух в 1941–1943 гг. до 9 и 6 человек в 1944 и 1945 гг.

Анализ небоевых потерь показывает, что в 1941 г. из 34 человек трое умерли от болезней и 27 генералов (свыше 80%) были расстреляны. В 1942 г. доля репрессированных генералов в небоевых потерях снизилась до 60%. Это тоже очень много. В 1943–1945 гг. картина изменилась. Основную часть небоевых потерь уже составляли умершие от болезней. Видимо, сказывалось огромное нервное напряжение военных лет, постоянные стрессы, приводившие к обострению старых недугов и преждевременной смерти. Причем это далеко не всегда были пожилые люди. Многим из умерших генералов не исполнилось еще 50 лет.

Важно проанализировать, какие должности занимали погибшие советские генералы и при каких обстоятельствах они погибли. В 1941 г. погибли двое командующих фронтами. Генерал армии Д. Г. Павлов (Западный фронт) был расстрелян по ложному обвинению, генерал-полковник М. П. Кирпонос (Юго-Западный фронт) вместе с офицерами штаба фронта был убит в бою при попытке прорыва из окружения. В 1944 и 1945 гг. погибли генералы армии Н. Ф. Ватутин (1-й Украинский фронт) и И. Д. Черняховский (3-й Белорусский фронт). Таким образом, погибли 4 командующих фронтами.

Из числа командующих военными округами погибли генерал-полковники А. Д. Локтионов, расстрелянный без суда 28 октября 1941 г., и И. Г. Захаркин, попавший в автомобильную катастрофу 15 октября 1944 г.

Из числа командармов погибли в боях генерал-лейтенанты А. М. Горюнов, Ф. Ершаков, А. И. Зыгин, В. Я. Качалов, П. П. Корзун, В. Н. Львов, К. Н. Подлас, П. С. Пшенников, А. К. Смирнов, П. М. Филатов, В. В. Хоменко, генерал-майоры М. П. Петров, К. И. Ракутин а также умерли от болезней и в результате катастроф и репрессий генерал-лейтенанты С. Д. Акимов, И. Ф. Николаев, генерал-майоры К. М. Качанов, А. А. Коробков.

Погибли и умерли 76 командиров корпусов и их заместителей, 126 командиров дивизий, 9 командиров бригад. Потери других категорий были меньше. Так, потери работников главных и центральных управлений НКО и НКВМФ — 25 генералов, а работников НИИ и военно-учебных заведений — 37 генералов.

Боевые потери среди командиров соединений сухопутных войск (командиры бригад, дивизий, корпусов) составляли свыше 80% всех безвозвратных потерь, и лишь один из шести командиров соединений умер от болезни, несчастного случая или других обстоятельств небоевого характера. Примерно таким же было соотношение боевых и небоевых потерь среди командующих армиями, их заместителей и начальников штабов.

Совсем иная картина наблюдалась среди генералов, служивших в центральном аппарате Наркомата обороны, в военно-учебных заведениях, конструкторских бюро, научно-исследовательских институтах и других учреждениях, расположенных в тылу. Основной причиной смерти работников этих структур была болезнь, а также репрессии. В числе погибших генералов Центрального аппарата НКО каждый третий был репрессирован, столько же умерло от болезней. Лишь незначительная часть генералов из Центрального аппарата погибла в бою, при выезде в действующую армию.

Удельный вес небоевых потерь в 1941–1943 гг. колебался в пределах 27–30%, а в 1944–1945 гг. — 36–39%. Если в начале войны было много репрессированных генералов, то в конце войны выросла смертность от болезней, составив в 1943 г. 85%, в 1944 г. — 75%, в 1945 г. — 66,6% небоевых потерь соответствующего года.

В разделе боевых потерь удельный вес погибших в бою и умерших от ран колебался от 77 до 90%. Около 5% общих потерь (или около 8% от боевых) составили потери в плену. Пропали без вести в 1941 г. 11 генералов (около 15% боевых потерь), в 1942 и 1943 гг. по 2 генерала (менее 1%).

Безвозвратные потери генералов по составам, видам и родам войск (службам) распределились в следующем соотношении: командный состав 88,9%, политический — менее 2%, технический — 2,8%, административный — 4,6%, медицинский — около 1%, юридический — 0,65%.

Приводимые данные наглядно подтверждают, что наибольшее количество потерь в войну было в командном составе. Потери генералов других категорий, хотя и имеют незначительный процент по отношению к командному составу, тоже были велики. В предыдущих войнах потери вспомогательных войск были крайне незначительны. Дело в том, что при более совершенной боевой технике, наличии авиации и высокой маневренности войск подвергались нападению и несли значительные потери в людях не только соединения и части, действовавшие на полях сражений, но также армейские и фронтовые тылы.

Анализируя приведенные данные, можно сделать вывод, что из числа погибших и пропавших без вести высших офицеров большая доля приходится на командный состав действующих армии и флота, командующих войсками фронтов и армий, их заместителей и начальников штабов объединений и соединений, командиров корпусов, дивизий, бригад, а больше всего — на командиров дивизий. Верные патриотическому и воинскому долгу, военной присяге, генералы личным примером вдохновляли бойцов на поле боя, в ряде случаев поднимали их в атаку, вместе с бойцами побеждали, вместе с бойцами и погибали.

Ранее считалось, что 52 погибших генерала были отмечены высшей степенью отличия — званием Героя Советского Союза. Теперь эту цифру следует уточнить: Героями Советского Союза являлись 62 генерала, а еще двое: генерал-майор М. М. Шаймуратов и генерал-лейтенант М. Г. Ефремов — были посмертно удостоены звания Герой Российской Федерации.

Под руководством этих генералов советские воины в годы Великой Отечественной войны проявили массовый героизм, изгнали агрессора с родной земли и разгромили сильнейшую армию Западной Европы, принесли свободу народам Европы. Славные полководцы и доблестные генералы Красной армии, отдавшие жизнь за дело освобождения Родины от фашистских поработителей, навсегда останутся в памяти народной!

Небоевые потери генералов имели место и после 9 мая 1945 г. Уже на следующий день после Победы, 10 мая умер от болезни начальник Главного политического управления Красной армии генерал-полковник Александр Сергеевич Щербаков. 15 мая 1945 г. умер от болезни. начальник инженерных войск 70-й армии генерал-майор инженерных войск Владимир Алексеевич Витвинин. 19 мая 1945 г. умер от паралича сердца генерал-майор танковых войск Александр Андреевич Вахрушев. 16 июня 1945 г. погиб в автомобильной катастрофе командующий 5-й ударной армией Герой Советского Союза генерал-полковник Николай Эрастович Берзарин, назначенный в мае 1945 г. комендантом Берлина. 20 июня 1945 г. подорвался на mine заместитель командующего 13-й армией генерал-майор Тимофей Гаврилович Корнеев. 27 июля 1945 г. в результате несчастного случая погиб Герой Советского Союза генерал-майор Антон Иванович Слиц, служивший в инспекции пехоты Красной армии. В сентябре 1945 г. умер командующий артиллерией 8-й гвардейской армии

Герой Советского Союза генерал-лейтенант артиллерии Николай Митрофанович Пожарский.

Общая численность высшего офицерского состава в период Великой Отечественной войны достигла 4,5 тыс. человек. Следовательно, их потери (463 человека) составили около 10%.

*А. С. Ирютин*¹

Бой 12-й Особой бригады морской пехоты Северного флота за высоту «Кровавая» на р. Западная Лица в конце 1941 — начале 1942 г.

События последних лет характеризуются новым витком напряженности в Арктике, обострением соперничества стран, заинтересованных в освоении и использовании полезных ископаемых и биоресурсов Заполярья.

В связи с этим особую научную актуальность и практическую значимость приобретает глубокое изучение и всестороннее обобщение богатого исторического опыта использования частей и подразделений морской пехоты при ведении боевых действий в Заполярье во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Германское командование планировало захват Мурманска и Полярного как чисто сухопутную операцию, операция «Черно-бурая лиса» имела своей целью массированными ударами и стремительным наступлением сухопутных войск овладеть Кольским полуостровом и Кировской железной дорогой, чтобы лишить СССР внешней морской связи с возможными союзниками на Западе. При таком развитии военных действий, по мнению вражеских генералов, Северный флот оказался бы запертым в мелководном Белом море и был бы уничтожен².

Потеря Мурманска и Полярного как основного северного транспортного узла и базы Северного флота привела бы к утрате контр-

¹ *Ирютин Алексей Сергеевич* — заместитель начальника отдела Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, подполковник.

² Штаб Северного Флота (1916–1998). Историко-документальный очерк / В. К. Красавкин, В. Н. Филоненко. СПб., 1999. С. 86.

оля над Заполярьем в целом и потере самого короткого транспортного пути ленд-лиза в самый опасный, начальный период Великой Отечественной войны.

Выполняя операцию «Черно-бурая лиса», германское командование 29 июня 1941 г. развернуло наступление на участке от Титовки до Кандалакши. Одновременно в бомбардировках наших позиций участвовало до 25 вражеских самолетов. Неся значительные потери в живой силе, части 14-й стрелковой армии стали постепенно отходить с оборонительных рубежей в районе Титовки³.

К осени 1941 г. противник получил значительное подкрепление — 388-й пехотный полк, 9-й моторизованный полк СС, отдельный 355-й финский пехотный полк, 4-й отдельный пулеметный батальон, 6500 солдат и офицеров пополнения, а также начавшие прибывать части 6-й горно-стрелковой дивизии. В 3 часа 50 минут 8 сентября 1941 г. немецкие части перешли в наступление. Противник имел превосходство в артиллерии (10 дивизионов полевой артиллерии) и в авиации (280 самолетов) и в первые дни наступления — трехкратное в пехоте. Удары наносились на приморском участке — на Ура-Губу и Полярный, южнее к Кольскому заливу⁴.

Немцы планировали окружить 52-ю и 14-ю стрелковые дивизии 14-й армии, но их атаки на приморском фланге не имели успеха. В этих условиях командующий Карельским фронтом обратился к Военному совету флота за помощью в отражении наступления. Флот выделил 4 батальона моряков из состава 1-го и 2-го стрелковых полков в подвижный резерв 52-й стрелковой дивизии, полки которой приняли на себя главный удар противника.

Уже 12 сентября из Архангельска в Полярный были передислоцированы два батальона 12-й отдельной бригады морской пехоты (обмп), вооруженные только винтовками⁵. Командующий флотом контр-адмирал А. Г. Головкин обратился с просьбой к НК ВМФ принять действенные меры для вооружения остальных батальонов бригады, чтобы иметь возможность ее в полном составе перебросить в Главную базу.

После кровопролитных встречных боев, в которых наряду с войсками 14А активное участие принимали морские пехотинцы Северного флота, наступление гитлеровцев на мурманском направлении

³ Там же. С. 88.

⁴ Там же. С. 106.

⁵ Там же. С. 107.

было остановлено. Противник понес значительные потери — более 4000 офицеров и солдат убитыми и ранеными. Наши войска перешли в контрнаступление и отбросили противника на западный берег реки Западная Лица. Из захваченных документов штаба 138-го горно-стрелкового полка было установлено, что горно-стрелковые части получили приказ об отходе. Гитлеровское командование стало спешно заменять понесшие потери 2-ю и 3-ю горно-стрелковые дивизии свежими частями, переброшенными с острова Крит⁶.

Обе стороны приступили к созданию оборонительных рубежей. В стабилизацию обстановки и срыв вражеского наступления осенью 1941 г. на Мурманск и Полярный решающую роль внесли морские пехотинцы Северного флота и Полярная дивизия. Морские пехотинцы при поддержке кораблей и авиации смогли остановить наступление горных егерей и перевести характер войны в позиционный, что положительно сказалось на ситуации по всей протяженности северного участка советско-германского фронта. Имея в своем распоряжении незамерзающий порт Мурманск, советское правительство смогло организовать перевозку грузов союзников и сообщение по Северному морскому пути с Дальним Востоком.

Передислокация 12-й обмп из Архангельска на Кольский полуостров была завершена 28 сентября. Управление бригады и два батальона (4-й, 5-й) разместили в Полярном, три батальона (1, 2, 3-й) — в Сайда-Губе, один батальон (6-й) — в Ваенге. Бригада была пополнена младшими командирами, прошедшими подготовку в учебных подразделениях флота, благодаря чему численность соединения достигла 5454 человек, морские пехотинцы имели на вооружении 1859 винтовок, 3420 самозарядных винтовок, 14 снайперских винтовок, 11 ручных пулеметов, 19 станковых пулеметов, 10 карабинов и 231 пистолет, 28 минометов разного калибра. К началу октября линия фронта стабилизировалась, несмотря на готовность соединения выступить на фронт, командование флота приняло решение держать бригаду в резерве⁷.

После сентябрьского наступления, в котором противник понес большие потери, вражеское командование отказалось от новой попытки взять Мурманск наступлением с суши. Генерал Э. фон Дитль убе-

⁶ Там же. С. 106.

⁷ Там же. С. 109.

ждал высшее командование, что для захвата Мурманска необходимо значительно больше войск, чем усиленный корпус. В случае создания такой группировки, ее снабжение в условиях Арктики было бы практически невозможным⁸. Уже осенью 1941 г. немцы столкнулись с затруднениями со снабжением. Советские подводные лодки и авиация систематически нарушали перевозки вдоль берегов Северной Норвегии. Кроме того, Э. Дитль опасался ударов с моря и требовал прикрытия приморского фланга. Однако Гитлер настаивал на взятии Мурманска. Новое наступление было запланировано на весну 1942 г.

Морской пехоте СФ удалось остановить продвижение немцев в условиях численного превосходства противника в живой силе и огневых средствах, в первую очередь в артиллерии и минометах.

Горно-стрелковая дивизия вермахта состояла из двух горно-егерских полков, каждый из которых включал в себя по три горно-егерских батальона, и штабной группы. Кроме того, в состав дивизии входил артиллерийский полк, а также связисты, саперы, частично механизированная разведка, механизированные противотанковые и медицинские подразделения, части снабжения и административные службы⁹.

Следует учесть, что немецкие горно-стрелковые соединения уже имели опыт ведения боевых действий в Арктике, полученный в ходе Норвежской кампании.

Советская же морская пехота создавалась уже в ходе войны, не имея ни специальных высадочных средств, ни специального горного снаряжения. Отсутствовал опыт ведения боевых действий на суше, взаимодействия с приданными огневыми средствами и подразделениями. Кроме того, моряки вступали в бой в морской форме одежды, не предназначенной для ведения боевых действий на суше. Они не имели артиллерийских орудий, располагали незначительным количеством минометов.

В конце 1941 г., для стабилизации положения на фронте и перехвата инициативы у немецких войск, советское командование спланировало и осуществило силами 12-й обмп, приданной 52-й стрелковой дивизии, наступательную операцию по овладению высотой 258.3, имеющей важное значение. Захват этой позиции позволял занять господствующее положение и создать предпосылки к началу контрнаступления

⁸ Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. Изд. 3-е, доп. М., 1974. С. 191.

⁹ Германские элитные войска / М. Шарп, Я. Уэстуэлл. М., 2010. С. 12.

на приморской фланге Мурманского участка фронта. Ставка делалась на решительность и внезапность атаки.

Частям 12-й обмп предстояло столкнуться с 141-м горно-егерским полком (геп) и частями 3-й горно-стрелковой дивизии. Несмотря на предусмотренную поддержку огневыми средствами 52-й сд и орудиями кораблей Северного флота, морские пехотинцы уступали немецким войскам в количестве личного состава, артиллерии и минометов.

Боевым приказом Оперативной группы войск Мурманского направления от 13.12.1941 за № 04 12-й обмп ставились следующие задачи:

а. 52-й сд приданным батальоном морской пехоты овладеть высотой 258.3, по овладению высотой 258.3 захватить полностью высоту 314.9. Общее руководство операцией возлагалось на командира 52-й сд.

б. Командиру 1-го полка, 12-й обмп одной ротой занять оборону в кв. 9466. По овладению частями 52-й сд высотой 258.3 двумя ротами наступать по восточному берегу р. Бол. Лица в направлении отм. 23.9 (9866) с задачей не допустить контратак во фланг батальона Сысоева. Кроме того, в целях демонстрации по овладению высотой 258.3 приказано организовать разведку усиленными разведывательными отрядами в направлении безымянной высоты с отм. 134.2 и в районе высот 278 и 219¹⁰.

Так как высотой предполагалось овладеть внезапным налетом под покровом темноты и пурги, выполнение этой задачи было назначено на ночь с 17 на 18 декабря 1941 г. Перед началом действий было установлено взаимодействие с командиром батальона 12-й обмп, приданного 52-й сд. Произведена рекогносцировка местности и подступов к противнику, проложена проволочная связь между КП подразделений, произведено несколько разведок вдоль восточного берега реки Западная Лица для уточнения расположения противника и обороны его переднего края.

В 9:00 21.12.1941 приказание о переходе в наступление было передано командующим Оперативной группой войск Мурманского направления. Продвигаясь в направлении линии обороны немцев, подразделения МП встретили сильный огонь артиллерии и минометов.

Согласно оперсводке № 139 Опергруппы войск Мурманского направления батальон Сысоева к 12:00 21.12.1941 овладел южными ска-

¹⁰ Доклад Военному совету Северного флота об операции на р. Зап. Лица 12 ОБМП с 17.12.41 г. по 29.02.42 г. // ОЦВМА. Ф. 1346. Оп. 27. Д. 7 Л. 1.

тами высоты 258¹¹. Не имея надлежащих огневых (артминометных) средств для обеспечения своего наступления, подразделения 1-го пмп продвигались вперед медленно. Острая нехватка артиллерии и в особенности минометов стала причиной снижения темпов наступления и больших потерь, вследствие чего возникла угроза потери высоты 258.3. Командиром 52-й сд полковником М. К. Пашковским была поставлена боевая задача занять оборону на достигнутых рубежах высоты 258.3.

К 8:00 22.12.1941 подразделения 1-го пмп сосредоточились в кв. 9666, в том числе 2 роты 5-го батальона, заняли оборону в кв. 9466–4–5 и 2 роты 4-го батальона в кв. 9466–3–6. Танковый взвод в кв. 9068–В.

В 8:00 22.12.1941 подразделения 1-го пмп перешли в наступление¹².

В целях более успешного выполнения поставленной задачи, атака велась двумя группами: группой Петрова в составе 2 рот 4-го батальона и полковой разведки в направлении отм. 44.6, и второй — Козюра — в составе 3-й роты 1-го батальона, 1-й роты 5-го батальона и взвода танков в направлении отм. 68.1.

Встречая сопротивление живой силы и огневых средств противника, группа Козюра выбила боевое охранение противника с южных скатов безымянной высоты в кв. 9664–Г, а группа Петрова уничтожила до 40 человек автоматчиков и захватила в плен одного ефрейтора¹³.

Приданные танки не могли действовать в направлении наступления батальонов вследствие глубокого снега и бездорожья и лишь выдвинувшись вперед произвели обстрел своими огневыми средствами огневых точек противника. Противник встретил танки шквалом артиллерийского огня. Танки возвратились обратно на исходное положение, и батальоны в дальнейшем действовали без поддержки танков.

Артиллерийская поддержка была так же явно недостаточной, в то время как противник располагал значительными артиллерийско-минометными средствами. За 22.12.1941 противник потерял: убитыми 80 человек, ранеными — 160 человек, пленными 1 человека (ефрейтор). Нами захвачено 3 велосипеда. Наши потери убитыми — 19 человек и ранеными 79 человек¹⁴.

Рассчитывая на блицкриг, немецкое командование поздно озабочилось проблемами, возникшими в снабжении своих войск.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 1.

¹³ Там же. Л. 1.

¹⁴ Там же. Л. 2.

Пленный военнослужащий 3-й роты 141-го геп ефрейтор Лейтингер показал: *«Зимним обмундированием, кроме постовых, обеспечены шубными телогрейками 20–25 человек в роте. Лыжами рота обеспечена всего на 50%. Владеют лыжами до 60% состава роты. В 3-й роте 13 человек с отмороженными ногами. 22 декабря 41 г. командир роты в 5 часов утра поднял 50 человек из роты по тревоге и повел их в наступление на безым[янную] выс[оту] 9666–В, 20 человек из них было на лыжах. Настроение у солдат было подавленное, сильно мерзли и под огнем русских наступать не хотели, пока командир роты не крикнул, что того, кто не встанет, он пристрелит на месте»¹⁵.*

Трудности в снабжении и снижение боевого духа горных егерей при встрече с советскими морскими пехотинцами показал и военнослужащий 1-го взвода 16-й роты 143-го геп, перешедший на нашу сторону 28 декабря 1941 г.: *«Два дня тому назад 6-я рота получила пополнение, 20 человек из 91-го резервного батальона. Настроение у солдат подавленное, среди солдат много разговоров о переходе на сторону русских, но солдаты боятся, так как им говорят, что русские расстреливают. Число обмороженных в роте 20%»¹⁶.*

В течение 23 декабря 1941 г. подразделения 1-го полка морской пехоты (пмп) производили перегруппировку под сильным артиллерийско-минометным огнем противника, продолжая выполнять поставленную задачу и медленно продвигались вперед.

Боевым распоряжением оперативной группы войск Мурманского направления № 08 от 23 декабря 1941 г. ставилась задача:

- а) 52-й сд — прочно удерживать высоту 258.3, имея в виду в дальнейшем развить наступление на высоту 263,6.
- б) 1-му пмп продолжать выполнять задачу, поставленную приказом № 05, по овладению высоты в кв. 9666–А–Б и 9664–Г¹⁷.

В 2:00 24 декабря 1941 г. командующий оперативной группой устно поставил перед подразделениями 1-го пмп задачу — наступать в направлении южных скатов выс. 258.3 и установить локтевую связь с батальоном Сысоева. Срок выполнения этой задачи не был установлен. Подразделения 1-го пмп приступили к выполнению этой задачи.

¹⁵ Копии материалов по разведке // ОЦВМА. Ф. 1346. Оп. 27. Д. 6. Л. 14.

¹⁶ Там же. Л. 16.

¹⁷ Доклад Военному совету Северного флота об операции на р. Зап. Лица 12 ОБМП с 17.12.41 г. по 29.02.42 г. // ОЦВМА. Ф. 1346. Оп. 27. Д. 7. Л. 2.

В 9:00 противник открыл интенсивный пулеметный и минометный огонь по наступающим подразделениям, который продолжался до 12:40. В 12:40 при продвижении к южным скатам высоты 258.3 подразделения 1-го пмп были атакованы двумя ротами противника с фланга, завязался сильный бой, продолжавшийся до 14–15 часов. В результате боя атака противника была отбита с большими для него потерями. Противник только убитыми оставил на поле боя до 50 человек, в том числе 1 офицера. Был захвачен в плен один санитар. Одновременно в 13:00 подразделения 5-го батальона, занимающие оборону, подверглись обстрелу до 50 автоматчиков. Ответным огнем наших подразделений противник был отброшен на исходные позиции.

Как видно из вышеизложенного, противник пытался атаковать батальон Сысоева с левого фланга, но был отброшен подразделениями 1-го пмп. Таким образом задача по обеспечению левого фланга батальона Сысоева полностью выполнялась.

Бой за овладение высотой 258.3 продолжался всю ночь, и к 10:00 27 декабря 1941 г. подразделения морской пехоты овладели вершиной высоты¹⁸. Однако в течение дня вследствие сильного минометно-артиллерийского и пулеметного огня противника, неся большие потери в личном составе, они вынуждены были отойти на южные скаты высоты 258.3.

К концу дня, пользуясь тем, что наши подразделения находились под сильным обстрелом, под прикрытием своего огня мелкие группы противника вновь появились на вершине высоты.

К 9:00 28 декабря 1941 г. подразделения 12-й обмп неоднократно штурмовали высоту, выбивая противника с ее вершины, но удержаться на этой вершине не могли из-за сильного артиллерийского и минометного огня противника и отсутствия огневых средств для борьбы с его огневыми точками.

К 12:00 26.12.1941 части 52-й сд под натиском противника оставили высоту 258.3 и отошли. Устным распоряжением командующего Оперативной группы 12-й обмп была поставлена задача перейти в наступление с целью овладения высотой 258.3. В 13:30 26 декабря 7-му батальону, прибывшему в 1-й пмп в район кв. 9068 для смены 4-го батальона, было приказано одной ротой немедленно двигаться на высоту 258.3¹⁹.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Л. 2.

В 5:00 29 декабря 1941 г. вершина выс. 258.3 вновь была занята нашими подразделениями. Противник, силою до двух рот пытавшийся атаковать наши подразделения с северных скатов, был рассеян огнем подразделений и артиллерии с большими для него потерями.

После овладения высотой противник открыл сильный артиллерийский огонь по ее вершине и в 12:00 29 декабря наши подразделения вынуждены были снова отойти на южные скаты высоты с целью сохранения живой силы.

Подразделения 2-го батальона 1-го пмп в 7:00 30 декабря 1941 г. атаковали вершину высоты 258.3 с ее юго-западных и южных скатов, однако с наступлением светлого времени они были отброшены ружейно-пулеметным огнем из укрепленных огневых точек, расположенных на северных скатах высоты, и артиллерийско-минометным огнем противника²⁰.

Преодолевая упорное сопротивление противника и отражая его контратаки, подразделения 1-го пмп в 9:00 2 января 1942 г. ударом с севера 2-м батальоном и с юга подразделениями 4-го и 5-го батальонов выбили противника из укрепленных точек, полностью овладели вершиной высоты 258.3 и ее северными скатами. Уничтожив при этом до роты противника, 8 дзотов и проволочные заграждения.

К 14:00 2 января 1942 г. в результате огневого налета противника по расположению наших подразделений, последние, понеся значительные потери, вынуждены были вновь отойти на южные скаты высоты, оставив на вершине боевое охранение, которое к 20:00 того же дня было полностью уничтожено огнем противника.

Высота 258.3 неоднократно занималась подразделениями 12-й обмп, и, как показал опыт, овладение ею для бригады не представляло особых трудностей²¹. Ударом во фланг и с тыла в ночных условиях уничтожались незначительные огневые средства, доты, и все контратаки противника отбивались для него с большими потерями. Однако закрепиться на ней и удержать ее не представлялось возможным, так как высота 258.3, окруженная густой сетью артиллерийских и минометных огневых точек противника, обычно обстреливалась ураганным огнем, от чего часто, находящиеся на высоте, несли большие потери. Указанные огневые точки противника ни перед началом наступления и ни в самом процессе

²⁰ Там же. Л. 3.

²¹ Там же.

не уничтожались нашими огневыми средствами, так как последних крайне недостаточно, а также из-за недостаточно эффективного использования поддержки корабельной артиллерии из-за отсутствия средств связи.

Не было создано крупной группировки для удара, а части бригады последовательно одна за другой вводились в бой: 4-й батальон (27 декабря 1941 г.), 7-й батальон (28 декабря 1941 г.), 2-й батальон, кроме того, последовательно влиты в бой 1-я рота 1-го батальона и две роты 5-го батальона, кроме того, комбату 4-го батальона Петрову, первоначально командующему двумя ротами, вошли в подчинение еще части, что не давало возможность своевременно ставить четкие задачи каждому подразделению и затрудняло бой.

На второй неделе упорных боев стало сказываться переутомление личного состава, который в течение 10–12 дней непрерывно находился в боях, не имея возможности нормально питаться, отдыхать, отогреваться и просушивать одежду и обувь.

Оперативный замысел ограничивался только занятием высот 258.3 и 263.5 как конечной целью, а не развитием успеха наступления к коммуникациям противника (до устья р. Зап. Лица).

Не было достаточной связи и взаимодействия с 10-й гсд, в результате чего действия 12-й обмп и 10-й гсд не были согласованными. Советская артиллерия, состоявшая до 29.12.1941 из 2 горных 76-мм пушек, была не в состоянии подавить огневые точки противника и оказывать огневую поддержку наступающим подразделениям.

Наличие больших потерь в личном составе, особенно в командном, в ответственный момент боя от артиллерийско-минометного огня противника обескровило подразделения 12-й обмп, и удержание высоты 258.3 стало невозможным имеющимися силами.

С 29 декабря 1941 г. поддерживающая артиллерия, находившаяся на участке 10-й гсд, вследствие отсутствия с ней регулярной связи, также не смогла оказать своевременной поддержки, поэтому наступающие подразделения систематически попадали под губительный огонь артиллерии и минометов противника²². Личный состав и особенно командный порой проявлял чрезмерный героизм, выбегая вперед в полный рост, пренебрегая маскировкой, попадая под ружейно-пулеметный огонь²³.

²² Там же.

²³ Там же. Л. 4.

Из-за отсутствия достаточного количества маскировочных халатов, особенно в 7-м батальоне, подразделения представляли хорошо видимую мишень для противника. Открытая, хорошо пристрелянная местность давала возможность немцам наблюдать за движением подразделений и корректировать свой огонь по цели.

Высота 258.3 окружена огневыми точками со всех сторон, и подразделения, двигаясь к этой высоте, попадали в огневой мешок флангового и косоприцельного огня. За неимением времени не была произведена разведка и рекогносцировка местности, направления движения, выявление огневых точек противника, выбор главного удара и т. д. Глубокий снег изматывал силы бойцов, не давая возможности в быстрой перебежки от укрепления к укреплению²⁴.

Вследствие непрерывных боев в течение 12 дней, при сильном морозе и постоянном пребывании в снегу в положении лежа, при отсутствии возможности обсушиться и обогреться, а также вследствие того, что многие бойцы и командиры имели тесную, а в ряде случаев и кожаную обувь, а некоторые из-за неорганизованности не имели перчаток, в период операции было около 100 случаев обморожения личного состава, имевшиеся в достаточном количестве противообмораживающие средства были выданы личному составу, но полностью не использовались²⁵.

По результатам операции командир 12-й обмп полковник В. В. Расохин направил доклад Военному совету Северного флота. В нем отражены основные недостатки, приведшие к неудаче операции. Основными из них являлись:

- общее слабое нецелеустремленное руководство оперативной группы 52-й сд приводило к неудачам и большим потерям личного состава;
- наступление проводилось лобовой атакой, вместо обхода с фланга и тыла, стремление занять вершину, которая находилась со всех сторон под обстрелом;
- корабельная артиллерия стреляла на пределе дальности своих орудий, по району, который был далеко удален от переднего края бригады, наблюдения за разрывами снарядов не было. Корректировщиков в подразделениях морской пехоты не было;

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

- плохо организованная работа штабов, вследствие их неукомплектованности. Информация, обработка документов, организация связи, управление боем и организация взаимодействия были организованы неудовлетворительно;
- санитарная служба и подразделения в полной мере не обеспечивали организованного выноса раненых и убитых. Плохо был организован сбор трофеев, оружие и документы многих убитых солдат противника оставались не подобранными. Существующий штат бригады сильно отразился на выполнении данной задачи, как не соответствующий с штатом соединений, а следовательно, и условиям поставленной задачи²⁶.

Хотя выполнить поставленную задачу частям 12-й обмп не удалось, операция по захвату высоты 253.8 показала недостатки организационного характера, несоответствие штатного состава, вооружения, снаряжения задачам, которые подразделениям 12-й обмп пришлось выполнять в сложных условиях Заполярья. О напряженности боев за высоту и ее значении говорит тот факт, что среди советских бойцов и командиров высота 253.8 стала именоваться «Кровавая», а среди немецких «Стальная» (Stahlberg, нем.).

В контактном бою морские пехотинцы одерживали верх над горными егерями, однако хорошая организация связи немцев и подавляющее превосходство в артиллерии и минометах позволяли немецкому командованию быстро переносить и сосредотачивать артиллерийско-минометный огонь на наступающих советских морских пехотинцах, что приводило к большим людским потерям. Отсутствие лыж и теплого обмундирования, а также отсутствие специального горного снаряжения также затрудняло действия 12-й обмп. Несмотря на героизм моряков-североморцев, это привело к потере контроля над высотой 253.8 и неудаче операции в целом. Однако командованием 12-й обмп и Северного флота были сделаны надлежащие выводы и изменена штатная структура бригады морской пехоты, что позволило в 1944 г., в ходе Петсамо-Киркенесской наступательной операции, выполнить поставленную боевую задачу.

²⁶ Там же.

*Е. Ф. Кринко*¹

Демографические последствия Второй мировой войны для юга РСФСР²

Демографические последствия Второй мировой войны относятся к актуальным научным проблемам. Они рассматриваются как в ряде обобщающих трудов, выполненных на общесоюзных материалах³, так и в специальных исследованиях, посвященных отдельным регионам СССР⁴. Немало внимания уделяется исследователями и южным регионам РСФСР⁵. Тем не менее в данной теме все еще сохраняются недостаточно изученные вопросы. В значительной степени это объясняется не только отсутствием необходимых источников в распоряжении исследователей, но и изменениями в административно-территориальной структуре страны в военные и послевоенные

¹ *Кринко Евгений Федорович* — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заместитель председателя ЮНЦ РАН по научной работе (г. Ростов-на-Дону).

² Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда «Войны и население юга России в XVIII — начале XXI в.: история, демография, антропология» (проект № 17–18–01411).

³ *Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьков Т. Л.* Демографическая история России: 1927–1959. М., 1998; *Население России в XX веке. Исторические очерки.* В 3 т. Т. 2. 1940–1959 / отв. ред. В. Б. Жиромская. М., 2001; *Максудов С.* Не своей смертью: Потери населения СССР в 1918–1953 годах. М., 2017; и др.

⁴ *Корнилов Г. Е.* Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург, 1993; *Исупов В. А.* Главный ресурс Победы. Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Новосибирск, 2008; и др.

⁵ *Вишницева Ю. В.* Население Краснодарского края накануне и в годы Великой Отечественной войны: историко-демографический аспект: 1939–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2010; *Сергиенко Л. М.* Население Ставрополя накануне и в годы Великой Отечественной войны: 1937–1945 гг.: историко-демографический аспект: дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2016; *Ракачев В. Н.* Население Кубани и Старополя в 1930–1950-е гг.: историко-демографическое исследование. Краснодар, 2017; *Войны и население юга России в XVIII — начале XXI в.: демографические процессы и последствия.* М., 2019; и др.

годы. Между тем подсчеты демографических потерь нередко ведутся в рамках современных административных границ.

К началу Второй мировой войны на юге РСФСР существовали:

- Краснодарский край (с входившей в него Адыгейской автономной областью (далее — АО));
- Орджоникидзевский край (с Карачаевской АО, Черкесской АО, Кизлярским округом);
- Ростовская область;
- Сталинградская область (с Астраханским округом);
- Дагестанская Автономная Советская Социалистическая Республика (далее — АССР);
- Кабардино-Балкарская АССР;
- Калмыцкая АССР;
- Крымская АССР;
- Северо-Осетинская АССР;
- Чечено-Ингушская АССР.

Эта административно-территориальная структура сохранилась без изменений к началу Великой Отечественной войны. Но в 1943–1945 гг. были ликвидированы четыре национальные автономии — Калмыцкая АССР, Чечено-Ингушская АССР, Крымская АССР и Карачаевская АО. Вместо упраздненных возникли три новых административных образования — Астраханская, Грозненская и Крымская области. Кабардино-Балкарская АССР была преобразована в Кабардинскую АССР, Орджоникидзевский край переименован в Ставропольский. К окончанию Второй мировой войны на юге РСФСР существовали:

- Краснодарский край (с Адыгейской АО);
- Ставропольский край (с Черкесской АО);
- Астраханская область;
- Грозненская область;
- Крымская область;
- Ростовская область;
- Сталинградская область;
- Дагестанская АССР;
- Северо-Осетинская АССР.

Последующие преобразования привели к новым административно-территориальным изменениям⁶. В настоящее время в состав

⁶ Подробнее см.: Войны и население юга России в XVIII — начале XXI в.: демографические процессы и последствия. С. 222–239.

Южного и Северо-Кавказского федеральных округов на юге Российской Федерации входят:

- Краснодарский край,
- Ставропольский край,
- Астраханская область,
- Волгоградская область,
- Ростовская область,
- Кабардино-Балкарская Республика,
- Карачаево-Черкесская Республика,
- Республика Адыгея,
- Республика Дагестан,
- Республика Ингушетия,
- Республика Калмыкия,
- Республика Крым,
- Республика Северная Осетия — Алания,
- Чеченская Республика,
- город федерального значения Севастополь.

Для выявления демографических последствий Второй мировой войны для южных регионов РСФСР в первую очередь необходимо определить численность их населения и основные факторы, определявшие ее последующую динамику. Согласно Всесоюзной переписи населения 1939 г., численность населения Краснодарского края составляла в 1939 г. 3 172 674 человека, в том числе входившей в его состав Адыгейской АО — 241 799 человек, Орджоникидзевского края — 1 950 887 человек, в том числе входивших в него Карачаевской АО — 150 303 человека, Черкесской АО — 92 898 человек. В Ростовской области проживали 2 892 580 человек, в Сталинградской области — 2 288 139 человек. В Дагестанской АССР — 930 416 человек, в Кабардино-Балкарской АССР — 359 219 человек, в Калмыцкой АССР — 220 684 человека, в Крымской АССР — 1 126 429 человек, в Северо-Осетинской АССР — 329 205 человек, в Чечено-Ингушской АССР — 697 009 человек⁷. Общая численность населения южных регионов РСФСР равнялась 13 967 242 человека.

В фонде Центрального статистического управления (далее — ЦСУ) Госплана СССР в Российском государственном архиве эко-

⁷ Всесоюзная перепись населения 1939 г. Численность наличного населения СССР по союзным республикам, краям, областям и автономным республикам. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_pop_39_1.php (дата обращения: 25.07.2018).

номики (РГАЭ) хранятся таблицы расчетов численности населения СССР по республикам, краям и областям за 1939–1941 гг. Численность населения Краснодарского края в начале 1939 г. в них определена в 3172,3 тыс. человек, в том числе Адыгейской АО — в 246,9 тыс. человек, Орджоникидзевского края — в 1951,2 тыс. человек, в том числе Карачаевской АО — в 150,7 тыс. человек, Черкесской АО — в 92,9 тыс. человек, Ростовской области — в 2893,2 тыс. человек, Сталинградской — в 2287,5 тыс. человек⁸. Таким образом, по данным текущей статистики население юга РСФСР составляло 13967,1 тыс. человек.

Однако современные исследователи указывают на фальсификацию результатов переписи 1939 г.⁹ В. Б. Жиромская, учитывая приписку к общему итогу переписи населения СССР, разложенную по всем населенным пунктам, а также перераспределение заключенных, пересчитала численность жителей всех регионов РСФСР¹⁰. Согласно ее данным, общая численность населения всех краев, областей и автономных республик юга РСФСР составила в 1939 г. 13 658 026 человек, что на 309 216 человек (2,3%) меньше, чем по переписи населения¹¹.

За два года, к началу Великой Отечественной войны численность населения южных областей возросла. По данным ЦСУ Госплана СССР, население Краснодарского края в начале 1941 г. составило 3294,8 тыс. человек, Орджоникидзевского — 2011,7 тыс. человек, Ростовской области — 2951 тыс. человек, Сталинградской — 2480,5 тыс. человек. Население Дагестанской АССР — 973,2 тыс. человек, Кабардино-Балкарской АССР — 376,6 тыс. человек, Калмыцкой АССР — 232,3 тыс. человек, Северо-Осетинской АССР — 348,3 тыс. человек, Чечено-Ингушской АССР — 727,7 тыс. человек¹², Крымской АССР — 1169 тыс. человек¹³. Всего в южных областях, автономных республиках и краях в составе

⁸ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 20. Д. 241. Л. 1–4.

⁹ *Исупов В. А.* Тайны советской статистики // Вестник Сибирского отделения АН СССР. Новосибирск, 1991. Вып. 1. С. 33; *Тольц М. С.* Недоступное измерение // В человеческом измерении. М., 1989. С. 30–31; *Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л.* Опыт оценки населения СССР. 1926–1941 // Вестник статистики. 1990. № 7; *Они же.* Демографическая история России: 1927–1959. М., 1998; и др.

¹⁰ *Жиромская В. Б.* Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 51.

¹¹ Там же. С. 54–55.

¹² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 241. Л. 53–54.

¹³ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. Р-7021. Оп. 9. Д. 223. Л. 1.

РСФСР в начале 1941 г., по документам статических управлений, проживали 14 565,1 тыс. человек. Таким образом, численность их населения выросла по сравнению с 1939 г. на 4,3%, или почти на 600 тыс. человек.

Применение коэффициентов, обоснованных В. Б. Жиромской при изучении переписи 1939 г., позволяет скорректировать полученные цифры. В результате численность населения всех южных краев, областей и автономных республик к началу 1941 г. может быть определена в 14 242,8 тыс. человек. Прирост в этом случае составляет те же 4,3%, или 584,8 тыс. человек¹⁴.

На первом этапе Второй мировой войны, с вторжения войск Германии в Польшу и до их нападения на СССР, советские войска понесли потери за пределами страны — в походе в Западную Белоруссию и Западную Украину в 1939 г. и в советско-финляндской войне 1939–1940 гг. В ходе похода в Западную Белоруссию и Западную Украину безвозвратные потери Красной армии и пограничных войск составили 1475 человек, санитарные потери — 3858 человек¹⁵. Безвозвратные потери в советско-финской войне по официальным данным составили 126 875 человек, санитарные — 264 908 человек¹⁶. Выходцы из южных регионов РСФСР принимали участие в указанных вооруженных конфликтах¹⁷, но их доля в понесенных потерях остается неизвестной. Возможные перспективы установления имен и общей численности погибших связаны с обращением к соответствующим Книгам памяти 1923–1939 гг. и 1939–1940 гг.¹⁸ и уточненной электронной версии — базе данных «Безвозвратные потери РККА в период Советско-финляндской войны 1939–1940 гг.»¹⁹. Однако и в приводимых сведениях не у всех военнослужащих указаны места призыва. В любом случае по-

¹⁴ Перерасчет для юга РСФСР выполнен С. Я. Сущим и впервые представлен в работе: Войны и население юга России в XVIII — начале XXI в.: демографические процессы и последствия. С. 526.

¹⁵ Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. М., 2001. URL: <http://lib.ru/MEMUARY/1939-1945/KRIWOSHEEW/poteri.txt#w04.htm-007> (дата обращения: 20.09.2020).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Только на Братском кладбище в Ростове-на-Дону захоронены 16 участников советско-финляндской войны, в том числе 14 человек, умерших от ран в ростовских госпиталях, и 2 человека, умерших позже.

¹⁸ Книга памяти 1923–1939. URL: <http://patriot-izdat.ru/memory/1923-1939> (дата обращения: 20.09.2020); Книга памяти 1939–1940. URL: <http://www.patriot-izdat.ru/memo9/> (дата обращения: 20.09.2020).

¹⁹ Безвозвратные потери Красной армии в период Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. URL: <http://www.winterwar.karelia.ru/site/bd/> (дата обращения: 20.09.2020).

тери в боевых действиях 1939–1940 гг. не оказали существенного влияния на демографическую ситуацию в южных регионах РСФСР.

Одним из главных факторов, определявших демографические процессы в СССР в годы Великой Отечественной войны, стал призыв в ряды действующей армии. Подсчет мобилизованных советских граждан затрудняет то, что отдельные регионы относились к разным военным округам, состав которых менялся в годы войны. Южная часть Ростовской области, Краснодарский и Орджоникидзевский края, Кабардино-Балкарская, Дагестанская, Калмыцкая, Северо-Осетинская и Чечено-Ингушская АССР, Астраханский округ относились к Северо-Кавказскому военному округу (СКВО, с центром в Ростове-на-Дону). Большая часть Сталинградской области и северная часть Ростовской области — к Приволжскому военному округу (ПриВО с центром в Куйбышеве). В него также входили Куйбышевская, Пензенская, Саратовская области, Башкирская, Марийская, Мордовская, Немцев Поволжья, Татарская АССР. Крымская АССР вместе с Одесской, Днепропетровской, Измаильской, Николаевской, Запорожской и Кировоградской областями входила в Одесский военный округ (ОдВО, с центром в Одессе).

К началу Великой Отечественной войны срочную службу проходили граждане 1919–1922 гг. рождения, призванные в 1939–1941 гг. 22 июня 1941 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР о мобилизации военнообязанных 14 возрастов, родившихся с 1905 по 1918 гг., в 14 из 17 военных округов, к которым относились и все южные региона страны. Даже в ОдВО, на территории которого с первых дней войны развернулись боевые действия, явка призывников приближалась к 100%²⁰. Однако высокие потери требовали дополнительных людских резервов. Для их восполнения в августе 1941 г. была объявлена мобилизация военнообязанных 1890–1904 гг. рождения. В сентябре — октябре 1941 г. в армию мобилизовали призывников 1922–1923 гг. рождения. На протяжении всей войны наряду с плановыми призывами проводились дополнительные мобилизации, в том числе через партийные и комсомольские органы.

Оккупация западных регионов привела к изменениям в системе военных округов страны. 10 сентября был упразднен ОдВО. По приказу наркома обороны СССР № 0444 от 26 ноября 1941 г. на основе упраздненного штаба Харьковского военного округа было создано управление нового Сталинградского военного округа (с центром

²⁰ 1941 год. Страна в огне. В 2 кн. Кн. 1. Очерки. М., 2011. С. 599.

в Сталинграде). Он включал Сталинградскую область за исключением Еланского, Урюпинского и Ново-Анненского районов, северную часть Ростовской области, Калмыцкую АССР, Астраханский округ, западную часть Западно-Казахстанской области. В состав ПриВО (штаб в Саратове) были включены Куйбышевская, Саратовская, Пензенская, Тамбовская, Воронежская области, восточные районы Орловской и Курской областей, Еланский, Урюпинский и Ново-Анненский районы Сталинградской области. В СКВО (штаб которого переместился в Армавир) остались южная часть Ростовской области, Краснодарский край с Адыгейской АО, Орджоникидзевский край с Кизлярским округом, Карачаевской и Черкесской АО, Кабардино-Балкарская и Чечено-Ингушская АССР. Дагестанской АССР и Северо-Осетинской АССР наряду с Грузинской ССР, Абхазской и Аджарской АССР, Юго-Осетинской АО, Армянской ССР, Азербайджанской ССР, Нахичеванской АССР, Нагорно-Карабахской АО вошли в Закавказский фронт (с штабом в Тбилиси)²¹.

По разработанному мобилизационному плану только из жителей Краснодарского края в 1941 г. были укомплектованы стрелковый и танковый корпуса, 3 стрелковые, горнострелковая, танковая и авиационная дивизии, 6 военных училищ и другие части в количестве 371 430 человек, в том числе 320 396 человек рядового состава²². К июлю 1942 г. количество призванных превысило 600 тыс. человек. К 1 октября 1941 г. в действующую армию отправились служить свыше 100 тыс. жителей Орджоникидзевского края²³. Военкоматы Астраханского округа в первые дни войны призвали свыше 32 тыс. человек. Летом 1942 г. астраханцы приняли активное участие в формировании 28-й армии. Через военкоматы Ростовской области в первый период войны было мобилизовано свыше 520 тыс. человек²⁴. В Калмыцкой АССР к марту 1942 г. были призваны 21 129 человек²⁵.

²¹ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 13 (2–2). Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941 г. — 1942 г. М., 1997. С. 125–126.

²² Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: Рассекреченные документы. Хроника событий. В 3 кн. Кн. 1. Хроника событий 1941–1942 гг. Краснодар, 2000. С. 25–26.

²³ Сергиенко Л. М. Население Ставрополя накануне и в годы Великой Отечественной войны (1937–1945 гг.): историко-демографический аспект: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2016. С. 155.

²⁴ Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее — ЦДНИРО). Ф. Р-9. Оп. 59. Д. 39. Л. 1–6.

²⁵ Калмыкия в годы Великой Отечественной войны. Элиста, 2005. С. 133.

По сведениям военкоматов, из трех северокавказских республик — Дагестанской АССР, Северо-Осетинской АССР и Чечено-Ингушской АССР — были призваны 29 937 человек²⁶. Но северокавказские историки называют более высокие цифры призыва жителей. Так, Т. Т. Худалов отмечал, что Северо-Осетинская АССР в 1941 г. направила на фронт свыше 40 тыс.²⁷, а к 20 ноября 1942 г. — 71 773 человек²⁸. Из Кабардино-Балкарской АССР призвали 25,3 тыс. человек²⁹, из Карачаевской АО — более 15,6 тыс. человек³⁰. Из Адыгейской АО за три первых месяца войны на фронт ушли свыше 20 тыс. человек. В Дагестанской АССР в 1941–1945 гг. были призваны 126 432 человека³¹. В Крыму из 153 тыс. трудоспособных колхозников было мобилизовано 43 тыс. человек, или около 30%³². Всего же из Крымской АССР в 1941 г. было призвано не менее 90 тыс. человек.

На фронт уходили не только мужчины, но и женщины. Только из Ростовской области в тыловые части ВВС, войска связи и противовоздушной обороны (ПВО) к 9 мая 1942 г. были призваны 2084 девушки и молодые женщины³³. В Крыму около 2 тыс. девушек, в основном комсомолок, окончили курсы по подготовке медицинских сестер и санитарных дружинниц и отправились на фронт³⁴.

Немало жителей южных регионов ушли на фронт добровольно. Только в Орджоникидзевском крае за первые две недели войны было подано 5 909 добровольных заявлений с просьбами об отправке на фронт³⁵. В Чечено-Ингушской АССР в начале войны записались

²⁶ Безугольный А. Ю., Бугай Н. Ф., Кринко Е. Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 2012. С. 121–122.

²⁷ Худалов Т. Т. Северная Осетия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Владикавказ, 1992. С. 314–315.

²⁸ Там же. С. 19.

²⁹ Бугай Н. Ф., Гонов А. М. Кавказ: народы в эшелонах. М., 1998. С. 160.

³⁰ Каракетова И. М. Великая Отечественная война и депортация карачаевского народа // Репрессированные народы: история и современность. Нальчик, 1994. С. 219.

³¹ Шебзухов М. Х. Тыл — фронту (тыл Северо-Западного Кавказа в годы войны 1941–1945): опыт, уроки. Майкоп, 1993. С. 40.

³² Басов А. В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. М., 1987. С. 20.

³³ Государственный архив Ростовской области (далее — ГАРО). Ф. Р-3737. Оп. 5. Д. 53. Л. 17–17 об.

³⁴ Басов А. В. Указ. соч. С. 21.

³⁵ Очерки истории Ставропольской организации КПСС. Ставрополь, 1970. С. 348.

добровольцами свыше 17 тыс. человек³⁶. По различным причинам (в силу возраста, состояния здоровья, работы на оборонных предприятиях и т. п.) не все просьбы были удовлетворены. В то же время современные исследователи отмечают, что добровольчество на Северном Кавказе нередко приобретало «ярко выраженный кампанийский, управляемый характер», черты принудительной мобилизации, что и обусловило в ряде случаев срыв в проведении данных мероприятий³⁷.

Тем не менее добровольческое движение сыграло важную роль в годы войны. На добровольческой основе создавались истребительные батальоны НКВД, части народного ополчения, ПВО, санитарные дружины и другие формирования. Первоначально они не покидали территории своего региона, проходя обучение, неся караульную службу, выполняя некоторые другие функции. Но с продвижением войск противника принимали участие в боевых действиях, а часть ополченцев оказалась в составе армейских соединений. Летом 1942 г., в разгар тяжелых оборонительных сражений, более 100 тыс. ополченцев из Краснодарского края вступило в ряды действующей армии³⁸. На добровольческой основе были сформированы 17-й кавалерийский казачий корпус, на основе которого позже возникли 4-й Кубанский и 5-й Донской гвардейские казачьи кавалерийские корпуса, 110-я Калмыцкая и 115-я Кабардино-Балкарская кавалерийские дивизии, 255-й отдельный Чечено-Ингушский кавалерийский полк.

Были и те, кто стремился уклониться от воинской службы. Уже при первой массовой мобилизации в Чечено-Ингушской АССР с 29 августа по 2 сентября 1941 г. из подлежащих призыву 8 тыс. человек дезертировали в пути следования 450 человек, уклонились от призыва 269 человек³⁹. Сложная картина наблюдалась и в других регионах, особенно в горных и лесных районах. В первой половине ноября 1941 г. в Спокойненском районе Краснодарского края насчитывалось 45 де-

³⁶ История Чечни с древнейших времен до наших дней. Т. II. История Чечни XX и начала XXI века. Грозный, 2008. С. 485.

³⁷ Безугольный А. Ю. Народы Кавказа в Вооруженных Силах СССР в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2004. С. 66–70.

³⁸ Очерки истории Краснодарской организации КПСС. Краснодар, 1966. С. 364.

³⁹ Хлынина Т. П., Кринко Е. Ф., Урушадзе А. Т. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов-на-Дону, 2012. С. 213.

зертиров, а всего с начала войны — 55 человек, большинство скрывалось в лесу. В Мостовском районе Краснодарского края скрывалось более 100 человек, 35 человек поймали и предали суду, еще 17 человек направили в свои части⁴⁰. В Дагестанской АССР в 1942 г. были арестованы 1807 дезертиров и 1243 уклониста, легализованы 1090 дезертиров и 2102 уклониста. В 1943 г. — арестованы 931 дезертир и 96 уклонистов, легализованы 455 дезертиров и 196 уклонистов. Всего в 1942–1943 гг. было арестовано и легализовано 7920 человек⁴¹. В 1944 г. в Сталинградской области было обнаружено 6 тыс. дезертиров⁴². Но дезертиры и уклонисты составляли явное меньшинство жителей юга страны призывного возраста.

К концу 1941 г. в армию только из СКВО было призвано около 995 тыс. человек из 1315 тыс. военнообязанных запаса и призывников без учета брони и состояния здоровья, имевшихся к началу войны. Весной 1942 г. основная масса ресурсов военнообязанных в возрасте до 46 лет и призывников 1922–1923 гг. рождения была исчерпана. Во многом это объясняется тем, что казаков до середины 1930-х гг., а горцев вплоть до конца 1930-х гг. в массовом порядке в армию не призывали. В результате в распоряжении СКВО осталось лишь 69,5 тыс. человек, не имевших ограничений на призыв в армию⁴³.

В то же время советское руководство пошло на ограничение призыва представителей народов и социальных групп, считавшихся родственными государствам, которые воевали на стороне Третьего рейха, выступали его союзниками или по другим причинам рассматривались как «политически чуждые». А весной — летом 1942 г. был фактически прекращен призыв в армию представителей коренных народов из Чечено-Ингушской АССР, Кабардино-Балкарской АССР и Дагестанской АССР. Правда, в июле 1942 г. добровольцам из этих республик было разрешено идти на фронт. Призыв военнообязанных и призывников из других национальных автономий, краев и областей прекратился в связи с оккупацией мест их проживания противником

⁴⁰ Государственный архив Краснодарского края (далее — ГАКК). Ф. Р-1544. Оп. 1. Д. 10. Л. 18, 58.

⁴¹ Безугольный А. Ю., Бугай Н. Ф., Кринко Е. Ф. Указ. соч. С. 147.

⁴² Кринко Е. Ф. «Хуже врага...»: дезертирство в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны // История и истории в контексте времени. 2011. Вып. 8. С. 102.

⁴³ Безугольный А. Ю., Бугай Н. Ф., Кринко Е. Ф. Указ. соч. М., 2012. С. 124.

в 1942 г. По этим же причинам 21 августа было расформировано управление СКВО.

Часть призывников и военнообязанных граждан, уже имевших на руках мобилизационные предписания, в условиях немецкого наступления не смогла вовремя добраться до своих частей. Так, систематический вывод военнообязанных и призывников с территории Краснодарского края начался только 6 августа 1942 г., когда сюда уже вторглись войска противника. Командованию удалось вывести около 80% от 103 тыс. военнообязанных, 3,5 тыс. человек дезертировали, около 2 тыс. человек оказались в окружении⁴⁴. На оккупированной территории Калмыцкой АССР остались 488 (7%) военнообязанных и 728 (10,7%) призывников⁴⁵.

Большинство тех, кто не попал в действующую армию вследствие нацистской оккупации, призвали в РККА уже после освобождения советской территории. Только в Ростовской области после освобождения большей части ее территории в феврале 1943 г. на фронт были призваны около 80 тыс. человек. 2 июля 1943 г. был воссоздан СКВО (с центром в Армавире, с декабря 1943 г. — в Ростове-на-Дону). В его состав вошли Ставропольский и Краснодарский края, Кабардино-Балкарская, Северо-Осетинская и Чечено-Ингушская АССР, с октября 1943 г. — Сталинградская область, северная часть Ростовской области, Калмыцкая АССР. Но 13 октября 1943 г. постановлением Государственного комитета обороны (ГКО) призывники 1926 г. рождения коренных национальностей автономий Северного Кавказа, как и союзных республик Южного Кавказа, были освобождены от мобилизации. На следующий день ГКО постановил начать их призыв с ноября 1944 г. в резерв, а не в действующую армию.

Всего с юга РСФСР (за исключением Крыма) в 1941–1945 гг. было призвано 1894,2 тыс. человек. По официальным данным потери составили 873 тыс. человек⁴⁶. В то же время обращение к данным военкоматов, работам региональных исследователей, Книгам памяти дает существенно различающиеся цифры (см. табл. 1).

⁴⁴ Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: Рассекреченные документы. Хроника событий. В 3 кн. Кн. 1. Хроника событий 1941–1942 гг. С. 365.

⁴⁵ Максимов К. Н. Калмыкия и калмыки на защите Отечества (первая половина XX века). Элиста, 2015. С. 169.

⁴⁶ Население России в XX веке: исторические очерки. В 3 т. Т. 2. 1940–1959. М., 2001. С. 33, 38.

Таблица 1. Мобилизация и потери на фронте жителей юга РСФСР (человек)

Края, области и республики	Призвано в 1941–1945 гг.	Погибло, пропало без ве- сти, умер- ло от ран в 1941– 1945 гг.
Краснодарский край	700 000	422 784 ⁴⁷
В том числе Адыгейская АО (Республика Адыгея)	800 00	30543 ⁴⁸
Орджоникидзевский (Ставропольский) край	320 000	190 000 ⁴⁹
В том числе Карачаевская АО до 1943 г.) В том числе Черкесская АО (Карачаево-Черкесская Республика)	15 600 ?	21 570 ⁵⁰
Ростовская область	665 500	324 549 ⁵¹
Сталинградская (Волгоградская) область	550 000	216 488 ⁵²
Астраханская область (с 1943 г.)	160 050	77 924 ⁵³

⁴⁷ Архив проекта РНФ № 17–18–01411 «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI в.: история, демография, антропология» (далее – АП РНФ № 17–18–01411). Респондент Заздравных Наталья Леонидовна, председатель Краснодарского краевого отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, руководитель редколлегии Книги Памяти Краснодарского края. Интервьюер Е. Ф. Кринко. Запись 26 апреля 2018 г.

⁴⁸ Книга Памяти. Майкоп, 1995. Т. 2. С. 11.

⁴⁹ АП РНФ № 17–18–01411. Письмо военного комиссариата Ставропольского края от 09.04.2018.

⁵⁰ Книга Памяти. Российская Федерация: Карачаево-Черкесская Республика. Майкоп, 1999. Т. 2. С. 89.

⁵¹ Ростовской области — 70 лет (1937–2007 гг.). Сб. документов. Ростов-на-Дону, 2007. С. 36, 38.

⁵² Книга Памяти Волгоградской области. URL: <http://memorybook.volgadmin.ru> (дата обращения: 04.08.2018).

⁵³ АП РНФ № 17–18–01411. Письмо военного комиссариата Астраханской области от 10.04.2018.

Дагестанская АССР (Республика Дагестан)	126 432	90 073 ⁵⁴
Кабардино-Балкарская АССР, с 1944 г. — Кабардинская АССР (Кабар- дино-Балкарская Республика)	60 000	40 000 ⁵⁵
Калмыцкая АССР (до 1944 г.) (Республика Калмыкия)	43 210	18 038 ⁵⁶
Крымская АССР (Республика Крым)	93 000	24 025 ⁵⁷
Северо-Осетинская АССР (Республика Северная Осетия-Алания)	89 934	45 500 ⁵⁸
Чечено-Ингушская АССР (до 1944 г.) (Республика Ингушетия, Чеченская Республика)	50 000 ⁵⁹	?
Итого	~2858 000	~1 125 000

Эти противоречия объясняются рядом обстоятельств. К началу Великой Отечественной войны в Красной армии и Военно-морском флоте уже проходили воинскую службу многие выходцы из южных регионов. Например, только из Калмыцкой АССР в РККА служили 4 432 человека⁶⁰ из Чечено-Ингушской АССР — до 9 тыс. человек⁶¹,

⁵⁴ АП РНФ № 17–18–01411. Письмо военного комиссариата Республики Дагестан от 20.04.2018.

⁵⁵ Книга Памяти: Российская Федерация, Кабардино-Балкарская Республика. Нальчик, 2014. С. 16.

⁵⁶ Максимов К. Н. Калмыки-военнопленные в Великой Отечественной войне // Коренной перелом в Великой Отечественной войне: к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа. Материалы Международной научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 6–7 июня 2013 г.). Ростов-на-Дону, 2013. С. 62.

⁵⁷ АП РНФ № 17–18–01411. Письмо военного комиссариата Республики Крым от 13.06.2018.

⁵⁸ Худалов Т. Т. Северная Осетия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Владикавказ, 1992. С. 262.

⁵⁹ АП РНФ № 17–18–01411. Письмо военного комиссариата Чеченской Республики от 22.05.2018.

⁶⁰ Очиров У. Б. Военные мобилизации в Калмыцкой АССР в 1941–1943 гг. // Коренной перелом в Великой Отечественной войне: к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа. С. 53.

⁶¹ АП РНФ № 17–18–01411. Письмо военного комиссариата Чеченской Республики от 22.05.2018.

из Дагестанской АССР — 18 тыс. человек⁶². Значительная часть документов военкоматов, осуществлявших призыв, не сохранилась. Нередко составители Книг памяти в разных регионах использовали различную административно-территориальную структуру, а то и этнический принцип наряду с территориальным. Так, составители Книг памяти Республики Калмыкии включили в списки земляков, призванных Приволжским и Долбанским военкоматами Калмыцкой АССР (в настоящее время районы входят в состав Астраханской области), а также Енотаевским, Черноярским и другими военкоматами Астраханского округа⁶³. В то же время в общих данных по Калмыкии не учитываются призванные и погибшие из Лиманского и Приволжского районов в 1944–1945 гг. В свою очередь, в Астраханской области в численность призванных и погибших включают жителей двух районов, входивших в Калмыцкую АССР и учитывавшихся по калмыцкому военкомату до декабря 1943 г. В результате одни и те же лица могли оказаться в Книгах памяти и Республики Калмыкии, и Астраханской области.

Похожая ситуация складывается и во многих других случаях. В Книге памяти Республики Дагестан оговаривается, что общее количество воевавших на фронте жителей не включает 16 тыс. человек, призванных из Кизляра, Кизлярского, Тарумовского и Ногайского районов, поскольку эти территории в 1941–1945 гг. входили в состав других административных образований⁶⁴. В национальных республиках в списки погибших порой включались представители титульных этносов, проживавших и призванных за пределами данных образований.

В ходе доработок Книг памяти вносятся необходимые исправления, однако во многих из них из списков были исключены жители, оказавшиеся в плену и пошедшие на сотрудничество с противником. Значительную часть не вернувшихся с фронта жителей юга страны до сих пор составляют, наряду с погибшими, пропавшие без вести. Согласно подсчетам В.К. Щербанова, соотношение пропавших к числу погибших в среднем по Книгам памяти составляет около 47%, при этом

⁶² АП РФ № 17–18–01411. Письмо военного комиссариата Республики Дагестан от 20.04.2018.

⁶³ *Очиров У.Б.* Книги Памяти Астраханской области как источник по истории участия калмыков в Великой Отечественной войне // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2016. № 1. С. 17.

⁶⁴ Назовем поименно: Книга Памяти. Т. 1. Махачкала, 1996. С. 32.

в Волгоградской области оно чуть ниже среднего — 45,1%, а в Ростовской области и в Республике Крым, напротив, существенно выше — 61,7 и 63% соответственно⁶⁵.

Массовая мобилизация привела к значительному уменьшению численности мужского населения и имела негативные последствия для демографического развития юга страны. Точными данными по естественному движению населения, числу рождений и смертей во всех южных регионах в годы Великой Отечественной войны исследователи не располагают, поскольку многие из них были захвачены противником в 1941–1942 гг., и сведения о них перестали поступать в советские органы статистики. Однако имеющиеся сведения позволяют определить общую динамику демографических процессов в данный период. В первой половине 1941 г. число рождений, а также разность между ним и количеством умерших в южных регионах СССР, как и во всей стране в целом, продолжали нарастать, обуславливая постоянное увеличение численности населения. Уход на фронт большинства мужчин вел к сокращению численности рождений и разницы между ним и количеством смертей. Ухудшение условий жизни и снижение уровня потребления, кризис продовольственного и промышленного снабжения, повышение физических нагрузок, психологические стрессы в результате гибели родных и близких на фронте, бомбежек авиации противника способствовали повышению смертности, в том числе детской и младенческой. В результате разница между рождаемостью и смертностью неуклонно сокращалась во время войны, достигая уже в 1942 г. отрицательного баланса во многих регионах юга страны.

Существенное воздействие на демографическую ситуацию на юге страны в годы Великой Отечественной войны оказала эвакуация. Она происходила в виде двух основных потоков: с первых месяцев войны на юг прибывали граждане, эвакуированные из западных районов страны, а в условиях приближения войск вермахта стали эвакуироваться на восток уже жители южных областей.

По сведениям переселенческих отделов, к 15 ноября 1941 г. в Орджоникидзевский край из западных регионов СССР, в основном из УССР, а также БССР, Ленинградской области и других регионов

⁶⁵ Щербанов В. К. Книга Памяти в новых социальных условиях // Государство и общество в увековечении памяти защитников Отечества: опыт, проблемы, перспективы: материалы Межрегионального научно-практического семинара-совещания, 3–4 ноября 2007 г. Сыктывкар, 2007. С. 95–96.

прибыли 107 113 человек. К 1 декабря в Краснодарский край прибыли 162 556 человек, в Сталинградскую область — 112 190 человек⁶⁶. Краснодарский и Орджоникидзевский края, Сталинградская область и Дагестанская АССР стали главными «перевалочными пунктами» размещения эвакуированных на юге РСФСР в 1941 г. в их пути на восток страны. Однако эвакуированные прибывали и в другие южные регионы, нередко оказывая существенное влияние на демографическую ситуацию в них.

Приводимые данные являются официальными сведениями, отражающими организованную эвакуацию. Прописка беженцев и эвакуированных из прифронтовой полосы, прибывавших в неорганизованном порядке, без учреждений и предприятий, в ряде городов юга страны была просто запрещена, поэтому их численность нельзя учесть. По мере возможностей эвакуированные граждане отправлялись дальше, на восток страны, опасаясь наступления вермахта, части которого 17 октября захватили Таганрог, а 21 ноября ненадолго ворвались и в Ростов-на-Дону. Если осенью 1941 г. в Краснодарском крае насчитывалось 226 тыс. эвакуированных, то в январе 1942 г. осталось 51 353 человека, остальные выехали в глубокий тыл⁶⁷.

Массовый приток эвакуированных отсрочил на некоторое время снижение численности населения, обусловленное призывом в армию и падением уровня рождаемости. Но в конце осени 1941 г. началась эвакуация на восток жителей южных областей. Только из Крыма было вывезено более 225 тыс. человек, в том числе до 26 тыс. человек из Севастополя. С ноября 1941 по июль 1942 г. из Севастополя дополнительно было эвакуировано 58 тыс. граждан. Во время второй эвакуации с Керченского полуострова в мае 1942 г. было переправлено на Таманский полуостров еще около 12 тыс. человек. Всего из Крыма было эвакуировано около 300 тыс. граждан, в основном в Краснодарский и Орджоникидзевский края, в республики Южного Кавказа и Средней Азии⁶⁸.

Из Ростова-на-Дону осенью 1941 г. эвакуировали рабочих и служащих военных заводов, студентов вузов. В начале 1942 г., в связи с освобождением Ростова-на-Дону советскими войсками, большинство

⁶⁶ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 249. Л. 67.

⁶⁷ Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: Рассекреченные документы. Хроника событий. В 3 кн. Кн. 1. Хроника событий 1941–1942 гг. С. 181.

⁶⁸ Басов А. В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. С. 27.

эвакуированных вернулось. Однако летом 1942 г. части вермахта провалились на Кавказ. Спасаясь от немецкой оккупации, тысячи жителей региона, прежде всего Краснодарского и Орджоникидзевского краев, покинули свои места жительства, оказались в соседних автономных республиках Северного Кавказа, а также в республиках Южного Кавказа, областях Сибири и Урала. Но решение об эвакуации было принято слишком поздно, когда многие железнодорожные узлы находились под непрерывной вражеской бомбардировкой, а советские войска отступали под натиском значительно превосходивших их в технике сил противника. В результате из некоторых районов не успели своевременно эвакуироваться даже советские и партийные руководители, рядовые коммунисты и члены их семей⁶⁹.

Захват южных территорий СССР немецкими войсками и их союзниками сопровождался новыми потерями, в первую очередь в связи с репрессиями нацистов, а также стремлением их лидеров использовать советские трудовые ресурсы в Третьем рейхе. При этом первоначально применялись методы добровольной вербовки, затем преобладающим стал принудительный вывоз советских жителей. Только в Кабардино-Балкарской АССР были уничтожены 2 168 мирных жителей⁷⁰. В Калмыцкой АССР были убиты и замучены 1 276 мирных советских граждан, 546 человек угнаны в Германию⁷¹. В Крыму за время оккупации расстреляли 71 921 жителя и 19 319 советских военнопленных, замучили 18 322 жителя и 25 615 военнослужащих, угнали в Третий рейх 85 447 человек. Всего в Крымской АССР было расстреляно, замучено и угнано на работы 219 625 человек⁷². В Северо-Осетинской АССР оккупанты расстреляли 128 мирных граждан, подвергли насилию еще 150 человек. От налетов авиации и артиллерийских обстрелов погибли 1 323 человека, получил ранение еще 781 человек, на работы были угнаны 1 659 человек⁷³. В Краснодарском крае оккупанты убили и замучили 48 560 мирных граждан, 6 570 военнопленных, угнали на работу 48 464 человека⁷⁴. В Орджоникидзевском крае

⁶⁹ *Линец С. И.* Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 — октябрь 1943 г.). Ростов-на-Дону, 2003. С. 79, 80.

⁷⁰ ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 7. Д. 122. Л. 7.

⁷¹ ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 8. Д. 38. Л. 4.

⁷² ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 9. Д. 223. Л. 11.

⁷³ ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 12. Д. 70. Л. 2.

⁷⁴ ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 16. Д. 586. Л. 21.

было уничтожено 31 645 мирных жителей, угнаны в Германию 990 человек⁷⁵. В Карачаевской АО было убито и замучено более 4 тыс. мирных граждан⁷⁶.

В Ростовской области от оккупации пострадали 182 061 человек. Были расстреляны 46 289, замучены 42 599, отравлены 5, повешены 139, сожжены 12 человек, насилию подверглись еще 210 человек. Оказались убиты при бомбардировке 7 737, избиты оккупантами 915, угнаны в рабство 84 030, пропали без вести 125 человек⁷⁷. Захватчики расстреляли 15 192 и замучили еще 5 806 военнопленных на территории Ростовской области⁷⁸. В Сталинградской области были повешены 108, расстреляны 1744, погибли от бомбардировок и обстрелов 42 797 человек, подвергнуты пыткам и насилиям 1598, угнаны на работы 64 224 человека⁷⁹. Всего на юге РСФСР, по отчетам Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (далее — ЧГК), а также региональных комиссий содействия ей, погибли в период оккупации 316 773 человека, на работы в Третий рейх были угнаны 602 133 человека (см. табл. 2).

Изменился и этнический состав южных регионов вследствие почти полного уничтожения евреев и цыган. Согласно данным энциклопедии «Холокост на территории СССР», только в Крымской АССР было уничтожено более 40 тыс. евреев и крымчаков, в Ростовской области — более 40 тыс. евреев⁸⁰. В Краснодарском и Орджоникидзевском краях — примерно по 27 тыс. евреев⁸¹. В Калмыцкой АССР погибло более 1,5 тыс. местных и эвакуированных евреев, в Карачаевской АО и Черкесской АО — около 1,6 тыс. человек, в Сталинградской области — около 600 евреев⁸². В Адыгейской АО — около 200 человек,

⁷⁵ ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 17. Д. 311. Л. 4.

⁷⁶ Там же. Д. 7. Л. 12–13.

⁷⁷ ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 125. Д. 10. Л. 8.

⁷⁸ Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 22. Л. 33.

⁷⁹ Там же. Ф. 113. Оп. 14. Д. 13. Л. 3.

⁸⁰ Холокост на территории СССР: Энциклопедия. М., 2009. С. 486, 870.

⁸¹ Книга Памяти. Российская Федерация: Карачаево-Черкесская Республика. Май-коп, 1999. Т. 2. С. 89.

⁸² Там же. С. 378, 388, 935.

в Кабардино-Балкарской АССР — несколько десятков евреев⁸³. Всего в областях, краях и автономных республиках юга РСФСР погибло не менее 138 тыс. евреев, что составляет подавляющее большинство всех жертв Холокоста, уничтоженных нацистами в период оккупации РСФСР в 1941–1944 гг. (по подсчетам И. А. Альтмана, не менее 144 тыс. человек⁸⁴). Большинство спасшихся евреев находились в эвакуации или служили в действующей армии, на территориях юга РСФСР к моменту их освобождения сумели уцелеть лишь единицы. Данных о гибели цыган по отдельным регионам юга РСФСР нет, но можно предположить, что и их ждала похожая участь, но с меньшим масштабом общего количества жертв, поскольку и их численность до оккупации была меньше. Всего на оккупированной территории СССР погибли от 30 до 50 тыс. цыган⁸⁵.

Таблица 2. Прямые демографические потери вследствие нацистской оккупации для южных регионов СССР (по документам ЧГК)

Регионы	Погибло мирных жителей	Угнано на работы	Демографические потери
Кабардино-Балкарская АССР	2 168		2 168
Калмыцкая АССР	1 276	546	1 822
Крымская АССР	90 243	85 447	175 690
Северо-Осетинская АССР	1 451	1 659	3 110
Краснодарский край	48 560	48 464	97 024
Орджоникидзевский край	31 645	990	32 635
Ростовская область	96 781	84 030	180 811
Сталинградская область	44 649	64 224	108 873
<i>Всего по Югу РСФСР</i>	<i>316 773</i>	<i>285 360</i>	<i>602 133</i>

Необходимо учитывать, что при этих подсчетах использовали данные, которые не всегда являлись окончательными и лишь относительно достоверными. В материалах статистического управления Краснодарского края количество угнанных на работу в Третий рейх

⁸³ Там же. С. 11, 371.

⁸⁴ Там же. С. 675.

⁸⁵ Там же. С. 1047–1056.

определялось цифрой, более чем в два раза превосходившей ту, которая приводится в материалах краевой комиссии содействия ЧГК, — 102 тыс. угнанных жителей, а в документах переселенческого отдела крайисполкома — еще больше, 129 335 человек⁸⁶. Тем не менее приводимые данные можно считать ориентировочными, фиксирующими не только порядок распределения и соотношения потерь между отдельными краями, областями и республиками, но и их общий масштаб.

Часть жителей добровольно ушли с отступавшими немецкими войсками. Это, прежде всего, лица, пошедшие на сотрудничество с оккупантами и опасавшиеся за свою судьбу в результате освобождения региона советскими войсками. По некоторым данным, в январе — марте 1943 г. на Таманском полуострове скопилось 80 тыс. человек — беженцев из южной части Кубани и Ставрополя, участников различных формирований в составе вермахта вместе с членами их семей⁸⁷.

Значительно изменили этнодемографеский облик юга страны этнические депортации. По времени осуществления и причинам переселения их можно разделить на два основных потока. Первой массовой депортацией в годы войны стало выселение в сентябре 1941 г. 1,4 млн советских немцев, в том числе 149 206 человек из Краснодарского и Ставропольского краев, Кабардино-Балкарской АССР и Северо-Осетинской АССР, а также из Тульской области, 38 288 из Ростовской области, 26 245 человек из Сталинградской области⁸⁸. С приближением войск вермахта в апреле — мае 1942 г. из прифронтовых районов Крыма и Северного Кавказа отселили около 10 тыс. «иностранноподанных» греков, а также румын, крымских татар и других «антисоветских, чуждых и сомнительных элементов»⁸⁹. Эти меры носили превентивный характер, имея целью не допустить их перехода на сторону врага. Подобные действия предпринимались и правительствами западных стран в отношении немцев и японцев. В основе их лежали опасения действий «пятой колонны» противника, слухи о которой широко распространялись накануне и в начале войны.

⁸⁶ Государственный архив Краснодарского края (далее — ГАКК). Ф. Р-1246. Оп. 1. Д. 407. Л. 4; Ф. Р-1539. Оп. 1. Д. 7. Л. 28.

⁸⁷ История Кубани. XX век. Очерки. Краснодар, 1998. С. 134–135.

⁸⁸ Бердинских В.А., Бердинских И.В., Веремьев В.И. Система спецпоселений в Советском Союзе 1930–1950-х годов. Сыктывкар, 2015. С. 56, 59.

⁸⁹ Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы). М., 1998. С. 237.

Но советское правительство применяло депортацию и как карательную меру, огульно обвинив ряд народов в измене Родине, сотрудничестве с противником, создании бандформирований и других антисоветских действиях. В октябре 1943 г. на восток страны были выселены 68,9 тыс. карачаевцев, в конце декабря — 91,9 тыс. калмыков, в феврале 1944 г. — 310,6 тыс. чеченцев и 81,1 тыс. ингушей, в марте — 37 тыс. балкарцев, в мае — 183,2 тыс. крымских татар. Кроме того, в мае 1944 г. были выселены семьи кабардинцев — «активных немецких пособников, предателей, изменников», а также «члены семей лиц, добровольно ушедших с немцами» — всего 2051 человек⁹⁰. Представители репрессированных народов выселялись и из других регионов страны. Так, из Дагестанской АССР, Азербайджанской и Грузинской ССР, Краснодарского края, Ростовской и Астраханской областей были выселены 4 146 чеченцев, ингушей, калмыков, карачаевцев и балкарцев. Из Дагестанской АССР были также депортированы 30 тыс. чеченцев-ауховцев⁹¹. Общая численность переселенцев только с Северного Кавказа с ноября 1943 г. по март 1944 г. в Казахскую ССР и Киргизскую ССР составила 602 193 человека⁹². В мае — июне 1944 г. из Крыма были депортированы 15 тыс. греков, 12,4 тыс. болгар и 9,6 тыс. армян⁹³. Вслед за ними последовали 3,5 тыс. граждан Греции, Турции и Ирана, имевшие просроченные иностранные паспорта, несколько сотен венгров, румын и итальянцев, а также около 2 тыс. немцев, не выселенных в 1941 г.⁹⁴ Многих представителей депортированных народов уволили из рядов Вооруженных сил СССР и отправили в места принудительной ссылки.

В целях хозяйственного использования территорий, на которых прежде проживали депортированные народы, сюда переселяли жителей других регионов. Так, по постановлению СНК СССР от 9 марта 1944 г. в 11 районов бывшей Чечено-Ингушской АССР, вошедших в состав Грозненской области, из Ставропольского края было переселено 6,8 тыс. семей, а из самой Грозненской области и города Грозного — 5 892 хозяйства колхозников. К 15 мая в бывшие чеченские и ингушские села, в которых ранее находилось 32 110 хозяйств чеченцев

⁹⁰ Шабает Д. В. Правда о выселении балкарцев. Нальчик, 1994. С. 47–51.

⁹¹ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005. С. 108.

⁹² «По решению Правительства Союза ССР...». Нальчик, 2003. С. 510.

⁹³ Бердинских В. А., Бердинских И. В., Веремьев В. И. Указ. соч. С. 63.

⁹⁴ Там же. С. 65.

и ингушей, переместились 12 692 семейства. Количество новых переселенцев составило менее 40% прежнего населения. Незаселенными оставались 22 села, и 20 сел были заселены частично⁹⁵. Поэтому было предложено переселить в Грозненскую область колхозников из мало-земельных областей РСФСР. В феврале — марте 1945 г. в Грозненскую область переселили 2 тыс. хозяйств из Брянской, Вологодской, Ивановской, Калужской и Кировской областей⁹⁶. Всего в районы, вошедшие в Грозненскую область, было переселено из РСФСР, УССР и МССР 78 тыс. человек.

В районы, отошедшие к Дагестанской АССР после ликвидации Чечено-Ингушской АССР, переселились из высокогорных районов республики 46 тыс. человек, в том числе аварцы, даргинцы и представители других народов Дагестана. Территория упраздненного Ауховского района Дагестанской АССР заселялась лакцами и аварцами. В районы, включенные в состав Северо-Осетинской АССР, переселились 55 тыс. человек, в том числе 26 тыс. осетин из высокогорных населенных пунктов Юго-Осетинской АО Грузинской ССР и 15 тыс. осетин из самой Северо-Осетинской АССР. В Грузинской ССР в Клухорский район из горных районов переселялись сваны, рачинцы и лечхумцы, в южные районы бывшей Чечено-Ингушетии — хевсурцы и тушины. Но значительная часть территории, вошедшей в состав Грузинской ССР, так и осталась незаселенной⁹⁷.

С продвижением Красной армии на запад эвакуированные граждане стали возвращаться домой. Но в большинстве южных регионов, переживших нацистскую оккупацию, ее демографические последствия продолжали сказываться достаточно долго. К 1 ноября 1944 г. численность населения двух краев, двух областей и четырех автономных республик юга РСФСР (без Крыма, статистические данные по которому на данный момент отсутствовали) сократилась более чем на 2,7 млн человек, или на 22,4% по сравнению с началом 1941 г.⁹⁸ В сравнении с численностью населения указанных регионов к началу Великой Отечественной войны их демографические потери оказываются еще

⁹⁵ См.: Хлынина Т. П., Кричко Е. Ф., Урушадзе А. Т. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. С. 237.

⁹⁶ «По решению Правительства Союза ССР...». С. 473.

⁹⁷ Бугай Н. Ф., Гонов А. М. Северный Кавказ: границы, конфликты, беженцы (документы, факты, комментарии). Ростов-на-Дону, 1997. С. 172.

⁹⁸ Рассчитано на основе: РГАЭ. Ф. 1526. Оп. 20. Д. 475. Л. 2.

больше, как минимум на 100–150 тыс. человек, а с учетом Крыма — примерно на 0,6 млн человек. Население Крыма к 1 января 1945 г. было в два с лишним раза меньше, чем до войны, насчитывая всего 555,4 тыс. человек, в том числе 245,4 тыс. человек в городах и 310,4 тыс. человек в сельской местности⁹⁹. В 1945 г. численность населения большей части южных регионов РСФСР постепенно возрастала, особенно горожан вследствие возвращения жителей из тыловых районов страны. Совокупная численность горожан Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской и Грозненской областей, Кабардинской АССР и Северо-Осетинской АССР выросла к 1 января 1945 г. по сравнению с 1 ноября 1944 г. на 289,1 тыс. человек. Однако численность сельских жителей и населения указанных регионов юга РСФСР в целом вследствие депортации оказалась к 1 января 1945 г. даже ниже, чем 1 ноября 1944 г. (см. табл. 3).

Таблица 3. Изменение численности населения ряда регионов РСФСР по расчетам органов статистики в 1944–1945 гг. (тыс. человек)¹⁰⁰

	1 ноября 1944 г.			1 января 1945 г.		
	Город	Село	Всего	Город	Село	Всего
Краснодарский край	500,6	1942,5	2443,1	595,0	1887,0	2482,0
Ставропольский край	309,5	1231,9	1541,4	306,4	1040,1	1346,5
Ростовская область	728,1	1402,6	2130,7	891,7	1308,1	2199,8
Кабардино-Балкарская (Кабардинская) АССР	83,0	231,0	314,0	87,0	197,0	284,0
Чечено-Ингушская АССР (Грозненская область)	152,8	443,5	596,3	164,0	168,0	332,0
Северо-Осетинская АССР	140,0	147,0	287,0	159,0	188,3	347,3
Всего	1914	5398,5	7312,5	2203,1	4788,5	6991,6

Ситуация стала меняться только с началом демобилизации военнослужащих из действующей армии, а также репатриаций «восточных рабочих», военнопленных, других гражданских лиц, оказавшихся за пределами страны. Отсутствие необходимых источников не позволяет назвать точное количество прибывших в южные регионы демоби-

⁹⁹ РГАЭ. Ф. 1526. Оп. 20. Д. 564. Л. 2 об.

¹⁰⁰ Там же. Д. 475. Л. 2; Д. 564. Л. 1–2 об.

лизованных военнослужащих и репатриантов. Например, в Краснодар в 1945 г. вернулось 11,3 тыс. демобилизованных солдат и офицеров. В результате население города составило 73 тыс. человек. Прибытие такого количества демобилизованных ставило перед местными властями задачи предоставления им жилья, трудоустройства, социального обеспечения¹⁰¹. Но не всех ожидала дома радостная встреча: представителей депортированных народов сразу отправили на восток страны, к местам проживания их семей и родственников.

Завершающим этапом Второй мировой войны для СССР стала советско-японская война 1945 г. Понесенные в ходе войны общие (12031 человек) и безвозвратные (24425 человек)¹⁰² потери не были существенными для демографической ситуации на юге РСФСР. При отсутствии специальной мобилизации и начавшейся демобилизации они неизбежно «растворяются» в общей разнице между мобилизованными в течение всей войны и демобилизованными жителями южных регионов.

Таким образом, мобилизация, эвакуация, нацистская оккупация, этнические депортации привели к тому, что население юга РСФСР понесло значительную убыль. Резко изменилось соотношение мужского и женского населения. Так, после войны в Краснодарском крае на 100 мужчин в возрасте от 16 до 55 лет приходилось 332 женщины того же возраста, в Ставропольском крае — 260, в Ростовской области — 248¹⁰³. Демобилизация, реэвакуация и репатриация способствовали увеличению численности населения юга РСФСР. Но демографические последствия Второй мировой войны продолжали еще долго сказываться после ее окончания.

¹⁰¹ Екатеринодар — Краснодар. Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к Летописи. Краснодар, 1993. С. 622–623.

¹⁰² Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. URL: http://lib.ru/MEMUARY/1939-1945/KRIWOSHEEW/poteri.txt#w06.htm_Тoc536603408 (дата обращения: 20.09.2020).

¹⁰³ Полвека назад: Великая Отечественная война: Цифры и факты. М., 1995. С. 89.

Советский человек на фронте и в тылу: из опыта работы с частным архивом и источниками личного происхождения

Проблема советского человека на фронте и в тылу на протяжении долгого времени является одной из самых актуальных. В связи с этим стоит обратиться к такой исторической дисциплине, как биография. Историко-биографический метод исторического исследования направлен на описание, реконструкцию и анализ обстоятельств жизни, результатов деятельности, психологического портрета исторической личности. Кроме того, это метод изучения личных документов (автобиографий, писем, дневников, мемуаров). Несомненно, богатейший материал для подобного рода исследований содержат частные архивы. Частный архив — это, безусловно, интересный для исследователя набор источников. Кроме того, привлекая другие документы, можно дополнить представленную картину жизни. В то же время исследователю необходимо учитывать и субъективную составляющую частного архива.

В данной работе использованы документы частного архива семьи Матвеевых для реконструкции исторических событий XX в. Представители этой семьи участвовали в исторических событиях в той мере, в которой в них неизбежно участвует каждый. Архив был предоставлен Л. В. Матвеевой, редактором Центрального телевидения, членом Союза журналистов России. В архиве хранятся делопроизводственные документы, письма, фотографии и видеозапись. На их основе нам

¹ Кошкина Ольга Анатольевна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В. М. Васильева (г. Йошкар-Ола).

удалось восстановить биографию Александра и Василия Матвеевых и частично проследить судьбу их родителей, братьев и сестер. Всех их непосредственно коснулась Великая Отечественная война 1941–1945 гг. И, следуя заявленному направлению, мы остановимся на тех фактах биографии, которые касаются непосредственно военных событий. В данном случае можно увидеть, как война отразилась на судьбе кадрового военного Александра Матвеева и его брата, работника тыла Василия Матвеева.

Первая тема — отношение к советским военнопленным. Плен — это участь сотен тысяч советских солдат и офицеров в годы Великой Отечественной войны. Разделил ее и Александр Васильевич Матвеев. Он родился в 1904 г. в многодетной крестьянской семье в деревне Большое Пызаково Новоторьяльской волости Уржумского уезда Вятской губернии (ныне Новоторьяльского района Республики Марий Эл). После окончания Военно-морской академии ВМФ им. К. Ворошилова в Ленинграде стал офицером Балтийского военно-морского флота. С апреля 1940 г. — начальник электромеханической службы штаба Управления коменданта береговой обороны Балтийской военно-морской базы. Будучи на морской границе, он в числе первых воинов Красной армии принял удары фашистской Германии на острове Эзель. В одном из документов А. В. Матвеев вспоминает эти события и дает оценку действиям командования: «Решение командования частями Моондзунского архипелага об отступлении на полуостров Сырве считал и считаю совершенно неправильным. Зачем нужно было загонять весь гарнизон в мешок? Было бы правильнее отступить под прикрытием 317, 24, 25 и 44 береговых батарей — к острову Даго...»²

К концу сентября в рядах защитников архипелага оставалось около 1500 человек со слабым вооружением и незначительным запасом боеприпасов. Бои на последнем рубеже обороны Эзеля продолжались почти 10 дней и отличались большой ожесточенностью. В ночь с 3 на 4 октября на Даго ушли катера, на которых эвакуировалось около 170 человек, в том числе комендант береговой обороны Балтийского района (БОБР) генерал А. Б. Елисеев (впоследствии застрелился). Но большую часть воинов переправить не удалось. Направленные для их спасения плавсредства из-за шторма и непрекращающегося

² Заявление А. В. Матвеева в партийную комиссию политотдела Лентыла. 27 октября 1945 г. // Документы из личного архива Л. В. Матвеевой.

обстрела со стороны врага не смогли достигнуть полуострова Сырве. 4 октября в Москву поступила последняя телеграмма с архипелага. Связь с защитниками острова Ээль прекратилась.

5 и 6 октября немцы сосредоточили все силы и средства на окончности полуострова Сырве. Усиленно бомбила немецкая авиация, с Балтийского моря и Рижского залива обстреливали корабли, с острова била полевая артиллерия. Но гарнизон острова Ээль сопротивлялся отчаянно, буквально до последнего снаряда и последнего патрона. Моонзундская оборонительная операция длилась более полутора месяцев, вплоть до 22 октября 1941 г.

В этих боях Александр Матвеев был контужен и очнулся уже в плену. Подробности жизни в плену сначала в лагере Куртна (Эстонская ССР), затем в польской крепости Демблин также описаны им документах 1945 г.: «Перед рассветом 5 октября мы с капитаном Корсаковым пошли по над берегом со стороны Балтийского моря и дошли до района села Торгу. На пути уничтожили партбилеты и содрали нашивки. Обстрел продолжался с неослабевающей силой. Во время этого обстрела меня контузило, а Корсаков был убит. Примерно к 6 или 7 часам вечера меня вместе с другими краснофлотцами и красноармейцами пригнали в село Торгу, там было наших пленных около 200–300 человек. На другой день нас погнали в город Куресааре и загнали в сарай порта Рамасааре, где продержали до 9 октября. К моменту отправки из Куресааре наших пленных было около 2–2,5 тыс. человек... 11 октября одну партию пленных в количестве 1 тыс. — 1,5 тыс. человек отправили в лагерь для военнопленных в г. Валга (Эстонская ССР). По прибытии в Валгу нас рассовали в пяти конюшнях-сараях, где до нас содержали около 10–12 тыс. пленных. Кошмарные условия жизни в немецких лагерях общеизвестны — ...антисанитария, побои, расстрелы, виселицы и т. д. Люди умирали с голоду, потому что немцы давали на день 100 г хлеба и 0,5 литра баланды из гнилой картошки и мерзлой капусты. Люди умирали с холоду, потому что немцы сняли с пленных все хорошее обмундирование и одели в рваное тряпье, плюс к этому — пленных загнали в сараи или содержали под открытым небом, загороженными несколькими рядами колючей проволоки. Люди умирали от... эпидемий, так как валялись на голой земле в грязи и в навозе. Люди умирали от побоев и издевательств.

В начале декабря группу военнопленных в 150 человек отправили на работу в лагерь Куртна (Эстонская ССР). К месту назначения при-

были в середине декабря около 115–112 человек... Часть умерли дорогой, а часть расстреляли немцы... Сколько было случаев привода в лагерь убежавших пленных. Как правило, приведенных беглецов вешали или избивали до потери сознания..

В октябре 1942 года нас перевезли в Польшу, в крепость Демблин. В Демблине пленные были заключены в шести блоках около 12 000 человек. Нас заперли в первый блок и объявили “карантин” — якобы началась эпидемия тифа, нас никуда не выпускали и к нам был доступ закрыт, таким образом мы были совершенно изолированы от окружающей среды. ...беда была в том, что нас никуда не выпускали и тиф начал свирепствовать. Совершенно неожиданно для нас немцы начали выдавать хлеб на день по 300 г, но с содержанием 20–80% деревянных опилок. Потом до нас дошел слух, что это произошло после ноты тов. Молотова. В Демблине нас продержали до апреля 1943 года, а потом перевезли 400–500 человек в г. Львов»³.

Как известно, лагерь Демблин (шталаг 307) был одним из предварительных лагерей, где немцы концентрировали силы для создания легиона «Идель-Урал» (Волго-татарский легион) — антисоветского воинского формирования, созданного осенью 1942 г. из военнопленных народов Поволжья и Приуралья. Попытки использовать легион в борьбе против советских партизан и Красной армии оказались малоэффективными, батальоны переходили на сторону партизан, присоединялись к польскими и французским участникам Сопротивления⁴.

А. В. Матвеев описывает, как карались попытки побега из лагеря, но несмотря на это в течение 1943–1944 гг. он начал готовить и свою группу к побегу. «В конце июля прошел слух, что нас скоро отправят отсюда. Этот слух стал более упорным. Нельзя было сразу верить в это, могла быть провокация для раскрытия подпольщиков. Действительно, 20 июля нас построили и объявили, чтобы всем собраться со своими котомками. В этот же день нас погнали на железнодорожную станцию, загнали в вагон и поезд тронулся. Но куда везут? Куда бы то ни было, нужно было воспользоваться случаем. На другую же ночь я со своей группой 8 человек примерно в 12 часов ночи в районе города Кросно сбежал. Получилось это так: когда привезли в Кросно, там нас выгрузили. Вечером построили и погнали пешком. Нам это и нужно было.

³ Там же.

⁴ См. подр.: *Гилязов И. А.* Легион «Идель-Урал». Представители народов Поволжья и Приуралья под знаменами «третьего рейха». Казань, 2005.

В 8 км от города Миргород мы убежали. Сразу же я со своей группой резко повернул на юг к Карпатским горам. Через некоторое время мы узнали, что после нашего бегства сбежали еще несколько десятков пленных»⁵.

Таким образом, летом 1944 г. они бежали и связались с польскими бойцами Сопротивления. А в июле 1944 г. группа представилась в распоряжение командира партизанского отряда лейтенанта А. К. Островского. В конце августа 1944 г. отряд, перейдя чехословацкую границу, соединился с основным отрядом капитана В. А. Квитинского. Инженер-капитан-лейтенант А. В. Матвеев стал начальником штаба бригады. О его службе в партизанском отряде сохранились письма Героя Советского Союза В. А. Квитинского⁶. В 1945 г. А. В. Матвеев был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени. После окончания войны он был назначен начальником первого отделения Научно-исследовательского института аварийно-спасательной службы ВМФ в г. Ломоносове Ленинградской области, но через три года уволен в запас по болезни. А 2 ноября 1948 г. в Ленинграде А. В. Матвеев был арестован, осужден «за предательство в период пребывания в плену» и отправлен в Дубравлаг в Мордовии («Потьминские лагеря»), где умер в 1950 г. Лишь в 1995 г. был подписан указ «О восстановлении законных прав российских граждан — бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период», по которому дожившим были дарованы права ветеранов войны. Но многие умерли, так и не дождавшись реабилитации.

Вторая тема — советский человек в тылу. Василий Васильевич Матвеев родился в 1911 г. В 1934 г. окончил Московский механико-машиностроительный институт, работал на Московском чугунолитейном, арматурном и механическом заводе им. Г. М. Маленкова. В годы войны В. В. Матвеев был назначен начальником военного отдела Наркомата местной промышленности РСФСР. Его семья (жена, дочь, мать и сестра) была эвакуирована в Башкирскую АССР.

Военный отдел занимался планированием производства и контролем за поставками фронту огромного количества различных видов

⁵ Заявление А. В. Матвеева в партийную комиссию политотдела Лентыла. 27 октября 1945 г. // Документы из личного архива Л. В. Матвеевой.

⁶ Копия письма В. А. Квитинского М. Т. Сергееву. 10 апреля 1987 г. // Документы из личного архива Л. В. Матвеевой.

продукции, производимой на предприятиях местной промышленности, расположенных почти в 70 краях, областях и автономных республиках страны. Большая часть промышленных предприятий была эвакуирована на восток, многие города и населенные пункты находились в разных часовых поясах. Военные отделы работали круглосуточно. Большинство ночей В. В. Матвееву приходилось проводить в служебном кабинете наркомата на Большой Пироговской в Москве. Как уполномоченный Совета народных комиссаров РСФСР по обеспечению выполнения спецзаданий местной промышленностью он часто бывал в командировках в разных концах страны. В его документах, в том числе и воспоминаниях, записанных на видео, есть сведения о поездках для налаживания производства — например, как восстанавливали производство подков в Магнитогорске.

«В 1942 году зима наступила рано, ударили сильные морозы. А на фронте были и кавалерийские отряды, и для хозяйственных работ во многих случаях использовались лошади. Так вот, кавалерия Красной Армии оказалась “разутой”. Было какое-то количество подков, но совершенно недостаточно. Кони были, а подков не было. Почему-то было прекращено их производство. И надо было срочно наладить его. Но где и как? ...Выяснил, что до войны подковы делал какой-то завод в Магнитогорске. Прилетел туда, начал искать, нашел. Но там уже давно подковы не делали, оборудование поменялось. ...надо было искать людей — специалистов. Обходил самые разные предприятия, кого-то нашел через отделы кадров, кого-то просто по рассказам людей, знавших рабочих того небольшого заводика. Собрал этих людей, привел туда. Обнаружилось, что нет и половины подходящего оборудования. Что делать? К счастью, среди этих людей оказались высококвалифицированные специалисты, которые профессионально разбирались в таком своеобразном, специфическом производстве. Главное, они знали, какими должны быть подходящие по профилю прессы. И вот с их помощью на Магнитогорском металлургическом комбинате подобрали необходимое оборудование»⁷. Причем каждый день В. В. Матвеев должен был докладывать в Москву заместителю председателя Совета народных комиссаров СССР А. И. Микояну о том, как идет подготовка производства этих самых подков. Это приравнялось к производству снарядов. И он наладил это производство.

⁷ Видеозапись 1997 г.

В.В. Матвеев был награжден орденом Красной Звезды. В конце 1944 г. он был переведен в бюро ЦК ВКП(б) по Эстонии. Также по документам мы можем проследить, как под его руководством как куратора промышленного отдела, а затем наркома (министра) сланцевой и химической промышленности Эстонской ССР шло восстановление затопленных сланцевых шахт и разрушенных сланцеперегонных заводов в условиях послевоенной разрухи.

Таким образом, документы частного архива достаточно информативны и представляют перспективы использования для реконструкции событий периода Великой Отечественной войны. При изучении таких архивов рассматриваются вопросы локальной, региональной истории, а также исторические события в масштабах страны в целом.

Н.Г. Бесплеменная¹

Юные защитники Сталинграда (по документам ГКУВО «ЦДНИВО»)

Война всегда ассоциируется с болью, горем, голодом, бедствием, смертью. Она испытывает людей на прочность, не делая скидок на возраст.

Не стала исключением и самая кровопролитная в истории человечества Великая Отечественная война, она повлияла на все сферы жизни общества нашей страны и стала суровым испытанием как для взрослых, так и для юных жителей городов и областей Советского Союза.

Как свидетельствуют архивные документы, сталинградские школьники привлекались к военной работе. Постановлением бюро Сталинградского обкома ВЛКСМ от 9 июля 1941 г. было организовано систематическое обучение пионеров и школьников правилам противовоздушной и химической обороны, правилам маскировки и противопожарным правилам. Из учащихся старших классов сформированы дружины, в которых проходило обучение санитарному делу, правилам службы дозоров, разведки, маскировки на местности, сигнализации. Привлекались пионеры и школьники к охране посевов, общественных зданий, телефонных, телеграфных и электрических линий, водопроводных и канализационных магистралей, мостов и переправ, к рытью бомбоубежищ и охране их. Организованы из числа учащихся группы самокатчиков, для использования их в качестве связных².

¹ Бесплеменная Наталья Геннадиевна — главный специалист отдела использования документов и социально-правовой информации ГКУВО «ЦДНИВО» (г. Волгоград).

² Государственное казенное учреждение Волгоградской области «Центр документации новейшей истории Волгоградской области» (далее ЦДНИВО). Ф. 114. Оп. 1. Д. 82. Л. 116.

Еще вчерашние школьники, мальчишки и девчонки военного времени, становились партизанами и разведчиками. Юные защитники Сталинграда при выполнении специальных заданий командования советской армии проявляли отвагу и мужество.

В архивных документах ГКУВО «ЦДНИВО» имеются списки и характеристики на пионеров и комсомольцев, представленных к правительственным наградам.

В списке на представление к награждению медалью «За оборону Сталинграда» секретаря Сталинградского обкома ВЛКСМ В. Левкина³ и списке на представление к награждению медалью «Партизан»⁴ значится Радыно Людмила Владимировна, 1930 года рождения, пионерка, учащаяся 5-го класса Пролейской средней школы.

Людмила Владимировна Бесчастнова (Радыно), или, как тогда называли двенадцатилетнюю девочку, Люся Радыно, по воле судьбы попала из блокадного Ленинграда, где в мае 1942 г. умерла от голода ее мама, в Сталинград.

Отец Люси погиб на фронте. Оставшись одна, она поехала разыскивать свою старшую сестру, которая была эвакуирована с предприятием в Краснодарский край.

«Я решила ехать к ней сама. Месяц добиралась <...> Но местность, где жила сестра, оказалась оккупированной. Меня направили в детприемник в Сталинграде», — рассказывала Людмила Владимировна сотруднику редакции ленинградской газеты «Смена»⁵.

«Сталинград принял меня словно родную. А в детском доме старались заставить меня забыть все пережитое. Этот незнакомый мне город стал таким, словно я давно знала и любила его. А сейчас он горел. Мне было страшно за него, было больно видеть, как рушатся здания, как гибнут люди», — так пишет в своем воспоминании Люся в 1943 г.⁶

Из характеристики на партизанку Людмилу Владимировну Радыно, 1930 года рождения, пионерку, ученицу 5-го класса Пролейской средней школы, награжденную правительством медалями «За отвагу» и «За оборону Сталинграда»: «В дни осады Сталинграда она была разведчицей 62-й армии. Девять раз переходила линию фронта, в тылу у врага выполняла спец. задания командования частей Красной Армии.

³ Там же. Д. 415. Л. 6.

⁴ Там же. Д. 217. Л. 1.

⁵ ЦДНИВО. Ф. 149. Оп. 3. Д. 597. Л. 2.

⁶ ЦДНИВО. Ф. 114. Оп. 1. Д. 309. Л. 15.

Приносила сведения о расположении частей противника, их боеспособности, прерывала связь между подразделениями противника, выводила из окружения командиров Красной Армии, разведчиков»⁷.

В первой половине августа 1942 г. Люся вместе с Еленой Константиновной Алексеевой под видом матери и дочери впервые были заброшены в тыл врага.

Елена Константиновна Алексеева, партработник Центрального (Ерманского) райкома партии, разведчица одного из подразделений 62-й армии, пенсионер республиканского значения, в своих воспоминаниях рассказывает о Люсе Радыно следующее: «Люся, как ребенок, очень боялась немцев, дрожала и держала меня за руку, пряталась. Называла меня мамой. Где отдыхали и знакомились с обстановкой, Люся доставала свои бумажки и раскладывала фантики или из косыночки, которой она была повязана, делала куколку. В дороге она уставала и даже плакала, все-таки быстро успокаивалась, и мы с ней продолжали выполнять задание»⁸.

Т. Чепусова, бывшая разведчица, рассказывала, что познакомилась с Люсей при выполнении боевого задания в Латошинке. «Тогда я не знала, что она здесь, как и я, выполняет боевое задание. Узнала позже, после возвращения к своим. С того дня мы стали дружить. Всего тринадцатый год шел ей, но она выполняла задания, как взрослая, ходила в глубокие разведки на Дон, в Калач, Городище, Гумрак. <...> Когда мы были вместе, она рассказывала мне о Ленинграде, о смерти матери. Иногда слушаешь ее и думаешь — совсем взрослый человек, а иногда: нет, все-таки еще ребенок. Когда нас вызвали в штаб и майор вручил Люсе медаль “За отвагу”, она сказала: “спасибо дяденька”»⁹.

В своих воспоминаниях в 1943 г. Люся написала: «Я счастлива тем, что выполнила все то, что мне казалось нужно для родины. Медаль “За отвагу”, которую я ношу, подтверждает это. Мне исполнилось тринадцать лет, а подруги говорят мне: “у тебя седые волосы”».

Они появились в те дни, когда попала к немцам. Но, все же, я отомстила им, как могла, за мать, за раны города Ленина, за разрушенный Сталинград. Сейчас я снова учусь в школе. Но всегда готова идти на любые трудности, за счастье народа, под черными тучами, сквозь огонь войны и взрывы снарядов»¹⁰.

⁷ Там же. Д. 224. Л. 77.

⁸ ЦДНВО. Ф. 149. Оп. 3. Д. 5. Л. 4.

⁹ Там же. Д. 597. Л. 4.

¹⁰ ЦДНВО. Ф. 114. Оп. 1. Д. 309. Л. 22.

После войны Люся вернулась в Ленинград, там окончила вечерний институт, вышла замуж, родила сына, работала в школе № 71 учителем труда.

С боевыми подругами Людмила Викторовна встретилась через много лет.

Елена Константиновна Алексеева рассказала о той встрече: «До 1970 года мы друг о друге ничего не знали. Каждый из нас считали погибшими друг друга. И только через работника музея обороны нашли друг друга»¹¹.

Не менее отважным партизаном и разведчиком был пионер Виктор Иванович Громов, 1930 года рождения, учащийся ремесленного училища № 1. Его имя указано в списке на представление к награждению медалью «Партизан»¹² и в списке на представление к награждению медалью «За оборону Сталинграда»¹³.

Приведем характеристику на партизана Виктора Ивановича Громова, 1930 года рождения, пионера, учащегося ремесленного училища № 1, награжденного медалью «За оборону Сталинграда», представленного к правительственной награде «За отвагу». Виктор Иванович Громов в дни осады города был разведчиком в части, защищающей Сталинград. «Три раза переходил линию фронта, разведывал огневые точки, места скопления противника, места расположения складов с боеприпасами, важных объектов. Громовым Виктором был взорван большой склад с боеприпасами. Он принимал непосредственное участие в боях»¹⁴.

Юные герои отважно сражались в составе партизанских отрядов. Эти обычные на вид ребята показывали примеры мужества.

В списке на представление к награждению медалью «За оборону Сталинграда» секретаря Сталинградского обкома ВЛКСМ В. Левкина¹⁵ значится Михаил Зиновьевич Романов (посмертно), 1929 года рождения, пионер. В дни осады Сталинграда находился в партизанском отряде, который принял бой с румынским отрядом. Погиб смертью героя в неравном бою с врагом.

Медалью «За оборону Сталинграда» посмертно награжден рядовой комсомолец Виктор Леонов. Ему было всего 17 лет. С первых дней

¹¹ ЦДНИВО. Ф. 149. Оп. 3. Д. 5. Л. 4.

¹² ЦДНИВО. Ф. 114. Оп. 1. Д. 217. Л. 2.

¹³ Там же. Д. 224. Л. 41.

¹⁴ Там же. Д. 224. Л. 65.

¹⁵ Там же. Д. 415. Л. 7.

осады города он работал радистом в 64-й армии, потом после расформирования части пришел в обком ВЛКСМ и попросил о том, чтобы его переправили опять через линию фронта в тыл врага. 13 декабря 1942 г. он был послан уже в 6-й раз в Сталинград, в тыл врага. Задание он выполнил и возвращался 27 декабря 1942 г. в распоряжение своих войск. Был ранен разрывной пулей в ногу. Его взяла немецкая разведка. Виктор подвергался жестоким пыткам в комендатуре немцев в 3-м доме Советов. Ранагноилась, началась гангрена, немецкие врачи поддерживали его жизнь, продлевая страдания. 25 января 1943 г. Виктора Леонова расстреляли. Тело его не найдено¹⁶.

Из воспоминаний Виктора Леонова: «12 сентября 1942 года по специальному заданию разведотдела штаба 62-й армии я был оставлен в центре города по Ломоносовской улице. 25 сентября в центр города вошли немцы. Спустя 1 час всех жителей мужского пола отправили на Гумрак в концлагерь. Пришлось попасть туда и мне, но оттуда спустя два дня я бежал. Прошло несколько дней, я снова попал в концлагерь и пробыл там 6 дней, бежал. 20 октября 1942 года, перейдя линию фронта, я попал к своим, выполнив задание, которое мне было поручено. Пробыв у своих три дня, 23 октября я снова был направлен в разведку, в глубокий тыл, и там снова очутился в концлагере, но оттуда пришлось бежать, и 26 октября я снова был у своих, выполнив при этом задание»¹⁷.

На страницах газеты «Сталинградская правда» появлялись статьи о юных сталинградцах, помогавших советским бойцам. В одной из таких статей, под названием «Два Ивана», рассказывается о помощи 11-летнего мальчика, которого встретил в укрытии моряк Иван Звездин, когда пытался пробиться из одного квартала в другой во время Сталинградской битвы.

«Звездин сказал ему:

— А ну, марш домой, хлопчик! Здесь тебе не бахча разгуливать.

— Вон он — мой дом. Из него немец стреляет, — ответил мальчик, показывая пальцем на развалины <...> Дядя моряк! Он матку мою убил, сестру замучил, дом спалил. Я совсем один остался. Только книжку спас — арифметику — вот и все мое хозяйство. Пойдем со мной. Я незаметно тебя проведу. А там гранатой его достанешь или из ружья.

¹⁶ Там же. Д. 224. Л. 15.

¹⁷ Там же. Д. 309. Л. 7.

- Достану говоришь?
- Ага. Честное пионерское! Вот арифметику в заклад возьми.

Мальчик сунул учебник в карман Ивановой шинели. Они ползком подобрались к немецкому укрытию, откуда моряку Звездину удалось убрать вражеского пулеметчика. В небе в это время разгорался воздушный бой, от которого запылал фашистский самолет. Мальчик убежал посмотреть, где упал самолет. А Звездин пожалел, что не узнал, как зовут мальчика, безымянный образ которого никогда не забудет. Он вынул из кармана учебник, на обложке которого крупным детским почерком было выведено «Иван Фионин — ученик 3-го класса»¹⁸.

Юные защитники Сталинграда, стойкие и мужественные мальчишки и девчонки, не раз глядели смерти в глаза, перенося все тяготы военного времени. Они защищали свою родину всеми силами и даже ценой собственной жизни день за днем приближали Великую Победу.

¹⁸ Сталинградская правда. № 260. 20 ноября 1942.

Сталинград в судьбе немецких военнопленных

Битва на Волге завершилась грандиозным успехом советских войск. В ходе боевых операций Сталинградского, Юго-Западного и Донского фронтов были полностью разгромлены 32 дивизии Германии и ее союзников. Общие потери противника составили около 800 тыс. человек, 2 тыс. танков и штурмовых орудий, более 10 тыс. орудий и минометов, 3 тыс. боевых и транспортных самолетов².

Красной армии удалось не только одержать победу в одном из самых крупных сражений Второй мировой войны, но и получить стратегическую инициативу на юго-западном направлении Советско-германского фронта.

Вражеские войска понесли огромные людские и материальные потери. Был нанесен серьезный морально-психологический урон и окончательно развеян миф о непобедимости германской армии. Плен стал новой реальностью для тысяч солдат и офицеров 6-й полевой армии вермахта и их союзников.

Количество военнопленных, принятых советскими войсками в ходе Сталинградской битвы, впечатляет. Их число оценивается в десятки тысяч, а отдельные исследователи оперируют цифрой в 239 775 тыс. человек³.

Впервые количество военнопленных стало массовым, и в этой связи Сталинград имеет особое значение. История этого вопроса сложна и многогранна и сопряжена с множеством сопутствующих факторов.

¹ Фирстков Олег Юрьевич — заместитель заведующего отделом «Музей Память» Музея-заповедника «Сталинградская битва» (г. Волгоград).

² Великая Отечественная Война Советского Союза. 1941–1945. Краткая история. М., 1984. 560 с.

³ Епифанов А.Е. Сталинградский плен: 1942–1956 годы (немецкие военнопленные в СССР). Мемориальный музей немецких антифашистов. М., 1999. С. 40–41.

В работе с военнопленными были как положительные стороны, так и много недостатков, вызванных как объективными, так и субъективными причинами. Однако без учета обстоятельств, сложившихся на тот исторический период, без понимания реалий и условий военного времени невозможно дать объективную оценку происходившим событиям.

Вопросы, связанные с военнопленными, особенно остро стояли в самый разгар войны и имели большое значение, в том числе и на внешнеполитической арене. Советский Союз, имея международные обязательства по обращению с военнопленными, согласно признанной в нашей стране Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г. и на основе многочисленных внутренних нормативно-правовых актов, придерживался гуманных принципов в вопросах содержания военнопленных. Кроме того, важнейшим документом, регламентирующим эту проблему, являлось «Положение о военнопленных» от 19 марта 1931 г., принятое ЦИК и СНК СССР. Положение по большей части повторяло Женевскую конвенцию 1929 г., которую, однако советское правительство ратифицировать отказалось, ссылаясь на то, что уже присоединилось к Гаагской конвенции, содержащей все важнейшие пункты, что и Женевская⁴.

Правительство Советского Союза стремилось продемонстрировать преимущество социалистической системы устройства общества и поэтому, насколько возможно, попыталось не только сохранить жизнь и здоровье военнопленных, но и денацифицировать, перевоспитать бывших врагов в соответствии с марксистско-ленинскими постулатами.

Подходы к организации быта, питания, медицинского обслуживания, трудового использования были взяты на строгий государственный контроль и осуществлялись уполномоченными органами внутренних дел.

После окружения и разгрома огромной немецко-фашистской группировки под Сталинградом, Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД по Сталинградской области не было готово к такому быстрому приему, размещению и содержанию сотен тысяч военнопленных. Темпы поступления пленных после контрнаступления советских войск под Сталинградом 19–23 ноября 1942 г. были стремительными. Если до 19 ноября 1942 г. Управление НКВД по де-

⁴ Ржешевский О.А. Война и дипломатия. Документы, комментарии (1941–1942). М., 1997. 287 с.

лам военнопленных и интернированных приняло от частей Красной армии 19782 человека, то уже на 5 января 1943 г. число военнопленных превысило 61 000 человек⁵.

Быстро растущая численность военнопленных затрудняла их учет и размещение. В условиях разоренной войной области, образованное 8 января 1943 г. Сталинградское управление лагерей для военнопленных не могло моментально решить все насущные вопросы относительно спецконтингента. Предложения советского командования о капитуляции, сделанные в течение битвы, всяческий раз отклонялись немецкой стороной, и поэтому для приема сотен тысяч пленных не было подготовлено никакой материальной базы. Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД было вынуждено в форсированном режиме полностью перестраивать свою работу. Необходимо было кардинально пересмотреть вопросы взаимодействия с частями Красной армии, органами обеспечения, здравоохранения, хозяйственными ведомствами по всем вопросам, касающимся приема, размещения, питания, медицинского обслуживания и других аспектов жизнедеятельности пленных. По этим причинам первоначально культурно-воспитательной и политической работе уделялось очень мало внимания, либо она не проводилась вовсе. Главное было создать жилищные и бытовые условия, обеспечить питанием, провести санитарно-профилактические и противоэпидемические мероприятия, оказать медицинскую помощь.

Ситуация осложнялась тем, что большая часть попавших в плен под Сталинградом оказались в крайне плохом физическом состоянии. Затяжные боевые действия, трудности в снабжении продовольствием и топливом в условиях окружения немецких воинских соединений и их союзников, неподходящая экипировка для суровых российских климатических условий, распространение инфекционных заболеваний привели к тяжелым последствиям для большей части вражеских солдат и офицеров. Кроме того, морально-психологический климат среди контингента, естественно, был крайне негативным.

В этих условиях развитие культурно-воспитательной и политической работы, поднятие морального духа, после решения самых насущных вопросов быта, постепенно вошло в приоритетные задачи.

⁵ Галицкий В. П. Вражеские военнопленные в СССР (1941–1945) // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 40.

Одной из главных задач, помимо практических и прикладных целей, при работе с военнопленными являлось их идеологическое перевоспитание, денацификация и приобщение к морально-нравственным ценностям.

Развитие воспитательной и политической работы в лагерях для военнопленных в Сталинградской области можно разделить на несколько основных этапов.

Первоначально из-за организационных трудностей целенаправленная просветительская и идеологическая работа с военнопленными начала разворачиваться только с лета 1943 г. В условиях Сталинграда сотрудники лагерей встретились с определенными трудностями при организации эффективной воспитательно-просветительской работы. Имело место большая текучесть контингента, неудовлетворительное санитарно-бытовое состояние лагерей. Не хватало кадров, подготовленных политработников, в особенности со знанием иностранных языков.

Многие солдаты и офицеры вермахта были убежденными нацистами и скептически относились к советской идеологической работе. Лишь спустя некоторое время пребывания в плену, вне нацистской пропаганды с ними можно было проводить воспитательно-просветительскую работу. Наиболее подготовленными к перевоспитанию и восприятию идей антифашизма руководство УПВИ считало военнопленных, пробывших в плену не менее года⁶.

Бывших солдат и офицеров противника предполагалось вовлекать в активную борьбу против фашизма и воспитания в качестве друзей Советского Союза.

Политическая работа велась в тесном взаимодействии с Главным политуправлением РККА. Главное политическое управление РККА и Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД осуществляли издание газет и радиовещание на иностранных языках, издавали учебные программы и методические материалы для занятий с пленными. Для работы с военнопленными выделялись политинструкторы, переводчики, а в дальнейшем и преподавательский состав для антифашистских школ и курсов. Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД координировало политработу в лагерях, выявляло лиц, которые могли быть использованы для

⁶ РГВА. Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 8. Л. 35.

мероприятий по разложению войск противника и выполнения специальных заданий⁷.

При проведении политико-воспитательной работы сотрудники пользовались традиционными формами и методами агитации и пропаганды: собрания, митинги, лекции на политические темы, индивидуальные и групповые беседы, чтение советских изданий газет на иностранных языках.

В 1943 г. советские политорганы взяли курс на апелляцию к национально-патриотическим ценностям немецкого народа. В основу идеологической работы было положено обращение к национальному самосохранению в противовес катастрофической политике Гитлера⁸.

Именно на почве осознания гибельности пути, по которому Гитлер вел Германию, стало возможным возникновение антифашистского движения, разворачивавшегося под лозунгом создания демократического германского государства.

После поражений под Сталинградом и на Курской дуге боевой дух германских войск был подорван. Солдаты и офицеры немецкой армии все больше теряли веру в победу, что создавало благоприятные условия для проведения спецпропаганды.

Если разгром группировки германских войск под Сталинградом привел к росту антигитлеровских настроений, то провал провозглашенного Гитлером летнего наступления явился непосредственным толчком к организационному оформлению антифашистского движения. В июле 1943 г. по инициативе Центрального комитета Коммунистической партии Германии в СССР были созданы национальный комитет «Свободная Германия» и немного позднее «Союз немецких офицеров». В эти организации вошла часть немецких солдат и офицеров, плененных под Сталинградом. «Союз немецких офицеров» возглавил Вальтер Зейдлиц, бывший командир 51-го армейского корпуса, сдавшийся в плен в Сталинграде. Факт кризиса нацистской идеологии подтверждается и переходом в дальнейшем определенной части немецкого офицерства на антифашистские позиции. Численность «Союза

⁷ Кузьминых А.Л. Система военного плена и интернирования в СССР: генезис, функционирование, лагерный опыт: 1939–1956 гг.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Архангельск, 2014. С. 374.

⁸ Фризер К.-Х. Национальный комитет «Свободная Германия»: «Война за колючей проволокой» в советских лагерях для военнопленных // Вторая мировая война: дискуссии, основные тенденции, результаты исследований. М., 1996. С. 578.

немецких офицеров» с 1943 по 1945 г. выросла со 100 до 4000 человек, т. е. в 40 раз⁹.

Для военнопленных сталинградских лагерей в конце 1943 г. организовывалось прослушивание радиопередач Национального комитета «Свободная Германия». Руководство лагеря № 108 докладывало, что к 1 октября 1944 г. вокруг программы Национального комитета сплотилось 2581 военнопленный¹⁰.

В 1944 г. в лагерях области наблюдается некоторое оживление политической и воспитательно-просветительской работы. В лагере № 123 антифашистов насчитывалось 4272 человека, в актив входил 61 человек. За 9 месяцев 1944 г. силами группы артистов-военнопленных из 30 человек было дано 73 концерта художественной самодеятельности¹¹.

В лагере для военнопленных № 108 на ноябрь 1944 г. общее количество антифашистов достигло 2085 человек.

В целом ситуация в лагерях для военнопленных продолжала оставаться сложной. Среди контингента постепенно оформились неформальные группы с совершенно разными взглядами и отношением к пребыванию в советском плену. К первой группе относились лица с нацистскими взглядами, занимавшие позицию продолжения борьбы с СССР. Настрой и поведение этой группы наиболее четко выразил бывший командир 44-й пехотной дивизии вермахта, разгромленной под Сталинградом, генерал-лейтенант Г. Дебуа, заявивший: «Мы здесь в плену все еще являемся солдатами. Это наш фронт»¹².

Вторую группу составляли лица, лояльные к лагерной администрации и склонные к сотрудничеству с советскими политорганами. В третью группу, самую многочисленную, входили солдаты и офицеры, занимавшие нейтральную позицию. Они старались выжить в плену, избегая конфликтов как с лагерным подпольем, так и с антифашистским активом. Большинство представителей третьей группы говорили: «Мы вне политики. Оставим политику для тех, кто ей занимается»¹³.

⁹ Русский архив: Великая Отечественная: Немецкие военнопленные в СССР. Документы и материалы. 1941–1955 гг. Т. 24 (13–3). Кн. 2. М., 2002. С. 422.

¹⁰ РГВА. Ф. 1п. Оп. 11а. Д. 8. Л. 120.

¹¹ Военнопленные в Сталинграде. 1943–1954: документы и материалы. Серия «Военнопленные в СССР». Т. 2. / Под ред. М. М. Загоруйко. Волгоград, 2003. С. 242.

¹² Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД — МВД СССР. 1941–1952: отчетно-информационные документы и материалы. Серия «Военнопленные в СССР». Т. 4. / Под ред. М. М. Загоруйко. Волгоград, 2004. С. 662.

¹³ Там же.

Первая и вторая группы вели упорную борьбу за влияние над третьей группой. Так, профашистски настроенные военнопленные составляли списки антифашистов для предания суду после возвращения на родину, осуществляли психологический бойкот лиц, сотрудничавших с лагерной администрацией, распространяли сведения, компрометировавшие активистов. На антифашистских митингах «фашисты» задавали докладчикам провокационные вопросы, заглушали их речь выкриками, свистом и топотом. Сравнивая уровень жизни в Германии и СССР, они подводили пленных к выводу, что в Советском Союзе большинство населения живет в нищете, а следовательно, советский социализм не может быть благом.

Несмотря на активную деятельность лагерного подполья, антифашистское движение в лагерях находило все больше сторонников. Решающими факторами формирования антигитлеровского мировоззрения являлись: во-первых, мощное наступление Красной армии на Советско-германском фронте; во-вторых, катастрофически ухудшившееся военное, политическое и экономическое положение Германии и ее союзников; в-третьих, наступало постепенное улучшение условий жизни в советском плену¹⁴.

В политической и воспитательно-просветительской работе с военнопленными со второй половины 1945 г. и вплоть до конца 1946 г. значительных организационных изменений не происходило. Однако завершение Второй мировой войны, крах нацистской идеологии, массовое поступление пленных, в том числе и тех, кто не участвовал в боевых действиях, внесли коррективы в политико-воспитательную работу. Наряду с антифашистским направлением, преобладающим стал политический аспект.

Первоочередными задачами политработы в 1945 г. объявлялись: разъяснение преступного характера войны со стороны Германии и справедливого со стороны СССР, разоблачение нацистской идеологии и пропаганда «ленинско-сталинской политики равноправия рас и наций», разъяснение ответственности за причиненный Советскому Союзу ущерб и пропаганда добросовестного отношения к труду, воспитание демократических убеждений и организация антифашистского движения.

¹⁴ Кузьминых А.Л. Система военного плена и интернирования в СССР: генезис, функционирование, лагерный опыт: 1939–1956 гг.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Архангельск, 2014. С. 375.

Ситуация изменилась в конце 1946 г., когда при ГУПВИ приказом МВД СССР от 19 октября был создан политический отдел, а в лагерях политотделы¹⁵. На политотделы было возложено руководство антифашистскими школами и курсами, издание газет и организация всей политической работы среди военнопленных в лагерях МВД. В штаты управления лагерей были введены должности заместителя начальника лагеря по политчасти и инструкторов антифашистской работы.

С 1947 г. руководство политической работой с военнопленными на территории Сталинградской области стал осуществлять политотдел лагерей УМВД области. В штаты политотделов лагерей были введены аппараты по антифашистской работе, а согласно директиве № 112 — функционеры антифашистской работы из состава актива военнопленных¹⁶.

Главная задача этих структур состояла в перевоспитании военнопленного не только в антифашиста, но и в человека, который по возвращении на родину будет бороться за социалистические преобразования, вдохновленный примером СССР. Одновременно с этим руководство лагерей, помимо таких далеких перспектив, ориентировалось на формирование у военнопленных добросовестного отношения к труду с целью повышения производственных показателей и укрепления лагерного режима.

В послевоенный период в рамках политической и воспитательно-просветительской работы с военнопленными велась антифашистская, культурно-массовая работа, организовывались трудовые соревнования. При лагерях появлялись клубы, которые стали центром культурной жизни. Мероприятия воспитательного характера взаимно дополняли друг друга и часто строились с использованием одних и тех же форм и методов.

Одним из основных методов политико-воспитательной работы оставалась агитационно-пропагандистская работа в форме митингов, общелагерных собраний, проведения занятий в политических кружках, бесед, лекций, докладов, совместных чтений газет. Митинги главным образом посвящались каким-либо историческим или важным современным международным событиям. На собраниях, которые проводились систематически в каждом отделении, в основном обсуждались

¹⁵ Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / сост. М. М. Загорюлько, С. Г. Сидоров, Т. В. Царевская; под ред. М. М. Загорюлько. М., 2000. С. 313.

¹⁶ РГВА. Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 1. Л. 59.

вопросы внутренней лагерной жизни. Традиционными темами были итоги трудовых соревнований и антифашистская работа. Только в лагере № 108 за I квартал 1947 г. прошло 78 собраний, а в 1948 г. — 117¹⁷.

Политико-воспитательные мероприятия преследовали несколько целей: дать информацию о развитии событий в мире, утвердить привлекательный образ социалистического строя, осветить деятельность коммунистических и социалистических партий и лидеров зарубежных стран.

Специальную работу сотрудники лагерей целенаправленно проводили с антифашистским активом, который рассматривался как инструмент влияния на весь контингент. От этой категории пленных во многом зависела эффективность воспитательной работы. Для антифашистского актива специально проводились занятия, семинары, совещания. В третьем наборе 18 антифашистских школ в лагере № 108 в феврале 1948 г. было 508 слушателей, а в 12 политкружках занимались 259 молодых антифашистов¹⁸. Это говорит о целенаправленной работе с молодежью, которая составляла до 40% контингента¹⁹.

Массовое вступление в ряды антифашистов тем не менее не всегда означало перестройку мировоззрения и перемену идеологических убеждений. Многие становились антифашистами под влиянием конформистского стремления присоединиться к большинству, избежать неприятностей и улучшить свое материальное положение.

По мнению К. Х. Фризера, убежденные антифашисты в лагерях составляли лишь 10% от общего числа противников гитлеровского режима²⁰.

К работе и занятиям в политкружках постепенно начал привлекаться не только антифашистский актив, но и весь контингент военнопленных. Это повысило эффективность воспитательно-просветительской работы. Некоторые военнопленные предлагали администрации лагеря организовать не только политические занятия, но и общеобразовательные по математике, физике, истории.

¹⁷ Военнопленные в Сталинграде. 1943–1954: документы и материалы. Серия «Военнопленные в СССР». Т. 2. / Под ред. М. М. Загорулько. Волгоград, 2003. С. 526, 588.

¹⁸ Там же. С. 590.

¹⁹ Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД — МВД СССР. 1941–1952: отчетно-информационные документы и материалы. Серия «Военнопленные в СССР». Т. 4. / Под ред. М. М. Загорулько. Волгоград, 2004. С. 836.

²⁰ Фризер К.-Х. Национальный комитет «Свободная Германия». С. 584.

Особая роль в пропагандистской и воспитательной работе отводилась прессе. Лагерь по разнарядке регулярно получали центральные советские газеты. Но более популярны у контингента лагерей были газеты, выпускаемые аппаратом ГУПВИ МВД СССР на национальных языках. Военнопленные привлекались к сотрудничеству в газетах, высылали в редакции свои статьи. Прессу можно было получить в лагерных клубах и библиотеках, организовывались коллективные читки. Кроме того, существовали лагерные газеты, которые выпускали военнопленные. В лагере № 362 выпускалась газета «Антифашист». В лагере № 108 в 1947 г. — ежемесячный литературный журнал.

В послевоенный период важнейшую часть деятельности политотделов лагерей составляла организация культурно-массовой работы, различных кружков, самодеятельности. Проводились спортивные соревнования, организовывались футбольные команды. Поддерживалась и расширялась работа клубов, читален, организовывались спектакли и концерты. Для военнопленных лагеря № 362 в 1949 г. организовывались экскурсии и походы в культурные учреждения Сталинграда, драматический театр им. Горького, театр музыкальной комедии, Музей обороны Царицына им. И. В. Сталина, кинотеатр «Победа».

Массовая репатриация военнопленных внесла определенные коррективы в политическую и воспитательную работу. С отбывающими на родину проводилась усиленная агитационная работа. Расчет был на то, что, вернувшись из плена, репатрианты станут проводниками антифашистских и демократических идей, будут способствовать социалистическим преобразованиям в своих странах.

Руководство нашей страны, в условиях неимоверных трудностей, делало все возможное, чтобы сохранить жизнь военнопленным, а также привить им общечеловеческие, демократические ценности, сформировать положительный образ Советского Союза и социалистической системы.

Д. Н. Шкаревский¹

Аномалии в деятельности органов транспортной юстиции в период Великой Отечественной войны

Весомый вклад в достижение Победы в Великой Отечественной войне внесли органы транспортной юстиции. С началом войны начался процесс милитаризации этих органов. К 1943 г. все линейные транспортные суды были преобразованы в военные трибуналы транспорта. На 1 января 1945 г. сеть военных транспортных трибуналов состояла из 94 единиц². Всего за годы войны этими органами было осуждено 406 042 человека, или 2,5% от общего количества осужденных³. Деятельность органов транспортной юстиции в период Великой Отечественной войны в настоящий момент активно изучается⁴, однако отсутствуют исследования, посвященные аномалиям в их работе. Между тем представляется, что их деятельность не была идеальной. Данная статья призвана ликвидировать этот пробел.

В целом все аномалии в деятельности органов транспортной юстиции в период Великой Отечественной войны представляется возможным разделить на несколько основных групп:

¹ Шкаревский Денис Николаевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Сургутского государственного университета ХМАО-Югры (г. Сургут).

² Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 9492. Оп. 4. Д. 246. Л. 28

³ ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 6. Д. 111. Л. 7

⁴ Шкаревский Д. Н. Военные транспортные трибуналы в 1941–1943 гг. // Военно-исторический журнал. 2015. № 12. С. 27–28; Шкаревский Д. Н. К вопросу о деятельности военных трибуналов транспорта в период Великой Отечественной войны // История государства и права. 2015. № 9. С. 48–55; Печерский В. А. Линейные суды и военные трибуналы водных бассейнов Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 5 (31). С. 57–65.

Во-первых, отклонение от поставленных задач и неудовлетворительная, по мнению центральных органов управления, карательная политика.

Во-вторых, ошибки в применении норм материального права.

В-третьих, ошибки в применении норм процессуального права, а также в ходе исполнения приговора.

В-четвертых, ошибки в организационной работе, делопроизводстве, а также нарушение правил секретного делопроизводства.

Ошибки первой категории были достаточно распространены в 1941–1943 гг. Интересны выводы, сделанные в ходе обследования ряда линейных судов в течение второй половины 1941 г.: «отдельные линейные суды не перестроили своей работы в соответствии с требованиями военного времени. Они не учли, что... четкая, бесперебойная работа транспорта в условиях Великой Отечественной войны... повышает ответственность работников транспорта за всякого рода нарушения трудовой дисциплины и что в соответствии с этим должна быть усилена репрессия за преступления, совершенные этими работниками. ...Линейные суды Средне-Волжского и особенно Нижне-Волжского бассейна... проявили прямой либерализм... это выразилось в массовом применении мягких мер наказания... Вместе с тем надо отметить, что линсуды... в ряде случаев неосновательно осуждали работников транспорта за действия, которые не содержат состава преступления»⁵.

Также в январе 1942 г. Н. Рычков в приказе № 0102 отмечал, что «некоторые трибуналы железных дорог и водных путей сообщения, в особенности вновь сформированные из линейных судов, до сих пор не перестроили своей судебной работы в соответствии с задачами военных трибуналов, переименовав, по сути дела, только свое название». Он требовал суровой, быстрой и решительной борьбы с расхитителями социалистической собственности, нарушителями трудовой дисциплины и другими преступниками, дезорганизующими работу транспорта⁶. В сентябре 1942 г. в приказе № 18/59с нарком вновь повторил эти требования⁷. Он подчеркивал, что военные трибуналы (далее — ВТ) не выполняли директивные указания НКЮ СССР о квалификации грубых нарушений трудовой дисциплины по ст. 59–3-в, отмечал, что трибуналы самоустранились от рассмотрения дел по Указу Прези-

⁵ ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 32. Л. 30.

⁶ Там же. Д. 18. Л. 100–102.

⁷ Там же. Л. 82–94.

диума Верховного Совета (далее — ПВС СССР) от 26.06.1940. По делам об авариях, по мнению наркома, ВТ заняли «неправильную позицию, ограничив свою роль только выяснением узко юридических оснований вины подсудимого и применением репрессии к преступникам и совершенно устранились от выяснения причин, приводящих к крушениям, авариям» и не привлекали к ответственности руководителей транспорта.

В то же время нарком отмечал: «огульно и без разбора применяют одинаково жесткие меры ко всем преступникам [по Закону от 7.08.1932], в том числе к тем, кто совершил мелкую, незначительную и случайную кражу». По делам о контрреволюционных преступлениях недовольство наркома вызывали «факты неосновательного оправдания, совершивших к[онтр-] р[еволюционные] преступления, и вынесения либеральных приговоров в отношении изменников Родины». В приказе был приведен пример по делу, которое рассматривал Военный трибунал Калининской дороги. Трибунал «не вызвал свидетелей в судебное заседание, а ограничился объяснениями подсудимой, которая виновность свою отрицала, и вынес гр-ке Наркевич оправдательный приговор». Также в приказе отмечалось, что «ВТ, основываясь на противоречивых и нуждающихся в проверке данных, выносят обвинительные приговоры по делам о к[онтр-] р[еволюционных] преступлениях без достаточной проверки фактов и всестороннего изучения обстоятельств дела и даже без допроса свидетелей, что нередко приводит к осуждению ни в чем не повинных людей».

Кроме этого, нарком указывал на то, что «при определении мер наказания военные трибуналы зачастую допускают огульный, вредный для дела, шаблонный подход, устанавливая одинаковые сроки лишения свободы почти по всем делам без учета конкретных обстоятельств и личности осужденных». Приказ также отмечал неудовлетворительное качество досудебной подготовки дел и недостаточно глубокий и критический подход ВТ «к изучению и оценке материалов предварительного следствия». Еще один недостаток деятельности ВТ заключался в том, что председатели «работой выездных сессий не руководят, не контролируют работу членов трибунала и не помогают им, в работе»⁸.

В мае 1943 г. в ходе кустового совещания председателей военных трибуналов речных бассейнов Сибири также был сделан вывод

⁸ Там же. Л. 82–94.

о том, что военные трибуналы и прокуратуры «недостаточно быстро и эффективно перестраивают свою работу в соответствии с требованиями Указа ПВС от 9.05.1943 г.». Отмечалось, что сотрудники речного флота даже не знали о введении этого указа, а «прокуратуры бассейнов... нетерпимо медленно заводят и оформляют дела по статьям о воинских преступлениях». В результате был сделан вывод о том, что «применение Указа от 9.05.1943 г. в ВТ и речных бассейнах Сибири до 26.05.1943 г. почти отсутствовало»⁹.

В то же время прокуратура отмечала, что в связи с введением Указа от 9 мая 1942 г. отсутствовала «согласованность в работе военных трибуналов и прокуратур», имели место «случаи ухода от ответственности, факты механического применения жестоких наказаний к женщинам и малолетним детям, инвалидам»¹⁰.

Примеры непонимания поставленных перед органами транспортной юстиции задач имели место в течение всего периода войны. Так, член ВТ Дальневосточной ж. д. Минаев, председательствуя по делу Богданова и др. обвиняемых по ст. 109 УК, «допустил возмутительную волокиту, выразившуюся в том, что рассматривая дело с 12 по 15 марта 1943 г., объявил без всякой к тому необходимости перерыв на выходной день — 14 марта, а в остальные дни оканчивал заседания в 5–7 часов вечера, ограничивая судебное заседание 6–7 рабочими часами». За это ему был объявлен выговор¹¹.

В ходе анализа судебной практики в 1945 г. по-прежнему отмечались следующие недостатки: необоснованное прекращение дел; неосновательное осуждение, формальный подход к разрешению вопроса; поверхностный подход к проверке доказательств (не проверяют медицинские справки), случаи неправильной квалификации, неправильное определение размера взыскания и возмещения ущерба по делам о хищениях, нарушение норм материального и процессуального права вследствие слабого знания законов или в результате невнимательного и несерьезного отношения к делу; нарушение подсудности (ВТ отправляли дела в нарсуд); необоснованное возвращение дел на доследование из-за недостаточного критического подхода к собранному предварительным следствием доказательному материалу¹².

⁹ Там же. Д. 37. Л. 42–42 об.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 20. Д. 110. Л. 1.

¹¹ ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 34. Л. 82.

¹² Там же. Д. 127. Л. 37.

В ходе ревизий подобные ошибки вскрывались. Однако не всегда председатели ВТ их устраняли. Примером может служить председатель ВТ Верхне-Иртышского бассейна Денисовский, который, несмотря на критику своей работы со стороны НКЮ, просто добивался перевода с одного места на другое, при этом не устраняя ошибок на прежнем месте службы¹³.

В период войны достаточно часто имели место такие факты, как применение мер наказания, не предусмотренных законом; осуждение по статьям о воинских преступлениях лиц, на которых Указ от 9 мая 1943 г. не распространялся¹⁴, необоснованное привлечение к ответственности¹⁵, массовое вынесение незаконных приговоров (в практике линсуда Московского трамвая)¹⁶. Широкое распространение получило ужесточение вынесения мер наказания. Например, ВТ Западно-Сибирского бассейна определял высшую меру наказания, расстрел, даже в тех случаях, «когда по обстоятельствам дела это не было вызвано необходимостью». Этот ВТ также допускал «такие порочные методы... с целью сиюминутного устрашения приговаривал к расстрелу, а затем расстрел заменял лишением свободы»¹⁷.

Значительное количество ошибок было в применении норм материального права. К примеру, «военные трибуналы нередко осуждали людей, совершивших должностной проступок, влекущий взыскание в административном порядке, но не подлежащих уголовному наказанию. Это обстоятельство отчасти является причиной наличия большого количества приговоров с мягкими мерами наказания». ВТ выносили обвинительные приговоры, исходя из оценки «фактов лишь по узко формальным признакам наличия в них элементов состава преступления, не вникая в суть дела». В качестве примера можно привести дело старшей стрелочницы ст. Мураши Горьковской ж. д. Ш. и младшей стрелочницы Ж., осужденных ВТ 31 мая 1942 г. за прием поезда на занятый путь к лишению свободы на 4 и 3 года с применением примечания 2 к ст. 28 УК РСФСР. Подсудимая Ш., обнаружив ошибку, приняла меры к предотвращению крушения и дала сигнал остановки поезда. Ш., по характеристике администрации,

¹³ Там же. Д. 80. Л. 15.

¹⁴ Там же. Д. 156. Л. 12.

¹⁵ Там же. Д. 68. Л. 30.

¹⁶ Там же. Л. 121.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 13. Д. 228. Л. 258.

исключительно добросовестный работник, ежегодно за безаварийную работу получала наркомовскую премию, награждена почетной грамотой, не имеет ни одного взыскания. Другая подсудимая, Ж., работала стрелочницей всего 1 ½ месяца, и, как это признал суд, неправильно приготовила маршрут по неопытности¹⁸. Был сделан вывод о том, что такие приговоры не могут способствовать укреплению порядка и дисциплины на транспорте и противоречат задачам ВТ по воспитанию транспортников.

Трибуналы нередко не применяли на практике п. 3 и 4 постановления ГКО от 03.03.1942 о взыскании стоимости утраченного или испорченного имущества. На основании этого постановления виновные в разбазаривании военного имущества, а также должностные лица из числа служащих и военнослужащих, которые своей бездеятельностью или слабостью руководства способствовали этому, должны были быть осуждены к лишению свободы на срок не менее 5 лет с удержанием стоимости утраченного или испорченного имущества¹⁹.

Члены трибуналов практически повсеместно игнорировали приказ Наркомата юстиции (далее — НКЮ) СССР № 09 от 09.05.1942 о сдаче испытаний по Правилам технической эксплуатации (далее — ПТЭ). ВТ этим вопросом не интересовались и не привлекали к ответственности работников ж. д. транспорта, допускавших к работе, связанной с движением поездов, лиц, не сдавших испытаний по ПТЭ²⁰.

Транспортные трибуналы применяли меры наказания, не предусмотренные законом, осуждали по статьям о воинских преступлениях лиц, на которых Указ от 9 мая 1943 г. не распространялся²¹.

В результате возникали случаи открытого столкновения между военными транспортными трибуналами и военной прокуратурой транспорта. К примеру, Главный военный прокурор транспорта Н. Афанасьев в письме начальнику Главного управления военных трибуналов транспорта (далее — ГУВТТ) Г. Пуговкину просил дать указания председателю военного трибунала Ковельской ж. д., который «по делам о контрреволюционных преступлениях не применяет конфискацию имущества, ...неправильно понимает ст. 38 УК УССР (ст. 40 УК РСФСР). ...дом и корову не считает предметами домашнего обихода

¹⁸ ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 177. Л. 182 об.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 18. Л. 15.

²⁰ ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 177. Л. 183 об.

²¹ ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 156. Л. 12.

или орудиями мелкого кустарного, ремесленного или с. х. производства, служащими средством существования осужденного и его семьи»²².

Верховный суд СССР указывал на распространенную ошибку, когда самовольный уход с транспорта лиц, мобилизованных на транспорт на определенный срок, квалифицировался как воинское преступление (по ст. 193–7-г УК), хотя должен был быть квалифицирован по ст. 59–6 УК. Работники транспорта, не достигшие 16-летнего возраста, осуждались трибуналами не по Указу от 26.06.1940, а по Положению о воинских преступлениях²³. К ответственности по ст. 59–3-в привлекались не работники транспорта²⁴.

Поэтому Н. Рычков в одном из приказов прямо указывал на то, что «ВТ допускают нарушения закона, неполноту исследования дела, в результате чего нередко случаи вынесения неправильных, необоснованных приговоров, отменяемых в порядке надзора Военной Железнодорожной Коллегией Верховного Суда Союза ССР (далее — ВЖДК)»²⁵.

Более масштабными были нарушения норм процессуального права. Так, массово имели место факты переписывания приговоров. Например, в ВТ Карагандинской ж. д.²⁶ начальник Управления военных трибуналов (далее — УВТ) М. Шнейдер в январе 1943 г. даже издал приказ № 12 «О протоколах судебных заседаний», в котором отметил, что «при ревизии ряда военных трибуналов и линейных судов установлены факты недопустимого отношения к составлению протоколов судебных заседаний, граничащие в ряде случаев с преступными нарушениями закона». В военных трибуналах «Красноярской, Казанской, Томской, им. Молотова и ряда других жел. дорог в судебных заседаниях составляются только черновик или даже просто заметки, которые лишь через несколько дней (иногда 10–15 дней) подвергаются “отделке”. При этом зачастую секретари уже забыли содержание показаний, а восстановить их из-за чрезмерной краткости и небрежности записей невозможно. Такая практика в ВТ Красноярской ж. д. привела к фактам переписывания показаний с протоколов допроса на предварительном следствии. ...В линейном суде

²² Там же. Д. 143. Л. 1.

²³ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий ВС СССР (1944 г.). М., 1948. С. 26–27.

²⁴ Там же. С. 122–123.

²⁵ ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 177. Л. 183.

²⁶ ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 143. Л. 150.

Восточно-Сибирского и Селенгинского бассейнов и ВТ Пермской ж. д. обнаружены случаи, когда ряд дел рассмотрен без участия секретаря и без ведения протоколов судебных заседаний, которые впоследствии были составлены лицом, не участвовавшим в судебных заседаниях»²⁷. При ревизиях обнаружено много протоколов судебных заседаний, в которых показания налагаются совершенно бессистемно и даже без какого-либо смысла, совершенно непонятно, в том числе и для лиц, подписавших протокол. При этом, в таких протоколах нередко искажаются имевшие место факты. Такое преступно-небрежное отношение к составлению важнейшего судебного документа — протокола судебного заседания — зачастую приводит к невозможности установить правильно ли вынесен приговор. <...> Есть еще такие руководители и члены военных трибуналов и судебные секретари, которые до сих пор считают “невозможным” изготовление протокола в день слушания дела»²⁸.

Нередко в протоколы судебных заседаний вносились приписки, усугубляющие вину обвиняемых; протоколы составлялись небрежно и грязно, с ошибками: в одном протоколе даже могли быть указаны разные фамилии председательствующего по делу²⁹, поэтому соответствующие коллегии Верховного суда СССР «при рассмотрении дела в кассационном порядке была лишена возможности судить о правильности этих судебных документов»³⁰.

Эти нарушения имели место вплоть до конца войны. Так, в январе 1944 г. в приказе № 3 начальника ГУВТТ отмечалось: «Многие председатели трибуналов не уделяют должного внимания вопросам предварительного рассмотрения уголовных дел в подготовительном заседании, проявляют явную недооценку этого важнейшего процессуального акта и допускают ничем не оправданное упрощенчество при оформлении протоколов и определений подготовительных заседаний»³¹.

Среди других процессуальных нарушений были: «не обсуждалась возможность слушания дела в отсутствие не явившихся свидетелей; подсудимые не опрашивались об имеющихся у них ходатайствах пе-

²⁷ Там же. Д. 34. Л. 14.

²⁸ Там же. Л. 14 об. — 13.

²⁹ Там же. Д. 35. Л. 50.

³⁰ Там же. Д. 156. Л. 7.

³¹ ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 112. Л. 3.

ред началом судебного заседания»; дела рассматривались заочно, «тогда как суду было известно, где находились» подсудимые³².

Достаточно часто председательствующие не предоставляли возможности адвокатам, участвующим в судебном заседании, ознакомиться с протоколом судебного заседания, тем самым нарушая ст. 81 УПК РСФСР³³.

В военных трибуналах транспорта (Калининской, Московско-Киевской ж. д. и ВТ 6-й и 15-й отдельных ж. д. бригад) обвинительные заключения подсудимым «не вручались за 24 часа, а обвиняемый с ним знакомился за несколько минут до начала слушания дела», что нарушало ст. 235 УПК РСФСР. Работники трибуналов объясняли это тем, что действовали «на основе установившейся практики в армейских трибуналах, где обвинительные заключения не вручаются, и делают ссылку на указание ВТ МВО от 15.04.1942 г. за № 01908/04801»³⁴. Также нарушались ст. 335 и 49 УПК. «При рассмотрении дел, когда обвиняемому вменяется в вину несколько преступлений, которые квалифицируются по нескольким статьям УК, военный трибунал при определении меры наказания определяет таковую не по каждой статье УК отдельно, а выносит меру наказания по одной статье УК с наибольшей санкцией, без ссылки на совокупности преступлений по ст. 49 УК»³⁵.

Повсеместно нарушались правила хранения вещественных доказательств. Отсутствовали описи предметов, изъятых в качестве вещественных доказательств, и постановления о приобщении их к делу (нарушение ст. 67 УПК РСФСР). Не определялась «судьба вещественных доказательств» (нарушение ст. 69 УПК РСФСР). Отсутствовал «контроль за хранением вещественных доказательств и направлением их в соответствии с судебными решениями»³⁶.

Нарушения норм УПК имели место и со стороны транспортной прокуратуры. К примеру, «ряд военных прокуроров Московского ж. д. узла в работе по борьбе с дезертирством и самовольными отлучками допускают грубое нарушение законов о порядке возбуждения и расследования дел этой категории, допускают упрощенчество — нарушение элементарных требований УПК. <...> Неосновательно отказывают

³² ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 156. Л. 12.

³³ Там же. Д. 156. Л. 7.

³⁴ Там же. Д. 18. Л. 117–118.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. Д. 34. Л. 191.

в возбуждении уголовного преследования против нарушителей трудовой дисциплины, проявляют пассивность и формальное отношение к розыску дезертиров». За это работники прокуратуры были привлечены к ответственности: сняты с занимаемой должности, арестованы на 3 суток с исполнением служебных обязанностей и удержанием 50% зарплаты за день ареста»³⁷.

Имели место и такие случаи. Главный военный прокурор ж. д. транспорта Н. Афанасьев отмечал: «некоторые военные прокуроры участков, получив материал о дезертирстве с транспорта, не возбуждают дел, не ведут следствия, а прямо дают поручение милиции о розыске дезертиров»³⁸. Военные трибуналы направляли на исполнение свои приговоры и определения о розыске дезертиров в территориальные органы милиции, хотя должны были направлять в транспортные органы милиции³⁹. Военные следователи не соблюдали требований ст. 121 и 121-а УПК РСФСР⁴⁰.

При рассмотрении дел по Указу от 26 июня 1940 г. широкое распространение получило «одно из грубых нарушений закона <...> заочное рассмотрение дел о самовольном уходе при отсутствии сведений об извещении обвиняемого о слушании дела»⁴¹.

Массовый характер имели ошибки в организационной работе, делопроизводстве, а также нарушение правил секретного делопроизводства. Так, в 1942 г. отмечалось, что многие трибуналы «вели свою работу замкнуто». Рассматривали практически все дела «не на производстве в присутствии рабочих и служащих транспорта, а в помещении трибунала»⁴². Нередко указывалось на «пренебрежительное и нерадивое отношение многих членов военных трибуналов к тщательной подготовке к рассмотрению дел, подлежащих судебному разбирательству <...> Перед рассмотрением дела они не выясняют особенностей и степени распространенности нарушений на том участке дороги, где совершено преступление. В результате этого рассмотрение дела и назначение меры наказания проводится без учета этих особенностей и производственные недостатки вскрываются трибуналами крайне не-

³⁷ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 1176. Л. 14.

³⁸ Там же. Д. 1756. Л. 59.

³⁹ ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 141. Л. 43.

⁴⁰ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 836. Л. 46.

⁴¹ ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 32. Л. 22.

⁴² Там же. Оп. 1а. Д. 177. Л. 183.

достаточно». Также обобщение судебной практики по делам об авариях и крушениях «проводилось трибуналами от случая к случаю, поверхностно и содержало, главным образом, статистический обзор о проделанной работе». Кроме этого, «многие ВТ не знают действительного положения на дорогах и не ставят перед руководством и Политотделами дорог, Обкомами партии вытекающих из судебной практики вопросов для улучшения работы на дороге и ликвидации аварий и крушений, мало выносят частных определений о недостатках, выявленных при рассмотрении дел, не проявляют настойчивости и не добиваются реализации своих определений. <...> Значительная часть ВТ еще недостаточно и неудовлетворительно выполняют свои обязанности, заключающиеся не только в борьбе с конкретными преступниками и совершенными ими преступлениями, но и в деятельном участии ВТ в устранении условий, способствующих этим преступлениям, а также в установлении такой обстановки на дороге, которая исключала бы причины крушений и аварий»⁴³.

Повсеместным было отсутствие плановости в работе военных трибуналов и прокуратур на транспорте⁴⁴.

Военные трибуналы транспорта несвоевременно отправляли донесения по делам с высшей мерой наказания. Так, ВТ Ленинской ж. д. донесение о приговоре в отношении Рывакова выслал через 17 дней после вынесения приговора⁴⁵. ВТ транспорта несвоевременно получали сведения о приведении приговоров в исполнение. К примеру, военный трибунал Ленинской ж. д. по приговорам, вынесенным еще в 1941 г., к 21.03.1942 не имел сведений об их исполнении⁴⁶.

В феврале 1943 г. ВЖДК сообщала, что «многие военные трибуналы железных дорог и некоторые трибуналы отдельных железнодорожных бригад по делам осужденных к ВМН не сообщают Коллегии требуемых сведений о времени приведения приговора в исполнение или о времени объявления заключенному о замене расстрела лишением свободы. Отдельные ВТ требуемые сведения если и сообщают, но с большим опозданием и только после неоднократных напоминаний». Особую недисциплинированность проявили председатели ВТ железных дорог: Ташкентской, Западной, Омской, Рязано-Уральской,

⁴³ Там же.

⁴⁴ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 21. Д. 171. Л. 109.

⁴⁵ ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 29. Л. 1–1 об.

⁴⁶ Там же.

Северо-Печорской, им. Л. М. Кагановича, им. В. В. Куйбышева, Томской, Горьковской, Южно-Уральской, Московско-Киевской, и отдельных железнодорожных бригад — 46, 43, 12, 23, 10, 8, 25 и 26-й⁴⁷.

Военная воднотранспортная коллегия Верховсуда СССР (далее — ВВТК) также отмечала, что «председатели ВТ задерживают подолгу присылку дел, истребованных Верховным Судом СССР по поступившим жалобам. Дело Кочеткова коллегия с июня 1943 г. трижды запрашивала из ВТ Аму-Дарьинского бассейна», но так и не получила⁴⁸.

В ходе совещания секретарей ВТ ж. д. войск фронтов в январе 1944 г. отмечалось, что в делопроизводстве военных трибуналов отсутствует единообразие⁴⁹. Часто сообщалось об отсутствии сведений о хранении запрашиваемых вышестоящими судами дел⁵⁰.

В течение войны военные прокуратуры транспорта не направляли в органы милиции постановления о прекращении приостановленных дел о дезертирах, и, соответственно, их розыск не применялся⁵¹. Также они не проверяли «систематически законность издаваемых соответствующими должностными лицами приказов и распоряжений», а ограничивались «рассмотрением поступивших жалоб». Поэтому отсутствовал «систематический надзор за законностью». Транспортные прокуроры «поверхностно относились к составлению протестов и представлений»⁵².

Отмечались и «факты небрежного отношения некоторых прокуроров ж. д. к проверке и разрешению поступающих жалоб и заявлений трудящихся»⁵³. Также отсутствовал контроль со стороны транспортных прокуроров «за рассмотрением внесенных ими в порядке общего надзора протестов и представлений»⁵⁴. Составляли «некачественные заключения <...> о законности и обоснованности приговоров; в заключениях не приводили анализ доказательств и не опровергали доводы надзорной жалобы»⁵⁵. Прокуроры «не интересовались статистическими материалами»⁵⁶.

⁴⁷ Там же. Д. 35. Л. 6.

⁴⁸ ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 13. Д. 393. Л. 10.

⁴⁹ Там же. Д. 395. Л. 287.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 68. Л. 46.

⁵¹ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 1756. Л. 53.

⁵² Там же. Л. 70.

⁵³ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 28. Д. 1838. Л. 43.

⁵⁴ Там же. Л. 54.

⁵⁵ Там же. Л. 64.

⁵⁶ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 836. Л. 37.

Нередко в уголовных делах отсутствовали необходимые документы, не исполнялись п. 3 и 4 Приказа НКВД, НКЮ и прокурора СССР от 10.08.1942 о производстве розыска⁵⁷. ВС СССР отмечал нередко отсутствие подписи судей (судьи) в приговоре, вынесение приговора без учета мнения народных заседателей⁵⁸.

Представляется возможным выделить ряд проблем органов транспортной юстиции, которые имели место на протяжении Великой Отечественной войны. К ним относятся: отклонение от поставленных задач и «либеральная», по мнению центра, карательная политика; ошибки в применении норм материального и процессуального права, недостатки организационной работы, делопроизводства, секретного делопроизводства. Однако одними из основных недостатков деятельности органов транспортной юстиции были невысокая мобильность и недостаточная оперативность.

Вероятно, это было связано со слабой подготовкой кадров, а также с общими проблемами для всех органов юстиции, среди которых основным являлось недостаточное финансирование их деятельности.

Основные результаты подобных ошибок сводились к неосновательному возбуждению уголовных дел и неосновательному осуждению. В период войны отмечается стремление ряда сотрудников транспортных трибуналов назначать санкции ниже низшего предела, особенно в отношении женщин и подростков. Однако подобные тенденции достаточно быстро пресекались вышестоящими судебными органами и НКЮ. Вероятно, с этим и связана противоречивая критика вышестоящими органами нижестоящих трибуналов и регулярные требования одновременно ужесточить выносимые санкции и пресечь незаконное осуждение.

Руководство страны не рассматривало органы юстиции на транспорте как исключительно судебные, карательные. В чрезвычайные периоды (например, в 1941–1943 гг.) данная функция (карательная) действительно выходила на первый план. Этому способствовало отсутствие четко установленной компетенции данных органов (так называемые «резиновые» нормы). Это приводило к систематическому превышению их полномочий, массовым нарушениям норм материального и процессуального права.

⁵⁷ ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 18. Л. 21.

⁵⁸ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий ВС СССР. М., 1948. С. 201, 202.

В периоды стабилизации (например, в 1944–1945 гг.) они должны были выполнять более широкие функции по воспитанию работников транспорта, пропаганде решений партии и правительства. Все это, по мнению руководства страны, должно было способствовать предотвращению преступлений.

Тем не менее система органов транспортной юстиции превратилась в достаточно неповоротливый механизм, который не был способен оперативно перестроиться в случае необходимости. Органы часто использовали «шаблонный» подход в следствии и судопроизводстве. Ошибки, выявляемые в процессе ревизий, могли не устраняться месяцами. Однако в период войны руководство было вынуждено мириться с достаточно низким качеством работы данных органов.

Завершающий этап Второй мировой войны
на Дальнем Востоке:
Разгром милитаристской Японии

Капитуляция Японии: атомные бомбы или советский блицкриг? Очерк истории

Согласно проводимым в США опросам общественного мнения, здесь и по сей день до 60% населения оправдывают атомную бомбардировку. Удивительно, что и в самой Японии находятся те, кто соглашается с применением атомных бомб против своей страны. Таких насчитывается 14% от общего числа ответивших. Но подавляющее большинство, 79%, осуждают испепеление в ядерном костре своих соотечественников.

«Милосердная» атомная бомба

В большинстве работ западных историков утверждается, что именно атомные удары по Хиросиме и Нагасаки заставили Японию капитулировать в августе 1945 г.

В последнем томе своих военных мемуаров Черчилль рассказывал, как 14 июля 1945 г., когда он находился на Потсдамской конференции вместе с президентом Трумэном и Сталиным, было получено сообщение об успешном испытании в США первой в мире атомной бомбы. О том, что у западных союзников не было ни малейшего сомнения в необходимости применить новое оружие против японцев, свидетельствует следующий отрывок из воспоминаний британского политика:

«Внезапно перед нами открылась возможность милосердного (! — А. К.) прекращения войны на Востоке и гораздо более отрад-ные перспективы в Европе. Я не сомневался, что такие же мысли рождались и в голове у моих американских друзей. Во всяком случае,

¹ Кошкин Анатолий Аркадьевич — доктор исторических наук, профессор Института стран Востока, эксперт РАН, член исполнительного совета Российской ассоциации историков Второй мировой войны, член Союза писателей России (г. Москва).

не возникало даже вопроса о том, следует ли применить атомную бомбу. Возможность предотвратить гигантскую затяжную бойню, закончить войну, даровать всем мир, залечить раны измученных народов, продемонстрировав подавляющую мощь ценой нескольких взрывов, — все это после наших трудов и опасностей казалось чудом избавления.

Принципиальное согласие англичан использовать это оружие было дано 4 июля, до того как состоялось испытание. Окончательное решение теперь должен был принять президент Трумэн, в руках которого находилось это оружие. Но я ни минуты не сомневался, каким будет это решение, и с тех пор я никогда не сомневался, что он был прав. Исторический факт таков — и о нем следует судить в исторической перспективе, — что решение об использовании атомной бомбы для того, чтобы вынудить Японию капитулировать, никогда даже не ставилось под сомнение. Между нами было единодушие, автоматическое, безусловное согласие, и я также никогда не слышал ни малейшего возражения, что нам следовало бы поступить иначе».

Однако у западных союзников не было уверенности в том, что, применив атомные бомбы против Японии, удастся без помощи Советского Союза быстро принудить Токио к капитуляции. Поэтому, даже при наличии информации об успешном испытании в Аламогордо заинтересованность политического руководства и командования США в выполнении Советским Союзом данных в Крыму обязательств сохранялась. Известны слова Трумэна о том, что «именно «вступление СССР в войну окончательно убедит Японию в неизбежности ее полного разгрома»².

В ходе Берлинской (Потсдамской) конференции в июле 1945 г., отметив, что дела союзников в войне против Японии не таковы, чтобы требовалась активная помощь Великобритании, президент США прямо заявил советскому лидеру, что «США ожидают помощи от СССР». В ответ Сталин сказал, что «Советский Союз будет готов вступить в действие к середине августа, и, что он сдержит свое слово»³.

Встал вопрос о том, в какой форме сообщить о новом оружии Сталину. По согласованию с Черчиллем Трумэн после заседания 24 июля как бы в неофициальном порядке проинформировал главу советской

² *Truman H. Memories. Vol. 1. Years of Decision. New York, 1955. P. 415.*

³ Советский Союз на Международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. V. Берлинская (Потсдамская) конференция. Сб. док. М., 1984. С. 40.

делегации о том, что в США разработано оружие огромной разрушительной силы. При этом слова «атомная бомба» произнесены не были. Вопреки ожиданиям Сталин внешне не проявил интереса к полученной информации и в ходе последующих заседаний к этому вопросу не возвращался. У Черчилля даже сложилось впечатление, что советский лидер «не понял значения» сделанного ему сообщения.

Однако дело обстояло как раз наоборот. Сталин отреагировал таким обескуражившим союзников образом именно потому, что он все прекрасно понял. Советское правительство уже давно располагало данными о том, что в США ведутся работы по созданию атомного оружия, и в качестве ответной меры также вело работы такого рода.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков так рассказывал о реакции Сталина на сообщение Трумэна:

«Вернувшись с заседания, И. В. Сталин в моем присутствии рассказал В. М. Молотову о состоявшемся разговоре с Г. Трумэном.

В. М. Молотов тут же сказал: “Цену себе набивают”.

Сталин рассмеялся: “Пусть набивают. Надо будет переговорить с Курчатовым об ускорении нашей работы”.

Я понял, что речь шла о создании атомной бомбы. Тогда уже было ясно, что правительство США намерено использовать атомное оружие для достижения своих империалистических целей с позиции силы. 6 и 8 (9. — А. К.) августа 1945 года это подтвердилось на практике: американцы без всякой к тому военной необходимости сбросили две атомные бомбы на мирные густонаселенные японские города Нагасаки и Хиросиму». Как видно из этого отрывка, в Потсдаме, в отличие от Ялты, уже начинали дуть ветры холодной войны⁴.

После окончания Второй мировой войны эти ветры стали столь леденящими, что на Западе и вовсе участие СССР в разгроме милитаристской Японии стало рассматриваться как второстепенная, а то и вовсе ненужная акция. В свою очередь правонационалистические силы в Японии присоединение СССР по многочисленным просьбам союзников — США и Великобритании — к военным действиям по разгрому японских войск именуют «советской агрессией», предпринятой якобы с целью захвата территорий.

Между тем не многим известно, что Сталин мог вернуть отторгнутые Японией российские дальневосточные земли и не вступая

⁴ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 2. М., 1974. С. 418.

в войну. Ибо он был информирован, что японское правительство активно зондировало возможность «расплатиться» за советский нейтралитет Южным Сахалином и Курильскими островами. Более того, до советской стороны доводились сведения о готовности Токио пожертвовать ради этого даже островом Хоккайдо, на который Москва претензий не выдвигала.

Для правильного, объективного понимания намерений Советского Союза при принятии решения об участии в войне на Дальнем Востоке следует учитывать стоявшие перед Сталиным важные геополитические задачи. Немаловажное значение имело то, что Сталин не хотел быть отстраненным от послевоенного политического процесса в Восточной Азии, и в первую очередь в Китае. Сталин не мог не знать, или, по крайней мере, догадываться, что американцы были намерены после войны занять господствующее положение в этом обширном регионе мира, вытеснив оттуда все другие государства, в том числе своих союзников в годы войны — Великобританию, Францию и, уж конечно, СССР. Так, во время Каирской конференции 23 ноября 1943 г. Рузвельт в беседе с глазу на глаз с Чан Кайши предложил китайскому президенту заключить после войны американо-китайский военный союз, предусматривавший размещение по всей территории Китая, в том числе у советских границ, военных баз США. Чан Кайши с энтузиазмом приветствовал это предложение. При этом Порт-Артур и ряд других стратегически важных районов отдавались под прямое американское управление. Корейский полуостров предусматривалось оккупировать и удерживать совместно американскими и китайскими войсками. Оба лидера договаривались и о том, что Франция лишится своих колоний в Юго-Восточной Азии. Рузвельт обещал сотрудничать с правительством Чан Кайши и в устранении английского влияния в Китае (Гонконг, Шанхай, Кантон). Малайя, Бирма, Индия также должны были стать зонами преобладающего влияния США. Со своей стороны Чан Кайши ставил вопрос о помощи США во включении в состав Китая Монгольской Народной Республики. Рузвельт соглашался вести переговоры по этому поводу с СССР.

Односторонний ввод американских войск на территорию Китая был чреват поражением коммунистических сил этой страны и установлением непосредственно у границ СССР недружественного проамериканского режима. Хотя Сталин избегал открытой демонстрации поддержки Компартии Китая в борьбе за власть в стране, в действи-

тельности ставка делалась в первую очередь и главным образом на Мао Цзэдуна. Поэтому вступление в войну на Дальнем Востоке не только преследовало задачу скорейшего разгрома японских вооруженных сил, но и одновременно было направлено на создание благоприятных для СССР военно-стратегических и геополитических позиций в восточноазиатском регионе.

Рузвельт просил о помощи в войне с Японией

В советской и российской историографии, на наш взгляд, не достаточно подробно излагаются переписка и переговоры Иосифа Сталина с президентом США Франклином Рузвельтом о сотрудничестве в войне против милитаристской Японии. А ведь американцы на протяжении Второй мировой войны настойчиво убеждали Сталина помочь им в противостоянии с Японией. Уже на следующий день после нападения японского флота на Перл-Харбор президент США Франклин Рузвельт фактически высказал советскому правительству пожелание об участии СССР в войне на Дальнем Востоке.

Президент принял нового советского посла Максима Литвинова 8 декабря 1941 г. В сложившейся чрезвычайной обстановке были отменены формальности при вручении верительной грамоты. Главной целью беседы со стороны американца было выяснение возможности использовать территорию Советского Союза для нанесения бомбовых ударов по японской метрополии, что означало бы автоматическое приращение СССР к войне против Японии и являлось нарушением советско-японского Пакта о нейтралитете. Кремль же интересовал в первую очередь вопрос о продолжении поставок в СССР американского вооружения. Советский посол доносил в Москву:

«...Он (Рузвельт) сразу начал разговор с японского нападения, спрашивая, ожидаем ли мы объявления нам войны Японией. Я выразил сомнение с точки зрения интересов самой Японии, которой вряд ли выгодно теперь ввязаться в войну с нами. На вопрос президента, много ли дивизий мы сняли с восточного фронта, я ответа не дал. Не ставя никакого вопроса о нашей позиции, Рузвельт спросил меня, кто наш военный атташе в Вашингтоне, и, как бы рассуждая про себя, сказал, что военным нужно будет с ним обсудить вопрос, не могут ли американские бомбардировщики из Манилы сбросить бомбы над Японией, повернув в сторону Владивостока, очевидно, чтобы там брать с собой новый запас бомб. Хотя, сказал он, бомбардировщики могут брать

достаточное количество бомб из Манилы и вернуться туда, но в случае захода во Владивосток можно было бы брать большой груз...»⁵

Позиция Сталина в отношении высказанных Рузвельтом пожеланий была сформулирована в телеграмме наркома иностранных дел Вячеслава Молотова послу Литвинову от 10 декабря 1941 г. В ней поручалось передать Рузвельту следующее:

«Мы не считаем возможным объявить в данный момент состояние войны с Японией, и вынуждены держаться нейтралитета, пока Япония будет соблюдать советско-японский пакт о нейтралитете. Мотивы:

Первое: Советско-японский пакт обязывает нас к нейтралитету, и мы не имеем пока основания не выполнять свое обязательство по этому пакту. Мы не считаем возможным взять на себя инициативу нарушения пакта, ибо мы сами всегда осуждали правительства, нарушающие договоры.

Второе: В настоящий момент, когда мы ведем тяжелую войну с Германией и почти все наши силы сосредоточены против Германии, включая сюда половину войск с Дальнего Востока, мы считали бы неразумным и опасным для СССР объявить теперь состояние войны с Японией и вести войну на два фронта. Советский народ и советское общественное мнение не поняли бы и не одобрили бы политики объявления войны Японии в настоящий момент, когда враг еще не изгнан с территории СССР, а народное хозяйство СССР переживает максимальное напряжение...

Наша общественность вполне сознает, что объявление состояния войны с Японией со стороны СССР ослабило бы сопротивление СССР гитлеровским войскам и пошло бы на пользу гитлеровской Германии. Мы думаем, что главным нашим врагом является все же гитлеровская Германия. Ослабление сопротивления СССР германской агрессии привело бы к усилению держав оси в ущерб СССР и всем нашим союзникам»⁶.

Получив это послание Сталина, Рузвельт 11 декабря во время встречи с советским послом заявил, что он об этом решении сожалеет, но на месте Советского Союза поступил бы так же.

Несколько по-иному о возможности вступления СССР в войну против Японии Сталин говорил через десять дней во время бесед

⁵ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. М., 1984. С. 143–144.

⁶ Там же. С. 144.

с прибывшим в Москву министром иностранных дел Великобритании Антони Иденом, который от имени своего правительства, как и Рузвельт, прямо поставил вопрос о помощи СССР в войне с Японией.

К этому времени успех советского контрнаступления под Москвой уже определился. 16 декабря Рузвельт направил Сталину телеграмму, в которой сообщал о «всеобщем подлинном энтузиазме в Соединенных Штатах по поводу успехов Ваших армий в защите Вашей великой нации». В своем ответе Сталин писал: «Разрешите поблагодарить Вас за выраженные Вами чувства по поводу успехов Советской Армии. Желаю Вам успеха в борьбе против агрессии на Тихом океане»⁷.

Успешные действия советских войск под Москвой, безусловно, отразились на ходе переговоров Сталина с Иденом.

Из записи беседы И. Сталина с А. Иденом 20 декабря (19 часов 00 минут):

«...Далее Иден поставил вопрос о Дальнем Востоке. Ввиду серьезности создавшегося там положения он просил тов. Сталина сказать, может ли и когда Англия рассчитывать на известную помощь ей против Японии. Иден понимает, что такая помощь в настоящий момент для нас едва ли мыслима. Но как будет обстоять дело, например, весной?

Тов. Сталин ответил, что если СССР объявил бы войну Японии, то ему пришлось бы вести настоящую, серьезную войну на суше, на море и в воздухе. Это ведь не то, что декларация войны, которую Японии могла бы объявить Бельгия или Греция. Стало быть, советское правительство должно тщательно учитывать свои возможности и силы. В настоящий момент СССР еще не готов для войны с Японией. Значительное количество наших дальневосточных войск в последнее время было переброшено на Западный фронт. Сейчас на Дальнем Востоке формируются новые силы, но потребуются еще не меньше четырех месяцев, прежде чем СССР будет надлежащим образом подготовлен в этих районах. Тов. Сталин полагает, что было бы гораздо лучше, если бы Япония напала на СССР. Это создало бы более благоприятную политическую и психологическую атмосферу в нашей стране. Война оборонного характера была бы более популярна и создала бы монолитное единство в рядах советского народа. Лучшей

⁷ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. М., 1986. С. 10–11.

иллюстрацией тому является война СССР против гитлеровской агрессии. Тов. Сталин полагает, что нападение Японии на СССР возможно и даже вероятно, если немцы начнут терпеть поражения на фронте. Тогда Гитлер пустит в ход все средства нажима для того, чтобы вовлечь Японию в войну с СССР...»

Сталин пообещал вернуться к данному вопросу весной следующего года, сказав: «Возможно, конечно, что японцы атакуют СССР раньше, когда позиция сама собой прояснится»⁸.

Понимая причины, не позволившие Сталину позитивно откликнуться на призыв США и Великобритании присоединиться к войне против Японии сразу после ее начала, американское руководство тем не менее не оставило надежду на вовлечение Советского Союза в Тихоокеанскую войну.

Хотя Рузвельт неизменно подчеркивал, что приоритетным является разгром Германии, крайне неблагоприятная для США и Великобритании ситуация на тихоокеанском театре военных действий вынуждала его искать приемлемые для СССР формы оказания помощи в борьбе с японцами.

Американский президент в переписке со Сталиным отмечал, что США не имеют баз, с которых могли бы организовать регулярную бомбардировку японской метрополии. Кардинально изменить ситуацию к лучшему могло бы согласие СССР на предоставление США возможности использовать советскую территорию для организации американских воздушных налетов на Японские острова. Однако в Вашингтоне понимали, что подобное решение советского руководства было равнозначно вступлению СССР в войну с Японией. Успех советского контрнаступления под Москвой и данное Сталиным в декабре министру иностранных дел Великобритании Идену обещание «вернуться к дальневосточному вопросу через несколько месяцев» вселяли некоторый оптимизм по поводу возможности занятия советским правительством более активной позиции в отношении Тихоокеанской войны. Однако рассчитывать на реальную советскую помощь в этой войне в ближайшем будущем в Вашингтоне не могли.

Стремление руководства США в той или иной форме привлечь СССР к войне против Японии с наступлением весны 1942 г. стало еще

⁸ Цит. по: *Ржешевский О. А.* Война и дипломатия. Документы, комментарии 1941–1942 гг. М., 1997. С. 58–59.

более очевидным. При этом американские представители, убеждая Москву в неизбежности японского нападения на СССР, по сути дела подталкивали Сталина на превентивный удар по Японии. 23 апреля 1942 г. состоялась беседа Сталина с новым послом США в СССР Уильямом Стэндли, в ходе которой был затронут вопрос о советско-японских отношениях. Из записи беседы:

«...Стэндли спрашивает, какие новости имеются с фронта на Дальнем Востоке. Сталин отвечает, что со стороны японцев не было попытки провоцировать инциденты на границе. Наша разведка сообщает, что японцы перебрасывают дополнительные силы на север. Мы не верим заверениям японцев, что они против нас ничего не имеют, и принимаем соответствующие меры в области укрепления нашей обороны на Востоке.

Стэндли говорит, что следует помнить пример Порт-Артура и Перл-Харбора. Сталин говорит, что Стэндли, вероятно, имеет в виду внезапность нападения. Мы хорошо об этом помним. Стэндли отвечает, что они также хорошо знали об этом, но, тем не менее, были застигнуты врасплох»⁹.

Предупреждения американцев основывались на достоверных данных разведки. Решение японского правительства избегать столкновения с СССР на период движения на юг имело временный характер и не означало окончательного отказа Японии от участия в войне против СССР.

В США об этом знали, а поэтому участие СССР в войне на Дальнем Востоке предусматривалось стратегическими планами США и Великобритании. Так, при определении общего стратегического замысла дальнейшего ведения войны президент США и премьер-министр Великобритании 25 мая 1943 г. одобрили доклад объединенного англо-американского штаба, в котором было записано: «После разгрома стран оси в Европе направить все ресурсы США и Великобритании во взаимодействии с другими странами Тихоокеанского бассейна и, если будет возможно, с Россией, на достижение в возможно короткий срок безоговорочной капитуляции Японии»¹⁰.

⁹ Советско-американские отношения... Т. 1. С. 171.

¹⁰ *Говард М.* Большая стратегия. Август 1943 — сентябрь 1943 г. М., 1980. С. 420.

Обещание Сталина

Встрече Сталина, Рузвельта и Черчилля в Тегеране предшествовала Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). В подготовленных для переговоров Объединенным комитетом начальников штабов США инструкциях особо указывалось: «Полное участие России в войне против Японии после разгрома Германии имеет важное значение для более быстрого и сокрушительного разгрома Японии с наименьшими потерями для США и Великобритании»¹¹.

Вопрос о возможности участия СССР в войне с Японией был затронут госсекретарем США Корделлом Хэллом в состоявшейся сразу после Московской конференции 30 октября беседе со Сталиным. Сталин заявил тогда о готовности помочь нанести поражение Японии после разгрома Германии. Характеризуя занятую Сталиным позицию по дальневосточному вопросу, Хэлл сообщал в Вашингтон, что глава советского правительства «проявил глубокое стремление к сотрудничеству с США и Великобританией». Как писал Хэлл в своих мемуарах, Сталин сделал это заявление «уверенно, совершенно бескорыстно, не требуя ничего взамен». При этом он считал слова советского руководства «заявлением исключительной важности»¹².

На проходившей с 28 ноября по 1 декабря 1943 г. в Тегеране конференции «большой тройки» — Рузвельта, Сталина и Черчилля — обсуждались вопросы разгрома Германии, Японии и их союзников, а также проблемы послевоенного мирного урегулирования.

На прямо поставленный Рузвельтом в ходе переговоров вопрос об оказании Советским Союзом помощи США против Японии Сталин сделал важное заявление. Он сказал: «Мы, русские, приветствуем успехи, которые одерживались и одерживаются англо-американскими войсками на Тихом океане. К сожалению, мы пока не можем присоединить своих усилий к усилиям наших англо-американских друзей потому, что наши силы заняты на Западе и у нас не хватает сил для каких-либо операций против Японии. Наши силы на Дальнем Востоке более или менее достаточны лишь для того, чтобы вести оборону, но для наступательных операций надо эти силы увеличить, по крайней мере, в три раза. Это может иметь место, когда мы

¹¹ *Lensen G.* The Strange Neutrality. Soviet-Japanese Relations during the Second World War 1941–1945. Tallahassee, 1972. P. 259.

¹² *Hull C.* The Memories. Vol. 2. P. 1309–1310.

заставим Германию капитулировать. Тогда — общим фронтом против Японии»¹³.

Рузвельт не мог скрыть своего удовлетворения занятой Сталиным позицией и сразу попытался добиться от советского лидера решения ряда военных вопросов, связанных с предполагавшимися совместными действиями против Японии. Речь шла о предварительном планировании военно-воздушных операций в северо-западной части Тихого океана. При этом президент предложил начать такое планирование «незамедлительно». 29 ноября 1943 г. Рузвельт говорил Сталину: «Мы считаем, что в целях сокращения сроков войны бомбардировка Японии с баз Вашего Приморского края немедленно после начала военных действий между СССР и Японией будет иметь весьма большое значение, поскольку это предоставит нам возможность разрушить военные и промышленные центры»¹⁴.

Окончательно вопрос об участии Советского Союза в войне против милитаристской Японии был решен на Ялтинской (Крымской) конференции глав трех великих держав — США, СССР и Великобритании — Франклина Рузвельта, Иосифа Сталина и Уинстона Черчилля.

Заседания «большой тройки» начались 4 февраля 1945 г. в резиденции Рузвельта во время конференции — Ливадийском дворце. В перечне вопросов, переданном американцами Генеральному штабу Красной армии, указывалось, что начальники штабов США предлагают рассмотреть на конференции вопросы о координации военных действий между Западным и Восточным фронтами и об участии СССР в войне с Японией.

Хотя вопрос об участии СССР в войне с Японией был в перечне проблем на последнем месте и до 8 февраля в ходе ежедневных совещаний практически не затрагивался, западные союзники считали его приоритетным. Рузвельт, похоже, откладывал его обсуждение на конец конференции сознательно, стремясь сначала договориться со Сталиным по другим проблемам, а уж затем на базе достигнутых договоренностей в атмосфере согласия ставить вопрос о Японии. При этом он сразу после начала работы конференции дал понять Сталину, что рассчитывает уже в ходе конференции окончательно решить вопрос о вступлении СССР в войну с Японией.

¹³ Советский Союз на международных конференциях... Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). Сборник документов. М., 1978. С. 95.

¹⁴ Там же. С. 113–120.

Объединенный комитет начальников штабов США (ОКНШ) настоятельно просил Рузвельта добиться скорейшего вступления СССР в войну. Накануне отъезда президента в Ялту высшие чины американских вооруженных сил представили ему документ, в котором, в частности, говорилось: «...Мы желаем вступления России как можно скорее в меру ее способности вести наступательные операции и готовы оказать максимально возможную поддержку, не нанеся ущерба нашим основным операциям против Японии...» Государственный секретарь США Эдвард Стеттиниус признавал, что на Ялтинской конференции делегация США хотела, прежде всего, вступления СССР в войну против Японии¹⁵.

Соглашаясь с тем, что вступление СССР в войну против Японии может состояться лишь после окончательного разгрома Германии, главы правительств США и Великобритании не скрывали от Сталина своей заинтересованности в том, чтобы это произошло как можно раньше. Из официальных американских документов следует, что «основная задача американского правительства состояла в том, чтобы добиться скорейшего вступления СССР в войну с Японией с тем, чтобы не допустить передислокации Квантунской армии в метрополию в момент вторжения»¹⁶.

Сталин с пониманием отнесся к этим опасениям. Если в Тегеране он дал принципиальное согласие вступить в войну против Японии «через шесть месяцев после завершения войны в Европе», то в Ялте, несмотря на большие сложности переброски советских войск на восток, этот срок был сокращен вдвое. Войну с Японией Сталин пообещал начать «через два-три месяца после капитуляции Германии». Это решение с большим удовлетворением было воспринято союзниками.

Практически все основные вопросы, связанные с вступлением СССР в войну, были согласованы во время встречи Сталина с Рузвельтом 8 февраля 1945 г. в Ливадийском дворце. Эта беседа носила весьма откровенный характер и во многом предопределила будущие события. Весьма существенным было заявление Рузвельта о том, что он не хочет высаживать войска в Японии и пойдет на такой шаг только в случае крайней необходимости. Тем самым прямо давалось понять, что проведение крупномасштабных наземных операций против япон-

¹⁵ Stettinius E. Roosevelt and the Russians. The Yalta Conference. London, 1955. P. 90–91.

¹⁶ United States Relations with China. Reference to the Period 1944–1949. Washington, 1949. P. 8.

ских войск, в первую очередь в Маньчжурии, будет возложено на вооруженные силы СССР. Свое нежелание сражаться с японцами президент открыто объяснял стремлением обойтись без больших потерь. Услышав твердое обещание Сталина вступить в войну, Рузвельт, как это и было запланировано, полностью согласился с заявленными советской стороной территориальными условиями в отношении возвращения России Южного Сахалина и Курильских островов и даже обещал помочь в их реализации.

11 февраля 1945 г. Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем было подписано Ялтинское соглашение трех великих держав по вопросам Дальнего Востока, в котором закреплялось «согласие в том, что через два-три месяца после капитуляции Германии в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне союзников».

Как известно, Иосиф Сталин неукоснительно выполнил свои обязательства. 8 августа 1945 г., ровно через три месяца после завершения войны с Германией, Советский Союз объявил Японии войну, что во многом определило решение правительства Японии принять условия безоговорочной капитуляции.

Документ о вступлении СССР в войну полностью отвечал интересам разгрома Японии без риска кровопролитных сражений с огромными жертвами. В действительности, получив гарантии столь необходимого им участия СССР в войне, в большем выигрыше считали себя именно американцы и англичане. Участие мощных сухопутных сил СССР в войне на Востоке рассматривалось весной 1945 г. в Вашингтоне и Лондоне как важнейшее условие победы над Японией в кратчайшие сроки и с минимальными потерями. Поэтому утверждения некоторых историков о том, что в Ялте Рузвельт якобы пошел на «неоправданные уступки» Сталину, «купил» его участие в войне, представляются неубедительными и далекими от понимания реально складывавшейся к весне 1945 г. военно-стратегической обстановки в мире.

Несостоятельными следует признать и утверждения о том, что Сталин якобы вступил в войну «для захвата исконно японских территорий». Как свидетельствуют японские документы, для возвращения ранее принадлежавших России дальневосточных земель Сталину вовсе не нужно было вступать в войну. Как отмечалось выше, японское правительство было готово «добровольно» возвратить Южный Сахалин и Курильские острова, о чем Сталин имел достоверную информацию.

План расчленения Японии

Перспектива участия СССР в разгроме Японии ускорила разработку в США вопросов оккупации этой страны. К изучению этой проблемы американцы приступили уже через десять месяцев после японского нападения на Перл-Харбор. С этой целью в Государственном департаменте США был создан специальный орган — Комитет послевоенных программ (Post war programs committee) под председательством госсекретаря Хэлла. Одним из центральных вопросов довольно острой дискуссии среди членов комитета было отношение к императорской системе правления в Японии.

С самого начала определились две группы — сторонники «жесткого» и «мягкого» мира с Японией. К первой группе относились лица во главе с помощником заместителя госсекретаря Б. Лонгом, которые требовали строгого наказания Японии. Вторая группа, которую возглавлял бывший посол США в Японии, а затем заведующий дальневосточным департаментом госдепа Джозеф Грю, выступала за «великодушный мир».

Позиция первых сводилась к следующему: «Нельзя, ограничившись лишь разоружением, затем оставить Японию. Для обеспечения мира и безопасности на Тихом океане необходимо принять меры, исключающие повторение Японией агрессивных войн. Необходимо искоренить сами причины такой политики, а именно, следует ликвидировать императорскую систему как структуру централизации власти... Пока будет существовать обожествленный император, для США будет сохраняться японская угроза... Общественное мнение США в подавляющем большинстве требует ликвидации императорской системы. В странах наших союзников существует твердое намерение наказать японского императора наравне с Гитлером и Муссолини. Без устранения императорской системы нельзя говорить о победе над Японией».

Сторонники «мягкого мира» отвечали: «Было бы неверным считать неразрывными императорскую систему и агрессивную войну. В насчитывающей свыше 1300 лет истории Японии император продолжал существовать как единственный источник легитимной власти. Война началась не по инициативе императора, он был лишь использован для ее развязывания... Те, кто требует ликвидации императорской системы, просто не знают Японии. Если императорская система будет разрушена, а японская территория расчленена, народ Японии откажется сотрудничать с оккупационными войсками. В этом случае США

для осуществления военного управления придется использовать несколько сот тысяч солдат. Если США не смогут неопределенно долго находиться в Японии, после оккупационного периода в этой стране появится в высшей степени антиамериканское правительство. С другой стороны, если императорская система будет сохранена и будут использоваться японские административные органы, а не прямое правление США, японский народ пойдет на сотрудничество с нами... Император — это как матка в пчелиной семье. Хотя матка ничего не определяет, она пользуется любовью и уважением у рабочих пчел. Если матка исчезает, пчелиная семья распадается. Император необходим как психологическая основа для послевоенного переустройства Японии».

Споры продолжались более года. В мае 1944 г. комитет решил, что императорская система будет сохранена, территория Японии расчленяться не будет, а японское правительство будет самостоятельно осуществлять руководство страной. Однако это было мнение дипломатов. Среди усиливших в годы войны свое влияние генералов существовали собственные взгляды на будущую оккупационную политику в Японии.

Вскоре после капитуляции Германии проблемами оккупации Японии стал заниматься американский Объединенный комитет начальников штабов. Для рассмотрения связанных с оккупацией вопросов в ОКНШ была создана так называемая «Белая команда». Назначенные в эту команду генералы и полковники были озабочены не столько проблемами будущего Японии, сколько текущими вопросами использования войск. Планируя высадку на юге острова Кюсю в ноябре 1945 г. (операция «Олимпик»), а затем в марте следующего года на восточном побережье основного японского острова Хонсю (операция «Коронет»), разработчики этих операций исходили из вероятной перспективы потери от 500 тыс. до одного миллиона солдат и офицеров. Считалось, что после капитуляции Японии для осуществления оккупации ее территории потребуется 23 дивизии, или 800 тыс. человек.

Отвечая на вопрос, не много ли это для оккупации капитулировавшей страны, члены «Белой команды» приводили следующие соображения: «Особенностью Японии является то, что даже после капитуляции центрального правительства может быть продолжено сопротивление на местах в различных районах страны. Поступает информация о том, что в Японии объявлена мобилизация добровольцев, а потому надо быть готовыми к худшей ситуации».

С военной точки зрения выделение 800 тыс. американских военнослужащих для оккупации Японии едва ли могло создать большие трудности. Проблема состояла в том, как воспримет это американский народ. После капитуляции Германии и завершения войны в Европе в общественном мнении США усилились ожидания скорейшего возвращения американских солдат на родину. Правительство США всерьез заботило, согласится ли народ с тем, что после победы над Японией здесь на неопределенно долгий срок останется столь большая армия. Особенно это волновало президента Трумэна. Не будучи избранным президентом (на этом посту он оказался вследствие кончины Рузвельта), Трумэн беспокоился о своем политическом будущем. Ему явно не хватало того авторитета, которым пользовался его предшественник. А. Громыко отмечал в мемуарах, что Трумэн при Рузвельте «как политик, светил вроде луны — отраженным светом».

Заботясь об общественном мнении, ближайшее окружение нового президента стало высказываться в пользу того, чтобы оккупировать Японию не только американскими войсками, а совместно со всеми странами — участниками коалиции. При этом высказывалось и соображение о том, что в этом случае враждебность японцев будет направлена не только против американцев. Оказывавший большое влияние на президента начальник его личного штаба адмирал Уильям Леги считал, что следует максимально сократить число американских оккупационных войск, и США не должны брать на себя основную ответственность в управлении поверженной Японией. Можно считать, что составленная Леги памятная записка «О сокращении участия американских военных в оккупации Японии и скорейшей демобилизации военнослужащих» отражала настроения Трумэна. Получив эту записку, ОКНШ ускорил разработку плана оккупации Японии путем ее расчленения на оккупационные зоны.

Разработчики плана исходили из того, что в войне против Японии, кроме США, в той или иной степени могут принять участие Великобритания, Китай, Франция, Нидерланды, Новая Зеландия, Филиппины и ряд других стран. При этом, однако, считалось, что привлечение для оккупации Японии малых стран лишь осложнит положение США, ибо в этом случае им пришлось бы взять на себя дополнительные обязанности по обеспечению их вооружением, средствами транспортировки войск и т. д.

Кроме Великобритании, которая как ближайший союзник США рассматривалась естественным участником оккупации Японии, предполагалось привлечь также Китай. Идея использования китайских оккупационных войск имела как плюсы, так и минусы. С одной стороны, принималось во внимание, что Япония, оправдывая свои агрессии, вела пропаганду о борьбе желтой расы с «белым империализмом». Занятие китайской армией части территории Японии способствовало бы разрушению такой пропаганды, ослабляло впечатление «расового характера» оккупации. Но, с другой стороны, высказывалось опасение, что сразу после победы над Японией в Китае может начаться гражданская война, а это затруднит выделение китайских войск для оккупации японской метрополии.

Перспектива участия СССР в войне против Японии создавала предпосылки широкого использования советских войск для последующей оккупации части территории Японских островов. Однако американских политиков волновало, что в этом случае СССР получит большие права в управлении Японией. Высказывалось мнение, что при оккупации Японии США по аналогии с акционерной компанией должны обеспечить себе председательское место как держатель контрольного пакета акций. О том, что с политической точки зрения активное участие СССР в военных действиях на Дальнем Востоке невыгодно США, заявляли многие американские политики и дипломаты.

Тем не менее соображения чисто военного характера заставляли американское командование продолжать настаивать на обязательном привлечении СССР к разгрому Японии. Опыт кровопролитных боев за острова Иводзима и Окинава убеждал, что японцы будут сопротивляться отчаянно. Военный министр США Генри Стимсон докладывал 2 июля 1945 г. президенту: «Начав вторжение, нам придется, по моему мнению, завершать его даже еще более жестокими сражениями, чем те, которые имели место в Германии. В результате мы понесем огромные потери и будем вынуждены оставить Японию»¹⁷.

К этому времени в ОКНШ уже существовал конкретный план оккупации японской метрополии вооруженными силами четырех государств — США, Великобритании, СССР и Китая. При этом в понятие «метрополия Японии» включались четыре основных острова — Хоккайдо, Хонсю, Кюсю, Сикоку и около тысячи прилегающих островов,

¹⁷ Эрман Дж. Большая стратегия. Октябрь 1944 — август 1945. М., 1958. С. 271–272.

за исключением Сахалина, Курильских островов и Окинавы. Заметим, что именно такое определение территории Японии было зафиксировано в тексте направленной японскому правительству Потсдамской декларации об условиях капитуляции Японии от 26 июля 1945 г.

При определении зон оккупации американские разработчики исходили из того, что центральный район главного японского острова Хонсю с развитой инфраструктурой должен контролироваться США. Достаточно развитый в промышленном отношении остров Кюсю предполагалось выделить для занятия войсками Великобритании. Отсталые сельскохозяйственные районы острова Сикоку выделялись для размещения контингентов китайских войск.

Предполагавшаяся зона оккупации советскими войсками по площади даже превышала американскую. СССР должен был не только разместить свои войска на Хоккайдо (второй по величине остров Японии), но и занять северо-восточную часть Хонсю¹⁸.

Особое внимание было уделено японской столице. Для обеспечения руководящего положения США в оккупированной Японии предусматривалось контролировать Токио американскими войсками. Однако другие державы могли с этим не согласиться. Поэтому в ОКНШ решили, что, как и в Берлине, в Токио придется допустить присутствие представителей командования Великобритании, СССР и Китая, создав хотя бы впечатление совместной администрации.

Существенным моментом плана ОКНШ было намерение вводить в Японию войска других держав не сразу, а по мере вывода американских войск. Так, в первые три месяца после капитуляции на Японских островах намечалось разместить 23 дивизии США (850 тыс. человек). В течение последующих девяти месяцев предусматривалось иметь на Японских островах следующие силы союзных государств: США — 8,3 дивизии (315 тыс. человек), Великобритания — 5 дивизий (165 тыс. человек), Китай — 4 дивизии (130 тыс. человек), СССР — 6 дивизий (210 тыс. человек). На заключительном этапе оккупационные войска подлежали сокращению примерно наполовину. В Японии оставлялось 4 дивизии США, 2 дивизии Великобритании, 2 дивизии Китая и 3 советские дивизии.

Однако эти расчеты держались в строгом секрете — союзники о них не информировались. Как свидетельствуют американские до-

¹⁸ Нихон бункацу (Расчленение Японии). Токио, 1978. С. 73–75.

кументы, ОКНШ завершил обсуждение связанных с оккупацией вопросов 16 августа, т. е. на следующий день после объявления императором Хирохито о капитуляции. Предложенный правительству США план расчленения был изложен в документе «Окончательная оккупация Японии и японской территории». Однако Трумэн уже принял решение о том, что оккупация Японии должна стать «чисто американским предприятием».

Грубый отказ Трумэна

В исторической литературе нет указаний на то, что Сталин знал об американском плане расчленения Японии на оккупационные зоны. Документально подтверждается лишь высказанное им 28 мая 1945 г. в беседе в Кремле с посланником американского президента Гарри Гопкинсом мнение о целесообразности еще до вступления СССР в войну заключить с правительствами США и Великобритании специальное соглашение об определении зон ответственности и районов оккупации. Однако не ясно, что имел в виду Сталин — подтверждение ялтинских договоренностей о занятии советскими войсками Южного Сахалина и Курильских островов с последующим включением их в состав СССР или еще и выделение зоны оккупации на территории японской метрополии.

Хотя конкретные вопросы об условиях оккупации японской метрополии между союзниками напрямую не обсуждались, Сталин считал, что участие в войне на Дальнем Востоке позволяет СССР рассчитывать хотя бы на ограниченную зону присутствия советских войск на собственно японской территории. Однако, как отмечалось выше, Трумэн передумал и отказался от плана выделения для СССР зоны оккупации на Японских островах. Он признавал в мемуарах: «Хотя я горячо желал привлечь СССР к войне с Японией, затем, исходя из тяжелого опыта Потсдама, укрепился во мнении не позволять Советскому Союзу принимать участие в управлении Японией. В душе я решил, что после победы над Японией вся власть в этой стране будет передана генералу Макартуру».

Более того, в направленном 15 августа Сталину «Общем приказе № 1» о капитуляции японских вооруженных сил Трумэн «забыл» указать, что японские гарнизоны на Курильских островах должны сдаваться и капитулировать перед войсками СССР. Это явилось сигналом того, что Трумэн может нарушить ялтинскую договоренность о переходе Курил к Советскому Союзу.

Сталин ответил сдержанно, но твердо, предложив в личном письме Трумэну от 16 августа внести в «Общий приказ № 1» следующие поправки:

«Включить в район сдачи японских вооруженных сил советским войскам все Курильские острова, которые согласно решению трех держав в Крыму должны перейти во владение Советского Союза.

Включить в район сдачи японских вооруженных сил советским войскам северную половину острова Хоккайдо, примыкающего к проливу Лаперуза, находящемуся между Карафуто (Сахалин. — А.К.) и Хоккайдо. Демаркационную линию между северной и южной половиной острова Хоккайдо провести по линии, идущей от гор. Кусиро по восточному берегу острова до города Румои на западном берегу острова, с включением указанных городов в северную половину острова».

Объясняя желательность иметь район оккупации на территории собственно Японии, Сталин указал, что это «имеет особое значение для русского общественного мнения. Как известно, японцы в 1919–1921 годах держали под оккупацией своих войск весь Советский Дальний Восток. Русское общественное мнение было бы серьезно обижено, если бы русские войска не имели района оккупации в какой-либо части собственно японской территории»¹⁹. Свои предложения Сталин назвал скромными и выразил надежду, что они не встретят возражений.

Учитывая условия ялтинского соглашения, Трумэн был вынужден согласиться «включить все Курильские острова в район, который должен капитулировать перед Главнокомандующим советскими вооруженными силами на Дальнем Востоке». Что же касается предложения по поводу занятия советскими войсками северной части Хоккайдо, то оно было отвергнуто Трумэном. При этом в своем ответе он неожиданно заявил о желании «располагать правами на авиационные базы для наземных и морских самолетов на одном из Курильских островов, предпочтительно в центральной группе».

Не скрывая раздражения отказом Трумэна на допущение советских войск на Хоккайдо, Сталин в довольно резкой форме отверг требование США о предоставлении баз на Курильских островах. Американскому президенту было указано, что «требования такого рода обычно предъявляются либо побежденному государству, либо такому союзному государству, которое само не в состоянии защитить ту или

¹⁹ Переписка... С. 285.

иную часть своей территории». Тем самым было дано понять, что в соответствии с Ялтинским соглашением СССР обладает правом распоряжаться Курильскими островами по своему усмотрению.

Отсюда следует, что секретные американские планы выделения обширного района для размещения в японской метрополии значительного контингента советских войск имели в своей основе отнюдь не признание вклада СССР в разгром дальневосточного агрессора. Советские дивизии планировалось использовать в качестве «пушечного мяса» на случай начала в Японии партизанской войны. Однако уставшие от войны японцы смирились с неизбежностью оккупации. Этому в известной степени способствовало и то, что капитуляция по существу не была безоговорочной, ибо хотя и формально, но американцами в стране была сохранена императорская система правления.

Президент Трумэн и его советники уже на первом этапе оккупации вознамерились превратить Японию в американский форпост холодной войны в Азии. Для этого им было необходимо единолично контролировать всю страну, не допустить на ее территорию вооруженные силы других государств, в первую очередь СССР и Китая. Последовавшие события подтвердили, что главным для правительства США было использовать Японские острова для реализации военной стратегии Вашингтона на Дальнем Востоке.

В зарубежной исторической литературе и подчас в работах российских авторов можно встретить немало инсинуаций по поводу неосуществленного плана Сталина по «захвату Хоккайдо и создания на этом острове “Японской народно-демократической республики”».

Летом 2007 г., незадолго до очередной годовщины испепеления в ядерном пожаре жителей Хиросимы и Нагасаки, тогдашний японский министр обороны Фумио Кюма во время публичного выступления заявил, что «не держит зла на американцев за атомные удары по японским городам», ибо эта акция удержала-де СССР от «захвата Хоккайдо».

Как показано выше, оккупация советскими войсками части японского острова Хоккайдо имела символическое значение и не предусматривала никаких административных и политических мероприятий. После отказа Трумэна согласиться с выделением Советскому Союзу зоны оккупации на территории собственно японской метрополии, не желая обострять отношения с американцами из-за высадки на Хоккайдо, Сталин направил 22 августа главнокомандующему советскими

войсками на Дальнем Востоке маршалу А. М. Василевскому следующее указание: «От операции по десантированию наших войск с острова Сахалин на остров Хоккайдо необходимо воздержаться впредь до особых указаний Ставки...» Следуя этому указанию, главком Василевский отдал подчиненным войскам приказ: «Во избежание создания конфликтов и недоразумений по отношению к союзникам, категорически запретить посылать какие бы то ни было корабли и самолеты в сторону острова Хоккайдо»²⁰.

В отличие от восточноевропейских государств, Япония для советского руководства не была объектом создания на части ее территории идеологически близкого государства-сателлита. В противном случае Сталин, безусловно, действовал бы решительно и бескомпромиссно.

Трумэн же и его администрация уже на первом этапе оккупации вознамерились превратить Японию в «форпост борьбы с коммунизмом в Азии», т. е. с Советским Союзом, а затем и с Китаем. Поэтому и было принято решение не допустить на Японские острова вооруженные силы других участвовавших в войне государств, в первую очередь СССР и Китая. А ведь среди влиятельных японцев тогда высказывались мысли о желательности появления русских в Японии, что, как считалось, должно было удержать американцев от произвола и насилия в отношении японского населения. Можно было бы напомнить и ставший известным в 1990-е гг. факт попыток японских властей предложить летом 1945 г. советскому правительству в обмен на сохранение нейтралитета не только вернуть Южный Сахалин и Курильские острова, но и передать остров Хоккайдо, на который СССР не претендовал.

Что же касается домыслов о намерении создать «на русских штыках социалистический Хоккайдо», то их следует отнести к арсеналу антисоветского мифотворчества времен холодной войны. Достаточно сказать, что для создания на отсталом, не имевшем промышленности севере Хоккайдо «просоветского режима» у Москвы не было ни средств, ни опыта, ни необходимых кадров. Не случайно получившие доступ к советским секретам и публиковавшие в 1990-е гг. выгодные для «суда над коммунистами» документы Политбюро и ЦК КПСС ниспровергатели «сталинского режима» не смогли обнаружить в архи-

²⁰ Великая Отечественная война 1941–1945. Документы и материалы. Т. IV. Десант на Шумшу и возвращение Курил. М., 2015. С. 30–32.

вах даже намеков на замыслы создания «Японской народно-демократической республики».

Выполнив свою освободительную миссию, Советский Союз в максимально короткие сроки вывел войска из Китая и Кореи. Советская армия полностью покинула территорию Китая уже к маю 1946 г., когда страна оставалась под властью режима Чан Кайши и победа коммунистов отнюдь не была гарантирована. А вот многочисленные американские войска до сих пор находятся на территории Японии и Республики Корея.

Мифы же о «захвате Советами Хоккайдо» нужны для того, чтобы японцы продолжали видеть в американцах спасителей и защитников от якобы растущей опасности от крепнущего экономически и в военном отношении «коммунистического Китая» и «восстанавливающей военную мощь России».

«Сто миллионов погибнут как один!»

В западной, в том числе и японской историографии Второй мировой войны сознательно затушевывается тот факт, что японское правительство и военное командование не собирались капитулировать после разрушения атомной бомбой Хиросимы. Японские руководители скрыли от народа факт применения американцами обладающего огромной разрушающей силой атомного оружия и продолжали готовить население страны к решающему сражению на своей территории «до последнего японца». Вопрос о бомбардировке Хиросимы даже не был обсужден на заседании Высшего совета по руководству войной.

Невзирая на атомную бомбардировку, сторонники «партии войны» продолжали развернутую по всей стране подготовку населения к отпору врагу в случае вторжения — женщин, детей и стариков обучали приемам борьбы с применением бамбуковых копий, в горах создавались базы партизанской войны. Создатель отрядов смертников-камикадзе, заместитель начальника главного морского штаба вице-адмирал Такадзиро Ониси, категорически выступая против капитуляции, заявлял на заседании правительства: «Пожертвовав жизнями 20 миллионов японцев в специальных атаках, мы добьемся безусловной победы». При этом он подчеркивал, что камикадзе не обязательно быть пилотом, а достаточно просто «быть готовым нанести ценой своей жизни эффективный удар по противнику». Главным в стране стал лозунг «Сто миллионов погибнут как один!».

Жертвы собственного народа не смущали руководителей милитаристской Японии. Не пугали их и атомные бомбы. Ведь не капитулировали же они весной 1945 г., когда в результате массированных «ковровых бомбардировок» японских городов погибли, по разным подсчетам, от 500 до 900 тыс. их жителей, что превосходило число жертв атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки.

В окрестностях города Мацусиро в префектуре Нагано (центральная Япония) продолжалось интенсивное строительство с использованием рабского труда корейцев для монарха и высшего командования огромного бункера на период решающего сражения. В выдолбленном в скальной породе убежище должны были располагаться императорская семья с обслуживающим персоналом, Генеральный штаб армии, службы связи.

Не понимая всей сложности создания атомного оружия, высшие чины армии и флота требовали от ученых незамедлительного изготовления «оружия возмездия» — японской атомной бомбы. Работы над ее созданием были зашифрованы как «проект Ни», по чтению первого иероглифа фамилии руководителя проекта, ученика Нильса Бора, профессора Есио Нисина.

До последнего существовали надежды на использование сохранившей свою боеспособность многочисленной Квантунской армии (группы армий), расположенной в Северо-Восточном Китае (Маньчжурия). С другой стороны, рассматривался вариант, в случае высадки американских войск на Японские острова, переправить императора и его семью в марионеточное государство Маньчжоу-Го. При этом считалось, что американцы не будут подвергать атомной бомбардировке территорию союзного Китая.

Не исключалось и массовое применение в ответ на атомные удары накопленного в огромных количествах в Квантунской армии запрещенного бактериологического и химического оружия. По признанию служащих японского центра по разработке бактериологического оружия «отряд № 731», в конце войны готовых к употреблению болезнетворных бактерий хранилось столько, что «если бы они при идеальных условиях были рассеяны по земному шару, этого хватило бы для уничтожения всего человечества».

Подобные расчеты были перечеркнуты блицкригом советских войск в Маньчжурии. Объявив 8 августа войну милитаристской Японии, Советский Союз приступил к осуществлению широких насту-

пательных операций в Северо-Восточном Китае, Корее, на Сахалине и Курильских островах. Это лишало японское военно-политическое руководство шансов упорным сопротивлением оттягивать капитуляцию. 9 августа на экстренном заседании Высшего военного совета по руководству войной премьер-министр Судзуки заявил: «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным окончание войны»²¹. Вопреки распространенному мнению о том, что именно атомная бомба заставила японцев капитулировать, в действительности решающее влияние на принятие японским правительством решения сложить оружие имело вступление в войну победивших гитлеровскую Германию мощных вооруженных сил Советского Союза.

Что же касается озвученных по американскому радио предупреждений президента Трумэна от 7 августа о готовности США в случае продолжения сопротивления нанести по Японии новые атомные удары, о том, что Японию «ожидает с воздуха такой поток разрушений, которого никогда не знала Земля», то они были расценены как «пропаганда противника». И такая оценка была недалеко от истины. Американский президент блефовал. По расчетам американских штабов, для обеспечения высадки десантов на Японские острова требовалось по меньшей мере 9 атомных бомб, которых в наличии не было.

В распоряжении американцев была лишь еще одна плутониевая бомба «Толстяк», которая без всякой военной необходимости была сброшена 9 августа 1945 г. на японский город Нагасаки. Сброс «Толстяка» планировался на 11 августа и был по официальной версии перенесен на два дня ранее из-за неблагоприятного метеопрогноза на предстоящие дни. Однако нельзя исключать и то, что американское руководство, узнав о вступлении СССР в войну, поспешило еще одним атомным ударом добиться немедленной капитуляции японского правительства еще до глубокого продвижения советских войск в Китае. При этом было важно не отдать лавры победы СССР, не допустить впечатления о решающей роли Советского Союза в разгроме Японии.

Первоначально второй атомной бомбардировке должен был подвергнуться расположенный на острове Кюсю город Кокура, но из-за

²¹ *Киеси Иноуэ, Синдзабуро Оконоги, Сеси Судзуки. История современной Японии / пер. с яп. М., 1955. С. 263–264.*

плохой видимости, уже находясь над целью, экипаж американского бомбардировщика принял решение атаковать Нагасаки, где можно было сбросить бомбу, визуальным наведением самолета на объект поражения, не полагаясь на несовершенный наводящий радар.

«Толстяк» был сброшен над центром Нагасаки в 11 часов 02 минуты 9 августа 1945 г. на высоте 500 метров. Жертвами испытания плутониевой атомной бомбы стали свыше 150 тыс. жителей Нагасаки, из них 74 тыс. человек погибли при взрыве.

Картина после взрыва была ужасающая: «Более чем в полутора километрах от эпицентра взрыва вдоль дороги лежали погибшие с многочисленными ожогами и ранами на телах... Трупный запах разложения проникал в ноздри спасателей, которых постоянно тошнило... На третий день после взрыва бомбы начали происходить странные вещи: спасшиеся стали умирать в огромных количествах... Доктора не могли объяснить данную загадку. И в Нагасаки, и в Хиросиме спустя уже неделю после атомных бомбардировок пациенты приходили в больницы и умирали, не доходя до кабинетов врачей... Пострадавшие не были жертвами обычной бомбы, они были облучены гамма-лучами, разрушившими их внутренности, и, как бомба с часовым механизмом, поставившими на них страшную печать смерти».

Денонсированный пакт

Вопреки утверждениям официальных японских историков о том, что нападение СССР было внезапным, в действительности в Токио своевременно получили разведанные о ялтинском соглашении по поводу предстоящего вступления Советского Союза в войну с Японией на стороне союзников. 15 февраля 1945 г. руководители японской разведки проинформировали Высший совет по руководству войной о том, что «Советский Союз намерен обеспечить себе право голоса в решении вопросов будущего Восточной Азии». Прозвучало предупреждение, что к весне СССР может расторгнуть пакт о нейтралитете и присоединиться к союзникам в войне против Японии. На следующий день об этом говорил императору Хирохито министр иностранных дел Японии Мамору Сигэмицу: «Дни нацистской Германии сочтены. Ялтинская конференция подтвердила единство Великобритании, США и Советского Союза». Министр рекомендовал микадо не полагаться на пакт о нейтралитете. Генерал Хидэки Тодзио также предупреждал

императора о возможности выступления СССР против Японии, оценив такую возможность как «50 на 50»²².

Готовясь к вступлению в войну с Японией, советское правительство стремилось соблюсти нормы международного права. 5 апреля 1945 г. правительству Японии было официально объявлено о денонсации советско-японского пакта о нейтралитете от 13 апреля 1941 г. В заявлении указывалось, что пакт был подписан до нападения Германии на СССР и до возникновения войны между Японией, с одной стороны, и Великобританией и США — с другой. Текст заявления гласил:

«С того времени обстановка изменилась в корне. Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последней в ее войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза.

При таком положении Пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл, и продление этого Пакта стало невозможным... В соответствии со статьей 3-й упомянутого пакта, предусматривающей право денонсации за один год до истечения пятилетнего срока действия Пакта, Советское правительство настоящим заявляет... о своем желании денонсировать Пакт от 13 апреля 1941 года».

Денонсировав пакт о нейтралитете, советское правительство за четыре месяца до вступления в войну фактически информировало японское правительство о возможности участия СССР в войне с Японией на стороне союзных США и Великобритании. В Токио это хорошо понимали. Уже этот факт делает малоубедительными и беспомощными потуги современных японских пропагандистов, пытающихся обвинять СССР в «вероломстве и коварстве». А ведь можно было вступить в войну без всяких предупреждений, как это традиционно делала Япония.

Подготовку СССР к войне скрыть было невозможно. С весны 1945 г. японское руководство регулярно получало от разведки подробную информацию о передислокации советских войск в восточные районы страны. Так, в середине апреля сотрудники военного аппарата японского посольства в Москве доносили в Токио: «Ежедневно по Транссибирской магистрали проходит от 12 до 15 железнодорожных составов... В настоящее время вступление Советского Союза

²² Bix H. P. Hirohito and the Making of Modern Japan. New York, 2000. P. 490.

в войну с Японией неизбежно. Для переброски около 20 дивизий потребуется приблизительно два месяца»²³.

Данная 6 июня 1945 г. на очередном заседании Высшего совета по руководству войной оценка реального положения не вселяла оптимизма: «Путем последовательно проводимых мер Советский Союз подготавливает почву по линии дипломатии, чтобы при необходимости иметь возможность выступить против Империи; одновременно он усиливает военные приготовления на Дальнем Востоке. Существует большая вероятность того, что Советский Союз предпримет военные действия против Японии... СССР может вступить в войну против Японии после летнего или осеннего периода»²⁴.

Тем не менее на заседании совета было решено продолжать войну: «Империя должна твердо придерживаться курса на затяжной характер войны, не считаясь ни с какими жертвами. Это не может не вызвать к концу текущего года значительных колебаний в решимости противника продолжать войну». В Токио все еще рассчитывали на принятие США и Великобританией компромиссных условий мира, которые, в частности, предусматривали сохранение за Японией Кореи и Тайваня. С другой стороны, предпринимались дипломатические меры по использованию Советского Союза в качестве посредника в деле прекращения военных действий на устраивавших Токио условиях. Однако в представленных советскому правительству «мирных предложениях» напрямую вопрос о прекращении Японией войны не затрагивался. В СССР, естественно, не могли согласиться на какие-либо переговоры, кроме капитуляции, и потому японские предложения о посредничестве были отклонены. Не увенчалась успехом и попытка японского правительства направить в июле 1945 г. в Москву в качестве специального эmissара влиятельного политика, бывшего премьер-министра Японии князя Фумимаро Коноэ. 12 июля в НКВД (МИД) СССР было передано послание императора Хирохито, в котором говорилось о его желании «положить конец войне». Однако в нем вновь был обойден вопрос о прекращении Японией военных действий. 18 июля НКВД информировал Токио: «Советское правительство не видит возможности дать какой-либо определенный ответ по поводу послания императора, а также миссии князя Коноэ...»

²³ Кантогун (Квантунская армия). Ч. 2. Токио, 1974. С. 325.

²⁴ *Такусио Хаттори*. Япония в войне 1941–1945 гг. / пер. с яп. М., 1973. С. 541.

26 июля 1945 г. была опубликована Потсдамская декларация находившихся в состоянии войны с Японией государств, в которой излагались условия ее безоговорочной капитуляции. Накануне ее текст был передан по радио и стал известен в Японии. Советское правительство сочло целесообразным присоединиться к декларации, но объявить об этом позже. Отсутствие подписи Советского Союза под Потсдамской декларацией породило у японского руководства надежду на продолжение войны, ибо в Японии неизбежность поражения связывали лишь со вступлением в нее СССР. После обсуждения текста декларации на совещании Высшего совета по руководству войной министр иностранных дел Японии Сигэнори Того телеграфировал 27 июля послу в Москве Наотакэ Сато: «Позиция, занятая Советским Союзом в отношении Потсдамской совместной декларации, будет с этого момента влиять на наши действия...» Послу предписывалось срочно выяснить, «какие шаги Советский Союз предпримет против японской империи»²⁵.

В связи с этим есть основания считать, что отказ Японии сразу капитулировать на условиях Потсдамской декларации был продиктован все еще сохранявшимися надеждами на то, что вступления в войну СССР удастся избежать или, по крайней мере, оттянуть его решительными дипломатическими шагами.

«Мокусацу» — убить молчанием

28 июля 1945 г. на пресс-конференции премьер-министр Японии Кантаро Судзуки заявил по поводу Потсдамской декларации: «Мы игнорируем ее. Мы будем неотступно идти вперед и вести войну до конца». Небезынтересно, что после войны японские историки пытались доказать «несовершенство перевода» заявления Судзуки. Они утверждали, что использовавшееся японское слово «мокусацу» не эквивалентно понятию «игнорировать». Заметим, что это действительно так, но только в том смысле, что «мокусацу» еще более сильное и презрительное выражение, означающее «убить молчанием».

Занятая японским правительством позиция затягивала окончание Второй мировой войны, вела к новым жертвам. Поэтому в строгом соответствии с определенными в Ялтинском соглашении сроками

²⁵ FRUS. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference). 1945. Vol. II. Washington, 1960. P. 1292–1293.

Советский Союз 8 августа 1945 г. объявил Японии войну. В заявлении советского правительства говорилось:

«После разгрома и капитуляции Германии Япония оказалась единственной великой державой, которая все еще стоит за продолжение войны.

Требование трех держав — Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Китая — от 26 июля сего года о безоговорочной капитуляции японских вооруженных сил было отклонено Японией. Тем самым предложение Японского Правительства Советскому Союзу о посредничестве в войне на Дальнем Востоке теряет всякую почву.

Учитывая отказ Японии капитулировать, союзники обратились к Советскому Правительству с предложением включиться в войну против японской агрессии и тем самым сократить сроки окончания войны, сократить количество жертв и содействовать скорейшему восстановлению всеобщего мира.

Верное своему союзническому долгу, Советское Правительство приняло предложение союзников и присоединилось к заявлению союзных держав от 26 июля сего года.

Советское правительство считает, что... его политика является единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий и дать возможность японскому народу избавиться от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после ее отказа от безоговорочной капитуляции.

Ввиду изложенного Советское Правительство заявляет, что с завтрашнего дня, то есть с 9 августа, Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией».

Перед советскими войсками была поставлена задача в кратчайшие сроки и с минимальными потерями разгромить Квантунскую армию (группу армий), а также японские войска в Корее, освободить Южный Сахалин и Курильские острова. Эта задача была с честью выполнена. Созданная за весну — лето 1945 г. группировка советских войск на Дальнем Востоке насчитывала свыше 1,7 млн человек, около 30 тыс. орудий и минометов, 5250 танков и САУ, более 5 тыс. боевых самолетов. Стремительные сокрушительные удары советских войск на фронте протяженностью более 5 тыс. км позволили наголову разбить соединения и части Квантунской армии. Для японской армии это было самое крупное поражение в войне. За 24 дня были разгромлены

22 японские дивизии. Потери японцев убитыми составили 83 737 человек и пленными — свыше 640 тыс.

Утром 9 августа 1945 г. министр иностранных дел Того убеждал премьер-министра Судзуки, что вступление СССР в войну не оставляет для Японии другого выхода, кроме принятия условий Потсдамской декларации. Влиятельный министр — хранитель императорской печати Коити Кидо доложил Хирохито о необходимости немедленно прекратить войну. При этом выражалось опасение, что иначе поражение в войне может подтолкнуть народные массы к революции. Стремясь избежать этого, политическое руководство страны и окружение императора считали необходимым капитулировать как можно скорее перед американцами и англичанами, дабы не допустить высадки на Японские острова советских войск.

Испепеляющая «милость небес»

В полдень 15 августа 1945 г. японцы впервые за всю историю государства услышали голос своего божественного монарха, который на трудном для простолюдинов языке объявил о решении прекратить войну. В качестве обоснования невозможности дальнейшего сопротивления было указано на использование противником «новой и самой тяжелой бомбы невиданной разрушительной силы». Тем самым давалось понять, что Япония не сдастся, потерпев поражение в сражениях с противником, а вынуждена отступить перед неодолимой силой невиданного ранее оружия. В связи с этим в Японии до сих пор немало тех, кто считает, что применение американцами атомных бомб явилось «тэнью» — волей провидения, милостью небес, позволившей священной нации Ямато выйти из войны с честью, не потеряв лица.

В действительности же неизбежность поражения микадо и его ближайшее окружение связывали не столько с атомными бомбардировками, сколько с участием в войне сокрушившей военную мощь гитлеровской Германии Красной армии. В рескрипте от 17 августа 1945 г. «К солдатам и матросам» главнокомандующий армией и флотом Японии император Хирохито, уже не упоминая американские атомные бомбы и уничтожение японских городов, в качестве основной причины капитуляции назвал вступление в войну СССР. Было со всей определенностью заявлено: «Теперь, когда в войну против нас вступил и Советский Союз, продолжать сопротивление... означает поставить

под угрозу саму основу существования нашей Империи»²⁶. По понятным причинам американские и японские историки и пропагандисты избегают упоминания этого важного документа.

Факты свидетельствуют о том, что без вступления в войну СССР американцы не смогли бы быстро покорить Японию, «забросав ее атомными бомбами», как убеждала японское население в листовках и по радио американская военная пропаганда. Как отмечалось выше, по расчетам американских штабов, для обеспечения высадки десантов на Японские острова требовалось по меньшей мере 9 атомных бомб. После ударов по Хиросиме и Нагасаки у США больше не было готовых атомных бомб, производство же новых требовало длительного времени. «Эти бомбы, сброшенные нами, — свидетельствовал военный министр США Генри Стимсон, — были единственными, которыми мы располагали, а темпы производства их в то время были весьма низкими». Не следует забывать и то, что в ответ на атомные удары японцы могли обрушить на США накопленное в расположенных в Северо-Восточном Китае японских секретных лабораториях в огромных количествах бактериологическое и химическое оружие. Эту грозящую всему миру опасность предотвратило вступление СССР в войну. Бывший командующий Квантунской армией генерал Отодзо Ямада признал на судебном процессе: «Вступление в войну против Японии Советского Союза и стремительное продвижение советских войск вглубь Маньчжурии лишило нас возможности применить бактериологическое оружие...»²⁷ Не вступи Советский Союз в войну, она могла продолжаться еще неопределенно долго.

По прошествии 75 лет в США стараются затушевать, а то и просто замолчать роль СССР в разгроме милитаристской Японии. В 1945 г. американские военные стратеги исходили из того, что даже если разработанный план высадки войск США на Японские острова под кодовым названием «Даунфол» был бы осуществлен, не было уверенности, что «могущественная Квантунская армия, находясь почти на полном самообеспечении, не будет продолжать борьбу». Командующий англо-американскими войсками на Тихом океане и Дальнем Востоке генерал Дуглас Макартур также считал, что войска США «не должны высаживаться на острова собственно Японии, пока русская армия не начнет

²⁶ Bix H. P. Ibid. P. 530.

²⁷ Материалы судебного процесса бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. М., 1950. С. 27.

военные действия в Маньчжурии». Крупный военный и политический деятель США генерал армии Джордж Маршалл указывал: «Важность вступления России в войну заключается в том, что оно может послужить той решающей акцией, которая вынудит Японию капитулировать». Так и произошло.

Даже занимавший откровенно антисоветские позиции президент США Трумэн признал: «Мы очень желали, чтобы русские вступили в войну против Японии». В своих мемуарах он отмечал, что «вступление России в войну становилось все более необходимым для спасения сотен тысяч американцев».

Непредвзятый анализ сложившейся в августе 1945 г. военно-политической ситуации на Дальнем Востоке заставляет даже непримиримых критиков Советского Союза признавать очевидные факты. Так, в изданном в 2005 г. научном исследовании причин принятия японским правительством решения о капитуляции профессор Калифорнийского университета (США) этнический японец Цуси Хасгава признает определяющее влияние вступления СССР в войну на решение императора принять условия капитуляции. В заключительной части своего труда «В погоне за врагом. Сталин, Трумэн и капитуляция Японии» он пишет: «Сброшенные на Хиросиму и Нагасаки две атомные бомбы не являлись определяющими при принятии Японией решения капитулировать. Несмотря на сокрушительную мощь атомных бомб, их было недостаточно для изменения вектора японской дипломатии. Это позволило сделать советское вторжение. Без вступления Советского Союза в войну японцы продолжали бы сражаться до тех пор, пока на них не были бы сброшены многочисленные атомные бомбы, не осуществилась бы успешная высадка союзников на острова собственно Японии или продолжались бы воздушные бомбардировки в условиях морской блокады, что исключило бы возможность дальнейшего сопротивления»²⁸.

Это мнение в своей статье в журнале «Форин полиси», озаглавленной «Победу над Японией одержала не бомба, а Сталин», разделяет Уорд Уилсон, автор книги «Пять мифов о ядерном оружии». Он указывает, что летом 1945 г. американская авиация разбомбила обычными бомбами — целиком или частично — 66 японских городов, разрушения были колоссальные, в некоторых случаях сравнимые

²⁸ См. подробнее: *Tsuyoshi Hasegawa. Racing the Enemy. Stalin, Truman and the Surrender of Japan. Harvard University Press, 2006.*

с разрушениями при атомных бомбардировках. 9–10 марта в Токио выгорело 16 квадратных миль, погибли около 120 тыс. человек. Хиросима лишь на 17-м месте по разрушениям городской территории (в процентном отношении). Автор пишет: «Что же встревожило японцев, если их не волновали ни бомбежки городов в целом, ни атомная бомбардировка Хиросимы конкретно? Ответ прост — это был СССР».

И далее: «Традиционная версия, что Япония капитулировала из-за Хиросимы, удобна, так как она удовлетворяет эмоциональные потребности и США, и самой Японии. Какую выгоду извлекли США из традиционной версии? Репутация военной мощи США значительно улучшилась, влияние дипломатии США в Азии и во всем мире возросло, безопасность США окрепла... Напротив, если бы причиной капитуляции считалось вступление СССР в войну, Москва смогла бы утверждать, что за 4 дня ей удалось то, чего США не могли добиться 4 года, и представления о военной мощи и дипломатическом влиянии СССР окрепли бы... В период холодной войны утверждения, что СССР сыграл решающую роль, были бы равны “пособничеству врагу”»²⁹.

Не отвергая значение атомных бомбардировок, приблизивших капитуляцию Японии, нельзя согласиться с тем, что именно они и только они определили исход войны. Это признавалось и видными политическими деятелями Запада. Так, занимавший в годы Второй мировой войны пост премьер-министра Великобритании Уинстон Черчилль заявлял: «Было бы ошибочным полагать, что судьба Японии была решена атомной бомбой».

Убедительно доказано и то, что атомные бомбардировки не были вызваны военной необходимостью. Принимая решение об использовании атомного оружия, американское руководство нацеливало его не против военных объектов, а против мирных жителей японских городов. Об этом неопровержимо свидетельствуют документы. Так, в отданном 2 августа 1945 г. оперативном приказе № 13 американского командования указывалось: «День атаки — 6 августа. Цель атаки — центр и промышленный район города Хиросима. Вторая резервная цель — арсенал и центр города Кокура. Третья резервная цель — центр города Нагасаки»³⁰.

²⁹ Ward W. The Bomb Didn't Beat Japan... Stalin Did // Foreign Policy. 2013. 30 May.

³⁰ *Нисидзима Ариаци*. Гэмбаку ва надзэ токасарэта ка (Почему была сброшена атомная бомба?). Токио, 1985. С. 17.

Нанося атомные удары по густонаселенным районам Хиросимы и Нагасаки, американское правительство и командование стремились достичь, прежде всего, психологического эффекта, уничтожив для этого как можно больше людей. Президент Трумэн лично одобрил предложение своего ближайшего советника, впоследствии госсекретаря США Джеймса Бирнса о том, что «бомбу следует использовать как можно скорее против Японии, что ее следует сбросить на военный завод, окруженный жилыми массивами для рабочих, и что ее следует применить без предварительного предупреждения»³¹.

Атомная бомбардировка преследовала и другую важную цель — запугать СССР и другие государства, добиться благодаря ядерной монополии господства США в послевоенном мире. Готовя применение атомных бомб, Вашингтон рассчитывал на то, что бомбардировка поможет «сделать Россию сговорчивой в Европе». Известно высказывание Трумэна по этому поводу: «Если бомба взорвется, что, я думаю, произойдет, у меня, конечно, будет дубина для этих парней». В связи с этим трудно не согласиться с высказыванием известного английского физика, лауреата Нобелевской премии Патрика Блэккетта о том, что атомные бомбардировки «были не в последнюю очередь актом против России». И действительно, атомные удары не явились последним аккордом Второй мировой, а возвестили начало холодной войны.

Не выдерживает критики и версия о том, что Советский Союз «выступил против уже поверженной Японии», что Квантунская армия была ослаблена и практически не оказывала сопротивления. Размещенные на территории Маньчжурии и Кореи японские вооруженные силы, хотя частично и перебрасывались на другие фронты, сохраняли свою боевую мощь и до конца войны оставались наиболее обученной и хорошо оснащенной группировкой сухопутных войск, на которую военно-политическое руководство Японии возлагало большие надежды в планах продолжения «войны до победного конца». В связи с этим по меньшей мере недоумение вызывают утверждения о том, что на момент вступления СССР в войну в Маньчжурии якобы оставалась лишь 300-тысячная группировка японских войск. И это при том, что, как указывалось выше, одних военнопленных солдат и офицеров Квантунской армии насчитывалось 640 тыс. человек.

³¹ История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 11. М., 1980. С. 151.

«Забывтые» признания

О международном значении участия СССР в разгроме милитаристской Японии для скорейшего окончания Второй мировой войны, освобождения населения азиатских стран от японских захватчиков в те дни делали заявления руководители ведущих государств мира.

Узнав 8 августа 1945 г. о начале советского наступления в Маньчжурии, президент США Трумэн заявил: «Россия объявила Японии войну — война окончена!» («Russia has declared war on Japan — that's all»)³². Заметим, это было сказано не в день атомной бомбардировки Хиросимы, а в день вступления в войну Советского Союза.

Ему вторил американский сенатор Томас Коннэли, который, узнав о заявлении советского правительства 8 августа 1945 г., воскликнул: «Благодарение Богу! Война уже почти окончена». Генерал Клер Ченнолт, командовавший военно-воздушными силами США в Китае, заявил корреспонденту «Нью-Йорк таймс» 15 августа 1945 г.: «Вступление Советского Союза в войну против Японии стало решающим фактором, ускорившим окончание войны на Тихом океане, что произошло бы даже в том случае, если бы не были применены атомные бомбы. Быстрый удар, нанесенный Красной Армией по Японии, завершил окружение, приведшее к тому, что Япония оказалась поставленной на колени». Влиятельная «Нью-Йорк геральд трибюн» 10 августа в передовой статье отмечала: «Вряд ли можно сомневаться, что вступление Советского Союза в войну окажется решающим в военном отношении».

В день объявления войны было сделано специальное заявление правительства Великобритании, в котором, в частности, говорилось: «Война, объявленная сегодня Советским Союзом Японии, является доказательством солидарности, существующей между основными союзниками, и она должна сократить срок борьбы и создать условия, которые будут содействовать установлению всеобщего мира. Мы приветствуем это великое решение Советской России»³³.

8 августа 1945 г. командование войск, руководимых Коммунистической партией Китая, направило председателю Совета министров СССР И. В. Сталину телеграмму следующего содержания: «От имени китайского народа мы горячо приветствуем объявление Советским правительством войны Японии».

³² Oxnard Press Courier. California, 1945. 8 Aug.

³³ Известия. 1945. 10 авг.

Стоимиллионное население и вооруженные силы освобожденных районов Китая будут всемерно координировать свои усилия с Красной Армией и армиями других союзных государств в деле разгрома ненавистных японских захватчиков»³⁴.

В телеграмме от 9 августа 1945 г. президент Китайской Республики Чан Кайши писал И. В. Сталину: «Объявление Советским Союзом с сегодняшнего дня войны против Японии вызвало у всего китайского народа чувство глубокого воодушевления.

От имени Правительства, народа и армии Китая имею честь выразить Вам, а также Правительству и героическому народу и армии Советского Союза искреннее и радостное восхищение»³⁵.

«Свободу и независимость, которых жаждал корейский народ, — отмечал Ким Ир Сен, — смогла принести ему только армия первого в мире государства победившего социализма. День освобождения Кореи великой Советской Армией — 15 августа 1945 года ознаменовал собой коренной перелом в истории Кореи. Советская Армия не только освободила Корею, но и защитила интересы корейского народа, чтобы плоды освобождения стали действительно его достоянием»³⁶.

Индийская газета «Лидер» писала 10 августа 1945 г.: «Сообщение о том, что Советский Союз решил проводить ту политическую линию, которая соответствует его собственным интересам и интересам угнетенных народов Азии, будет тепло встречено всеми азиатскими народами, которые верят в то, что русский народ свободен от расовых предрассудков. Вступление России в Тихоокеанскую войну оправдывает надежду, которую питали зависимые страны Азии»³⁷.

Это были объективные оценки. К сожалению, в ходе холодной войны от такой справедливой оценки на Западе стали отходить и вопреки общеизвестным фактам представлять участие СССР в войне с Японией как «ненужную» и даже «вредную» акцию. Впоследствии этот «тезис» был взят на вооружение японской пропагандой, которая использовала его в организации кампании с требованиями пересмотреть итоги войны, предъявить Советскому Союзу, а ныне Российской Федерации необоснованные территориальные претензии.

³⁴ Советско-китайские отношения. 1917–1957: Сборник документов. М., 1959.

³⁵ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. III. М., 1947. С. 365.

³⁶ Ким Ир Сен. Торжество идей Великого Октября. М., 1960. С. 9.

³⁷ Цит. по: Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 2. М., 1973. С. 227.

Неоспоримым фактом истории является то, что Красная армия Советского Союза внесла решающий вклад в разгром японских сухопутных сил на континенте. Советский блицкриг лишил японское руководство шансов на переброску в метрополию войск из Китая, тем самым сорвав планы кровопролитного «сражения за метрополию», предотвратил развязывание милитаристской Японией бактериологической и химической войны, что спасло миллионы человеческих жизней, в том числе самих японцев.

А. Ю. Плотников¹

Победный 1945-й: от капитуляции фашистской Германии до разгрома милитаристской Японии. Вклад СССР

Два главных события победного 1945 г., определившие динамику и ход развития дальнейших политических процессов первого послевоенного периода, — капитуляция фашистской Германии и разгром милитаристской Японии — не только непосредственно связаны друг с другом с военно-политической точки зрения, но и являются логическими последовательными «звеньями» цепи событий, происходивших в мире на завершающем этапе этого крупнейшего военного конфликта XX в.

Поражение Японии и подписание 2 сентября Акта о ее безоговорочной капитуляции, поставившего окончательную точку в истории Второй мировой войны, — стали лишь закономерным итогом развития военно-политической ситуации в последний год самой продолжительной и разрушительной в истории мировой войны (1939–1945), охватившей несколько континентов и десятки участвовавших в ней государств.

Без 9 мая было бы невозможным 2 сентября 1945 г.: обе эти даты символизируют военный разгром и крах двух главных инициаторов и агрессоров Второй мировой — фашистской Германии и милитаристской Японии — фактически начавших подготовку к ней еще в 1936 г. заключением Антикоминтерновского пакта, обеспечившего ее «идеологическое» основание, а в 1940 г. — Тройственного пакта, создавшего «правовой фундамент» для развязывания международной агрессии.

¹ Плотников Алексей Юрьевич — доктор исторических наук, профессор (Московский государственный лингвистический университет), член Российской ассоциации историков Второй мировой войны (г. Москва).

При этом если решающий вклад Советского Союза в разгром фашистской Германии — несмотря на все предпринимаемые в последнее время попытки переписать и фальсифицировать историю развязывания Второй мировой войны (включая попытки переложить с Германии главную ответственность за ее развязывание) — для всех специалистов и здравомыслящих политиков — является вполне очевидным, то роль нашей страны в победе над Японией до последнего времени явно — и намеренно — принижалась².

В действительности эта роль — и об этом сейчас следует говорить вполне уверенно — была не меньшей: именно разгром советской армией миллионной Квантунской японской группировки войск в Маньчжурии стал последним решающим аргументом для принятия японским руководством решения о капитуляции, а не имевшая никакого военного (и, как свидетельствуют многие источники, также и *устрашающего*) значения — и направленная отнюдь не против Японии, а против Советского Союза — атомная бомбардировка США Хиросимы и Нагасаки.

Однако именно версия о решающей роли атомных бомбардировок «в принуждении Японии к капитуляции» является сейчас наиболее распространенной и активно **навязываемой** в западной — включая японскую — историографии.

При этом, повторим, исследования отечественных и зарубежных авторов, а также включенные в научный оборот в последнее время новые официальные документы вполне определенно говорят о том, что без победы СССР в Маньчжурии война с Японией могла продолжаться еще достаточно долго (по расчетам американцев — до 1946 или даже до 1948 г.) и привела бы к огромным жертвам как со стороны англо-американских войск, так и самих японцев³.

В этой связи подробнее рассмотрим события на Дальневосточном и Тихоокеанском театре военных действий весной — летом 1945 г.

² См., напр., майское заявление министра иностранных дел Германии Х. Мааса, подтвердившего официальную позицию Берлина о безусловной вине Германии в развязывании Второй мировой войны («Германия единственная несет ответственность за развязывание страшной бойни XX столетия и за Холокост, а все остальные трактовки, ставящие под сомнение этот исторический факт, недопустимы и “несправедливы по отношению к жертвам национал-социалистического режима”»). URL: <https://rg.ru/2020/05/08/mid-frg-tolko-germanii-vinovna-v-razvzyazvanii-vtoroj-mirovoj-vojny.html> (дата обращения: 05.08.2020).

³ См., напр.: *Зимонин В. П.* Маршал Советского Союза А. М. Василевский: полководец, поставивший победную точку во Второй мировой войне. М.; СПб, 2020. С. 99.

Капитуляция в мае 1945 г. фашистской Германии (предварительная — 7 мая в Реймсе и главная, безоговорочная в ночь на 9 мая в берлинском пригороде Карлсхорсте) и окончание войны в Европе означали, что в мире остается последний очаг агрессии — Япония.

После аннуляции СССР в апреле 1945 г. советско-японского Договора о нейтралитете стало очевидным намерение Советского Союза вступить в войну с Японией на стороне союзников — Англии и США. Это, в свою очередь, означало неизбежность окончательного поражения «Держав оси» (напомним: Блок Берлин — Рим — Токио), развязавших Вторую мировую войну.

Вопрос был лишь в том, как быстро удастся разгромить Японию и принудить капитулировать Японскую императорскую ставку.

Сделать это было не так просто. Несмотря на ощутимое военное поражение Японии в Тихоокеанской войне и потерю ею к началу 1945 г. большей части захваченных в 1937–1943 гг. территорий в Восточной Азии, японская армия все еще представляла грозную силу, а упорное сопротивление японских войск на суше и на море не оставляло сомнения в том, что до ее окончательного разгрома еще далеко (отсюда и планы ведения войны вплоть до 1948 г.)⁴.

Особенно в том случае, если бы англо-американским войскам пришлось высаживаться и вести военные действия на территории собственно Японии, в метрополии (напомним, четыре главных острова Японского архипелага: Кюсю, Сикоку, Хонсю и Хоккайдо), обладавшей значительным военным потенциалом (численность японской армии в метрополии составляла 4 млн человек) и хорошо укрепленной. По оценкам самих американцев, такая война могла продолжаться достаточно долго и стоить жизни нескольким миллионам военнослужащих Англии и США (по самым оптимистически прогнозам, учитывая упорность сопротивления, от полутора до двух миллионов человек)⁵.

Такие оценки основывались, прежде всего, на том, что к середине 1945 г. Япония располагала практически нетронутым стратегическим

⁴ Численность японской армии к началу 1945 г. составляла свыше 7 млн человек, в том числе 6 млн — в сухопутных войсках и авиации, на вооружении которой состояло 10 тыс. самолетов и около 500 боевых кораблей, что значительно превосходило совокупные вооруженные силы США и Великобритании в АТР (Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история. М., 1965. С. 528).

⁵ Кошкин А. А. Японский фронт маршала Сталина. Тень Цусимы длинной в век. М., 2004. С. 301.

резервом — упоминавшейся Квантунской группой армий в Маньчжурии (дислоцированной в том числе в Корее, на Южном Сахалине и Курилах) численностью свыше 1,2 млн человек (собственно «Квантунская японская армия» и войска сателлитов).

Это была хорошо вооруженная, имевшая стратегические запасы вооружения и продовольствия, обладавшая глубокоэшелонированной обороной армейская группировка, которая не только угрожала союзникам с тыла, но и в короткие сроки могла быть переброшена в метрополию при попытке высадки там англо-американских войск.

В этих условиях без ликвидации «Квантунской армии» говорить о капитуляции Японии было крайне сложно, если вообще возможно.

Именно задачу разгрома японских войск на континенте — в Маньчжурии взял на себя Советский Союз, что было закреплено в решениях Ялтинской конференции союзных держав в феврале 1945 г. и что лишний раз подчеркивает понимание союзниками того факта, что достичь окончательного разгрома Японии возможно лишь при условии вступления в войну СССР. Неизбежность поражения при вступлении в войну СССР понимали и в Токио⁶.

Далее ситуация развивалась следующим образом. В точном соответствии со своими обязательствами и достигнутыми договоренностями, 8 августа 1945 г. Советское правительство объявило войну Японии, а 9 августа начало военные действия силами трех фронтов, закончившиеся сокрушительным поражением казалось бы непобедимой — или, по крайней мере, готовой к длительной успешной обороне (на что рассчитывали в Токио) — Квантунской армейской группировки. Несмотря на упорное сопротивление японских войск, в течение двух недель оборона была прорвана, захвачены стратегические пункты обороны, освобождены огромные территории Маньчжурии, Кореи, Сахалина и Курильских островов.

Только в плен было взято свыше 600 тыс. военнослужащих японской армии, включая несколько десятков генералов⁷.

⁶ Русские Курилы: история и современность / авторы-составители: В. К. Зиланов, А. А. Кошкин, А. Ю. Плотников, С. А. Пономарев. М., 2015. С. 117, 118; *Кошкин А. А.* Японский козырь Сталина. М., 2019. С. 408.

⁷ Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / под ред. проф. М. М. Загоруйко. М., 2000. С. 12; *Плотников А. Ю.* Японские военнопленные в СССР среди других иностранных военнопленных, содержавшихся в Советском Союзе после Второй мировой войны: мифы и реальность // Феномен военнопленных как фактор межгосударственных отношений. Сборник материалов конференции, посвященной

Именно этот необъяснимый молниеносный разгром без сомнения наиболее мощной и боеспособной на тот момент японской группы войск, крайне унижительный для Японии, привел в дальнейшем к огромному числу вымыслов и спекуляций, включая не имеющие под собой никаких правовых оснований утверждения о том, что взятые в плен военнослужащие Квантунской армии являются не «военнопленными», а «интернированными».

Утверждения, объяснимые, наверное, только «уязвленным японским самолюбием», что, впрочем, не имеет отношения к предмету рассматриваемой темы.

Для нас важно другое.

Атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки — унесшие одномоментно несколько сот тысяч жизней в основном мирных граждан — как известно, произошли в начале августа 1945 г. Результат: они не только не поколебали намерение Японии продолжать сражаться (значительно больший ущерб был нанесен столице Токио, Осаке и другим крупным японским городам в ходе обычных «ковровых» американских бомбардировок весной 1945 г.), но только укрепили это намерение. Именно после атомных бомбежек японцы заявили о готовности сражаться до последнего «оккупанта» в случае попытки англо-американской высадки на территории метрополии.

Иными словами, с военно-политической точки зрения атомные бомбардировки не только не достигли своей цели, а принесли «антирезультат»: они не устрасили японское правительство и не ускорили принятие им условий Потсдамской декларации от 26 июля 1945 г. (где содержалось требование о капитуляции).

Даже в официальном заявлении правительства Японии от 14 августа о готовности принять условия Потсдамской декларации и отдать приказ войскам прекратить боевые действия о бомбардировке Хиросимы и Нагасаки не упоминается⁸.

Только после вступления в войну Советского Союза и поражения Квантунской армии японское руководство понимает бессмысленность дальнейшего сопротивления и, соглашаясь с неизбежностью, принимает решение о капитуляции.

судьбе японских военнопленных и интернированных в Советском Союзе. 1945–1956 гг. Красноярск, 2009. С. 46–47.

⁸ Русские Курилы: история и современность. С. 129, 130.

Об этом, в частности, хорошо свидетельствует редко упоминаемый на западе Указ императора Хирохито от 17 августа «К солдатам и матросам», где без всякого упоминания об атомных бомбардировках является о том, что теперь, **после вступления в войну Советского Союза** (выделено авт. — А. П.), дальнейшее сопротивление бесполезно, поскольку это может привести к угрозе потери японской государственности, и поэтому страна должна капитулировать⁹.

Таким образом, можно с уверенностью констатировать, что вклад нашей страны в Победу над Японией является не просто существенным, но и решающим: именно разгром стратегического миллионного военного резерва Японии в Маньчжурии позволил подписать 2 сентября 1945 г. Акт о безоговорочной капитуляции и поставить последнюю точку в самой кровопролитной в мировой истории войне.

Именно поэтому так важно помнить и отмечать наряду с 9 мая и этот **День нашей второй Победы** во Второй мировой войне, установленный Указом Президиума Верховного Совета СССР от 02.09.1945 **3 сентября** как «День победы над Японией».

Нет сомнения, что со временем День Победы над Японией займет свое достойное место среди Дней воинской славы России.

⁹ Цит. по: Американская бомба для Хиросимы и Нагасаки. Акт всеобщего устрашения / сост. А. Кошкин, А. Музафаров, Д. Федоров. М., 2020. С. 67.

Маньчжурская стратегическая наступательная операция и ее роль в принуждении Японии к миру

Осень 1945 г. ознаменовалась разгромом одного из главных агрессоров во Второй мировой войне — милитаристской Японии. Особой гордостью для россиян является тот факт, что победная точка в этой войне, так же как и в войне с Германией, была поставлена Вооруженными силами СССР.

9 августа 1945 г. Советский Союз вступил в войну против Японии. Дальневосточная кампания Вооруженных сил СССР представляла собой новую, в значительной степени самостоятельную войну. В то же время эта война вызревала в течение всей Великой Отечественной войны, на сложный ход которой существенное влияние оказывал японский военный фактор; политическая подготовка к вступлению СССР в войну против Японии началась в разгар Великой Отечественной войны, а непосредственная подготовка советских Вооруженных сил к этому развернулась, когда Красная армия еще только готовилась нанести решающий удар по фашистской Германии; лишь победа над Германией не давала полной гарантии безопасности Советского государства. Все вышесказанное и ряд других обстоятельств позволяет констатировать, что советско-японская война, представляя собой (как и Великая Отечественная) самостоятельную часть Второй мировой войны, явилась вместе с тем логическим продолжением Великой Отечественной войны советского народа за свою независимость, безопасность и суверенитет.

¹ *Зимонин Вячеслав Петрович* — доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член Научного совета Российского военно-исторического общества, советник Российской академии ракетных и артиллерийских наук.

И все же главной особенностью войны на Дальнем Востоке было то, что она готовилась в основном во время, ставшее для советских людей, переживших тяжелую четырехлетнюю войну против гитлеровской Германии и ее союзников, мирным. Это накладывало отпечаток на весь комплекс вопросов, которые должны были решать в связи с новой войной все, кто ее готовил, и все, кто участвовал в ней, от верховного главнокомандующего до солдата и матроса.

В ходе войны против Японии получили свое развитие как богатые традиции, столетиями складывавшиеся на Земле русской, так и те, что появились в советское время, в том числе в годы Великой Отечественной войны. Более того, традиции Отечественной войны впервые были использованы и развиты советскими воинами именно в войне на Дальнем Востоке. Здесь наглядно подтвердилась и такая традиция, как верность союзническому долгу — той движущей силе, что помогла союзникам по антифашистской коалиции не только выдержать испытание Второй мировой войной, но и победить семь с половиной десятилетий тому назад.

В Дальневосточной кампании особенно ярко проявился полководческий талант маршала Советского Союза Александра Михайловича Василевского, 125-летие со дня рождения которого будет отмечаться в конце этого месяца, сумевшего с минимальными потерями и в кратчайшие сроки осуществить грандиозную Маньчжурскую стратегическую наступательную операцию, а также вернуть России Южный Сахалин и Курильские острова, освободить от японского агрессора Северо-Восточный Китай и Северную Корею.

Капитуляция нацистской Германии в мае 1945 г. ознаменовала окончание войны в Европе. Но на Дальнем Востоке и Тихом океане Япония продолжала борьбу против США, Великобритании и их союзников в Азиатско-Тихоокеанском регионе. По оценкам союзников, война на Востоке могла затянуться еще на не менее 1,5–2 года, и она унесла бы с собой жизни по крайней мере 1,5 млн солдат и офицеров их армий, а также 10 млн жизней японцев². Этим далеко не исчерпывалось число бед, которые несла бы война народам Азиатско-Тихоокеанского региона в случае ее продолжения. Военные действия велись вблизи

² Relations with China. Reference to the Period 1944–1945. Wash., 1949. P. VIII; *Stimson H., Bundy M.* On Active Service in Peace and War. N. Y., 1948. P. 619; *Churchill W.* The Second World War. Vol. 6. Triumph and Tragedy. N. Y., 1974. P. 536–537, 545; *Command Decisions* / ed. with Introductory Essay by K. Greenfield. Wash., 1987. P. 501, 504.

дальневосточных границ СССР, где советское правительство на протяжении 1941–1945 гг. было вынуждено держать от 32 до 59 расчетных дивизий сухопутных войск, от 10 до 29 авиационных дивизий и до 6 дивизий и 4 бригад войск ПВО общей численностью свыше 1 млн человек³. Советский Союз не мог считать обеспеченной свою безопасность на Дальнем Востоке, пока там полыхал огонь войны и Япония продолжала проводить свою захватническую политику. В этой ситуации 5 апреля 1945 г. СССР заявил о денонсации пакта о нейтралитете с Японией, т. е. о намерении прекратить его действие в одностороннем порядке со всеми вытекающими из этого последствиями. Однако японское правительство не посчиталось с этим серьезным предупреждением и до конца войны в Европе продолжало поддерживать Германию, а затем отвергло опубликованную 26 июля 1945 г. правительствами США, Великобритании и Китая и поддержанную впоследствии правительством СССР Потсдамскую декларацию, содержащую требование безоговорочной капитуляции Японии. 8 августа 1945 г. советское правительство объявило о вступлении на следующий день СССР в войну с Японией, а с наступлением этого дня на дальневосточных рубежах Советского Союза развернулись крупномасштабные боевые действия.

Война против Японии явилась логическим продолжением политики Советского Союза, направленной на разгром агрессоров на Западе и Востоке, свидетельством верности СССР союзническому долгу. Политическая цель военной кампании Советского Союза на Дальнем Востоке сводилась к тому, чтобы как можно быстрее ликвидировать последний очаг Второй мировой войны, устранить постоянную угрозу нападения японских захватчиков на СССР, совместно с союзниками изгнать их из оккупированных Японией стран, содействовать восстановлению всеобщего мира. Вступление в войну с Японией полностью соответствовало союзническим обязательствам СССР, взятым на Ялтинской и подтвержденным на Потсдамской конференциях, проведенных в феврале и июле 1945 г., отвечало коренным интересам советских людей и угнетенных народов Азии. Скорейшее завершение войны избавляло человечество, в том числе и японский народ, от дальнейших многомиллионных жертв и страданий, способствовало развитию национально-освободительного движения в странах Азии.

³ Военная история Отечества с древнейших времен до наших дней. В 3 т. Т. 2. М., 1995. С. 394.

Главной военно-стратегической целью советских Вооруженных сил в войне с Японией являлся разгром Квантунской группировки войск, освобождение от японских захватчиков Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) и Северной Кореи. Решение этой задачи должно было оказать решающее влияние на ускорение капитуляции Японии и обеспечить успех в разгроме японских войск на Южном Сахалине и Курильских островах.

Замыслом Маньчжурской стратегической наступательной операции предусматривалось нанесение двух мощных встречных ударов по флангам Квантунской группировки войск с запада и востока и нескольких вспомогательных ударов по сходящимся в центре Маньчжурии направлениям, что обеспечивало глубокий охват основных сил японцев, рассеяние их и быстрый разгром по частям. Операции по освобождению Южного Сахалина и Курильских островов, а также оккупации северной части японского острова Хоккайдо ставились в зависимость от выполнения этой главной задачи⁴.

Для проведения Дальневосточной кампании советским командованием были привлечены три фронтовых объединения — Забайкальский фронт (командующий — маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский), 1-й Дальневосточный фронт (командующий — маршал Советского Союза К. А. Мерецков) и 2-й Дальневосточный фронт (командующий — генерал армии М. А. Пуркаев), Тихоокеанский фронт (командующий — адмирал И. С. Юмашев), Краснознаменная Амурская военная флотилия (командующий — контр-адмирал Н. В. Антонов), три армии ПВО, а также части монгольской Народно-революционной армии (главнокомандующий — маршал Х. Чойбалсан). Советские и монгольские войска и силы флота насчитывали на Дальнем Востоке более 1,7 млн человек, около 30 тыс. орудий и минометов (без зенитной артиллерии), 5,25 тыс. танков и самоходных артиллерийских установок, 5,2 тыс. самолетов, 93 боевых корабля основных классов. Общее руководство войсками осуществляло специально созданное Ставкой Верховного главнокомандования Главное командование советских войск на Дальнем Востоке (главнокомандующий — маршал Советского Союза А. М. Василевский)⁵.

⁴ Борисов О. Б., Бутурлинов В. Ф., Носков А. М., Щебеньков Ю. М. Победа на Востоке. К 40-летию разгрома милитаристской Японии. М., 1985. С. 22; Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина. В 2 кн. Кн. 2. М., 1989. С. 18.

⁵ История Второй мировой войны 1939–1945. В 12 т. Т. 11. М., 1980. С. 193, 196–197.

В состав японской Квантунской группировки войск входили 1-й и 3-й фронты, 4-я отдельная и 2-я воздушная армии и Сунгарийская речная флотилия. 10 августа ей были оперативно подчинены 17-й (Корейский) фронт и 5-я воздушная армия, расположенная в Корее. Общая численность сосредоточенных у советских границ войск противника превышала 1 млн человек. На их вооружении находились 1215 танков, 6640 орудий, 1907 самолетов. Свыше 30 боевых кораблей и катеров насчитывала Сунгарийская речная флотилия. Кроме того, на территории Маньчжурии и Кореи находилось значительное количество японских жандармских, полицейских, железнодорожных и иных формирований, а также войска Маньчжоу-го и князя Внутренней Монголии Дэвана (Тонлопа). На границе с СССР и МНР у японцев имелось 17 укрепленных районов общей протяженностью свыше 800 км, в которых насчитывалось около 4,5 тыс. долговременных огневых сооружений⁶.

Японское командование рассчитывало, что «против превосходящих по силе и подготовке советских войск» войска Японии в Маньчжурии продержатся в течение года. На первом этапе (около трех месяцев) оно планировало оказать упорное сопротивление советско-монгольским войскам в приграничных укрепленных районах, а затем на горных хребтах, преграждающих пути с территории МНР, Забайкалья, Приамурья и Приморья в центральные районы Маньчжурии. В случае прорыва этого рубежа предусматривался отход японских войск на линию железной дороги Тумынь — Чанчунь — Далянь (Дальний), где предполагалось организовать оборону, а затем перейти в контрнаступление с целью восстановить первоначальное положение. Поэтому главные силы японских войск были сосредоточены в центральных районах Маньчжурии и только 1/3 — в приграничной зоне⁷.

Советская Дальневосточная кампания, без преувеличения, — «детище» маршала А. М. Василевского. Блестящая по замыслу и великодушная по воплощению, она стала поистине бриллиантом в оправе Второй мировой войны, в каждой из граней которого нашли отражение лучшие достижения советского военного искусства, проявленные в годы Великой Отечественной войны. Сердцевиной этого бриллианта

⁶ Дайтоа сэсо кокан сэн си (Официальная история войны в великой Восточной Азии). В 110 т. Токио, 1960–80-е годы. Т. 73. 1974. С. 383–384, 393.

⁷ Там же. С. 383–397; *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. В 2 кн. Кн. 1. М., 1975. С. 403.

явилась оригинальная по замыслу, размаху, динамичности, способу выполнения задач и по конечным результатам Маньчжурская стратегическая наступательная операция, ставшая одним из самых ярких эпизодов Второй мировой войны.

Советское командование на Дальнем Востоке умело использовало конфигурацию линии фронта, имевшей глубоко выдававшийся на север выступ, для окружения всей вражеской группировки. Замысел этой грандиозной операции, в разработку которой вложил все свои знания, опыт и талант маршал А. М. Василевский, был до гениальности прост: два главных (или основных, как их называет маршал) удара Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов во встречных, устремленных к центру Маньчжурии направлениях, рассекавшие Квантунскую группировку японских войск надвое, и ряд вспомогательных ударов частью сил этих же и 2-го Дальневосточного фронтов, которые обеспечивали окружение и уничтожение группировки по частям, а также отсечение Квантунской группировки от войск японских Северо-Китайского и Корейского фронтов и восприятие ее усиления или эвакуации в метрополию.

С первых часов 9 августа ударные группировки советских фронтов атаковали японские войска с суши, воздуха и моря. При этом маршалом А. М. Василевским было принято решение не проводить артиллерийскую и авиационную подготовку перед штурмом полосы укрепленных районов, что застало безмятежно спавших в бетонных укрытиях японских солдат и офицеров врасплох и облегчило их захват. По командным пунктам, штабам и узлам связи противника, однако, был нанесен мощный удар авиации. В результате этого удара, в котором участвовали сотни советских бомбардировщиков и штурмовиков, связь между штабами и формированиями японских войск в Маньчжурии в первые же часы войны была нарушена, и командование Квантунской группировки потеряло управление своими войсками, что облегчило советским войскам решение поставленных перед ними задач. Боевые действия развернулись на фронтах общей протяженностью более 5 тыс. км.

Тихоокеанский флот вышел в открытое море, перерезал морские коммуникации, использовавшиеся войсками Квантунской группировки для связи с Японией, и силами авиации и торпедных катеров нанес мощные удары по японским военно-морским базам в Северной Корее. При содействии Краснознаменной Амурской флотилии и военно-

воздушных сил советские войска успешно форсировали на широком фронте реки Амур и Уссури и, слолив в упорных боях ожесточенное сопротивление японцев в приграничных укрепленных районах, начали развивать успешное наступление в гллубь Маньчжурии.

Особенно стремительно наступали бронетанковые и мотомеханизированные соединения Забайкальского фронта, в составе которого находились дивизии, прошедшие войну с фашистской Германией, и кавалерийские соединения монгольской Народно-революционной армии. Мощные японские укрепленные линии, созданные по Амуру, Уссури и Большому Хинганскому хребту, были повсюду прорваны, а там, где японцы продолжали упорно сопротивляться, они были блокированы и обойдены. Стремительные действия всех родов советских наземных войск, авиации и кораблей Военно-морского флота сорвали японские планы применения бактериологического оружия⁸.

Уже в первые шесть дней наступления советские и монгольские войска разгромили фанатично сопротивлявшегося противника в 16 укрепленных районах и продвинулись Забайкальским фронтом на 250–450 км, 1-м Дальневосточным фронтом — на 120–150 км и 2-м Дальневосточным фронтом — на 50–200 км.⁹

12 августа соединения 6-й гвардейской танковой армии генерал-полковника А. Г. Кравченко преодолели «неприступный» Большой Хинган и вырвались на Маньчжурскую равнину, вклинившись глубоко в тыл Квантунской группировки войск и упредив выход ее основных сил к этому горному хребту. За первые 5 суток они прошли более 450 км и к исходу 12 августа устремились к ключевым центрам Маньчжурии — Чанчуню и Мукдену (Шэньяню).

Командование советских войск демонстрировало высокое военное искусство, а воины — массовый героизм и самоотверженность, о чем свидетельствовали боевые донесения. Вот что говорилось в одном из них о действиях войск 53-й армии: «Точно в установленный срок части и соединения армии подошли к Большому Хингану и тут же по горным верблужьим тропам, по совершенно неизвестной местности, где никогда не проходили войска, начали форсировать его, не имея при этом ни точных географических карт этого района, ни проводников... Путь пришлось прокладывать через горы

⁸ См. об этом: Милитаристы на скамье подсудимых. По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., 1985. С. 161–239.

⁹ История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 11. С. 237.

и заболоченные узкие долины. Потребовались огромные усилия, люди по несколько суток работали без сна и отдыха на устройстве дорог, проходов, взрывали скалы, засыпали овраги, на себе тащили через горы, по болотам и пескам машины, пушки, повозки, на руках переносили боеприпасы»¹⁰.

«Если бы мне раньше сказал кто-либо, — сообщал командир 1136-го стрелкового полка 338-й стрелковой дивизии 39-й армии полковник Г. Г. Савокин, — что мой полк пройдет по горячим пескам, по горам и ущельям со скоростью марша до 65 км в сутки, с ограниченным запасом воды и с такой нагрузкой, я бы ни за что не поверил... Великий Суворов был мастером больших переходов, но он водил натренированных солдат, служивших 20–25 лет, а у меня в полку была молодежь 1927 г. рождения... Так идти, как мы идем, могут только люди, обладающие высоким моральным духом»¹¹.

Большую помощь советским войскам на приморском (североокре́йском), сунгарийском и сахалинском операционных направлениях оказывали моряки Тихоокеанского флота и Краснознаменной Амурской военной флотилии.

На приморском направлении вели наступление войска 1-го Дальневосточного фронта. С моря их поддерживал Тихоокеанский флот, который в ходе Маньчжурской стратегической наступательной операции с помощью высаженных десантов овладел японскими базами и портами Юки, Расин, Сейсин, Одэжин, Гензан в Корее и крепостью Порт-Артур, лишив противника возможности получать подкрепления с моря, а затем эвакуировать свои войска.

На сунгарийском и сахалинском направлениях действовали основные силы Краснознаменной Амурской флотилии в составе трех бригад речных кораблей. Флотилия поддерживала наступление 15-й и 2-й Краснознаменной армий 2-го Дальневосточного фронта. Она обеспечивала переправу войск через водные рубежи, оказывала артиллерийскую поддержку сухопутным войскам и высаживала тактические десанты. Командующий войсками фронта генерал армии М. А. Пуркаев дал высокую оценку действиям речников.

¹⁰ Победа на Дальнем Востоке: Историко-мемуарные и документально-художественные повествования о разгроме империалистической Японии в августе 1945 года. Хабаровск, 1985. С. 507.

¹¹ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее — ЦАМО РФ). Ф. 394. Оп. 9072. Д. 399. Л. 79.

Наступление Красной армии в Маньчжурии развивалось настолько стремительно, что противник оказался не в силах сдержать натиск советских войск. В течение десяти дней общевойсковые объединения Красной армии при активной поддержке военно-воздушных и военно-морских сил смогли расчленить на части и фактически разгромить стратегическую группировку японских войск в Маньчжурии и Северной Корее.

Успешно действовали войска Забайкальского фронта. Преодолев безводные степи, пустыню Гоби и горные хребты Большого Хингана, они 18–19 августа разгромили калганскую, солунскую и хайларскую группировки противника и устремились в центральные районы Северо-Восточного Китая. 20 августа главные силы 6-й гвардейской танковой армии вступили в Мукден и Чанчунь и стали продвигаться на юг к городам Далянь (Дальний) и Люйшунь (Порт-Артур). Конно-механизированная группа советско-монгольских войск (командующий — генерал-лейтенант И. А. Плиев), выйдя 18 августа к Чжанцзяоу (Калгану) и Чэндэ, отрезала японскую группировку в Маньчжурии от Экспедиционных сил Японии в Китае.

Войска 1-го Дальневосточного фронта, наступавшие навстречу Забайкальскому фронту, отразив в районе Муданьцзяна сильные контрудары противника, вошли 20 августа в Гирин и совместно с соединениями 2-го Дальневосточного фронта — в Харбин. 25-я армия во взаимодействии с высаженными морскими десантами Тихоокеанского флота освободила порты, а затем и всю территорию Северной Кореи, отрезав японские войска от метрополии.

2-й Дальневосточный фронт, успешно форсировав во взаимодействии с Амурской флотилией Амур и Уссури, прорвал долговременную оборону ожесточенно сопротивлявшегося противника в районах Хэйхэ, Фуцзиня, преодолел горный хребет Малый Хинган и 20 августа совместно с войсками 1-го Дальневосточного фронта овладел Харбином.

Таким образом, к 20 августа советские войска продвинулись в глубь Маньчжурии, вышли на Маньчжурскую равнину, расчленили японские войска на ряд изолированных группировок и завершили их окружение. С 19 августа войска противника почти повсеместно стали сдаваться в плен¹². Чтобы не дать противнику возможности эвакуироваться или

¹² Разгром японского милитаризма во Второй мировой войне. М., 1986. С. 106–116.

уничтожить материальные ценности, в период с 18 до 27 августа были высажены воздушные десанты в Харбине, Шэньяне, Чанчуне, Гирине, Люйшуне, Даляне, Пхеньяне, Хамхыне и других городах¹³. С этой целью действовали также армейские подвижные передовые отряды, успешно выполнившие свои задачи. Стремительное наступление советских и монгольских войск поставило Японию в безвыходное положение, расчеты ее командования на упорную оборону и последующее контрнаступление с решительными целями были сорваны. Миллионная Квантунская группировка войск была разгромлена.

Крупный успех советских войск в Маньчжурии, достигнутый в первые дни советско-японской войны, позволил командованию 2-го Дальневосточного фронта 11 августа начать наступление на Южном Сахалине. Проведение операции было возложено на войска 56-го стрелкового корпуса 16-й армии этого фронта и Северную Тихоокеанскую флотилию. Южный Сахалин обороняла входившая в состав 5-го фронта со штабом на о. Хоккайдо усиленная 88-я японская пехотная дивизия, опиравшаяся на Котонский укрепленный район протяженностью 12 км по фронту и до 30 км в глубину. Боевые действия на Сахалине начались прорывом мощного укрепленного района. Советским войскам пришлось действовать в сложных условиях лесисто-болотистой местности. Наступление велось вдоль единственной грунтовой дороги, связывавшей Северный Сахалин с Южным и проходившей между труднодоступными отрогами гор и заболоченной долиной реки Поронай. 16 августа в тылу противника в порт Торо (Шахтерск) был высажен морской десант.

Десантники перекрыли дороги, ведущие к укрепленному району вдоль западного побережья Сахалина. Встречными ударами советских войск с фронта и тыла 18 августа оборона противника была прорвана. Советские войска развернули стремительное наступление к южному побережью острова. 20 августа был высажен морской десант в порт Маока (Холмск), а утром 25 августа — в порт Отомари (Корсаков). В тот же день советские войска вступили в административный центр Южного Сахалина город Тойохара (Южно-Сахалинск), где располагался штаб 88-й пехотной дивизии. Организованное сопротивление насчитывавшего около 30 тыс. солдат и офицеров гарнизона японцев на Южном Сахалине прекратилось¹⁴.

¹³ Военная история Отечества с древнейших времен до наших дней. Т. 2. С. 408.

¹⁴ Там же; Великая Отечественная война: Энциклопедия. М., 1985. С. 822; ЦАМО РФ. Ф. 66. Оп. 178499. Д. 9. Л. 32; Д. 3. Л. 617–618.

Успешный ход военных действий в Манчжурии, Корее и на Южном Сахалине позволил советским войскам 18 августа приступить к проведению операции по освобождению Курильских островов и одновременно готовить крупную десантную операцию на Хоккайдо, необходимость в которой вскоре отпала. Для осуществления Курильской десантной операции привлекались войска Камчатского оборонительного района и корабли Тихоокеанского флота.

На Курильских островах 5-й японский фронт имел свыше 50 тыс. солдат и офицеров. Из всех островов Курильской гряды самым укрепленным в противодесантном отношении был остров Шумшу — ближайший к Камчатке. Замыслом советского командования предполагалось внезапно высадить морской десант в северо-восточной части острова Шумшу, овладение которым нарушало всю систему обороны северных островов Курильской гряды, и, используя его в качестве плацдарма, в последующем наступать на Парамушир, Онекотан и другие острова Северных Курил.

18 августа началась высадка войск на остров Шумшу, бои за который приняли ожесточенный характер. Преодолевая упорное сопротивление противника, советские войска 23 августа завершили освобождение острова. К началу сентября войска Камчатского оборонительного района и Петропавловской военно-морской базы заняли всю северную гряду островов, включая остров Уруп, а силы Северной Тихоокеанской флотилии — остальные острова к югу от Урупа¹⁵.

Сокрушительный удар в рамках Маньчжурской стратегической наступательной операции по японской Квантунской группировке войск на Дальнем Востоке явился одним из определяющих факторов разгрома Японии и принуждения Японии к миру. Он привел к самому крупному во Второй мировой войне поражению японских вооруженных сил и к наиболее тяжелым для них потерям. Последние превысили 720 тыс. солдат и офицеров, в том числе 84 тыс. убитыми и ранеными, более 640 тыс. пленными¹⁶. Япония, лишившись крупнейшей военно-промышленной базы на Азиатском субматерике и наиболее сильной группировки сухопутных войск, оказалась не в состоянии продолжать

¹⁵ Борисов О. Б., Бутурлинов В. Ф., Носков А. М., Щебенков Ю. М. Победа на Востоке. С. 47; ЦАМО РФ. Ф. 66. Оп. 178499. Д. 9. Л. 39.

¹⁶ Бутурлинов В. Ф., Вартаков В. Н., Зимонин В. П. и др. Вторая мировая война в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Военно-политический очерк. М., 1989. С. 243; Военно-исторический журнал. 1991. № 5. С. 69.

вооруженную борьбу. Это намного сократило сроки окончания Второй мировой войны. Разгром советскими Вооруженными силами японских войск в Маньчжурии и Корее, а также на Южном Сахалине и Курильских островах лишил Японию всех плацдармов и баз, которые она в течение многих лет создавала, готовясь к агрессии против СССР. Безопасность Советского Союза на Дальнем Востоке была обеспечена.

Победа над Японией открыла новую страницу в истории народов Азии. Создались благоприятные условия для борьбы демократических сил и подъема антиколониального, национально-освободительного движения. Разгром Квантунской группировки войск дал возможность китайскому народу добиться победы в 14-летней антияпонской войне и воссоединить с основной частью страны северо-восточную часть Китая с 40-миллионным населением. Поражение Японии привело к освобождению корейского народа от почти полувекового японского колониального гнета, послужило прологом к рождению Демократической Республики Вьетнам. Окончание войны имело большое значение и для японского народа. Оно принесло ему избавление от милитаристской диктатуры, многомиллионных жертв и других неисчислимых бедствий войны.

Победа далась нелегко: Вооруженные силы СССР потеряли в войне с Японией убитыми, ранеными и пропавшими без вести 36 456 человек, в том числе 12 031 — погибшими¹⁷.

Советско-японская война длилась менее четырех недель, но по своему размаху, мастерству проведения советскими войсками операций и результатам она относится к выдающимся кампаниям Второй мировой войны. Достигнутая за короткий срок крупная победа явилась ярким свидетельством могущества Вооруженных сил СССР, новым проявлением высокого военного искусства. За ратные подвиги в войне против Японии 308 тыс. генералов, адмиралов, офицеров, сержантов, старшин, солдат и матросов были награждены орденами и медалями, звания Героя Советского Союза были удостоены 93 воина, а 6 человек были удостоены этого высокого звания во второй раз.

Есть подвиги, которые не померкнут в веках. Это подвиги тех, кто сознательно, по велению сердца во имя Родины идет на смерть, чтобы спасти жизни других. Таким в веках останется подвиг Александра

¹⁷ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С. 223.

Матросова, бросившегося на амбразуру немецкого дзота, чтобы заставить его замолкнуть и тем самым дать возможность выиграть сражение тем, кто шел за ним. Одиннадцать воинов сухопутных войск, пограничников, моряков-тихоокеанцев и амурцев повторили этот подвиг в боях с японскими милитаристами в августе 1945 г.

Более 300 соединений и частей советских армии и флота получили боевые награды, 25 из них стали гвардейскими. Почетные наименования Хинганских, Амурских, Уссурийских, Харбинских, Мукденских, Порт-Артурских, Сахалинских, Курильских и других были присвоены более 200 соединениям и частям. Все это — убедительное свидетельство массового героизма советских воинов.

В войне против Японии вновь проявились лучшие традиции российского воинства — глубокая любовь к Родине, готовность отдать жизнь за ее интересы, интернационализм советского солдата, его готовность прийти на помощь другим народам, верность союзническому долгу. Как на исконно русской (Сахалин, Курилы), так и на сопредельных территориях (Китай и Корея) советские воины проявляли чудеса героизма во имя скорейшего окончания мировой войны, спасения от гибели миллионов солдат и населения воевавших сторон, восстановления исторической справедливости в отношениях с Японией, не жалея при этом ни своей крови, ни самой жизни.

Послевоенным Указом Президиума Верховного Совета СССР дата 3 сентября была объявлена Днем победы над Японией.

Курильская десантная и Южно-Сахалинская операции: успех военный и политический

Курильская десантная и Южно-Сахалинская операции могут быть охарактеризованы как необычные со многих точек зрения. Помимо целей сугубо военных — разгрома Японии — две операции преследовали важные политические цели. Курильские острова широкой дугой охватывали Охотское море. Цепь Курильских островов включала в себя больше полусотни больших и малых островов, не считая отдельных скал, поднимавшихся из моря. В 1875 г. Япония добилась у правительства Александра II обмена Курильских островов на право владения Сахалином. Острова контролировали выход в океан, и оставить их объектом политического торга с американцами по итогам войны было бы крайне недальновидно. Также не исключалась высадка американских войск на острова. Южный Сахалин также мог стать предметом политического торга.

После окончания русско-японской войны в соответствии с Портсмутским мирным договором южная половина острова стала частью территории Японской империи. За время удержания Южного Сахалина японская армия вела интенсивное военное строительство. На острове была возведена военно-морская база, аэродромы и так называемый Котонский (Харамитогский) укрепленный район, задачей которого было прикрытие сухопутной границы между СССР и Японией. В заключительный период войны на Тихом океане остров был укреплен в противодесантном отношении. Причем нельзя не подчеркнуть, что высадка ожидалась японцами со стороны американцев.

¹ *Исаев Алексей Валерьевич* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации (г. Москва).

Котонский (Харамитогский) укрепленный район возводился в период 1939–1940 гг. силами японской Карафутской смешанной бригады, дислоцированной на Сахалине. Небезынтересно отметить, что в строительстве укрепрайона японские военные инженеры в немалой степени опирались на опыт борьбы с советскими пулеметными точками на советско-маньчжурской границе в 1930-е гг. В итоге остров перегораживала линия обороны из сравнительно небольших бетонных сооружений. Укрепрайон прикрывал единственную в Поронайской низменности дорогу, соединявшую Северный и Южный Сахалин и Поронайскую долину в целом. Труднопроходимая гористая местность Южного Сахалина почти исключала возможность обхода.

Кроме того, укрепрайон находился в некотором отдалении от границы с СССР и прикрывался полосой обеспечения. В полосе обеспечения был возведен полицейский пост Хандаса (ныне пос. Рощино). По существу, это был бетонированный форт, обнесенный 3-метровым земляным валом. Численность гарнизона Хандасы составляла около 100 человек Узкий фронт обороны Котонского (Харамитогского) укрепрайона обусловил небольшое количество сооружений — девять дотов и восемь убежищ, наблюдательных пунктов и артиллерийских и минометных дворики. Позднее, по итогам боев, в советском отчете состояние укрепрайона было подвергнуто резкой критике: «оборонительные сооружения, на которые так много в свое время было затрачено японцами сил и средств, к началу действий не были подготовлены, запущены, ремонт и очистка секторов обстрела в 1945 году не была произведена». Однако в целом следует признать оборону Южного Сахалина как достаточно серьезную.

Для обороны Южного Сахалина была выделена японская 88-я пехотная дивизия, сформированная в январе 1945 г. С советской стороны на Южный Сахалин нацеливались части 56-го стрелкового корпуса, подчиненного 16-й армии генерала Л. Е. Черемисова. Основной ударной силой корпуса была 79-я стрелковая дивизия, усиленная танковой бригадой и двумя танковыми батальонами. 79-я дивизия, не будучи гвардейской, содержалась по гвардейским усиленным штатам. Приказ на наступление советские войска на Сахалине получили 10 августа. Предписывалось перейти в наступление в 10:00 11 августа. Справедливости ради, фактически боевые действия на Сахалине начались в ночь на 9 августа, когда советские части в 1:00 ночи начали силовую разведку противостоящего противника и понесли первые потери.

Но началась собственно наступательная операция с решительными целями 11 августа.

Пограничный порт Хандаса штурмовал в первый день наступления батальон 165-го стрелкового полка. Японцы сопротивлялись отчаянно, подбили несколько легких танков Т-26. Эти машины сохранились на Дальнем Востоке с 1941 г. и в августе 1945 г. все же пошли в бой. Штурм шел непросто. Советские 45-мм и 76-мм пушки оказались бесполезными против бетонных стен. Однако после обхода форта к нему стали подходить вплотную танки Т-34 и расстреливать амбразуры.

Одновременно другой, 179-й полк той же дивизии двигался в обход главной полосы сопротивления Котонского УР. Полк двигался в условиях бездорожья, перетаскивая практически на руках приданные орудия. За день полк прошел 10–12 км. 13 августа была предпринята первая попытка прорвать укрепрайон фронтальным ударом. Успеха она не имела. Погода была нелетная, и поддержки авиации не было. До 15 августа советские войска вели разведку, подтягивали артиллерию, а с утра 16 августа опорный пункт УР был атакован с фронта и тыла. Поддержку советской пехоте оказывали танки Т-36 и Т-34. Любопытно отметить, что в советских документах фиксировалось действие японских снайперов в лесу. После упорного боя опорный пункт на высоте Харамитори был 17 августа взят штурмом. В последующем, с 19 августа, остатки 88-й пехотной дивизии начали сдаваться в плен.

Потери 79-й стрелковой дивизии с начала боевых действий и до 19 августа составили 261 человека убитыми, 567 ранеными и 2 пропавшими без вести. Частями дивизии было взято 2885 человек пленных.

В тот же день 16 августа началась высадка советских десантов на Сахалине с целью ускорения разгрома противника. Первый десант численностью 1500 человек пехоты и морских пехотинцев высадился в Торо в тылу Котонского укрепрайона. Второй десант (3400 человек из 113-й бригады и сводный отряд моряков) 20 августа высадился в Маока. 22–26 августа в порту Маока высадился 87-й стрелковый корпус из Владивостока в составе трех дивизий. Несмотря на то, что уже 18 августа японские войска знали о решении императора капитулировать, они не прекращали сопротивления. Позднее на допросах они ссылались на отсутствие приказов со стороны старших начальников.

Это не было проявлением какого-то фанатичного упорства. Японцы рассчитывали оттянуть время капитуляции и эвакуировать с Сахалина людей и ценности. Тем не менее разгром в ходе боев за укрепрайон делал свое дело. С 20 августа части 88-й пехотной дивизии начали сдаваться. После прорыва укрепрайона 79-я стрелковая дивизия двигалась по дорогам на юг полуострова, проходя по 20–30 км в сутки, несмотря на поврежденные или даже взорванные мосты. Советские части брали под охрану промышленные объекты, склады и другие ценности.

К 25–25 августа 1945 г. оставшиеся на Сахалине японские части полностью сложили оружие. Советскими войскам было взято в плен 18320 солдат и офицеров противника. Сахалин был полностью освобожден.

Намного более драматично развивались события на Курильских островах. В августе 1945 г. острова находились в сфере ответственности Камчатского оборонительного района (КОР), подчинявшегося в свою очередь 2-му Дальневосточному фронту генерала армии М. А. Пуркаева. Успех наступления Красной армии в Маньчжурии позволил перейти к наступательным действиям на других направлениях. В 7:40 15 августа 1945 г. Военный совет фронта отдает командующему КОР генерал-майору А. Р. Гнечко боевой приказ, начинавшийся словами: «Ожидается капитуляция Японии. Используя благоприятную обстановку, необходимо занять острова Сумусю (Шумшу), Парамусир (Парамушир), Онекотан». Для проведения операции было выделено два полка 101-й стрелковой дивизии генерал-майора П. И. Дьякова, все корабли и плавсредства базы, суда торгового флота и корабли погранвойск и 128-я авиадивизия. В 11:00 Военный совет фронта шифром уточнил ближайшую задачу — «овладеть островами Сумусю и Парамусир» и назначил время готовности войск к посадке — 18:00 15 августа. В итоге для высадки десанта был выбран остров Шумшу, как ближайший к полуострову Камчатка и относительно подходящий по рельефу.

К моменту получения приказа основные сухопутные силы КОР занимали свои боевые порядки обороны. Уже в 9:00 15 августа войска и службы получили предварительное распоряжение на сосредоточение в район порта Петропавловск. Всего в составе выделенных для десанта войск насчитывалось 8824 человека, 205 орудий и минометов. В состав первого броска десанта включался сводный батальон морской пехоты численностью 700 человек. Корабельный состав десанта включал 64 единицы: сторожевые корабли «Киров» и «Дзержинский»,

4 тральщика, минный заградитель «Охотск», подводная лодка Л-8, 17 транспортных и 16 десантных судов. Относительно последних необходимо сказать следующее. В составе Петропавловской военно-морской базы имелись 16 полученных по ленд-лизу американских специализированных десантных барж LCI (Landing Craft, Infantry) и LCT (Landing Craft Tank). Именно они должны были обеспечить высадку десанта на Шумшу. Других мелкосидящих десантных средств (самоходных катеров) транспорты с собой не взяли во избежание перегрузки, хотя таковые были в Петропавловске, так называемые «Кавасаки».

Для поддержки десанта с воздуха была выделена 128-я смешанная авиационная дивизия. Определенные трудности создавало то, что начало боевых действий с Японией совпало с временем перевооружения соединения на полученную по ленд-лизу технику с переподготовкой личного состава. Дивизия получала истребители П-63 «Кингкобра» и бомбардировщики А-20 «Бостон». Отсюда разноточение в количестве участвовавших в операции самолетов в различных исследованиях. Реально в первый день операции были задействованы 68 самолетов (34 П-63 «Кингкобра», 18 А-20 «Бостон», 14 СБ, 1 Б-25 и 1 летающая лодка «Каталина»)². Боезапас для новых самолетов был получен на двух самолетах из Хабаровска за три дня до операции, причем бомб не было получено вовсе. Это потребовало срочных мер по доработке своими силами бомбодержателей американских машин для подвески авиабомб советского образца. Подготовленных передовых аэродромов для новых типов самолетов не было, поэтому 128-я авиадивизия выполняла боевые вылеты с основных баз, удаленных от района боевых действий на 200–300 км. Однако подготовка летного состава была хорошей, что позволило уверенно выполнять поставленные задачи.

Первоначально выход первого эшелона десанта из базы был запланирован на 20:00 16 августа с началом высадки в 20:00 17 августа 1945 г. Однако возникло опасение недоработки ряда мероприятий по подготовке десанта, а также необходимость предварительной разгрузки выделенных транспортов от других грузов. По разрешению Военного совета 2-го Дальневосточного фронта начало операции было сдвинуто на одни сутки. Часть транспортов в итоге не разгрузились полностью, но, приняв десант и грузы, вышли в море.

² Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 2285. Оп. 1. Д. 5. Л. 22.

Высаживаться первому эшелону десанта предполагалось на участке мыс Кокутан-Саки, мыс Котомари-Саки на северо-восточной оконечности острова Шумшу с задачей овладеть военно-морской базой Катаока. Во-первых, такой выбор участка высадки обещал поддержку артиллерии с м. Лопатка, а во-вторых, ВМБ Катаока была сильно укреплена противником и высадка в базе могла обернуться большими потерями. По обновленному плану предполагалось овладеть островом Шумшу к исходу 18 августа, а захват острова Парамушир был назначен на 19 августа 1945 г.

Особо хотелось бы отметить решение командира КОРа генерал-майора А. Р. Гнечко о выделении крупного парохода «Менжинский» под плавучий госпиталь. В условиях проведения операции на большом удалении от базы это решение себя в полной мере оправдало. В качестве ФКП командир КОР выбрал тральщик АМ-149 (так называемый «амик», из числа полученных по ленд-лизу, обозначение в советском флоте Т-334, но в приказе А. Р. Гнечко был назван АМ-149) и мыс Лопатка — после начала высадки. Для управления высадкой на ТЩ-334 было установлено пять радиостанций и два приемника.

В отчетных документах по итогам высадки признается: «К началу операции у командования КОР точных, проверенных данных о противнике не было»³. Местное население на островах отсутствовало, полеты самолетов на разведку начались только после 9 августа. Подводные лодки для разведки было запрещено использовать командованием, чтобы не вскрыть план высадки. Как сейчас известно, в целом на Курильских островах японские вооруженные силы располагали примерно 50 тыс. человек. Однако непосредственно на острове Шумшу находилась одна бригада 91-й пехотной дивизии — 8480 человек, 98 орудий. Также на Шумшу дислоцировался 11-й танковый полк, насчитывавший 64 танка (25 легких — Тип 95 «Ха-го», 19 средних — Тип 97 «Чи-ха» и 20 средних — Тип 97 «Шинхото Чи-ха»). ВВС были представлены на Шумшу 6 самолетами с пилотами-смертниками.

В 4:00 17 августа 1945 г. в густом тумане транспорты и десантные корабли под прикрытием боевых кораблей снялись с якорей и вышли из Авачинской губы. Туман, конечно, способствовал скрытности, но создавал большие навигационные трудности. На переходе

³ ЦАМО РФ. Ф. 238. Оп. 1584. Д. 159. Л. 17.

видимость только ухудшилась. Корабли и суда отряда шли к намеченной точке высадки почти сутки.

В 2:35 18 августа батарея береговой обороны № 945 на мысе Лопатка открыла огонь по острову Шумшу, с целью подавить оборону японцев на участке высадки. 12–16 августа 130-мм батарея с м. Лопатка по приказу командующего КОР днем и ночью вела огневые налеты по северной оконечности Шумшу. Ответного огня не было, но японцы привыкли к обстрелам и не придали значение очередному из них.

С рассветом 18 августа в районе Первого Курильского пролива стоял сплошной туман, корабли различались на расстоянии не более 100 метров. Позднее, уже на допросе, командир 73-й пехотной бригады генерал-майор Сузино Ивао утверждал, что с помощью РЛС японцами фиксировался подход крупного отряда кораблей в Первый Курильский пролив, но его сочли транспортами из США с грузами для СССР. Поворот отряда к берегу Шумшу японцами своевременно вскрыт не был.

В 4:30, подойдя на 150–200 метров к берегу, корабли начали высадку первого броска десанта. Высадились батальон морской пехоты (без одной роты), рота пограничников, две роты автоматчиков, взвод пешей разведки, взвод «химиков», минометная рота, три 45-мм орудия, саперный взвод, рота противотанковых ружей. Командовал отрядом заместитель командира 138-го стрелкового полка майор П. И. Шутов. Соппротивление со стороны противника в течение часа советскому десанту не оказывалось, наступающие застали японцев спящими в землянках. Траншеи не были заняты. Только продвинувшись вглубь острова примерно на 2 км, передовые подразделения были встречены неорганизованным огнем отдельных групп японских солдат на подступах к высоте 171.0.

В 5:30 на острове зазвучали сигналы тревоги. В 6:30 началась высадка первого эшелона десанта в составе 138-го стрелкового полка с артиллерией. Однако к этому моменту пришедшие в себя японцы заняли позиции и, главное, открыли огонь батареи на мысе Кокутан-Саки и Котомари-Саки. В направлении этих батарей было выслано из состава первой волны десанта по взводу автоматчиков, но взять с ходу хорошо замаскированные и обороняемые батареи они ожидаемо не смогли. Это признавалось серьезным упущением десанта.

Батареи открыли кинжальный огонь по десантным кораблям. От прямых попаданий два десантных судна загорелись, три получи-

ли от 5 до 10 пробоин. Один из поврежденных LCI выбросился на берег, десант покинул его без потерь. Десантные суда LCI, хотя и имели небольшую осадку носовой части (до 150 см, по фирменным ТТХ 181 см), но были перегружены и не могли подойти к берегу вплотную. Поэтому им пришлось высаживать десант в воду на глубине до 2 м. Личный состав добирался до берега вплавь. Высаживаться пришлось на расстоянии 150–200 м от береговой черты, температура воды была всего +4 градуса и имелось сильное боковое течение.

На одном из десантных судов имелись три надувные лодки А-3 и 2 ЛМН. Однако надуть их на судне не удалось, а одна спущенная и надутая ЛМН была выведена из строя прямым попаданием снаряда в LCI. Попытка натянуть трос для переправы артиллерии на берег также успехом не увенчалась. В итоге только к 9:00 утра первый эшелон высадился на берег, но без артиллерии.

Корабельная артиллерия попыталась подавить батареи, но безрезультатно. Удалось только поджечь танкер «Мариуполь». Туман не давал возможности корректировать огонь артиллерии с мыса Лопатка. Большая часть Шумшу была затянута облаками, поэтому поддержка авиации имела ограниченный характер. Самолеты вынуждены были уйти на запасную цель — ВМБ Катаока. Бомбардировка базы преследовала цель предотвратить переброску резервов с Парамушира на Шумшу.

Осложнялась обстановка тем фактом, что все рации десанта из-за попадания воды вышли из строя и связь с командованием высадки была потеряна. Она была восстановлена только в 11:00 с использованием трофейной рации.

Чтобы не упустить время и не дать противнику сбросить в море высадившиеся части, начал высадку второй эшелон десанта (373-й стрелковый полк). Она также проходила в условиях сильного флангового огня батарей с мыса Кокутан-саки и м. Котомари-саки. От прямых попаданий загорелось два десантных судна. Высадка проходила по схожему с первым эшелоном сценарию, в воду и без выгрузки артиллерии. В 9:20 пограничный катер ПК-8 высадил штаб второго эшелона. При попытке отойти от берега подвергся обстрелу, командир катера капитан-лейтенант Н. Т. Федченко погиб, катер загорелся и через 15 минут взорвался.

Тем временем на берегу передовой отряд отражал контратаку танков японского 11-го танкового полка. Первыми под удар роты танков

попали морские пехотинцы. Японцам эта атака стоила 7 потерянных безвозвратно танков. Советские 14,5-мм противотанковые ружья, устаревшие для боев с вермахтом, оказались весьма эффективными для поражения японских танков.

В середине дня развернулись бои за господствующую выс. 171,2. В 14:00 последовала японская контратака, в которой участвовало 18 танков. Огнем противотанковых ружей и двух 45-мм пушек было уничтожено 17 танков противника, и только один ушел на исходные позиции. Японская пехота была отсечена от танков, рассеяна и частично уничтожена.

В 18:00 части десанта при поддержке корабельной артиллерии перешли в наступление на высоту 171,2. Лишь после ожесточенного двухчасового боя высота была взята. Дальнейшее продвижения десанта сдерживалось отсутствием артиллерии. В ходе дневного боя было захвачено 139 пленных.

С вечера 18 августа шел штурм береговых батарей, который увенчался успехом утром 19 августа. Семь орудий выгрузили к 8:00 утра. В итоге только к 11:00 утра второго дня высадки в буквальном смысле на руках в боевые порядки войск была подтянута выгруженная с кораблей артиллерия. Тем не менее нельзя сказать, что в тот момент в бою за Шумшу наступил перелом. Перед фронтом высадившихся частей на рубеже ручья юго-западнее высоты 171 было сосредоточено около 5 пехотных батальонов, 70 стволов артиллерии и оставшиеся танки 11-го танкового полка японцев. Продвижение на Шумшу к его южной оконечности замедлилось. Японцы оборонялись с фанатичным упорством. Также была отмечена переброска подкреплений на Шумшу через военно-морскую базу Катаока на юго-западной оконечности острова.

Японцы утром 19 августа прислали парламентаров для переговоров о сдаче. В 17:00 командующий КОР лично встретился с командиром 73-й пехотной бригады генерал-майором Сузино Ивао, начальником штаба 91-й пехотной дивизии подполковником Янаока Такедзи. Однако японцы явно тянули время. С другой стороны, для генерал-майора А.Р. Гнечко в тот момент тоже было выгодно выиграть время. С кораблей и транспортов выгружалась артиллерия, боеприпасы, транспорт. Для переброски на Шумшу спешно готовилась 107-я стрелковая бригада.

В 10:00 20 августа предпринимается рейд боевых кораблей Петропавловской ВМБ к южной оконечности острова Шумшу. Береговые

батареи ВМБ Катаока открыли огонь по кораблям, ответным огнем были подавлены. Однако минзаг «Охотск» получил два прямых попадания, на сторожевом корабле «Киров» было повреждено рулевое управление. С 13:00 до 19:00 128-я авиадивизия бомбардировала ВМБ Катаока, было израсходовано 211 бомб ФАБ-100.

В 7:00 21 августа командир КОР А. Р. Гнечко через представителя передал японскому командующему ультиматум о прекращении сопротивления и капитуляции. Войска на Шумшу готовились к решительному штурму периметра ВМБ Катаока. К исходу 21 августа вся артиллерия была выгружена с транспортов и находилась на огневых позициях. 107-я бригада была полностью подготовлена к высадке на Шумшу. Наконец, в 21:40 21 августа командующий КОР получил ответ: «Японские войска в северной части Курильских островов прекращают всяческие боевые действия, складывают оружие и сдаются советским войскам».

К 23 августа на острове Шумшу было принято 3 генерала, 525 офицеров и 11 700 солдат японских вооруженных сил, 66 орудий и другое вооружение. 25 августа отряд кораблей Камчатского оборонительного района овладел островом Онекотан, 26 августа десантом КОР был занят остров Мацува, где сдались 3800 солдат и офицеров, а 29 августа — остров Уруп, где сдался гарнизон в 5600 человек. С занятием острова Уруп вся северная группа Курильских островов была полностью занята советскими войсками.

Десантные войска КОР с 18 по 31 августа 1945 г. потеряли 516 человек убитыми, 329 пропавшими без вести, 716 ранеными и 6 человек составили небоевые потери⁴. Это достаточно тяжелые потери. Значительное количество пропавших без вести приходится на утонувших и унесенных течением в ходе высадки.

Последним аккордом войны на Дальнем Востоке стала операция по овладению южной группой Курильских островов. Она проводилась Северной Тихоокеанской отдельной флотилией. Операция началась 28 августа с высадки на остров Итуруп, но продолжалась и после подписания Японией акта о капитуляции. Противник сопротивления уже не оказывал. Последние гарнизоны были разоружены 5 сентября 1945 г.

Подводя итоги, можно сказать, что Южно-Сахалинская и Курильская десантные операции проводились в условиях упорного

⁴ ЦАМО РФ. Ф. 2285. Оп. 1. Д. 5 Л. 125.

сопротивления противника и в непростых природных условиях. Оказание жесткого сопротивления диктовалось политическими целями и стремлением удержания стратегически важных пунктов. Советским войсками удалось переломить ситуацию в свою пользу и достичь, прежде всего, военной победы, следствием которой стала капитуляция японских гарнизонов. Тогда, в августе 1945 г. еще не было очевидно наступление холодной войны, и истинный масштаб подвига десанта на Курильских островах стал понятен уже годы спустя.

СССР в войне против милитаристской Японии и общий ход боевых действий на Дальнем Востоке в августе 1945 г.

Победоносный исход Великой Отечественной войны с наглядной убедительностью подтвердил передовой характер советской военной науки и советского военного искусства, его превосходство над военным искусством союзных армий. Однако это не может служить основанием для того, чтобы с пренебрежением относиться к западной военной науке, недооценивать достижения военного искусства армий стран вероятного противника.

Однако главную роль в разгроме фашистской Германии и ее сателлитов сыграл Советский Союз. Наш народ вынес на себе основную тяжесть войны и обеспечил победу прогрессивных сил над силами фашизма.

Вместе с тем против гитлеровской Германии и ее сподвижников вели боевые действия войска США, Англии, Канады и других стран, которые внесли определенный вклад в разгром Германии и милитаристской Японии.

Следует отметить, что союзные войска вели боевые действия на второстепенных фронтах мировой войны: 1) в бассейне Средиземного моря; 2) в Западной Европе; 3) в бассейне Тихого океана. При этом они получили значительный опыт, в том числе в проведении морских операций и в применении воздушных десантов, который используется

¹ *Гуров Владимир Алексеевич* — доктор исторических наук, профессор кафедры «История и философия» Опорного вуза Тольяттинского государственного университета, профессор Академии военных наук РФ, член Российского исторического общества, полковник запаса, ветеран боевых действий (г. Тольятти).

ими и в современных условиях с определенными поправками на новые условия и новую технику.

После разгрома фашистской Германии и окончания войны в Европе боевые действия на Дальнем Востоке и Тихом океане еще продолжались. Империалистическая Япония вела борьбу против США, Англии и Китая. Питая ненависть к Советскому Союзу, японские милитаристы не раз открыто заявляли, что должны завладеть советской территорией «вплоть до Урала».

Нападение гитлеровской Германии на СССР вдохновило милитаристскую Японию на новые антисоветские военные провокации. Япония в течение всей войны нарушала советские границы, нападала на наши торговые суда (с 1941 по 1944 г. японцы незаконно задержали 178 советских торговых судов и 14 судов потопили), вела шпионаж в пользу фашистской Германии. Ныне известно, что в японском генеральном штабе имелся всесторонне разработанный план войны против СССР². Но поражения гитлеровских войск под Москвой и Сталинградом охладили воинственный пыл японских захватчиков. Вместе с тем угроза нападения со стороны империалистической Японии вынуждала нашу страну в течение всей войны с фашистской Германией держать на Дальнем Востоке не менее 40 дивизий, использование которых на Западе способствовало бы ускорению разгрома гитлеровской военной машины.

Разгром фашистской Германии ознаменовал собой ликвидацию очага мировой агрессии в Европе. Однако Вторая мировая война еще не была окончена. На востоке захватническую войну продолжала вести империалистическая Япония.

Советское правительство взяло на себя обязательство на Ялтинской конференции в феврале 1945 г. через два-три месяца после капитуляции фашистской Германии и окончания войны в Европе выступить против империалистической Японии. 8 августа 1945 г. Советский Союз объявил войну империалистической Японии, а 9 августа вооруженные силы страны перешли в решительное наступление.

К началу 1945 г. Япония имела еще значительные силы: миллионную сухопутную армию, более 10 тыс. самолетов и около 500 боевых кораблей. В составе американско-английских войск на Тихом и Индийском океане, а также в Юго-Восточной Азии имелось 1,8 млн человек,

² Шишов А. В. Россия и Япония. История военных конфликтов. М., 2001. С. 521–531.

до 5 тыс. самолетов и 764 боевых корабля. Несмотря на превосходство союзников в воздухе и на море, они не могли в короткие сроки разгромить Японию, так как не имели вблизи Японии достаточного количества сухопутных войск.

Исходя из этого, правители Японии рассчитывали упорной оборонной затянуть войну, дожидаться разногласий между союзниками и добиться выгодных для себя условий мира. И когда 26 июля 1945 г. правительства США, Англии и Китая направили Японии ультиматум с требованием о безоговорочной капитуляции, японское правительство отклонило это требование, подтвердив тем самым готовность продолжать войну.

13 апреля 1941 г. Япония заключила с Советским Союзом пакт о нейтралитете, этот шаг был маскировкой. После нападения Германии на СССР империалистическая Япония, будучи союзником Германии, держала у наших дальневосточных границ свою армию в готовности совершить нападение на нашу страну, снабжала гитлеровцев разведывательными данными о СССР, и таким образом нарушала нейтралитет³.

Исходя из вышеуказанных фактов, перед Советским Союзом встала задача ликвидировать угрозу нашей стране с востока со стороны милитаристской Японии.

Таким образом, война Советского Союза против империалистической Японии была оправданной войной: она явилась продолжением Великой Отечественной войны, ее особым периодом.

Рассматривая общий ход боевых действий Красной армии, следует выделить следующие моменты:

1. Особенности театра военных действий. Группировка сил и средств и планы сторон.

Наступление предстояло вести в трудных условиях дальневосточного театра военных действий. С запада территорию Маньчжурии прикрывает горный хребет Большой Хинган, с севера — горный хребет Малый Хинган, с востока — горная система Чинбайшень, покрытые таежными лесами. Дорог немного, и они мало пригодны для действий крупных масс войск. Среди гор параллельно границе протекают широкие многоводные преграды: реки Амур, Уссури, Муданьцзян.

³ Заключение Пакта о нейтралитете между Советским Союзом и Японией // Известия. 1941. № 88 (7464). 15 апр.

На западе — большие пространства безводных пустынных степей, в конце лета, в период сильных дождей эта местность труднопроходима.

Японцы превратил Маньчжурию в мощный плацдарм. Вдоль границ было подготовлено 16 укрепленных районов общей протяженностью до 1000 км, в которых насчитывалось 8 тыс. дотов. Наиболее мощные укрепления имелись напротив советского Приморья, а на хайларском направлении — напротив Забайкалья. Толщина стен дотов имела до 3 м, они были в 1, 2 и даже 3 этажа. Важнейшие сооружения соединялись подземными галереями, по которым можно было маневрировать силами и средствами⁴.

Итак, советским войскам предстояло преодолеть мощные укрепления и в короткий срок разгромить крупные силы отборных японских войск.

Главной ударной силой у японцев являлась Квантунская армия, развернутая в Маньчжурии и Корее против СССР. Она имела в своем составе около 1 млн человек, более 5 тыс. орудий, более тысячи танков и 1800 самолетов. Отборные дивизии были специально подготовлены для войны против СССР. В распоряжении японцев имелось 200 тыс. человек маньчжурских войск и войск внутренней Монголии, жандармерия, полиция и Сунгарийская речная флотилия⁵.

Для проведения Маньчжурской стратегической операции привлекались: Забайкальский фронт (командующий маршал Советского Союза Малиновский); 2-й Дальневосточный фронт (генерал армий Пуркаев), 1-й Дальневосточной фронт (маршал Мерецков). Тихоокеанский флот (командующий адмирал Юмашев), Амурская речная флотилия (командующий адмирал Антонов), конница МНР под руководством маршала Чойбалсана. Общее руководство осуществлял главнокомандующий маршал Советского Союза Василевский⁶.

Замысел операции: двумя встречными ударами (один с запада с территории МНР и другой с востока из советского Приморья) к центру Маньчжурии в общем направлении на Чаньчунь и Мукден отрезать и окружить основные силы Квантунской армии, одновремен-

⁴ Ястребов В. Фортификационная подготовка Японией маньчжурского плацдарма // Военно-инженерный журнал. 1946. № 1.

⁵ Квантунская армия (японская) // Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. Т. 20. М., 1953. С. 462.

⁶ Гареев М. А. Маньчжурская стратегическая наступательная операция // Свободная мысль. 1995. № 8. С. 74–85.

но с этим несколькими вспомогательными ударами рассечь их на части и разгромить⁷.

Забайкальский фронт наносил главный удар с запада, с территории МНР, через пустынные степи внутренней Монголии, горный хребет Большой Хинган в направлении на Чаньчунь, Мукден с задачей во взаимодействии с войсками 1-го Дальневосточного фронта отрезать основные силы Квантунской армии в Маньчжурии. Вспомогательные удары: справа в направлении Ляодунского залива и слева в направлении Хайлар, Цицикар.

1-й Дальневосточный фронт наносил главный удар с востока, из района Гродеково (южнее оз. Ханка) в направлении Муданьцзян, Гирич с задачей взломать укрепления японцев перед советским Приморьем и во взаимодействии с Забайкальским фронтом отрезать основные силы Квантунской армии на маньчжурском направлении. Вспомогательные удары: справа в направлении Харбин с целью обеспечения главной группировки и слева вдоль побережья с целью отрезать пути отхода противника в Северную Корею.

Во взаимодействии с 1-м Дальневосточным фронтом действовал Тихоокеанский флот с задачей перерезать коммуникации противника в Японском море и высадить десанты на корейском побережье.

2-й Дальневосточный фронт имел задачу главными силами во взаимодействии с Амурской флотилией форсировать Амур и Уссури в районах Ленинское, Бикин и нанести удар в направлении Харбин. Вспомогательный удар готовился из района Благовещенск, в направлении Цицикар войсками 2-й Краснознаменной армии, под командованием генерал-лейтенанта М. Ф. Терехина. На этот же фронт возлагалась задача во взаимодействии с флотом освободить южную часть Сахалина и Курильские острова.

Большой размах операции, решительные цели и необходимость проведения ее в короткий срок требовали большого количества сил и средств. Количество советских войск, находившихся на Дальнем Востоке, было недостаточно. В ходе подготовки операции за короткий срок (в мае — июле 1945 г.) из европейской части страны на восток были переброшены дополнительные силы и средства и развернуто 11 общевойсковых, одна танковая и три воздушных армии. В их

⁷ Дайнес В. Маньчжурская наступательная операция. URL: http://mil.ru/winner_may/history/more.htm?id=12056402@cmsArticle (дата обращения: 21.08.20).

составе имелось 1,5 млн человек, 26 тыс. орудий и минометов, 5500 танков и САУ, 3800 самолетов. Кроме того, Тихоокеанский флот и Амурская флотилия имели около 600 боевых кораблей различного класса и свыше 1500 самолетов. Превосходство сил и средств, качество боевой техники и вооружения, морально-боевые качества подразделений были на стороне наших войск.

Большое внимание обращалось на боевую учебу войск с учетом тех задач, которые войскам предстояло решать в ходе наступления (особенно тех, которые не имели боевого опыта, находясь на Дальнем Востоке). Для уничтожения дотов были подготовлены штурмовые группы, в стрелковых подразделениях создавались группы разграбления, для прокладки колонных путей создавались специальные отряды обеспечения движения. С этой же целью было заготовлено большое количество бревен, сборно-разборных мостов, фашин и других средств.

Операция была тщательно спланирована и хорошо подготовлена, чему способствовал опыт, накопленный в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

В ночь на 9 августа советские войска на всех направлениях перешли в наступление, без артиллерийской подготовки пересекли границу, уничтожили пограничную охрану и устремились вперед. 10 августа войну Японии объявила МНР.

2. Наступление войск Забайкальского фронта на Хингано-Мукденском направлении.

Войскам Забайкальского фронта предстояло преодолеть на глубину 100–300 км безводные степи Монголии, перейти через горный хребет Большой Хинган и выйти на Маньчжурскую — в целом на глубину до 600 км.⁸

На главном направлении в первый эшелон была поставлена 6-я танковая армия генерала Кравченко. Она наступала самостоятельно, в отрыве от стрелковых войск, с задачей упредить японцев в занятии горного хребта Большой Хинган. Темпы ее продвижения составляли от 120 до 150 км в сутки. К исходу второго дня ее передовые части вышли к перевалам хребта Большой Хинган. В годы войны это был единственный случай, когда танковая армия была использована в первом эшелоне фронта.

⁸ Россия и СССР в войнах XX века: Потери Вооруженных Сил / Под ред. Г. Ф. Кривошеева. М., 2001. С. 309, 371–373.

И хотя японцы считали этот перевал непреодолимым, советские танковые войска на третий день преодолели Большой Хинган, вышли на Маньчжурскую равнину и развернули наступление на Чаньчунь и Мукден. В память об этом переходе советские танкисты на самом высоком перевале поставили танк, на башне которого написали: «Здесь в августе 1945 г. прошли русские танковые войска».

Начавшиеся ливневые дожди сделали продвижение вне дорог невозможным. Нередко танки продвигались по полотну железных дорог. Базы снабжения и тыловые органы отставали, материально-техническое снабжение нарушилось. Большие трудности 6-я ТА имела в обеспечении горюче-смазочными материалами. Чтобы не допустить замедления темпов наступления для снабжения войск, была привлечена транспортная авиация.

Конно-механизированная группа генерала Плиева, наступавшая на правом крыле фронта совместно с монгольской конницей, преодолела пустынные степи, южные остроги Хингана и подошла к г. Калган, где установила связь с войсками Народно-освободительной армии Китая. Японские резервы, находившиеся в Северном Китае, были отрезаны.

На левом крыле фронта наступала 36-я армия генерала Лучинского, наносившая удар в общем направлении на Хайлар. Ее передовой отряд, обойдя с севера укрепленный район, в течение 9 августа прошел более 100 км, внезапно для японцев захватил мост через р. Аргунь и ворвался в город. Главные силы наших войск, блокировав укрепленный район, двинулись в глубину и на второй день также вступили в Хайлар.

За 6 дней войска Забайкальского фронта продвинулись до 500 км, широким фронтом вторглись на Маньчжурскую равнину и устремились к городам Чаньчунь и Мукден, отрезав тем самым Квантунскую армию от Северного Китая.

3. Наступление войск 1-го Дальневосточного фронта.

На главном направлении войскам фронта предстояло прорвать пограничный укрепленный район, имевший очень мощную полосу долговременных укреплений. Эта задача была возложена на 5-ю армию (командующий генерал-полковник Крылов), в составе которой имелось двенадцать стрелковых дивизий, пять танковых бригад и один укрепленный район. Армия была развернута на фронте 60 км, а прорыв осуществлялся на участке 15 км. На этом участке были сосредоточены почти все силы армии: одиннадцать стрелковых дивизий, пять

танковых бригад и почти вся артиллерия⁹. Такое решительное сосредоточение сил и средств на главном направлении представляет собой высокое искусство советского командования.

Боевые порядки войск строились обычно в два эшелона. Тактические плотности составляли 250 орудий и минометов и до 40 танков и САУ на 1 км.

В ночь на 9 августа передовые батальоны, выделенные для разведки боем, используя темноту и грозовую ливень, без артиллерийской подготовки пересекли границу и, используя незанятые промежутки, вклинились в оборону японцев. Их действия оказались настолько внезапными, что противник даже не успел занять свои укрепления. Это был замечательный образец тактической внезапности.

Используя успех передовых батальонов, главные силы наших войск с утра 9 августа перешли в решительное наступление. Артиллерия поддерживала атаку сосредоточением огня по опорным пунктам противника.

Используя незанятые и слабо прикрытые промежутки, наши войска обходили опорные пункты, блокировали их и решительно продвигались в глубину. К исходу дня они прорвали укрепленные районы и продвинулись в глубину до 20 км.

Для уничтожения дотов применялись штурмовые группы. Саперы под прикрытием огня артиллерии, минометов и САУ проделывали проходы в заграждениях. САУ, ведя огонь по амбразурам, подходили к дотам и прикрывали огнем и броней следующих за ними стрелков, огнеметчиков и саперов, последние броском двигались к дотам, закрывали амбразуры, производили огнеметание внутрь дота, а затем подрывали его зарядом взрывчатых веществ.

Японцы сопротивлялись упорно, до фанатизма обреченных, подтверждением чему служит то, что за первый день наступления войска фронта уничтожили 2322 японских солдата и офицера, а в плен было взято только 35 человек.

Потери наших войск в целом были небольшие. Так, 5-я армия за первый день потеряла 56 человек убитыми и 192 ранеными, что свидетельствует об умелой организации наступления и сильной огневой поддержке.

⁹ Огарков Н. В. Харбино-Гиринская операция 1945 // Советская Военная Энциклопедия. М., 1980. Т. 8. С. 358–359.

После прорыва пограничных укреплений советские войска отдельными колоннами по отдельным маршрутам двинулись в глубь Маньчжурии. Впереди колонн решительно действовали передовые отряды. Характерен такой пример. Впереди колонны 26 стрелкового корпуса 1-й Краснознаменной армии генерала Белобородова двигался передовой отряд в составе танковой бригады, движение отряда по горной тайге противник не обнаружил, и он незамеченным подошел к ст. Хаулинь, где в это время стояли эшелоны с частями 3-й пехотной дивизии японцев. Передовой отряд внезапно атаковал японцев прямо в эшелонах. В результате японская дивизия была разгромлена.

На подступах к г. Муданьцзян противник оказал упорное сопротивление наступлению наших войск. В результате оно замедлилось. Между тем южнее Муданьцзян сопротивление противника было слабое, и успех наших войск был большим. В целях развития этого успеха в сражение была введена подвижная группа (10 мк) и резерв (88 ск) фронта. Обойдя Муданьцзян с юга, они устремились на Гирин.

Таким образом, в ходе наступления был применен перенос усилий с одного направления на другое, где был достигнут больший успех, что дало положительные результаты, в том числе был взят город Муданьцзян. Этот опыт учит развивать успех там, где он обозначился.

На левом крыле фронта, вдоль корейского побережья, наши сухопутные войска наступали в тесном взаимодействии с флотом. По мере продвижения сухопутных войск флот высаживал в портах морские десанты, в которых основную роль играла морская пехота. Десанты захватывали важные позиции, нарушали управление противника, а войска, наступавшие вдоль побережья, наносили удары с суши. Так были взяты порты Юки, Расиц, Сейсин. Тесное взаимодействие с флотом позволило ускорить занятие японских баз в Корее и изолировать главные силы Квантунской армии от Кореи и моря.

В порту Сейсин в составе морского десанта героически сражался разведывательный отряд под командованием Героя Советского Союза ст. лейтенанта В. Н. Леонова. В рукопашной схватке с врагом отряд захватил и удержал важный для наших войск мост через реку. За умелое руководство отрядом и личную отвагу Виктор Николаевич Леонов был удостоен второй «Золотой Звезды» Героя Советского Союза.

4. Наступление 2-го Дальневосточного фронта.

Войска этого фронта перешли в наступление также в ночь на 9 августа. Передовые отряды 15-й армии генерала С. К. Мамонтова

с помощью Амурской флотилии форсировали Амур и захватили плацдармы. Вслед за ними реку форсировали главные силы. При этом большую роль сыграли штурмовые группы пограничников¹⁰.

В последующем войска главной группировки, взаимодействуя с Амурской флотилией, развернули наступление вдоль реки Сунгари в общем направлении на Харбин.

Войска 2-й Краснознаменной армии под командованием генерала М. Ф. Терехина, перейдя в наступление 10 августа, также форсировали Амур и двинулись в наступление на Цицикар.

В целях достижения высоких темпов наступления наши войска не втягивались в затяжные бои за опорные пункты противника. Они их обходили, блокировали и решительно продвигались вперед, при этом тыл своих войск от ударов оставшихся группировок врага охранялся надежно.

За 6 дней войска 2-го Дальневосточного фронта преодолели горный хребет Малый Хинган и, продвинувшись до 200 км, вышли на Маньчжурскую равнину с севера.

Одновременно с этим войска фронта предприняли во взаимодействии с флотом наступление по освобождению Южного Сахалина, а несколько позже (с 18 августа) — Курильских островов.

За 8 дней наступления советские войска на всех направлениях прорвали пограничные укрепления японцев, преодолели горные хребты и вышли на центральную Маньчжурскую равнину. Основные силы Квантунской армии были отрезаны от Китая, Кореи и расчленены на изолированные части. Японское командование потеряло управление своими войсками и организовать сопротивление не могло.

14 августа командование Японии обратилось по радио к советскому командованию с просьбой остановить военные действия, однако не прекращало сопротивления. Было ясно, что японцы хитрят.

Советское командование, разгадав коварный замысел противника, продолжило наступление. Подвижные передовые отряды советских войск устремились к городам Чаньчунь, Мукден, Харбин, Гирин.

Лишь 17 августа японское командование отдало приказ армии прекратить сопротивление. С 19 августа началось разоружение и пленение японских войск. Для ускорения разоружения и пленения Квантунской армии, предотвращения разрушения промышленных

¹⁰ Военная энциклопедия. В 8 т. Т. 3. М., 1995. С. 9.

предприятий, пресечения вывоза и уничтожения материальных ценностей в период с 18 августа в районах крупнейших городов Маньчжурии и Кореи были высажены воздушные десанты отрядами от 50 до 400 человек с представителями советского командования (18 августа в районе г. Харбин, 19 августа — в районе городов Чаньчунь, Гирин, Мукден, 22 августа — в Порт-Артур и Дайрен, 24 августа — на Южный Сахалин, 25 августа в порт Гензан и др.). Они захватили аэродромы, важные узлы дорог, перерезали коммуникации противника, дезорганизовали его управление и начали пленение противника.

Рассмотрим более подробно Южно-Сахалинскую и Курильскую десантную операцию 1945 г.

Южно-Сахалинская операция 1945 г. — наступательная операция войск 16-й армии (генерал-лейтенант Л. Г. Черемисов) 2-го Дальневосточного фронта (генерал армии М. А. Пуркаев), во взаимодействии с Северной Тихоокеанской военной флотилией, проведенная 11–25 августа с целью освобождения Южного Сахалина. Южный Сахалин обороняла усиленная 88 пд (19 тыс. человек), опиравшаяся на пограничный Котонский УР, и до 10 тыс. японских резервистов. Для проведения операции привлекались 56 ск, 113-я стрелковая бригада и 214-я танковая бригада 16-й армии (генерал-лейтенант Л. Г. Черемисов), морская пехота, 30 кораблей и катеров Северной Тихоокеанской флотилии (вице-адмирал В. А. Андреев), 255-я смешанная авиадивизия (106 самолетов) и морская авиация Тихоокеанского флота (80 самолетов). Ударом 56 ск с фронта и высадкой морских десантов во вражеский тыл и порты Торо (Шахтерск), Маока (Холмск) и Отомари (Корсаков) японская группировка была разгромлена. Занятый Японией в 1905 г. Южный Сахалин вновь стал частью СССР в 1945 г. Южно-Сахалинская операция отличалась тесным взаимодействием сухопутных войск и сил флота¹¹.

Курильская десантная операция 1945 г. — операция войск 2-го Дальневосточного фронта (генерал армии М. А. Пуркаев) и Тихоокеанского флота (адмирал И. С. Юмашев) во время советско-японской войны 1945 г., проведенная 18 августа — 1 сентября, с целью овладеть Курильскими островами. К ней привлекались силы Камчатского

¹¹ Багров В. Н. Южно-Сахалинская и Курильская операции (Август 1945 г.). М., 1959. С. 1–112; Великая Отечественная война 1941–1945 гг. В 12 т. Т. 5. Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией. М., 2013. С. 560–572.

оборонительного района, Петропавловской ВМБ и Северной Тихоокеанской военной флотилии. Силы десанта: 2-го стрелкового полка, батальон морской пехоты, артиллерийский полк и др. подразделения (8824 человека, 205 орудий и минометов, 60 кораблей и судов). Японцы имели на Курильских островах более 80 тыс. человек, оборудовали 9 аэродромов. 18 августа началась высадка десанта (генерал-майор П. И. Дьяков) на о. Шумшу, который 23 августа был полностью освобожден. К концу августа была занята северная часть Курильских островов, включая о. Уруп, а к 2 сентября — остальные острова к югу от него. 4–5 сентября принята капитуляция на остальных островах¹².

Таким образом, воздушные и десантные силы сыграли важную роль в окончательном разгроме японских войск. Одновременно с этим к районам высадки воздушных десантов подходили подвижные передовые отряды наземных войск. Утром 20 августа советские войска вступили в Харбин, Гири, Чаньчунь, Мукден. Войска 6-й танковой и 89-й армий по железной дороге были переброшены в Порт-Артур, куда они вступили 23 августа.

С 20 по 30 августа шло разоружение и пленение Квантунской армии. Отдельные группы японцев продолжали сопротивляться вплоть до 9 сентября.

В войне против империалистической Японии советские Вооруженные силы одержали выдающуюся победу. В предельно короткий срок, с 9 по 30 августа, они сокрушили укрепления японцев на фронте более 5000 км, продвинулись на 800–900 км и наголову разгромили Квантунскую армию — главную ударную силу Японии. 84 тыс. японских солдат и офицеров было истреблено в боях и 594 тыс. человек вместе с вооружением и боевой техникой было взято в плен. Советские войска освободили Маньчжурию, Северную Корею до 38 параллели, Южный Сахалин и Курильские острова. Общие потери советских войск — 32 тыс. человек.

Значение этой победы огромно. Япония, потеряв главную свою сухопутную силу, оказалась не в состоянии продолжать сопротивление, и 2 сентября 1945 г. в Токийском заливе на борту американского линкора «Миссури» под председательством главнокомандующего союзными войсками американского генерала Д. Макартура состоя-

¹² Курильская операция 1945 // Великая Отечественная война, 1941–1945: энциклопедия / Под ред. М. М. Козлова. М., 1985. С. 391.

лось подписание акта о капитуляции Японии. С капитуляцией Японии закончилась Вторая мировая война. Важнейшим итогом войны стал разгром держав, вставших на путь откровенной агрессии, пренебрегших нормами международного права, пытавшихся вернуть человечество к временам варварства, диктата грубой силы и произвола. Очаг мировой агрессии на Востоке был ликвидирован. Наступил конец Второй мировой войны. Решающую роль в завершении разгрома империалистической Японии сыграли советские Вооруженные силы.

В ознаменовании одержанной победы Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 сентября 1945 г. была учреждена медаль «За победу над Японией», которой были награждены все участники боев. День 2 сентября стал в Советском Союзе Днем Победы над Японией.

В борьбе с японскими агрессорами советские воины проявляли непреклонную волю к победе, решительность и массовый героизм. 87 из них были удостоены звания Героя Советского Союза, в том числе маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский. 6 человек были удостоены этого звания второй раз (маршал В. А. Василевский, главный маршал авиации А. А. Новиков, генералы Н. И. Крылов, А. Г. Кравченко, И. А. Плиев, ст. лейтенант В. Н. Леонов)¹³.

Американо-английские фальсификаторы истории стараются принизить или замолчать роль Советского Союза в разгроме империалистической Японии. Вопреки исторической правде, они пытаются доказать, будто капитуляция Японии наступила в результате только усилий США и Англии, в том числе в результате применения ядерного оружия¹⁴.

Конечно, усилия американо-английских войск имели важное значение в ослаблении и поражении Японии. Действительно и то, что на завершающем этапе войны (6 и 9 августа) американцы сбросили на японские города Хиросима и Нагасаки атомные бомбы, в результате чего было убито и искалечено 447 тыс. мирных жителей.

¹³ Советский Союз сокрушил фашизм. Энциклопедия Победы. Справочник для обучающихся государственных образовательных учреждений по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2010.

¹⁴ Дробжев М. И. Фальсификаторы истории Второй мировой и Великой Отечественной войны Советского Союза // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2015. № 3 (3). С. 77–88.

Но существенного военного ущерба Японии ядерный удар не нанес, так как в этих городах не было ни важных военных объектов, ни крупных воинских частей. Судьба Японии и без этого была предрешена.

Решение правительства США о нанесении ядерного удара по Японии — это варварский акт, проявление грубой силы с политической целью, чтобы запугать народы мира своим военным могуществом и диктовать им свою волю. Именно на этом базировалась их пресловутая политика в ведении холодной войны против Советского Союза. Но, как известно, эта политика с треском провалилась, так как СССР в развитии ракетно-ядерного оружия не только догнал США, но и оставил их позади.

Разгром империалистической Японии имел большое военно-политическое значение¹⁵.

Во-первых, была ликвидирована угроза нашим дальневосточным границам. Южный Сахалин был возвращен Советскому Союзу. СССР отошли также Курильские острова.

Во-вторых, Красная армия, выполняя свою освободительную миссию, избавила от японского порабощения народы Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) и Кореи.

В-третьих, победа над империалистической Японией усилила национально-освободительную борьбу, в результате которой обрели национальную независимость Индия, Бирма, Индонезия и целый ряд других стран.

В-четвертых, разгром империалистической Японии имел положительное значение и для самого японского народа, который был избавлен от милитаристской клики и получил возможность бороться за демократическую свободу и мирное развитие.

В результате победы советских Вооруженных сил на Дальнем Востоке над Квантунской армией, был нанесен смертельный удар не только японской военщине, но и по всей международной реакции. Эта победа коренным образом изменила соотношение сил по всей Восточной и Юго-Восточной Азии, создала исключительно благоприятные условия для национально-освободительного подъема, революционного движения в колониальных и зависимых странах.

¹⁵ Космач В. А. Величие победы: главные итоги, геополитические последствия и уроки Великой Отечественной и Второй мировой войн 1939–1945 гг. // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2015. № 2. С. 48–56.

В. В. Путин 24 апреля 2020 г. подписал Федеральный закон № 126-ФЗ, которым установлен День воинской славы России «3 сентября — День окончания Второй мировой войны (1945 год)»¹⁶.

Великая Отечественная война продемонстрировала всему миру превосходство советского военного искусства над военным искусством нацистской Германии и ее союзников. Она показала огромный вклад в победу военной науки, многих полководцев и военачальников: Г. К. Жукова, А. М. Василевского, К. К. Рокоссовского и других. Несмотря на различное отношение в наше время к личности И. В. Сталина, следует однозначно отметить его выдающуюся роль в разгроме агрессоров, в мобилизации всех сил и ресурсов страны на достижение победы над врагом. Боевой опыт, накопленный Красной армией на фронтах Великой Отечественной войны, является исключительным опытом военного искусства для современной армии России.

¹⁶ Федеральный закон № 126-ФЗ, «О днях воинской славы и памятных датах России» // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/63257> (дата обращения: 25.08.2020).

Группировка советских войск на Дальнем Востоке как фактор сдерживания агрессии Японии в годы Второй мировой войны

В начале 30-х гг. XX в., после оккупации территории Северо-Восточного Китая (Маньчжурии), правящие круги императорской Японии активно готовили страну к войне против СССР. Советское правительство было вынуждено принимать необходимые меры по укреплению дальневосточной группировки Вооруженных сил. Благодаря своевременным и эффективным мероприятиям удалось обеспечить превосходство наших войск на Дальнем Востоке над противостоящей японской группировкой по личному составу и основным видам вооружения и военной техники (за исключением ВМФ). Это позволило нанести поражения японским войскам в районе озера Хасан и на реке Халхин-Гол.

Именно эти события и мощь Красной армии способствовали принятию японским правительством решения о заключении пакта о нейтралитете с Советским Союзом в апреле 1941 г.

С началом Великой Отечественной войны, несмотря на то, что сражения разворачивались за тысячи километров от Дальнего Востока, обстановка здесь была крайне напряженной и требовала от войск Дальневосточного фронта бдительности и нахождения в постоянной боевой готовности. Это обуславливалось прямой угрозой вступления в войну против СССР Японии как последовательной и верной союзницы Германии.

¹ Шагов Андрей Евгеньевич — кандидат исторических наук, доцент, начальник управления зарубежной военной истории Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации (г. Москва).

Японское руководство не скрывало своих планов, стремления отторгнуть обширные районы восточной части нашей страны. Уже 2 июля 1941 г. на тайном совещании с участием императора было принято решение о том, что если германо-советская война примет благоприятный для Японии оборот, то она выступит для решения «северных проблем». В соответствии с принятой на этом совещании «Программой государственной политики Японской империи в связи с изменением обстановки» генеральный штаб разработал план агрессии против Советского Союза. Начать войну планировалось 29 августа 1941 г. Не случайно в течение июля — августа численность японских войск в Маньчжурии и Корее превысила 700 тыс. человек.

Рис. 1. Соотношение сил СССР и Японии на Дальневосточном ТВД на 22.06.1941

Ставка Верховного главнокомандования принимала необходимые меры к повышению боевого потенциала и совершенствованию организации Дальневосточного фронта (генерал И. Р. Апанасенко, с 1943 г. — генерал М. А. Пуркаев). В конце июня 1941 г. войска были приведены в повышенную боевую готовность и приступили к созданию в приграничье системы оборонительных полос и рубежей. Каждая стрелковая дивизия и полк готовили опорные пункты, отсечные позиции,

противотанковые районы, позиции для артиллерии и танков, командные пункты, блиндажи и убежища, инженерные заграждения, прокладывали дороги и колонные пути. К 30 июля на основных оборонительных рубежах завершилось создание батальонных районов обороны.

В связи с угрозой вторжения японских войск с моря совершенствовалась оборона побережья и военно-морских баз. Тихоокеанский флот в первые же дни войны поставил минные заграждения на подходах к Владивостоку, Советской Гавани, Петропавловску-Камчатскому.

К 1 октября 1941 г. на угрожаемых направлениях строительство полевых укреплений было завершено на всю оперативную глубину. Создание и совершенствование оборонительных рубежей, строительство дорог продолжались и в последующие годы. Весной 1942 г. Военный совет фронта принял Постановление об организации обороны крупных городов и населенных пунктов Дальнего Востока. Эта задача возлагалась в основном на подразделения Всевобуча и местные истребительные батальоны.

По информации советских разведорганов, с нападением Германии на СССР активность противника в приграничной зоне заметно повысилась. Поэтому к потенциально опасным участкам выдвигались дежурные подразделения и части. В повышенной боевой готовности находились военно-воздушные силы и войска ПВО Дальнего Востока. В 1941–1942 гг., в период наибольшей угрозы нападения со стороны Японии, соединения и части первого эшелона фронта занимали свои полосы и участки обороны.

Возросла активность японской разведки, исследовавшей систему охраны и прикрытия границы СССР для сбора информации об обороноспособности советского Дальнего Востока. Кроме того, Япония снабжала Германию разведывательной информацией, поступавшей из японского посольства в Москве и других источников, сведениями об экономическом и военно-стратегическом положении СССР.

С 1942 г. японская разведка активизировала интерес к приханкайскому направлению, где согласно плану войны против СССР предполагалось начать вторжение. Из 273 заданий агентам, задержанным пограничниками в 1943 г., 152 задания касались разведки Вооруженных сил СССР на Дальнем Востоке на глубину до 150 км от границы, строительства новых военных объектов и дорог. Добытые агентурные сведения перепроверялись при помощи радиотехнической, авиационной и морской разведки. В приграничном пространстве Маньчжу-

рии и Кореи было увеличено количество пунктов технической разведки, предназначенных для перехвата радио- и телефонных переговоров. Всего за период с 1941 по 1945 г. советскими пограничниками было задержано более 1,5 тыс. японских агентов и диверсантов.

Японские военнослужащие постоянно провоцировали пограничные инциденты. Так, например, с ноября 1941 г. по январь 1943 г. в Приморье было зарегистрировано свыше 500 диверсионных вылазок, одиночных и групповых переходов сухопутной границы с открытием огня из стрелкового оружия, а иногда из артиллерии. В 1943 г. в пределах Хабаровского края таких нарушений было 414, а в 1944 г. зафиксировано 144 случая нарушения границы и 39 случаев обстрела советской территории.

Самолеты ВВС Японии систематически вторгались в воздушное пространство СССР на значительную глубину — до Владивостока и Нерчинского Завода. Так, во второй половине 1941 г. имело место 49 подобных случаев, в 1942 г. — 80 случаев.

Неудачный для советской стороны исход первых сражений летне-осенней кампании 1941 г. заставил перебросить часть сил с Дальнего Востока на советско-германский фронт. В 1941–1945 гг. из состава фронта убыли в действующую армию 23 дивизии (стрелковых — 16, танковых — 4, кавалерийских — 2, моторизованных — 1), 19 бригад (стрелковых — 3, воздушно-десантных — 3, артиллерийских — 13), авиационные части — всего около 250 тыс. солдат и офицеров, около 3,3 тыс. орудий и минометов, почти 2 тыс. танков и другой техники. Кроме того, маршевым пополнением было направлено более 100 тыс. человек. Для их перевозки Ставке пришлось задействовать свыше одной тысячи железнодорожных эшелонов. За годы войны по четыре — восемь выпусков произвели дальневосточные военные училища, фронтовые курсы младших лейтенантов. Подавляющее большинство молодых командиров убыли на запад с маршевыми подразделениями или в составе специальных команд.

Тем не менее из анализа боевого и численного состава дальневосточной группировки советских войск следует, что советское Верховное главнокомандование считало целесообразным держать в регионе значительную часть своих Вооруженных сил. Даже в декабре 1941 г., когда решался исход битвы под Москвой, советские войска на Дальневосточном ТВД превосходили силы вероятного противника по численности личного состава и основным видам вооружений, хотя

Рис. 2. Соотношение сил СССР и Японии на Дальневосточном ТВД на 07.12.1941

и не столь значительно, как это было по состоянию на июнь 1941 г. Без преувеличения можно отметить, что на протяжении всех лет Великой Отечественной войны группировка советских войск на Дальнем Востоке могла самостоятельно отразить удар Квантунской армии и даже имела шансы на успех при ведении наступательных действий. В то же время боевые возможности Дальневосточного фронта серьезно ограничивались недостаточным количеством автотранспорта и запасов материальных средств. Танки и самолеты дальневосточной группировки относились к образцам, принятым на вооружение в 30-е гг. XX в., поскольку практически вся техника новых типов поступала в действующую армию на советско-германский фронт.

В войсках шла напряженная учеба. Соединения и части готовились к выполнению задач в условиях горно-таежной и болотистой местности. Более 50% учебного времени отводилось занятиям по тактике. Большинство дивизионных, бригадных и полковых учений проходило в приграничной полосе. На них отрабатывались управление частями и подразделениями в бою, создание системы огня и заграждений, взаимодействие стрелковых подразделений, танков и артиллерии. По од-

ной роте в полку и по одному отделению в стрелковом взводе готовились как истребители танков.

В разгар Курской битвы Ставка ВГК директивами от 27 июля 1943 г. поставила перед командованиями Дальневосточного и Забайкальского фронтов новые оперативно-стратегические задачи, носящие, в случае нападения Японии на СССР, наступательный характер. Если до 1943 г. основное внимание в подготовке войск уделялось вопросам обороны, то после — тщательному изучению наступательных операций по опыту Великой Отечественной войны. До конца года на театре было сформировано управление 16-й армии, 5 управлений стрелковых корпусов, 11 стрелковых дивизий, др. соединения и части. Одновременно повышалась оснащенность войск автоматическим оружием, пополнялся и качественно улучшался артиллерийский парк, повышался уровень материально-технического обеспечения войск. В течение 1944 г., совершенствуя боевой состав, советское Верховное главнокомандование развернуло здесь еще 11 стрелковых дивизий и управление механизированного корпуса, а также ряд танковых и механизированных частей.

Со второй половины 1944 г. характер боевой подготовки войск серьезно изменился. Обязательной составной частью тактических учений стали наступательные действия зимой и в условиях распутицы, днем и ночью, в любую погоду. Впервые была поставлена задача каждому стрелковому полку по проведению 15–30-километровых маршей в горно-таежной, болотистой местности с прокладкой колонного пути.

В ноябре 1944 — феврале 1945 г. в Генеральном штабе, в центральных и главных управлениях Наркомата обороны были разработаны планы полномасштабного развертывания советских Вооруженных сил на Дальнем Востоке. В первые месяцы 1945 г. в составе Дальневосточного фронта создаются еще 2 стрелковые дивизии, а в Забайкальском фронте — 1 мотострелковая бригада. Однако главный этап наступил уже после завершения войны в Европе. С мая по июль на Дальний Восток было переброшено около 30 расчетных дивизий, в которых насчитывалось свыше 400 тыс. человек, более 7,1 тыс. орудий и минометов и 2,1 тыс. танков и САУ, около 17,4 тыс. грузовых автомашин, а также большое количество другого вооружения и военной техники. Для перевозки только сухопутных войск было использовано свыше 1,5 тыс. железнодорожных эшелонов. В эти месяцы в среднем ежедневно

на Дальний Восток прибывало до 20 железнодорожных эшелонов с войсками. В результате мероприятий данного этапа, длившегося три месяца, количество соединений выросло в 1,5 раза, а их общая численность в 1,6 раза. Но особенно значимые изменения произошли в качественном составе. Так, почти в 15 раз увеличилось количество установок реактивной артиллерии, в 12 раз — количество тяжелых и средних танков и самоходно-артиллерийских установок, почти в 1,5 раза — численность артиллерийско-минометных систем калибра от 76 мм и выше.

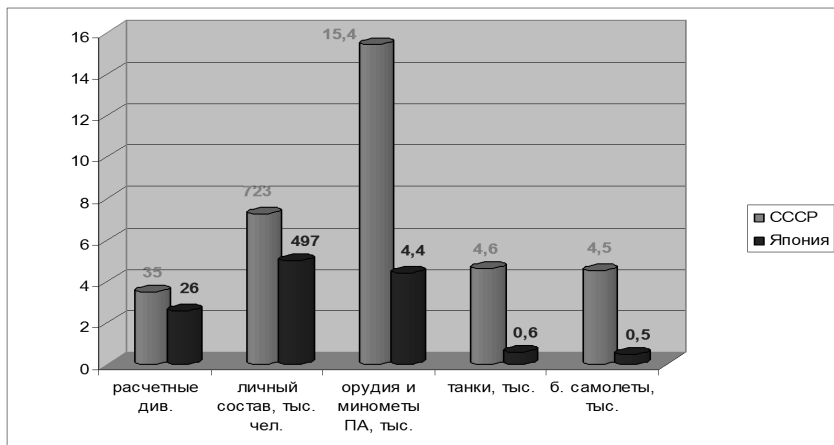

Рис. 3. Рост численности группировки Вооруженных сил СССР на Дальневосточном ТВД с января по август 1945 г.

К началу советско-японской войны в результате проведенных мероприятий советская группировка превосходила противника по численности личного состава почти в два раза, а по основным видам вооружения и военной техники ее превосходство было 4–7-кратным.

Данные, полученные из трофейных японских документов, японской исторической литературы, а также из документов Главного разведывательного управления ГШ КА, позволили проследить изменения распределения сухопутных войск Японии по различным ТВД на ключевые даты Второй мировой войны. Они были опубликованы в 12-томном издании «История Второй мировой войны», разработан-

ном специалистами Института военной истории в конце 70-х — начале 80-х гг. XX в. и прошли научную апробацию среди российских и зарубежных специалистов.

Рис. 4. Распределение дивизий Сухопутных войск Японии по различным ТВД в 1941–1945 гг.

Очевидно, что в период с июня 1941 г. по ноябрь 1942 г. численность сухопутных войск Японии выросла незначительно. В этих условиях создание новых и наращивание старых группировок могло осуществляться только за счет перераспределения уже имевшихся сил. Создание группировки в бассейне южных морей, т. е. предназначенной для ведения военных действий против США, Англии и Голландии, осуществлялось за счет соединений из армии японской метрополии и, частично, экспедиционной армии в Китае. При этом боевой состав Квантунской армии не только не уменьшился, а даже несколько вырос в связи с готовностью японской стороны осуществить вторжение в советский Дальний Восток, в случае если немецкий вермахт добьется решительных успехов на советско-германском фронте. В результате такого подхода к ноябрю 1942 г. группировка японских войск в Китае уменьшила свой удельный вес по сравнению с июнем 1941 г. с половины до трети общего состава сухопутных войск. В связи с вышеизложенным представляется правомерным утверждение, что союзники

Китая по антифашистской коалиции, в том числе и не воевавший в это время на Дальнем Востоке Советский Союз, оттянули на себя значительную группировку японских войск, которые в другой ситуации могли быть использованы для проведения наступательных операций на китайской территории.

Группировка японских войск в Китае вновь выросла к лету 1943 г. Однако в 1944 г. она окончательно утратила свое лидирующее положение в связи с новыми перебросками соединений в бассейн южных морей. Следует отметить, что во второй половине 1944 г. подобная участь постигла и группировку Квантунской армии, которая временно сократилась с 17 до 10 дивизий. Это было обусловлено окончательным отказом военно-политического руководства Японии от агрессивных планов в отношении СССР в связи с общим изменением военной обстановки и в Азиатско-Тихоокеанском регионе, и на советско-германском фронте. В течение 1945 г. число дивизий и в составе экспедиционной армии в Китае, и в составе Квантунской армии несколько выросло. В июне — июле 1945 г. была проведена мобилизация проживавших в Маньчжурии японских колонистов, что дало возможность сформировать 8 пехотных дивизий и 7 бригад, в Корее — 1 дивизию и 1 бригаду. Кроме того, в июне из Китая в Маньчжурию были переброшены еще 4 пехотные дивизии. В течение этого же времени японские войска в Китае производили перегруппировку. Наиболее боеспособные соединения и части вводились в Северный Китай, чтобы в случае начала военных действий с Советским Союзом усилить Квантунскую армию и созданный в Корее 17-й фронт. По численности Квантунская армия насчитывала до 16% личного состава, около 33% орудий и минометов, до 41% танкового и 23% самолетного парков всех вооруженных сил Японии.

Таким образом, соединения Квантунской армии являлись мощной компактной группировкой, которая при ином развитии событий могла быть использована японским командованием как для укрепления обороны метрополии, так и для развертывания новой фазы войны на китайской земле. Именно сокрушение, причем в кратчайшие сроки — всего за одну неделю — этого стратегического резерва произвело шоковое впечатление на японскую правящую верхушку и стало одной из главных причин, толкнувших ее на принятие условий безоговорочной капитуляции.

В годы Великой Отечественной войны советское Верховное главнокомандование весьма успешно осуществило межтеатровый маневр

крупными силами с Дальнего Востока на Запад и с Запада на Дальний Восток. Дальневосточная группировка советских войск не только выполнила свою основную задачу по защите рубежей СССР, но и внесла достойный вклад в разгром фашистской Германии, являясь существенным источником пополнения стратегических резервов Ставки Верховного главнокомандования.

Японское командование, содержавшее на протяжении всего рассматриваемого периода от трети до четверти всех своих сухопутных войск в составе группировки на территории Маньчжурии, по целому ряду причин не сумело эффективно распорядиться этими силами. В связи с тем, что дивизии Квантунской армии не принимали участие в военных действиях в Китае, это способствовало успеху китайских войск на оборонительном этапе национально-освободительной борьбы китайского народа против японских захватчиков.

Таким образом, решение советского военно-политического руководства о создании на Дальнем Востоке мощной группировки войск было стратегически верным. Наличие советской группировки войск, превосходящей по численности и боевым возможностям японскую в Манчжурии и Корее, а также успехи Красной армии на советско-германском фронте стали решающим фактором в предотвращении нападения Японии на СССР.

О. П. Еланцева¹

Строительство железной дороги Комсомольск — Советская гавань в документах Государственного комитета обороны (1943–1945 гг.)

Отмечаемое в 2020 г. 75-летие Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне и во Второй мировой войне дает основание вернуться к историческим событиям прошлого, проанализировать, как ковалась Победа. В данном материале это будет сделано на примере скоростного, сверхударного возведения железной дороги от Комсомольска-на-Амуре до Советской Гавани.

Вопрос о создании второго (после Владивостока) дублирующего железнодорожного выхода к Тихоокеанскому побережью СССР получил практическое преломление на рубеже 1920–1930-х гг. Тогда изучались варианты рельсового пути до Советской Гавани первоначально от г. Хабаровска, позднее — от г. Комсомольска-на-Амуре. Второй вариант оказался предпочтительнее в контексте идеи сооружения Байкало-Амурской магистрали, ее самого восточного участка.

Выход новой железной дороги к Тихоокеанскому побережью позволял укрепить военно-оборонительное и стратегическое положение Дальневосточного региона СССР. Он значительно сокращал дальние морские перевозки, усиливал связи Камчатки, Чукотки, Сахалина, Магаданской области с материковой частью страны, вводил в народно-хозяйственный оборот природные ресурсы и, таким образом, способствовал социально-экономическому развитию восточных территорий.

¹ *Еланцева Ольга Павловна* — доктор исторических наук, профессор Департамента истории и архивоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).

20 мая 1934 г. Совет труда и обороны принял постановление «О строительстве железной дороги Советская Гавань — Комсомольск»², в соответствии с которым особый корпус железнодорожных войск в этом же году должен был приступить к изысканиям линии, а в следующем, 1935 г. — к ее строительству. Однако по разным причинам задание не было выполнено.

Исследование трассы было продолжено специалистами других организаций. В 1939 г. Бампроект ГУЛЖДС НКВД произвел окончательные изыскания. В результате всестороннего обследования сложнейшего района трассы из нескольких вариантов было выбрано направление, наиболее удачное в строительном и эксплуатационном отношении³, составлены технический проект и генеральная смета. В 1939 г. в совместном постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О железнодорожном строительстве Наркомвнудела на Дальнем Востоке»⁴ основные этапы работ, порученные НКВД СССР на линии Комсомольск — Советская Гавань, выглядели следующим образом:

1939 г. — осуществление подготовительных мероприятий;

1940 г. — начало строительства дороги;

1941 г. — открытие рабочего движения;

1942 г. — сдача железнодорожной линии в постоянную эксплуатацию.

Однако реализация производственных задач сдерживалась нехваткой ресурсов. В марте 1941 г. нарком НКВД Л. П. Берия обратился в ЦК ВКП(б), к И. В. Сталину и в СНК СССР, к В. М. Молотову. Опираясь конкретными цифровыми выкладками о скудном финансировании, руководитель НКВД заключал, что «при таких капиталовложениях временное движение не будет открыто ни в 1941 году, ни в 1942 году»⁵. В апреле 1941 г. строительство линии Комсомольск — Совгавань фактически перешло в стадию консервации, а с августа 1941 г. железнодорожное строительство на Дальнем Востоке страны почти полностью прекратилось. Таким образом, первая попытка создания нового рельсового пути от Комсомольска-на-Амуре

² ГА РФ. Ф. Р-5674. Оп. 3. Д. 29. Л. 283.

³ Принятое направление линии получило название «Мулинское» и было утверждено постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) 25 июля 1939 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1012. Л. 32.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 57. Д. 59. Л. 200.

⁵ ГА РФ. Ф. 9407. Оп. 1. Д. 87. Л. 1–7.

к Тихоокеанскому побережью, предпринятая в относительно благоприятный, мирный период времени, оказалась неудачной.

Вторая попытка возведения интересующей нас дороги осуществлялась в экстремальных условиях Великой Отечественной войны и нашла свое яркое отражение в документах Государственного комитета обороны.

20 мая 1943 г. Л. П. Берия писал И. В. Сталину: «По Вашему поручению мною рассмотрены материалы по строительству железнодорожной линии Комсомольск — Совгавань». Далее руководитель НКВД отмечал, что в 1939–1941 гг. ГУЛЖДС НКВД СССР не только полностью осуществил изыскания, составил технический проект на всю линию и на 250 км рабочие чертежи, но и провел подготовительные работы, уложил земляное полотно неполного профиля — со стороны Комсомольска на 80 км и со стороны бухты Ванино на 10 км с выполнением 4 млн м³ земляных работ, т. е. восьмой части от их общего объема⁶.

Опираясь на имевшийся проект, Л. П. Берия приводил главные производственные показатели, которые предстояло выполнить при сооружении дороги: земляные работы — 32 млн м³, три тоннеля общей длиной 2800 м, в том числе тоннель (1820 м) через Сихотэ-Алиньский перевал, 16 больших мостов (от 100 до 440 м), 482 малых мостов и труб. В эти объемы не входило развитие Комсомольского железнодорожного узла и строительство моста через Амур у г. Комсомольска⁷.

Дорога Комсомольск — Совгавань представляла собой горную линию, пересекавшую мощнейший Сихотэ-Алиньский хребет, проходившую в совершенно необжитых районах, вдали от промышленных центров страны; работы по ее созданию отличались невероятной организационной, инженерно-технической сложностью и трудоемкостью. Опытные специалисты отводили на строительство дороги от четырех до пяти лет⁸. В докладной записке Л. П. Берия указал минимальный — двухгодичный срок. В этой связи он предлагал, во-первых, сооружение дороги на шесть пар поездов производить по упрощенным техническим условиям, переработав имеющийся проект с учетом условий военного времени; во-вторых, временно конечным пунктом до-

⁶ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 172. Л. 89.

⁷ Там же. Л. 89–90.

⁸ Объединенный ведомственный архив РЖД. Филиал «Дальневосточная железная дорога. Комсомольское отделение». Ф. 1. Оп. 1/Т. Д. 119. Л. 1.

роги установить бухту Ванино, а не Советскую Гавань: в бухте Ванино построить три причала для морских судов; в-третьих, вместо тоннелей, больших выемок и насыпей делать долговременные обходы; Амурский мост у Комсомольска заменить паромной переправой.

Но даже такое значительно упрощенное возведение транспортной артерии не гарантировало успеха. Не случайно в указанной записке был сделан акцент на ресурсах, необходимых для строительства, а именно на стройке следовало задействовать приблизительно 90 тыс. человек рабочей силы, иметь 2600 автомашин, 265 тракторов и экскаваторов, 260 локомобилей и передвижных электростанций разной мощности, 4800 голов лошадей, 12 тыс. т взрывчатки, 900 тыс. м³ лесоматериалов и шпал, 70 тыс. т цемента. 15 тыс. т металла вместе с фермами мостов⁹. Но и этого было недостаточно. По мнению Л. П. Берии, следовало наметить мероприятия, которые обеспечивали бы выполнение данного строительства.

Докладная записка наркома НКВД СССР председателю Государственного комитета обороны И. В. Сталину датирована 20 мая 1943 г., а уже на следующий день ГКО принял постановление № 3407-сс «О строительстве железнодорожной линии Комсомольск — Советская Гавань»¹⁰, определявшее узловые вопросы. ГКО поручил выполнение проектных и строительных работ Наркомату внутренних дел СССР и санкционировал создание управления строительства в г. Комсомольске¹¹.

Трудность доставки в тайгу оборудования, материалов, рабочей силы и продовольствия определила необходимость осваивать глубокие таежные участки с двух концов линии — со стороны Комсомольска, куда подходила железная дорога (Волочаевка — Комсомольск), и со стороны Советской Гавани, где имелась возможность подойти к линии в удобных бухтах морским путем.

Вот почему в состав управления строительства вошли два лагеря-треста: Нижне-Амурский со стороны Комсомольска и Восточный

⁹ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 172. Л. 90.

¹⁰ Там же. Л. 85–87.

¹¹ В постановлении от 2 августа 1943 г. ГКО распорядился: «Строительство железной дороги Комсомольск — Советская гавань именовать «Строительство № 500 НКВД СССР» // РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 200. Л. 135. Именно такое название прошло по приказу НКВД СССР ранее, 25 мая 1943 г. // Объединенный ведомственный архив РЖД. Филиал «Дальневосточная железная дорога. Комсомольское отделение». Ф. 1. Оп. 1/Т. Д. 112. Л. 3. В обиходе стройку называли просто — «пятисотка».

со стороны Совгавани; затем к ним присоединился Перевальный лагерь в районе Сихотэ-Алиня. Исходя из этого же было организовано две экспедиции — Сихотэ-Алиньская и Приморская.

Начальником строительства Государственный комитет обороны утвердил инженер-полковника Федора Алексеевича Гвоздевского.

ГКО указал сумму финансирования объекта — 800 млн руб., т. е. значительно сократил ее относительно проекта 1940 г., в котором общая стоимость дороги составляла 1300 млн руб.¹²

Государственный комитет обороны установил очередность и сроки выполнения главных работ. Прежде всего следовало пересмотреть в сторону упрощения довоенный вариант технического проекта и утвердить его в кратчайшие сроки — к 1 декабря 1943 г. До официального принятия указанного документа работы разрешалось вести без проектов и смет по единичным расценкам и сметно-финансовым расчетам, утвержденным НКВД.

Движение шести пар поездов в сутки от Комсомольска до Ванино (первая очередь строительства) требовалось открыть к 1 августа 1945 г., а затем продолжить возведение дороги от бухты Ванино до северного берега бухты Константиновской в Советской Гавани¹³ (вторая очередь строительства).

ГКО сделал акцент на строжайшей экономии дефицитных в условиях военного времени металла и цемента, активное использование дерева при строительстве мостов, труб, депо, мастерских, служебных и технических зданий; подчеркнул необходимость материально-технического обеспечения строительства дороги и выработки комплекса тех мероприятий, которые бы ему способствовали.

В течение всего периода строительства дороги Государственный комитет обороны особое внимание уделял лимитирующим участкам новостройки. Таким являлся, например, ее начальный участок — переправа через Амур у г. Комсомольска. Постановление ГКО от 21 мая 1943 г. требовало на переходе Амура построить паромную переправу, которая давала бы возможность пропускать шесть пар поездов в сутки¹⁴. К созданию упрощенного варианта паромной переправы (летом — баржами, а зимой — по льду) для переброски людей, механизмов и материалов приступили летом 1943 г.

¹² РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 172. Л. 89.

¹³ Там же. Л. 85.

¹⁴ Там же. Л. 86.

Специфичность и трудоемкость данного инженерного сооружения привела к выделению этих работ в отдельный титул «Паромная переправа». В течение сентября — ноября 1943 г. удалось произвести изыскания и проектирование путевого развития, подходных каналов и причалов, уточнить вопросы организации движения и пропускной способности. Одновременно выполнялись полевые и проектные работы по ледовой переправе, а в декабре 1943 г. приступили к ее постройке. Рабочие чертежи свидетельствовали: сооружение транспортной артерии между правым и левым берегами крупнейшей дальневосточной реки вылилось в большое дело, требовавшее выполнить 463 тыс. м³ земляных работ, подготовить 171 тыс. м причальных ряжей, проложить 16,3 км рельсовых путей и др. Таковой была лишь часть мероприятия, и с ней строители «пятисотки» справлялись.

Гораздо сложнее было другое. Нужно было найти приемлемый тип парома, способы погрузки и разгрузки подвижного состава, выполнить проектирование и строительство самого парома. Постановление ГКО № 3857-сс от 2 августа 1943 г. «О мероприятиях по обеспечению строительства железнодорожной линии Комсомольск — Советская Гавань» нацеливало Наркомат судовой промышленности к началу октября 1943 г. разработать проект самоходных паромов, а к 1 июля 1944 г. построить их.

Выполнению задания должны были способствовать поручения, данные этим же постановлением другим наркоматам. Например, НКВД СССР должен был в пятидневный срок представить НКСП техническое задание на проектирование паромов и выделить необходимое количество рабочих судостроительным предприятиям НКСП на период строительства паромов (с октября 1943 г.); наркомат танковой промышленности обязан был передать на два месяца НКСП конструкторов, имевших опыт разработки проекта железнодорожного парома через озеро Байкал; наркомвнешторг обязывался до 1 декабря 1943 г. поставить целевым назначением для постройки паромов 2000 т листового и профильного металла, а также другие материалы и оборудование, согласно спецификации НКСП¹⁵. Но намеченное не удалось осуществить.

Лето 1944 г. отмечено подготовкой более глубокого и основательного постановления, направленного на решение вопросов создания

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 142. Л. 125.

паромной переправы через Амур у г. Комсомоловска. По всей видимости, Государственный комитет обороны связывал неудачи в этом деле с определенными организационными недоработками. 14 июня 1944 г. Оперативное бюро ГКО обратилось к первому варианту нового проекта постановления, но вынуждено было отправить его на доработку. Договорились вернуться к документу через неделю¹⁶. Однако это удалось сделать только через три недели, 4 июля 1944 г.

Уточненный проект постановления представила комиссия в составе К. Е. Ворошилова, Л. М. Кагановича, И. И. Носенко и Л. Б. Сафразьяна. Оперативное бюро приняло его. Передавая документ И. В. Сталину, Л. П. Берия сообщал, что срок постройки паромов, установленный Постановлением ГКО № 3857-сс 2 августа 1943 г., переносится с июля 1944 г. на август 1945 г., и объяснял это отсутствием «заграничных данных по проектированию механизмов самоходных паромов, а также неподготовленностью базы по изготовлению вагоноподъемников»¹⁷. Оперативное бюро предлагало разделить решение задачи на две составляющие: изготовление самоходных паромов поручить Наркомату судовой промышленности, а вагоноподъемников для паромов — Наркомату тяжелого машиностроения.

7 июля 1944 г. Государственный комитет обороны утвердил постановление № 6136-сс «О строительстве самоходных паромов для железнодорожной переправы через р. Амур в районе г. Комсомольска»¹⁸, уточнив, что надо «работы по строительству паромов начать, не ожидая окончания разработки технического проекта и выпуска рабочих чертежей», и «считать работы по проектированию и строительству паромов... важнейшим заданием, выполняемым впереди всех других работ»¹⁹. Само постановление было изложено на шести страницах и завершалось пунктом 18, возлагавшим контроль за его выполнение лично на Наркомат государственного контроля (т. Попова).

Сравнивая постановление № 6136-сс от 7 июля 1944 г. с постановлением № 3857-сс от 2 августа 1943 г., следует отметить, что в документе 1944 г. расширился круг наркоматов, задействованных в реализации задачи: кроме названных выше Наркомсудпрома и Наркомтяжмаша добавлялись Наркомат станкостроения, Наркомат электропромышленности,

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 3. Д. 2. Л. 68–69.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 349. Л. 117.

¹⁸ Там же. Л. 102–107.

¹⁹ Там же. Л. 102.

Наркомат среднего машиностроения, Наркомат черной металлургии, Наркомат легкой промышленности, Наркомат торговли и т. д. — всего свыше полутора десятков наркоматов. Перед каждым из них ставились конкретные задачи и сроки их реализации. Их формулировки отличались большей конкретностью. Так, если постановление от 2 августа 1943 г. требовало от НКВД выделить необходимое количество рабочих на заводы НКСП, то в июльском постановлении 1944 г. этому наркомату предписывалось «обеспечить ежедневный выход на работы по строительству паромов на завод № 199²⁰ в течение III квартала 1944 г. 500 рабочих, а начиная с IV квартала до окончания строительства паромов 1250 рабочих, по возможности расконвоированных»²¹.

Можно привести и другой показательный факт. Постановление 1943 г. обязывало Наркомтанкопром передать НКСП на два месяца конструкторов; постановление 1944 г. формулировало задачу НКТП более жестко: «в пятидневный срок откомандировать в ЦКБ НКСП на весь период проектирования и строительства паромов группу конструкторов завода № 112 НКТП в количестве 15 чел. во главе с инженером Керичевым»²².

Следует подчеркнуть, что постановление ГКО от 7 июля 1944 г. учитывало очень напряженные условия труда конструкторов, рабочих и инженерно-технических работников, занятых на проектировании и строительстве паромов и устройств. Для них было предусмотрено усиленное питание и премиальные вознаграждения за выполнение в срок отдельных заданий по постройке паромов и подъемников для них²³.

Данный документ ГКО сопровождался пятью приложениями, в том числе Перечнем оборудования для паромов, подлежащего поставке с импорта заводу № 199 Наркомсудпрома; Перечнем проектных материалов по заказанному в США оборудованию для паромов, подлежащих передаче Наркомсудпрому, Ведомостью оборудования, изделий и материалов, подлежащих поставке Наркомтяжмашу в I-м квартале 1945 г.

Особый интерес вызывают два оставшихся приложения. Это технические задания: одно — на проектирование паромов для железнодорожной переправы через Амур, а другое — на проектирование

²⁰ Судостроительный завод № 199 находился в г. Комсомольске-на-Амуре.

²¹ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 349. Л. 105.

²² Там же. Л. 105.

²³ Там же. Л. 106, 107.

вагоноподъемника для паромов. По сути дела, это подводило черту под разными мнениями о приемлемом типе паромов, способах погрузки и разгрузки подвижного состава. Судостроители, допустим, считали наиболее оптимальным использование парома с дизель-электрическими двигателями, а способ передачи паромов — клином (косяком). Сотрудники Сихотэ-Алиньской экспедиции Строительства № 500 НКВД СССР предлагали иной выход: погрузка и разгрузка вагонов с парома и обратно вертикальным подъемником (лифтом), расположенным на судне. Окончательный вердикт этим вопросам вынесла комиссия с участием представителей Наркомата внутренних дел, Наркомата путей сообщения, Наркомтяжпрома и Наркомсудпрома: принять тип парома самоходный дизель электрический с вертикальным подъемником (лифтом) на носу судна при высоте подъема или опускания платформы 5 метров.

В соответствии с постановлением ГКО № 6136-сс паромы для железнодорожной переправы через Амур у Комсомольска проектировались как постоянные, с допущением перерывов в их функционировании в течение весеннего ледохода на 15–20 дней и осеннего ледостава на 30–40 дней. В зимнее время, пока не работали паромы, перевозки следовало осуществлять по ледовой переправе.

Паромы должны были вмещать одновременно по 32 вагона и иметь лифт-подъемник с двумя платформами при полезной грузоподъемности каждой из них не менее 80 тонн; на постановку 32 вагонов с парома на подъемник и уборку их с подъемника на палубу отводилось всего 75–80 минут. Предполагалось, что пропускная способность паромной переправы и береговых устройств обеспечит перевозку не менее 500 вагонов в сутки²⁴.

Но выполнение и этого постановления Государственного комитета обороны «пробуксовывало». Вот что отмечало бюро Хабаровского крайкома ВКП(б), проанализировав на своем заседании 30 марта 1945 г. ход строительства самоходных паромов железнодорожной переправы в г. Комсомольске: «...строительство самоходных паромов железнодорожной переправы на заводе № 199 НКСП проводится совершенно неудовлетворительно. По состоянию на 30 марта с[его] г[ода] техническая готовность составляет только 32 [процента] по первому и 25 процентов по второму парому вместо 44 процентов по установлен-

²⁴ Там же. Л. 108.

ному плану»²⁵. Среди причин указывалось то, что руководители завода не учли специфику использования труда заключенных, не провели их обучение нужным заводу специальностям; на предприятие подчас направлялся «тяжелый контингент», вызывавший текучесть рабочей силы; вместо 1250 человек заводу предоставляли не более 950 человек. На отставание строительства паромов существенное влияние оказало несвоевременное и неполное поступление металла, оборудования и технической документации²⁶.

Бюро Хабаровского крайкома ВКП(б) констатировало: «Оборудованием укомплектован только один паром». В этой связи смелым и объективным видится решение партийного органа: в связи с «невозможностью одновременного ведения работ на обоих паромах из-за необеспеченности металлом и оборудованием, сосредоточить все ресурсы на головном пароме» и сдать его в эксплуатацию в июле 1945 г.; «одновременно с форсированием строительства первого парома принять все меры, обеспечивающие сдачу второго парома до конца навигации 1945 года»²⁷. Итак, произошел отказ от непосильного задания Государственного комитета обороны — к 1 августа 1945 г. сдать в эксплуатацию два парома.

Вне сомнения, крайком партии довел до сведения ЦК ВКП(б) и свое решение, и то, что постановление ГКО от 7 июля 1944 г. по строительству паромов не выполняется в части поставок заводу № 199 НКСП оборудования и технической документации, а также выделенного премиального спецфонда.

Реакция Государственного комитета обороны последовала почти незамедлительно. 23 апреля 1945 г. вышло постановление № 8256-сс «О мерах по обеспечению строительства железнодорожной линии Комсомольск — бухта Ванина и паромной переправы через реку Амур»²⁸. Оно начиналось необычной фразой, не встречавшейся в других документах, касавшихся «пятисотки»: «Принять к сведению сообщение НКВД СССР (т. Берия) о том, что в соответствии с Постановлением ГОКО от 21 мая 1943 г. № 3407-сс движение по железнодорожной линии Комсомольск — бухта Ванина <...> будет открыто в установленный

²⁵ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1743-а. Л. 36.

²⁶ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1743-а. Л. 36, 37.

²⁷ Там же. Л. 38, 39.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 484. Л. 93–98.

ГОКО срок — 1 августа 1945 г.»²⁹ Из большого числа пунктов документа отметим только то, которое ясно говорило о присутствии в нем, хотя и в несколько измененной трактовке, позиции Хабаровского крайкома ВКП(б): закончить изготовление, монтаж и сдачу в эксплуатацию одного самоходного паромы не позднее 1 августа 1945 г., а второго — в августе 1945 г.³⁰

Заключительное постановление ГКО о паромной переправе через Амур появилось в конце мая 1945 г. Оно намечало комплекс конкретных мероприятий по обеспечению эксплуатации данного объекта.

В течение 1943–1945 гг. по строительству дороги Комсомольск — Советская Гавань Государственный комитет обороны принял не менее 15 постановлений и распоряжений, в том числе в 1943 г. — 3, в 1944 г. — 5 и в 1945 г. — 7. Они были разными по объему. Допустим, постановление ГКО № 6968 от 19 ноября 1944 г. больше похоже на распоряжение. Оно содержало единственный пункт, гласивший: «Обязать Наркомвнешторг (тов. Крутикова) закупить для «Строительства № 500 НКВД СССР запчастей к импортным экскаваторам фирмы “Керинг” на сумму 20 000 ам[ериканских] долларов по спецификации, согласованной с Наркомвнешторгом»³¹. Документ подписал заместитель председателя ГКО Л. П. Берия. Совершенно другим по объему было постановление ГКО № 3857-сс «О мероприятиях по обеспечению строительства железнодорожной линии Комсомольск — Советская Гавань» от 2 августа 1943 г.³² Его текст занимал 17 машинописных страниц и сопровождался четырнадцатью приложениями.

Интересно, что некоторые постановления, как, например, № 6412 от 20 августа 1944 г., не имели названия³³.

Бывали моменты, когда ГКО в один день принимал несколько документов по вопросам, касавшимся Строительства № 500 НКВД СССР. Так произошло 26 мая 1945 г. ГКО рассмотрел и утвердил четыре специальных постановления о мероприятиях по обеспечению временной эксплуатации железнодорожной линии Комсомольск — Советская Гавань, порта в бухте Ванино, паромной переправы через

²⁹ Как видим, в формулировку «железнодорожная магистраль от Комсомольска до Ванино» вошла и паромная переправа через Амур.

³⁰ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 484. Л. 93.

³¹ Там же. Д. 414. Л. 116.

³² Там же. Д. 200. Л. 135–186.

³³ Там же. Д. 367. Л. 84–85; Д. 414. Л. 116.

Амур у г. Комсомольска и о материально-техническом обеспечении всего Строительства № 500 НКВД СССР³⁴.

С тематической точки зрения документы Государственного комитета обороны касались общих задач строительства, финансирования, материально-технического обеспечения, мер по обеспечению временной эксплуатации и, как было показано выше, главных лимитирующих участков строительства.

Итак, в мае 1943 г. Государственный комитет обороны поставил задачу к 1 августа 1945 г. построить железную дорогу от Амура до берега Тихого океана. Через 22 месяца дорога вступила в рабочую эксплуатацию. Неимоверно сложная и ответственная задача была успешно выполнена. Строительство велось скоростными, сверхударными темпами. Это стало возможным благодаря напряженнейшему труду коллектива изыскателей, проектировщиков и строителей, вниманию местных партийных органов, деятельности Государственного комитета обороны, объединяющему усилия многих тысяч людей разных наркоматов СССР, концентрирующему ограниченные ресурсы на самых важных объектах.

³⁴ Там же. Д. 498. Л. 40–57.

К. А. Арутюнян¹

Решающая роль Красной армии
в принуждении Японии к миру
и вклад воинов-армян в этой победе
(9 августа — 2 сентября 1945 г.)

После победоносного окончания Великой Отечественной войны 9 мая 1945 г., Советский Союз, согласно данному обещанию в Ялте² союзникам, подготовился к войне с милитаристической Японией, которая находилась в состоянии войны с США, Великобританией, Канадой и другими союзническими странами СССР.

В интересах **быстрейшего** окончания Второй мировой войны, обеспечения безопасности дальневосточных границ и ликвидации очагов агрессии в Азии, СССР, верный своему союзническому долгу, 8 августа 1945 г. объявил войну Японии. В период с 9 августа по 2 сентября 1945 г. Красная армия на Дальнем Востоке в ходе Маньчжурской (9 августа — 2 сентября), Южно-Сахалинской (11–25 августа) и Курильской стратегических операций разгромила японскую миллионную Квантунскую армию, освободила территории Северо-Восточного Китая и Северной Кореи, Южный Сахалин (который Япония захватила у России в 1904–1905 гг. во время Русско-японской войны) и Курильские острова.

Разгром миллионной Квантунской армии Японии ускорил окончание Второй мировой войны. 2 сентября 1945 г. на борту американ-

¹ Арутюнян Климент Амасияевич — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории НАН Республики Армения (Республика Армения).

² Ялтинская, или Крымская, конференция глав правительств трех союзных держав: И. В. Сталина (СССР) Ф. Д. Рузвельта (США) и У. Черчилля (Великобритания) состоялась 4–11 февраля 1945 г.

ского линкора «Миссури» воюющие стороны подписали акт о безоговорочной капитуляции Японии, которым и закончилась Вторая мировая война, которая началась 1 сентября 1939 г.³

В рядах Красной армии свой достойный вклад внесли также несколько тысяч воинов-армян.

В их числе был командующий 12-й воздушной армией, маршал авиации Сергей Худяков — Арменак Ханферянц, активный участник Великой Отечественной войны. В период Великой Отечественной войны он был начальником штаба Военно-воздушных сил Западного фронта, командующим 1-й воздушной армией, начальником штаба ВВС Красной армии. В июне 1945 г. по рекомендации главнокомандующего Советскими войсками на Дальнем Востоке, дважды Героя Советского Союза, маршала Советского Союза А. М. Василевского С. А. Худяков был назначен командующим 12-й воздушной армией Забайкальского фронта и с 9 августа по 2 сентября 1945 г. активно участвует в разгроме японской Квантунской армии в Северо-Восточном Китае — Маньчжурии. В Маньчжурской операции 12-я воздушная армия под командованием маршала авиации С. А. Худякова широко использовала десантирование личного состава мотострелковых частей с посадкой самолетов на японские аэродромы. Тем самым советская авиация впервые выполнила функцию своеобразных передовых отрядов в наступлении. В это время это считалось новизной в боевой практике авиации⁴.

За умелое и мужественное руководство 12-й ВА в Маньчжурской операции главнокомандующий Советскими войсками на Дальнем Востоке маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза А. М. Василевский маршала авиации С. А. Худякова представил к званию Героя Советского Союза. Однако вмешался И. В. Сталин, и С. А. Худяков Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 сентября 1945 г. был награжден полководческим орденом Кутузова 1-й степени⁵.

³ Советская военная энциклопедия. М., 1979. Т. 7. С. 421–423.

⁴ Арутюнян К. А. Маршал авиации С. А. Худяков — А. А. Ханферянц. Ереван, 2008. С. 9.

⁵ Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 33. Оп. 686046. Д. 200. Л. 47–48. До этого С. А. Худяков был награжден орденом Ленина, Красного Знамени, Суворова 1-й и 2-й степеней, Кутузова 1-й степени, двумя орденами Красной Звезды, медалью «XX лет ККА» и т. д.

В рядах 12-й ВА служили более 200 армян, более половины из них за подвиги, проявленные в боях, были награждены орденами и медалями. Так, например, орденом Александра Невского был удостоен заместитель командира 29-го гвардейского штурмового авиационного полка по политической части, гвардии подполковник Хачатур Петросян, орденом Красной Звезды — штурман 356-го гвардейского штурмового авиационного полка капитан Левон Саргсян, воздушный стрелок 860-го истребительного авиационного полка Завен Кеворков, его однополчанин воздушный стрелок, старшина Михаил Савадов, орденом Отечественной войны 2-й степени — командир авиаэскадрильи 456-го бомбардировочного авиаполка, старший лейтенант Иван Исаакян, летчик 7-го гвардейского бомбардированного авиаполка, гвардии младший лейтенант Сурен Багдасаров, медалью «За отчизну» — летчик 356-го истребительского авиаполка младший лейтенант Аршак Пешкерян, медалью «За боевые заслуги» — летчик 70-го истребительного авиаполка, младший лейтенант Николай Арзуманян, заместитель начальника штаба 30-го бомбардировочного авиаполка — начальник оперативно-разведывательного отдела штаба подполковник Сергей Микаелян, заместитель командира 847-го истребительного авиаполка по эксплуатации, старший инженер, капитан Григорий Казаров и многие другие⁶.

По состоянию на 8 августа 1945 г. в рядах 6-й гвардейской танковой армии служили более 200 воинов-армян. Эта армия в годы Великой Отечественной войны прошла прославленный боевой путь: Украина, Молдавия, Румыния, Венгрия, Чехословакия. В составе войск Забайкальского фронта (командующий маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза Р.Я. Малиновский) части армии 11 августа 1945 г., преодолев Большой Хинганский хребет, вошли на Центральную Маньчжурскую равнину и развили наступление по направлению китайских городов Чанчунь, Мукден (Шэньян), 19 августа гвардейцы от японских захватчиков освободили эти города. 21 августа они, на правах победителей, вошли в город-порт, имеющий важное стратегическое значение, Дальний (Дайрэн), а 22 — в Порт-Артур (Люйшунь). Член Военного совета 6-й гвардейской танковой армии гвардии генерал-лейтенант танковых войск Гайк Туманян за умелое командование войсками в трудных климатических и природных

⁶ ЦАМО РФ. Ф. 12ВА. Оп. 6150. Д. 31. Л. 3, 14, 142, 163; Д. 34. Л. 80–212; Д. 32. Л. 2–224 и т. д.

условиях был награжден орденом Ленина. Орденом Александра Невского были награждены начальник штаба 208-й самоходно-артиллерийской бригады майор Сергей Мкртчян, командир 2-го мотомеханизированного батальона 30-й гвардейской механизированной бригады гвардии майор Завен Багдасарян, командир 1-го мотострелкового батальона 31-й гвардейской механизированной бригады гвардии майор Нерсес Акопян, орденом Отечественной войны 1-й степени: начальник артиллерии 64-й механизированной бригады подполковник Ашот Оганян, командир 181-го мотоинженерного батальона 22-й мотоинженерной бригады гвардии майор Мамикон Арустамов, начальник штаба 458-го отдельного гвардейского минометного («катюша») полка гвардии майор Александр Мелконян, инженер 35-й гвардейской танковой бригады капитан Грачья Агекян, орденом Красной Звезды: агитатор 240-го танкового полка 16-й механизированной бригады лейтенант Артавазд Малян, командир 1-й роты 446-го отдельного транспортного батальона лейтенант Завен Нуридджанян и многие другие⁷.

В деле разгрома Квантунской армии в Маньчжурии и освобождении Южного Сахалина большую роль сыграла артиллерия 2-го Дальневосточного фронта (командующий фронтом генерал армии М. А. Пуркаев), командующим которого был Герой Советского Союза, генерал-лейтенант артиллерий Михаил Парсегов (с 1958 г. — генерал-полковник артиллерии). Артиллерия, тесно содействуя с авиацией, танками, пехотой и морским флотом, атаковала японскую оборону, разрушая ее мощным огнем, заставляя противника отступать или сдаться. Родина высоко оценила службу генерала Парсегова, наградив его полководческим орденом Суворова 2-й степени.

Прославившимися командирами артиллерии являлись начальник противовоздушной обороны 2-го Дальневосточного фронта генерал-майор артиллерий Геворг Чайлахян, который был награжден полководческим орденом Кутузова 2-й степени, командир 65-го артиллерийского полка 3-й стрелковой дивизии 2-й Краснознаменной армии майор Михаил Галстян, командир артиллерии 5-го стрелкового корпуса полковник Григорий Асатуров, командир 213-й армейской пушечной артиллерийской бригады полковник Рафаэль Айрапетов, командир отдельной тяжелой минометной бригады полковник Самвел

⁷ ЦАМО РФ. Ф. 6-й гвардейской танковой армии. Оп. 5199. Д. 39. Л. 1–133; Д. 28. Л. 276–279; Ф. 33. Оп. 687 572. Д. 2584. Л. 340, 338; Д. 2515. Л. 70; Оп. 686 196. Д. 3713. Л. 104 и т. д.

Арутюнян, командир артиллерии 39-й стрелковой дивизии Гаврил Камоев (с 1956 г. — генерал-майор артиллерии), командир артиллерии 284-й стрелковой дивизии подполковник Геворг Апресян, которые были награждены орденом Красного Знамени, командир 483-го отдельного самоходного артиллерийского дивизиона 355-й стрелковой дивизии капитан Алексей Авагян, командир батареи 112-го гаубичного артиллерийского полка старший лейтенант Константин Саргсян, командир огневого взвода 42-го пушечно-артиллерийского полка лейтенант Паруйр Гукасян, командир батареи 45-го отдельного самоходного артиллерийского дивизиона 39-й стрелковой дивизии старший лейтенант Егиз Давидян, командир самоходно-артиллерийской установки СУ-76488-го отдельного самоходно-артиллерийского дивизиона 284-й стрелковой дивизии младший лейтенант Вараздат Хачатрян и многие другие, которые были награждены орденами Красного Знамени, Отечественной войны 1-й и 2-й степеней, Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Японией» и т. д.⁸

В дело спасения советских наземных войск от японских летчиков-смертников свой скромный вклад вложил 352-й зенитно-артиллерийский женский полк, в рядах которого служили 504 армянские девушки, отправившиеся по комсомольской путевке на фронт из Армении. Они все были удостоены медали «За победу над Японией», а ефрейторы Офеля Лорьян, Цовик Каламкарян, Седа Казарян, Варсеник Бабалян, красноармейцы Амалия и Рима Дерзяны, Роза Бадалян, Сирануш Матинян, шофер Шушаник Багдасарян и многие другие были удостоены различных боевых наград⁹.

В боях за освобождение китайских городов Гири (Цилинь), Чанчунь, Харбин активно участвовали 215-я стрелковая дивизия 5-й армии 1-го Дальневосточного фронта (командующий фронтом маршал Советского Союза К. А. Мерецков), командиром которой был Герой Советского Союза, генерал-майор Андраник Казарян. За умелое командование боевыми действиями дивизии в труднодоступной, горно-лесистой и болотистой местности приказом главнокомандующего Советскими войсками на Дальнем Востоке маршала Советского Союза

⁸ ЦАМО РФ. Ф. Забайкальского фронта. Оп. 3122. Д. 160. Л. 4–450; Д. 101. Л. 36–240; Ф. 2-го Дальневосточного фронта. Оп. 1620. Д. 251. Л. 4–151; Д. 250. Л. 44–124; Ф. 1-го Дальневосточного фронта. Оп. 3231. Д. 270. Л. 3–260.

⁹ ЦАМО РФ. Ф. 352-го зенитно-артиллерийского полка. Оп. 184577. Д. 6. Л. 36; Оп. 167587. Д. 2. Л. 176; Оп. 382301. Д. 22. Л. 26–193.

дважды Героя Советского Союза А. М. Василевского № 5 от 25 августа 1945 г. полководец из г. Шуши Нагорного Карабаха был награжден орденом Суворова 2-й степени¹⁰.

Тем же приказом орденом Суворова 2-й степени был награжден также командир 84-й кавалерийской дивизии, гвардии генерал-майор Тимофей Дедоев (Дедоев), который особенно отличился при преодолении реки Муданцзянь и освобождении города Харбин 20 августа 1945 г.¹¹

Одной из первых преодолев широководную реку Амур, 361-я стрелковая дивизия 15-й армии 20-го Дальневосточного фронта 17 августа освободила город Цзямусь. Продолжая победоносное продвижение, 20 августа дивизия освободила г. Харбин. Командиром дивизии являлся полковник Аракел Оганезов. За умелое командование дивизией и проявленное мужество по приказу командующего 2-го Дальневосточного фронта генерала армии М. А. Пуркаева полковник Аракел Оганезов был награжден орденом Суворова 3-й степени. Вскоре ему было присвоено воинское звание генерал-майора¹².

В деле освобождения городов Чанчунь и Мукден важную роль сыграла также 278-я стрелковая дивизия, командиром которой был полковник Константин Лазарев. Дивизия удостоилась почетного звания «Хинганская», а ее командир был награжден орденом Красного Знамени и монгольским орденом «Полярная Звезда». В мае 1949 г. ему присвоили воинское звание генерал-майора¹³.

По приказу маршала Советского Союза А. М. Василевского № 6 от 27 августа 1945 г. орденом Красного Знамени был награжден заместитель командующего 10-й воздушной армией по тылу генерал-майор авиации Григорий Толмаджев¹⁴, который в дни военных действий умело организовал работу органов службы тыла, содействуя удачному выполнению боевого задания.

В ходе военных действий 2-го Дальневосточного фронта на высоком уровне было поставлено дело медицинско-санитарной службы войск, которая в основном была обусловлена знанием дела и богатым организационно-боевым опытом начальника Санитарного управления

¹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 215-й стрелковой дивизии. Оп. 1. Д. 2. Л. 59–61.

¹¹ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 7743. Л. 39.

¹² ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 68752. Д. 2316. Л. 24.

¹³ Арутюнян К. А. Армянский народ в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Ереван, 2018. С. 744; ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 7795. Л. 19.

¹⁴ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 7745. Л. 156.

фронта, генерал-лейтенанта медицинской службы Аветика Бурназяна. Приказом маршала Советского Союза А. М. Василевского генерал А. Бурназян был награжден орденом Кутузова 2-й степени¹⁵.

Тем же приказом орденом Отечественной войны 1-й степени был награжден начальник финансового отдела полковник интендантских войск Родион Миначов¹⁶.

В числе награжденных были также: командир 72-й морской пехотной бригады полковник Баграт Митоян, начальник штаба Сахалинской военной флотилии капитан 1-го ранга Валериан Сурабеков (в дальнейшем контр-адмирал), заместитель по тылу командира 87-го стрелкового корпуса подполковник Сергей Оганисян, начальник политотдела 109-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии полковник Баграт Мартиросян, начальник политотдела 4-й артиллерийской бригады 6-й гвардейской артиллерийской дивизии подполковник Саргис Хачикян, инструктор организационно-инструкторского отдела Политического управления Забайкальского фронта подполковник Карп Хартиянц, начальник редакционно-издательского отдела Политуправления Забайкальского фронта майор Григорий Туманян, начальник штаба эскадрильи 5-го истребительного авиаполка 9-й воздушной армии лейтенант Сурен Бабаян, летчики 55-го бомбардировочного авиаполка Ишхан Григорян, Ахурик Оганисян¹⁷, командир авиазвена Политического управления 2-го Дальневосточного фронта старший лейтенант Иван Торосян, летчик 1-го отдельного санитарного авиаполка Забайкальского фронта младший лейтенант Михаил Авджян, летчик-истребитель Военно-воздушных сил Тихоокеанского флота лейтенант Виктор Агабабов, начальник автоинспекции 11-го оборонительного строительного управления старший лейтенант Ага Агабабов¹⁸, начальник отдельных военных перевозок Управления военных коммуникаций Дальнего Востока полковник Рафаэль Мартиросян (с 1967 г. — генерал-майор), заместитель начальника Особого железнодорожного округа Дальневосточного направления полковник Арам Агабекян¹⁹, которому было присвоено звание генерал-майора железнодорожных войск, и многие другие.

¹⁵ ЦАМО РФ. Ф. 2-го Дальневосточного фронта. Оп. 1620. Д. 251. Л. 57.

¹⁶ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 7745. Л. 298.

¹⁷ ЦАМО РФ. Ф. 9-й воздушной армии. Оп. 5751. Д. 35. Л. 63–273.

¹⁸ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 687572. Д. 2306. Л. 149–150.

¹⁹ Железнодорожники в Великой Отечественной войне. М., 1985.

Таким образом, обобщая результаты нашего исследования, посвященного проблеме решающей роли Красной армии в разгроме милитаристической Японии и вкладе воинов-армян в эту победу, приходим к выводу, что в ходе Маньчжурской, Южно-Сахалинской и Курильской стратегических операций Красной армии была разгромлена японская миллионная Квантунская армия, вследствие чего ускорилось окончание Второй мировой войны. В составе Красной армии, вместе с другими представителями народов СССР, достойную лепту внесли в эту победу и несколько тысяч воинов-армян, многие из них за мужество и отвагу, проявленные в боях, были удостоены различных правительственных наград. Среди них были командующие армией, артиллерией фронта, начальник управления фронта, члены Военного совета армии, командиры дивизии, бригад, полков, батальонов, летчики, танкисты, артиллеристы, пехотинцы, связисты, саперы, медицинские работники, железнодорожники, даже женщины-зенитчицы, которые своими умелыми и героическими действиями внесли свою достойную лепту в победу в советско-японской войне.

К истории участия воинов-узбекистанцев в заключительном этапе Второй мировой войны на Дальнем Востоке

Представители Узбекистана принимали самое активное участие во всех боевых событиях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. — от приграничных сражений июня 1941 г. и героической обороны Брестской крепости до взятия Берлина и освобождения Праги. 9 мая 1945 г. закончилась война с фашизмом в Европе, однако оставался последний очаг Второй мировой войны — Дальневосточный².

С этой целью на границах СССР и Китая были развернуты три фронта — Забайкальский, 1-й и 2-й Дальневосточные, которыми командовали прославленные военачальники: маршалы Советского Союза Р. Я. Малиновский³, К. А. Мерецков⁴, генерал армии М. А. Пуркаев⁵. Общее командование и координацию действий фронтов осуществлял маршал Советского Союза А. М. Василевский⁶.

В их составе было 11 общевойсковых армий, 1 гвардейская танковая армия, Конно-механизированная советско-монгольская группа⁷,

¹ *Назаров Равшан* — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института истории АН Республики Узбекистан (Узбекистан).

² *Широкопад А. Б.* Дальневосточный финал. М., 2005; Финал: Историко-мемуарный очерк о разгроме империалистической Японии в 1945 г. М., 1969.

³ *Куценко А.* Маршалы и Адмиралы флота Советского Союза. Киев, 2007. С. 232–241; Маршалы Советского Союза. Личные дела рассказывают. М., 1996. С. 51–52.

⁴ *Мерецков К. А.* На службе народу: Страницы воспоминаний. М., 1988.

⁵ *Дьяконов А. А.* Генерал Пуркаев. Саранск, 1971. 148 с.

⁶ *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 2002; *Василевский А. М.* Разгром Квантунской армии. Хабаровск, 1968.

⁷ *Плиев И. А.* Конец Квантунской армии: Записки командующего Конно-механизированной группой советско-монгольских войск. 2-е изд. Орджоникидзе, 1969. 224 с.

3 воздушные армии, 3 армии ПВО, отдельные корпуса, в общей сложности более 1,5 млн человек, 27,1 тыс. орудий и минометов, 1152 реактивно-минометные установки, 5556 танков и самоходно-артиллерийских установок, 3,7 тыс. самолетов.

Кроме того, были привлечены силы Тихоокеанского флота, Амурской военной флотилии, Пограничные войска Забайкальского, Хабаровского и Приморского пограничных округов, а также войска Монгольской армии под руководством маршала Х. Чойбалсана⁸.

Советским войскам противостояла японская Квантунская армия в составе трех фронтов, четырех отдельных сухопутных армий, двух воздушных армий, Сунгарийской флотилии. Кроме того, командующему Квантунской армией подчинялись армии марионеточных государств Маньчжоу-Го⁹ и Мэнцзян¹⁰. В общей сложности они насчитывали около 1 млн человек, 6260 орудий и минометов, 1155 танков, 1,8 тыс. самолетов, 25 кораблей.

Боевые действия продолжались с 9 августа по 1 сентября 1945 г., отдельные группы японских военнослужащих продолжали сопротивление еще некоторое время. Потери Квантунской армии составили 84 тыс. убитых, 640 тыс. пленных, включая десятки генералов во главе с командующим — О. Ямада¹¹. Советские потери составили 12 тыс. убитых, 24,5 тыс. раненых.

220 советских частей и соединений получили почетные наименования «Амурские», «Мукденские», «Порт-Артурские», «Уссурийские», «Харбинские», «Хинганские», 92 человека удостоены звания Героя Советского Союза, тысячи — награждены орденами и медалями, в том числе сотни уроженцев Узбекистана и воинов-туркестанцев.

Генералы-туркестанцы

Старый туркестанец, бывший офицер штаба Средне-Азиатского военного округа, бывший командир 83-й Туркестанской горно-стрелковой дивизии, участник Иранской операции 1941 г., Герой Советского Союза, генерал-лейтенант *Александр Александрович Лучинский*

⁸ Цаплин Ф. С. Советско-монгольское содружество в годы Второй мировой войны. М., 1964. 84 с.

⁹ Кара-Мурза Г. С. Маньчжоу-Го — колония Японии в Маньчжурии. Чита, 1944.

¹⁰ Захарова Г. Ф. Политика Японии в Маньчжурии, 1932–1945. М., 1990.

¹¹ Тарасюк А. Как был пленен командующий Квантунской армии // Труд. 1983. 1 сент.

(1900–1990) командовал 36-й армией Забайкальского фронта. Во главе этой армии генерал А. А. Лучинский участвовал в Хингано-Мукденской наступательной операции, в ходе которой было разгромлено два японских укрепрайона, освобождены города Бухэду (Бокэту), Хайлар, Цицикар, Чжалантунь (Бутэхац), Ялу¹². По итогам операции генерал Лучинский «за умелое и мужественное руководство боевыми операциями и за достигнутые в результате этих операций успехи в боях с японскими империалистами»¹³ был награжден третьим орденом Суворова 1-й степени и ему было присвоено звание генерал-полковника. В 1953–1958 гг. генерал армии А. А. Лучинский снова служил в Средней Азии — был командующим войсками Туркестанского военного округа¹⁴. Скончался 25 декабря 1990 г. в Москве, похоронен на Новодевичьем кладбище. Среди наград генерала — 18 советских орденов (4 ордена Ленина, 4 ордена Красного Знамени, 3 ордена Суворова 1-й степени, орден Трудового Красного Знамени Узбекской ССР и др.), 4 иностранных ордена, множество медалей.

Еще один старый туркестанец, выпускник артиллерийского отделения Ташкентского военного училища, Герой Советского Союза, генерал-лейтенант *Михаил Артемьевич Парсегов* (1899–1964) во время советско-японской войны командовал артиллерией 2-го Дальневосточного фронта. В ходе боев генерал М. А. Парсегов «умело организовал артиллерийское наступление, в результате чего войска фронта успешно форсировали многоводные реки Амур и Уссури и прорвали долговременную глубоко-эшелонированную оборону японцев в Манчжурии»¹⁵ и «за умелое и мужественное руководство боевыми операциями и за достигнутые в результате этих операций успехи в боях с японскими империалистами»¹⁶ был награжден третьим орденом Суворова 2-й степени. Всего награжден 8 боевыми орденами и многими медалями. После войны генерал-полковник Парсегов командовал артиллерией ряда военных округов, в 1961–1964 гг. служил начальником факультета Военной артиллерийской академии. Скончался 27 апре-

¹² Лучинский А. А. Забайкальцы на сопках Маньчжурии // Военно-исторический журнал. 1971. № 8.

¹³ Указ Президиума Верховного Совета от 08.09.1945 // ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686046. Д. 200. Л. 47.

¹⁴ Доманк А., Габов С. Командарм: [Об А. А. Лучинском]. Ташкент, 1990.

¹⁵ Указ Президиума Верховного Совета от 08.09.1945 // ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686046. Д. 200. Л. 144.

¹⁶ Там же. Л. 48.

ля 1964 г. в Ленинграде (ныне Санкт-Петербург), похоронен на Богословском кладбище¹⁷.

Также старый туркестанец, призванный в РККА из Ташкента, гвардии генерал-лейтенант танковых войск *Федор Григорьевич Катков* (1901–1992) командовал 7-м механизированным корпусом 6-й гвардейской танковой армии Забайкальского фронта. Во время Маньчжурской операции «корпус в предельно короткие сроки преодолел огромное пространство, безводное и пустынное, на подступах к Большому Хингану, вышел неожиданно для японского командования на Маньчжурскую равнину и стремительным ударом овладел городами Туцуань, Таонань, Тайтунь и Чаньчунь»¹⁸. За успехи в борьбе с врагом был удостоен звания Героя Советского Союза¹⁹. Кроме того, награжден двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, тремя орденами Суворова 2-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, орденом Отечественной войны 1-й степени, многими медалями²⁰. После войны генерал Катков был начальником Высшей бронетанковой школы, с 1953 г. в отставке, скончался в 1992 г., похоронен в Москве.

Бывший командир взвода, роты и комиссар батальона Туркестанской стрелковой бригады, кавалер именных часов от правительства Туркестанской АССР, генерал-лейтенант авиации *Сергей Николаевич Ромазанов (Рамазанов)* (Ахметгарей Насибулович, 1901–1979) летом 1945 г. был представителем Штаба ВВС СССР в Политуправлении 1-го Дальневосточного фронта, во время разгрома Квантунской армии проводил активную политработу в авиации фронта, за что был удостоен ордена Ленина. Всего был награжден 9 боевыми орденами (два ордена Ленина, 5 орденов Красного Знамени, ордена Б. Хмельницкого 1-й степени и Суворова 2-й степени), многими медалями²¹. Скончался в 1979 г. в Москве, похоронен на Даниловском кладбище.

Бывший командир взвода и эскадрона кавалерийских частей пограничных войск Туркестана, Герой Советского Союза, *генерал-лейтенант Гани Бекинович Сафиуллин* (1905–1973) командовал

¹⁷ Великая Отечественная. Командармы. Военный биографический словарь / Под общ. ред. М. Г. Вожакина. М.; Жуковский, 2005. С. 165–167.

¹⁸ *Березняк Н. Г.* Герои Советского Союза — узбекистанцы. Ташкент, 1984. С. 145.

¹⁹ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 793756. Д. 20. Л. 385.

²⁰ Великая Отечественная: Комдивы. Военный биографический словарь. М., 2011. Т. 1. С. 591–593.

²¹ *Ромазанов С. Н.* Годы и люди // Вестник Воздушного Флота. 1955. № 12. С. 64–70.

57-м стрелковым корпусом 53-й армии Забайкальского фронта²², принял активное участие в Хингано-Мукденской операции, за что был удостоен ордена Красного Знамени²³, а корпус получил почетное название «Хинганского»²⁴. Всего генерал Г. Б. Сафиуллин удостоен 10 советских орденов (двух орденов Ленина, трех орденов Красного Знамени, двух орденов Суворова 2-й степени, двух орденов Кутузова 2-й степени, ордена Красной Звезды), многих медалей, трех зарубежных наград, автор двух книг мемуаров²⁵. С 1957 г. был в запасе, скончался в 1973 г., похоронен в Казани на Арском кладбище.

Бывший боец 4-й Туркестанской бригады, выпускник Туркестанских пехотных курсов, гвардии генерал-майор *Павел Никонович Бибииков* (1903–1985) в августе 1945 г. командовал 19-й гвардейской стрелковой дивизией (5-й гвардейский стрелковый корпус, 39-я армия, Забайкальский фронт). Во главе дивизии генерал Бибииков участвовал в Хингано-Мукденской наступательной операции. «За умелую организацию и успешное проведение боевой операции, обеспечившей разгром Солуньской группировки японских войск»²⁶ был представлен к званию Героя Советского Союза, но был награжден лишь орденом Красного Знамени. Всего награжден 10 орденами и многими медалями. После войны генерал Бибииков окончил Академию Генштаба, служил военным советником в Болгарии, командовал корпусом, возглавлял кафедру военных дисциплин Военно-медицинской академии. С 1966 г. находился в отставке. Скончался 18 марта 1985 г. в Ленинграде (ныне Санкт-Петербург), похоронен на Богословском кладбище²⁷.

Старшие офицеры

Самаркандец, полковник *Леонтий Иванович Бессмертный* служил заместителем командира 3-й стрелковой дивизии 2-й Краснознаменной армии 2-го Дальневосточного фронта, активно участвовал в боях с японскими войсками, проявляя смелость, решительность, инициати-

²² Великая Отечественная: Комкоры. Военный биографический словарь. М.; Жуковский, 2006. Т. 1. С. 498–499.

²³ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 7745. Л. 213.

²⁴ ЦАМО РФ. Ф. 409. Оп. 10057. Д. 535. Л. 83–84.

²⁵ *Сафиуллин Г. Б.* Через реки, через горы. Казань, 1973; *Он же.* Дорогами Победы. Казань, 1987.

²⁶ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 7795. Л. 8.

²⁷ Великая Отечественная: Комдивы. Военный биографический словарь. М., 2014. Т. III. С. 261–263.

ву, командовал переправой через Амур, организовал разгром противника в Хомоэргзинском и Сунучжанском укрепрайонах. Был награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны 1-й степени, медалями «За победу над Германией», «За победу над Японией» и др.²⁸

Ташкентец, подполковник *Константин Дмитриевич Меркурьев* командовал 138-м стрелковым полком 101-й стрелковой дивизии 2-го Дальневосточного фронта, участвовал в десантной операции на остров Шимушу, захватил высоту 170.1 и удерживал ее до подхода основных сил, проявив твердость и мужество. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды, Суворова 3-й степени, медалями «За победу над Германией», «За победу над Японией» и др.²⁹

Уроженец каракалпакского города Турткуль, майор *Иса Абдурахманович Косараев*, командир полка 15-й армии 2-го Дальневосточного фронта, активно участвовал в боях с частями Квантунской армии, а затем в августе 1945 г. был назначен военным комендантом китайского города Суйхуа. В течение месяца он навел порядок в городе, разгромив и разоружив значительное количество вооруженных бандформирований из остатков японских войск. Был награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени, рядом медалей («За победу над Японией» и др.).³⁰

Самаркандец, майор *Нури Якубов*, председатель Военного трибунала 40-й стрелковой дивизии 25-й армии 1-го Дальневосточного фронта, активно участвовал в боях против японских милитаристов, проводил эффективную политико-правовую работу, способствовал укреплению воинской дисциплины, был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, многими медалями («За победу над Японией» и др.).³¹

Уроженец Намангана, майор медицинской службы *Закирджан Умаров* служил главным врачом 10-го отдельного мото-понтонно-мостового батальона 2-й армии 2-го Дальневосточного фронта, обеспечивал высокую эффективность медицинской помощи раненым и больным бойцам. Был награжден орденами Красной Звезды, Отечественной

²⁸ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 687572. Д. 2383. Л. 177.

²⁹ Там же. Д. 2334. Л. 222.

³⁰ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 6542. Л. 32.

³¹ URL: <http://podvignaroda.ru/?id=1423156458&tab=navDetailManCard> (дата обращения: 20.10.2020).

войны 2-й степени, двумя медалями «За боевые заслуги», медалью «За победу над Японией» и другими наградами³².

Ташкентец, капитан 3-го ранга, старший механик 3-й бригады катеров Амурской военной флотилии *Александр Ишимбаев* участвовал во взятии городов Сахалин и Харбин, был награжден орденом Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За победу над Японией» и др.³³.

Ферганец, выпускник Ташкентского военного училища, майор *Махмуд Ахметович Гареев* (1923–2019) служил старшим помощником начальника Отделения по использованию опыта войны Оперативного отдела Штаба 5-й армии 1-го Дальневосточного фронта. За героизм, проявленный в боях с японскими войсками, в сентябре 1945 г. был награжден орденом Александра Невского³⁴, а всего в 1941–1945 гг. — 5 боевыми орденами. После войны окончил две военные академии, командовал полком, дивизией, корпусом, армией, служил в Египте и Афганистане, был заместителем начальника Генштаба Вооруженных сил СССР, генерал армии, кавалер 18 орденов и многих медалей. С 1992 г. — в отставке. Вел большую общественную работу, был президентом Академии военных наук³⁵, доктор исторических наук, автор многих научных трудов³⁶. Скончался 25 декабря 2019 г. в Москве, похоронен на Федеральном военном кладбище.

Младшие офицеры

Ферганец, капитан *Гани Абдуллаев* командовал минометной батареей, геройски отличился в боях с японцами, был награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны 1-й и 2-й степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Японией»³⁷.

Ташкентец старший лейтенант *Ахмеджан Мухмеджанович Хаджибаев* (будущий генерал-лейтенант) воевал в должности по-

³² ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 687572. Д. 2069. Л. 152.

³³ ЦВМА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1601. Л. 631.

³⁴ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 5932. Л. 244.

³⁵ Президенту Академии военных наук генералу армии М. А. Гарееву — 90 лет // Новая и новейшая история. 2013. № 4.

³⁶ *Гареев М. А.* Тактические учения и маневры. М.: Воениздат, 1977; *Он же.* Общевойсковые учения. М., 1983; *Он же.* Советская военная наука. М., 1987; *Он же.* Неоднозначные страницы войны. М., 1995; *Он же.* Сражения на военно-историческом фронте. М., 2008; и др.

³⁷ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 744088. Д. 835. Л. 158.

мощника начальника штаба 233-го стрелкового полка 97-й стрелковой дивизии 5-й армии 1-го Дальневосточного фронта. Находясь в боевых порядках пехоты, оказывал содействие командирам подразделений полка в выполнении боевых задач, лично обеспечивал своевременную доставку донесений в штаб полка, награжден орденом Отечественной войны 1-й степени³⁸. Ранее на германском фронте был награжден орденом Красной Звезды и медалями («За взятие Кенигсберга», «За боевые заслуги» и др.). После войны окончил Военную академию, служил на ответственных постах в Туркестанском военном округе, был председателем ЦК ДОСААФ Узбекистана³⁹.

Уроженец Кувинского района Ферганской области, старший лейтенант *Мирза Ахмедов*, замполит батальона 625-го стрелкового полка 221-й стрелковой дивизии 39-й армии Забайкальского фронта, активно участвовал в боях против японцев, лично возглавил группу по обезвреживанию японских диверсантов, был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени⁴⁰. Ранее был награжден также орденами Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени, медалями.

Лейтенант *Муса Адышев* (выпускник Ташкентского финансово-экономического техникума, бывший студент Средне-Азиатского государственного университета, призванный в армию в 1942 г. Кировским РВК Ташкента) служил командиром 95-й отдельной роты химической защиты (103-я стрелковая дивизия, 2-й стрелковый корпус, 36-я армия, Забайкальский фронт). Лейтенант М. Адышев принимал активное участие в форсировании реки Аргунь, преодолении горного хребта Большой Хинган, освобождении городов Сыпин, Хайлар, Цицикар, Якеши. Был награжден медалями «За боевые заслуги», «За победу над Японией» и др.⁴¹. После войны окончил геологический факультет САГУ, доктор геолого-минералогических наук, профессор, академик, президент АН Кыргызстана, заслуженный деятель науки Кыргызстана⁴².

³⁸ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 6611. Л. 428.

³⁹ *Хаджибаев А. М.* Оборонному обществу Узбекистана — 50 лет. Ташкент, 1977; *Он же.* К новым рубежам. М., 1979.

⁴⁰ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 2550. Л. 22.

⁴¹ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 687572. Д. 2594. Л. 84.

⁴² Адышев Муса Мирзапаязович // Горная энциклопедия. Т. 1. М., 1984. С. 48–49.

Сержанты и старшины

Андижанец, гвардии старшина *Юсуп Маматкулов*, командир расчета минометной батареи 309-го стрелкового полка 109-й стрелковой дивизии Забайкальского фронта, был старым, опытным бойцом, он воевал с 1941 г., участвовал в битве за Кавказ, освобождении Украины, Молдавии, Румынии, Венгрии, Югославии, Австрии, Чехословакии, к августу 1945 г. был уже награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени, многими медалями — «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За освобождение Белграда», «За взятие Вены», «За взятие Будапешта». За героизм в боях с японцами был представлен к званию Героя Советского Союза, но штабисты снизили награду до ордена Красного Знамени⁴³.

Маргеланец, гвардии старшина *Мулла-Ахмед Каримов* воевал в должности помощника командира взвода 456-го самоходно-артиллерийского дивизиона 59-й стрелковой дивизии 1-й армии 1-го Дальневосточного фронта. При нападении на штаб дивизии группы японцев-смертников лично уничтожил трех солдат противника, был награжден второй медалью «За боевые заслуги»⁴⁴.

Маргеланец, гвардии старшина *Махмуд Ахмедов* служил помощником командира артиллерийской батареи 1049-го стрелкового полка 300-й стрелковой дивизии 1-й армии 1-го Дальневосточного фронта, отличился в боях против японских войск, в одном бою ликвидировал 5 солдат противника и предотвратил подрыв орудий. Награжден орденом Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степени, медалями⁴⁵.

Уроженец Бухары, старшина *Юлдаш Иргашев* служил командиром отделения в 365-й стрелковой дивизии 1-й армии 1-го Дальневосточного фронта. За активное участие в разгроме японских войск был награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени, медалями⁴⁶.

Ташкентец, старший сержант *Юнус Юсупов* командовал отделением мотобатальона автоматчиков 75-й танковой бригады 1-й армии 1-го Дальневосточного фронта. В бою у станции Машанчжянь лично уничтожил двух солдат противника, у станции Чушань — еще шесть сол-

⁴³ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 6449. Л. 52–54.

⁴⁴ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 687572. Д. 2788. Л. 292.

⁴⁵ Там же. Д. 2019. Л. 34.

⁴⁶ Там же. Д. 2322. Л. 195.

дат. Был награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени, медалями⁴⁷.

Андижанец, сержант *Мамад Арзыкулов*, командир отделения 69-го стрелкового полка 97-й стрелковой дивизии 5-й армии 1-го Дальневосточного фронта, отличился в боях с японскими смертниками-камикадзе у китайского города Муллин, за что был удостоен ордена Красной Звезды⁴⁸.

Каршинец, гвардии старший сержант *Темир Хидиров* командовал бронемашинной в разведоте 31-й гвардейской механизированной бригады 9-го гвардейского мехкорпуса 6-й гвардейской танковой армии Забайкальского фронта. Он был уже опытным бойцом, поскольку воевал с 1941 г., к августу 1945 г. был уже награжден тремя боевыми орденами (Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени, Славы 3-й степени) и многими медалями («За отвагу», «За оборону Сталинграда», «За освобождение Праги» и др.). В боях с японскими милитаристами отличился при форсировании реки Синхэ и взятии города Дайрен. Был представлен к званию Героя Советского Союза, но высшее командование ограничилось лишь орденом Славы 2-й степени⁴⁹.

Кокандец, старший сержант *Азиз Ахмеджанов* командовал орудием 3-й батареи 828-го артиллерийского полка 298-й стрелковой дивизии Забайкальского фронта. В бою с японцами у города Чжайлайнон выкатил орудие на прямую наводку, подавив несколько огневых точек противника, чем обеспечил успех наступления пехоты. Награжден медалями «За отвагу» и «За победу над Японией»⁵⁰.

Самаркандец, старший торпедист подводной лодки Щ-137 Тихоокеанского флота, главный старшина *Билол Кудратов* отличился в боях против японского флота при освобождении Южного Сахалина, Курильских островов, побережья Китая и Кореи, был награжден медалями Ушакова, Нахимова и «За победу над Японией»⁵¹.

Уроженец Нарпайского района Самаркандской области, младший сержант *Очил Худойбердиев*, командир отделения связи 308-го артиллерийского полка 144-й стрелковой дивизии 5-й армии 1-го Дальневосточного фронта, отличился в боях у китайского города

⁴⁷ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 6446. Л. 13.

⁴⁸ Там же. Д. 2194. Л. 341.

⁴⁹ Там же. Д. 6716. Л. 360.

⁵⁰ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 687572. Д. 2562. Л. 85.

⁵¹ ЦВМА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1551. Л. 136.

Мудоньцянь, под артиллерийским и пулеметным огнем противника обеспечивая непрерывную связь батарей со штабом полка. В бою также уничтожил двух солдат противника. Был награжден вторым орденом Красной Звезды. Ранее был также награжден орденом Красной Звезды и медалями («За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Москвы» и др.)⁵².

Солдаты и матросы

Уроженец Чустского района Наманганской области, ефрейтор *Бекназар Норматов*, снайпер 4-го батальона 113-й отдельной стрелковой бригады 16-й армии 2-го Дальневосточного фронта, в бою за освобождение Южного Сахалина уничтожил гранатометный расчет и двух снайперов противника, за что был удостоен ордена Красной Звезды, а также медалей⁵³.

Сырдарынец, ефрейтор *Мамад Бакиров*, кавалерист 145-го кавалерийского полка 84-й кавалерийской дивизии 1-го Дальневосточного фронта, отличился в боях под городом Муданьцянь, был ранен, награжден медалями «За боевые заслуги» и «За победу над Японией»⁵⁴.

Самаркандец, старший комендор зенитной батареи фрегата ЭК-9 бригады фрегатов Тихоокеанского флота *Атакул Худояров* участвовал в боях с японским флотом и авиацией, лично подбил несколько самолетов противника, был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями — Нахимова и «За победу над Японией»⁵⁵.

Уроженец Кувинского района Ферганской области, гвардии старший матрос Тихоокеанского флота *Абдували Абдурахимов* за активное участие в борьбе против японского флота и высадке морского десанта был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями — «За боевые заслуги» и «За победу над Японией»⁵⁶.

Призванный на военную службу Гурленским райвоенкоматом Хорезмской области *Ан Сен Гын* (этнический кореец) служил разведчиком в Разведотделе Штаба 1-го Дальневосточного фронта, выполнил

⁵² ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 6331. Л. 282.

⁵³ Там же. Д. 7793. Л. 104.

⁵⁴ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 744088. Д. 1306. Л. 132.

⁵⁵ ЦВМА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1567. Л. 626.

⁵⁶ URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=1268725840&tab=navDetailManCard> (дата обращения: 20.08.2020).

ряд разведывательных заданий близ городов Хойрен, Тумынь, Онсен, был удостоен ордена Славы 3-й степени, медалей «За победу над Германией», «За победу над Японией» и др.⁵⁷.

Женщины Узбекистана

В боях против японских милитаристов отличились и были награждены не только сыновья, но и дочери солнечного Узбекистана, в основном — военные медики. Среди них можно назвать таких офицеров медицинской службы, как:

- капитан *Сания Фаризова* — уроженка Термеза, врач Отдельного батальона 231-й стрелковой дивизии 1-й Краснознаменной армии 1-го Дальневосточного фронта, награждена орденами Красной Звезды, Отечественной войны 1-й степени, медалями⁵⁸,
- капитан *Юлия Горская* — уроженка Ташкента, врач Эвакогоспиталя № 313, награждена орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За победу над Японией»⁵⁹,
- капитан *Вера Шеффер* — уроженка Самарканда, врач госпиталя № 1041 1-го Дальневосточного фронта, награждена орденом Красной Звезды, медалями⁶⁰,
- старший лейтенант *Аза Панькова* — уроженка Ферганы, старшая медсестра 62-го отдельного медсанбата 39-й стрелковой дивизии 1-й Краснознаменной армии 1-го Дальневосточного фронта, награждена орденами Красной Звезды, Отечественной войны 1-й степени, медалями⁶¹,
- старший лейтенант *Галина Шимолина* — уроженка Ташкента, врач 30-го ХППГ (Хирургического подвижно-полевого госпиталя) Забайкальского фронта, награждена орденами Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды, медалями⁶²,
- лейтенант *Анастасия Шеина* — уроженка Ташкента, старшая медсестра 329-го отдельного медсанбата 275-й стрелковой

⁵⁷ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 6420. Л. 68.

⁵⁸ Там же. Д. 6666. Л. 136.

⁵⁹ Там же. Д. 7785. Л. 303.

⁶⁰ Там же. Д. 7391. Л. 166.

⁶¹ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 687572. Д. 2870. Л. 111.

⁶² ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 7796. Л. 138.

дивизии 2-го отдельного стрелкового корпуса 36-й армии Забайкальского фронта, награждена орденом Красной Звезды, медалями⁶³,

- лейтенант *Хакима Уракбекова* — уроженка Ташкента, старшая медсестра 351-го отдельного медсанбата 393-й стрелковой дивизии 25-й армии 1-го Дальневосточного фронта, награждена орденом Отечественной войны, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Японией» и др⁶⁴.

Таким образом, уроженцы Узбекистана и воины-туркестанцы героически проявили себя на всех этапах войны, включая ее заключительный этап, связанный с разгромом японских войск на Дальнем Востоке, освобождением оккупированных территорий — Южного Сахалина, Курильских островов, территории Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) и Северной Кореи. Узбекистанцы — солдаты, матросы, сержанты, офицеры, генералы — со всей ответственностью и доблестью выполнили свой воинский долг.

⁶³ Там же. Д. 6438. Л. 143.

⁶⁴ Там же. Д. 7662. Л. 241.

*А. А. Бондаренко,
А. А. Пчелинов-Образумов¹*

«Настала пора обуздать агрессора на востоке...»: Белгородчина и советско-японская война 1945 г.

Советско-японская война (09.08–02.09.1945) — важнейшая составная часть и завершающий эпизод Второй мировой войны, позволивший разгромить последнюю державу-агрессора и положивший конец военным действиям в Азии. За ходом боевых операций Красной армии на Дальнем Востоке пристально следили во всех уголках Советского Союза. Не была исключением и Белгородчина. На страницах районных газет регулярно публиковались материалы о военных действиях советских войск против японской армии. Уроженцы современной Белгородской области также участвовали в войне с милитаристской Японией.

Источниковую базу статьи составили газеты «Белгородская правда» — орган Белгородский райкома, горкома ВКП(б), райсовета и горсовета депутатов трудящихся, «Путь Октября» — орган Старооскольского райкома ВКП(б) и райсовета депутатов трудящихся, «Пламя» — орган Шебекинского райкома ВКП(б) и райсовета депутатов трудящихся, документы фондов Центрального архива Министерства обороны — 33 «Главное Управление кадров Народного комиссариата обороны» и 58 «Центральное бюро по персональному учету потерь личного состава действующей армии».

Белгородская область была образована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 января 1954 г. В 1945 г. ее территория

¹ *Бондаренко Алексей Александрович* — директор ОГКУ «Государственный архив Белгородской области»; *Пчелинов-Образумов Александр Александрович* — кандидат исторических наук, главный специалист отдела использования архивных документов ОГКУ «Государственный архив Белгородской области».

входила в состав Курской и Воронежской областей. Белгород и Белгородский район, Старый Оскол и Старооскольский район, город Шебекино и Шебекинский район в рассматриваемый период относились к Курской области.

10 августа 1945 г. в газете «Белгородская правда» было опубликовано «Заявление Советского правительства правительству Японии» от 8 августа, в котором сообщалось, что с 9 августа СССР находился в состоянии войны с Японией. Ниже были напечатаны «Заявление В. М. Молотова послан Великобритании, Соединенным Штатам Америки и Китая» (народный комиссар иностранных дел СССР информировал представителей союзных держав об объявлении Советским Союзом войны Японии) и оперативная сводка Советского информационного бюро за 9 августа 1945 г. Начиная с этого времени на страницах газеты регулярно печатались материалы Совинформбюро о боевых действиях на Дальнем Востоке².

12 августа 1945 г. аналогичные материалы появились в газетах «Пламя» Шебекинского района и города Шебекино и «Путь Октября» Старооскольского района. Поскольку советско-японская война шла уже четвертый день, в номере «Пламени» были напечатаны 2 сводки Совинформбюро (за 9 и 10 августа) и 2 сообщения ТАСС от 10 августа (об объявлении войны Японии Монгольской Народной Республикой и о заявлении японского правительства советскому послу в Токио о готовности принять условия Декларации союзников от 26 июля 1945 г.), в «Пути Октября», помимо этого, заявление британского правительства и телеграмма Чан Кайши И. В. Сталину в связи с началом СССР боевых действий на Дальнем Востоке³.

Всего за время советско-японской войны в «Белгородской правде» было опубликовано 8 сводок Совинформбюро (за 9, 10, 13, 15, 17, 18, 20, 23 августа), столько же в «Пути Октября» (за 9, 11, 12, 17, 21, 31 августа, 3–4 и 9 сентября), а в «Пламени» 6 (за 9, 10, 14, 17, 21 августа и 2 сентября). Кроме того, в газетах публиковалась информация Генерального штаба (разъяснение Генштаба о капитуляции Японии, о назначении генерал-лейтенанта К. Н. Деревянко представителем СССР в штаб генерала Макартура в Маниле), приказы верховного главнокомандующего (например, приказ от 23 августа 1945 г. об объявле-

² Белгородская правда. 10.08.1945. № 92 (305). С. 1.

³ Пламя. 12.08.1945. № 55 (2616). С. 1; Путь Октября. 12.08.1945. № 58 (3596). С. 1.

нии благодарности советским войскам на Дальнем Востоке), сообщения ТАСС о боевых действиях («Первые встречи с врагом» о действиях Краснознаменной Амурской флотилии, «Героический подвиг летчика-тихоокеанца Михаила Янко», «Салют Победы»), международные обзоры, аналитическая справка о Японии (чтобы читатели могли составить представление о противнике).

В номере «Белгородской правды» от 10 августа на первой странице номера под общим заголовком «Японский агрессор будет разгромлен: трудящиеся Белгорода единодушно одобряют решение Советского правительства» были размещены сообщения о прошедших 9 августа 1945 г. на предприятиях и в организациях Белгорода митингах в связи с началом войны с милитаристской Японией: «Сталин — это победа», «Прочная основа всеобщей безопасности», «Поможем нашим фронтовикам», «За светлое будущее», «С честью выполним свой долг». Директор белгородской мельницы № 16 Уточкин писал: «Как только радио принесло весть о включении Советского Союза в войну против Японии, в ночной смене мельницы № 16 состоялся митинг. Выступившая на митинге стахановка тов. Богданова сказала: “Под руководством товарища Сталина советский народ одержал победу в войне против фашистской Германии. Под руководством товарища Сталина мы выйдем победителями и в войне против японского агрессора. Будем же в дни великих сражений работать за троих, ибо в силе нашей страны — залог прочного мира. Я даю слово работать еще лучше и призываю всех последовать моему примеру”. Коллектив горячо поддержал предложение стахановки и взял на себя обязательство еще энергичнее восстанавливать свое родное предприятие, увеличить выпуск продукции»⁴.

Работники Белгородского энергоучастка с большим одобрением встретили заявление правительства СССР. Секретарь парторганизации Минюхин заявил на митинге: «Настало время обуздать агрессора на востоке. Пусть Япония, которая отказалась от безоговорочной капитуляции, берет на себя ответственность за последствия развязанной ею войны. Красная Армия — Армия-победительница под руководством товарища Сталина сумеет поставить на колени Японию. Наш долг еще выше поднять знамя социалистического соревнования и досрочным выполнением производственных заданий помочь родной Красной Армии в великом сражении». Аналогичные резолюции приняли

⁴ Белгородская правда. 10.08.1945. № 92 (305). С. 1.

белгородские железнодорожники. Колхозники Белгородского района также обещали «работать по-боевому». Так, звеньевая колхоза «Путь к социализму» Никольского сельсовета П. В. Рынзина заявляла: «Теперь, когда Красная Армия вступила в решительный бой с фашистской Японией, мы обещаем Родине трудиться еще лучше»⁵.

После передачи по радио сообщения о начале войне с Японией митинги прошли на предприятиях и в организациях города Шебекино и Шебекинского района. Перед рабочими шебекинского кирпичного завода выступил инвалид Великой Отечественной войны Лупандин: «Японцы поступают так же, как действовали немцы. У них та же натура и те же волчьи повадки. На протяжении многих лет они бряцают оружием, угрожая мирной жизни не только нашего, но и других миролюбивых народов мира. Красная Армия в борьбе с немецко-фашистскими извергами покрыла неувядаемой славой свои боевые знамена. В войне с Японией она преумножит свои боевые подвиги. Я три года воевал с немецкими фашистами, сейчас работаю на заводе. Призываю всех рабочих-кирпичников встать на сталинскую вахту в честь скорейшей победы над империалистической Японией». Его призыв был подхвачен, на следующий день (10 августа) было выработано сверх плана на 1,5 тыс. кирпичей больше плана, 11 августа — на 3,2 тыс. Трактористы, звеньевые, рабочие отделений сахарного комбината «Профинтерн» также заявили: «Надо быстро ликвидировать последний очаг войны и установить прочный мир во всем мире. А мы здесь дружной работой поможем нашей родной Красной Армии». В эти дни в одном из хозяйств сахкомбината звено Евдокии Мирошниченко досрочно закончило уборку урожая на своем участке. «Это мой вклад в дело победы над японским агрессором», — заявила звеньевая⁶.

Необходимо отметить, что информация о подобного рода мероприятиях и реакции населения в Старом Осколе и Старооскольском районе на начало советско-японской войны в газете «Путь Октября» не публиковалась.

На протяжении войны в районных газетах появлялись сообщения об откликах жителей Белгородчины на ход военных действий. В номере «Пламени» от 30 августа был опубликован ряд заметок «Высокой производительностью на уборке ответим героям Дальнего Востока». «Успешным проведением уборки урожая отвечают колхозники и кол-

⁵ Там же. С. 1, 2.

⁶ Пламя. 16.08.1945. № 56 (2617). С. 1.

хозяйницы на приказ Верховного Главнокомандующего Советского Союза товарища Сталина о победе войск Красной Армии на Дальнем Востоке», — отмечалось в газете. «В ответ на победы Красной Армии на Дальнем Востоке колхозники сельхозартели «Обновленная земля» Старотаволжанского сельсовета поставили перед собой задачу досрочно выполнить государственный план хлебосдачи и сдать натурплату за работы МТС. Для бесперебойной вывозки зерна на заготовительный пункт в колхозе создана постоянная транспортная бригада», — писал колхозник Д. Маслов. «Услышав о победе Красной Армии в Японии, звено В. Сергиенко обязалось досрочно, без потерь срезать высадки на своем участке», — сообщал секретарь парторганизации сахарного комбината имени Буденного в селе Ржевка Ф. Кузнецов⁷.

В своей заметке, опубликованной в газете «Пламя» 2 сентября, председатель Титовского сельского совета (с 1960 г. его территория входит в черту города Шебекино) Полякова отмечала: «Теперь, когда победоносно завершена война с гитлеровской Германией и раздавлен очаг агрессии на Дальнем Востоке, перед нами стоит задача своим неустанным трудом, своевременным выполнением обязательств перед государством скорее восстановить хозяйство, больше укрепить военно-экономическую мощь нашей социалистической Родины, сделать нашу страну еще сильнее и краше»⁸.

2 сентября 1945 г. работники Шебекинского машиностроительного завода слушали по радио выступление И. В. Сталина в связи с капитуляцией Японии. «Да, мы победили врага, потому что не жалели сил и труда. Теперь наша задача не пожалеть сил и труда, чтобы скорее залечить раны, нанесенные нашей любимой Родине», — заявили рабочие. Они обещали с 4 сентября стать на сталинскую вахту и увеличить производительность труда⁹.

Утром 3 сентября 1945 г. в Белгороде на площади Революции состоялся общегородской митинг в честь победы над милитаристской Японией. В нем приняло участие свыше 10 тыс. человек. На площади играл духовой оркестр. Митинг открыла первый секретарь горкома ВКП(б) Уланова: «Япония подписала акт безоговорочной капитуляции. Наступил долгожданный мир во всем мире. От имени горкома партии и исполкома городского Совета депутатов трудящихся

⁷ Пламя. 30.08.1945. № 60 (2621). С. 2.

⁸ Пламя. 02.09.1945. № 61 (2622). С. 2.

⁹ Пламя. 06.09.1945. № 63 (2624). С. 2.

поздравляю вас с великой победой. Слава героической Красной Армии, отстоявшей честь, свободу и независимость нашей Родины! Слава великому русскому народу — народу победителю! Слава великому Сталину! Ура!» После этого оркестр исполнил гимн Советского Союза. На мероприятии выступали секретарь горкома ВЛКСМ Окладной, представитель размещавшейся в Белгороде «Н-ской воинской части» капитан Богачев, делегаты от предприятий и организаций города. Так, стахановец-паровозник Миронов отметил: «Красная Армия под руководством товарища Сталина одержала замечательную победу над японскими самураями. Железнодорожники Белгородского узла делали все для того, чтобы обеспечить Красную Армию всем необходимым. Теперь, когда война закончилась, наш святой долг не успокаиваться на достигнутых успехах. Мы должны изо дня в день повышать производительность труда». Участники митинга решили направить приветственное письмо И. В. Сталину. Народные гуляния продолжались в Белгороде до позднего вечера. В колхозах работа 3 сентября не прекращалась. Так, в колхозе имени 18-го партсъезда Добровольческого сельсовета Белгородского района «решили отметить День победы высокой производительностью труда». В колхозе «Красный рабочий» Краснянского сельсовета «в честь победы над японскими самураями бригада сделала три рейса и вывезла на живом тягле 48 центнеров отборного зерна»¹⁰.

На первой странице «Пламени» от 3 сентября 1945 г. было размещено «Обращение тов. И. В. Сталина к народу» (от 2 сентября) вместе с фотографией руководителя государства. В этом же номере опубликовали сообщение о безоговорочной капитуляции Японии и Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 сентября 1945 г. «Об объявлении 3 сентября Праздником Победы над Японией». «Народным ликованием встретили трудящиеся нашего района сообщение о безоговорочной капитуляции Японии. Красная Армия одержала еще одну историческую победу — избавила нашу Родину от угрозы агрессии на востоке», — сообщалось в номере газеты. Многолюдные митинги прошли на заводах, в совхозах и колхозах. Звеньевая совхоза сахкомбината «Профинтерн» Линникова заявила: «Красная Армия заставила агрессивную Японию сложить оружие. Слава нашей Красной Армии! Слава творцу побед Генералиссимусу Сталину! Красная Армия завоевала

¹⁰ Белгородская правда. 06.09.1945. № 103 (316). С. 1.

нам право на мирный труд. Это право мы оправдаем — будем трудиться еще больше и лучше». Радостную весть о победе колхозники сельхозартели «13 лет РККА» Кошлаковского сельсовета услышали во время молотьбы. Прямо на поле состоялся короткий митинг: «Великое колхозное спасибо нашему отцу товарищу Сталину. Он, родной, позаботился, чтобы мы спокойно трудились, жили счастливо и зажиточно. В честь доблестной Красной Армии пошлем красный обоз с хлебом государству»¹¹.

Так же встретили радостное известие и в других местах Шебекинского района. Весть о победе над Японией взволновала всех членов колхоза «Веселая жизнь» Маломихайловского сельсовета. О митинге никто специально не оповещал, народ сам собрался во дворе правления колхоза. Люди радовались, поздравляли друг друга с победой. На вопрос председателя колхоза Мирошниченко «Чем ответим мы на победу воинов-дальневосточников?», собравшиеся предложили: «Красным обозом с хлебом государству». В этот же день колхозники сдали почти 10 тонн зерна. С подобной инициативой выступили колхозники сельхозартели имени Горького Репинского сельсовета и «Красный партизан» Вознесенского сельсовета. В другом колхозе Вознесенского сельсовета — «Спартак» обещали досрочно закончить сев озимых и рассчитаться по хлебопоставкам с государством и по натуроплате за работу машинно-тракторной станции. Колхозники сельхозартели «Новая жизнь» Муромского сельсовета на митинге заявляли: «Красная Армия одержала новую историческую победу. Мы в долгу перед родными воинами не останемся. Обязуемся все уборочные работы и хлебосдачу закончить к 20 сентября»¹².

Массовые митинги, посвященные победе над милитаристской Японией, прошли по колхозам, совхозам, предприятиям и учреждениям Старооскольского района. Газета «Путь Октября» сообщала, что 2 и 3 сентября колхозы сдали государству 376 тонн хлеба: «Красными обозами ознакомили колхозы района победу нашей страны над империалистической Японией и вторую годовщину освобождения Курской области от немецких захватчиков». Члены сельхозартели имени 11 года Октября провели воскресник по вывозке зерна государству «во имя победы нашей страны над японским империализмом» и сдали

¹¹ Пламя. 03.09.1945. № 62 (2623). С. 2.

¹² Пламя. 06.09.1945. № 63 (2624). С. 2.

139 центнеров зерна. Стахановец-косарь колхоза «Байкал» Гуменского сельсовета А. И. Поддубный, выступая на общем собрании, заявил: «Великая победа нашей героической Красной Армии над японскими самураями воодушевляет нас на новые достижения. На обращение нашего полководца тов. Сталина мы должны ответить ударной работой на полях»¹³

В советско-японской войне, конечно же, принимали участие воины-белгородцы. Одним из них был уроженец села Салтыково (ныне оно находится в черте города Губкина) Илья Алексеевич Хворостянов. С июня 1939 г. он служил в Амурской военной флотилии. К началу войны с Японией капитан-лейтенант Хворостянов был командиром отдельного отряда речных бронекатеров. Илья Алексеевич лично руководил серией десантных и набеговых операций отряда в период с 9 по 14 августа 1945 г. на озере Ханка. В районе Юнфандунь отряд разгромил штаб японской комендатуры, уничтожил 2 японских сторожевых речных катера, укрепленные позиции японцев и захватил боевое знамя. Совместно с пограничниками капитан-лейтенант И. А. Хворостянов успешно высадил армейский десант, овладевший этим населенным пунктом. В этих боях отряд Хворостянова разгромил 3 укрепленных пограничных пикета, захватил 25 быстроходных десантных барж, уничтожил много боевой техники и живой силы противника. Отдельному отряду бронекатеров было присвоено наименование «Ханкайский» и вручен орден Нахимова 2-й степени. За августовские бои с японцами Хворостянов был награжден двумя орденами Красного Знамени и медалью «За боевые заслуги». А Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 сентября 1945 г. капитан-лейтенанту Илье Алексеевичу Хворостянинову было присвоено звание Героя Советского Союза¹⁴.

В войне участвовал и уроженец села Мазикино Корочанского района — Герой Советского Союза (этого звания он удостоился в марте 1945 г.), гвардии капитан Егор Иванович Мазикин. Летом 1945 г. его часть в составе 5-й армии была передислоцирована на 1-й Дальневосточный фронт. С 8 августа Егор Иванович в должности командира батальона участвовал в Маньчжурской наступательной операции (9 августа — 2 сентября 1945 г.), в том числе в боях за город Муданьцзян. Отличился 25 августа 1945 г. Наступая на город Гирин, в районе высоты 471.0 (10 км юго-западнее города Дунцзинчэн), батальон гвардии

¹³ Путь Октября. 06.09.1945. № 65 (3603). С. 1; 09.09.1945. № 66 (3604). С. 1.

¹⁴ Герои-белгородцы. Воронеж, 1974. С. 244–245.

капитана Е. И. Мазикина встретился с многочисленной группой противника. На предложение сложить оружие японцы ответили огнем. В результате тяжелого боя батальона Е. И. Мазикина и других частей дивизии группа противника численностью 4050 человек была окружена, было уничтожено 30 японских солдат, остальные взяты в плен. За отличие в боях с японцами гвардии капитан Е. И. Мазикин был награжден орденом Красного Знамени¹⁵.

Принимал участие в боях с японцами и другой наш знатный земляк — Иван Иванович Кожемякин, уроженец Белгородского района, получивший звание Героя Советского Союза еще за участие в Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. В апреле 1945 г. полковник И. И. Кожемякин был направлен в штаб 12-й воздушной армии Забайкальского фронта, а затем был назначен представителем штаба армии при главнокомандующем Монгольской народно-революционной армии Х. Чойбалсане. В августе 1945 г. он обеспечивал поддержку с воздуха конно-механизированной группы генерала И. А. Плиева в Хинганно-Мукденской операции. В его наградном листе отмечалось: «За все время боевых действий тов. Кожемякин относился к выполнению своих обязанностей исключительно добросовестно. Своевременно организовывал вылеты авиации по требованию командования, а также перебазирование ее на новые аэродромы. Лично отыскивал пригодные площадки для посадки авиации в исключительно трудных условиях горной местности». За успешные действия против японцев И. И. Кожемякин был представлен к ордену Красного Знамени, однако 3 сентября 1945 г. был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени¹⁶.

В боевых действиях против милитаристской Японии участвовали уроженцы Шебекинского района — Николай Михайлович Заика, Стефан Дмитриевич Матлашев, Кузьма Арсеньевич Шаповалов, Александр Егорович Образунов.

Так, старший лейтенант Николай Михайлович Заика, командир истребительной авиаэскадрильи, лично произвел 3 боевых вылета, участвовал в ведении разведки в глубоком тылу противника и налете на железнодорожный узел, уничтожил вражеский паровоз и вагон. 28 августа 1945 г. летчик был награжден орденом Красной Звезды¹⁷.

¹⁵ Мазикин Егор Иванович // Герои страны. URL: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=16232 (дата обращения: 04.08.2020).

¹⁶ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 687572. Д. 1715. Л. 257.

¹⁷ Там же. Д. 2308. Л. 45.

Младший сержант, моторист копра (специальной машины для подъема и установки свай) 16-го отдельного парка инженерных машин Стефан Дмитриевич Матлашев в период подготовки войны участвовал в наведении мостов, а во время боевых действий — в буксировке техники. 5 октября 1945 г. он был награжден медалью «За боевые заслуги». Но 23 ноября 1945 г. он умер от брюшного тифа в эвакуационном пункте № 96 в Спасском районе Уссурийской области¹⁸.

В составе 9-й штурмовой инженерно-саперной Новгородской Краснознаменной бригады участвовал в войне с милитаристской Японией капитан Александр Сильвестрович Стеценко. Впоследствии он стал историком и краеведом, вел большую военно-патриотическую работу среди учащихся Белгорода, участвовал в создании музеев боевой славы в школах № 25 и 32. Личный фонд А. С. Стеценко хранится в Государственном архиве Белгородской области.

Среди участников советско-японской войны выдающийся ученый, много лет проработавший в нынешнем Белгородском технологическом университете, — Юрий Юлианович Вейнгольд, воевавший в августе 1945 г. в составе войск 1-го Дальневосточного фронта.

В боевых действиях с японцами принимал участие Петр Григорьевич Коняев (ученый, ректор Белгородского государственного педагогического института имени М. С. Ольминского в 1974–1986 гг., советник при ректоре НИУ «БелГУ»).

Этим, безусловно, не исчерпывается список белгородцев, участвовавших в советско-японской войне. Но их точное количество на данный момент неизвестно.

Таким образом, на страницах периодических изданий Белгородского («Белгородская правда»), Шебекинского («Пламя») Старооскольского («Путь Октября») районов регулярно освещались события советско-японской войны. На страницах районной периодики регулярно публиковались оперативные сводки Совинформбюро, официальные новостные сообщения ТАСС, международные обзоры, в которых содержались сведения о ходе боевых действий на Дальнем Востоке. «Белгородская правда» и «Пламя» уделяли большое внимание освещению реакции местных жителей и мероприятий, посвященных войне (митинги, собрания, трудовые обязательства). Особенно это было характерно в начале и конце военного конфликта.

¹⁸ ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 18004. Д. 19; Ф. 33. Оп. 686196. Д. 6914. Л. 236.

Газета «Путь Октября» в гораздо меньшей степени освещала подобные мероприятия.

За участие в боевых действиях на Дальнем Востоке был удостоен звания Героя Советского Союза уроженец современного Губкинского городского округа Белгородской области — Илья Алексеевич Хворостянов. В разгроме милитаристской Японии принимали участие еще два Героя Советского Союза — Иван Иванович Кожемякин и Егор Иванович Мазикин. Точное количество белгородцев, участвовавших в Советско-японской войне, на данный момент неизвестно.

Гуманитарные аспекты советско-японской войны: японские военнопленные в СССР

В XX в. Россия и Япония воевали между собой чаще, чем другие страны: Русско-японская война (1904–1905 гг.), интервенция японских войск в Сибирь и на Дальний Восток (1918–1922 гг.), военный конфликт на озере Хасан (1938 г.), необъявленная война на реке Халхин-Гол (1939 г.), сотни вооруженных приграничных инцидентов в конце 1930-х — начале 1940-х гг. И, наконец, советско-японская война (август 1945 г.) — одна из самых молниеносных в военной истории, последствия которой мы остро ощущаем и в наши дни.

Сегодня большая часть историков в нашей стране рассматривают это событие как составную часть Второй мировой, другие — как продолжение Отечественной, о чем порой разворачиваются острые дискуссии в российской прессе и в кругах военных историков. Однако до сих пор между нашими странами не подписан мирный договор по итогам этой войны. Наиболее серьезным препятствием для его заключения стали две основных проблемы послевоенного урегулирования. Речь идет о территориальном споре между нашими странами, а также о несоблюдении бывшим СССР ряда важных правовых норм в отношении бывших военнопленных Квантунской армии, плененных советскими войсками на территории Маньчжурии и вывезенных на принудительные работы в СССР.

Судьбы этих людей нередко становились не только камнем преткновения в контактах между двумя нашими государствами, но и пред-

¹ Катасонова Елена Леонидовна — руководитель Центра японских исследований Института Востоковедения РАН, кандидат филологических и доктор исторических наук, член Президиума Российской ассоциации японоведов, профессор Государственного академического гуманитарного университета РАН (г. Москва).

метом многочисленных политических столкновений между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции — СССР и США на международной арене. Достаточно напомнить о многочисленных словесных баталиях в Союзном совете о Японии и напряженных дискуссиях в ООН и его Специальной комиссии по военнопленным и т. д. Суть их сводилась в основном к обвинению советской стороны в негуманном обращении с японскими военнопленными в советских лагерях: плохих условиях их труда и быта, высокой смертности, неправомерном судебном преследовании, сознательном затягивании сроков репатриации на родину и т. д. И хотя некоторые из этих заявлений имели под собой реальные основания, значительная часть этих акций носила характер чисто политических демаршей в условиях уже начинавшейся в те годы холодной войны двух систем.

Практическое же решение вопросов, связанных с пребыванием японских военнопленных в советских лагерях и их репатриацией на родину, стало предметом переговоров между СССР и Японией сначала на уровне организаций Красного Креста двух стран, а впоследствии государственных органов и глав правительств. Я имею в виду советско-японские переговоры 1955–1956 гг., ставившие своей целью заключение мирного договора между двумя странами, но завершившиеся, как известно, подписанием Совместной советско-японской декларации о прекращении состояния войны и восстановлении дипломатических отношений.

В 5-й статье этого документа было зафиксировано обязательство советских властей освободить и репатриировать на родину последнюю партию японских военнопленных, отбывавших наказание в СССР. А также выражалась готовность по просьбе Японии продолжить работу по выявлению сведений о японцах, судьба которых оставалась неизвестной². Все же остальные вопросы военного плена по существу просто «выпали» из повестки дня межгосударственных переговоров. А по существу, «принесены в жертву» обсуждению путей решений территориальной проблемы, что уже тогда стало основным требованием японской стороны для заключения мирного договора. Но, как известно, ни одна из этих задач так и не была достигнута в полной мере, после чего в Советском Союзе на все материалы, связанные с военным пленом, впрочем, так же как и с территориальным размежеванием, был поставлен гриф «совершенно секретно». А в Японии тем временем

² Советско-японская совместная декларация от 19.10.1956 // Известия. 20.10.1956.

нарастала борьба бывших узников советских лагерей за свои права, что вскоре стало целенаправленно использоваться официальными кругами в Японии для нагнетания негативных общественных настроений в отношении нашей страны.

К обсуждению этой проблемы представители двух государств вернулись лишь в апреле 1991 г. во время визита в Японию бывшего президента СССР М.С. Горбачева. Тогда впервые за долгие годы японской стороне были переданы списки на 27 800 японцев, умерших и захороненных на территории СССР, а их родственникам было выражено сочувствие и дано разрешение на посещение этих захоронений. Но, пожалуй, одним из главных итогов визита стало подписание межгосударственного Соглашения о лицах, находящихся в лагерях для военнопленных³. В том же году в общем потоке развернувшейся в нашей стране реабилитации жертв политических репрессий начался процесс пересмотра судебных решений в отношении граждан Японии, незаконно осужденных во время нахождения в советском плену. Все эти гуманитарные акции были в дальнейшем продолжены и развиты Российской Федерацией, являющейся преемницей СССР.

Одновременно с этим с конца 1980-х гг. на волне процессов демократизации и гласности, а также в связи с начавшейся подготовкой визита в Японию М.С. Горбачева тема японских военнопленных стала широко обсуждаться в советских, а затем и российских СМИ. Эти публикации в основном носили чисто публицистический характер и отражали настроения общества, увлеченного в тот период волной разоблачений преступлений сталинского режима. Но заслугой их авторов, несомненно, явилось то, что они первыми обозначили круг проблем, связанных с военным пленом, и способствовали привлечению внимания к ним как широкого круга общественности, так и профессиональных историков. С тех пор тема пребывания японских военнопленных на территории СССР стала активно разрабатываться российскими учеными, усилиями которых был введен в научный оборот большой массив рассекреченных архивных документов, опубликованы серьезные научные труды, в числе которых следует назвать книгу иркутского историка С.И. Кузнецова «Японцы в сибирском плену» (Иркутск, 1997), документальное исследование В. Карпова «Пленники

³ Соглашение между правительствами Советского Союза и Японии о лицах, находившихся в лагерях для военнопленных, от 18.04.1991 // Сейчас.ру. Новости России и мира. URL: <https://lawmix.ru/abrolaw/14011> (дата обращения: 09.03.2020).

Сталина. Сибирское интернирование японской армии 1945–1956 гг.» (Киев; Львов, 1997), работы Е. Касановой «Японские военнопленные в СССР: большая игра великих держав» (Москва, 2003), «Последние пленники Второй мировой войны: малоизвестные страницы российско-японских отношений» (Москва, 2005) и т. д. А также за эти годы свет увидели несколько крупных сборников архивных документов с научными комментариями, в том числе такой большой труд, как «Японские военнопленные в СССР: 1945–1956», составителями которого являются военные историки В. А. Гаврилов и Е. Л. Касанова (Москва, 2013).

И тем не менее до сих пор в изучении этой проблемы остается немало «белых пятен». К их числу в первую очередь следует отнести один из главных вопросов истории, как называют в Японии, «сибирского плена»: что заставило И. В. Сталина пойти на нарушение Потсдамской декларации и принять решение о незамедлительной отправке более 600 тыс. японских военнопленных на принудительные работы в СССР.

Как известно, 9-я статья Потсдамской декларации, к которой СССР присоединился в день объявления войны с Японией, гласила, что «японским вооруженным силам после того, как они будут разоружены, будет разрешено вернуться к своим очагам с возможностью вести мирную и трудовую жизнь»⁴. Следуя этим союзническим обязательствам, советское руководство в лице Л. П. Берии, Н. А. Булганина и А. И. Антонова 16 августа 1945 г. направляет в адрес маршала А. М. Василевского шифротелеграмму, в которой четко определялось, что «военнопленные японо-маньчжурской армии на территорию СССР вывозиться не будут». В ней указывалось также, что лагеря военнопленных необходимо было организовывать по возможности в местах разоружения японских войск на основе распоряжений командующих фронтами, выделив для охраны и конвоирования необходимое количество войск. Питание военнопленных надлежало производить применительно к нормам, существовавшим в японской армии, находившейся в Маньчжурии. Для организации и руководства вопросами, связанными с содержанием военнопленных в лагерях, от НКВД

⁴ Заявление глав правительств Соединенных Штатов, Соединенного Королевства и Китая (Потсдамская декларация) от 26 июля 1945 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными державами. Вып. XI. М., 1955. С. 104–106.

был командирован начальник Главного управления НКВД по делам военнопленных генерал-лейтенант Кривенко с группой офицеров⁵.

Не успело это распоряжение вступить в силу, как 23 августа Государственный комитет обороны во главе со Сталиным принимает постановление за № 9898 под грифом «совершенно секретно» под названием «О приеме, размещении и трудовом использовании военнопленных японской армии», в котором подробно говорилось о направлении 500 тыс. японских военнопленных на принудительные работы в Советский Союз, определялось их распределение по хозяйственным объектам страны и устанавливались меры по организации их работы и жизнедеятельности (Постановление ГКО № 9898-сс). Документ был подписан председателем ГКО И. В. Сталиным⁶.

Таким образом, в течение недельного срока советское руководство резко меняет свои подходы к определению судеб пленных японских солдат и офицеров, пойдя на сознательное нарушение приказа от 16 августа 1945 г. и своих союзнических обязательств, зафиксированных в 9-й статье Потсдамской декларации. В чем же причины столь неожиданного поворота событий?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо отыскать в российских архивах документы, которые бы позволили понять по меньшей мере весь тот круг мнений и аргументов, которые имелись на этот счет в советском руководстве. Но пока мы располагаем лишь самим Постановлением Государственного комитета обороны, несколько лет назад появившимся в открытом доступе на сайте «Документы советской эпохи» портала «Архивы России». Этот документ был уже давно известен исследователям по многочисленным ссылкам на него и копиям. Однако знакомство с первоисточником позволило хотя и немного, но все-таки продвинуться в наших знаниях о событиях того времени.

Мое внимание привлекла сама подпись И. В. Сталина, как выяснилось теперь, сделанная зеленым карандашом. Говорят, что цвет для советского лидера имел значение. Самые главные политические доку-

⁵ Директива Наркомата обороны и Наркомата внутренних дел Главнокомандующему советскими войсками на Дальнем Востоке о порядке охраны тыла фронтов и организации лагерей для военнопленных в Маньчжурии от 16.08.1945 // ЦАМО РФ. Ф. 66. Оп. 178499. Д. 3. Л. 220–221.

⁶ Постановление ГКО СССР о приеме, размещении и трудовом использовании военнопленных японской армии 9898сс от 23.08.1945 // ЦАМО РФ. Ф. 66. Оп. 78499. Д. 1. Л. 593–598.

менты он подписывал красными чернилами, следующие по значимости бумаги — синими, а зеленый карандаш встречался куда реже и использовался в распоряжениях преимущественно в экономической сфере. Но эти наблюдения — всего лишь штрихи к размышлению над темой. При этом совершенно очевидно, что это решение было продиктовано не одним каким-либо аргументом, а целым комплексом факторов экономического, политического, военного, идеологического и иного характера.

Фактор первый: выполнить требование Потсдамской декларации о немедленном возвращении японцев на родину в сложившихся в Маньчжурии на то время условиях было практически невозможно.

Начнем с вопроса о численности военнослужащих Квантунской армии, плененных советскими войсками в Маньчжурии, что долгие годы являлось предметом многочисленных дискуссий в научных и журналистских кругах. Одной из первых цифр, появившихся в открытой советской печати, было итоговое донесение главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке маршала А. М. Василевского от 1 сентября 1945 г., согласно которому было взято в плен 573984 солдата и офицера японской армии, в том числе 110 генералов⁷. В сообщении же Совинформбюро от 12 сентября 1945 г. указывалось, что нашим войскам удалось взять в плен 594 тыс. японских солдат и офицеров и 148 генералов, в том числе до 20 тыс. раненых. Из этого количества непосредственно в районе боевых действий было освобождено 70 тыс. 880 человек⁸.

Однако, принимая во внимание, что этот том вышел в 1965 г., эта цифра, базирующаяся на далеко не полных рассекреченных архивных данных того времени, требует уточнения. При этом на эту же цифру в 600 тыс. человек указывает в своих статьях участник тех событий — известный военный историк, генерал армии М. А. Гареев⁹. Другой официальный источник — это Всемирная история в десяти томах, на страницах десятого тома которой сообщается о 600 тыс. военнослужащих Квантунской армии, плененных советскими войсками¹⁰.

⁷ Русский архив. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противостояния двух держав. Документы и материалы. М., 1997. Т. 7 (1). С. 371.

⁸ Правда. 1945. 12 сент.

⁹ Гареев М. А. О мифах старых и новых // Военно-исторический журнал. 1991. № 4. С. 48.

¹⁰ Всемирная история в X томах. Т. X. М., 1965. С. 548.

Военный же журналист В. Ларченков в одной из своих статей настаивает на том, что, «потеряв 84 тысячи человек убитыми и 543 990 пленными, Квантунская армия перестала существовать»¹¹. В то же самое время свой подробный анализ этой проблемы провел один из первых исследователей этой проблемы — доктор юридических наук В. П. Галицкий. Со ссылкой на архивы Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) он утверждает, что за время войны с Японией с 9 августа по 2 сентября 1945 г. в качестве военнопленных были взяты на учет 639 635 японских солдат, офицеров, генералов и вольнонаемных. Из этого числа до декабря 1945 г. непосредственно на фронтах были освобождены 65 245 человек, 12 318 — переданы Монголии. Умерли во фронтовых лагерях и на армейских приемных пунктах (в основном от ран, контузий и болезней), 15 986 человек. В итоге, следуя этим цифрам, он заявляет, что «на территории СССР оказалось 546 086 военнопленных, в том числе 170 генералов во главе с командующим армией Ямада Отодзо и 26 345 офицеров. Уже к марту 1949 года на родину возвратилось 418 152 человека, 62 068 японцев не вернулись из плена на родину к родным очагам. Но это вместе с 15 986 умершими во фронтовых лагерях и приемных пунктах. На территории же нашей страны прервалась жизнь 46 082 человек»¹².

При этом ряд других исследователей этой проблемы называют совершенно иной порядок цифр. Так, военный историк В. В. Карпов в одном из своих интервью указывает на то, что данные МВД и Министерства обороны расходятся относительно общего числа японских узников советских лагерей: соответственно, 576 тыс. и 510 тыс. человек, и высказал мнение о том, что данные военного ведомства выглядят более надежными и правдивыми, поскольку они составлены на основе оперативных сводок по репатриации. По словам В. В. Карпова, цифра умерших в советских лагерях военнопленных занижена вдвое в сравнении с реальными потерями и достигает 113 тыс.¹³

Такого рода сенсационные заявления в российских СМИ встречались нередко особенно в 1990-е гг. Тогда как в Японии придерживаются примерно одной цифры общего числа пленных в 600 тыс. че-

¹¹ Ларченков В. Бандзай в нашу честь // Советский воин. 1992. № 3–4. С. 72.

¹² Галицкий В. П. Японские военнопленные в СССР: правда и домыслы // Военно-исторический журнал. 1991. № 4. С. 69.

¹³ Известия. 1993. 11 нояб.

ловек. Такую точку зрения разделяет крупный японский историк, почетный профессор Токийского университета Вада Харуки¹⁴. Примерно эта же цифра фигурирует и в статьях и книгах ныне покойного президента Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных Сайто Рокуро и т. д.

Но самую объективную на сегодняшний день информацию содержит документ, обнаруженный в Государственном архиве РФ. Это — составленная МВД СССР «Справка о количестве военнопленных бывшей японской армии, взятых в плен советскими войсками в 1945 г.» и направленная в адрес Н. С. Хрущева, Н. А. Булганина и А. И. Микояна 18 октября 1956 г., т. е. накануне подписания советско-японской совместной декларации. В ней впервые были представлены во многом отличные от ранее опубликованных данные. Так, число военнослужащих японской армии, плененных в ходе войны в 1945 г., определялось в 639 776 человек, в том числе 609 448 японцев и 30 328 китайцев, корейцев, монголов и др. Число репатриированных из СССР японцев за период с 1945 по 1956 г. — 546 752 японца, среди которых насчитывалось 112 генералов и 25 728 офицеров. Цифра умерших в плену — 61 855 человек, в том числе 31 генерал и 607 офицеров. Так что на тот момент на территории СССР оставалось 1030 человек, осужденных советскими судебными органами, 713 японцев проживало в СССР без национальных паспортов по видам на жительство по причине отказа выехать на родину и т. д.¹⁵

Второй момент, на который следует обратить особое внимание, — это огромные организационные сложности, с которым столкнулись советские военные органы в Маньчжурии во время столь массовой сдачи в плен военнослужащих Квантунской армии. Пленные подразделения Квантунской армии направлялись в созданные советскими военными властями сборные и приемные пункты, фильтрационные пункты, фронтовые лагеря военнопленных. Больные и раненые были помещены во фронтовые госпитали. В этих учреждениях военнопленных допрашивали, заводили на них соответствующие документы — личное дело и карточку военнопленных. Во фронтовых лагерях формировались этапы военнопленных для их последующей отправки на родину.

¹⁴ Бюллетень Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных. 1990. № 123. С. 8–9.

¹⁵ Справка о количестве военнопленных бывшей японской армии, взятых в плен советскими войсками в 1945 году // ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 582. Л. 9–12.

Бывший командующий войсками 1-го Дальневосточного фронта маршал К. А. Мерецков писал в своих воспоминаниях о том, что в целом проблема военнопленных оказалась весьма сложной: «Всю эту массу людей нужно было обеспечить продовольствием (своего им не хватало), квалифицированным медицинским обслуживанием, обмундированием, решить вопросы об их временном размещении и многое другое. По наиболее крупным и важным вопросам мы получали указания, а все остальные вынуждены были решать на месте, причем немедленно»¹⁶.

Об этом же говорит в своих статьях и во время личных встреч генерал армии, доктор исторических событий М. А. Гареев — участник этих событий, возглавлявший опергруппу 5-й армии. Он также вспоминает о том, с какими огромными трудностями столкнулось советское военное командование в Маньчжурии по обустройству пребывания на территории Маньчжурии, поставок продовольствия, организации медицинской помощи, охране японских военнопленных.

При этом он особо подчеркивает, что «с точки зрения сугубо практической невозможно было — даже при желании советского правительства — в первое послевоенное время возвратить Японии военнопленных. Нельзя было ответить даже на такой вопрос: “Кому их передать?” Сложившейся самостоятельной японской администрации еще не существовало. Передать японских военнопленных американскому командованию было нелепо. На территории Германии в 1945 г. наши войска в ряде случаев сознательно давали возможность отойти в зону союзников отступавшим германским войскам. Как теперь стало известно из опубликованных британских документов, Черчилль распорядился вооружать и готовить их для возможных боевых действий против советских войск. И наше командование имело некоторые данные об этом еще в то время, так что приходилось быть начеку. Да и не положено военнопленных так из рук в руки передавать». Да и отправлять пленных в Японию можно только морем. Достаточным количеством морского транспорта для перевозки полумиллионной армии наша страна не располагала. Тем не менее при всех этих обстоятельствах военнопленных начали отправлять в Японию уже в 1946 г., — подчеркивал генерал¹⁷.

¹⁶ Мерецков К. М. Дело, которому ты служишь. М., 1983. С. 423.

¹⁷ Гареев М. А. Победа на Дальнем Востоке. К вопросу о решающем вкладе СССР в разгром Японии // Военно-промышленный курьер. 2005. 24 авг.

Как очевидец и участник этих событий М. А. Гареев не отрицает того, что советским руководством все-таки прорабатывалась идея о том, чтобы оставить японских военнопленных в Маньчжурии и передать их китайской стороне. Но, как поясняет он, «в то время власть на местах в Китае часто менялась, следовательно, надежной администрации, чтобы контролировать лагеря военнопленных, не существовало. Важно и то, что и сами японцы, особенно генералы и старшие офицеры, отказывались переходить под контроль китайской стороне. Более того, они прямо заявляли о том, что сдаваться китайцам не будут. Когда в районе Дуньхуа один из лагерей (при выводе советских войск) был временно передан гоминьдановским войскам, то китайцы разогнали военнопленных, часть убили, а запасы продовольствия, оставленные нашей армией, отобрали. В октябре 1946 г. поступило распоряжение выпустить на свободу служащих и рабочих японской армии, не состоявших на военной службе. Однако большинство этих людей отказалось покидать лагеря, поскольку со стороны местного населения японцы повсеместно в Маньчжурии ощущали ненависть местного населения»¹⁸.

Именно с учетом всех этих обстоятельств, по мнению М. А. Гареева, советским руководством было принято решение основную часть военнопленных отправить на территорию СССР, что было, на его взгляд, единственной из оставшихся возможностей спасти жизнь значительной части разоруженных японских солдат и офицеров.

Фактор второй: союзнические договоренности о статусе военнопленных.

В основу политического решения советского руководства о направлении на принудительные работы в СССР пленных японских солдат и офицеров был положен уже имевшийся у нашей страны опыт в этом вопросе, приобретенный при определении судьбы немецких военнопленных после окончания войны.

Вопрос о том, как следует поступить с Германией после ее поражения, обсуждался союзниками еще в годы войны. В частности, одна из директив советского руководства, направленная представителю СССР в Европейскую консультативную комиссию (ЕКК; European Advisory Commission — ЕАС), приступившую к работе 14 января 1944 г., предписывала: «В противоположность англичанам и американцам, которые предусматривают сразу же после подписания перемирия и разоружения

¹⁸ Там же.

демобилизацию вооруженных сил, советский проект требует объявления этих сил целиком военнопленными. Если это наше требование встретит возражение со стороны англо-американцев, которые могут сослаться на отсутствие подобных прецедентов в истории, Вам следует настаивать на этом требовании как вытекающем из принципа безоговорочной капитуляции, для которой тоже нет прецедентов»¹⁹.

Как и предполагало руководство СССР, в ЕКК вопрос о дальнейшей судьбе немецких солдат и офицеров вызвал дискуссию. Представители США и Великобритании делали упор на том, что с немцами, получившими статус военнопленных, придется обращаться в соответствии с нормами международного права. А это потребует немалых материальных затрат, поскольку каждый из узников войны должен был быть обеспечен нормальным жильем, полноценным питанием, приличной одеждой и т. д.²⁰.

Однако в конечном итоге был найден компромисс, предложенный советской стороной и заключавшийся в том, что пленение солдат противника — это право, а не обязанность победителя. И, следовательно, союзники вольны поступать с капитулировавшими военнослужащими вермахта так, как им заблагорассудится. Эти договоренности СССР попытался распространить и на японских военнослужащих, плененных советскими войсками в Маньчжурии. Однако в этой ситуации проблема осложнилась рядом других обстоятельств, на чем акцентирует внимание японская сторона.

Дело в том, что в Японии широко распространено понятие «сибирское интернирование» (сибэриа-но екурю). И в отношении категории лиц, попавших в советские лагеря, в общественных и политических кругах чаще всего применяют термин не военнопленный (хоре), а интернированный (екурюся). Японские судебные органы также подвергают сомнению правомерность применения в данном конкретном случае определения «военнопленный». Они подменяют его такими категориями, как «лица из числа окруженного противника» или «разоруженные вооруженные силы» и переносят возникающие в связи с этим проблемы из правового поля в политическое.

Возможно, в стремлении отойти от определения «военнопленный» сыграла свою роль старая национальная традиция, проистека-

¹⁹ Семиряга М. И. Как мы управляли Германией. М., 1995. С. 203.

²⁰ Там же.

ющая из феодального кодекса самурайской чести Бусидо и дошедшая до XX в. Достаточно напомнить ряд высказываний из показаний на Токийском трибунале бывшего премьер-министра Японии Тодзио Хидэки — выходца из военных кругов, занимавшего до этого пост начальника штаба Квантунской армии. «Мое заявление, что отношение японцев к вопросу о военнопленных отличается от отношения европейцев и американцев и означает, что еще с незапамятных времен японцы считали позорным сдаваться в плен. Поэтому все воины получили приказ идти на смерть, но не становиться военнопленными»²¹.

Но более, чем на традицию, японцы уповают сегодня на исторические и правовые аргументы. При этом в обосновании термина «интернированный» в отношении японских узников советских лагерей особый акцент делается на то, что большая часть военнослужащих Квантунской армии оказалась в плену не в ходе боевых действий, а в результате полной и безоговорочной капитуляции, объявленной в рескрипте императора. Сдача в плен чаще всего происходила добровольно: складывая оружие, японцы не только исполняли императорский приказ, но и рассчитывали на соблюдение со стороны СССР 9-го пункта Потсдамской декларации о незамедлительном возвращении на родину. Более того, обращается внимание на то, что бывшие японские военнослужащие Квантунской армии были взяты в плен на территории третьей страны — Маньчжурии и «интернированы» в СССР уже после подписания 19 августа 1945 г. двустороннего соглашения о прекращении боевых действий.

Не буду вдаваться в другие подробности этой аргументации, а также касаться правомерности подобного рода рассуждений. Хочу лишь подчеркнуть, что правовой статус подразумевает правовую защиту разных международных конвенций и вытекающие отсюда разные права людей, подпадающих под одну или другую категорию. Так, в международных документах понятие «интернированный» применяется в основном в отношении гражданских лиц. И режим интернирования регулируется Гаагскими конвенциями 1899, 1907 гг., а также Женевской конвенцией 1949 г. о защите гражданского населения во время войны. Права же военнопленных устанавливаются как теми же Гаагскими соглашениями, так и соответствующими конвенциями 1929 и 1949 гг. об обращении с военнопленными, определяющими их права

²¹ Смирнов Л. Н., Зайцев Е. Б. Суд в Токио. М., 1984. С. 536.

и обязанности, в том числе порядок выплаты компенсаций за работу в плену и т. д.

В силу всех этих обстоятельств все проблемы бывших японских узников советских лагерей оказались по существу вне рамок правовой защиты Женевской конвенции о военнопленных, и их решение вскоре перешло в область японо-российских отношений.

Фактор третий: принудительный труд как форма репараций.

Принудительный труд японских военнопленных рассматривался в СССР в качестве одной из основных форм репараций, что в полной мере соответствовало установкам советского руководства в военный период, отработанным на опыте с немецкими военнопленными.

Еще на Тегеранской конференции И. В. Сталин достаточно четко дал понять, что намерен использовать на восстановительных работах в Советском Союзе в течение нескольких лет примерно 4 млн немцев²². И хотя эта тема не получила своего развития в ходе дальнейших переговоров, союзники с пониманием отнеслись к планам Сталина. Прямым следствием было и то, что в дальнейшем при обсуждении проблемы репараций на конференции в Ялте требование о предоставлении победившим странам германской рабочей силы было признано вполне обоснованным.

Теоретическое обоснование идеи принудительного труда как главенствующей формы репараций побежденной Германии принадлежала советскому дипломату И. М. Майскому. Возглавляя Комиссию по возмещению ущерба, нанесенного Советскому Союзу, он предложил удерживать не менее 5 млн пленных немцев, которые «под командованием НКВД будут выполнять предписанные им задания». Преимущества использования принудительного труда, помимо прочего, мотивировались тем, что немцы, «прошедшие школу работы в СССР», будут прибывать на родину с «более здоровыми взглядами и настроениями». Этот процесс, по мнению Майского, будет «протекать еще успешнее, если принять надлежащие воспитательно-пропагандистские меры»²³.

В. М. Молотов, будучи министром иностранных дел СССР, впрочем, как некоторые другие члены правительства, не разделял столь идеологизированный подход к проблемам экономического характе-

²² Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. М., 1991. С. 604.

²³ Филатов А. М. В комиссиях Наркоминдела // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1994. С. 56, 64.

ра. Кроме того, он считал, что таким образом принижаются такие формы репараций, как демонтаж германского оборудования и ежегодные товарные поставки. Тем не менее Майский, заручившись поддержкой Сталина, сумел отстоять свою точку зрения. На Потсдамской конференции данный вопрос больше не поднимался, и отправка военнопленных на восстановительные работы воспринималась союзниками как само собой разумеющееся, хотя США, например, отказались от использования труда немцев.

Тем не менее уже в первых числах сентября 1945 г. В. М. Молотов в конфиденциальной беседе с госсекретарем США Дж. Бирнсом прямо поинтересовался у него, почему американцы отправляют японских военнопленных на родину, а не используют в качестве рабочей силы, как это делает СССР. Тем самым он озвучил недавно принятое высшим руководством страны решение и дал понять о его дальнейших планах. Одним из определяющих факторов в этом вопросе являлось разрушенное войной народное хозяйство СССР, понесшего огромный материальный ущерб и многомиллионные человеческие жертвы, а потому крайне нуждавшегося в рабочей силе. И хотя эта прибавка в лице японских военнопленных не решала полностью проблему рабочей силы, но тем не менее она сыграла определенную роль в компенсации материальных потерь, понесенных в войне.

При этом важным фактором в трудовом использовании японских военнопленных явился богатый опыт в этой области, приобретенный Главным управлением по делам военнопленных МВД-НКВД СССР и сотрудниками лагерных управлений, администрацией лагерей в обращении с военнопленными Германии и ее союзников. Это позволило в сокращенные сроки осуществить организационные мероприятия и приступить к решению конкретных задач по использованию японских военнопленных в различных отраслях народного хозяйства СССР — от Владивостока до Тбилиси, но преимущественно — в районах Сибири и Дальнего Востока.

Правда, в дальнейшем объективно встанет вопрос о малой экономической эффективности труда военнопленных и не окупающих себя расходах по их содержанию. Но тем не менее советское руководство не спешило их отправлять на родину. Как явствует из служебной записки заместителя министра иностранных дел Я. А. Малика на имя министра В. М. Молотова от 15 сентября 1946 г.: «С точки зрения народно-хозяйственных интересов Советского Союза является

желательным, чтобы период использования труда японских военнопленных в СССР был продлен как можно дольше. С другой стороны, исходя из международно-политических соображений, особенно в свете предстоящих переговоров с союзниками по вопросам мирного договора с Японией, для нас было выгодно начать частичную репатриацию из СССР японских военнопленных и гражданских лиц уже сейчас. Причем, репатриацию японских военнопленных производить пока в таких размерах, которые не могут помешать существенным образом выполнению наших народно-хозяйственных планов...»²⁴ Таким образом, трудовое использование и репатриация представляли собой две взаимосвязанных составляющих политики СССР в отношении японских военнопленных.

Фактор четвертый: реванш за сорванные американцами планы оккупации о. Хоккайдо.

В тот же день, 16 августа 1945 г., когда из Москвы в адрес командования советскими войсками на Дальнем Востоке была направлена шифротелеграмма о том, что сдавшиеся в плен военнослужащие Квантунской армии не будут вывозиться на территорию СССР, Г. Трумэн подписывает директиву SWNCC70/5 по новым условиям оккупации Японии. В ней он упразднял все предыдущие договоренности с союзниками и в первую очередь с СССР о разделе Японии по «германской формуле» на пять оккупационных зон, где Хоккайдо и северо-восточные районы Хонсю переходили под контроль СССР, так же как и часть Токио, который предполагалось разделить на 3 сектора — американский, советский и английский²⁵. Согласно последней установке, вся территория Японии переходила под единоличный контроль американцев.

Напомню, что еще задолго до Ялтинской конференции Ф. Рузвельт считал необходимым после войны удовлетворить все территориальные требования СССР в ответ на согласие советского руководства вступить в войну с Японией. По американским планам оккупационного режима для японской территории советские войска должны были занять обширные территории японской метрополии, включавшие Курильские острова, Хоккайдо и весь северо-восток основного острова Хонсю. Считалось, что расчленение Японии на зоны значительно ослабит для Вашингтона бремя организации оккупационного режима

²⁴ Служебная записка заместителя министра иностранных дел Я. А. Малика на имя министра В. М. Молотова от 15.09.1946 // АВП РФ. Ф. 18. Оп. 5. Д. 119. Л. 46–47.

²⁵ Литературная газета. 1990. 11 апр.

и позволит США резко сократить численность предназначенных для этого американских войск.

Однако к моменту реализации этих планов отношения между СССР и США дали серьезную трещину. Смерть Рузвельта, с которым у И. В. Сталина за годы войны сложились довольно стабильные отношения честного партнерства, привела к кардинальным изменениям американской стратегии в отношении СССР.

Как известно, между И. В. Сталиным и Г. Трумэном велась переписка по деталям капитуляции и пленения Квантунской армии. 15 августа Советскому Союзу был предложен подготовленный американцами «Общий приказ № 1», согласно которому старшие командующие и все наземные, морские, авиационные и вспомогательные силы, находящиеся в пределах Маньчжурии, Кореи севернее 38 градусов северной широты и на Карафуто (Сахалин), должны сдать главкомандующему советскими вооруженными силами на Дальнем Востоке.

Сталин одобрил его в основе, но предложил внести в текст документа две существенные поправки: «1. Включить в район сдачи японских вооруженных сил советским войскам все Курильские острова, которые, согласно решению трех держав в Крыму, должны перейти во владение Советского Союза. 2. Включить в район сдачи японских вооруженных сил советским войскам северную половину острова Хоккайдо, примыкающую на севере к проливу Лаперуза, находящемуся между Карафуто (Сахалин) и Хоккайдо. Демаркационную линию между северной и южной половинами острова Хоккайдо провести по линии, идущей от города Кусиро на восточном берегу острова до города Румои на западной берегу острова, с включением указанных городов в северную половину острова»²⁶. Ставя вопрос об оккупации северной части острова Хоккайдо, Сталин убеждал Трумэна в том, что эта проблема имеет особое значение. «Как известно, — писал Сталин, — японцы в 1919–1921 гг. держали под оккупацией весь Советский Дальний Восток. Русское общественное мнение было бы серьезно обижено, если бы русские войска не имели района оккупации в какой-либо части собственно японской территории»²⁷.

²⁶ МИД СССР. Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министров Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэном (авг. 1941 — декабрь 1945 г.). Переписка. 2-е издание. М., 1989. С. 285.

²⁷ Там же.

Мысль о том, чтобы отстранить СССР от послевоенного урегулирования в Восточной Азии, перевесила в конечном итоге все остальные аргументы в стратегии Г. Трумэна. Его жесткий и однозначный ответ на обращение Сталина по поводу оккупации Хоккайдо сводился к тому, что генерал Д. Макатур будет ограниченно использовать союзные вооруженные силы, которые, конечно, будут включать и советские войска, для временной оккупации такой части собственно Японии, какую он сочтет необходимым оккупировать.

В мемуарах Д. Макатура так комментируются эти события: «Русские стали сразу же проявлять беспокойство. Они потребовали, чтобы их войска могли оккупировать Хоккайдо... и таким образом, расколоть Японию на две части. Другим требованием было, чтобы их войска не только не находились под контролем Верховного Главнокомандующего, но и были совершенно независимы от его власти. Я решительно отказался»²⁸.

Таким образом, готовящаяся операция по высадке советского военного десанта на о. Хоккайдо, намеченная на 23 августа 1945 г., за день до этого — 22 августа была приостановлена. Советские корабли, практически приплыв к острову, вынуждены были повернуть назад. Вслед за этим уже на следующий день — 23 августа советский лидер решается на реванш за столь огромное политическое поражение: он подписывает Постановление Государственного комитета обороны об использовании японских военнопленных на хозяйственных объектах СССР.

Фактор пятый: военно-стратегические цели.

Думается, не меньшее основание имеет и предположение о том, что И. В. Сталин в своем решении о судьбе японских военнопленных руководствовался стремлением нанести решительный удар по вооруженным силам Японии с целью окончательно ликвидировать на долгие годы возможность возрождения военной мощи страны и новой военной угрозы в адрес СССР. Об этом свидетельствует, в частности, опубликованный в японском журнале «Тюокорон» отрывок из беседы Сталина с сыном Чан Кайши, состоявшейся в конце 1945 г.

Судя по японскому источнику, в 1945 г., готовясь к войне с Японией, Сталин в значительной мере переоценил военную мощь Японии и поэтому опасался возможности того, что после поражения Япония

²⁸ Цит. по: *Кузнецову С. И.* Японцы в сибирском плену (1945–1956). Иркутск, 1997. С. 27.

вновь могла стать противником нашей страны. «Сталин тогда сказал, что проблемой является то, что Америка, оккупируя Японию, не берет в плен японскую армию. Это — тот же принцип, был использован в отношении Германии после Первой мировой войны». И далее он продолжил: «Конечно, это [возрождение вооруженных сил] возможно. Население страны большое, у японцев силен дух мести. Япония попытается вновь встать на ноги. Чтобы предотвратить это, надо взять в плен от 500 тыс. до 600 тыс. офицеров и примерно 12 тыс. представителей командного состава»²⁹.

Фактор шестой: обращение японской стороны.

Среди исследователей бытует точка зрения о том, что просьба об отправке плененных японских солдат и офицеров Квантунской армии на территорию СССР исходила якобы от руководства Квантунской армии и была изложена во время переговоров с представителями советского военного командования по условиям прекращения огня, которые состоялись в местечке Жариково Приморского края 19 августа 1945 г. Однако документально подтвердить эту версию пока не представилось возможности.

Тем не менее о возможности такого обращения свидетельствует хранящийся в фонде трофейных материалов Квантунской армии в Центральном архиве Министерства обороны РФ важный документ — письмо Ставки Верховного командования Японии в адрес маршала А. М. Василевского, датированное 21 августа 1945 г. Среди прочих японских инициатив, упомянутых в письме, содержалось предложение использовать японских военнопленных в качестве бесплатной рабочей силы вплоть до лишения их японской национальности, если это будет продиктовано интересами советского руководства³⁰.

Весьма показательно, что эта идея уже прорабатывалась задолго до этого письма. Известно, что летом 1945 г. Ф. Коноэ, собираясь на переговоры в Москву, вместе со своим советником генерал-лейтенантом К. Сакаи составили документ под названием «Принципы проведения мирных переговоров», в котором был изложен перечень возможных уступок Советскому Союзу за сохранение нейтралитета. «Мы демобилизуем дислоцированные за рубежом вооруженные силы и примем

²⁹ *Yokote Sinji*. Sutarin ga tainichisansen o ketsugishita hi ni Soren-no sengo taimichiseisaku sa koko kara hajimatta // *Chuokoron*. 2003. № 10. С. 195.

³⁰ *Сайто Рокуро*. Сибэриа-но банка (Песнь о Сибири на склоне лет). Цуруока, 1995. С. 208–209.

меры к их возвращению на родину. Если подобное будет невозможно, мы согласимся оставить личный состав в местах его настоящего пребывания»³¹. И далее: «Рабочая сила может быть предложена в качестве репараций». Американский исследователь Г. Бикс, обнаруживший этот документ в своем труде «Хирохито и создание современной Японии», прямо указывает: «Идея интернировать японских военнопленных для использования их труда при восстановлении советской экономики (осуществленная на практике в сибирских лагерях) возникла не в Москве, а в среде ближайшего окружения императора»³².

Все эти факторы в комплексе, по-видимому, и определили решение советского руководства о переброске более 600 тыс. японских солдат и офицеров на территорию СССР, а также условия их пребывания в советских лагерях, трудового использования и репатриации. Но все это — пока еще гипотезы и предположения, подлинную историю «сибирского плена» подтвердят лишь архивные документы.

³¹ Bix H. P. Hirohito and making of Modern Japan. New York, 2000. P. 442.

³² Ibid.

Гуманитарные аспекты истории
Второй мировой войны.
Нацистские военные преступления
и политика геноцида на оккупированных
территориях СССР

Е.К. Красноженова¹

Преступления против детства на оккупированной территории Ленинградской области (1941–1944 гг.)²

Оккупация Ленинградской области явилась особым явлением в истории Великой Отечественной войны. Здесь она была длительной, продолжавшейся с августа 1941 г. до середины 1944 г. Несколько десятков тысяч маленьких ленинградцев оказались на оккупированной врагом территории. «Числа 24–26 августа появились немцы на мотоциклах. Они взорвали железнодорожные стрелки на станции и преследовали наши части, отходившие к Чаще и Новинке. Там завязался бой, после которого осталось много убитых. Когда все стихло, мы ходили туда искать продукты. Помнится, удалось собрать сколько-то рассыпанных макарон», — вспоминала Е.В. Калина³. А.А. Бисиков запомнил начало войны следующим образом: «в 1941 году, когда началась война, я находился в пионерском лагере в Шапках. В конце августа при подходе немцев нас отправили по домам. Запомнилась первая бомбежка. Немец бомбил состав на железной дороге, но бомбы падали мимо. Сестру ранило в ногу, убило лошадь, ранило козу и быка. Началась суматоха. Колхозный скот собрали и погнали в сторону Никольского»⁴.

¹ *Красноженова Елена Евгеньевна* — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (г. Санкт-Петербург).

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20–59–00004 «Народ и власть: оккупанты, коллаборационисты и партизаны на пограничной территории Беларуси и северо-запада России в 1941–1944 гг.».

³ *Иванова И.А.* За блокадным кольцом: воспоминания. СПб., 2010. С. 585.

⁴ Там же. С. 391.

В июле 1941 г. более 160 тыс. детей были эвакуированы в южные районы Ленинградской области, которые включали в себя территорию нынешних Новгородской и Псковской областей, поскольку считалось, что они наиболее безопасны, а главная опасность городу исходит со стороны Финляндии. Там находились традиционные места отдыха, детские лагеря и дачи. Как правило, под размещение юных ленинградцев отводили сельские школы, а если их не хватало, то селили в избах-читальнях и в домах местных жителей. И организаторы эвакуации, и родители были уверены, что дети быстро вернуться. Поэтому и набор вещей, которые те брали, был небольшим.

Но вышло так, что тысячи маленьких ленинградцев оказались прямо рядом с линией фронта. Там они фактически попали в хаос войны, под вражеские обстрелы. В первый же день массовой эвакуации, 29 июня, десятью эшелонами (семь с Московского вокзала, два — с Витебского, один — с Варшавского) отправили 15 192 ребенка.

Уже со 2 июля 1941 г. немецкие самолеты стали наносить авиаудары по железным дорогам и станциям Ленинградской области. Таковыми были Лычково, Боровенка, Старая Русса и многие другие. Немецкая авиация господствовала в воздухе, станции и эшелоны оказались беззащитными. 13 июля 1941 г. вражеские самолеты обстреляли идущий в Ленинград детский эшелон вблизи станции Боровенка. Более всего известен эпизод в Лычково, который стал символом трагедии ленинградских детей, попавших под вражеские бомбы еще до начала блокады. Трагедия в Лычково произошла 18 июля 1941 г. Станция подверглась налету немецкой авиации. Одиночный немецкий бомбардировщик сбросил на железнодорожную станцию около 25 бомб⁵. Фронт находился отсюда всего в 150 км, на станции были и воинские эшелоны, и составы с техникой и горючим. Для немецких летчиков детский эшелон был такой же целью, как и все остальные.

Д. Д. Федулов, очевидец тех событий, позже вспоминал: «Это был воскресный день, в Ленинграде стояла прохладная, но солнечная погода, и мои детские взоры были направлены в чистое небо, откуда могли появиться немецкие самолеты, они в этот день уже бомбили Киев, Минск <...> С первых дней войны город готовился к защите от вражеских налетов. Оборудовали бомбоубежища, чистили от хлама черда-

⁵ Государственный архив Новгородской области (далее — ГАНО). Ф. Р-1793. Оп. 1. Д. 18. Л. 86.

ки, заносили туда все, чем можно бороться с зажигательными бомбами, заклеивали стекла окон полосками бумаги крест-накрест. С вечера на ночь поднимали в небо над городом множество аэростатов. Но главное — началась эвакуация, и в первую очередь детей — дошкольников и школьников. Уезжали мы с Витебского вокзала пассажирским поездом. Повезли нас, ленинградских детей, на юг от города в район Старой Руссы. Как оказалось потом — навстречу наступающим немцам. Конечно, тогда об этом не предполагали ни мы, дети, ни взрослые... Помню, поезд тронулся, мама, ускоряя шаг, шла рядом с вагоном, приложив маленькую ладонь к стеклу окна, и что-то говорила. Я тоже приложил руку к стеклу, так мы распрощались, не зная, надолго ли... 18 июля утром за нами приехали несколько машин и стареньких автобусов... Повезли нас по лесной пыльной дороге на станцию Лычково. Навстречу шли машины, груженные зелеными ящиками со снарядами и авиабомбами... На станции было много детей разных возрастов. На втором пути стоял санитарный поезд из пассажирских вагонов с красными крестами в белом кругу. На первый крайний путь пришел поезд из товарных вагонов с пылящим паровозом. И пошла команда: "Начать грузить вещи". Раскрыли широкие двери вагона, и я в числе еще нескольких мальчишек залезли в вагон, чтобы укладывать вещевые мешки под нары... Когда я подошел к дверям за очередным мешком, услышал, что кто-то кричит: "Самолет, бомбы!" Взгляд в небо. Точно! В безоблачном небе немного правее от нас летит высоко самолет, а сзади от него отделяются черные точки. Бомбы! Их уже было около десятка. Я видел, как они летят... Спрыгнул вниз из вагона и лежал где-то между ним и кучей наших вещей. Свист летящих бомб, разрывы, чем-то ударило меня по спине, оставив надолго пожелтевший синяк справа под лопаткой, а потом, когда взрывы закончились, неимоверный крик от пережитого ужаса, плач, куда-то бегущих детей и взрослых, раненых и что-то в проводах, похоже, это были куски детских тел. Там пальтишки и ботинки, кровь... Самолет спустился низко и несколько раз, заходя на станцию, расстреливал бегущих детей из пулеметов. Самолет был так низко, что мне казалось, я узнал бы в лицо этого фашиста...»⁶ В суеде отступления так и не было определено точное количество погибших, их имена и фамилии. Только 4 мая

⁶ Федулов Д.Д. Не забыть Лычково... // Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания. Кн. 1. СПб., 2012. С. 114–123.

2005 г. в селе Лычково был открыт мемориал «Детям, погибшим в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Официально о страшном происшествии практически ничего не было сказано. В газетах лишь скупо сообщили, что в Лычково подвергся неожиданному авиаудару эшелон с детьми.

Еще до начала войны параллельно с разработкой захватнических планов в Берлине были подготовлены детальные инструкции по осуществлению долговременной оккупации России, ее деиндустриализации, уничтожению крупных городов, сокращению численности населения. Предусматривались полное ограбление и разорение северо-западных областей России сразу же после их захвата, исключая возможность возобновления там в дальнейшем активной хозяйственной деятельности⁷.

За годы Великой Отечественной войны в Ленинградской области было разрушено 20 городов, более трех тысяч деревень. До войны население Ленобласти составляло примерно 1,5 млн жителей, после войны осталось всего 420 тыс.⁸ Согласно акту Новгородской районной комиссии об итогах расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков на территории района от 20 апреля 1945 г., немецкие войска полностью уничтожили жилые и хозяйственные постройки в Шолоховском, Никольском, Хутынском, Дубровском, Любецком и Котовицком сельсоветах, сожгли и уничтожили 96 сел и деревень. Из 8849 жилых домов уничтожено 5630, повреждено 1705⁹. По данным на 1 июня 1942 г., за период оккупации Поддорского района было убито 227 мирных жителей¹⁰. В деревне Жестяная Горка немецкий карательный отряд истребил свыше 2 тыс. мирных жителей¹¹. Г. Фишер, допрашиваемый на Новгородском процессе 1947 г., показал, что в ян-

⁷ *Заставенко Г. Ф.* О роли германского министерства восточных оккупированных областей // *Немецко-фашистский оккупационный режим.* М., 1965. С. 115–129.

⁸ Ленинградская область в годы Великой Отечественной войны, Сборник архивных документов (1941–1944 гг.) / под редакцией С. Е. Красноцветовой. СПб., 2015. С. 237.

⁹ «...И ничто не забыто». Документы и материалы о злодеяниях немецко-фашистских оккупантов на Новгородской земле (1941–1944). Новгород, 1996. С. 58.

¹⁰ Государственный архив новейшей истории Новгородской области. Ф. 260. Оп. 3. Д. 295. Л. 7–8.

¹¹ Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков о разрушениях и злодеяниях, произведенных немецко-фашистскими захватчиками в городе Новгороде и в Новгородском районе Ленинградской области. М., 1944.

варе 1944 г. по его приказу были сожжены деревни Замосовье, Боровичи, Булавино, Крючково, Старище и Червяково Порховского района. Подобных трагедий можно вспомнить в Ленинградской области много: Лобаново, Арбузово, Аненское и др. В ходе боев все дома были разрушены до основания. Деревня Малые Павлицы была сожжена в феврале 1944 г. В деревне Подеста в феврале 1944 г. сожжены около 300 жителей¹². Даже спустя 75 лет список уничтоженных деревень уточняется, считают количество дворов, количество проживавших там людей.

В протоколах Государственной чрезвычайной комиссии по расследованию зверств и злодеяний, совершенных финнами на территории поселка Песочный Парголово района Ленинградской области, имеются свидетельства проживавшей здесь Марии Ульяновны Ковалевой. В них сообщалось следующее: «возвращаясь с работы 3 октября 1943 года, я попала под обстрел, который вели финны по нашему поселку. Подбегая к своему дому, я увидела своего сына Виктора 3 лет. Сын играл у дома и осколком снаряда ему ранило руку и грудную клетку. От полученных ран он скончался... Финны обстреливали наш поселок на протяжении всей войны, хотя никаких военных объектов ни в самом поселке, ни рядом с ним расположено не было»¹³.

Апофеозом нацистской репрессивной политики на оккупированных территориях стала система концентрационных лагерей. В Ленинградской области наиболее крупными были пересыльные лагеря для военнопленных: Гатчинский Дулаг — 154 (до 100 тыс. человек), Лужский (до 17 тыс.), Рождественский (до 12 тыс.), Волосовский и Чудовский (до 8 тыс.)¹⁴. Существовали и лагеря, где преимущественно содержались женщины с детьми. В частности, печально знаменит Вырицкий детский лагерь. Эти и более мелкие лагеря густой сетью покрывали Ленинградскую область. Их было более десятка, и в каждом содержалось от одной до пяти тысяч человек.

30 августа 1941 г. фашистские войска вошли в Вырицу — крупный поселок в Гатчинском районе Ленинградской области. Летом 1942 г. здесь на базе дома отдыха Ленинградской швейной фабрики имени

¹² Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. 942. Оп. 1. Д. 180. Л. 52.

¹³ Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге (далее — ГКУ ЛОГАВ). Ф. Р-407. Оп. 1. Д. 141. Л. 20–20 об.

¹⁴ ГКУ ЛОГАВ. Ф. Р-4660. Оп. 3. Д. 35. Л. 11 об. — 12.

Володарского был создан концлагерь. Жестокость по отношению к населению, в том числе к женщинам и детям, предусматривалась в главных документах вермахта. Кормили узников отвратительно: «Три раза в день выдавали похлебку, заболтанную мукой, иногда с кусочком протухшей конины. Было принято сначала съедать жидкость — это было первое, потом густоту — второе, а на третье сосали маленький кусочек хлебца, как конфетку»¹⁵. Питание в лагерях не обеспечивало даже голодного существования. В лагерях давали по 200 грамм хлеба в день и по литру супа из картофельной шелухи и затхлой муки¹⁶.

Нацисты не афишировали лагерь. Он проходил по официальным документам как детский приют, существовал чуть больше года и осуществлял сбор донорской крови для солдат вермахта. Ужасные условия жизни, повседневные побои, пытки, изнуряющая работа, недостаток пищи и медицинского обслуживания, а также расстрел за малейшее непослушание — все это составляло повседневность данного учреждения. «Приют» просуществовал до конца 1943 г. Оккупационные власти насильно свозили туда детей из зоны ожесточенных боев Шлиссельбург — Мга.

Чтобы приблизиться к пониманию социально-психологической сущности явления военного детства, необходимо обратиться к воспоминаниям детей — узников концлагерей. Бывшая узница Вера Андреевна Бордюкова сразу же после освобождения Гатчины от фашистских захватчиков в январе 1944 г. вспоминала: «Мне никогда не забыть гатчинского концлагеря смерти, когда с четырьмя детьми была брошена туда в ноябре 1941 года. Там было уже около 1000 таких же мирных жителей, как и я. В ноябрьский день сидели мы под дождем и своим дыханием согревали детей. Люди на глазах умирали от голода, холода и нечеловеческих условий...»¹⁷

«Баракы в лагерях были без стекол, не отапливались, на нарах не было никаких подстилок, зимой заключенные замерзали», — сообщается в выписке из «Акта о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в городе Гатчине Ленинградской области в период временной оккупации». В них содержались наряду со взрослыми маленькие дети и дряхлые старики¹⁸.

¹⁵ ЦГА СПб. Ф. 9421. Оп. 1. Д. 84. Л. 7–8.

¹⁶ ГКУ ЛОГАВ. Ф. Р-1249. Оп. 1. Д. 169. Л. 79–85.

¹⁷ ЦГА СПб. Ф. 9421. Оп. 1. Д. 84. Л. 7–8.

¹⁸ Там же.

В период оккупации мирное население Ленинградской области, включая детей, массово угонялось на принудительные работы в Германию. Их имущество подвергалось разграблению и сжигалось. Массовый угон населения тыловых районов группы армий «Север» рассматривался как важнейшее средство укрепления тыла своих войск под Ленинградом. Нацисты проводили облавы на улицах, рынках, вокзалах, церквях, угрожали расстрелом родственников, организовывали ночные налеты на дома и квартиры. В каждом населенном пункте велся учет рабочей силы (профессия, стаж, возраст, пол и пр.). Все граждане, отправляемые на работу в Германию, проходили медицинский осмотр. Колонны людей по 1–1,2 тыс. человек отправлялись на запад, из некоторых районов жителей вывозили железнодорожным транспортом. Из Красногвардейска, Пушкина, Слуцка и других оккупированных городов Ленинградской области немцы вывезли до 60 тыс. мирных жителей¹⁹. Насильственный угон сопровождался невиданной жестокостью и зверскими расправами. Известны случаи, когда сжигались целые деревни с жителями из-за отказа отправиться в Германию. Самое памятное место — Большое Заречье, уничтоженное в октябре 1943 г.

Когда нацисты ворвались в деревню Ровняк Пожеревицкого района, они согнали крестьян на площадь и заявили, что те должны отправиться на работу в Германию. Крестьяне наотрез отказались ехать. Гитлеровцы схватили Александра Павлова, Ивана Тимофеева, 14-летнего Ивана Павлова, 12-летнего Александра Николаева и Николая Николаева и всех пятерых расстреляли. Остальных загнали в машины и увезли²⁰. Немецкий карательный отряд сжег деревню Сево Наврежского сельсовета Пожеревицкого района. Мирных жителей, пытавшихся выходить из горевших домов, каратели расстреливали в упор. В результате дикой расправы было убито и сожжено 86 мирных жителей деревни Сево, в том числе 27 женщин и 45 детей в возрасте от 3 месяцев до 15 лет²¹.

¹⁹ Ковалев Б. Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941–1944. М., 2004. С. 107.

²⁰ Шевердалкин П. Р. Зверства немецко-фашистских оккупантов на ленинградской земле // Немецко-фашистский оккупационный режим (1941–1944 гг.). М., 1965. С. 95–106.

²¹ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 24. Оп. 2. Д. 5305. Л. 236.

Люди всякими способами старались избежать отправки в Германию, несмотря на то, что всякое сопротивление жестоко подавлялось. Достаточно активно в Ленинградской области действовали партизанские отряды. Партизаны проводили операции по спасению детей, переводили их в безопасные места, в тыл. В лесных лагерях даже были организованы школы. Дети писали: «Нас встретили очень хорошо, вымыли в бане, потом накормили. Дали печенья, молока, творога. Мы спим на койках с чистыми простынями...»²²

В годы войны на оккупированных территориях СССР нацисты уничтожили сотни тысяч советских детей. Их брали в заложники, дети были живым прикрытием в ходе военных операций, они вместе с родителями отправлялись в лагеря на территории Ленинградской области или за ее пределами. Оккупационная политика привела к значительному ухудшению условий жизни на территории Ленинградской области. Изъятие продовольствия и теплых вещей, выселение из жилых домов, отсутствие медицинской помощи способствовали росту заболеваемости и смертности. Массовый террор, осуществлявшийся захватчиками против детства, был заранее продуманной преступной политикой нацистского государства.

²² Там же. Л. 239.

Коменданты концлагерей на оккупированной территории СССР: социально-психологический портрет

Биографии комендантов нацистских концентрационных лагерей являются объектом целого ряда исторических работ и представляют собой неотъемлемую часть более широкого исследовательского поля по изучению преступников (нем. *Täterforschung* или англ. *Perpetrator Research*)². Вместе с тем до сих пор в стороне оставался анализ биографий и деятельности тех нацистов, которые возглавляли концлагеря на оккупированных территориях Советского Союза³. Данная статья является попыткой ответить на несколько основополагающих вопросов, а именно кем были люди, управлявшие концлагерями в оккупированных областях СССР? Каково было их происхождение, уровень образования и социальная принадлежность? Каковы были мотивы для их вступления в должность комендантов, и каким образом они управляли местами заключения? Наконец, в чем эти функционеры были похожи и чем отличались, по вышеназванным критериям, от комендантов «классических» концлагерей Третьего рейха?

¹ Аристов Станислав Васильевич — доктор исторических наук, доцент НИУ МЭИ (г. Москва).

² См., напр.: *Segev T. Soldiers of Evil. The commandants of the Nazi concentration camps.* New York: Mc Graw-Hill Book Company, 1987. 240 p.; *Orth K. Die Konzentrationslager — SS. Sozialstrukturelle Analysen und biographische Studien.* München: Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH, 2004. 332 s.

³ Об авторском определении понятия «концлагерь», а также о тех лагерях, которые могут быть отнесены к «концентрационным» на оккупированных территориях СССР, см. подр.: Аристов С.В. Система нацистских концентрационных лагерей на оккупированной территории Советского Союза (1941–1944 гг.): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. М., 2018. 393 с.

Вне зависимости от того, где располагался концентрационный лагерь — в рейхе или на оккупированных территориях, комендант являлся главной фигурой эсэсовской иерархии. В служебной инструкции для персонала отмечалось, что «комендант должен осведомляться обо всех происходивших в лагере процессах и упорядочивать работу персонала»⁴. Следуя предписанию, во все лагерные отделы ежедневно поступали его письменные распоряжения, касавшиеся вопросов их функционирования и поддержания казарменного порядка. Наиболее важные приказы, в первую очередь о массовых убийствах, за исполнение которых комендант нес персональную ответственность перед вышестоящим руководством, он озвучивал устно, назначая непосредственных исполнителей.

Комендант обладал огромной властью. Он имел право инициировать наказание эсэсовцев, переводить их в другой концентрационный лагерь, повышать или понижать в должности. Подобные возможности позволяли поддерживать дисциплину в рядах подчиненных. Комендант был единственной инстанцией в лагере, кто мог санкционировать различные виды наказаний узников, вплоть до смертной казни. С весны 1942 г. коменданты концлагерей становились ответственными за экономическую эффективность близлежащих предприятий СС⁵.

Биографические данные о комендантах концлагерей в оккупированных областях СССР весьма скудны, однако даже эта незначительная информация представляет научную ценность для понимания внутренней логики функционирования концлагерей.

Первым комендантом Саласпилса (конец 1941 — середина 1942 г.), организовавшим внутрилагерный террор, стал обершарфюрер СС Рихард Никель⁶. Он родился в Берлине в 1903 г. и к моменту назначения комендантом Саласпилса состоял на службе в 4-м отделе КдС⁷ Латвии. Через несколько месяцев его сменил оберштурмбанфюрер СС Курт Краузе (1942–1944). По-видимому, последний был в большей мере готов реализовывать поставленные перед ним задачи уничтожения и эксплуатации узников.

⁴ Служебное предписание для концлагерей, 1941 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р7021. Оп. 148. Д. 92. Л. 13.

⁵ Приказ О. Поля, 30 апреля 1942 г. // ГА РФ. Ф. Р7021. Оп. 103. Д. 1. Л. 19–20.

⁶ Vernehmungsniederschrift // Yad Vashem (YV). TR. 19. File 59. S. 29–30.

⁷ От нем. Kommandeur der Sicherheitspolizei und des SD (KdS).

Курт Краузе родился в 1904 г. в Легнице (Польша). Окончил школу, а затем поступил в университет, который оставил, решив заняться торговлей. К. Краузе являлся активным участником националистических формирований — «Корпус Россбаха» (1918–1921) и «Стальной шлем» (1921–1926)⁸. С началом войны в СССР был членом айнзатцгруппы «А», а в дальнейшем входил в состав КдС Латвии. В январе 1942 г. он был назначен комендантом Рижского гетто и, находясь в этой должности в течение года, до января 1943 г., параллельно управлял Саласпилсом. К. Краузе принимал активное участие в акциях уничтожения заключенных, например, «Операция Дюнамюнде», когда в начале 1942 г. в Бикерниекском лесу было расстреляно около 4 тыс. евреев⁹. В свидетельствах бывших заключенных Саласпилса этот нацистский функционер характеризовался как «садист» и «психопат».

Еще один рижский концлагерь Кайзервальд возглавлял Альберт Зауэр (1898 г. рождения, Мисдрой, Польша). В 1931 г. он стал членом НСДАП и СС, благодаря поддержке Теодора Эйке уже в 1936 г. назначен комендантом лагеря в Бад Сульца. После реорганизации лагерной системы с лета 1937 г. по 1938 г. являлся заместителем коменданта в Заксенхаузене. В 1938 г. он стал первым комендантом Маутхаузена, однако в дальнейшем, не справившись с организацией каменоломных работ в карьере Винерграбен, а также в связи с «чрезмерно мягким», с точки зрения вышестоящего руководства, отношением к узникам, был смещен с этой должности. До 1942 г. А. Зауэр работал в Имперском комиссариате по вопросам консолидации германского народа. В дальнейшем он вернулся на должность заместителя коменданта Заксенхаузена¹⁰. Весной 1943 г. А. Зауэр был командирован в Ригу, где принял участие в организации уничтожения гетто, после чего возглавлял Кайзервальд вплоть до его ликвидации летом 1944 г.

Особого упоминания заслуживает руководство одного из филиалов Кайзервальда, называвшегося по аналогии с предприятием, у которого он располагался, «Лента». С лета 1943 г. этот филиал возглавлял

⁸ Kurt Krause // YV. O.68. File 262.

⁹ Angrick A., Klein P. The “final solution” in Riga: exploitation and annihilation, 1941–1944. New York, NY; Oxford, 2009. P. 328–335.

¹⁰ Freund F., Perz B. Mauthausen — Stammlager // Der Ort des Terrors. Geschichte der nationalsozialistischen Konzentrationslager. Bd. 4 / Hrsg. W. Benz, B. Distel. München, 2006. S. 295.

один из представителей администрации Кайзервальда унтерштурмфюрер Фриц Шервиц. При нем в филиале были созданы сносные условия труда с целью повышения производительности и, по всей вероятности, получения собственной выгоды¹¹. Для усиления контроля за деятельностью Шервица руководитель КдС в Риге Ланге направил в «Ленту» Эдуарда Рошмана, бывшего коменданта Рижского гетто, который должен был отвечать за безопасность и дисциплину в лагере¹². Деятельность последнего привела к ухудшению положения заключенных, особенно это было заметно, когда Шервиц оставлял лагерь, отправляясь в командировки. Борьба между функционерами, как и между стоявшими за ними группами, продолжалась до эвакуации лагеря, так и не выявив победителя¹³.

Первым комендантом Малого Тростенца был Герхард Курт Майвальд. Майвальд родился в 1913 г. в Карлсруэ. Окончил школу, а затем получил профессию учителя и преподавал до 1938 г. Уже с середины 1920-х гг. являлся членом различных националистических организаций. В 1937 г. вступил в НСДАП, несколько позднее в СС. С началом войны стал участником айнзацгруппы «А». Во время службы в Риге являлся одним из организаторов «Операции Дюнамюнде». В мае 1942 г. был направлен в Минск для борьбы с партизанами, а также для создания концлагеря. Однако там заболел сыпным тифом и в октябре 1942 г. вернулся в Германию, где работал до конца войны в уголовной полиции¹⁴.

Уже после войны, в 1976–1977 гг., суд приговорил Майвальда к четырем годам заключения, причем основанием для этого решения было лишь его участие в организации «Операции Дюнамюнде». Несмотря на то, что против него выдвигались обвинения в убийствах заключенных концлагерей, суд отклонил эти свидетельства.

Комендантом Тростенца после Майвальда стал гауптшарфюрер СС Генрих Эйхе (родился в 1911 г. в Риге). До своего назначения

¹¹ Jahn F. Riga (Lenta) // Der Ort des Terrors. Geschichte der nationalsozialistischen Konzentrationslager. Bd. 8 / Hrsg. W. Benz, B. Distel. München, 2008. S. 75; Kugler A. Scherwitz: Der jüdische SS Offizier. Cologne, 2004. 757 s.

¹² Schnepfen H. Ghettokommandant in Riga Eduard Roschmann: Leben und Fiktion. Berlin: Metropol, 2009. S. 130.

¹³ Angrick A., Klein P. The "Final solution" in Riga: exploitation and annihilation, 1941–1944. New York, Oxford, 2009. P. 395–402.

¹⁴ Anklage StA Hamburg 141 Js 534/60 gg. Maywald (SA 200) // Zentrale Stelle der Landesjustizverwaltungen in Ludwigsburg (ZSL). B162. AR-Z 7/59. S. 126–148.

он служил в полиции безопасности и СД в Минске. С осени 1942 г. по осень 1943 г. являлся комендантом концлагеря Тростенец и лично участвовал в селекциях заключенных. В воспоминаниях бывших узников Эйхе сравнивался с «Наполеоном, которого сопровождала собака, похожая на волка. Он придирался ко всему и делал сто дел одновременно»¹⁵.

Концлагерем в бывшем совхозе «Красный» руководил унтерштурмфюрер СС Карл Шпекман. Он родился в 1889 г. в Вадерслохе, в Германии. Шпекман являлся членом КдС в Симферополе, где занимал должность главного криминального инспектора¹⁶. Его заместителем в концлагере был гауптшарфюрер СС Пауль Краузе. Оба руководителя не только лично принимали участие в убийствах «провинившихся» заключенных, но и организовывали массовые акции уничтожения, осуществлявшиеся осенью 1943 — весной 1944 г.¹⁷

Первым комендантом Яновского концлагеря во Львове был Густав Вильхауз. Он родился в 1910 г. в Форбахе (Германия), окончил начальную школу и строительное училище. В 1932 г. вступил в НСДАП и СС. В ноябре 1941 г. получил звание унтерштурмфюрера СС, а весной 1942 г. был командирован во Львов, где стал комендантом, выполняя свои обязанности в течение года, с июня 1942 г. по июль 1943 г.¹⁸

Г. Вильхауза на посту коменданта сменил гауптштурмфюрер Фридрих Варцок, ставший последним комендантом Яновского концлагеря (с июля по ноябрь 1943 г.). Ф. Варцок родился в 1903 г. в местечке Рогова в Польше и происходил из семьи рабочих. Он окончил начальную школу, а потом учился на строителя. С 1922 по 1927 г. был участником одного из «фрайкоров». В 1931 г. вступил в НСДАП и СС, а с 1941 г. возглавлял лагерь принудительного труда в Ласки-Велкие и аналогичный лагерь в округе Злошов в Польше. Одновременно

¹⁵ Цит. по: *Rentrop P. Maly Trostinez* / Hrsg. W. Benz, B. Distel. *Der Ort des Terrors. Geschichte der nationalsozialistischen Konzentrationslager*. Bd. 9. München: C.H. Beck, 2009. S. 579.

¹⁶ *Aufklärung von Tötungsverbrechen durch Angehörige der ab Sommer 1942 bestehenden Dienststelle des KdS Simferopol / Krim (Ukraine)* // ZSL. AR-Z 43/67. Bd. 4. S. 719.

¹⁷ См., напр.: *Aufklärung von Tötungsverbrechen durch Angehörige der ab Sommer 1942 bestehenden Dienststelle des KdS Simferopol / Krim (Ukraine)* // ZSL. AR-Z 43/67. Bd. 5. S. 1380.

¹⁸ *Gustav Willhaus* // YV. O. 68. File 850.

входил в штаб начальника полиции и СС в дистрикте «Галиция» Фрица Катцмана в качестве референта по «еврейскому вопросу»¹⁹.

Густав Вильхауз расстреливал узников, находившихся на территории лагеря, из окна своей канцелярии. Особенно часто жертвами становились заключенные, стоявшие в очереди на получение пайка у лагерьной столовой. Трупы убитых, число которых иногда достигало двухсот человек, не убирали по нескольку дней, и они скапливались в помойной яме рядом с кухней²⁰. В 1942 г. к 54-летию Гитлера Вильхауз собственноручно расстрелял 54 узника²¹. По свидетельствам бывших заключенных, нередко в стрельбе участвовала и его жена Оттилия²², зачастую на глазах их маленькой дочери, которая, не понимая, что происходит, радостно приветствовала происходившее²³. Сменявший Г. Вильхауза Фридрих Варцок, как сообщали свидетели, подвешивал заключенных вниз головой, а затем расстреливал их²⁴.

Комендантом Сырецкого концентрационного лагеря являлся штурмбанфюрер СС Пауль Радомский (родился в 1902 г. в Меве, Восточная Пруссия)²⁵. Член НСДАП с 1928 г., он даже в нацистских кругах имел репутацию алкоголика и садиста, за которым среди эсэсовцев закрепилось прозвище «бешеный пес»²⁶. Один из бывших узников охарактеризовал его как человека, имевшего «вид всегда пьяного кокаиниста»²⁷. Радомский лично участвовал в убийствах и избиении заключенных²⁸.

¹⁹ Friedrich Warzok // YV. О. 68. File 847.

²⁰ Протокол допроса свидетеля Корна М. С. // ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 67. Д. 75. Л. 53 об.; Testimony of Moses Fand // YV. О. 62. File 97. P. 2.

²¹ Протокол допроса свидетеля Винтера М. А. // ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 67. Д. 75. Л. 142 об.; Testimony of Edmund Adler // YV. О. 62. File 143. P. 4.

²² «The forced Labor Camp in Lwow», документальная справка, представленная ЧГК союзному руководству // ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 149. Д. 130. Л. 573.

²³ Акт Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков во Львове // ГА РФ. Оп. 116. Д. 83. Л. 39.

²⁴ Протокол допроса свидетеля Пайцур А. К. // ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 67. Д. 75. Л. 23 об.

²⁵ Ermittlungen gg. Radomsky wg. NS- und Kriegsverbrechen im Lager Haidari (Chaidari) bei Athen (Griechenland) // ZSL. AR1.378/68. S. 74.

²⁶ Prusin A. A Community of Violence // Holocaust and Genocide Studies. 2007. Vol. 21. № 1. P. 10.

²⁷ Протокол допроса Берлянта С. Б. // Галузевий державний архів Службы безпеки України (Далее — ГДА СБУ). Ф. 7. Оп. 8. Д. 1. Л. 88.

²⁸ См., напр.: Протокол допроса обвиняемого Быстрова В. В. // ГДА СБУ. Ф. 5. Д. 46839. Л. 29.

Комендантом Моглинского лагеря в Пскове был немец по фамилии Кайзер. При его непосредственном участии происходили убийства и лагерные экзекуции²⁹.

О коменданте концлагеря Колдычево в Белоруссии Франце Йорне известно лишь, что до того, как возглавить лагерь, он служил в Слониме (Польша)³⁰. Кроме того, Йорн лично участвовал в организации уничтожения евреев в концлагере³¹.

Концентрационный лагерь Вайвара в Эстонии на протяжении всего периода его функционирования возглавлял Ганс Аумайер. Он родился в 1906 г. в Амберге (Бавария). Г. Аумайер не окончил школу, решив стать подмастерьем токаря на заводе и желая идти по стопам отца. До 1929 г. он работал на различных предприятиях. В 1929 г. Г. Аумайер вступил в НСДАП, а в 1931 г. в СА, а затем в СС. После создания Дахау в 1933 г. Аумайер состоял в охранном батальоне «Верхняя Бавария», а с 1936 г. в рядах батальона «Восточная Фрисландия». В дальнейшем он в течение нескольких лет служил в охранных частях Эстервегена, Лихтенбурга и Бухенвальда, пока в 1938 г. не был назначен заместителем коменданта во Флоссенбурге. С 1942 по 1943 г. Г. Аумайер являлся одним из заместителей коменданта Аушвица. Именно при нем значительно возросло количество расстрелов узников. Однако в связи с подозрением в коррупции он был переведен летом 1943 г. комендантом в Вайвару.

После реорганизации Каунасского гетто в концлагерь его комендантом был назначен штандартенфюрер СС Вильгельм Геке (родился в 1898 г. в г. Швелм, Германия). С началом Первой мировой войны он оставил обучение в школе и в 16 лет отправился добровольцем на фронт. После войны Геке стал членом националистического формирования «Лютцов». Вступил в ряды НСДАП и СС в 1931 г. В течение одного месяца — июня 1942 г. — был комендантом исправительно-трудового лагеря Нарвик (Норвегия). В дальнейшем работал в Маутхаузене на должности руководителя одного из отделов. В июле

²⁹ Алексеев Ю. В. Моглинский лагерь: история одной «маленькой фабрики смерти» (1941–1944). М., 2011. С. 22, 53.

³⁰ ZSL. AR-Z 91/61. Bd. 3. S. 536. Tötungsverbrechen an Juden, Polen und Ukrainern auf dem Gebiet der Kreishauptmannschaft Hrubieszow / Distrikt Lublin in der Zeit zwischen Oktober 1939 und Juli 1944.

³¹ Einzel- und Massenverbrechen im Gebietskommissariat Baranowitschi / Generalbezirk Weißruthenien in den Jahren 1941 bis 1943. Ermittlungen StA München I 22 Js 104 ff./61 gg. Angehörige der dortigen Außenstelle des KdS // ZSL. AR-Z 94/59. Bd. 6. S. 1564.

1943 г. назначен комендантом лагеря в Варшаве, а уже через несколько месяцев — в сентябре того же года, комендантом концлагеря Каунас³².

Несмотря на то, что аппарат внутрилагерного управления концлагерями включал значительное количество нацистских функционеров, коменданты, безусловно, играли ключевую роль. Их приказы подлежали неукоснительному исполнению и определяли все аспекты лагерьной действительности. В этой связи представляется принципиально важным проанализировать мотивацию и модели поведения руководителей нацистских концлагерей в СССР. Это тем более актуально, так как, в отличие от комендантов концлагерей на территории рейха, подобный анализ не проводился.

Общее количество руководителей ведущих концлагерей на оккупированной территории Советского Союза составляло 13 человек, что было меньше числа комендантов лагерей за пределами СССР в три раза³³. Подобное соотношение может быть объяснено меньшим количеством самих лагерей (10 в СССР по сравнению с 21 в Третьем рейхе), менее продолжительным периодом их существования, а также незначительной ротацией кадров.

Средний возраст комендантов в концлагерях СССР был 38 лет. Самым старшим был руководитель концлагеря «Красный» Шпекман (1889 г. р.), а самым младшим — комендант Тростенца Майвальд (1913 г. р.). В отличие от концлагерей Третьего рейха, где возрастной состав комендантов постоянно менялся, проходило омоложение руководящего состава, в лагерях оккупированных территорий СССР этот состав был стабилен. Он соответствовал возрастным показателям, которые характеризовали лагеря Третьего рейха после 1942 г., периода кадровой трансформации, проводившейся Освальдом Полем.

Аналогично концлагерям в рейхе, абсолютное большинство комендантов в оккупированных советских областях являлись выходцами из низших слоев среднего класса и рабочей среды. Их максимальный уровень образования был не выше среднего специального, но и оно было редкостью.

Если среди комендантов концлагерей Третьего рейха подавляющее число было участниками Первой мировой войны, то среди руководи-

³² Beurteilung Loritz über Goecke // BAL. BDC. Wilhelm Goecke; Aufklärung von Tötungsverbrechen im Konzentrationslager Warschau (Polen) // ZSL AR-Z 158/73. Bd. 1. S. 113.

³³ Ср.: Аристов С. Повседневная жизнь нацистских концентрационных лагерей. М., 2017. С. 79–81.

лей концлагерей в СССР к таковым относился только один Вильгельм Геке (Каунас). Однако схожим с комендантами рейха было то, что многие принимали участие в националистических, полувоенных формированиях, широко распространенных в Германии после Первой мировой войны. Именно в этих организациях сложилась их радикальная, националистическая система ценностей, что проявилось в приверженности идеям нацистской партии, в которую большинство будущих комендантов вступило в самом начале 1930-х гг., еще до прихода Гитлера к власти, как и большинство руководителей концлагерей Третьего рейха.

Их карьерные траектории были не слишком вариативны и имели свою логику развития. Например, в руководстве концлагерей, подчинявшихся Главному административно-хозяйственному управлению (Вайваре, Каунасе, Кайзервальде), оказывались более опытные эсэсовцы, уже имевшие в своем послужном списке службу в «классических» концлагерях в рейхе. В то время как управлением лагерями Главного управления имперской безопасности занимались люди без подобного опыта, преимущественно представители КдС и бывшие участники айнзатцгрупп.

В итоге типовой образ коменданта нацистского концентрационного лагеря, будь то Германия или оккупированные территории Советского Союза, представлял собой убежденного нациста средних лет, с невысоким уровнем образования, ориентированного на беспрекословное, без раздумий и обсуждений, исполнение приказов высшего руководства.

Что же касается психологии комендантов, то здесь также имеются некоторые закономерности. На протяжении десятилетий ученые с различных методологических позиций пытались интерпретировать мотивы нацистских преступников. Объяснение через призму «принуждения / неукоснительного исполнения приказа», предлагавшееся самими нацистами и их пособниками в рамках множества судебных процессов, являлось элементарной попыткой снять с себя вину и было отвергнуто как профессиональными юристами, так и историками. Отсутствовали факты, которые бы свидетельствовали об отказе функционеров исполнять свои обязанности и наказании за это со стороны вышестоящих представителей политической системы.

С другой стороны, предложенная Даниелем Гольдхагеном концепция культурной обусловленности Холокоста, когда Германия, по выражению ученого, была «беременна геноцидом», не могла объяснить

массовых, повсеместных преступлений коллаборационистов, в том числе и в концлагерях³⁴.

Пожалуй, наиболее плодотворным для понимания нацистских преступлений, в частности деятельности комендантов концлагерей, является сочетание двух подходов — объяснение сквозь призму понятия «авторитарной личности» и посредством социальной обусловленности поведения. Первый взгляд предполагает, что в любом обществе имеется определенный тип людей (абсолютно нормальных с клинической точки зрения), который обладает авторитарным характером. Последний особенно ярко проявляет себя в условиях авторитарных или тоталитарных режимов. По мнению Эриха Фромма, подобный характер стал типичным для большей части низов среднего класса в Европе, в частности в Германии, поддержавших приход Гитлера к власти. Люди с подобным характером «восхищаются властью и хотят подчиняться, но в то же время они хотят сами быть властью, чтобы другие подчинялись им»³⁵.

Второй подход, чаще всего ассоциирующийся с именами Соломона Аша, Стэнли Милгрэма и Филиппа Зимбардо, демонстрирует социальную обусловленность человеческого поведения, в частности, конформность и стремление большинства подчиниться внешнему авторитету (несмотря на критику в отношении их экспериментов).

Обозначенные позиции отнюдь не противопоставляются, а дополняют друг друга, так как сила и формы проявления тех или иных аспектов «авторитарной личности», ее установок напрямую зависели от той среды, в которой оказывались люди.

Применительно к комендантам нацистских концлагерей в оккупированных областях СССР сочетание данных подходов позволяет выделить несколько основных типов поведения, которые полностью соответствовали моделям поведения комендантов в Третьем рейхе³⁶. Первый тип — «идейные бюрократы», не только стремившиеся к неукоснительному исполнению приказов начальства, но и предвосхищавшие его решения своими действиями. Второй тип — «меркантильные чиновники», осуществлявшие волю руководства и при этом не забывавшие о личном интересе. Они не стремились предлагать собствен-

³⁴ Goldhagen D. Hitler's willing executioners: ordinary Germans and the Holocaust. New York: Knopf, 1996. 622 p.

³⁵ Фромм Э. Бегство от свободы. Революционный характер. Nyköping: Philosophical arkiv, 2016. С. 125.

³⁶ Ср.: Аристов С. Указ. соч. С. 79–81.

ные идеи, зато пользовались моментом, чтобы получить максимум выгоды от своего положения. Наконец, третьи — «садисты», получавшие удовольствие от насилия и стремившиеся применять его, даже когда оно не было ничем мотивировано и никем из руководства не направлялось. Эти три типа сложно выделить в ком-то из комендантов «в чистом виде»; в большинстве случаев они смешивались и доминировали в разные периоды их деятельности. При этом все они были разными проявлениями так называемой «авторитарной личности».

Однако в целом во всей нацистской концлагерной системе преобладали все же представители второй группы — функционеры, которым был отдан приказ по выполнению определенной деятельности и которые старались ее выполнить, не задумываясь об этических проблемах. Разрешение на преступления, полученное от вышестоящего руководства, позволяло им чувствовать свою безнаказанность либо представлять себя абсолютно невиновными.

Единственное, о чем они беспокоились — это о своем личном благополучии, стараясь получить максимальную выгоду от занимаемой должности и рассматривая свои назначения в лагерной иерархии как продвижение по службе. Концлагеря, находившиеся в Советском Союзе, на окраине системы, были приспособлены для этого как ничто другое, так как контроль их деятельности со стороны руководящих органов был значительно слабее, чем в Третьем рейхе. И если в концлагерях, подчинявшихся ВФХА, на оккупированной территории СССР (в Вайваре, Кайзервальде, Каунасе) еще имели место расследования, увольнения и даже уголовное преследование нацистов, связанные с коррупцией, то в концлагерях, находившихся в ведении РСХА (Сырецком, Яновском, Колдычевском и др.), подобные прецеденты отсутствовали.

Нацистские концентрационные лагеря на оккупированной территории СССР, как и концлагеря в Третьем рейхе, были центрами реализации и координации политики перманентного унижения и террора, рабской эксплуатации и геноцида. Зачастую, вместе с близлежащими местами уничтожения узников — Бабьим Яром, Румбульским и Лисиничским лесами, Песками, Дубками и др., они превращались в «зоны смерти», территории все более расширявшейся «абсолютной власти». Особое место в этом процессе занимали коменданты концлагерей, которые были попеременно то «рьяными палачами» (Даниел Гольдхаген), то «заурядными исполнителями» (Кристофер Браунинг). Все зависело от того, какую роль им определила система.

М. И. Жбанникова¹

**Жизнь мирного населения при «новом немецком порядке» на территории Ростовской области в годы Великой Отечественной войны
(по материалам ГАРО, районных и городских газет)**

Великая Отечественная война страшной трагедией прокатилась по территории Советского Союза, не обойдя и Ростовскую область. Злодеяния немецко-фашистских захватчиков, массовое уничтожение ими советского населения в Ростовской области во время оккупации оставили неизгладимый след в народной памяти. В Государственном архиве Ростовской области хранится фонд Р-3613 «Комиссии при исполнительном комитете Ростовского областного Совета депутатов трудящихся по учету ущерба и злодеяний, причиненных немецко-фашистскими оккупантами учреждениям, предприятиям и гражданам г. Ростова-на-Дону и Ростовской области», в котором хранятся дела, свидетельствующие о чудовищных преступлениях против населения области.

В «Обращении немецкого командования к солдатам» говорилось: «...Для твоей личной славы ты должен убить ровно 100 русских, это справедливое соотношение — один немец равен 100 русским... Уничтожь в себе жалость и сострадание — убивай всякого русского, советского, не останавливаясь, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик — убивай, этим ты спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее твоей семьи и прославишься навеки»². Конечно, та-

¹ Жбанникова Марина Исмаевна — преподаватель «Московского университета им. С. Ю. Витте», филиал в г. Ростове-на-Дону, сотрудник ГКУ РО «Государственный архив Ростовской области» (г. Ростов-на-Дону).

² Государственный архив Ростовской области (далее — ГАРО). Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 17а. Л. 3.

кие обращения находили поддержку. Так, в дневнике убитого немецкого унтер-офицер Генриха Тизеля мы читаем следующие строки: «Я поставил себе цель — истребить за эту войну 250 русских, евреев, украинцев — всех без разбора. Если каждый солдат убьет столько же, мы истребим Россию в один месяц, все достанется немцам. Я, следуя призыву фюрера, призываю к этой цели всех немцев...»³

Огромный пласт меморатов и фактов, свидетельствующих о «новом немецком порядке» на оккупированной территории, содержится в материалах на страницах районных газет Ростовской области, напечатанных уже после освобождения районов Красной армией в 1943 г. Районные газеты периода Великой Отечественной войны являются частью фондов, хранящихся в ГАРО.

В данной статье представим изложение ужасов оккупации глазами очевидцев и в пересказе корреспондентов районных газет военного времени на территории Ростовской области, которая была практически полностью оккупирована в июле 1942 г. и освобождена от немецко-фашистских захватчиков 30 августа 1943 г.

Семикаракорский район Ростовской области был освобожден войсками 300-й стрелковой дивизии 2-й гвардейской армии Южного фронта 4 января 1943 г. 14 февраля 1943 г. районная газета «Большевик» напечатала рассказ Михаила Павловича Ковалева о жизни сельского населения при немецкой оккупации: «На работу стали гонять до рассвета, отпускать, когда темно становилось. За работу же выдают только 250 грамм хлеба и больше ничего». Был установлен порядок: от каждой коровы 600 литров и от каждой курицы 104 яйца в год надо было отдать «новой» власти. Кроме того, уплатить налог за каждую «живность» во дворе. За неподчинение — наказание плетью. «Вот тут мы и узнали, что значит их немецкий новый порядок. Спасибо Красной Армии, что освободила нас от этого нового порядка»⁴.

За период временного хозяйствования немцев колхозное хозяйство в районе было разграблено. Животноводческие фермы разрушены. Сады вырублены. Ущерб только колхозу «Ленинский путь» был нанесен оккупантами в 27 млн рублей⁵. В районе была полностью разрушена система здравоохранения⁶.

³ ГАРО. Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 17а. Л. 3.

⁴ Большевик. Орган Семикаракорского РК ВКП(б) и райсовета депутатов трудящихся. 14 февраля 1943.

⁵ Там же. 1944. 3 февр.

⁶ Там же. 1943. 15 марта.

17 января 1943 г. был полностью освобожден от немецких частей Миллеровский район Ростовской области. О том, как при новом порядке жило мирное население, свидетельствует статья «Лагерь смерти», напечатанная в районной газете «Большевистский путь» в декабре 1943 г.⁷ Приведем несколько отрывков из этой статьи, рассказывающих о зверствах немецких оккупантов в отношении мирного населения:

«Лагерь смерти беззащитных и раненых бойцов, место трагической гибели мирных людей, среди которых были женщины и подростки, старики и инвалиды, брошенные в эту яму за колючую проволоку. Немцы бросали в котловину мученической смерти всех, кто попадался им на глаза. Они перехватывали по дорогам идущих с кошелками женщин. Отбирали у безмолвных, на смерть перепуганных жертв их скудные пожитки, а за малейшие возражение или даже показавшиеся от страха слезы били нещадно прикладами, коваными сапогами и волокли в лагерь. Сюда бросали людей за то, что они выражали недовольство грабежом немецких солдат, их необузданной наглостью. Бросали в лагерь без всякой причины, чтобы подчеркнуть бесправие тех, которых они пришли завоевать.

...Гитлеровцы установили в лагере средневековый, варварский режим. Охрана состояла поголовно из отборных выдрессированных штурмовиков, которые хладнокровно и методически уничтожали советских людей.

...Убивали ежедневно, убивали массово. Убивали за малейшую провинность и неосторожность или просто потому, что так хотелось охране. Убийцы находили любой повод для расправы»⁸.

В город Батайск немецкие войска вошли 27 июля 1942 г. Дни оккупации оказались тяжелыми для батайчан. Город был сильно разрушен. В первые дни оккупации немцы согнали жителей на площади у станции, объявили о новом порядке. Потом отобрали группу батайчан человек 220 и погнали их на аэродром Батайской авиашколы. Заставили взяться за руки и идти на взлетные полосы. И если бы аэродром был заминирован, погибли бы многие. За время оккупации 606 человек из Батайска и пригородов были замучены в фашистских застенках, 69 угнаны в Германию. За короткое время хозяйствования в Батайском районе немцы нанесли колхозному хозяйству ущерб на 62 млн рублей. Пол-

⁷ Там же. 1943. 14, 18, 19 дек.

⁸ Большевистский путь. Орган Миллеровского ГК ВКП(б) и Городского совета депутатов трудящихся. 1943. 14, 18, 19 дек.

ностью подвергли грабежам и разрушению прекрасные конетоварные фермы, где выращивались для Красной армии хорошие скакуны. Разграблено и уничтожено в колхозах прекрасное огородное хозяйство⁹.

7 февраля 1943 г. Красная армия освободила Батайский район от немецко-фашистских захватчиков. В первую годовщину освобождения районная газета «Вперед» разместила на своих страницах статью «Не забудем, не простим!»¹⁰. В ней говорилось, что «с первых дней гитлеровцы принялись “чистить население”, как они говорили. Большинство лучших людей города и колхозов очутились в кровавых лапах палачей. В застенках гестапо начались пытки и издевательства. Арестовано и замучено в гестапо около 20 человек лучших руководителей колхозов и колхозников... Преданы мученической смерти и другие передовики сельского хозяйства. ...Не скоро забудут и будут долго рассказывать своим детям, внукам и правнукам батайчане о страшном кровавом терроре коричневой чумы и о том, что выстрадал народ за эти шесть месяцев временной оккупации»¹¹.

Пять месяцев жили под оккупацией жители Базковского района Ростовской области. О том, что происходило в это время в районе, свидетельствует подборка статей «Так было» А. Рассказова, напечатанная в газете «Донской коммунар» в июле 1943 г.¹²

Сразу же после оккупации станицы Базковской на стене большого кирпичного дома фашисты повесили «Инструкцию германских военных властей». В ней говорилось: «староста — доверенное лицо германского командования; за скрытие красноармейцев — расстрел; за связь с партизанами и хранение оружия — смертная казнь; за невыход на работу — телесное наказание; за хождение по улицам после 7 часов вечера и раньше 6 часов утра — расстрел. Все евреи должны быть отмечены буквой “ж”, иностранные — буквой “и”, русские различаются номерами»¹³.

В статье говорилось: «Со двора во двор шайками ходила немчуря. Солдаты переворачивали все вверх дном: лазили по погребам, пили и разливали молоко, забирали сметану, масло... Повсюду рыли

⁹ Вперед. Орган Батайского РК ВКП(б) и горсовета депутатов трудящихся. 1944. 14 февраля.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Донской коммунар. Орган Базковского РК ВКП(б) и райсовета депутатов трудящихся. 1943. 11, 15, 18 июля.

¹³ Там же. 1943. 11, 15, 18 июля.

картошку, топтали зеленеющие огороды. ...Отовсюду слышится кудахтанье кур, визг свиней, летит пух гусей и уток»¹⁴.

Из хуторов стали поступать ужасные вещи о расстрелах. В Грачах немцы расстреляли колхозника Лосева, в Наполовском убили мальчика. Там же были расстреляны учительницы Анна Семеновна Кудакова и Евдокия Ивановна Грицюкова. В Лиховидовском фашисты привязали к тополям зимой на морозе на несколько часов шесть колхозниц без варежек и валенок. Изнасилования, телесные наказания и «эвакуация» из домов стали нормой для нового порядка. «Народ искал приюта в логгах и буераках, заброшенных сараях и под плетнями. На долгое скитание и тяжкое страдание обрекали немцы тысячи живых людей»¹⁵.

22 декабря 1942 г. Базковский район был освобожден частями Красной армии, положив конец фашистской оккупации.

За шесть месяцев оккупации с июля 1942 г. по 21 января 1943-го оккупанты нанесли огромный ущерб Веселовскому району Ростовской области, было расстреляно 128 безвинных людей, сожжено 503 хаты, 83 общественных помещения, увезено в Германию полтора миллиона пудов хлеба.

4 сентября 1943 г. районная газета «За большевистские колхозы» сообщала: «За время своего пребывания в Веселовском районе немецкие оккупанты нанесли хозяйству района огромный ущерб. Особенно пострадало колхозное и совхозное животноводство. Оккупанты разрушили сотни хороших колхозных и совхозных построек. Десятки тысяч голов крупного рогатого скота, свиней и овец угнали и уничтожили немцы, свыше тысячи прекрасных дончаков угнали немцы в Германию. Оккупанты нарушили севообороты, чем нанесли большой ущерб агротехническим мероприятиям. Немецкие палачи и убийцы замучили и расстреляли сотни колхозных активистов.

На миллионы рублей захватили немцы личного имущества колхозников, разрушили сотни жилищ колхозников и рабочих совхоза, особенно были разрушены хутор Красное Знамя, Ново-Павловка и другие»¹⁶.

Анастасиевский район был оккупирован с октября 1941 г. и освобожден 29 августа 1943 г. 2 декабря районная газета «За зажиточную

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ За большевистские колхозы. Орган Веселовского РК ВКП(б) и райсовета депутатов трудящихся. 1943. 4 сент.

жизнь» напечатала рассказ жительницы села Анастасиевка А. Шевченко под заголовком «Кровавые оргии гитлеровцев»¹⁷: «Дни фашистской неволи, кровавых оргий гитлеровцев, ужасов и кошмара никогда не изгладятся из моей памяти. Я хочу через нашу газету рассказать, что мне пришлось испытать, каких нечеловеческих мучений, истязаний советских людей была я свидетелем и очевидицей.

Группу беззащитных мирных граждан, стариков, женщин и детей, уходящих от диких фашистских орд, гитлеровские бандиты догнали и окружили на дороге в поле.

Прежде всего они отобрали у нас лучшие вещи, с ног и плеч поснимали сколько-нибудь ценные платья и обувь...

Затем нас всех, как скот погнали к противотанковому рву и началась дикая кровавая расправа. На наших глазах отобрали и расстреляли всех евреев. Изверги не пощадили старух и детей. Ров наполнился душераздирающими криками, степь огласилась стонами и проклятиями по адресу палачей. Кровь застывала в жилих, сжимались кулаки, когда мерзавцы раненых и недобитых закапывали в землю живыми»¹⁸.

С 28 июля 1942 г. по 5 февраля 1943 г. жители Самарского района Ростовской области жили в условиях немецкой оккупации. Газета «Завет Ильича» в своем номере от 7 ноября 1943 г.¹⁹ писала, что все это время немецкие оккупанты грабили колхозное добро, жестоко расправлялись с людьми, которых они подозревали в сочувствии к советской власти.

О бесчинствах немецких властей в отношении жителей оккупированного города Новочеркасска, помимо архивных документов, хранящихся в фондах ГАРО, свидетельствуют страницы городской газеты «Знамя коммуны», которая вновь стала выходить после освобождения города 13 февраля 1943 г. Так, газета рассказала о расстреле 17 октября 1942 г. восьмерых детей из школы-интерната²⁰, о существовании лагеря смерти в подвале дома № 31 на улице Московской²¹, о чудовищной расправе над 95 больными Новочеркасской психиатрической

¹⁷ За зажиточную жизнь. Орган Анастасиевского РК ВКП(б) и райсовета депутатов трудящихся. 1943. 2 дек.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Завет Ильича. Орган Самарского РК ВКП(б) и райсовета депутатов трудящихся. 1943. 7 нояб.

²⁰ Знамя коммуны. Орган Новочеркасского ГК ВКП (б) и горсовета трудящихся. 1943. 3 марта.

²¹ Там же. 1943. 12 марта.

больницы²². Гитлеровцы угнали больше трех тысяч молодежи города в рабство в Германию²³, разрушили лучшие здания города и уничтожили оборудование и специальные кабинеты Новочеркасского индустриального института²⁴.

206 дней и ночей, с 23 июля 1942 г. по 13 февраля 1943 г., длилась немецкая оккупация города Новошахтинска. Это было время разрухи и горя, потерь и серьезных испытаний, выпавших на долю взрослых и детей. 5 тыс. жителей города были расстреляны немецкими извергами. Газета «Знамя шахтера» в своем номере от 31 июля 1943 г.²⁵ писала, что немецкие варвары за семь месяцев хозяйничанья в городе причинили огромные разрушения: разграбили городскую библиотеку, сожгли красивые здания горкома ВКП(б), треста «Несветайантрацит», превратили в конюшни многие жилые дома и учреждения. Сумма убытков, причиненных фашистами, составила более 757 млн рублей.

В статье «Зверства немцев в Новошахтинске»²⁶, напечатанной в этой же газете, говорилось о том, что после освобождения города Красной армией в окрестностях в балке Боголтай, на аэродромах, у водонапорной башни было обнаружено 29 ям, наполненных телами советских граждан — жителей города и прилегающих поселков, умерщвленных гитлеровцами. Тела были настолько изуродованы, что их было трудно опознать. После изгнания немцев в помещении полиции были обнаружены тысячи человеческих зубов, засохшие лужи крови. Доски пола насквозь пропитались кровью.

Литвиновский район Ростовской области был оккупирован с 7 июля 1942 г. по 20 января 1943 г. С первых дней пребывания в районе немецко-фашистские захватчики создали невыносимые условия в жизни советских граждан. Неслыханный грабеж трудящихся, издевательства, насилия, пытки, расстрелы, казни мирных людей проводились по указанию немецкого коменданта.

Районная газета «Кировец» 20 сентября 1943 г. напечатала «Сообщение районной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинен-

²² Там же. 1943. 6 апр.

²³ Там же. 1943. 8 апр.

²⁴ Там же. 1943. 23 нояб.

²⁵ Знамя шахтера. Орган Новошахтинского ГК ВКП(б) и городского совета депутатов трудящихся. 1943. 31 июля.

²⁶ Там же. 1943. 15 окт.

ного ими ущерба гражданам, колхозам, совхозу, МТС, общественным организациям и учреждениям Литвиновского района Ростовской области»²⁷. В нем указывалось, что немецко-фашистские захватчики разграбили все колхозное имущество, уничтожили все оборудование МТС, разрушили школы, культурные и кооперативные организации и учреждения. Районный клуб был превращен в конюшню и разрушен. Районная амбулатория, дом колхозника, здание военкомата, библиотека были полностью уничтожены. В 25 колхозах было разрушено 72 фермы. Районная комиссия определила сумму ущерба, нанесенного немецко-фашистскими захватчиками, в 148 084 459 рублей.

Во время оккупации Литвиновского района фашисты проводили казни и истребление мирного населения, в том числе и детей, что доказано свидетельскими показаниями и документами.

Все шесть месяцев оккупации станицы Цимлянской с 19 июля 1942 г. до 5 января 1943 г. для мирного населения действовал «новый порядок». Что он из себя представлял, рассказал директор средней школы С. Мазурук в статье «Зверства немецких оккупантов в Цимлянском районе», напечатанной в газете «Коллективный труд» 20 февраля 1944 г.²⁸ Достаточно привести из этого рассказа только одно предложение: «Трупы расстрелянных подолгу оставались неубранными». И еще один факт: табличка на братской могиле со словами «Здесь зверски замучены немецко-фашистскими извергами 42 человека — 27 мужчин, 10 женщин и 5 детей»²⁹.

Оккупация Романовского района Ростовской области продолжалась с 1 августа 1942 г. до 6 января 1943 г. Как писала газета «Колхозная правда»³⁰, это были черные дни для населения района. «Ворвавшись в пределы района, фашистские изверги замучили, расстреляли многих мирных граждан». «Палачи разграбили наши богатые колхозы, разрушили жилые дома, школы, клубы. По самым скромным подсчетам сумма убытков по скоту колхозов нашего района составляет 20 483 812 рублей, по сельхозпродуктам и посевам убытки составили

²⁷ Кировец. Орган Литвиновского РК ВКП(б) и райсовета депутатов трудящихся. 1943. 20 сент.

²⁸ Коллективный труд. Орган Цимлянского РК ВКП(б) и райсовета депутатов трудящихся. 1944. 20 февр.

²⁹ Там же.

³⁰ Колхозная правда. Орган Романовского РК ВКП(б) и райсовета депутатов трудящихся. 1945. 14 февр.

47 591 261 рубль, разграблено имущество колхозов более чем на 29 миллионов рублей»³¹.

Во время Великой Отечественной войны Мясниковский район Ростовской области дважды был оккупирован немецко-фашистскими войсками. Окончательно район был освобожден от немецко-фашистских захватчиков 16 февраля 1943 г. Районная газета «Коммунар» 15 августа 1943 г.³² и 9 сентября 1943 г.³³ напечатала статьи, рассказывающие о том, как жили мясниковцы во время оккупации.

В первой статье говорится о том, что семь месяцев хозяйничали гитлеровские бандиты в районе. «Днем и ночью немцы выгоняли население на работу. За малейшее опоздание или неповиновение фашисты избивали до полусмерти, а “подозрительных” личностей расстреливали». Вторая статья рассказывала, что немцы установили в районе норму для населения: сдать в год 600 литров молока от каждой коровы и 300 яиц от одной курицы. За опоздание на работу — штраф 500 рублей. «Народ стонал под жестоким гнетом немецких вандалов»³⁴.

Азовский район Ростовской области был оккупирован немецкими войсками 28 июля 1942 г. Статья «Злодеяния немецких извергов», напечатанная в районной газете «Красное Приазовье» 14 февраля 1944 г.,³⁵ красноречиво описывает ужасы «нового порядка», установленного для мирного населения. Приведем часть текста из этой статьи: «За шестимесячное хозяйничание в Азовском районе гитлеровские палачи расстреляли сотни ни в чем не повинных советских граждан. Карьеры кирпичного завода и противотанковый ров были превращены в могилы.

Попирая человеческие законы, гитлеровские варвары уничтожали без суда и следствия стариков, женщин, детей...

Силой оружия немецкие временщики угнали из нашего района на каторжные работы в Германию тысячи человек молодежи...

Осуществляя “Новый порядок” в районе, немецкие мракобесы изуродовали городской парк культуры и превратили его в кладбище своих пошляков. Полностью разорили четыре больницы, 22 школы, раз-

³¹ Там же.

³² Коммунар. Орган Мясниковского РК ВКП(б) и райсовета депутатов трудящихся. 1943. 15 авг.

³³ Там же. 1943. 9 сент.

³⁴ Там же. 1943. 15 авг.

³⁵ Красное Приазовье. Орган Азовского РК ВКП(б), райсовета и горсовета депутатов трудящихся. 1944. 14 февр.

грабили и уничтожили инвентарь, оборудование, наглядные пособия, библиотеки. Варварскими действиями оккупанты причинил ущерб народному образованию и здравоохранению района на четыре с половиной миллиона рублей и коммунально-жилищному хозяйству — на 22 млн 500 тыс. рублей.

Принудительно изъято в районе более пяти тысяч голов крупного рогатого скота, 3100 свиней, 3200 овец, 1800 лошадей, 40 тысяч штук птицы, 253 тысячи пудов хлебопродуктов и 91 тысяча пудов овощей и картофеля, уничтожено и разрушено 164 колхозных здания.

Немецкие захватчики причинили колхозам и совхозам района материальный ущерб на 92 млн 300 тысяч рублей, а всему народному хозяйству района — на 231 844 600 рублей. Тысячи граждан были ограблены. Причиненный им материальный ущерб, по не точным данным, составляет 14 млн рублей»³⁶.

«Это были самые горькие, самые жуткие дни», — говорится в статье «Горькие дни», напечатанной в этой же газете 12 мая 1944 г.³⁷

Освобождение от фашистского «нового порядка» Красная армия принесла жителям Азовского района 7 февраля 1943 г.

14 февраля 1943 г. от немецко-фашистских захватчиков был освобожден город Красный Сулин. Жители города находились под немецкой оккупацией с 21 июля 1942 г. Секретарь ГК ВКП(б) А. М. Цветков в своей статье «Не забудем, не простим», напечатанной в газете «Красносулинская правда» 13 февраля 1944 г.,³⁸ рассказал следующее: «21 июля 1942 года немецко-фашистские бандиты ворвались в город и, временно оккупировав его, стали подвергать неслыханным пыткам и издевательствам жителей города и его пригорода, разрушать и грабить все народное добро, созданное упорным трудом трудящихся.

Около 7 месяцев находились красносулинцы под ярмом немецко-фашистских оккупантов. За время своего хозяйничанья немецкие изверги нанесли городу огромный ущерб, причинили жителям неимоверные лишения, муки и страдания.

В своей звериной ненависти к великому русскому народу и ко всему русскому они подвергали пыткам, истязаниям и расстрелам мирное население — детей, женщин и стариков. За время оккупации немецкие

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. 1944. 12 мая.

³⁸ Красносулинская правда. Орган Красносулинского ГК ВКП(б) и городского совета депутатов трудящихся. 1944. 13 февр.

палачи зверски замучили и расстреляли более 420 человек ни в чем не повинных жителей города.

Даже самые лютые звери не обращаются со своей жертвой так, так обращались во время оккупации города немецкие изверги с нашими советскими людьми. С дьявольской методичностью они истребляли советских людей, не успевших эвакуироваться вглубь своей страны. Под предлогом отправки на работу они выводили беззащитных граждан на пределы города и, учинив над ними нечеловеческие пытки и истязания, расстреливали и бросали живыми в шурфы шахт, в противотанковые рвы и балки.

После изгнания немецких оккупантов из города в шурфе бывшей шахты на северо-западной окраине города было обнаружено более 40 трупов мужчин и женщин, брошенных туда немецкими бандитами. В противотанковом рве на юго-западной окраине города были обнаружены трупы людей, связанные жесткой проволокой по 5 человек вместе, некоторые с подтянутыми ногами и локтями рук, с выкрученными руками, отрубленными кистями, с выбитыми челюстями, с разможенными черепами. Медицинское освидетельствование установило, что часть из них была зарыта в землю живыми...

В осуществление злодейских планов гитлеровской клики немецкие бандиты произвели массовый увод населения города в Германию. Под страхом расстрела, силой оружия, разной формой облав и принудительной мобилизации немецкие рабовладельцы угнали более 1500 юношей и девушек в немецкое рабство, на каторжный, подневольный труд.

В своей звериной злобе к нашему социалистическому хозяйству и культуре немецкие оккупанты подвергли невиданному разрушению все отрасли народного хозяйства города — промышленные предприятия, социально-культурные и лечебные учреждения, школы, библиотеки, жилой фонд, предприятия коммунального хозяйства, торговли и общественного питания.

С беззастенчивостью профессиональных разбойников они грабили личное имущество у жителей города. По далеко не полным данным, у населения города разграблено личного имущества более чем на 2,5 миллиона рублей.

Фашистские вандалы во Дворце культуры устроили автомастерские, конюшни... Они сожгли три средних школы, а остальные разрушили и загадили... Они уничтожили все библиотеки города с общим книжным фондом более 100 тысяч книг. В детских яслях имени Восьмого

марта, в здании механизированной столовой немцы устроили гаражи и конюшни... Как средневековые варвары разрушали они наши парки, сады и скверы, уничтожив несколько тысяч декоративных деревьев»³⁹.

Почти 2 года хозяйничали немецкие оккупанты в Куйбышевском районе Ростовской области. За это время они разрушили и сожгли лучшие здания, разграбили и уничтожили культурные учреждения, в груды развалин превратили целые колхозы и совхозы, расстреляли и замучили несколько десятков мирных жителей района, в том числе женщин, стариков и детей⁴⁰.

24 августа 1944 г. газета «Куйбышевская искра»⁴¹ сообщила, что район был полностью освобожден Красной армией 23 августа 1943 г. «Фашистские негодяи после себя оставили кровавые следы опустошения на всей территории района. Они растащили, разбили и уничтожили все средства производства, рабочий и продуктивный скот, все производственные и культурно-бытовые здания МТС, колхозов и общественных организаций, все школы и медицинские учреждения. Разбили, сожгли и взорвали 3596 жилых домов, что составляет 71% жилого фонда в районе. Всего нанесли убытков району (по неполному учету) на 477 032 280 рублей»⁴².

С 28 июля 1942 г. по 4 февраля 1943 г. длилась оккупация Кагальницкого района Ростовской области. Газета «Ленинец» писала: «Никогда не забудут трудящиеся нашего района черных дней немецкой оккупации, тех мук и страданий, которые причинили им немецкие варвары. Они разграбили колхозы, совхозы и МТС, жгли постройки колхозников, подвергали пыткам и расстрелам лучших людей советского и партийного актива района»⁴³.

5 месяцев находились под оккупацией жители Дубовского района Ростовской области: с 1 августа 1942 г. по 1 января 1943 г. Районная газета «На подъеме» в своем номере от 7 ноября 1943 г. разместила статью «Что сделали нам немцы»⁴⁴. В ней представлены факты,

³⁹ Там же. 1944. 13 февр.

⁴⁰ Куйбышевская искра. Орган Куйбышевского РК ВКП(б) и райсовета депутатов трудящихся. 1944. 16 марта.

⁴¹ Там же. 1944. 24 авг.

⁴² Там же.

⁴³ Ленинец. Орган Кагальницкого РК ВКП(б) и райсовета депутатов трудящихся. 1945. 4 февр.

⁴⁴ На подъеме. Орган Дубовского РК ВКП(б) и райсовета депутатов трудящихся. 1943. 7 нояб.

свидетельствующие о «новом порядке», установленном немецкими фашистами для мирного населения. Зверски замучено и расстреляно 5163 жителя района. Создан лагерь смерти для советских граждан в хуторе Ериковском, в котором находилось до 18 тыс. человек. Только от пыток, истощения, непосильного труда и расстрелов в лагере ежедневно выбывало от 100 до 225 человек, всего умерло и расстреляно свыше 5000 человек. В районе уничтожено и разрушено 1292 жилых дома, 90 животноводческих ферм, вывезено и уничтожено 524 107 центнеров хлеба, истреблено 3984 крупного рогатого скота, 5935 свиней, 989 лошадей, 10 000 овец, 55 000 голов птицы. Только одним колхозам района фашистами причинен ущерб на сумму 206 213 тыс. рублей. Сумма убытков, причиненных школам, исчисляется в 3 774 000 рублей. Кроме того, немецкими извергами расстреляны два учителя и учения 12 лет.

С 22 июля 1942 г. по 10 февраля 1943 г. население Раздорского района Ростовской области жило по законам, установленным «новым порядком» немецких оккупантов. За это время, как информировала районная газета «Советский Дон»⁴⁵, было расстреляно 146 лучших, передовых человек района, угнано в Германию 445 человек.

Огромный материальный ущербнесли немецкие оккупанты хозяйству района. Были уничтожены тысячи голов скота, вырублены богатейшие виноградники, разрушено много школ, клубов, изб-читален, лечебных учреждений, жилых домов, животноводческих ферм и общественных построек. Производился массовый грабеж населения.

Оккупация территории Зимовниковского района Ростовской области началась 7 августа 1942 г. и длилась 153 дня. 8 января 1943 г. район был освобожден частями Красной армии. Смерть, грабежи, террор, насилие и разорение принесли на своих штыках немецко-фашистские захватчики. Зимовниковцы на себе испытали грабежи, разорение и унижение человеческого достоинства. Районная газета «Социалистическое животноводство» в своем номере от 8 ноября 1943 г.⁴⁶ обратила внимание на то, что во время немецкой оккупации были разрушены школы и культурные учреждения, уничтожены учебники и учебные пособия, разбиты и уничтожены инвентарь и оборудование.

⁴⁵ Советский Дон. Орган Раздорского РК ВКП(б) и райсовета депутатов трудящихся. 1944. 10 февр.

⁴⁶ Социалистическое животноводство. Орган Зимовниковского РК ВКП(б) и райсовета депутатов трудящихся. 1943. 8 нояб.

Семь месяцев (213 дней), с 21 по 29 ноября 1941 г. и с 24 июля 1942 г. по 14 февраля 1943 г. длилась оккупация Аксайского района Ростовской области немецко-фашистскими захватчиками. О событиях того времени и о «новом порядке» немецких оккупантов хорошо написано на страницах районной газеты «Сталинский путь». В номере от 3 февраля 1944 г. рассказывается: «За этот срок фашистские бандиты разрушили и разграбили богатство района. Гитлеровцы глумились и издевались над советскими людьми, истребляли ни в чем не повинных мирных жителей.

Фашисты уничтожили, разрушили и сожгли все общественные постройки, ветродвигатели на фермах, механизацию поливного хозяйства колхозов и совхозов. Превратили в груды развалин заводы и железнодорожные станции. На 80 процентов разрушили помещения, растащили мебель и оборудование больниц, школ. Такая же участь постигла и все здания учреждений и организаций. Сады и виноградники, скверы памятники смели, растоптали. Растащили и Старочеркасский музей. Немцы причинили убытки нашему району на сумму свыше 200 миллионов рублей.

Гитлеровские людоеды разоряли и разрушали не только общественное добро. Они грабили мирное население, насаждали эпидемические и венерические болезни.

Гитлеровцы увели на немецкую каторгу свыше 1000 человек и кроме того расстреляли и на смерть замучили около 500 человек мирных жителей района...

По всякому поводу и без поводов гитлеровцы учиняли порки, расстрелы и издевательства над советскими людьми»⁴⁷.

13 февраля 1944 г. газета «Сталинский путь»⁴⁸ напечатала статью о полном разрушении Аксайского консервного завода немецкими оккупантами, а 7 ноября 1944 г. рассказала: «Гитлеровцы взорвали консервный и стекольный заводы, уничтожили скот колхозов и совхозов, разрушили животноводческие постройки. Не успев угнать лошадей, фашистские мерзавцы расстреляли их из пулеметов. Ущерб, причиненный только колхозам района, исчисляется в сумме 109 235 800 рублей»⁴⁹.

⁴⁷ Сталинский путь. Орган Аксайского РК ВКП(б) и райсовета депутатов трудящихся. 1944. 3 февр.

⁴⁸ Там же. 1944. 14 февр.

⁴⁹ Там же. 1944. 7 нояб.

С 17 октября 1941 г. по 30 августа 1943 г. продолжалась немецкая оккупация города Таганрога. 7 октября состоялся судебный процесс по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников в городе Таганроге в период его временной оккупации, о ходе которого информировала газета «Таганрогская правда»⁵⁰. Следствием было установлено, что немецко-фашистские захватчики после своего вступления в город Таганрог непрерывно учиняли расправы над мирными советскими людьми. Истреблением мирного населения и участием подпольной организации занимались «Зондеркоманда СС-10-А» и «Зондеркоманда СД-6», полиция. Арестованные подвергались жестоким пыткам, избиениям и издевательствам, которые заканчивались расстрелом.

1 сентября 1943 г. была вскрыта массовая могила замученных советских людей на Петрушеной Косе. Газета «Таганрогская правда» в статье «Балка смерти» рассказала следующее: «Сюда людей приводили ночью или рано утром. Серая машина, которую таганрожцы прозвали “каретой смерти”, медленно шла по крутому спуску мимо стен завода им. Димитрова. Затем ухабистая дорога резко поворачивала влево, и тогда вся балка была, как на ладони. У самого въезда в нее, на обрыве, гитлеровцы врыли столб, к которому была прибита доска с надписью на русском и немецком языках: “балка смерти”».

До войны в балке был карьер кирпичного завода. Отсюда брали глину для изготовления кирпичей... Фашистские убийцы превратили балку в огромную могилу, в место чудовищного расстрела больших групп ни в чем не повинных людей. В длинном рву вдоль южного обрыва гитлеровцы расстреляли около семи тысяч евреев. У восточного обрыва были вырыты три ямы, в которые сбрасывались трупы русских людей. Они лежат в несколько слоев, слегка присыпанные землей.

Ровно за неделю до освобождения Таганрога, гитлеровцы расстреляли на Косе 80 человек — рабочих, женщин, подростков»⁵¹.

Город Каменск был под немецкой оккупацией с 18 июля 1942 г. до 13 февраля 1943 г. Газета «Труд» на своих страницах неоднократно печатала статьи об установленном в городе «новом немецком порядке». Вот что рассказывалось в ее номере от 9 февраля 1944 г.: «Ярко воскресают в памяти долгие мучительные месяцы немецкой оккупации.

⁵⁰ Таганрогская правда. Орган Городского Комитета ВКП(б) и городского Совета депутатов трудящихся города Таганрога. 1943. 8 окт.

⁵¹ Там же. 1943. 2 сент.

В здании педагогического училища была комендатура, с ее страшными застенками. Гестапо. Одно это слово леденит кровь. Жители соседних домов каждую ночь слышали крики и стоны жертв фашистского террора. Тут же во дворе, кровавые убийцы совершали свои чудовищные злодеяния: пороли, истязали, расстреливали ни в чем не повинных людей. Культурный очаг, рассадник просвещения был превращен немцами в кровавый застенок»⁵².

В данной статье представлена лишь часть газетного материала, содержащего свидетельства зверств и насилий, чинимых фашистскими оккупантами в отношении мирных жителей в период оккупации Ростовской области. Рассмотрены только несколько документов, хранящихся в фондах ГАРО. Специалистам-архивистам, историкам, общественным патриотическим организациям необходимо сделать все возможное, опираясь на исторический материал, спустя 75 лет после окончания Великой Отечественной войны, донести до молодого поколения правду о великом подвиге советского народа, мужестве и страданиях мирных жителей в условиях немецкой оккупации. Современная молодежь должна знать, какой ценой была добыта Победа над фашистской Германией и его сателлитами.

⁵² Труд. Орган Каменского ГК ВКП(б) и горсовета депутатов трудящихся. 1944. 9 февр.

Население Елгавы к концу войны

Одним из трагических итогов Второй мировой войны для Елгавы стало очень большое обновление населения города после 1945 г. Такой вывод можно сделать, если суммировать общие потери населения за 1939–1945 гг.

В 1935 г. в Елгаве проживали 34 099 человек². Первый удар по населению Елгавы нанесла состоявшаяся в 1939–1940 гг. репатриация немецкой общины — город навсегда покинули около 2300 немцев.

С августа 1940 г. по 28 июня 1941 г.:

- арестованы и депортированы в отдаленные районы СССР — около 450 человек³, сколько из них вернулось в Елгаву после войны — неизвестно;
- расстреляны в конце июня в помещении Дома айзсаргов по улице Матера — 6 человек (свидетельство А. Непарта)⁴;
- оставили Елгаву в составе батальона рабочей гвардии 27 июня 1941 г. — 274 человека (в это число включены и жители уезда, а также группа добровольцев из Литвы)⁵. Сколько из них вернулось в Елгаву после войны — неизвестно;

¹ Гуцин Виктор Иванович — кандидат исторических наук, директор Балтийского центра исторических и социально-политических исследований (Латвия).

² URL: <https://de.wikipedia.org/wiki/Jelgava> (дата обращения: 09.08.2020).

³ Гуцин В. «Страшный год» в Елгаве. 17 июня 1941–29 июня 1941 // «Наш город» (1265–1996). Исторические рассказы о Елгаве. Выпуск № 12 (27). Приложение к елгавской городской «Новой газете». 1996. 13 июня.

⁴ Neparts Arturs. Nacionālā pretestība bolševiku okupācijas gadā (1940–1941.g.) Jelgavas Valsts Skolotāju Institutā // Latvijas vēstures institūta žurnāls. 1996.g., #1. Lp.148.

⁵ Жубит Кришьянис. Гвардейцы Елгавы // На правый бой, на смертный бой. Сборник воспоминаний и документов о вооруженной борьбе латышского народа против фашистских захватчиков. Том 1. Июнь 1941 г. — декабрь 1943 г. Рига, 1968.

- эвакуировались перед началом немецкой оккупации (в том числе евреи) — неизвестно, сколько из них после войны вернулось в Елгаву — неизвестно.

Таким образом, еще до начала немецко-фашистской оккупации Елгавы потери населения города уже составляли около 3 тыс. человек.

Перед самой войной в Елгаве проживали 41 617 человек. Из них: рабочие — 17 644, военнослужащие — 9378 (в том числе 6 тыс. солдат и командиров Красной армии), иждивенцев — 14 595, в том числе детей до 16 лет — 5178. Как видим, собственно гражданское население составляло 32 234 человека⁶.

Согласно переписи населения Латвии, состоявшейся 24 февраля 1943 г.,⁷ в Елгаве проживали 30 809 человек⁸. Это же количество жителей города указано и в справке, которую (вероятно, по итогам переписи) подготовил Отдел рабочей силы Земгальского гебитскомиссариата (руководитель Шмуцлер). В справке указано, что из 30 809 человек 13 820 составляли мужчины (в том числе 7058 в возрасте от 15 до 60 лет) и 16 989 — женщины (в том числе 8780 в возрасте от 15 до 50 лет)⁹.

Но не все жители Елгавы 1943 г. проживали в городе и до войны. 22 мая 1942 г. в Елгаву пришел, по-видимому, первый эшелон из России, в котором в Латвию вернулись 616 российских латышей¹⁰. В феврале 1943 г. в Елгаву пришел еще один эшелон, в котором прибыли жители Московской области¹¹. Как в ходе переписи учитывались эти переселенцы, мы не знаем.

Если же механически вычесть из цифры в 32 234 человека (1941 г.) итоговую цифру переписи по Елгаве, то получается, что потери

⁶ Латвийский государственный исторический архив (далее — ЛГИА). Ф. Р-132. Оп. 30. Д. 17. Л. 8.

⁷ Федотов А. Н. Национальный состав населения Латвии за 110 лет в зеркале статистики. URL: <https://www.russkije.lv/ru/pub/read/russkie-v-latvii-sbornik/rus-v-latvii-1-fedotov.html> (дата обращения: 16.08.2020).

⁸ Tautas skaitīšana 1943.g. 24. februārī. — «Rosme», Rīga Adolf-Hitler-Str. 133, 1944. gads; Jelgava. URL: <https://lv.wikipedia.org/wiki/Jelgava>; <https://de.wikipedia.org/wiki/Jelgava> (дата обращения: 18.08.2020).

⁹ Протоколы, акты и справки об истреблении мирных советских граждан и советских военнопленных на территории Елгавского уезда за период оккупации 1941–1944 гг. Начато: 1944 г. Окончено: 1945 г. // ЛГИА. Ф. Р-132. Оп. 30. Д. 17. Л. 32.

¹⁰ Гуцин Виктор. Елгава в годы немецкой оккупации. 1941–1944. Публикация вторая. Депортированы из России // Историческое приложение к «Новой газете». Выпуск № 7. «Новая газета». 1995. 24 авг.

¹¹ Там же.

населения Елгавы к февралю 1943 г. составляли 1425 человек. Эта цифра вполне коррелирует с отчетом бригадефюрера СС Ф. В. Шта-лекера о деятельности Оперативной группы «А», согласно которому за период с конца июня 1941 г. по 15 октября 1941 г. в районе Елгавы (т. е. в городе Елгаве и ближайших окрестностях) были уничтожены 3576 человек¹².

Сбор сведений о потерях среди мирного населения города Елгавы с 29 июня 1941 г. по 31 июля 1944 г. был начат еще во время боев за город летом 1944 г.

28 августа военный прокурор воинской части (полевая почта 45231-Ж) гвардии майор юстиции Теппер; военный следователь, гвардии капитан юстиции Коломыткин; военный следователь, гвардии капитан Федотов, а также жители Елгавы Валдемар Андреевич Скудра, Элизабет Антоновна Скудра, Янис Андреевич Скудра и Бернадона Ивановна Скудра составили первый акт о зверствах немецко-фашистских захватчиков в Елгаве в 1941–1944 гг.¹³

17 сентября 1944 г. Елгавский городской исполнительный комитет и Елгавский городской комитет КП(б) Латвии, основываясь на постановлении СНК СССР от 16 марта 1943 г. (№ 299) и постановлении Совета народных комиссаров Латвийской ССР и ЦК КП(б) Латвии от 24 августа 1944 г. (№ 105), приняли решение образовать Чрезвычайную комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и причиненного ими ущерба гражданам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям города Елгавы. В состав комиссии вошли:

- Ян Мартынович Страумитис, секретарь Елгавского городского комитета ЛКП(б), председатель;
- Рудольф Оттович Клеркс, председатель Елгавского городского исполнительного комитета, заместитель председателя комиссии;
- Карл Яковлевич Готхарсон (или Готхардсон), начальник Елгавского отдела НКВД, член комиссии;
- Рингольд Янович Чаксте, директор Елгавской городской больницы;

¹² Оперативная группа «А». Подробный отчет о числе казненных до 15.10.1941 // Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 7021. Оп. 148. Д. 256. Л. 336–337.

¹³ Акт о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в гор. Йелгава (Митава) Латвийской ССР // ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 93. Д. 2406. Л. 52–53.

- Леонид Янович Курт, заведующий отделом народного образования Елгавского горисполкома, ответственный секретарь комиссии¹⁴.

В период с 25 по 28 ноября 1944 г. судебно-медицинская экспертная комиссия в составе: главного судебно-медицинского эксперта 2-го Прибалтийского фронта гвардии полковника медицинской службы Э.И. Кантер и судебно-медицинских экспертов майора медицинской службы С.В. Бушмакина и майора медицинской службы С.И. Поляк в присутствии руководителей и членов Елгавской городской чрезвычайной комиссии Я.М. Страумитиса, Р.О. Клекерса, К.Я. Готхарсона, Р.Я. Чаксте и Л.Я. Курта, а также заместителя председателя горисполкома Эйхмана, прокурора Медниса и заведующего горздравотделом Ленсмана провела эксгумацию и судебно-медицинское исследование трупов — жертв фашистских злодеяний для установления причины их смерти и примерного количества захороненных. По итогам работы этой комиссии был составлен акт о потерях среди мирного населения Елгавы в 1941–1944 гг.¹⁵

К 26 декабря 1944 г. была подготовлена (в том числе на основании упомянутого выше акта) «Справка ориентировочных сведений об истребленных мирных гражданах и советских военнопленных и угнанных в Германию мирных гражданах из освобожденных городов и уездов Латвийской ССР»¹⁶. В Елгаве в 1941–1944 гг., согласно этой справке, были расстреляны 4650 человек и 6000 человек вывезены на работу в Германию.

Иные цифры потерь среди мирного населения Елгавы в документе от 18 января 1945 г. приводит ответственный секретарь Елгавской городской чрезвычайной комиссии Леонид Курт. В этом документе указано общее количество расстрелянных и вывезенных на принудительные работы в Германию жителей города в 1941–1944 гг.:

«1. Комиссия установила, что из 32 500 чел. гражданского населения гор. Елгавы в 1941 г. после освобождения города от немецко-фашистских захватчиков в 1944 г. осталось не более 26 000, остальные

¹⁴ Выпись из протокола № 1 от 17 сентября 1944 г. Елгавского городского исполнительного комитета и Елгавского городского комитета КП(б) Латвии // ЛГИА. Ф. Р-132. Оп. 29. Д. 24. Л. 2.

¹⁵ Акт судебно-медицинской экспертизы // ЛГИА. Ф. Р-132. Оп. 30. Д. 17. Л. 1–4.

¹⁶ Справка ориентировочных сведений об истребленных мирных гражданах и советских военнопленных и угнанных в Германию мирных гражданах из освобожденных городов и уездов Латвийской ССР // Государственный архив Латвии (далее — ГАЛ). Ф. 270. Оп. 1. Д. 323. Л. 19.

6500 расстреляны или увезены на каторгу. Расстреляно около 4500 чел., а около 2000 увезены...»¹⁷

Приведенные в документе цифры потерь среди гражданского населения Елгавы, особенно по количеству вывезенных на принудительные работы в Германию, серьезно расходятся с данными «Справки ориентировочных сведений...». При этом непонятно, как была определена общая численность населения, оставшегося в Елгаве после освобождения от немецкой оккупации, — 26 000 человек, если из документов известно, что в июне 1945 г. в Елгаве проживали 12 615 человек¹⁸ и при этом не все из них проживали в городе до войны.

С конца декабря 1944 г. в Елгаве в течение 25 дней находился инструктор Чрезвычайной республиканской комиссии при СНК ЛССР Брюхович. В своей докладной записке от 23 января 1945 г. он писал, что за время его пребывания в Елгаве состоялось 10 заседаний Городской чрезвычайной комиссии и что работу комиссии, по его мнению, осложняли и замедляли следующие обстоятельства: «близость фронта и прифронтовая обстановка; нехватка людей, которых можно было бы привлечь к работе комиссии; и перегруженность работой членов комиссии, особенно ответственного секретаря комиссии тов. Курта»¹⁹.

16 января 1945 г. в адрес Елгавской городской чрезвычайной комиссии было направлено письмо Республиканской чрезвычайной комиссии, в котором ставилась задача закончить все работы по учету жертв злодеяний немецко-фашистских захватчиков к 25 января²⁰. Однако в установленный срок Елгавская городская чрезвычайная комиссия свою работу не закончила.

19 апреля 1945 г. ответственный секретарь Республиканской чрезвычайной комиссии Клявин направил секретарю Елгавского горкома КП(б) Латвии и председателю Елгавской городской чрезвычайной комиссии Я. Страумитису телефонограмму с требованием «проверенные акты и прочие документы немедленно прислать нам вместе с опытным сотрудником комиссии»²¹.

¹⁷ Сведения о работе Елгавской городской комиссии по учету ущерба и установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков к 18/І 1945 // ЛГИА. Ф. Р-132. Оп. 29. Д. 24. Л. 6.

¹⁸ ЛГИА. Ф. Р-132. Оп. 30. Д. 17. Л. 35.

¹⁹ ЛГИА. Ф. Р-132. Оп. 29. Д. 24. Л. 4–5 об.

²⁰ ЛГИА. Ф. Р-132. Оп. 30. Д. 17. Л. 41.

²¹ Телефонограмма от 19 апреля 1945 г. // ЛГИА. Ф. Р-132. Оп. 29. Д. 24.

25 апреля 1945 г. Совет народных комиссаров Латвийской ССР принял постановление № 404 «Об итогах работы по учету ущерба, причиненного немецкими оккупантами по г. Риге, Рижскому уезду, гор. Елгаве и Елгавскому уезду», в котором, в частности, говорилось: «Совет Народных Комиссаров Латвийской ССР отмечает, что <...> по гор. Елгаве (председатель горисполкома т. Клекерс) <...>, несмотря на достаточный срок и наличие возможности, не обеспечено выполнение в срок работы по учету ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками...»²²

29 мая 1945 г., т. е. уже после капитуляции гитлеровской Германии 9 мая и капитуляции 10 мая группировки немецко-фашистских войск в Курляндии, хотя отдельные боевые действия здесь продолжались вплоть до 23 мая, уполномоченный НКВД Латвийской ССР и Чрезвычайной республиканской комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских оккупантов капитан Бундзис направил председателю Елгавской городской чрезвычайной комиссии Я. М. Страумитису докладную записку, в которой крайне критически оценил итоги проведенной Городской чрезвычайной комиссией к этому времени работы. В докладной записке говорилось:

«Несмотря на то, что давно прошли все сроки, тем не менее работа по расследованию о массовом истреблении немецкими оккупантами мирных граждан, советских военнопленных и угону в рабство не только не закончена, но даже не раскреплена между следственными органами. В результате... недостаточно данных о местах, о количестве истребленных в местах захоронения. Имеющиеся данные о захоронении в лесу около Николаевского кладбища 350 человек, в лесу "Гарие кални" 420 человек, в "Эрмикю приедес" 400 человек, на плацу военного стрельбища 5000–6000 человек мирных граждан, в лесу в 2 км от Елгавы по Рижскому шоссе 18000 человек и на бывшем военном гарнизонном кладбище 5000 человек советских военнопленных недостаточно подтверждены материалами расследования.

Материалы расследования неполны, поверхностны и неубедительны. Количество допрошенных свидетелей недостаточно. К местам массовых захоронений нет схематических чертежей, и ни одно дело не оформлено так, как этого требуют инструктивные указания.

<...>

²² Постановление СНК Латвийской ССР от 25 апреля 1945 г. // Там же.

2. Письмо ЧГК № 49 от 16.1.45 года, при котором возвращены акты с нашими указаниями об окончании расследования к 25.1.1945 года, лежат без исполнения.

3. Об уgone мирных граждан в немецкое рабство, если не считать около 250 карандашом написанных без адреса и даты записок, ничего не сделано. Если по стат. данным, опубликованным в “Известиях Верховного Совета СССР” на 1.1.40 г. числилось населения города свыше 35 тыс. человек, а в прошлом году зарегистрировано только 13 000 человек местного населения, то возникает вопрос, что же стало с 22 000 человек. Ясно, что они или истреблены немецко-фашистскими захватчиками, или угнаны в рабство.

Для того чтобы закончить работу по расследованию в 5–6 дней, необходимо закрепить объекты расследования за следственными органами: за УО НКВД — об истреблении мирных граждан, за УО НКГБ — об истреблении советских военнопленных и за Прокуратурой — оформление материалов об уgone в рабство.

Для вашего сведения сообщаю, что если размеры могил, указанные в ваших актах от 25–28/XI-44 года, проверены и будут подтверждены убедительными показаниями, то количество истребленных должно быть значительно больше, чем указывалось в указанных актах.

Так, например, “Эрмику приедес” могила № 1 размером $18 \times 3 \times 3$ метра при глубине слоя земли засыпки трупов в $1/2$ метра, получается 135 метров куб. Если по 7 трупов на 1 метр куб., получается, что там захоронено 945 человек. 2-я могила размером $5,7 \times 2,6 \times 2,5$, при толщине земли засыпки в $1/2$ метра, получается 29 метров куб., где захоронено более 200 человек. Причем, судя по акту врачебной экспертной комиссии, в этих двух могилах детей захоронено свыше 290 человек. 3-я могила размером $4,2 \times 5,2$, не считая $1/2$ метра глубины слоя земли на засыпку, получается 15 метров куб., что равняется 85 человеческим трупам. Таким образом, только здесь захоронено около 1230 чел., а не 400 чел., как указано в акте от 28/XI-44 года.

Аналогичное положение и по другим местам массового захоронения... Между тем экспертная комиссия не только не увеличила количество истребленных, как это выходит из размеров массовых могил, но даже не подтвердила предварительные данные об истреблении 18 000 сов. военнопленных из центрального лагеря “Выставочная площадь”, а, наоборот, снизила это количество до 9 [000] – 10 000, что, конечно, неверно.

Кроме того, необходимо установить размеры могил и сделать схематический чертеж на бывшем гарнизонном военном кладбище, где, по показаниям двух свидетелей, захоронено 5000 человек сов. военнопленных.

При расследовании истребления мирных граждан необходимо выяснить, нет ли на территории г. Елгава мест расстрела иностранных евреев, привезенных из города Риги, и психически больных, привезенных из г. Стренчи.

Об истреблении местного еврейского населения к делу необходимо приложить официальную справку горисполкома о численности в г. Елгаве еврейского населения до немецкой оккупации и теперь...

Об истреблении психически больных необходимо приложить к делу справку директора психиатрической больницы "Гинтермуйжа" о количестве находившихся в больнице больных до немецкой оккупации и теперь и поступили ли они в 1942 г. или 1943 г. из психиатрической больницы г. Стренчи.

При расследовании дел об истреблении мирных граждан, сов. военнопленных и об уgone в рабство необходимо полностью выполнить инструктивные указания ЧРК и мои советы, данные во время обследования.

Уполномоченный НКВД ЛССР и ЧРК капитан Бундзис.

29/V-45 года»²³.

При чтении этого документа нельзя не обратить внимание на высказанную капитаном Бундзисом в адрес Елгавской городской Чрезвычайной комиссии настоятельную рекомендацию, исходя из размеров обнаруженных массовых могил, увеличить общее количество жителей города, которые были расстреляны в период немецкой оккупации, увеличить общее количество жителей города, угнанных на принудительные работы в Германию, а также обосновать цифру общего количества погибших на территории Елгавы советских военнопленных.

В этот же день, 29 мая 1945 г., состоялось очередное заседание Елгавской городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. На заседании присутствовали: Р. Клекерс, зам. председателя комиссии; члены комиссии: начальник Елгавского отдела НКВД К. Готхарсон, начальник Елгавского отдела НКГБ Трукшан, директор городской больницы Р. Чаксте,

²³ ЛГИА. Ф. Р-132. Оп. 30. Д. 17. Л. 41–42.

ответственный секретарь комиссии Л. Курт, а также: уполномоченный НКВД ЛССР и ЧРК Бундзис, прокурор Меднис, зам. председателя горисполкома Л. Эйхман и капитан госбезопасности Д. Пономарев.

На заседании было решено:

«1. Начальнику Елгавского отдела НКВД тов. Готхарсону поручить расследовать случаи расстрелов, истребление и истязание гражданского населения всех национальностей, установление мест захоронения жертв и виновников преступлений.

2. Начальнику Елгавского отдела НКГБ тов. Трукшану поручить расследование всех злодеяний по отношению к советским военнопленным.

3. Прокурору тов. Меднису поручить оформление всех дел по уголовному мирного населения.

4. Ответственному секретарю тов. Куртс поручить оформление всего дела по расследованию злодеяний, соответственно инструктивным указаниям, для представления в Республиканскую комиссию»²⁴.

Работа Елгавской городской чрезвычайной комиссии должна была быть завершена не позднее 5 июня 1945 г.²⁵

Но и к этому сроку работа Елгавской городской чрезвычайной комиссии завершена не была.

26 июня 1945 г. уполномоченный НКВД Латвийской ССР и Чрезвычайной республиканской комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских оккупантов капитан Бундзис, основываясь на показаниях свидетелей Марины Нейланд, Е. А. Грибанова, Л. И. Эйхмана и других, составил отдельную справку по делу об истреблении немецко-фашистскими захватчиками мирных граждан города Елгавы за время оккупации с 29 июня 1941 г. по 28 июля 1944 г., в которой говорится, что за время немецко-фашистской оккупации было уничтожено 5964 человека еврейского населения г. Елгавы²⁶, хотя известно, что в 1935 г. в Елгаве проживали 2039 евреев.

28 июня 1945 г. Чрезвычайная городская комиссия в составе: Я. М. Страумитиса, председателя комиссии; Р. О. Клекерса, заместителя председателя комиссии, председателя горисполкома; и членов ко-

²⁴ Там же. Л. 38.

²⁵ Там же.

²⁶ Справка по делу об истреблении немецко-фашистскими захватчиками мирных граждан города Елгавы за время оккупации с 29/VI — 41 года по 28/VII — 44 года // ЛГИА. Ф. Р-132. Оп. 30. Д. 17. Л. 20–25.

миссии — директора городской больницы врача Р.Я. Чаксте, майора К.Я. Готхарсона и заведующего городским отделом народного образования Л.Я. Курта составила по итогам своей работы еще три акта, а именно:

- акт об истреблении немецко-фашистскими оккупантами мирных граждан города Елгавы в 1941–1944 гг.,²⁷
- акт об истреблении немецко-фашистскими оккупантами советских военнопленных в лагерях гор. Елгава в 1941–1944 гг.,²⁸
- акт об уgone немецко-фашистскими оккупантами мирных граждан гор. Елгава в рабство в Германию²⁹.

В этих документах, в соответствии с рекомендацией уполномоченного НКВД ЛСР И ЧРК капитана Бундзиса от 29 мая 1945 г., общие цифры потерь среди гражданского населения Елгавы значительно увеличины, а именно указано, что в период немецко-фашистской оккупации в 1941–1944 гг.:

- расстреляны 8317 человек (см. «Обобщенные сведения о жертвах немецко-фашистских злодеяний по Латвийской ССР от 31 июля 1945 года»³⁰);
- вывезены на работу в Германию в 1942–1944 гг. — 14 826 человек (см. «Обобщенные сведения о жертвах немецко-фашистских злодеяний по Латвийской ССР от 31 июля 1945 года»).

В какой мере указанное количество расстрелянных жителей Елгавы и других мест соответствуют действительности, ответа на этот вопрос мы уже никогда не узнаем. И потому, что от захоронений, спустя почти восемьдесят лет, уже ничего не осталось; и потому, что, возможно, обнаружены были далеко не все места массовых захоронений жертв нацистов; и потому, что пока не обнаружены немецкие списки расстрелянных жителей города (если такие списки вообще существовали); и потому, что какое-то количество трупов нацисты успели сжечь.

Нет ясности и с общим количеством угнанных в Германию жителей Елгавы. В конце июля 1944 г., когда немцы стали поголовно

²⁷ Акт // ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 93. Д. 2406. Л. 3–5.

²⁸ Акт // ЛГИА. Ф. Р-132. Оп. 30. Д. 17. Л. 10–12.

²⁹ Акт об уgone немецко-фашистскими оккупантами мирных граждан гор. Елгавы в рабство в Германию. // ЛГИА. Ф. Р-132. Оп. 26. Д. 13. Л. 7–8.

³⁰ Обобщенные сведения о жертвах немецко-фашистских злодеяний по Латвийской ССР от 31 июля 1945 года // ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 93. Д. 3691. Л. 1.

угонять жителей Елгавы, понятное дело, никакие списки вообще не составлялись. А из оставшихся в Елгаве жителей лишь отдельные горожане могли помочь в составлении таких, заведомо неполных, списков. Отсюда понятны и те трудности, с которыми в своей работе сталкивалась Елгавская городская чрезвычайная комиссия. К примеру, в материалах Чрезвычайной республиканской комиссии, которые хранятся в Государственном историческом архиве Латвии, имеется лишь один список жителей Елгавы, вывезенных в Германию, но в этом списке указан всего 261 человек³¹.

Что же касается численности призванных на службу в Латышский добровольческий легион СС (а большинство призванных в легион погибли в боях и, без сомнения, должны быть отнесены к безвозвратным потерям населения Елгавы), то и здесь у нас нет конкретных цифр. Указываемая в архивных документах цифра — 6258 человек за период с декабря 1943 г. по март 1944 г. — относится к итогам призыва в это время по всему Земгальскому округу. Именно такой вывод можно сделать, ознакомившись с документом под названием «Сводка о результатах мобилизации 1906–1924 возрастов за период с начала декабря 1943 г. до начала марта 1944 г.»³².

По Земгальскому округу в этом документе приводятся следующие цифры:

Численность населения, в том числе мужчин — 316510 и 146301.

Результаты мобилизации:

— подлежат призыву — 27559 (100%).

— в том числе явились призывники — 22155 (80,4%).

— итого не явились — 5404 (19,6%).

Немедленно призвано — 6258.

Взято на учет — 1025.

Забронировано на неопределенный срок — 5346.

Забронировано на ограниченный срок — 958.

Итого годных — 13587.

Совершенно негодные — 2722.

Временно негодные — 1593.

К сожалению, упомянутый документ не дает ответа на вопрос, сколько жителей Елгавы в указанный период было призвано в легион.

³¹ ЛГИА. Ф. Р-132. Оп. 26. Д. 13. Л. 9–13 об.

³² ЛГИА. Ф. Р-132. Оп. 30. Д. 6. Л. 43.

Нет информации и о том, сколько елгавчан были призвано в немецкую армию до декабря 1943 г.

Имеющиеся разночтения в оценке потерь населения Елгавы в период немецко-фашистской оккупации в 1941–1944 гг., а также очевидная нехватка документов, к сожалению, не позволяют точно ответить на вопрос, какими же на самом деле были общие потери населения Елгавы за период с 29 июня 1941 г. по 31 июля 1944 г.? Можно лишь высказать следующие предположения:

- 1) версия ответственного секретаря Елгавской городской чрезвычайной комиссии Л.Я. Курта, что в период немецко-фашистской оккупации потери населения Елгавы составили 6500 человек (4500 расстреляны и ок. 2000 угнаны на работу в Германию), явно завышает цифры потерь, приведенные в отчете Ф.В. Шталекера, а потому не может быть признана верной. К тому же к этой цифре нужно добавить еще какое-то количество призванных в армию Германии, при том, что мы не знаем, сколько legionеров погибло в боях и сколько вернулось после войны в Елгаву;
- 2) цифра общих потерь, которая приведена в Справке ориентировочных сведений об истребленных мирных гражданах и советских военнопленных и угнанных в Германию мирных гражданах из освобожденных городов и уездов Латвийской ССР, — 4650 человек расстреляно и 6000 угнано на работу в Германию — также противоречит цифрам, приведенным в отчете Ф.В. Шталекера. К тому же опять к общей цифре потерь здесь нужно прибавить еще какое-то количество мобилизованных в Латышский добровольческий легион СС, но сколько всего — мы не знаем;
- 3) явно завышенной, в части оценки количества расстрелянных жителей Елгавы — евреев, партийных и советских работников, является и цифра, которая основана на актах от 28 июня 1945 г. и приведена в документе под названием «Обобщенные сведения о жертвах немецко-фашистских злодеяний по Латвийской ССР», датированном 31 июня 1945 г. Согласно этому документу, в Елгаве в период немецко-фашистской оккупации погибли 8317 человек. Но как-то обосновать эту цифру невозможно. Невозможно обосновать и приведенное в упомянутом документе общее количество вывезенных в Германию жителей

Елгавы — свыше 14 тыс. К тому же в документе отсутствует цифра о количестве елгавчан, призванных в армию Германии.

Нужно также иметь в виду, что в 1944 г. какое-то количество жителей Елгавы эвакуировалось вместе с немецкой армией из страха, что с приходом Красной армии начнутся репрессии против местного населения, но сколько всего было таких жителей — неизвестно. Кроме того, какое-то количество жителей Елгавы эвакуировалось вместе с немецкой армией из страха понести наказание за совершенные в 1941–1944 гг. преступления, но сколько всего — неизвестно. Наконец, из архивных документов мы знаем, что во время боев за город в июле — октябре 1944 г. от бомбежки погибли 17 человек. Были и другие жертвы среди гражданского населения³³.

Что же касается общих потерь населения Елгавы за весь период Второй мировой войны, т. е. с 1 сентября 1939 г. по 1945 г., то к общим потерям за период немецко-фашистской оккупации необходимо прибавить еще около 3000 человек, которые вынуждены были оставить город в период с 1939 г. по 29 июня 1941 г.

Кроме того, уже после освобождения Елгавы от немецко-фашистских оккупантов, в январе — марте 1945 г. были арестованы СМЕРШем и депортированы в отдаленные районы СССР около 5 тыс. человек. Но большую часть из них составляли жители уезда³⁴. Сколько было арестовано и депортировано жителей Елгавы — неизвестно.

Таким образом, общее количество погибших в годы войны, а также перемещенных добровольно или принудительно в 1939–1945 гг. елгавчан на сегодняшний день точному учету не поддается. Ясно лишь то, что эти потери были очень большими. По сути, Елгава в годы Второй мировой войны пережила страшную катастрофу, и население города после войны в значительной своей части формировалось заново.

В ноябре 1944 г. население Елгавы составляло всего лишь 6 тыс. человек, однако это вовсе не означает, что все оставшиеся 26 500 человек из довоенного населения следует отнести к безвозвратным для города потерям, поскольку многие жители возвращались в город и в 1945, и в 1946 гг., и позднее. Причем рост населения шел стремительно. Так, если в июне 1945 г. в Елгаве проживали 12 615 человек,

³³ *Хартманис Алдис*. Ради золотой цепочки // Елгавас зинетайс. 1989. 15 дек.; *Он же*. Будут преданы священной земле // Елгавас зинетайс. 1990. 9 мая; *Ивана Лайла*. С великим уважением и почтением // Елгавас зинетайс. 1990. 16 мая.

³⁴ *Барановскис П.* Бесконечные пять лет // Трудовая победа. 1988. 5 нояб.

то в ноябре 1945 г. — уже 25 тыс., в 1948–27 тыс., а в 1949 г. — свыше 29 тыс. человек³⁵.

Но, как уже отмечалось, далеко не все жители послевоенной Елгавы проживали в городе и до войны, так как население послевоенной Елгавы формировалось также и из жителей уезда; лиц, перемещенных в годы войны немецкой армией (а их только на октябрь 1943 г. насчитывалось около 5 тыс. человек³⁶, но, конечно, далеко не все из них после войны стали жить в Елгаве); беженцев (в том числе и российских латышей) и демобилизованных солдат и офицеров Красной армии. Выяснить, сколько в общей численности населения было первых, сколько вторых, сколько третьих и сколько четвертых, возможным не представляется. Поэтому точно ответить на вопрос, как отразилась война на численности населения Елгавы и какими оказались безвозвратные потери, сегодня нельзя.

³⁵ Елгавский зональный архив ГАЛ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 10. Л. 15; Отдел социально-политических документов ГАЛ. Ф. 104. Оп. 9. Д. 27. Л. 1 об.

³⁶ По сведениям доктора экономических наук И. Х. Киртовского, из разных районов России и Белоруссии в Латвию в период нацистской оккупации были привезены 155 тыс. человек. См.: *Киртовский И. Х. Экономика Латвии в период немецкой оккупации (1943–1945) // Вторая мировая война и страны Балтии. 1939–1945. Рига, 2008. С. 122.*

*А.А. Пчелинов-Образумов,
Т.В. Крылова¹*

Выживший в гитлеровской неволе: судьба бывшего военнопленного Ф. Н. Донцова (по документам личного фонда)

Как известно, в годы Великой Отечественной войны, подобно миллионам наших соотечественников, многие белгородцы участвовали в защите Родины: сражались на фронтах, воевали в партизанских отрядах, приближали победу своим трудом в тылу. Были и те, кто не прекращал борьбу с ненавистным врагом, даже находясь в гитлеровских тюрьмах и лагерях. К числу последних относился выходец с белгородчины Федор Никитич Донцов. В Государственном архиве Белгородской области хранится личный фонд Ф. Н. Донцова (Р-1461), в котором содержатся документы о жизненном пути этого мужественного человека.

Федор Никитич Донцов родился 4 марта 1913 г. в селе Козинка Грайворонского района в бедной крестьянской семье. Учился в местной школе «урывками» лишь до 14 лет, затем учебу пришлось прервать, нужно было помогать семье: «..отец смотрел на это по-своему и говорил: “Школа тебя кормить не будет”». С 16 лет Федор Никитич трудился в колхозе «Красная заря». Весной 1930 г. участвовал в ликвидации кулацкой банды и высылке семей раскулаченных за пределы Центрально-Черноземной области. В 1931 г. по комсомольской линии

¹ Пчелинов-Образумов Александр Александрович — кандидат исторических наук, главный специалист отдела использования архивных документов ОГКУ «Государственный архив Белгородской области»; Крылова Татьяна Васильевна — магистр документоведения и архивоведения, начальник отдела использования архивных документов ОГКУ «Государственный архив Белгородской области».

был направлен в Тамбовский финансово-плановый техникум. После его окончания в 1933 г. работал плановиком в Грайворонском райпотребсоюзе. Вскоре молодой человек был заместителем секретаря райкома комсомола по военной работе, а в 1935 г. по решению бюро Грайворонского райкома ВКП(б) направлен в распоряжение Управления Наркомата внутренних дел по Курской области. С июня 1935 г. по декабрь 1937 г. Донцов проходил службу в Ленинграде в 152-м стрелковом полку внутренней охраны НКВД СССР по охране предприятий промышленности².

В январе 1938 г. Федор Никитич вернулся в Грайворон. Молодого милиционера использовали в основном на оперативной работе. Вскоре, в августе 1939 г., он был переведен в областной центр — Курск, став старшим оперуполномоченным Отдела уголовного розыска УНКВД по Курской области. Вот что писали о Ф. Н. Донцове осенью 1940 г. в газете «На страже Октября», издававшейся при Управлении рабоче-крестьянской милиции НКВД по Курской области: «Имя <...> сержанта милиции тов. Донцова уже известно нашему читателю, т. к. тов. Донцов за чуткость к людям и любовь к работе не впервые фигурирует на страницах нашей многотиражки <...> Тов. Донцов берет на себя любое дело, любую серьезную операцию и с уверенностью выполняет ее и своими действиями внушает веру в хорошем исходе операции своим подчиненным <...> С этого оперативника и хорошего товарища нам надо брать пример и учиться у него работать». Казалось, что Федор Никитич успешно продолжит службу в органах внутренних дел, но началась Великая Отечественная война³.

В июле 1941 г. Федор Никитич подал рапорт с просьбой направить его на фронт, но получил отказ: «Здесь тоже люди нужны». Позднее он вспоминал: «В августе 1941 года по решению бюро Курского обкома ВКП(б) и командования меня направили в Суджанский РО НКВД заместителем начальника с условием, если фашисты временно оккупируют район, я должен остаться в тылу врага для выполнения оперативных заданий командования. По мере продвижения фашистских войск, в Судже был укомплектован партизанский отряд — литер “Б”, в состав которого я вошел как начальник опергруппы, а в ноябре 1941 г. возглавил этот отряд...» Партизаны участвовали в боях с небольшими

² ГАБО. Ф. Р-1461. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–3 об.; Д. 18. Л. 1–6.

³ Там же. Д. 1. Л. 1 об.; Д. 11. Л. 14, 14 об.; Д. 18. Л. 16.

группами противника, ликвидации пособников гитлеровцев, изготовлении и распространении листовок⁴.

Осенью 1942 г. обстановка осложнилась, отряд оказался в окружении, Ф. Н. Донцов был ранен. Ему удалось уйти от преследователей и укрыться у жительницы Старого Оскола. Он и его товарищ попытались перейти линию фронта, но 20 октября 1942 г. были взяты в плен венгерскими солдатами. Не только родные Донцова, но и начальство долгое время ничего не знали о его судьбе. Об этом свидетельствуют документы, собранные в одном из дел личного фонда Ф. Н. Донцова. Сначала до его супруги Варвары Ефимовны дошли слухи, что ее муж погиб под Обоянью от рук полицейев. За годы войны она неоднократно обращалась в органы НКВД с просьбами дать хоть какую-нибудь информацию о муже. Но поиски ничего не дали. 20 сентября 1943 г. В. Е. Донцовой пришел ответ из Управления Наркомата внутренних дел по Курской области: «На ваше письмо сообщаем, что бывший сотрудник УНКВД Курской области Донцов Федор Никитович (так в тексте оригинала) пропал без вести, будучи в партизанском отряде. Судьба его нам до сего времени, а поэтому сообщить о нем что-либо мы не можем». А в справке от 31 января 1944 г., направленной Варваре Ефимовне Управлением НКВД по Курской области, сообщалось, что лейтенант милиции Ф. Н. Донцов «из числа работников исключен как пропавший без вести»⁵.

Между тем Федор Никитич был жив. Находясь в плену, он не утратил воли к сопротивлению. Пройдя через несколько пересыльных пунктов, он оказался в лагере для советских военнопленных в западноукраинском городе Славута Каменец-Подольской области (ныне Хмельницкая область). Позднее Донцов вспоминал: «Здесь царила жестокость со стороны фашистов, голод и большая смертность <...> Хотя это была лютая зима, но мы решили совершить побег групповой. Все было продумано до мелочей, но нашелся провокатор, и побег был сорван». В мае 1943 г. Ф. Н. Донцов оказался в концлагере недалеко от Гамбурга. 8 июля 1943 г. он с группой товарищей совершил побег, им удалось добраться до польской территории. Однако 31 октября 1943 г. Ф. Н. Донцов был пойман близ города Торунь⁶.

В нацистском концлагере Лауэнферде в самом центре Германии Ф. Н. Донцов и его товарищи смогли «спровоцировать неполад-

⁴ Там же. Д. 1. Л. 3 об.; Д. 18. Л. 18–31.

⁵ Там же. Д. 11. Л. 1, 4.

⁶ Там же. Д. 18. Л. 32, 33, 36.

ки и поломки станков, инструментов на фабрике», работавшей на военные нужды. Вместе с другим советским военнопленным, капитаном Василием Ивановичем Лебедевым Ф. Н. Донцов вел среди подневольных рабочих политическую работу. Им удалось установить связь с немцем-антифашистом Карлом, который регулярно сообщал о реальном положении на фронтах и успехах Красной армии. Такие вести воодушевляли узников, помогали им выжить в условиях нацистской неволи. Донцова нацисты неоднократно наказывали и избивали по подозрению в призывах к саботажу и отказу от работы. 21 августа 1944 г. он с группой товарищей совершил побег. Почти два месяца голодные и обессиленные непосильной работой люди пробирались «по чужой ненавистной земле» на восток. Шли ночами, обходя населенные пункты. 15 октября 1944 г. они остановились на дневку в лесочке в 40 км от Лейпцига. Но им не повезло, они попали в зону облавы, устроенной на английских парашютистов, якобы сброшенных в этом районе. Беглецы снова оказались в руках гитлеровцев. Донцова и его товарищей отправили в тюрьму в городе Торгау. Вот как описывал последующие события Федор Никитич: «Пошли допросы и пытки, затем пересыльные тюрьмы городов Галле, Лейпцига, Дрездена, Праги и, наконец, лагерь смерти “Маутхаузен”, затем концлагеря Мельк, Амштетен и Эбензее в Австрии». Один из товарищей Донцова по заключению Грант Григорьевич Айрапетов вспоминал о лагере Маутхаузен: «Мы, узники 17 блока однажды должны были идти в баню, но у нас не было мыла. Тогда блоковой доложил об этом сопровождающему нас эсэсовцу. Тот шутливо усмехнулся, вывел из строя первого попавшегося узника и увел его в мыловарню. Через два часа нам выдали по кусочку мыла, изготовленного из этого узника. Такова была цена человека. Нам ежесекундно грозила смерть». Этот кусочек он хранил всю жизнь как память о людях, погибших в гитлеровских застенках⁷.

Но и здесь Федор Никитич не прекратил активной деятельности. В лагере Маутхаузен он познакомился с полковником Яковом Никитичем Старостиным. Вместе они попали и в лагерь Эбензее. Старостин возглавил русскую секцию подпольного комитета сопротивления. В работе подполья участвовал и Донцов. В начале мая 1945 г. интернациональный комитет парализовал действия коменданта, и он был вынужден отказаться от плана массового уничтожения узников. Кроме

⁷ Там же. Д. 18. Л. 38–42; Д. 4. Л. 7 об.

того, решено было не дать эсэсовцам замести следы своих преступлений. Это ответственное задание выполнил Ф. Н. Донцов. Из здания гестапо он сумел похитить ценную картотеку. В ней были зарегистрированы не только узники-антифашисты, но изменники, которые впоследствии должны были понести заслуженное наказание⁸.

6 мая 1945 г. заключенные восстали. Начальник лагеря Антон Ганц решил избавиться от нежелательных свидетелей и приказал заключенным спуститься в штольню, намереваясь затем ее взорвать и похоронить людей заживо. Но подпольщикам стали известны его зловещие планы. Вышедший вперед Старостин заявил: «В шахту мы не пойдем! Лучше смерть». «Он спокойно повторил эту фразу по-французски, затем по-английски, по-польски, по-итальянски. Это был неслыханный бунт. Начальство оторопело. Но в следующую секунду из строя выходят бакинец Грант Айрапетов, грайворонец Федор Донцов. Они заслоняют вожжа и повторяют его слова». Смельчаков поддержали остальные заключенные. А вскоре территория, на которой находился лагерь, была освобождена американскими войсками. Усилиями подпольщиков было спасено более 16000 человек. Но 11 мая 1945 г. Старостин умер от туберкулеза. В комиссию по организации его похорон вошел и Ф. Н. Донцов. 12 мая 1945 г. состоялись похороны Я. Н. Старостина⁹.

Только через 20 лет Ф. Н. Донцов и его соратники по антифашистскому сопротивлению узнали тайну Старостина. Под этим именем в лагере находился выдающийся советский разведчик Лев Ефимович Маневич (оперативный псевдоним Этьен). Задолго до того, как прозвучали первые выстрелы Второй мировой войны, Л. Е. Маневич под именем австрийского коммерсанта Конрада Кертнера работал на территории фашистской Италии, передавая в СССР ценнейшую информацию. 9 февраля 1937 г. он был приговорен итальянским Особым трибуналом по защите фашизма к 16 годам лишения свободы, замененным позднее пожизненным заключением. Восемь с половиной лет провел Маневич в итальянских тюрьмах и гитлеровских лагерях. Даже из заключения он ухитрился с помощью антифашистов передавать важные сведения в СССР. Годы лишений подорвали его здоровье, но не сломили волю. Ни итальянские фашисты, ни гитлеровцы так и не смогли установить его личность и доказать, что он был

⁸ Там же. Д. 1. Л. 3 об., 4; Д. 18. Л. 51–54; *Мень Г.* Подвиг за колючей проволокой // Белгородская правда. 09.03.1965. № 56 (10616). С. 4.

⁹ ГАБО. Ф. Р-1461. Оп. 1. Д. 1. Л. 3 об., 4; Д. 18. Л. 55–57; *Мень Г.* Указ. соч. С. 4.

советским разведчиком. До последнего он как мог продолжал бороться с нацизмом. В 1965 г. посмертно Маневичу было присвоено звание Героя Советского Союза. В 1966–1970 гг. известный литератор Евгений Захарович Воробьев написал на основе биографии разведчика документально-художественный роман «Земля, до востребования» и его сокращенную версию «Этьен и его тень». Под своим именем в последних главах романа действует и Ф. Н. Донцов. В 1972 г. часть романа была декранизована режиссером Вениамином Дорманом¹⁰.

7 июня 1945 г. в австрийском городе Леобен Федор Никитич смог передать добытую в гитлеровском лагере картотеку в отдел контрразведки «СМЕРШ» 301 СПП и был оставлен для работы в опергруппе. Как и множество советских граждан, побывавших в плену, он прошел через фильтрационно-проверочные мероприятия. В ноябре 1945 г. он был демобилизован и уехал в Грайворон¹¹.

На малой родине Донцов снова воссоединился с женой, они взяли на воспитание четырехлетнюю девочку Людмилу, потерявшую родителей во время войны. В своей автобиографии Федор Никитич так описал первое десятилетие своей жизни после окончания войны: «Казалось бы, все ужасы остались позади, жизнь входит в нормальное русло, но вот, кажется в мае 1946 г. меня исключают из рядов партии, формулировка “за пребывание в плену”, будучи не в партии я работал плановиком в отделе сельского колхозного строительства при райисполкоме, зав. мастерскими (швейными), грузчиком и т. д. Одновременно на протяжении 10 лет вел переписку с ЦК КПСС, и только, когда собрали все документы о моем поведении в плену, в 1956 г. я был восстановлен членом КПСС». Но эти скупые строки не могут передать душевное состояние человека, его негодование и обиду за то, как несправедливо обошлись с ним. 27 января 1949 г. Ф. Н. Донцов написал письмо И. В. Сталину: «...Убедительно прошу Вас, дорогой Иосиф Виссарионович, рассмотреть мою просьбу в вопросе восстановления меня в члены ВКП(б). Я доверие партии оправдаю с большевистской честностью. Говорю без преувеличения — за меня дадут многие коммунисты и организации, в которых я рос и воспитывался, свои поручительства, если это потребуется, и такие поручительства уже имеются в моем деле, которое находится в КПК при ЦК ВКП(б)...» Весьма характерен ответ,

¹⁰ ГАБО. Ф. Р-1461. Оп. 1. Д. 4. Л. 5 об.

¹¹ Там же. Д. 18. Л. 57–58.

присланный ему Комитетом партийного контроля при ЦК ВКП(б): «Партколлегия КПК при ЦК ВКП(б) начиная с 1947 г. пять раз рассматривала Ваше дело и подтвердила решение об исключении Вас из членов ВКП(б), как утратившего связь с партией с 1942 г. по 1945 г. во время пребывания в плену у немцев. Если Вы не согласны с решением Партколлегии КПК при ЦК ВКП(б), можете апеллировать очередному съезду ВКП(б)». Ф. Н. Донцов направил письмо делегатам XIX съезда партии в октябре 1952 г. Но снова получил отказ. Только 24 февраля 1956 г. его просьба была удовлетворена¹².

В конце 1950-х — 1960-е гг. Федор Никитич занимал ответственные должности: был начальником ремстройконторы Гриворонского горсовета, председателем объединения «Межколхозстрой», председателем колхоза имени Сталина в селе Косилово и, наконец, директором Косиловского рыбхоза, откуда в декабре 1968 г. ушел на заслуженный отдых, получив статус персонального пенсионера областного значения¹³.

Федор Никитич интересовался исторической литературой, был членом всесоюзного общества «Знание», часто выступал с лекциями по истории Великой Отечественной войны, антифашистского сопротивления в гитлеровских лагерях. Встречался он со своими товарищами — бывшими узниками нацистских лагерей: Иваном Пантелеевичем Пивоваром и Грантом Григорьевичем Айрапетовым. Так, трое участников антигитлеровского сопротивления летом 1970 г. совершили поездку по территории Белгородской области. В августе 1970 г. они выступали в Гривороне перед учащимися средней школы имени Энгельса и школьниками из пионерлагеря «Полярные зори», рассказывая о мужественных людях, продолжавших борьбу даже в нацистских застенках. В начале 1970-х гг. Федор Никитич передал на хранение в Государственный архив Белгородской области материалы биографического характера и документы об антифашистской деятельности в гитлеровских лагерях и тюрьмах. В письме от 10 августа 1973 г. Федор Никитич благодарил тогдашнего директора облгосархива В. С. Швагрову за проявленное внимание и обещал в будущем пополнить свой личный фонд. К сожалению, по невыясненным причинам этого не произошло, его личный фонд не пополнялся с 1970-х гг.¹⁴

¹² Там же. Д. 1. Л. 4; Д. 13. Л. 12, 23, 24.

¹³ Там же. Д. 1. Л. 4 об.; Д. 18. Л. 61.

¹⁴ Там же. Д. 3. Л. 5 об.; Д. 4. Л. 7 об., 9 об.

Несмотря на многочисленные ходатайства местных партийных и государственных органов в вышестоящие инстанции, Федор Никитич Донцов долгое время не был отмечен военными наградами. Наконец, 6 апреля 1985 г. приказом Министерства обороны Донцов был награжден Орденом Отечественной войны 2-й степени. Однако здоровье уже не позволяло ему заниматься активной общественной деятельностью.

В 2020 г. наша страна отметила 75-летие Победы в Великой Отечественной войне. Мы никогда не должны забывать о цене, которую человечество заплатило за торжество над нацизмом, и о людях, внесших свой вклад в борьбу с «коричневой чумой». Таким человеком и был наш замечательный земляк Федор Никитич Донцов.

И. Гуеррини
М. Плувиано¹

1943–1945 гг.: Итальянцы на принудительных работах в Германии. Мужчины и женщины, принужденные поддерживать немецкую военную машину²

Этот доклад представляет собой краткое резюме гораздо более масштабного исследования об итальянцах, находившихся на принудительных работах в Германии, проведенного профессором Брунелло Мантелли и спонсированного Национальной ассоциацией бывших военнопленных (ANRP), фондами «Память для будущего» и «Память о депортации»³.

¹ *Гуеррини Ирен* — главный библиотекарь Университета г. Генуя; *Плувиано Марко* — ведущий научный сотрудник Регионального института истории Движения Сопротивления и современной истории Италии (Италия).

² Перевод с англ. О. В. Сдвижкова.

³ Это исследование было начато в 2007 г. и продолжается в настоящее время. См.: *Brunello Mantelli* (editor). *Tante braccia per il Reich. Il reclutamento di manodopera nell'Italia occupata 1943–1945 per l'economia di guerra della Germania nazionalsocialista*. 2 voll. Milano; Mursia, 2019. В будущем будут опубликованы несколько книг о принудительных рабочих из отдельных регионов. Команда исследователей также создает базу данных, которая содержит имена и всю доступную информацию о принудительных рабочих. Также об итальянцах на принудительных работах в Германии см.: *Brunello Mantelli*. *Braccia italiane per l'economia di guerra del Terzo Reich: lavoratori civili, internati, deportati 1938–1945* // *Geshichte und Region/Storia e Regione*. 2003. No. 1. P. 39–71; *Idem*. *L'arruolamento di civili italiani come manodopera per il Terzo Reich dopo l'8 settembre 1943* // *Nicola Labanca* (editor). *Fra sterminio e sfruttamento. Militari italiani e prigionieri di guerra nella Germania nazista (1939–1943)*. Firenze, Le lettere, 1992. P. 227–247; *Idem*. *Terzo Reich, industria di guerra e questione della manodopera 1933–1945* // *Storia e memoria*. 2004. No. 2. P. 213–234; *Riciotti Lazzero*. *Gli schiavi di Hitler*. Milano, 1996; Lutz Klinkhamme. *Il trasferimento coatto di civili al lavoro forzato in Germania: alcune considerazioni* //

Итальянцы мигрировали на немецкие земли задолго до Новейшего времени. В последние десятилетия XIX в. они основали общины в главных промышленных городах Германии и империи Габсбургов. Очевидно, что Первая мировая война и последовавший за ней экономический кризис в Германии остановили миграцию, но фашистская Италия снова начала отправлять рабочих в Германию задолго до начала Второй мировой войны. С начала 1938 г. по июль 1943 г. около 500 000 итальянских мужчин и женщин уехали работать на немецких фермах, стройках, фабриках и в домах. Правительства двух стран подписали большое количество соглашений, и эта миграция становилась все более важной и удобной для них обеих. Италия смогла снизить уровень безработицы, прежде всего в беднейших сельских районах, и выровнять свой платежный баланс⁴, а Германия получила промышленную и сельскую рабочую силу для использования когда и где это было необходимо⁵. После начала войны итальянские мигранты стали особенно необходимы для замены призванных в армию немецких мужчин и сокращения женской рабочей силы (нацистская идеологическая модель предпочитала, чтобы женщины оставались в своих «традиционных» ролях: жены, матери, домработницы).

Поначалу итальянцы были довольны тем, что ездили работать в Германию, особенно на заводы, где были более высокие зарплата и благосостояние. Но проблемы быстро начали расти. Они были связаны с непривычной для итальянцев немецкой пищей, враждебным отношением немцев к любовным отношениям между итальянскими мужчинами и немецкими женщинами (особенно женами солдат), недовольством немцев низкой профессиональной квалификацией итальянских рабочих. Кроме того, немецкое правительство пыталось уменьшить количество денег, которые итальянцы могли отправлять

Storia e problemi contemporanei. 2003. № 32. P. 13–24; *Roberto Mira*. Razzie di uomini per il lavoro forzato nella Germania nazista. Una messa a punto sul caso italiano // *Storia contemporanea*. 2012. No. 266. P. 80–95; *Irene Guerrini, Marco Pluviano*. La deportazione politica nei campi di concentramento e il lavoro coatto nel Reich // *Elisabetta Tonizzi, Paolo Battifora* (editors). Genova 1943–1945. Occupazione tedesca, fascismo repubblicano e Resistenza. *Soveria Mannelli, Rubbettino*, 2015. P. 235–264.

⁴ Италия была жестко связана с немецкой экономикой, получая оттуда технологии, товары, вооружения, железо и уголь. Немецкие фирмы строили в Италии промышленные предприятия. Торговый баланс с Германией был пассивным.

⁵ Об итальянской миграции в Германию в 1938–1943 гг. см.: *Brunello Mantelli*. *Camerati del lavoro. L'arruolamento di lavoratori italiani per il Terzo Reich nel periodo dell'Asse 1938–1943*. Firenze, *La Nuova Italia*, 1992; *Cesare Bernani*. *Al lavoro nella Germania di Hitler. Racconti e memorie dell'emigrazione italiana 1937–1945*. Torino, *Boringhieri*, 1998.

домой с денежными переводами, потому что оно не хотело, чтобы большой поток немецкой валюты расходовался из Германии: немецкие деньги должны были использоваться для покупки немецких товаров. Это была очень чувствительная тема для итальянских рабочих: они часто протестовали, так как уехали так далеко в основном для того, чтобы иметь возможность посылать деньги своим семьям. Денежные переводы были очень чувствительной темой на протяжении всего итальянского миграционного опыта: итальянское и немецкое правительства постоянно обсуждали ежемесячную сумму денег, разрешенную итальянцам для отправки домой.

Более того, когда смертоносные бомбардировки союзников стали чаще и чаще поражать немецкие города и промышленные районы, многие итальянские рабочие пытались вернуться на родину до окончания трудовых договоров, не обращая внимания на наличие или отсутствие разрешения немецких властей⁶. Кроме того, начиная с 1942 г. итальянскому фашистскому режиму больше не нравился отток молодежи в Германию, потому что Италия нуждалась как в промышленных рабочих для собственных военных заводов, так и в солдатах для своей плохо оснащенной и обученной армии, ослабленной тяжелыми потерями из-за частых поражений⁷.

Тем не менее в Германии с итальянцами обращались лучше, чем с выходцами из побежденных стран или военнопленными. В течение войны роль Италии, как партнера Германии, все время снижалась. Но она продолжала оставаться самым сильным союзником Германии в Европе, и к итальянским рабочим в Германии относились так же, как и к немецким, — по крайней мере, теоретически. Все стало меняться после падения Муссолини 25 июля 1943 г. Ситуация полностью изменилась после перемирия 8 сентября 1943 г. За сорок пять дней статус Италии полностью изменился. Из главного союзника она превратилась в оккупированную страну с квислинговым, или марионеточным, правительством⁸. Это изменение имело трагические по-

⁶ Немецкие фирмы были крайне чувствительны в отношении разрыва контрактов итальянскими рабочими и использовали жестокие меры для предотвращения этого. Они требовали от итальянских властей также принятия строгих мер: в частности, установления контроля на границе для ареста бегущих рабочих.

⁷ Это не нравилось и итальянским промышленникам, т. к. они испытывали проблемы с поиском рабочей силы и были вынуждены платить более высокие зарплаты.

⁸ Итальянская социальная республика (Repubblica Sociale Italiana) была создана Муссолини и другими лидерами фашизма 23 сентября 1943 г. Она была полностью

следствия для итальянских рабочих в Германии. Они потеряли свой относительно привилегированный статус и быстро стали мишенью для давних расовых и политических предрассудков немцев. В конце июля 1943 г. в Германии работало немногим более 100 000 итальянцев. Почти ни один из них не смог вернуться в Италию в течение следующих 21 месяца. Более того, немцы приостановили до марта 1944 г. действие правил, которые регулировали денежные переводы. Прекращение денежного потока в Италию имело очень тяжелые последствия для семей мигрировавших рабочих. Потеряв какую-либо экономическую поддержку, они оказались ввергнуты в нищету. Это вызвало широкое недовольство среди итальянских рабочих в Германии и, кроме того, было одним из главных аргументов, используемых антифашистским движением для кампаний против вербовки рабочих для отправки в Германию. Новорожденная неофашистская Итальянская социальная республика (*Repubblica Sociale Italiana*) не смогла заставить Германию быстро восстановить систему перевода денег. Это нанесло жестокий удар по ее престижу среди итальянцев. Семь месяцев спустя денежные переводы возобновились, но они так и не стали надежными и эффективными⁹. Правительство не смогло организовать эффективную помощь семьям. Пособия были неадекватными и выплачивались с большими задержками из-за очень тяжелых финансовых и экономических условий (военные взносы, выплачиваемые Германии, промышленный кризис, безработица, девальвация и инфляция, нехватка продовольствия и топлива).

Но руководство нацистской Германии ставило перед собой гораздо более амбициозные задачи. Сразу же после подписания перемирия некоторые видные нацистские лидеры заявили, что итальянцы гораздо полезнее в качестве рабочих в Германии, чем в качестве солдат на передовой. Гитлер планировал получить не менее 1,5 млн итальянцев. Итальянское «неофашистское» правительство было не в состоянии противопоставить что-либо немецкой воле. Часть руководства

подчинена интересам Германии в вопросах экономики, внутренней и внешней политики и ведении военных действий. Существует две важных книги о немецкой оккупации: *Enzo Collotti. L'amministrazione tedesca dell'Italia occupata 1943–1945. Studio e documenti.* Milano, Lerici, 1963; *Lutz Klinkhammer. Zwischen Bündnis und Besatzung: das nationalsozialistische Deutschland und die Republik von Salò 1943–1945.* Tübingen, Niemeyer, 1993.

⁹ Об условиях денежных переводов см.: *Irene Guerrini, Marco Pluviano. Aspetti del reclutamento per il lavoro coatto nel Reich a Genova e nella sua provincia, 1943–1945 //* Brunello Mantelli (editor). *Tante braccia per il Reich.* P. 467–776.

(Республиканская фашистская партия и фашистские профсоюзы) с энтузиазмом поддерживала любой немецкий проект, в то время как часть правительства, бюрократии и промышленников пыталась сохранить итальянскую промышленную систему. Они смогли договориться с немецкими представителями Министерства вооружений и боеприпасов Альберта Шпеера в Италии о сохранении в стране части военной промышленности для производства вооружений для Германии.

В течение зимы 1943–1944 гг. немцы и правительство Италии пытались добиться массового добровольного присоединения рабочих к кампании отправки в Германию. Они надеялись, что память о недавней миграции в рейх и очень суровые экономические условия дома смогут стимулировать как рабочих, так и безработных отправиться в Германию. Более того, они пытались разыграть идеологическую карту военного братства, рассматривая работу в Германии как вклад в победу оси, такой же, как и участие в военных действиях. Но они не смогли достичь желаемого. Лишь несколько тысяч итальянцев добровольно присоединились к призывам в течение первых месяцев. Многие из них были выходцами из беднейших сельских районов Северной Италии, но большинство людей, к которым был направлен призыв правительства, отказались присоединиться. Почему мощная машина немецкой пропаганды и итальянские фашистские организации, существовавшие двадцать лет, не смогли добиться хотя бы частично добровольного участия рабочих? Причин было много: итальянцы устали от войны, а военные поражения 1943 г. ослабили фашизм и авторитет Муссолини; люди из центральных и южных районов боялись оказаться отрезанными от дома из-за быстрого наступления союзников; новости об ужасных, наводящих ужас воздушных бомбардировках немецких городов и продвижении Красной армии на запад; трудности с системой денежных переводов. И, наконец, итальянцы ясно понимали, что отношение немцев к ним изменилось, и не в лучшую сторону.

Поэтому немцы быстро решили применить более жесткий подход. Немедленно после подписания перемирия сначала в южных областях¹⁰, а через несколько недель и в других районах они начали про-

¹⁰ В районах между Неаполем и новой немецкой линией обороны (так называемая «Линия Густова») на реке Гариigliано немцы провели массовую облаву 22–23 сентября 1943 г. Непосредственно перед отступлением они схватили около 20 000 человек, более 1000 из них были отправлены в Германию. См.: *Maria Gabriella Gribaudi*. Guerra totale. Tra bombe alleate e violenze naziste. Napoli e il fronte meridionale 1940–1944. Torino, Boringhieri, 2005.

водить облавы в городах и сельских районах. Обычно, когда немецкие войска отступали, они разрушали шоссе и железные дороги, мосты и заводы, а также собирали людей для отправки в Германию.

Иногда облавы происходили в отместку за действия партизан в сельской местности или для нейтрализации политических противников в городах. Более того, все, кто не имел действующих документов, а также все безработные могли быть отправлены на принудительные работы в рейх. С января по ноябрь 1944 г. итальянская полиция, немецкие войска и СС, вооруженная милиция фашистской партии проводили вечернее и ночное патрулирование для облавы на бродяг, проституток, безработных мужчин, молодых людей, уклонявшихся от призыва, а также политических противников, в частности, женщин, которые протестовали против нехватки продовольствия. Время от времени эти облавы проводились чаще, в том числе в дневные часы — против студентов, рабочих, женщин.

Кроме того, тысячи людей были отправлены на принудительные работы на смертоносных химических заводах из итальянских тюрем, после соглашения между Итальянской социальной республикой и правительством Германии.

Фабрики были другим основным источником рабочих для рейха, главным образом во время и после забастовок. В Италии проходили наиболее мощные забастовки среди оккупированных немцами стран. Крупные забастовки произошли во многих районах Италии с ноября 1943 г. по июль 1944 г.,¹¹ большая часть из них в основном промышленном районе, так называемом «промышленном треугольнике», охватывающем города Генуя, Милан и Турин, а также в Болонье, Модене и Реджо-Эмилии, в Тоскане и Венето. Наиболее мощные забастовки произошли в декабре 1943 г. и 1 марта 1944 г. Последняя из них была почти общенациональной и проходила под антигерманскими лозунгами. Во время забастовок и в последующие дни происходили массовые облавы и одиночные аресты на рабочих местах, на улицах или дома. Многие из участников попали в концлагеря, как политические заключенные, из них погибло 45%. Другие были отправлены на принудительные работы. Например, после забастовки 1 марта в крупных промышленных городах Милане и Турине были арестованы тысячи

¹¹ См.: *Claudio Della Valle* (editor). *Operai, fabbrica, Resistenza. Conflitto e potere nel triangolo industriale (1943–1945)* // *Annali della Fondazione Di Vittorio* 2015. Roma Ediesse, 2017.

человек, и многие были отправлены в рейх, главным образом в концентрационный лагерь Маутхаузен. Аресты проходили и в малых промышленных городах. В Савоне и в соседних городах, где забастовка 1 марта проходила наиболее сплоченно, было арестовано почти 200 человек. Более 100 из них были отправлены на принудительные работы и около 60 — в концентрационные лагеря (только восемь человек вернулись домой). Несколько очень успешных забастовок прошли в Генуе в первой декаде июня. В них участвовало около 20 000 рабочих военных заводов. 16 июня в Промышленном районе Сестри-Поненте была проведена облава, и 1448 человек были отправлены в Германию.

В течение двадцати месяцев существования Итальянской социальной республики по меньшей мере 100 000 итальянцев (85% из них мужчины) были отправлены на работы в рейх. Они работали в основном на заводах, но некоторые были заняты в сельском хозяйстве, общественных службах (главным образом почтовой и железнодорожной) или в качестве водителей, домработниц, обслуживающего персонала гостиниц и ресторанов. Многие из них принуждались менять место работы в связи с нуждами немецких властей. Часто их отправляли на очистку улиц от мусора и разрушений после бомбардировок или на строительство линий обороны, особенно в Венгрию.

В Германию некоторые итальянцы приехали добровольно, но большинство из них оказались на принудительных работах. Часть из них были жертвами облав и массовых или индивидуальных арестов, многие люди подчинились приказу о мобилизации на работу в Германию, потому что отказавшиеся считались дезертирами и могли быть приговорены к смерти.

Сколько же итальянцев находилось на принудительных работах в интересах немецкой военной машины? Как мы уже показали, по меньшей мере 100 000 рабочих были непосредственно направлены в рейх из Италии. Также необходимо добавить еще 100 000 человек, обязанных остаться в Германии после сентября 1943 г., а также тысячи итальянских мигрантов, отправленных в рейх непосредственно из Франции, Бельгии и Нидерландов немецкими властями или местными коллаборационистами, и по крайней мере 500 000 итальянских военных, интернированных в Германии, были отправлены на принудительные работы после августа 1944 г.¹² Таким образом, итальянцы

¹² 1 007 000 итальянских солдат были захвачены немцами сразу после 8 сентября в Италии, Франции, Греции и на Балканах. 196 000 из них перешли к немцам или были освобождены, 197 000 согласились вступить в армию ИСР, вермахт, противоздуш-

были четвертой по численности группой принудительных рабочих после советских, польских и французских¹³.

Условия жизни людей на принудительных работах были различными. Иногда, особенно на фермах, они были совсем не плохими. Но подавляющее большинство рабочих сталкивалось с очень жесткой дисциплиной, физическим насилием со стороны военных и гражданских немцев, унижениями, голодом, холодом и очень тяжелыми условиями труда. Некоторые рабочие были убиты фабричными полицейскими или гражданскими лицами в последние дни войны, а некоторые попали в концентрационные лагеря из-за проблем с дисциплиной или по политическим причинам.

Уровень смертности среди них был ниже, чем у политических заключенных, а также у итальянских военных, интернированных в Германии, но значительно выше, чем в гражданской жизни. Многие вернулись домой с очень серьезными проблемами со здоровьем, например, туберкулезом и желудочно-кишечными заболеваниями.

В заключение вы можете спросить: «Почему же Германия решила так активно эксплуатировать гражданское население бывшего союзника, страны, где она поддерживала рождение новой, полностью фашистской республики?» Ответ кроется во все более сложных военных и экономических условиях, в которых оказалась нацистская Германия после Сталинградской битвы¹⁴. С одной стороны, оккупированные районы СССР, которые долго были источником принудительного набора рабочих, постепенно освобождались Красной армией. С другой — Германия нуждалась в большем количестве рабочей силы для замены людей, призванных в армию, в отчаянной попытке восполнить

ную оборону или СС. Более чем 610 000 отказались воевать за Муссолини или Гитлера, и не менее 130 000 были убиты во время задержания или транспортировки в Германию. Они были арестованы и интернированы в Германии. По этому вопросу существует богатая библиография. Последняя из книг, с большим научным аппаратом: *Mario Avagliano, Marco Palmieri. I militari italiani nei lager nazisti. Una resistenza senz'armi* (1943–1945). Bologna, 2020. См. также: *Gerhard Schreiber. Die italienischen Militärinternierten im Deutschland Machtbereich 1943–1945*. München, 1990; *Gabriele Hammermann. Gli internati militari italiani in Germania 1943–1945*. Bologna, 2004.

¹³ См.: *Ulrich Herbert. Fremdarbeiter. Politik und Praxis des Ausländer-Einsatzes in der Kriegswirtschaft des dritten Reiches*. Berlin; Bonn, 1985; *Naasner W. Neue Machtzentren in der deutschen Kriegswirtschaft 1942–1945*. Boldt, Boppard am Reihn, 1994.

¹⁴ См.: *Brunello Mantelli. Tra Marte e Vulcano. Manodopera italiana nell'economia di guerra del Terzo Reich: una circolarità* // Brunello Mantelli (editor). *Tante braccia per il Reich*. P. 23–78.

огромные потери, понесенные вермахтом на востоке. Наконец, Германия нуждалась в полностью бесправной рабочей силе, которую можно было бы использовать на тяжелых и опасных работах по возведению подземных авиационных заводов и восстановлению пострадавших от бомбежек химических заводов. Главным, а после июня 1944 г. единственным источником такой рабочей силы была Италия.

Таким образом Германия показывала, какое наказание ждет любого союзника, если он попытается выйти из альянса. Принудительный труд в Германии должен рассматриваться в общем контексте ее репрессивной политики, которая привела к массовым убийствам и заключениям в концлагеря¹⁵.

¹⁵ О военных преступлениях Германии в Италии см.: *Carlo Gentile*. Wehrmacht und Waffen SS im Partisanrieg: Italien 1943–1945. Paderborn, 2012; *Gianluca Fulvetto, Paolo Pezzino*. Zone di guerra, geografie di sangue. L'atlante delle stragi naziste e fasciste in Italia (1943–1945). Bologna, 2017.

Анализ историографии XX — начала XXI в., посвященной коллаборационизму народов Центральной Азии в годы Великой Отечественной войны

Проблема коллаборационизма в республиках Центральной Азии до последнего времени практически не интересовала исследователей, и лишь в последние годы появляется ряд работ, в которых многогранно и объективно исследуются вопросы коллаборационизма народов среднеазиатского региона (Ш.А. Хайитов¹⁷, Б. Алимджанов¹⁸, И.А. Гилязов¹⁹, А.И. Пылев²⁰).

Прежде чем приступить к анализу историографии, посвященной коллаборационизму в Великой Отечественной войне в республиках Центральной Азии, необходимо дать краткую историческую ремарку об истории создания Туркестанского легиона, а также роли Центральной Азии в планах нацистской верхушки.

¹⁶ Джунушалиева Гульнара Дженишовна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой философии и социально-гуманитарных наук Киргизского экономического университета им. М. Рыскулбекова (г. Бишкек, Киргизская Республика).

¹⁷ Хайитов Ш.А. Историческая судьба туркестанских военнопленных Второй мировой войны // Альманах «Метаморфозы истории». 2015. Выпуск 6.

¹⁸ Алимджанов Б. Коллаборационизм в Центральной Азии: взгляд из Узбекистана 5.05.2020 г. URL: <https://weekend.rambler.ru/other/44133666-kollaboratsionizm-v-tsentralnoy-azii-vzglyad-iz-uzbekistana/> (дата обращения: 20.10.2020).

¹⁹ Гилязов И.А. Военно-политический коллаборационизм тюрко-мусульманских народов СССР в годы Второй мировой войны: дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 1999.

²⁰ Пылев А.И. О «Среднеазиатском направлении» в планах германского фашизма: малоизвестное из истории коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны // Вестник КРСУ. 2010. Т. 10. № 8. С. 19–24.

Роль Средней Азии и Кавказа нацистским руководством оценивалась весьма широко, этому способствовал ряд причин:

1. Создание «пятой колонны» в республиках Средней Азии позволяло войскам вермахта получить сравнительно легкий доступ к каспийской нефти.
2. Появление в случае благоприятного развития ситуации в азиатском регионе пронацистски настроенных государств позволяло бы держать в напряжении колонии Великобритании.

20 декабря 1941 г., после провала плана молниеносной войны «Барбаросса», Гитлер дал разрешение на создание в составе немецкой армии вооруженных подразделений из бывших граждан СССР неславянских национальностей. 13 января 1942 г. по приказу главы абвера Шеленберга было утверждено решение о создании Туркестанского легиона (центр на станции Легионово) и Кавказско-магометанского легиона (центр на станции Едлин). Для целей пропаганды среди советских военнопленных был привлечен находившийся в концлагере по обвинению в связях с британской разведкой белоэмигрант, один из руководителей партии «Алаш-Орда», бывший глава Кокандской автономии, казах по национальности пантюркист Мустафа Шокай, известный деятель антисоветской эмиграции в Париже²¹, в помощь ему был направлен узбек Вали Каюм.

Туркестанский легион комплектовался представителями различных национальностей, помимо уроженцев Туркестана — киргизов, узбеков и казахов — в нем служили также азербайджанцы, таджики и представители северокавказских народов. «В частях “Туркестанского легиона” были выходцы из Казахстана, Узбекистана, Киргизстана и Каракалпакстана»²².

Создание легиона имело не столько военную, сколько политическую и идеологическую направленность. Предполагалось, что благодаря легионерам в тылу Красной армии удастся поднять национальные восстания народов Кавказа и Средней Азии. Поэтому легионеры участвовали в подрывной и диверсионной деятельности на южном направлении наступления немецких войск. Основное пополнение Туркестанского легиона черпалось из концлагерей, зачастую путем угроз

²¹ Германов В. А. Историки Туркестана в условиях политического террора 20–30-х годов. Ташкент, 2000. С. 30

²² Ямольский В. Технология борьбы «третьего рейха» против СССР // Россия XXI. 1996. № 5/6. С. 172.

и шантажа, военнопленные исламского вероисповедания. Таким образом, немецкое командование решало с помощью пропаганды основной идеологический вопрос создания легиона, который представлялся населению как будущие «освободительные армии своих народов от большевистской тирании».

Туркестанские легионеры, всего около 180 тыс. человек, входили в состав 26 усиленных полевых, запасных, рабочих и хозяйственных батальонов; 111 маршевых, хозяйственных, саперных, железнодорожных и дорожно-строительных рот; 303-го пехотного полка 162-й Тюркской пехотной дивизии и одной боевой группы (полка) Восточно-тюркского соединения СС. Первоначально легионеры служили на советско-германском фронте, но постоянные перебежки их на сторону советских войск и партизан заставили немецкое командование перебросить их на Западный фронт во Францию, где они в конечном итоге и попали в плен союзным войскам Британии и США. Большинство военнопленных впоследствии было передано советской стороне, некоторые из них были осуждены на различные сроки заключения. Так, 8 апреля 1947 г. в Алма-Ате на закрытом заседании туркестанского военного трибунала было осуждено 49 человек, входивших в руководящий состав туркестанского легиона, из них 11 человек были осуждены на 25 лет лагерей, остальные приговорены к различным срокам заключения от 7 до 9 лет²³.

Главная роль в политической и идеологической обработке легионеров отводилась воспитанию в националистическом духе. Так, солдатам Туркестанского легиона обещалось создание Туркестанского государства — Большого Туркестана — под протекторатом Германии. При этом оно должно было включать, помимо Средней Азии и Казахстана, еще и Башкирию, Поволжье, Азербайджан, Северный Кавказ и Синьцзян (Западный Китай).

Огромная роль в подготовке легионеров уделялась религиозному образованию: исламскому воспитанию с нацистскими элементами подчинения. В каждом батальоне Туркестанского легиона учреждалась должность муллы, который помимо проведения религиозных обрядов совмещал ее с обязанностями командира.

Полками и батальонами в легионе командовали представители коренных национальностей, но общее руководство осуществляло командование вермахта.

²³ Аяган Б. Абырой мен парыз. Алматы, 2015.

Таким образом, мусульманские формирования представляли собой отдельную категорию иностранных «добровольческих» формирований, появление которых, а также их объединение в эту категорию было связано с продолжением германской «исламской политики» в условиях войны.

Так или иначе, убедительные победы Красной армии, а также окончательная победа СССР над немецко-фашистскими захватчиками во Второй мировой войне и нежелание большинства легионеров воевать против собственного народа не дали возможности нацистскому руководству широко использовать Туркестанский легион на Восточном фронте. Приведем один из многих фактов: «Солдаты “Туркестанского легиона” численностью 370 человек во главе с Абдуллой Отахоновым в сентябре 1943 г. установили связь с партизанами города Речица (Белоруссия). В январе 1944 г. отряд (28 человек) “Туркестанского легиона”, направленный на борьбу с партизанами в Черногорию, по приказу Файзиева уничтожил фашистов и перешел на сторону партизан»²⁴. Известны случаи, когда легионеры переходили на сторону советских войск с разведанными, принимали участие в боях югославской армии сопротивления, партизанском движении Белорусской и Украинской ССР.

В противовес нацистской пропаганде, Советский Союз вырабатывает новую тактику информационной идеологической войны на освобожденных территориях — это, прежде всего, формирование антигерманских настроений и реформа религиозной политики.

После перелома в войне в 1943 г. советская пропаганда наглядно показала преимущества над противником, в частности, как показывает история «Туркестанского легиона», резко снизилось число коллаборантов, перешедших на сторону нацистской Германии. Впоследствии вместе с победой советского оружия росла популярность советской идеологии и пропаганды.

В заключение хотелось бы отметить, что проблема коллаборационизма во время Великой Отечественной войны еще далеко не раскрыта, в частности в кыргызстанской исторической науке, несмотря на вышеупомянутые особенности коллаборационизма в регионе, было бы очень интересно рассмотреть вопросы, связанные с работой военнопленных коллаборационистов на послевоенных стройках рес-

²⁴ Ўзбекистон-Совет мустамлакачилиги даврида. Ташкент, 2000. С. 482, 484.

публики. Отметим, что в отечественной и зарубежной историографии даны различные оценки принудительного труда военнопленных в общем и труда коллаборантов в частности на стройках СССР после окончания войны, однако в нашем случае данный факт либо замалчивается, либо его приписывают к «зверствам сталинского режима». Все это показывает, что вопросы принудительного труда военнопленных в восстановлении экономики Центральной Азии и Кыргызстана требуют более глубокого исторического анализа, а также всестороннего исследовательского осмысления.

Память о Второй мировой войне
в современном мире

К вопросу о политизации памяти о Великой Отечественной войне в современной Европе²

В последнее десятилетие в преддверии очередной годовщины Победы над нацистской Германией мы сталкиваемся не только с ростом общественного интереса к этим страницам прошлого, но и с нарастающими попытками осмыслить нашу увлеченности ими, что неудивительно: в современном мире история есть больше чем история, и Россия не составляет исключение. Мемориальный бум последней трети XX в., отмечаемый в странах Европы и Северной Америки, повлек за собою становление специфического поля «публичной истории» (public history) как способа социальной актуализации исторических знаний и формирование соответствующего междисциплинарного научного направления «исследования памяти» (memory studies). Дискуссии о прошлом начали приобретать повышенную политическую значимость, однако причины этого разнятся от одной страны к другой. Примечательно, что последний за 2018 г. номер международного журнала *Economist* (весьма далекого от культурологических исследований) открылся редакционной статьей под симптоматичным названием «Ностальгия в действии», в которой утверждалось: «Политики всегда использовали прошлое. Однако сегодня в развитых и развивающихся странах мы наблюдаем взрыв ностальгии. Правые и левые, демократы

¹ Пахалюк Константин Александрович — кандидат политических наук (МГИМО), главный специалист — куратор научно-просветительских проектов департамента науки и образования Российского военно-исторического общества.

² Данная статья в печатном виде публикуется впервые. В электронном варианте она была размещена на аналитическом сайте Российского совета по международным делам. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/k-voprosu-o-politizatsii-pamyati-o-velikoy-otechestvennoy-voyne-v-sovremennoy-evrope/> (дата обращения: 20.20.2020).

и автократы — все они все чаще обращаются к славным страницам прошедших лет»³.

Если максимально кратко формулировать причину, по которой политики и простые граждане стали все чаще, фигурально выражаясь, оглядываться назад, а не смотреть вперед, то надо указать на важный культурный сдвиг обществ модерна (о чем писали такие известные исследователи, как П. Нора, А. Ассман и З. Бауман⁴): при деформации образа будущего расширяется горизонт «вечного настоящего», что в свою очередь сопровождается ростом попыток через обращение к истории осуществить интерпретацию сегодняшнего дня. Прошлое превращается в ресурс, интересный и для творческо-интеллектуальной рефлексии, и для извлечения экономического дохода (начиная от исторического туризма до обоснования прав на реституцию собственности), и для организации досуга (движение реконструкции, исторические фильмы, косплей и пр.), и для подкрепления политических притязаний.

Прошлое и моральные основы российской нации

Особенность России заключается в том, что крушение Советского Союза привело не просто к отказу от реализации мало кого вдохновлявшего уже социалистического проекта: на обломках СССР образовались 15 молодых государств, и внутри каждого, наряду с выстраиванием новой политической архитектуры, а также перенастройкой экономики и социальных практик, необходимо было определиться и с тем, что политики привыкли называть «национальной общностью» или «макрополитической идентичностью». Одновременно решались две взаимосвязанные проблемы: 1) обоснование политических порядков и новых государственных (бывших административных) границ в качестве естественных, должных и принципиально неизменных, а также 2) обозначение того, что в реальности формирует между жителями чувства связанности, общности, выходящей за рамки повседневных и профессиональных связей. Поиск практических ответов требовал выработки ценностного языка, позволяющего описать

³ The uses of nostalgia // The Economist. 2018–2019. 22 Dec. — 4 Jan. P. 11.

⁴ Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М.: Новое литературное обозрение, 2016; Нора П. Всемирное торжество памяти // Память о войне 60 лет спустя. Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 391–402; Бауман З. Ретропатия. М., 2019.

новое политическое сообщество, выявить, визуализировать и предъявить его как нечто существующее реально, здесь и сейчас. Без этого ценностного языка и связанных с ним конкретных практик граждане остаются всего лишь жителями («населенцами»), государственные деятели — эгоистичными политиками, предприниматели — хитрыми дельцами, экономическое развитие — гонкой за дополнительными процентами ВВП, реформы и государственное управление — «освоением» бюджета.

В России в 1990–2000-е гг. решение этой проблемы сопрягалось и с мнящей невозможностью последовать путем других стран (например, апеллировать к этническому или религиозному единству), и все более осознаваемой неготовностью осуществить ценностный импорт, и неспособностью синтезировать принципиально новый ответ⁵. Незрелость публичного пространства привела к порождению множества пустопорожних, весьма абстрактных идеологических построений, чуждых подавляющему большинству граждан. Ведь ценностный язык должен быть соразмерен конкретному политическому пространству, со всеми его не всегда очевидными достоинствами, но слишком вопиющими недостатками.

На этом фоне уже с середины 2000-х гг. в публичном пространстве выдвинулась история, апелляция к которой стала постепенно превращаться чуть ли не в доминирующий способ возмещения недостатка ценностей в общественно-политической жизни. Нарастание исторической риторики политиков, создание специальных институтов памяти (как Российское историческое и военно-историческое общества), резкий рост числа музеев и памятников, стремление закрепить исторические формулировки на юридическом уровне, в том числе в Уголовном кодексе и Конституции, — все это далеко не полный список тех процессов, которые свидетельствуют о том, что мы сталкиваемся не просто с попытками «вырастить национальную идею» или информационными манипуляциями. И первое, и второе — скорее следствие цинизма многих участников российской политической борьбы, не воспринимающих историю как источник ценностной легитимности.

⁵ См.: *Кастэ С. И.* Политическая теология и nation-building: общие положения, российский случай. М., 2012. См. также: *Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ* / Под ред. В. С. Мартянова, Л. Г. Фишмана. М., 2016.

Этот контекст необходимо учитывать, когда мы пытаемся говорить о политике памяти в России. Во всех современных государствах образы прошлого имеют значение, но именно у нас они получили особую политическую значимость. Воспроизводство национального сообщества требует действенных механизмов (символического языка и конкретных практик), которые позволяют человеку помыслить и обозначить себя за пределами семейных, дружеских, экономических, профессиональных связей как часть более широкого политического единства. Но эти механизмы должны быть одновременно и регулярными, и восприниматься гражданином как формирующие нечто значимое, неслучайное, а потому реальное (пусть даже и не в пространстве бытовой повседневности). И сегодня конструирование российской нации происходит вовсе не через обозначение общего будущего, апелляцию к универсальным ценностям — таким, как демократия, права человека или Божья воля, или же через участие в федеральных выборах, поддержку своей партии или регулярное обсуждение общественно-значимых проблем. Значительная часть консолидирующих механизмов связана либо с отдельными событиями, как, например, присоединение Крыма, либо с эфемерными, оторванными от повседневности пространствами (спортивные победы). И лишь в одном случае — случае истории — мы видим и регулярность, и апелляцию к потенциально близкому и понятному, а не абстрактному, а потому — реальному. Упомянутый выше «эффект реальности» создается, с одной стороны, за счет обращения к семейной памяти, а с другой — через выставление истории как очевидного пространства реально происходивших событий. Данные социологических опросов свидетельствуют, что решение превратить историю в основание российской политики в определенной степени коррелирует с умонастроениями значительной части населения: 96% россиян (на 2017 г.) признают необходимость исторических знаний в нашем обществе⁶, 90% гордятся собственной историей и армией (опрос 2016 г., причем другие предметы гордости уступают им)⁷, а 83% считают необходимым вести борьбу с фальсификаторами истории⁸. Впрочем, одновременно это

⁶ История страны: ставим «отлично», в уме держим «неуд» // ВЦИОМ. 2017. 14 сент. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3581> (дата обращения: 20.20.2020).

⁷ Родина — это звучит гордо! // ВЦИОМ. 2016. 16 сент. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=414> (дата обращения: 20.20.2020).

⁸ История России: где правда, а где вымысел? // ВЦИОМ. 2015. 18 мая. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=35> (дата обращения: 20.20.2020).

ведет к политизации культуры при деполитизации социальных и экономических проблем⁹, а многие критики усматривают стремление властей за исторической риторикой отвлечь внимание от более насущных и значимых с точки зрения повседневной жизни вещей.

Великая Отечественная война как гражданская религия

Во всем этом процессе центральное место, несомненно, занимает Великая Отечественная война, а уход из жизни ее участников стимулирует поиск новых способов сохранения памяти о ней. Некоторые исследователи называют ее «мифом основания» (foundation myth) российской нации¹⁰, а совокупность практик обращения — гражданской религией¹¹. 9 мая — главный государственный праздник, причем на официальном уровне (если отталкиваться от активности президента) обозначился и ряд других регулярных дат обращения к ней: 27 января (сопрягает в последние годы трагедию блокады и Холокоста, а также позволяет развить тему освободительной миссии Красной армии), 2 февраля (победа под Сталинградом как коренной перелом войны) и 22 июня (день скорби о жертвах войны). Если запущенная в 2005 г. и уже прижившаяся акция «георгиевской / гвардейской ленточки» была первой и в принципе удачной попыткой перформативно закрепить единство вокруг 9 мая, то спустя 10 лет появилась новая и куда более эффективная форма в виде «Бессмертного полка», поскольку единство шествия предполагает одновременно манифестацию разнообразных, глубоко личных для участников смыслов. Сложившаяся еще в 1970–1980-е гг. инфраструктура памятных мест в последние годы активно расширяется: только по линии Российского военно-исторического общества за пять лет установлены более полусотни памятников и бюстов, связанных с Великой Отечественной, а на фасадах более 3 тыс. школ появились памятные доски в честь Героев Советского Союза, которые здесь когда-то учились. Отметим, что социологические опросы последних лет фиксируют рост интереса граждан

⁹ См.: *Будрайтский И.* Мир, который построил Хантингтон и в котором живем все мы. М., 2020.

¹⁰ См.: *Малинова О. Ю.* Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: РОССПЭН, 2015; *Копосов Н. Е.* Память строгого режима. История и политика в России. М.: НЛЮ, 2013.

¹¹ См.: *Тесля А. А.* Как менялась память о Второй мировой войне // Эксперт. 2020. № 18–20. С. 97–101.

к истории Великой Отечественной войны, а также количества принимающих участие в «Бессмертном полку»¹².

«Культ Победы» как «гражданская религия» — удобная концептуальная метафора, поскольку позволяет уловить важный механизм: Великая Отечественная война превращается в источник символической ренты, к которому традиционно пытаются проявить сопричастность многие политические и социальные акторы. Потому неизбежно происходит деформация языка публичного говорения о войне, а палитра оценок, акцентов и интерпретаций соразмерна всей идейно-политической палитре российского общества. Великая Отечественная — универсальный общественный язык, посредством которого можно выразить все что угодно, а Победа — практически неисчерпаемый ресурс символической ренты¹³. В отличие от советского времени, ежегодно 9 мая — это период военного парада, позволяющего заявить о вооруженной силе России. В юбилейные годы практически каждое ведомство пытается обозначить собственную символическую сопричастность через чествование вклада своих профессиональных коллег в Победу. В эту символическую игру включаются и регионы (и через продвижение «своих героев», и через лоббирование включения значимых для них событий в официальный перечень Дней воинской славы и памятных дат России, и через присвоение городам звания Города воинской славы), и различные политические силы (в риторике ЛДПР, например, акцент делается на роли русского народа, у КПРФ — роли советской власти и коммунистической партии, оппозиционные силы будут, наоборот, напоминать о цене победы или дезавуировать властные обращения к памяти о войне как попытку эксплуатировать ее в корыстных целях).

Соответственно, изучать состояние памяти о Великой Отечественной войне в России значит прежде всего пытаться понять логику этой игры, а не фиксировать совокупность позиций. На наш взгляд, ключевую роль играют два диалектических, неразрешимых внутренне противоречия. Во-первых, память о войне как моральная основа символи-

¹² День Победы: скажем спасибо нашим ветеранам // ВЦИОМ. 2019. 7 мая. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9682> (дата обращения: 20.20.2020); Память о войне: история и мифы // ВЦИОМ. 2018. 22 июня. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9176> (дата обращения: 20.20.2020).

¹³ О рентных отношениях в современном мире см.: *Фишман Л., Мартыянов В., Давыдов Д.* Рентное общество. В тени труда, капитала и демократии. М., 2019.

ческого единства всех граждан на практике приводит к соревнованию различных групп, организаций и ведомств, продвигающих частные, партикулярные позиции. Потому всегда существует потенциальная опасность, что всеобщность будет расколота на множество «собственных памятей», а потому вопрос состоит в том, как поддерживать баланс между частным и всеобщим. Во-вторых, «сакральное событие» должно быть достоянием всех, однако массовость и практики ее обеспечения приводят к опасности не только утраты контроля над интерпретацией, но и профанации. Например, ежегодно случаются скандалы с праздничными плакатами, где появляются вражеские военнослужащие или их техника. Ответом становится обращение к практикам политической корректности, которые выражаются в дискуссиях о правилах ношения «георгиевской ленточки», проведения «Бессмертного полка» или публичного говорения об отдельных событиях (корректность тех или иных формулировок). Любопытно, что в России именно история стала предметом политической корректности, и, как правило, ее отстаивают те, кто одновременно посмеивается над аналогичными практиками за рубежом, имеющими своим предметом вопросы гендера или этничности.

Мы далеки от мысли рассматривать активные общественные дискуссии о различных аспектах Великой Отечественной войны как нечто негативное, принципиально угрожающее памяти о войне и национальной идентичности, скорее наоборот: сама готовность разговаривать об общем прошлом куда важнее, нежели согласие вокруг конкретных формулировок и интерпретаций. А имеющиеся противоречия суть отражение структурных конфликтов российского общества в целом. Впрочем, мы не можем не отметить склонность к поляризации мнений в публичном пространстве, а начиная с эпохи перестройки переосмысление советского нарратива сопровождается активностью тех, кто доводит политизацию до предела: одни атакуют отступления от укорененных в советское время стереотипов как «фальсификацию» и «покушение на патриотизм», при этом видя в прошлом аргумент тотального оправдания власти и авторитарных методов управления, в то время как другие, не гнушаясь откровенными передергиваниями, через обращение к истории Великой Отечественной стремятся то дискредитировать советский политический проект, то разоблачить современную власть и те интерпретации, которые, как считается, она продвигает. Однако не все так трагично. Отечественная историография

постепенно преодолевает многочисленные недостатки прежних лет, а с 2010-х гг. активно развивается «новая общественно-научная историография» Великой Отечественной войны, которая одновременно не оставляет камня на камне и от советского официоза, и от его политизированной критики. Все это порождает особое дискуссионное пространство (несколько десятков активных участников, производящих новые знания и оценки, и как минимум несколько десятков тысяч человек, вовлеченных в той или иной мере в процесс обсуждения), ключевая характеристика которого — переплетение научного и медийного, обращение и изучение архивных документов при активном обсуждении на различных интернет-платформах. Чьи-то работы более академичны, чьи-то — менее, но именно здесь формируется свежий научный взгляд на Великую Отечественную войну и закладываются основы нового общественного языка, столь необходимого для разговора о ней, языка, выходящего за пределы тезисов о «защите исторической правды от фальсификаторов» или «борьбе живой памяти, настоящей истории против омертвелога официоза».

Международный контекст

Обеспокоенность памятью о Великой Отечественной войне вызывает и особое внимание к тому, как к этой теме относятся за рубежом. Сегодняшний полубюбилей уже породил массу различных экспертных статей, где призывы сохранять «истинную память» сопряжены с советами, как лучше ею манипулировать, а за обличаемыми манипуляциями авторы пытаются узреть некие важные социальные, политические или культурологические сдвиги. Память о войне в рамках одной статьи может в одном абзаце быть чем-то онтологически важным, значимым и самостоятельным, а уже в другом превращаться в элемент всего лишь риторики. Все эти дискуссии скорее симптом особого отношения к истории в современной России: раз Великая Отечественная война столь значима для нас, то автоматически многие готовы считать, будто и для жителей других стран она имеет особое значение. Различные «не те» интерпретации (порою, да, действительно, вздорные с точки зрения исторической науки), деятельность радикалов из числа консерваторов в Восточной Европе — все это не просто высвечивается СМИ, но и является одним из методов консолидировать российскую нацию через образ Врага, покушающегося на священную историю.

Это заставляет подозревать, что многие пишущие и говорящие о «фальсификации истории за рубежом» совершенно не обеспокоены самим предметом, их интенции направлены исключительно на внутриполитическое поле, что в свою очередь мешает объективному анализу международного контекста обращения к событиям Второй мировой войны. Как правило, приходится сталкиваться с изначально сомнительным предположением, будто интерпретации, за которые идут бои, действительно имеют значение для политиков, а страны, устами историков, журналистов и чиновников, действительно связаны в единую, пусть и агонистическую, дискуссию (в действительности их очень много). Отсюда берет популярность термин «мемориальные войны», которые на практике представляют собой преимущественно медийный конструкт, возможный исключительно в условиях глобализации информационного пространства. Впрочем, некоторые акторы, включая политических, действительно пытаются этим пользоваться, и если сегодня внешнеполитический престиж России держится преимущественно на памяти о Победе, то может появиться соблазн намеренно ударить по нему.

С точки зрения изучения процессов политической и социальной актуализации памяти необходимо прежде всего прояснить общие контексты этих символических актов, доминирующие структуры, определяющие характер дискуссий. Далее мы хотим сосредоточиться на двух направлениях, на наш взгляд, имеющих принципиальное значение для «баталей», развернувшихся вокруг Второй мировой войны: способа увязывания прошлого с актуальными ценностями и с одновременно идущими процессами транснационализации и национализации памяти о Второй мировой в Европе.

Вторая мировая война: универсальные ценности vs добродетели

В России и зарубежной Европе разговор даже об общих страницах прошлого — как Вторая мировая — ведется сквозь призму разных этических систем. Если для многих американских и европейских политиков обращение к истории призвано укрепить приверженность неким общим универсальным ценностям, то для российских представителей оно есть моральный аргумент, свидетельствующий о добродетельности России как внешнеполитического игрока, а общими здесь могут быть некое видение ситуации и проводимая политика. Так, например,

в 2019 г. заявление президента США Д. Трампа к Международному дню жертв Холокоста было выстроено так, что отсылка к этой трагедии и тем людям, которые сумели ее пережить, укрепляет приверженность правам человека, что, в свою очередь, делает логичным призыв к борьбе против того, что угрожает им: «Хотя они (пережившие Холокост. — К.П.) постепенно уходят от нас, их опыт остается с нами, укрепляя нас в борьбе с нетолерантностью, включая антисемитизм и другие формы фанатизма и дискриминации <...> Мы должны сохранять бдительность, защищая фундаментальные права и неотъемлемое достоинство человека»¹⁴. Прозвучавшее в эти же дни выступление В. В. Путина во время торжественных памятных мероприятий в Москве в присутствии премьера Израиля Б. Нетаньяху строилось иначе. Оно представляло собою исторический нарратив о трагедии и героизме советского народа и Красной армии, которая внесла решающий вклад в разгром нацизма. Озвученные факты позволяли установить взаимосвязь между прошлым и отдельными ориентирами российской внешней политики (неприятие идеи мирового господства, борьба против различных форм национализма). Отсылка к прошлому есть повод указать на позитивную преемственность между современной Россией и победившим советским народом¹⁵.

Приведенные цитаты призваны лишь проиллюстрировать то, как за ситуативной риторикой скрывается разница в этических системах. В России обращение к истории призвано восполнить недостаток ценностей в политике, в то время как в зарубежной Европе или США образы прошлого скорее используются для укрепления уже имеющих ценности. Победы и успехи прошлого видятся как залог обоснования добродетельности России как ответственного игрока, как рентный и потенциально неисчерпаемый ресурс символического престижа. Вопреки утверждениям критиков, «историческая составляющая внешнеполитического курса» вовсе не ограничивается лишь риторикой, а включает весьма разнообразный арсенал практик, реализуемых различными дружественными общественными структурами: организа-

¹⁴ Presidential Message on International Holocaust Remembrance Day // The White House. 2018. 16 Jan. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/presidential-message-international-holocaust-remembrance-day/> (дата обращения: 20.20.2020).

¹⁵ Мероприятие, посвященное дню памяти жертв Холокоста и годовщине снятия блокады Ленинграда // Президент России. Официальный сайт. 2018. 29 янв. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56740> (дата обращения: 20.20.2020).

цию передвижных мультимедийных выставок (например, «Мифы о войне», «Помни... мир спас советский солдат» в 2016–2018 гг.); формирование памятных мест (памятники в честь советского солдата в Сербии, Бельгии, Словении, Чехии и др. странах; в 2012 г. в г. Чачак, Сербия, появилась улица Красной Армии, в 2015 г. в крупнейшем парке Анкары «Долина Дикмен», Турция, открылась «Алея Памяти» к 70-летию Победы во Второй мировой войне), музейных площадок (например, музейно-исследовательский центр в г. Марибор, Словения, в 2015 г.), продвижение отечественного исторического кинематографа (например, фильм К. Хабенского «Собибор» в 2018 г. продвигался через официальные структуры как минимум в 29 странах¹⁶). Наиболее удачной оказалась практика проведения «Бессмертного полка». Например, 9 мая 2019 г. в Берлине в шествии участвовали тысячи соотечественников. Тем самым именно история оказалась тем языком, посредством которого удалось перформативно обозначить и явить тот самый «русский мир», о который было сломлено много копий.

Только перечисление организованных мероприятий разного уровня за последние десять лет потребовало бы отдельной книги, однако количественные показатели не должны отвлекать от качественного содержания. Образы прошлого являются способом репрезентации России, обозначения ее места в мире, а стремление донести собственную правду перевешивает готовность выстроить *совместные* пространства прошлого, указать (не только словесно) на *общие* универсальные ценности и апеллировать к *совместному* будущему. Не отрицая значимости осуществляемой деятельности, мы все же скажем, что она не будет в полной мере эффективной, если при установке того или иного памятника за рубежом или проведения выставки не будет дан ответ на главный вопрос: а зачем собственно жителям этой страны нужны предлагаемые образы и интерпретации? Зачем им с почтением относиться к нашему памятнику или тратить время на осмотр нашей экспозиции? В противном случае это не будет препятствовать превращению России во Враждебного Иного, ведь если обратиться к «контрриторике» европейских политиков и СМИ, то дезавуирование претензий

¹⁶ В Польше, США, Франции, Германии, Бельгии, Австрии, Чехии, Словакии, Великобритании, Швейцарии, Нидерландах, Румынии, Испании, Болгарии, Греции, Мальте, Северной Македонии, Ирландии, Австралии, Демократической Республике Конго, Мьянме, Таиланде, Камбодже, Мозамбике, Румынии, Гвинее-Биссау, Турции, Аргентине, Никарагуа.

на престиж осуществляется по нескольким векторам: указание на то, что Россия намеренно политизирует историю, а потому, например, присутствие на Параде Победы высокопоставленных чиновников будет выглядеть как моральное оправдание российского внешнеполитического курса; релятивация претензий России представлять себя единственным наследником Победы, так как Советский Союз включал еще 14 ныне независимых государств; указание на сложность и противоречивость истории Второй мировой, не сводимой исключительно к нарративу о победной роли союзников. Все эти три линии контраргументации вряд ли могут быть эффективно опровергнуты простым тиражированием того, что определяется как «общеизвестные факты».

Вторая мировая:

транснационализация vs национализация

Во-вторых, мы должны указать на конфликт двух разнонаправленных тенденций: попытки формирования общеевропейской памяти как моральной основы евроинтеграции и использования прошлого для укрепления национальных нарративов.

В 1990-е гг. успехи в области политической, экономической и бюрократической интеграции было решено дополнить культурно-историческим измерением, т. е. формированием пространства общеевропейской памяти. В центре — трагедия Холокоста, ключевая модальность — все европейские народы в разной степени ответственны за эту трагедию. Подобная моральная рефлексия должна, по-видимому, заложить дополнительную основу для утверждения общих демократических ценностей. Ключевая форма выражения — трагический нарратив, предполагающий перемещение акцента в историческом повествовании с истории государства, его достижений, военных побед и героев на противоречия, разоблачение национально-патриотических мифов, акцентирование различных трагедий. Вторая мировая война — это не нарратив о победе демократии над злом нацизма (как это было в годы холодной войны), а трагическая страница, обращение к которой должно укреплять нашу обеспокоенность собственными моральным обликом.

На протяжении последних тридцати лет трагический нарратив получил развитие в становлении специальной инфраструктуры памяти, прежде всего, о Холокосте (создание новых музеев, фильмов (иконическая кинокартина «Список Шиндлера»), учебников истории, мемори-

ализация бывших мест заключения, принятие национального законодательства о памятных днях). Трагедия Холокоста стала претендовать на статус соединяющей метафоры, позволяющей активизировать разговор о других массовых трагедиях, будь то другие геноциды (гереро или армян), массовые этнические чистки (как на Балканах в 1990-е гг.), политические репрессии. Немецкие исследователи К. Леггеве и А. Ланг в начале 2010-х гг. предложили концентрическую модель общеевропейской памяти. Ее ядро — Холокост, дальше следует «память о ГУЛАГе» (т. е. репрессиях социалистических правительств), этнических чистках, войнах и кризисах, колониальных преступлениях, истории миграции и истории европейской интеграции¹⁷. Политическая прагматика данной схемы очевидна: взаимное признание различных трагедий, воспринятых сквозь призму идеи ответственности, должно способствовать деформации национально-государственной картины мира и превратиться в моральное основание общеевропейского единства.

Любопытно, что развитие новой общеевропейской культуры памяти привело и к определенному росту внимания (прежде всего, в Германии) к проблеме советских военнопленных, которые, в отличие от пленных других стран Антигитлеровской коалиции, намеренно содержались наихудших условиях, а потому смертность советских военнопленных, по подсчетам П. Поляна, составляла 58%, а несоветских находилась в районе 3–5%¹⁸. Например, в 2000-е гг. был перестроен музейный центр концлагеря СС Берген-Бельзен, теперь порядка трети экспозиции посвящено судьбам советских военнопленных, в то время как ранее эта тема была маргинальна¹⁹. Во второй половине 2000-х гг. был музеефицирован концлагерь СС Нойенгамме, который до этого времени функционировал как тюрьма. Центральное внимание уделено также судьбам советских военнопленных, которые здесь составляли относительное большинство. Есть даже специальный памятный знак в честь тех военнопленных, которых в порядке эксперимента умертвили газом Циклоном Б.

Естественно, в каждом конкретном случае широкая группа историков и их кураторов принимает решение о том, какие акценты составлять, но примечательны сами трансформации, которые не были бы

¹⁷ Leggewie K., Lang A. Der Kampf um die europäische Erinnerung. München, 2011. S. 7–14.

¹⁸ Полян П. Историомор, или трепанация памяти. М., 2016. С. 261.

¹⁹ Петри З., Келлер Р. «Спите, дорогие товарищи...». Кладбище лагеря военнопленных Берген-Бельзен. Ганновер, 2016. С. 80–81.

возможны вне попыток строительства более инклюзивной, новой мемориальной культуры. Намного сложнее дело обстоит с вопросом материальных компенсаций, которых советские военнопленные были лишены, в отличие от других категорий жертв нацизма. В 1990–2000-е гг. существовали отдельные частные немецкие инициативы по сбору средств, однако только в 2015 г. на официальном уровне было принято решение выплатить каждому остающемуся в живых бывшему советскому военнопленному по 2500 евро²⁰. И хотя многими наблюдателями эти меры называются запоздалыми и недостаточными, однако мы обращаем внимание на тот факт, что вне контекста процессов формирования общеевропейской культуры памяти даже этот шаг был немыслимым.

Однако расширение ЕС на восток привело к появлению новых членов, находящихся в активном процессе «преодоления» социалистического прошлого и конструирования национальной идентичности с опорой на вполне «традиционные» национально-патриотические мифы с культом героев. При этом восточноевропейские консерваторы были готовы лишь частично воспринять логику общеевропейской памяти: продвигать свои нации как «таких же жертв», правда, теперь уже «советской оккупации», при этом маргинализируя свою ответственность за преступления в прошлом²¹. Тут можно вспомнить страны Прибалтики, где строительство этнических демократий отчасти опирается на героизацию тех деятелей национальных движений, который запятнали себя сотрудничеством с нацистами. Ярким примером является Польша, где конструирование национального мифа, направленного на подчеркивание страданий польского народа, его героической борьбы против «двух тоталитаризмов» и чествование гражданских подвигов поляков по спасению евреев (наиболее яркий пример — создание в 2016 г. музея в честь семьи Ульмов, которые были полностью расстреляны за укрывание евреев) входит в противоречие с фактами соучастия поляков в политике геноцида²². Здесь можно назвать и Венгрию, где яркий пример — музей «Дом террора», партийный про-

²⁰ Полян П. Указ. соч. С. 279.

²¹ См. подробнее: Миллер А. И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2016. № 1 (80). С. 111–121.

²² Hackmann J. Defending the “Good Name” of the Polish Nation: Politics of History as a Battlefield in Poland, 2015–18 // Journal of Genocide Research. 2018. Vol. 20. № 4. P. 587–606.

ект правой партии «Фидес», открытый в 2002 г. Стремясь объединить память о преступлениях венгерских фашистов и коммунистов, создатели экспозиции уделили первым минимальное внимание и сделали акцент на вторых²³.

В принципе список особенностей дискуссий о Второй мировой войне внутри каждой европейской страны можно продолжать очень долго. Но противоречивость европейской памяти о Второй мировой войне не должна вводить в заблуждение: «головокружение от успехов» рубежа 1990–2000-х гг. активных сторонников этики ответственности сменилось более трезвым взглядом и пониманием, что свои намерения они принимали за реальность. Как показывают современные исследования, даже в среде молодежи, несмотря на различные образовательные программы, взгляд на Вторую мировую в большей степени стимулирован национальной, а не общеевропейской перспективой²⁴.

Однако говорить о полном провале самой политики построения общеевропейской памяти вряд ли приходится, так как она представляет собою нескончаемый процесс попыток примирения вокруг сложных и тяжелых событий (но не их самих!). При этом на практике от акторов этой политики требуется немалая изобретательность. Приведем в пример речь французского президента Э. Макрона в Ягеллонском университете (Краков) перед польскими студентами начала 2020 г. Призывы к построению единой Европы как пространства общих ценностей сопровождались в то же время апелляциям к позитивным моментам польско-французский дружбы (от создания Наполеоном Варшавского гетто до поддержки французами польского восстания 1830–1831 гг. и движения Солидарности). При этом краткое упоминание того, что Э. Макрон выступает против попыток России сделать польский народ виновником в развязывании Второй мировой войны, сопровождалось критикой в адрес современной Польши и ее попыток скрывать тематику коллаборационизма с нацистами²⁵.

²³ *Sodaro M.* Exhibiting atrocities. Memorial Museums and the Politics of Past Violence. New Brunswick, Newark, London, 2018.

²⁴ *Wolnik K., Busse B., Tholen J., Yndigegn C., Levinsen K., Saari K., Puuronen V.* The long shadows of the difficult past? How young people in Denmark, Finland and Germany remember WWII // *Journal of Youth Studies*. 2017. Vol. 20. No. 2. P. 162–179.

²⁵ En Pologne, Macron vante « l'Europe, un bloc de valeurs, un bloc de textes, un bloc d'ambitions » // *Le Monde*. 2020. 4 Février. URL: https://www.lemonde.fr/international/article/2020/02/04/en-pologne-macron-appelle-au-respect-des-valeurs-europeennes_6028391_3210.html?fbclid=IwAR1pvDM37CAYxrHzh4LDA8HyVhY9oAu0gg4JwoY

Итак, несомненно, что память о Второй мировой войне все чаще включается в разнообразные политические контексты. Для всех бывших социалистических стран эта история неразрывным образом связана с оценкой установившейся затем просоветской власти. Если в России, особенно на официальном уровне, память о Великой Отечественной войне во многом исключена из анализа сталинского периода в целом, то в зарубежной Европе подобная символическая операция изъятия становится все менее возможной. Весьма показательна здесь резолюция Европарламента «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы», принятая в сентябре 2019 г. примерно при такой же поддержке, что и аналогичное заявление 2009 г. Тезис о преимущественной вине двух тоталитарных режимов, сталинского и гитлеровского, в развязывании войны сопряжен здесь с осуждением коллаборационизма, а также прочих диктатур и авторитарных режимов. Однако общий пафос направлен на осуждение в принципе тех тоталитарных и авторитарных практик политического управления, которые неприемлемы для демократий, заявляющих в качестве базовых такие ценности, как «уважение человеческого достоинства, свобода, демократия, равенство, верховенство права, уважение прав человека, включая права меньшинств»²⁶.

Поэтому даже если бы Россия и ЕС не находились сейчас в состоянии «холодного мира», это в лучшем случае привело бы к трансформации некоторых формулировок по поводу «пакта Молотова — Риббентропа» и его роли в развязывании Второй мировой, но не к смене общей тональности. Многолетняя активность России по представлению себя как спасительницы Европы от нацизма и потому «добродетельной державы» никак не сказалась на общем направлении европейских дискуссий о Второй мировой войне. Естественно, при желании всегда можно ситуативно найти общий язык, как, например, это было сделано на памятной церемонии 2009 г. (к 70-летию начала Второй

qGe9BEUDYpu4b5VRDzVA (дата обращения: 20.20.2020); À Cracovie, Emmanuel Macron rappelle l'importance des valeurs européennes // FRI. 2020. 4 Fevrier. URL: <http://www.rfi.fr/fr/europe/20200204-cracovie-emmanuel-macron-rappelle-importance-valeurs-europeennes?fbclid=IwAR1pvDM37CAYxrHzh4LDA8HyVhY9oAu0gg4JwoYqGe9BEUDYpu4b5VRDzVA> (дата обращения: 20.20.2020).

²⁶ European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe (2019/2819(RSP)) // European Parliament. 2019. 19 Sept. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (дата обращения: 20.20.2020).

мировой) в Вестерплатте, Польша. Тогда В. В. Путин говорил об ошибочности политики умиротворения Гитлера в целом, включив в число этих шагов и «пакт Молотова — Риббентропа», в то время как его польский коллега Д. Туск отметил, что Красная армия принесла полякам свободу от нацизма (правда, с оговоркой, что называть это полной свободой преждевременно). Политическая воля — залог компромисса исторических трактовок в официальных речах. Но это не отменяет главного: разговор о совместном прошлом без обозначения общих ценностей и перспектив будущего всегда будет чреват конфликтами и возвратам к «войнам памяти». Переиначивая расхожую фразу, мы можем сказать, что без общего будущего нет и ощущения общности исторического прошлого.

Война памяти²

Для обществ некоторых центральноевропейских стран, особенно поляков, характерно отсутствие понимания и знания о реальном ходе Второй мировой войны, о роли, которую в этом конфликте сыграли отдельные государства, а также о его объективных выгодах, полученных в результате победы. И это, определенно, не новая тенденция.

История как предлог для передачи польской экономики немцам

В государстве, формально коммунистическом, каковым была народная Польша в 1980-х гг., рост влияния западной пропаганды наблюдался уже тогда. Это привело к явному акценту на отказ от памяти о войне, на сглаживание польско-германской вражды, которая была еще вполне жива (особенно в связи с еще неполной на тот момент выплатой компенсации за нацистские преступления, например, за использование принудительного труда). Поляков начали убеждать, что память о Второй мировой войне стала несовременной, превратилась в признак национальной замкнутости. С одной стороны, началось издевательство над участниками боевых действий, с другой — уважение и почитание героев войны было представлено лишь как элемент коммунистической (имплицитно — навязанной извне) пропаганды, а не как нормальная потребность здоровой нации.

Эта тенденция набирала обороты в рамках так называемой системной трансформации, в ходе которой прилагались усилия по приглушению патриотических настроений, которые ранее раздували для использования против коммунистической власти. Новая, прозапад-

¹ Ренкас Конрад — историк (Польша).

² Перевод с англ. О. В. Сдвижкова.

ная и капиталистическая, Польша должна была отвернуться от истории, некритически принять ее западную версию, «помириться» с немцами. То есть под прикрытием пропагандистских жестов — открыть им (действовавшим под геополитическим прикрытием США) дверь для захвата польской экономики и установления контроля над СМИ. Однако со временем выяснилось, что польский народ, имевший прочные исторические традиции, начал оказывать хаотичное и бессознательное, хотя и пассивное сопротивление столь далеко идущей идеологической обработке, призванной создать идеальное общество с низкими зарплатами, лишенное памяти, гордости и достоинства. В определенное время появился вспомогательный план, — поскольку не получалось полностью лишить поляков исторической памяти, им следовало предложить ложную версию истории.

Ложная история как прикрытие для американизации Польши

Именно так появилась известная новая «историческая политика», которую проводили, прежде всего, партии и организации, непосредственно представлявшие американские интересы в Польше. «Патриотизм» в этой версии является американским по стилю. Он сводится к размахиванию флагами, пародированию американских парадов и, конечно же, частым речам, объясняющим, насколько плох был коммунизм, а также Советский Союз и сам Сталин. Лишь попутно упоминается, что на самом деле самому существованию Польши и поляков во время Второй мировой войны угрожал геноцид не со стороны СССР, а со стороны нацистской Германии. Переориентация пропаганды значительно ускорилась в последнее десятилетие. К сожалению, ни одна из партий, находившихся у власти в этот период, не остановила войну с правдивой историей, напротив, все они фактически внесли свой вклад в эту войну. Печальные последствия известны.

Практическим воплощением войны с историей в Польше стала беспрецедентная кампания по борьбе с памятниками и другими символами памяти (например, названиями улиц), сравнимая только с действиями Исламского государства. Все без исключения памятники, увековечивавшие подвиги Красной армии и красноармейцев, погибших в процессе освобождения польских земель, стали ее жертвами. Санкционированный парламентским актом разрушения также затронули символы памяти польско-советской дружбы и даже любого рода

памяти о борьбе против Третьего рейха, кроме тех участников и эпизодов этой борьбы, которые непосредственно контролировались Западом. Кроме того, стала интенсивно создаваться легенда о польском антикоммунистическом подполье. Она и должна была стать главным элементом нового исторического сознания поляков.

Таким образом, моя нация, та самая, которая вместе с народами Советского Союза подняла знамя Победы над развалинами Берлина, которая дала миру одного из величайших славянских лидеров, непобедимого маршала двух наций Константина Рокоссовского, эта нация оказалась низведена сегодня до уровня политического недоразумения, вроде прибалтийских республик или украинских и белорусских националистов, которые прославляют сотрудничество своих предков с Гитлером. Это стыд и позор для Польши!

Проиграет ли Польша Вторую мировую войну, несмотря на то, что выиграла ее 75 лет назад?

По разным данным, только за последние два года в Польше было уничтожено почти 300 памятников и мемориальных досок, посвященных совместной польско-советской победе над нацизмом, братству по оружию, деятельности народного и левого движения Сопротивления. Еще несколько сотен изменений — это названия улиц, которые сохранились после первого приступа безумия начала 90-х гг. Конечно, самыми известными фактами были разрушение памятника генералу Ивану Черняховскому в Пененжно, снос памятника братству по оружию в Варшаве или разорение мавзолея советских воинов в Тшчанке. Однако в некоторых местах удалось сохранить такие символы прошлого, главным образом благодаря решительной позиции местных общин, в которых сохранилась память о подлинной истории. Это также большая заслуга общественной ассоциации КУРСК и ее основателя, моего друга Ежи Тыца, который неустанно ремонтирует, чистит и подерживает в порядке эти исторические артефакты. К сожалению — это сизифов труд перед лицом чудовищной, политически мотивированной недоброжелательности польских властей.

Печальный парадокс состоит в том, что даже Запад — инфантильный, забывший свои корни, просто исторически глупый — тем не менее умеет демонстрировать уважение и почет своим собственным героям. Конечно, манипулируя историей, но хотя бы сохраняя ее основные рамки, в том числе, например, не подвергая сомнению такие бесспор-

ные факты, как решающий вклад Советского Союза в победу над Германией. Между тем даже в таком осознании истории отказывают менее важным западным колониям.

Мне как поляку очень больно, потому что когда такое ложное представление об истории предлагается жителям Прибалтики или западным украинцам, и даже белорусским коллаборационистам, то, по крайней мере, известно, что у них на самом деле были предшественники, которые служили нацистам и были не менее преступными, хотя в то же время большинство белорусов, украинцев, много литовцев, латышей и эстонцев храбро сражались в рядах Красной или польской армий. Но что мы, потомки польских партизан, как и я, можем иметь общего с нацистскими бандитами?! Как же мы, поляки, которые тоже были победителями в той войне, нация Рокоссовского, можем сожалеть, что мы не оказались на стороне проигравших, на стороне преступников, что мы не сотрудничали с Гитлером (ведь полякам сегодня дают такие «советы» и читают им соответствующие лекции)?!

Вторая мировая война должна исчезнуть из польского сознания, сменившись идеей рабского труда на новых хозяев, без права на сопротивление. В настоящее время в форме новой «исторической политики» нам навязывается видение, не имеющее ничего общего с историей, но постоянно травмирующее и разрушающее польские души.

Польша благодаря союзу с СССР выиграла Вторую мировую войну, но сегодня она теряет память о ней. Мы проигрываем нашу войну памяти...

*Д. В. Ефременко*¹

Память о Второй мировой войне и дилемма мнемонической безопасности²

Великая Отечественная война и Победа в ней могут с полным основанием рассматриваться в качестве важнейших событий, оказавших и продолжающих оказывать влияние на макрополитическую идентичность и культуру исторической памяти в Советском Союзе, современной России и других постсоветских государствах. Масштаб их воздействия на индивидуальный и коллективный опыт нескольких поколений оказался настолько значительным, что и сегодня они поддерживают смысловую и эмоциональную связь с советской эпохой, которую уже неспособны обеспечить другие события (прежде всего, Октябрьская революция 1917 г.), выступавшие в качестве «мифа основания» СССР. Более того, Великая Отечественная война и Победа служат важным источником политической легитимности современной российской власти, поскольку с ними связан выход за пределы нарратива социально-политического конфликта, каковым сопровождалась смена политического режима в 1917 г.

Сплочение и отпор внешней агрессии стали общим и решающим опытом для большинства населения СССР, независимо от социального статуса конкретных индивидов. Разумеется, в ходе войны происходили процессы, не позволяющие говорить об этом исключительно в бравурной тональности — были и коллаборационизм на оккупированных территориях, и депортации народов, и множество событий

¹ *Ефременко Дмитрий Валерьевич* — доктор политических наук, заместитель директора Института научной информации по общественным наукам РАН (г. Москва).

² Статья подготовлена в рамках исследования, проводимого в Институте научной информации по общественным наукам РАН при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 17–18–01589.

на фронте и в тылу, побуждающих десятилетия спустя ставить вопросы о «цене Победы». Однако в плане формирования макрополитической идентичности, включая и русско-советскую национальную идентичность, опыт военных лет имел исключительное значение. Этот опыт, отражая совокупность индивидуальных опытов миллионов людей, формировал новую рамку коллективной памяти³, для которой официальная пропаганда играла по преимуществу субсидиарную роль. Впервые после революции и Гражданской войны макрополитическая идентичность могла развиваться не на конфликтной основе, а на базе осознания принадлежности к общему целому.

Институционализация памяти о Великой Отечественной войне имела исключительно важный долгосрочный эффект. Как справедливо подчеркивает О. Ю. Малинова, память о Великой Отечественной войне «транслируется через разные каналы социализации, благодаря чему отличается уникальной органичностью. Кроме того, она может быть вписана в широкий спектр культурно укорененных фреймов, начиная с вариаций на тему героизма и национальной славы (“защитники свободы”, “спасители цивилизации” и т. п.) и заканчивая дискурсом жертвы, чьи страдания требуют моральной компенсации. В силу этого символ войны содержит широкие возможности для конструирования положительно окрашенного образа Нас в разных контекстах»⁴. Принципиально важно, что в обществе, претерпевшем вследствие войны глубокие изменения с точки зрения половозрастной структуры и территориальной мобильности, после завершения демобилизации очень важную роль стала играть многомиллионная группа фронтовиков, сплоченная военным опытом и на основе памяти об этом опыте сохранявшая свою сплоченность на протяжении десятилетий. Благодаря наличию этой группы общественное мнение достигло существенно более высокой степени автономии⁵ по сравнению с довоенным периодом и сохраняло ее даже в условиях нового усиления политико-идеологического и репрессивного давления со стороны власти в конце 1940-х — начале 1950-х гг. Показательно, что потенциал памяти

³ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Zenкина. М., 2007.

⁴ Малинова О. Ю. Великая Отечественная война как символический ресурс: Эволюция отображения в официальной риторике 2000–2010 гг. // Россия и современный мир. 2015. № 2. С. 7.

⁵ Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: Политика и повседневность: 1945–1953. М., 1999.

о войне в полной мере начал использоваться властью лишь два десятилетия спустя после Победы, когда к руководству страной и партией пришли Л. И. Брежнев и другие представители номенклатуры, чье становление как политических руководителей пришлось именно на военные годы.

Будучи важным и устойчивым компонентом российской макрополитической идентичности, память о Великой Отечественной войне не может быть рассмотрена и в различных контекстах безопасности — начиная с субъективного ощущения безопасности жизненного мира индивида или группы и заканчивая различными измерениями международной безопасности. В частности, появляются достаточные основания говорить о феномене мнемонической безопасности, представляющей собой существенный аспект онтологической безопасности того или иного сообщества.

Как известно, термин «онтологическая безопасность» был введен в научный оборот известным британским специалистом по психиатрии и психоанализу Р. Лэйнгом⁶, а в качестве понятия социальной теории — существенно реинтерпретирован Э. Гидденсом⁷. С помощью данного понятия Гидденс характеризует уровень уверенности социальных акторов в окружающем их мире, в том, что отсутствуют значимые угрозы их образу жизни и идентичности, постоянству окружающей природной и материальной среды. По сути дела, речь идет об эмоциональных и когнитивных основаниях определения социальными акторами своих интересов, их готовности формировать сообщества и действовать стратегически в своей социальной среде⁸. Уже на уровне индивидов рутинизированные социальные практики и биографические нарративы выступают в качестве важнейших составляющих онтологической безопасности, которая, в свою очередь, оказывает влияние на политическое поведение. В этом ракурсе представляется перспективным анализировать и уровень доверия к существующему в том или ином обществе институциональному порядку, который должен играть стабилизирующую роль для межличностных и межгруп-

⁶ *Laing R. D.* The divided Self: an existential study in sanity and madness. Harmondsworth: Penguin, 1960.

⁷ *Giddens A.* Modernity and self-identity: Self and society in the late modern age. Stanford: Stanford university press, 1991.

⁸ *Krahmann E.* The market for ontological security. // *European security*. 2018. Vol. 27. № 3. P. 356–373.

повых взаимодействий. О состоянии онтологической небезопасности (insecurity) уместно говорить в том случае, когда функционирование институтов не в состоянии купировать ощущение тревоги у индивидов или сообществ⁹, возникающее из-за угрозы нарушения привычного порядка вещей и оспаривания биографических нарративов, значимых для идентичности соответствующего социального актора¹⁰.

Если изначально построения Гидденса были сфокусированы на индивидах и их жизненном мире, то перенос этой логики на социальные группы и устойчивые сообщества открывает новые аналитические перспективы, при этом порождая и ряд новых вопросов. Экстраполяция представлений об онтологической безопасности на политологию и международные отношения более рельефно высвечивает взаимосвязь государств и стоящих за ними сообществ, включая тем самым вопросы идентичности и исторической памяти в соответствующую сферу дисциплинарного анализа. В то же время возникает проблема соотношения традиционных для этих дисциплин представлений о безопасности с концептом онтологической безопасности.

Если исходить из предпосылки, что государство, отстаивая онтологическую безопасность своего сообщества, стремится обеспечить непрерывность бытия собственного Я, то тогда историческая память, поддерживающие ее нарративы и символические практики могут рассматриваться в качестве объектов секьюритизации. При этом, разумеется, возникают серьезные риски, связанные с тем, что секьюритизация исторических нарративов и символических практик оборачивается попытками диктата со стороны доминирующих мнемонических акторов, стремящихся при помощи нормативных обоснований и инструментария защиты физической и социальной безопасности закрепить в общественном сознании определенную трактовку прошлого.

Процессы секьюритизации исторической памяти имеют и международное измерение. В частности, использование представлений об онтологической безопасности открывает новые возможности для объяснения факторов, обуславливающих возникновение дилемм безопасности и влияющих на динамику международных

⁹ *Rumelili B.* Peace anxieties: a framework for conflict resolution // *Rumelili B. (ed.) Ontological security and conflict resolution: peace anxieties.* Abingdon: Routledge (PRIO New Security Studies Series). 2015. P. 10–29.

¹⁰ *Giddens A.* Modernity and self-identity: Self and society in the late modern age. Stanford: Stanford university press, 1991.

конфликтов¹¹. Согласно Р. Джервису, дилемма безопасности проявляется в том случае, когда укрепление безопасности одного государства воспринимается другим государством или группой государств как угроза их собственной безопасности¹². Следует учитывать, что основой для такого восприятия служат не только и даже не столько калькуляции объективных факторов безопасности, но также интуитивные ощущения и негативные ожидания в отношении намерений партнера. Субъективные и психологические составляющие таких оценок играют особенно значимую роль в условиях общей стратегической неопределенности, дефицита доверия и коммуникации между лидерами и политическими элитами соперничающих государств. Суть классической дилеммы безопасности состоит в том, что в ответ на действия государства А лидеры государства В должны смириться с предполагаемым понижением порога собственной безопасности либо предпринять какие-либо активные действия, которые, в свою очередь, могут быть восприняты руководством государства А в качестве угрожающих. В ситуации, когда руководство и политические элиты государств А и В рассматривают двусторонние отношения в модальности игры с нулевой суммой, вероятность эскалации конфликта существенно возрастает.

Конкурентные отношения государственных акторов по вопросам исторической памяти, очевидно, могут воспроизводить дилемму безопасности, хотя и с известными коррективами. *Дилемма мнемонической безопасности* возникает в том случае, когда, например, исторический нарратив, служащий «мифом основания» для государства А или играющий большую роль в сплочении стоящего за этим государством сообщества, на систематической основе оспаривается влиятельными силами, выступающими от лица сообщества, стоящего за государством В. Если институты государства В оказывают устойчивую поддержку этим усилиям, то политические элиты государства А ставят перед выбором: игнорировать такого рода действия или разработать свой комплекс мер, направленных на противодействие подрыву «своего» нарратива и дискредитацию исторических нарративов, значимых для сплочения сообщества в государстве В. Такая динамика может особенно ярко проявлять-

¹¹ Browning C. S., Joenniemi P. Ontological security, self-articulation and the securitization of identity // Cooperation and conflict. 2016. Vol. 52. № 1. P. 31–47.

¹² Jervis R. Cooperation under the security dilemma // World Politics. 1978. Vol. 30. № 2. P. 167–214.

ся в тех случаях, когда мнемонические акторы современных государств, между которыми сложились остро конкурентные отношения, пытаются «приватизировать» какую-то часть некогда общего «наследия воспоминаний». Стремясь разрушить «миф основания» государства А, мнемонические акторы государства В пытаются из его обломков сконструировать свой собственный «миф основания» и, таким образом, усугубляют конфликт, переводя его на уровень антагонизма идентичностей.

Разумеется, дилемма мнемонической безопасности, как правило, выступает производным от классической дилеммы безопасности. Иначе говоря, под уже существующие противоречия, связанные с военно-стратегической и экономической безопасностью, ориентацией на те или иные союзы и межгосударственные объединения¹³, подводится исторический и символический базис, и конфликт с государством А начинает мыслиться политическими элитами и частью массовых групп государства В как важный и даже конституирующий элемент собственной национально-государственной идентичности. Другое дело, что дивергенция государств, перевод их отношений в логику игры с нулевой суммой имеют под собой определенные исторические основания, анализ которых необходим для успеха усилий, направленных на снижение конфликтного потенциала.

Дилемма мнемонической безопасности особенно сложна именно потому, что затрагивает наиболее чувствительные стороны онтологической безопасности сообществ. В этих условиях свобода маневра государственных деятелей, представляющих соответствующее сообщество, существенно сокращается, и процесс принятия политических решений может существенно отклоняться от логики рационального выбора. Деятельность политических лидеров при этом в значительной мере переходит в регистр «соответствия чаяниям» своего сообщества. Как подметил еще Р. Джервис, в отношении оппонирующего государства они почти утрачивают способность «понять, что собственные действия могут выглядеть угрожающими», недружественные шаги другого государства воспринимают исключительно как признаки агрессии, в результате чего конфликт обостряется «до такого уровня, который невозможно объяснить объективными факторами»¹⁴.

¹³ Charap S., Troitskiy M. Russia, the West and the Integration Dilemma // Survival. 2013. Vol. 55. № 6. P. 49–62.

¹⁴ Jervis R. Perception and misperception in international politics. Princeton, NJ: Princeton university press, 1976. P. 75.

Эскалация конфликтов исторической памяти на межгосударственном уровне редко ограничивается одним лишь ужесточением политики и снижающейся способностью воспринимать аргументы оппонировавшей стороны. Секьюритизация памяти зачастую переходит в разработку серии ограничительных и запретительных мер, касающихся, в частности, использования «нежелательной» символики, фактического и даже юридического цензурирования печатных и электронных изданий, предоставляющих доступ к «враждебному» нарративу. В этом же контексте можно рассматривать и создание в Польше и Украине институтов национальной памяти, которые выступают в роли «мнемонических воинов»¹⁵, имеющих статус государственных органов и способных благодаря этому привлекать существенный объем ресурсов. Сама дилемма мнемонической безопасности может быть с учетом этой динамики представлена следующим образом: если в рамках межгосударственных взаимодействий проблематика исторической памяти используется одной стороной как инструмент или даже политическое оружие, то высока вероятность, что и другая сторона постарается пополнить в свой арсенал такой же инструмент или оружие.

В преддверии 75-летия Победы во Второй мировой войне появились основания говорить о возникновении вокруг интерпретации этих событий дилеммы мнемонической безопасности. «Войны памяти», инициируемые частью политических и интеллектуальных элит Центральной и Восточной Европы, опасны не только нацеленностью на ревизию международного статуса современной России как страны-наследницы СССР, но и тем, что, активируя конфликты вокруг исторического прошлого, они могут спровоцировать напряженность, связанную с расхождениями идентичностей и представлений о прошлом различных групп российского общества.

Наибольшая опасность «войн памяти» видится в том, что их легко развязать, но очень сложно завершить. На протяжении последних лет мы наблюдаем, что международные интеракции по проблемам исторического прошлого все чаще трансформируются в дилемму мнемонической безопасности. При этом антагонистический характер дискуссий о прошлом зачастую становится самоподдерживающимся. Как справедливо отмечает Алексей Миллер, мнемонические акторы, наиболее

¹⁵ Kubik J., Bernhard M. (eds.) Twenty years after communism: The politics of memory and commemoration. Oxford: Oxford university press, 2014.

активно участвующие в «войнах памяти», «озабочены прежде всего утверждением исключительных прав своего нарратива в пространстве своей общности, воспринимая любую его критику как диверсию против ее единства и сплоченности. Именно в этом кроются корни необычайной активности стран Восточной Европы в производстве законодательных актов, ставящих под запрет попытки оспорить ту или иную интерпретацию, заданную национальными нарративами»¹⁶.

Вызывает особую тревогу, что целенаправленные усилия по деконструкции доминирующего российского нарратива Великой Отечественной войны и Победы выведены на уровень институтов Европейского союза. Политические декларации наподобие резолюции Европейского парламента «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы» от 18 сентября 2019 г. являются следствием достаточно длительной работы, фактически направленной на подмену доминирующего европейского нарратива исторической памяти о трагедиях XX в.

Вплоть до начала 2000-х гг. ключевой темой политики памяти стран Европейского союза была коллективная память о Холокосте, а основной задачей — проработка трагического опыта Второй мировой войны и преступлений нацизма. На основе осознания коллективной вины и ответственности европейских народов (включая и население оккупированных нацистами территорий) за трагедию Холокоста становилось возможным формирование консолидирующего исторического нарратива. Тем самым Холокост должен был стать нитью, связывающей общеевропейский исторический нарратив XX в. в одно целое.

И все же этого не произошло. Расширение Европейского союза на Восток в 2004 г. сопровождалось серией политических компромиссов, одной из жертв которых в конечном счете оказался и единый европейский исторический нарратив, выстроенный вокруг трагедии Холокоста. В 2004 г. ЕС пополнили новобранцы, чья историческая память существенно отличается от западноевропейской. Коммеморация Холокоста фактически стала одним из требований к новым членам ЕС, маркером принадлежности к «европейской семье» и приверженности «европейским ценностям». Однако для политических элит стран Центральной и Восточной Европы такая политика памяти оказалась

¹⁶ Миллер А. И. Рост значимости институционального фактора в политике памяти — причины и последствия // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2019. № 3 (94). С. 90.

дискомфортной. Ведущие мнемонические акторы стран Центральной и Восточной Европы вполне осознанно вели дело к трансформации подходов к политике памяти в масштабах всего Евросоюза.

Уже в 2009 г. Европейский парламент принял резолюцию, призывавшую «дополнить» коммеморацию Холокоста Общеευропейским днем памяти жертв тоталитарных и авторитарных режимов. Предлагалась и дата — 23 августа, т. е. день подписания пакта Молотова — Риббентропа. Тем самым наиболее явно продвигалась та версия политики памяти, которую отстаивали прежде всего Польша и страны Балтии. Кроме того, эта резолюция стала несомненным вкладом в возобновившееся геополитическое противостояние России и Запада, триггером которого выступила программа ЕС «Восточное партнерство» (2008).

Постепенно отходя от признания ключевой роли общей европейской ответственности за Холокост и усиливая линию на самовиктимизацию и перенос ответственности на внешние тоталитарные силы, инициаторы альтернативной версии европейской политики памяти заложили основу для новых конфликтов и даже «войн памяти». Эта версия все активнее используется и в геополитических целях для конструирования нового ментального фронта, призванного заново разделить географическое и культурное пространство Европы, «выдавлив» из него Россию, но «удержав» при этом другие постсоветские государства, включенные в программу «Восточное партнерство».

Возвращаясь к знакомой для себя роли «значимого другого» в пертурбаре европейской политики памяти, Россия в то же время не имела возможностей оказывать существенное влияние на трансформацию этой политики. Отдельные предостережения российских интеллектуалов, профессиональный диалог (в частности, в рамках работы комиссий, в которых российские историки обсуждали сложные вопросы прошлого с историками Германии, Польши, Латвии и ряда других стран ЕС) и активность депутатов Государственной думы и членов Совета Федерации на площадке Парламентской ассамблеи Совета Европы не могли выступить противовесом системной работе, которая велась в структурах ЕС и в публичном пространстве объединенной Европы. Скорее, уместно говорить о сильном влиянии разворота в европейской политике памяти на российскую политику памяти.

Несомненно, что та версия европейской политики памяти, в которой ключевая роль принадлежит трагедии Холокоста и видению нацизма как абсолютного зла, вполне совместима с современной россий-

ской политикой памяти, в которой Великая Победа над гитлеровской Германией является центральным элементом смысловой схемы отечественного прошлого. Альтернативная версия европейской политики памяти, в которой нацизм и коммунизм рассматриваются как близнецы-братья, причем последний предстает как насажденная извне (Советским Союзом) тоталитарная идеология и репрессивная практика, делает призрачными перспективы сближения моделей политической интерпретации истории.

Сколько бы ни были глубоки сегодня политические противоречия между Россией и Западом, исторические нарративы, в которых важнейшими символическими ориентирами выступают освобождение Освенцима и встреча на Эльбе, сохраняют основу для диалога о совместном будущем. Если же одна из сторон со все возрастающей настойчивостью проталкивает нарратив, в котором основным символом служит парад вермахта и РККА в Бресте, то трудный диалог прекращается, и вместо него начинают звучать два монолога, исполнители которых совершенно не заинтересованы слушать и слышать друг друга.

В текущих обстоятельствах элиты стран Центральной и Восточной Европы и новые когорты еврократии стремятся сохранить вектор политики памяти ЕС, направленный уже не столько на формирование наднациональной идентичности объединенной Европы, сколько на аккомодацию трагического опыта истории XX в. к политическим установкам этих сил. Соображения о том, что такого рода политика памяти в конечном счете нацелена на разрушение представлений о цивилизационном единстве Европы, неотъемлемой частью которого являются история и культура России, мало кого останавливают.

Резолюция Европейского парламента «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы» от 18 сентября 2019 г. — это не просто дополнение к общей конфронтации между Россией и Западом, но ее глубокая фундаментализация, связанная с обращением к ключевым темам исторической памяти. Очевидно, что и с российской стороны будут предприниматься усилия по аналитической деконструкции нарратива, который представлен в резолюции Европарламента. Ведь резолюция — это попытка симбиоза того, что восходит к европейской космополитической культуре памяти конца XX в., и той интерпретации исторических событий, которая сейчас наиболее удобна для политических элит Польши, Балтии и ряда других европейских стран. Она в конечном счете позволяет оправдать соучастие

в преступлениях нацизма противостоянием сталинизму. Следует учитывать и терминологические тонкости, поскольку в резолюции используются термины «сталинизм» и «советский тоталитарный режим». По сути дела, там должен стоять термин «коммунизм», но авторы резолюции постарались этого избежать, чтобы не оттолкнуть европейских левых, имеющих немало голосов и в составе Европейского парламента.

Важная особенность дилеммы мнемонической безопасности состоит в том, что ее практически невозможно преодолеть только в рамках политики памяти. В то же время классическая дилемма безопасности в международных отношениях не является непреодолимой. Очевидно, что предпосылкой выхода из дилеммы мнемонической безопасности является хотя бы относительное ослабление геополитической напряженности между Россией и Западом, появление у каждой из сторон конфликта стимулов к понижению уровня конфронтации. Как только такие условия сформируются, важную роль будет играть возобновление диалога по вопросам исторической памяти, включая память о Второй мировой войне и совместной победе в ней.

КАТЫН-1943: Возникновение и генезис одного из концептов информационной войны

История возникновения и развития концепта Katyn (Катынь) — это выдающийся пример информационной войны, которая велась против Советского Союза. Происхождение его непосредственным образом связано с нацистской пропагандистской доктриной «Kraft durch Furcht» («сила через страх»), введенной в действие после коренного перелома в ходе Второй мировой войны. Однако даже после разгрома Третьего рейха политический контекст Katyn не только поддерживался определенными политическими силами, но и постоянно развивался на протяжении долгих десятилетий вплоть до современности.

С середины апреля 1943 г., когда с подачи нацистских средств массовой информации словом Katyn стали называть обнаруженные в лесу Козьи горы под Смоленском польские захоронения, вплоть до настоящего времени понятие Katyn несколько раз меняло свое содержание, став в итоге транснациональным символом², на основе которого уже несколько десятилетий строится польская национальная идентичность и формулируются современные историко-политические концепции «первой советской оккупации 1939–1941 гг.» Польши, прибалтийских стран, Украины и Белоруссии и «второй советской оккупации Европы»³.

Существует понятие «анти-Katyn», которым польские журналисты и историки называют попытки российских ученых пролить

¹ Корнилова Оксана Викторовна — кандидат исторических наук (г. Смоленск).

² Etkind A. Remembering Katyn. 2012. P. 2, 8–9; Paul A. (M. Allen) Katyn: Stalin's massacre and the triumph of truth. Northern Illinois University Press, DeKalb, 2010. P. ix.

³ В рамках этого концепта в Европе принимаются законы о декоммунизации и идет приравнивание нацистского режима и советского строя.

свет на судьбу советских военнопленных, попавших в польские лагеря в ходе польско-советской войны 1919–1920 гг. и погибших там от нечеловеческих условий содержания. Крушение самолета 10 апреля 2010 г. на аэродроме Северный под Смоленском, в которой погибли 98 человек, в том числе президент Польши Л. Качиньский, почти сразу стало называться «Katyn-2». Концепт разрастается и обрastaет все новыми смыслами. Так, события так называемой «августовской облавы» июля 1945 г., когда в тылу сражавшейся за освобождение Польши от нацистов Красной армии были арестованы и разоружены около 400 польских боевиков, называются «малая Katyn».

В настоящее время словом Katyn — zbrodnia katynska (польск.), Катынская трагедия (русс.), the Katyn massacre (англ.) — принято обозначать расстрел 21 857 польских граждан, содержавшихся в трех лагерях НКВД (Козельском, Осташковском и Старобельском) и тюрьмах Западной Украины и Западной Белоруссии, осуществленный весной 1940 г. на основании постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. (katyn decyzija, или катыньское решение).

Это определение понятия Katyn возникло совсем недавно. К настоящему времени можно выделить три различных, последовательно сменяющих друг друга концепта Katyn. В качестве тенденции отмечается постоянное увеличение численности жертв, а также расширение географии расположения мест расстрелов и захоронений. Соответственно этому идет и расширение сферы мемориализации: открытие символических «катыньских кладбищ».

В рамках нашего исследования крайне важно провести разграничение между возникшим в 1943 г. политико-пропагандистским концептом Katyn, производным от польского «kat» (палач), и названием населенного пункта Кáтынь, которое произошло в древнерусские времена от глагола «катать» или существительных «качь», «катунь» (стан, лагерь). В подавляющем большинстве исследований не проводится разграничение понятия Katyn и топонима Кáтынь. Лишь единичные авторы учитывают это обстоятельство. Например, А. Эткиндом этот принцип заложен в основу монографии, которая структурно состоит из глав «Katyn в Польше», «Katyn в Беларуси», «Katyn в Смоленске», «Katyn в Кáтыни» и т. д.⁴

⁴ Etkind A. Remembering Katyn. 2012.

Впервые слово Katyn появилось в нацистских средствах массовой информации в апреле 1943 г. В это время оно использовалось для обозначения обнаруженных в лесу Козьи горы под Смоленскими захоронений польских офицеров. В данном случае принципиальное значение имеет тот факт, что до середины апреля 1943 г. в источниках самого различного происхождения для описания местонахождения захоронений не использовались названия ни Katyn, ни Катынь, ни Катынский лес, а только Козьи горы.

В официальном отчете нацистов о результатах эксгумации — «Amtliches Material zum Massenmord von KATYN»⁵, опубликованном в сентябре 1943 г., — тексты допросов жителей близлежащих населенных пунктов были размещены в разделе, озаглавленном «Der Kosy-Gory-Hügel — eine alte Richtstätte der Tscheka» («Холмы Козьи горы — старое место исполнения Чека»)⁶. В протоколах допросов местных жителей, родившихся и проживавших в деревне Новые Батеки в 3 км от места обнаружения захоронений, при определении того места, где были найдены останки, употребляется только название Козьи горы («Kozi gory»). Документы датированы 5 апреля 1940 г.⁷

В широко цитируемом заявлении берлинского радио от 13 апреля 1943 г. об обнаружении массовых могил называется местность «Косогоры» (искаженное Козьи горы)⁸. Примечательно, что в польских исследованиях и их русскоязычных аналогах этот документ озаглавливают как «Сообщение о захоронениях... в Катынском лесу»⁹.

В обращении лейтенанта полевой полиции Фосса к населению Смоленска и его окрестностей от 3 мая 1943 г. спрашивалось: «Кто может дать данные про массовое убийство, совершенное большевиками в 1940 году над пленными польскими офицерами и священниками в лесу Козьи Горы...»¹⁰

⁵ Amtliches Material zum Massenmord von KATYN [Official Material on the Mass Murder of KATYN]. Berlin. Zentralverlag der NSDAP. Franz Eher Nachf. GmbH. Gedruckt im Deutschen Verlag, 1943 (in German).

⁶ Amtliches Material... S. 18

⁷ Ibid. S. 18.

⁸ Zbrodnia katynska w swietle dokumentow [Katyn crime in the light of documents]. London, 1980. S. 85; Катынь. Март 1940 г. — сентябрь 2000 г. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. Документы. М., 2001. С. 447.

⁹ См., напр.: Катынь. Март 1940 г. — сентябрь 2000 г. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. Документы. М., 2001. С. 447.

¹⁰ Фосс. Обращение к населению // Новый путь. 1943. 6 мая. № 35 (157). С. 3.

В оккупированном Смоленске нацистскими властями было организовано издание русскоязычной газеты «Новый путь». Первое сообщение об обнаруженных захоронениях польских офицеров было опубликовано 18 апреля 1943 г.¹¹ Автором статьи был житель Смоленска К. Долгоненков, в 1930-е гг. работавший главным редактором смоленской областной газеты «Рабочий путь», а при оккупантах — главным редактором нацистской газеты «Новый путь». В этой публикации, ориентированной на хорошо знакомое с топонимикой местное население, не упоминается никаких географических названий, а дается лишь описание местности: «Наш автомобиль мчится от Смоленска на запад. Мы с германским офицером проезжаем давным-давно знакомые мне поселки — Серебрянку, Красный Бор, Гнездово. Это до войны, как известно, — обожаемые еврейскими семьями дачные места. Примерно на тринадцатом километре от города сворачиваем с шоссе влево и проселочной дорожкой двинемся в гущу молодого сосонника. До “того” места теперь уже лишь километра полтора. Скоро можно догадаться, что оно совсем близко. Это подсказывается каким-то странным запахом...»¹²¹³,

Обратим внимание, что на страницах главной нацистской партийной газеты «Фелькешир беобахтер», издававшейся в Берлине, слово Katyn появилось 16 апреля 1943 г. Статья-передовица рассказывала об обнаружении останков 12 000 польских офицеров и священнослужителей, расстрелянных большевиками¹⁴. На иллюстрации, визуализирующей смысл статьи, был изображен «еврейский комиссар-большевик» с отталкивающими чертами лица и лежащие во рве благородной внешности расстрелянные польские офицеры. В последнее время эти образы будут кочевать из одного концепта в дру-

¹¹ Долгоненков К. Чудовищное злодеяние большевиков. Тысячи трупов польских офицеров в глубоких ямах среди сосонника // Новый путь. 1943. 18 апр. № 31 (153). С. 1–2.

¹² Там же. С. 1.

¹³ До деревни Катынь, не сворачивая к «тому месту», еще 10 км далее по Витебскому шоссе. Названия других близлежащих к захоронениям населенных пунктов — Софиевка (всего 100 м), Борок (1,5 км), Новые Батеки (3 км) и целый ряд других.

¹⁴ England und der Massenmord von Katyn [England and Katyn's Mass Murder] // Volkischer Beobachter. Berlin, Freitag, 16, April 1943. S. 1 (in German); Die 12 000 polnischen Offiziere von judischen Kommandos gemeuchelt [The 12 000 Polish officers were mauled by Jewish commandos] // Volkischer Beobachter. Berlin, Freitag, 16, April 1943. S. 1–2 (in German); Katyn — ein Beispiel für Judas Anschlag auf Europa [Katyn — an example of Judas attack on Europe] // Volkischer Beobachter. Berlin, Freitag, 16, April 1943. S. 1 (in German).

гой. Статья и иллюстрация к ней раскрывали значение формулировки «Wald von Katyn»: «лес Katyn», т. е. лес Катыньского преступления.

Обратим внимание на то, что на этой самой первой иллюстрации была изображена и вторая сторона, причастная к преступлению Katyn, — Великобритания. Третий персонаж на рисунке — это глава англиканской церкви. Довольно улыбаясь, одной рукой он по-дружески похлопывает «жидо-большевика», держащего пистолет, а другой делает жест благословения. Называется рисунок «Англия и массовое убийство Katyn». Подпись к рисунку: «Архиепископ кентерберийский: “Жалко, что Польшу списали, наша боль была бы велика”».

Эту версию Катыньского преступления исследователи обходят стороной. Возможно предположить, что этим третьим персонажем нацисты попытались еще сильнее задеть чувства «адресной группы». На протяжении переговоров 1930-х гг. Великобритания неоднократно обещала Польше военную помощь в случае нападения Гитлера. Однако, как хорошо известно, этого не случилось. 3 сентября 1939 г. Великобритания объявила войну нацисткой Германии, однако никакой помощи Польше не оказала. Эти события в военной литературе получили название «Странная война».

Однако очень скоро этот третий персонаж — Великобритания, благословляющая Советский Союз на кровавую расправу над Польшей, — исчез. Одновременно число жертв Katyn было сокращено с 12 000 до 10 000 человек.

В такой скорректированной формулировке концепт Katyn стал тиражироваться в последующих газетных публикациях, распространявшихся как на территории Третьего рейха, так и завоеванных европейских стран: 10 000 жертв, преступник СССР и невинная жертва Польша¹⁵.

Нацистские плакаты тысячами тиражами визуализировали эту схему: под написанным кроваво-красными буквами «Katyn» были

¹⁵ Internationale Wissenschaftler in Katyn [International scientists in Katyn] // *Litzmannstaedter Zeitung*. 26. Jahrgang / Nr. 24. Dienstag, 4. Mai 1943. 1 (in German); *Wyjazd drugiej delegacji do Katynia. Przedstawiciele Polskiego Czerwonego Krzyża na miejscu tragedji* [Departure of the Second Delegation to Katyn. Representatives of the Polish Red Cross on the Site of the Tragedy] // *Goniec Krakowski*. Krakow, niedziela 18 / poniedziałek 19 kwietnia 1943. Rok V. Nr. 91. S. 1; *Polacy w Sowietach obywatelami sowieckimi* [Poles in the Soviets Soviet citizens] // *Nowy Kurier Warszawski*. Warszawa, piątek 1943. Rok V. Nr. 97. S. 97 (in Polish); *Buchle Max. Posenter Polen in Katyn. Besichtigung der Stätte des jüdisch-bolschewistischen Massenmordes* [Posenter Poland in Katyn. Tour to the Site of the Jewish-Bolshevik Mass Murder] // *Ostdeutscher Beobachter*. Dienstag, den 20 April, 1943 (in German).

изображены «большевистские комиссары» с гипертрофированной семитской внешностью, предательским выстрелом в затылок расстреливающие польского офицера благородной внешности. Поясняющих надписей, даты события или указания на место этого «преступления» на плакатах не было, но их не надо было — зрительный образ был прост и понятен. Хотя плакаты распространялись во многих оккупированных нацистами странах, их основной целевой группой было население Польши: по-польски слово «*kat*» переводится как «*палач*», «*мучитель*», «*убийца*».

Американский политолог польского происхождения, советник президента США по вопросам национальной безопасности З. Бжезинский также акцентировал внимание на том, что три первых буквы слова Katyn составляют польское *kat* (палач)¹⁶.

Важно понимать, что параллельно с тем, как локальные документы фиксировали название местности «Козьи горы», в нацистской мировой пропаганде использовался политический слоган Katyn, призванный подорвать авторитет Советского Союза в глазах союзников. Якобы случайное обнаружение под Смоленские останков польских офицеров по времени точно совпало со сменой политического курса Третьего рейха для оккупированных восточных территорий. После победы советских войск в Сталинградской битве, обусловившей коренной перелом в ходе Второй мировой войны, на смену «новому порядку» был выдвинут пропагандистский концепт «Новой Европы» — объединение оккупированных нацистами европейских стран против СССР. Идеологический концепт «сила через страх» был призван показать всему миру, что большевистский Советский Союз хуже, чем нацистская Германия.

Спустя какое-то время произошло слияние политического слогана Katyn (Катынь) и топонима Kątyń — названия поселка, располагающегося в 7 км от места обнаружения захоронений. В долгосрочной перспективе это привело к тому, что одно и то же слово стало иметь как минимум два разных семантических значения.

Поселок Катынь Смоленского района Смоленской области расположен на берегу реки Катынки, протекающей из озера Купринское в Днепр. Согласно исследованиям Е. А. Шмидта, по озеру Купринское

¹⁶ Микке С. «Спи, храбрый» в Катыни, Харькове и Медном / вст. З. Бжезинского; перев. С. Крымова. Варшава, 2001. С. 5.

и реке Катынке в древнерусское время пролегал один из главных вариантов пути «из варяг в греки», вследствие чего название поселка Катынь связано с глаголами «катать», «катить», так же как и названия многих других населенных пунктов, расположенных вдоль этого торгового маршрута¹⁷. Согласно другой версии, название Катынь могло произойти от древнерусского «каъ», «катунъ» (поселение, становище, стан, лагерь)¹⁸, что также подтверждается многочисленными археологическими находками в окрестностях этого населенного пункта и реки Катынки.

Современные производные от Katyn — zbrodnia katynska (катынская трагедия), klamstwo katynska (катынская ложь), lista katynska (катыньские списки) и другие — не имеют ничего общего с названием населенного пункта Катынь в Смоленской области. Это отмечается, например, в региональном школьном учебнике по истории Смоленщины, в котором изложение событий расстрела польских граждан «в Козьих горах под Смоленском» размещено под заголовком «Катыньская трагедия»¹⁹.

С самого начала своего возникновения Katyn — это политический, пропагандистский, антисоветский нацистский концепт, а не топоним.

Первая схема исторических событий Katyn возникла в апреле 1943 г. Материализовать (идентифицировать) 10 000 жертв этой схемы были призваны эксгумационные работы, которые проводили нацисты в Козьих горах в марте — июне 1943 г. Итоговые результаты так называемых эксгумационных работ были опубликованы в издательстве НСДАП в сентябре 1943 г. В этом издании, которое некоторые историки до настоящего времени рассматривают как объективный исторический документ, были опубликованы следующие данные: обнаружено 4 143 тела, 70% из них было идентифицировано. Как заявлялось, продолжить эксгумационные работы не удалось по причине возможности возникновения эпидемий из-за летней жары и по причине

¹⁷ Лявданский А. Н. Некоторые данные о каменном веке и культуре бронзовой эпохи Смоленской губернии // Научные известия Смоленского государственного университета. Т. IV. Вып. 3. Смоленск, 1927; Шмидт Е. А. Археологические памятники Смоленской области. Смоленск, 1976. С. 208–214; Шмидт Е. А. Древнерусские археологические памятники Смоленской области. Ч. II. М., 1983. С. 73–77.

¹⁸ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7. М., 1980. С. 88, 93.

¹⁹ Будаев Д. И., Ильюхов А. А. История Смоленщины. XIX–XX вв. 8–9 класс: Учебник по истории родного края. 2-е изд., перераб. и доп. / под общ. ред. Д. И. Будаева. Смоленск, 2003. С. 256.

наступления войск Красной армии. До освобождения Смоленска, а Козьи горы располагаются на 13 км западнее города, оставалось еще 3 месяца.

Особенность концепта Katyn заключается еще и в том, что, параллельно с определением количества жертв, подбором индивидуальных биографических данных и разработкой очередной схемы хода исторических событий, идет его закрепление в общественной памяти при помощи мемориализации — обустройстве символических «катыньских кладбищ».

В 1943 г. на оккупированной территории Смоленского района нацистскими властями было создано первое символическое кладбище, создание которого было призвано решить важную политическую задачу — материализовать и мемориализировать концепт Katyn. На это кладбище нацисты привозили на экскурсии «туристов» из оккупированных стран, военнопленных, жителей Смоленска. Цель: показать в объектах материального мира «невинно убиенных польских офицеров, предатели расстрелянных жидо-большевиками» и, конечно, «гуманизм» нацистов.

Отметим, что первое кладбище в Козьих горах (нацистское, лето 1943 г.) представляло собой шесть квадратных в плане групповых могил, располагавшихся по обеим сторонам от дорожки, и два индивидуальных захоронения генералов. Начиная с 2000 г. его можно увидеть на этом же месте и в тех же самых очертаниях.

Подвести «научную» базу под цифру в 10 000 жертв Геббельсу помешал разгром нацисткой Германии советскими войсками. Однако дело его было продолжено польским эмиграционным правительством, нашедшим приют в Лондоне. До конца 1940-х гг. в Великобритании было обнаружено и опубликовано 9988 имен катыньских жертв.

Второе содержание концепта Katyn, в основных чертах сформированное почти сразу же после окончания Второй мировой войны, с небольшими изменениями просуществовало вплоть до рубежа 1980–1990-х гг. В это время в него стали включать расстрел 14,5 тыс. польских офицеров и полицейских, содержавшихся в трех лагерях — Козельском, Осташковском и Старобельском. Основные публикации, положившие начало второй схеме Katyn, связаны с деятельностью польского эмиграционного правительства.

В историографии отсчет начала этого периода наиболее часто ведется с книги польского писателя Ю. Мацкевича «Катыньское пре-

ступление в свете документов», опубликованной в Лондоне в 1948 г.²⁰ В этой публикации схема Катун представлена так: 15 000 польских офицеров и полицейских содержались в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях НКВД; в апреле — мае 1940 г. все они, за исключением 400 человек, перемещенных в Павлищев Бор, затем в Грязовец, а оттуда попавших в армию Андерса, были вывезены в неизвестном направлении. С учетом обнаруженных в 1943 г. в Козьих горах захоронений заключенных Козельска, автором делается вывод о том, что «пропавшие» заключенные и двух других лагерей также были убиты.

В это же время в названии книги А. Мочиньского, опубликованной впервые в том же эмигрантском издательстве «Gruy» в 1949 г. и впоследствии неоднократно переиздававшейся, появляется название «катыньские списки» («lista kатыńska»)²¹. Сам А. Мочиньский был одним из заключенных Старобельска. В мае 1940 г. он был этапирован в Павлищев Бор, затем лагерь для военнопленных Грязовец, где и содержался вплоть до массовой сталинской амнистии августа 1941 г. Все основные положения данной концепции, а также «катыньские списки» (списки пропавших польских офицеров) были сформированы в основном на основе рассказов выживших заключенных этих лагерей.

Характерно, что на протяжении десятилетий в подробно изучаемой и разрабатываемой схеме Катун не было ни одного упоминания о белорусской и украинских катынях. Так, в книге Я. Заводного (1962 г.) повторена та же схема: заключенные Козельского (около 4 500 офицеров и подхорунжих), Старобельского (около 3 920 офицеров и подхорунжих) и Осташковского (около 6 500 человек офицеров и солдат пограничной охраны, жандармерии и полиции) лагерей были расстреляны в Катыни (4 143 человека), Харькове или Белом море и Дергачах или Вязьме соответственно. Время нахождения в лагерях

²⁰ [Mackiewicz J.] Zbrodnia Katynska w swietle dokumentow [Katyn crime in the light of documents] / z przedm. Władysława Andersa. London: Gryf., 1948 (in Polish); Mackiewicz J. The Katyn Woods Murders. Holis & Carter, 1951.

²¹ Moszyński A. Lista kатыńska. Jeńcy obozów Kozielsk — Ostaszkow — Starobielsk, zaginieni w Rosji Sowieckiej [The Katyn list. Prisoners of Kozielsk — Ostaszkow — Starobielsk camps, missing in the Soviet Russia]. Opracował A. Moszyński. (Drugie wydanie). 1974. 336 s. (in Polish); Moszyński A. Lista Kатыńska. Jeńcy obozów Kozielsk, Ostaszków, Starobielsk, zaginieni w Rosji sowieckiej [The Katyn list. Prisoners of Kozielsk — Ostaszkow — Starobielsk camps, missing in the Soviet Russia]. Warszawa: Agencja Omnipress — Spółdzielnia Pracy Dziennikarzy, Polskie Towarzystwo Historyczne, 1989 (in Polish).

определено как сентябрь 1939 — май 1940 г. Избежавшие расстрела 448 солдат и офицеров (245 из Козельска, 79 из Старобельска и 124 из Осташкова) в апреле — июне 1940 г. были перевезены в Павлищев Бор, где содержались до июня 1941 г., затем были переведены в Грязовец (350–400 офицеров), откуда направлены в армию Андерса²². Принципиальной проблемой этого периода было установление мест захоронений заключенных Осташковского и Старобельского лагерей.

Обнародование документов, на основе которых сначала была подтверждена вторая схема Katyn, а вскоре сформулирована третья (современная), произошло в горбачевско-ельцинский период.

В 1980-е г. польская сторона официально просила от Советского Союза признания второй схемы Katyn и поименный список 14 500 ее жертв. В апреле 1990 г. М. Горбачев передал В. Ярузельскому две папки с материалами, которые подтверждали то содержание Katyn, которое существовало с конца 1940-х гг.: расстрел 14,5 тыс. заключенных трех лагерей НКВД — Козельска, Старобельска, Осташкова. Переданные польской стороне документы представляли собой несколько сот листов ксерокопий поименных списков пленных из лагерей Козельск и Осташков, группами отправлявшихся в распоряжение областных управлений НКВД в Смоленске и Калинин, а также поименный перечень учетных карточек узников, убывших из лагеря в Старобельске в апреле — мае 1940 г. В Польше в 1991 г. эти списки были опубликованы Е. Тухольским в книге «Убийство в Катыни. Козельск, Осташков, Старобельск. Списки жертв»²³. Процесс обнаружения этих документов и их передача Польше были подробно описаны²⁴.

Следующим актом стала мемориализация второй схемы Katyn. Во исполнение подписанного в 1996 г. российско-польского соглашения о мемориализации памяти польских граждан — жертв Katyn, на территории Российской Федерации в 2000 г. были открыты два польских воинских кладбища — «Katyn» в Козьих горах под Смоленском и «Miednoe» под Тверью. Во исполнение аналогичного польско-

²² *Zawodny J.* Death In The Forest; The Story Of The Katyn Forest Massacre. Notre Dame — Indiana, 1962.

²³ *Tucholski J.* Mord w Katyniu. Kozielsk, Ostaszkw, Starobiesk. Lista ofiar [Murder in Katyn. Kozielsk, Ostaszkw, Starobielsk. List of victims.]. Warszawa, 1991. 988 s. (in Polish).

²⁴ *Ажборовская И. С., Яблоков А. Ю., Парсаданова В. С.* Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М., 2001. 496 с.

украинского соглашения в 2000 г. было открыто аналогичное кладбище «Char'kow» под Харьковом.

Открытие этих символических «катынских кладбищ» было единой акцией, завершенной в 2000 г.: 17 июня был открыт мемориал в Харькове, 28 июля — в Козьих горах, 2 сентября — под Тверью. Архитектурное решение трех этих мемориалов идентично.

Семантика трех первых «катынских кладбищ», призванных зафиксировать в мировой общественной памяти 2-ю схему Katyn, идентична.

Оформляются символические (т. е. пустые) «ямы смерти» — места, где якобы находились останки. Единственное место, где была возможна хоть какая-то привязка к месту события, — Козьи горы под Смоленском. Здесь центральная часть кладбища «Katyn» в версии 2000 г. точь-в-точь повторила очертания могил, устроенных нацистами в 1943 г.

По периметру устанавливаются таблички с именами жертв «катынского преступления», хотя их останки в подавляющем большинстве случаев не были ни обнаружены, ни идентифицированы. По сути, в 2000 г. была произведена мемориализация 14,5 тыс. имен с ксерокопий этапных списков, которые М. Горбачев передал польской стороне в 1990 г.

На входе всех трех кладбищ посетителей встречает «историческая» схема концепта Katyn, которую визуализирует увеличенное изображение «Креста Сентябрьской кампании». Эта юбилейная медаль была учреждена польским эмиграционным правительством в Лондоне в сентябре 1984 г. Согласно статуту, награждению ею подлежат те, кто в 1939 г. воевал против нацисткой Германии или против Советского Союза.

В центре креста изображен польский гербовый орел и надпись «wsziesien» (в переводе с польского — сентябрь) и год «1939». По обеим сторонам от орла даты — «1.IX» и «17.IX». Дата «1 сентября» говорит о нападении нацисткой Германии на Польшу в ходе Второй мировой войны.

17 сентября 1939 г., как известно, является днем вступления советских войск на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии, которые по Рижскому миру 1921 г. отошли к Польше. Сделано это было после бегства польского правительства из Варшавы и из страны (переход польско-румынской границы). Конечная точка

бегства этих деятелей — Лондон, Великобритания. Это то самое лондонское польское эмиграционное правительство, которое, спустя 50 лет после освобождения Польши силами Красной армии и гибели 600 000 советских солдат за свободу поляков и независимое польское государство, решило учредить медаль, приравнивающую нацистский и советский режимы.

«17 сентября» в символике данной медали, что закреплено и в ее статуте, — это день «оккупации Польши советской армией в 1939 году». «Преступление Katyn» — это ее итог и символ.

По сути, это трансформированный образ нацистского плаката 1943 г.: уродливый сталинский СССР стреляет в затылок благородной и невинной Польше. Геббельсовский концепт «сила через страх» продолжает использоваться и поныне — сплочение Европы против современного «тоталитарного монстра».

После очередной передачи Польше документов при правлении Бориса Ельцина концепт Катун снова расширил свое содержание и число жертв (1992 г.). На этот раз в их число были включены еще 7305 польских граждан, содержавшихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии, расстрелянных на основании все того же Постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. В Польше эти документы были сразу же опубликованы, но озаглавлены уже были как «документы геноцида»²⁵.

Давая стратегическую оценку этому акту, Бенджамин Фишер, около 30 лет работавший советником Центрального разведывательного управления США, приводит цитату из сопроводительной записки с грифом «Секретно», подготовленной 22 марта 1989 г. к проекту постановления ЦК КПСС «К вопросу о Катыни», подписанной Э. Шеварнадзе, В. Фалиным и В. Крючковым: «Подтекст кампании очевиден — поляку внушают, что Советский Союз ничем не лучше, а, может быть, и хуже тогдашней Германии, что он несет не меньшую ответственность за возникновение войны и даже за военный разгром тогдашнего Польского государства»²⁶.

²⁵ Katyn. Dokumenty ludobójstwa. Dokumenty i materiały archiwalne przekazane Polsce 14 października 1992 r. [Katyn. Documents of genocide. Documents and archival materials transferred to Poland on October 14, 1992]. Warszawa, 1992 (in Polish).

²⁶ Fischer B. B. The Katyn Controversy: Stalin's Killing Field. URL: <https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/csi-studies/studies/winter99-00/art6.html#ft13> (дата обращения: 20.20.2020). Копии выписки из протоко-

В глобальном контексте вторую (1990 г.) и третью (1992 г.) схемы Катун разделяет распад СССР и изменение политической карты Европы. В это время и возникают понятия «украинская Катун» и «белорусская Катун». Как хорошо известно, белорусские и украинские территории входят в сферу политических интересов Польши и входят в понятие *kresy* (польские восточные окраины).

Для мемориализации и материализации третьей схемы Катун на окраине Киева в 2012 г. было открыто очередное польское «катыньское» кладбище — «Вуковнја». Оно является еще более символическим, чем три предыдущих. По словам польского профессора А. Колы, руководившего эксгумационными работами в Быковне, «на базе скелетных останков подсчитано количество жертв в 1688», имена 9 человек были обнаружены всего лишь на 9 предметах (например, имя, нацарапанное на расческе)²⁷.

Тем не менее мемориал «Вуковнја» построили и установили 3435 табличек с именами польских граждан из «украинского катыньского списка» (1994). На церемонии открытия польско-украинского мемориала присутствовали президенты обеих стран²⁸.

Нужно отметить, что в последнее время все чаще польские мемориалы именуются не по их официальным названиям (Медное, Харьков, Быковня), а «катыньскими кладбищами» с добавлением порядкового номера. Так, вместо «Быковня» в средствах массовой информации и исследованиях чаще употребляется словосочетание «четвертое катыньское кладбище».

С большой долей вероятности можно предположить, что по подобной схеме будет развиваться ситуация и в Белоруссии. Следуя логике строительства первых четырех «катыньских» кладбищ, на месте предполагаемого места захоронения польских граждан в Белоруссии

ла № 152 заседания Политбюро ЦК КПСС от 31 марта 1989 г. «К вопросу о Катыни» и записки «К вопросу о Катыни» от 22 марта 1989 г. были в числе документов, переданных Польше в октябре 1992 г.

²⁷ Kola A. Prace archeologiczno-ekshumacyjne na cmentarzy ofiar NKWD w Kijowie-Bykowni / Charkow — Katyn — Twer — Bykownia. W 70. rocznice zbrodni katynskiej. Zbiór stuoiw. Pod red. A. Koli i J. Szilinga. Torun, 2011. S. 135–181. См. также его интервью в газете Nasz Dziennik. 4–5 июня 2011 г. № 129 (4060). URL: <http://stary.naszdziennik.pl/index.php?dat=20110604&typ=sw&id=sw06.txt> (дата обращения: 09.08.2020).

²⁸ В своих выступлениях оба президента повторили одну и ту же мысль об общности трагических судеб польского и украинского народов перед чудовищной властью советского тоталитаризма.

(в Куропатах) в ближайшей перспективе возможно ожидать сооружения 5-го «катыньского» мемориала. С учетом факта сооружения именно *символических* кладбищ, польским специалистам даже не обязательно проводить в Куропатах полную эксгумацию, о разрешении на проведение которой они неоднократно обращались к руководству страны.

Ситуация с сооружением «пятого катыньского кладбища» в Белоруссии может иметь серьезные политические последствия. Это будет обусловлено существованием в стране двух мемориалов со схожим произношением: «Хатынь» и «Katyn» («Катынь»). «Хатынь» — символ преступлений нацизма по отношению к белорусам и «Katyn» — символ преступлений советского режима против братских народов Польши и Белоруссии.

В заключение отметим, что к настоящему времени концепт Katyn закрепился в его третьей схеме, стал метонимом — символом первой и второй «советской оккупации Польши», средством для оправдания преступлений нацизма, приравнивания нацистского режима и советского строя. Разграничение названий и понятий «Катыньский» (производное от топонима Катынь) и «Катыньский» (производное от политического Katyn) представляется крайне актуальным в настоящее время.

Война Германии против Советского Союза в гражданском образовании ФРГ

Нападение нацистской Германии на Советский Союз и события на советско-германском фронте никогда не были в центре коллективной памяти немцев о национал-социализме и Второй мировой войне. Немецкий историк Гернот Эрлер справедливо указывает на то, что в германской культуре памяти о нацизме и Второй мировой войне существует «существенный дефицит» — дефицит памяти об агрессии Германии против Советского Союза. В центре Берлина, пишет он, установлены памятники жертвам Холокоста, погибшим синти и рома, жертвам программы «эвтаназии» и гомосексуалистам, но нет памятника жертвам нацистской политики «жизненного пространства». Комитет бундестага по культуре и СМИ несколько лет рассматривает запрос инициативной группы историков, политиков и журналистов о создании памятного места, посвященного подвергавшимся преследованиям оккупантов и погибшим гражданам Советского Союза и Польши, но до сих пор не принял положительного решения².

Однако, уступая истории немецкого антифашистского Сопротивления и истории Холокоста по количеству научных исследований и активности обсуждения в публичном пространстве, германо-советская война не исчезала полностью из сферы внимания историков и общественности. В первые послевоенные десятилетия в ФРГ «категорически поставленный в Нюрнберге и получивший по приговору зарубежных стран довольно однозначный ответ на вопрос о преступном характере

¹ *Ермаков Александр Михайлович* — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории ЯГПУ им. К. Д. Ушинского (г. Ярославль).

² *Erler G. Vergessene Opfer // Der deutsche Krieg um «Lebensraum im Osten» 1939–1945. Ereignisse und Erinnerung. Bonn, 2017. S. 10.*

германской агрессии, о ее заведомом варварстве и сумасбродстве» был вытеснен из общественного сознания³. Уже в середине 1950-х гг. в Западной Германии сложилось убеждение в том, что немецкий народ был «совращен» нацистами, сам являлся жертвой войны. Нацистские преступления на Востоке отрицались или же вменялись в вину опергруппам полиции безопасности и СД, а также Ваффен-СС. В обществе господствовало представление о «чистом вермахте», который честно и храбро сражался на всех фронтах войны⁴. Внимание общественности к войне Германии против Советского Союза и политике национал-социалистов на оккупированной территории СССР было привлечено только в рамках дискуссии, вызванной выставкой «Война на уничтожение. Преступления вермахта» (1995–1999 гг.). В ходе ожесточенных споров подверглись обсуждению и новому осмыслению не только преступления вермахта, но и другие аспекты истории войны Германии против Советского Союза. К 50-летию германской агрессии, пишет немецкий историк Петер Ян, критический взгляд на войну получил право на существование в германской общественности⁵.

Одним из институтов, формирующих и поддерживающих коллективную историческую память в ФРГ, является основанная в 1952 г. государственная система гражданского образования, состоящая из Федерального и шестнадцати земельных центров. Федеральный центр гражданского образования призван «разъяснять политическую ситуацию, укреплять демократическое сознание и готовность к политическому сотрудничеству». Главной целевой аудиторией учреждений гражданского образования являются учащиеся школ и молодежь.

В настоящей статье представлен анализ научных и научно-популярных изданий, опубликованных за последние полтора десятилетия и распространяемых учреждениями гражданского образования ФРГ вплоть до настоящего времени. Почти все эти публикации включают войну Германии против Советского Союза в более широкий контекст — истории Германии, Третьего рейха или Второй мировой войны. Исключениями являются монография Вольфрама Ветте,

³ *Frei N.* Vergangenheitspolitik. Die Anfänge der Bundesrepublik und die NS-Vergangenheit. München, 1999. S. 405.

⁴ *Sauer M.* Vernichtungskrieg im Osten. Die deutsche Kriegsführung in der Sowjetunion 1941–1944 // *Geschichte lernen*. 2011. Mai. Nr. 141. S. 7.

⁵ *Ян П.* Предисловие к первому изданию 2001 г. // Июнь 1941. На изломе. Каталог выставки. 2-е изд. Берлин, 2011. С. 8.

в которой рассматриваются жизнь и преступления штандартенфюрера СС Карла Йегера, ответственного за гибель десятков тысяч литовских евреев⁶, и сборник статей «Война Германии за “жизненное пространство на Востоке”», раскрывающий вопросы немецкого военного планирования, оккупационной политики и исторической памяти о войне⁷. Отметим, что в книгах, издаваемых государственной системой гражданского образования, основное внимание уделяется не военным событиям, а тем аспектам истории германо-советской войны, которые особенно важны для современной немецкой исторической памяти: преступный характер войны Германии против Советского Союза и криминальная роль вермахта; нацистские преступления против советских военнопленных, цели оккупации и механизм управления на Востоке; экономическая эксплуатация оккупированной территории; подневольный труд советских граждан; уничтожение советских евреев; репрессии против мирного населения в связи с антипартизанской борьбой. Немецкие историки считают такой подход в публикациях для широкой публики о германо-советской войне обоснованным. Флориан Вилер и Даниэль Цимер пишут, что массовая смертность от голода советских военнопленных, убийства представителей польской интеллигенции, сожжение деревень в Белоруссии, гибель жителей блокадного Ленинграда «по сей день занимают маргинальное положение в коллективной памяти немцев»⁸.

Статья посвящена изучению отражения в публикациях Федерального и земельных центров гражданского образования тех аспектов истории войны, которые представлены немецким читателям не столь подробно: германского плана нападения на Советский Союз, соотношения сил, хода военных действий, людских и материальных потерь.

Особенно много внимания в научно-популярных и научных изданиях о войне Германии против Советского Союза уделяется анализу причин провала плана «Барбаросса» и осмыслению влияния неудачи «молниеносной войны» на дальнейший ход и исход войны в Европе. «Надо ли видеть уже в военной катастрофе (вермахта. — А.Е.)

⁶ Wette W. Karl Jäger. Mörder der litauischen Juden. 2. Aufl. Frankfurt am Main, 2011.

⁷ Jahn P., Wieler F., Ziemer D. (Hrsg.). Der deutsche Krieg um «Lebensraum im Osten» 1939–1945. Ereignisse und Erinnerung. Bonn, 2017.

⁸ Wieler F., Ziemer D. «Den vergessenen Opfern des Vernichtungskrieges ein Gesicht geben». Einführung // Der deutsche Krieg um «Lebensraum im Osten» 1939–1945. Ereignisse und Erinnerung. Bonn, 2017. S. 12.

1941 года настоящий поворот в войне, или он произошел только после вторжения союзников летом 1944 года?» — ставит вопрос перед собой и читателями немецкая исследовательница Эльке Фрелих⁹.

Немецкие историки оценивают решение Гитлера развязать войну против СССР как авантюру. Например, Ульрих Герберт убежден, что нападение на Советский Союз было самым рискованным из всех вариантов дальнейших действий, которые открывались перед руководством гитлеровской Германии после неудачи воздушной войны против Англии. Решение разгромить СССР в ходе краткосрочной кампании основывалось на переоценке собственных сил и недооценке военного и экономического потенциала Советского Союза. Руководители Третьего рейха ошибочно считали, что уничтожение немногочисленного руководящего слоя, в котором якобы доминируют евреи, приведет к краху советского государства. Неудача молниеносной войны означала бы провал всей германской стратегии, поэтому нацистам была необходима победа. Ради ее достижения они были готовы к попранию прав гражданского населения и международных соглашений¹⁰. Райнер Шмидт пишет, что «план “Барбаросса” был игрой ва-банк в настоящем смысле слова. На карту было поставлено все... Альтернативами были быстрая победа или медленное, неизбежное поражение»¹¹.

В книге Вольфганга Бенца приводятся цифровые данные о гигантских силах армии вторжения: 153 дивизии (3 млн человек), 600 тыс. автомобилей, 500 тыс. лошадей, 3350 бронированных автомобилей, 7200 орудий¹². Однако и Советский Союз готовился к вооруженному противостоянию. В немецкой литературе отмечается, что в момент нападения Германии он имел четырехкратное преимущество в танках и трехкратное — в самолетах¹³. «Красная армия, хотя и развернутая для наступления, была захвачена врасплох, сдавались в плен целые армейские корпуса. Колоссальные первоначальные успехи укрепили как у командования вермахта, так и у Гитлера веру в то, что они смогут в короткий срок победоносно завершить поход на Восток; уже начали переносить центр тяжести военного производства с сухопут-

⁹ Fröhlich E. Der Zweite Weltkrieg. Bonn, 2014. S. 10.

¹⁰ Herbert U. Das Dritte Reich. Geschichte einer Diktatur. 3. Aufl. München, 2018. S. 77.

¹¹ Schmidt R. F. Der Zweite Weltkrieg. Die Zerstörung Europas. Berlin, 2008. S. 99.

¹² Benz W. Geschichte des Dritten Reiches. München, 2000. S. 183.

¹³ Schmidt R. F. Op. cit. S. 110.

ных войск на военно-морской флот, чтобы подготовиться к грядущей борьбе против англо-американцев», — пишет немецкий исследователь Хаген Шульце¹⁴. Британский историк Йэн Кершоу возлагает вину за поражения Красной армии в первые месяцы войны на И. В. Сталина, который игнорировал предупреждения о начале вторжения, часто довольно точные, считая их целенаправленной дезинформацией. «Сталин был готов к уступке территорий, чтобы добиться мирного договора с Германией, — пишет Кершоу. — Германский диктатор отклонил это предложение, полагая, что победа над Советским Союзом близка»¹⁵.

К началу декабря 1941 г. Красная армия понесла огромные потери, германские войска находились на подступах к Москве, СССР лишился 2/5 населения и почти половины своих материальных ресурсов. Однако, отмечает В. Бенц, советские вооруженные силы сохранили численное преимущество, а вермахт, не подготовленный к войне в зимних условиях, уже исчерпал свои резервы, его потери — 831 тыс. человек — были катастрофическими. Поражение немцев под Москвой предreshило исход войны, хотя это стало очевидным только год спустя¹⁶.

Размышляя о причинах провала молниеносной войны, Райнер Шмидт приходит к выводу о том, что операцию «Барбаросса» неверно называть «замерзшим блицкригом». «Поход на Восток потерпел неудачу не из-за грязи, снега и льда, не из-за нескольких километров, которых якобы не хватило для успеха, — пишет немецкий историк. — Решающего значения не имели ни жестокое обращение с народами, освобожденными от сталинского террористического господства, ни ошибочные стратегические решения и неправильная расстановка приоритетов»¹⁷.

Р. Шмидт указывает на несколько причин неудачи нацистского плана разгрома СССР. Во-первых, авантюристичным было намерение в течение 9–12 недель продвинуться на 1500 км вглубь территории Советского Союза на фронте шириной 2130 км. Уверенность в успехе была столь велика, что в генеральном штабе германских сухопутных войск не было разработано никакой специальной стратегии

¹⁴ Schulze H. Kleine deutsche Geschichte. München, 1998. S. 178.

¹⁵ Kerschaw I. Höllen Sturz. Europa 1914 bis 1949. München, 2016. S. 480.

¹⁶ Benz W. Op. cit. S. 184.

¹⁷ Schmidt R. F. Op. cit. S. 99.

войны и снабжения с учетом особых географических, климатических и инфраструктурных условий. Не существовало планов и на тот случай, если окружение и уничтожение советских войск западнее линии Днепр — Двина не принесут решающего успеха. «Вся ставка была буквально сделана на первый удар. Окажись он неудачным, солдаты останутся без зимнего оснащения»¹⁸. Германские генералы были настолько убеждены в превосходстве вермахта, что главнокомандующий сухопутными войсками В. фон Браухич 30 апреля 1941 г. определил продолжительность кампании до четырех недель, а оценки других военачальников колебались от 9 до 17 недель. Такую «наглую заносчивость» историк объясняет влиянием побед, одержанных вермахтом в Европе. Р. Шмидт подчеркивает, что перенос нападения на СССР на пять недель в связи с операцией на Балканском полуострове не оказал серьезного влияния на исход операции «Барбаросса». Затяжная весна 1941 г. продлила период распутицы, поэтому Гитлер и его генералы даже размышляли о переносе начала наступления на еще более поздний срок, не усматривая в этом какой-либо угрозы¹⁹.

Во-вторых, авантюризм военного командования повлек за собой серьезные ошибки в организации транспортного обеспечения операции «Барбаросса» и снабжения войск. Начиная с 1939 г. оперативная подвижность вермахта обеспечивалась танками и автотранспортом, в то время как железными дорогами германские стратеги пренебрегали. Во время ведения войны в Западной Европе этот недостаток планирования не ощущался, поэтому на первой фазе военной операции против СССР, до линии Днепр — Двина, предполагалось воспользоваться только автотранспортом и только потом перенести главную нагрузку на железные дороги. Однако осуществить это намерение не удалось: советское командование уничтожало железнодорожные узлы и угоняло подвижной состав на восток, а переделка советской железнодорожной колеи по немецкому стандарту требовала материалов и людских ресурсов, которыми агрессоры не располагали. Уже к середине августа 1941 г. выяснилось, что немцы не в состоянии снабжать все три группы армий. Отчасти этим объясняется приказ Гитлера приостановить наступление на Москву, чтобы добиться продвижения на южном направлении. В середине октября началась распутица, существенно по-

¹⁸ Ibid. S. 99–100.

¹⁹ Ibid. S. 101.

мешавшая операции «Тайфун». «Кризис снабжения не был первично обусловлен непогодой. Главным было то, что речь шла о структурном кризисе снабжения», — подчеркивает Р. Шмидт²⁰.

Далее, агрессия против Советского Союза была плохо подготовлена в материальном и кадровом отношении. Солдаты, демобилизованные для работы в военной промышленности после победы над Францией, вновь были призваны в армию. Производство пороха и взрывчатых веществ на 30% отставало от плановых цифр. 600 тыс. автомобилей, занятых в операции «Барбаросса», относились к 2 000 различных марок, и для их текущего ремонта требовался 1 млн различных запчастей. В результате уже к ноябрю 1941 г. боеспособность танковых частей вермахта снизилась на 1/3, а в транспортных колоннах на ходу была только 1/7 часть автомашин. Столь же острой была нехватка живой силы. В вермахт было призвано 5 млн человек, но только в июле — августе еще существовала возможность компенсировать огромные потери, понесенные в ходе операции «Барбаросса». В ноябре армия резерва смогла направить на Восточный фронт лишь 46 тыс. человек, тогда как общие потери вермахта к концу этого месяца составили 300 тыс. Ошибочная директива Гитлера № 32 «О подготовке к периоду после осуществления плана “Барбаросса”» от 11 июля 1941 г. нацеливала вермахт на борьбу против «англо-американской коалиции». Это привело к приостановке выпуска танков и расширению производства для ВМФ и ВВС. С июля по декабрь 1941 г. производство для сухопутных войск сократилось на 1/3²¹.

Важным фактором провала «блицкрига» было упорное сопротивление Красной армии. Уже в первые недели войны, пишет Р. Шмидт, стало ясно, что кампания на Востоке будет протекать не так, как все предыдущие. Испытанная тактика вермахта — прорывы танковых клиньев и охват противника с флангов — приносила отдельные результаты, но не приводила к конечной цели. «Советы продолжали сражаться в безвыходном положении и принуждали мобильные немецкие соединения к кровопролитным боям на нескольких направлениях». Красная армия, несмотря на огромные потери, оказалась в состоянии направлять на фронт новые и новые соединения. Серьезные проблемы захватчикам создавала и партизанская война, к которой И. В. Сталин призвал 3 июля 1941 г. Германское командование не рассчитывало

²⁰ Ibid. S. 101–102.

²¹ Ibid. S. 103–104.

на такие масштабы потерь в живой силе и технике и оказалось не в состоянии компенсировать их²².

В результате, констатирует У. Герберт, «предпринятая вермахтом в начале октября попытка взять Москву и тем самым победоносно закончить войну потерпела крах, прежде всего из-за высоких потерь, проблем со снабжением и ранним наступлением зимы»²³. А начавшееся 5 декабря 1941 г. советское контрнаступление поставило немцев перед перспективой длительной ожесточенной войны, — комментирует провал операции «Барбаросса» Й. Кершоу²⁴. Х. Шульце полагает, что в декабре 1941 г., когда «немецкие армии застряли под Москвой», наступил «поворот в войне»²⁵.

При некоторых нюансах в оценках битвы за Москву все зарубежные историки едины в том, что зимняя катастрофа на Востоке тяжело ударила по вермахту. К марту 1942 г. потери германских сухопутных войск превысили 1 млн человек, что составляло 1/3 личного состава. О наступлении на фронте 5 тыс. км нечего было и думать. Мобилизованные резервы — призывники 1921–1923 гг. рождения, «восточные части» с военнопленными и «хиви» из оккупированных районов Советского Союза не могли полностью восполнить эти потери. К этому добавлялась существенная нехватка материальной части. Производство танков на 600 штук в месяц отставало от плановых цифр 1940 г., количество боеспособных самолетов сократилось почти наполовину, запасы боеприпасов и нефти подходили к концу. В этих условиях 5 апреля 1942 г. Гитлер издал «Директиву № 41» о летнем наступлении, которое закончилось катастрофой вермахта под Сталинградом²⁶.

Среди событий 1942–1944 гг. на советско-германском фронте зарубежные авторы выделяют сражение под Харьковом, Сталинградскую и Курскую битвы, а также разгром группы армий «Центр». Читателям сообщается, что в мае 1942 г. вермахт достиг крупных военных успехов: сначала в результате сражения под Харьковом попало в плен 240 тыс. красноармейцев, было уничтожено или захвачено 1 249 танков и 2 026 орудий, а вскоре после этого армейская группа Вейхса и 6-я армия Паулюса взяли еще 77 тыс. военнопленных и уничтожили

²² Ibid. S. 111.

²³ Herbert U. Op. cit. S. 80.

²⁴ Kerschaw I. Op. cit. S. 481.

²⁵ Schulze H. Op. cit. S. 185.

²⁶ Schmidt R. F. Op. cit. S. 150.

ли около 1 400 танков. Когда 23 июля 1942 г. был взят Ростов-на-Дону, Гитлер издал «Директиву № 45» о захвате Сталинграда и Кавказа. Выполнив ее, группы армий «Б» (Вейхса) и «А» (Листа) были вынуждены растянуть свой фронт с 800 до 4 100 км. Начальник генерального штаба сухопутных войск Франц Гальдер и командующий 6-й армией Паулюс высказались за приостановку наступления, но Гитлер оставался при своем мнении. 24 сентября 1942 г. он заменил Гальдера генералом Цейтцлером²⁷.

Разгром вермахта под Сталинградом немецкие историки оценивают как «психологический поворотный пункт войны» (Шмидт) и одновременно «военную катастрофу» (Бенц). Именно теперь, а не после поражения под Москвой, германская армия лишилась «нимба непобедимости»²⁸. Х. Шульце отмечает, что поражение вермахта под Сталинградом вызвало у немецкого населения чувство подавленности, на которое правящая верхушка страны отреагировала усилением пропаганды и террора²⁹. В популярной литературе приводятся близкие, хотя и не совпадающие данные о немецких потерях в Сталинградской битве. В одних изданиях отдельно указаны цифры попавших в окружение (250 тыс.) и в плен (200 тыс.), причем не уточняется, идет речь только о немецких военнопленных или же говорится о немецких, румынских, итальянских и венгерских плененных в совокупности³⁰. В других публикациях сказано о 100 тыс. погибших немцев и почти таком же количестве плененных³¹ или приводятся как советские (146 тыс. погибших и 130 тыс. плененных), так и немецкие (91 тыс.) данные³². Третьи авторы оперируют термином «потери» и называют цифры в 200 тыс. немцев и 300 тыс. союзников Германии³³.

Переломом в ходе военных действий на советско-германском фронте зарубежные историки единодушно считают Курскую битву³⁴. Например, Йэн Кершоу пишет: «Исход гигантского танкового сражения под Курском, в котором с обеих сторон участвовало свыше

²⁷ Ibid. S. 154.

²⁸ См.: Benz W. Op. cit. S. 195; Schmidt R. F. Op. cit. S. 154.

²⁹ Schulze H. Op. cit. S. 189–190.

³⁰ Schmidt R. F. Op. cit. S. 154.

³¹ Herbert U. Op. cit. S. 96.

³² Benz W. Op. cit. S. 195.

³³ Kerschaw I. Op. cit. S. 482.

³⁴ Schmidt R. F. Op. cit. S. 156; Benz W. Op. cit. S. 195.

5000 танков, вынудил (немецкое командование. — А. Е.) остановить операцию “Цитадель”. Огромные советские потери намного превышали потери немцев, но немецкие войска были нужны в Южной Италии, чтобы укрепить там линию обороны после высадки союзников на Сицилии. После краха операции “Цитадель” инициатива окончательно перешла к Советам³⁵. Подчеркнем, что, по мнению зарубежных авторов, битва на Курской дуге стала переломом *только на советско-германском фронте*. Начало третьего, завершающего и самого кровопролитного этапа войны в Европе они связывают с наступлением советских войск в Белоруссии летом 1944 г. и высадкой союзников в Северной Франции.

Разгром группы армий «Центр», говорится в изданиях системы гражданского образования ФРГ, стал главным поражением вермахта на Восточном фронте. Именно в результате операции «Багратион» были уничтожены главные силы вермахта — 28 дивизий численностью 350 тыс. человек. В. Бенц убежден, что поражение вермахта в Белоруссии явилось для германской армии более масштабной катастрофой, чем Сталинградская битва³⁶, а Й. Кершоу отмечает, что «немецкие потери на Востоке во время и после операции “Багратион” оставили далеко в тени потери под Сталинградом и во всех других сражениях. Они были невосполнимы». Но, несмотря на огромные потери, «Германия продолжала сражаться. Страх перед советским завоеванием (который питался осведомленностью о зверствах, совершенных немецкими солдатами на советской земле); интенсивные репрессии против всякого сопротивления внутри страны; всеохватывающий контроль нацистского режима и его органов; невозможность организации дальнейшего сопротивления после покушения на Гитлера 20 июля 1944 г.; намерение нацистской верхушки выстоять или погибнуть вместе с Гитлером; сохранявшаяся в армии и государственном аппарате вера в диктатора — все это вносило вклад в бессмысленное продолжение борьбы, в то время как все давно свидетельствовало в пользу капитуляции», — так объясняет упорное сопротивление вермахта Кершоу³⁷.

Наступление Красной армии в 1945 г. и крах Третьего рейха освещаются зарубежными историками довольно скупо. Например, труд-

³⁵ Kerschaw I. Op. cit. S. 483.

³⁶ Herbert U. Op. cit. S. 98; Benz W. Op. cit. S. 252.

³⁷ Kerschaw I. Op. cit. S. 485.

но найти в популярной литературе подробности Висло-Одерской или Берлинской операций. Авторы научно-популярных изданий сосредоточены на панике немецкого населения, его бегстве на запад и суровом обращении красноармейцев с мирными жителями. При этом они не скрывают, что действия советских солдат представляли собой «жестокую месть за невыразимые злодеяния, которые совершили немецкие оккупанты на советской территории» (Кершоу) и разграбление собственной страны (Герберт)³⁸. «Жестокость войны на уничтожение, которую вели немцы, теперь ударила по самой Германии», — пишет Михаэль Вильдт. Он называет три причины массового исхода жителей Восточной Пруссии, Померании и Силезии: воздействие нацистской пропаганды, нарисовавшей убедительный образ большевистского врага, поведение красноармейцев и угон немецкого населения на принудительные работы в СССР³⁹.

В публикациях системы гражданского образования приводятся различные цифры людских потерь Советского Союза. Одни историки оперируют цифрой 20 млн погибших советских граждан (Р. Шмидт, Х. Шульце), другие говорят о жертвах в 20–25 млн человек только среди гражданского населения (М. Вильдт), третьи приводят данные, близкие к официальной российской цифре — 26 млн человек (Г. Эрлер). Данные о потерях среди военнослужащих Красной армии колеблются от 8 (М. Вильдт) до 9,8 млн человек (Й. Кершоу), а жертвы блокады Ленинграда исчисляются в 700 тыс. человек (У Герберт), «около 1 млн» (Г. Эрлер), «более 1 млн» (Й. Кершоу). Говоря о погибших мирных жителях, зарубежные авторы часто пользуются совокупными данными по Советскому Союзу и Польше, так как гитлеровцы проводили в обеих этих странах единую политику уничтожения. Читателям сообщается, что СССР и Польша понесли самые большие жертвы среди европейских стран, что цифры погибших «ужасают», «вызывают потрясение»⁴⁰.

Итак, в течение последней четверти века война Германии против Советского Союза заняла прочное, хотя и не ведущее место в массиве материалов о нацизме и Второй мировой войне, распространяемом через систему гражданского образования ФРГ. Важным каналом

³⁸ Ibid.; *Herbert U.* Op. cit. S. 120.

³⁹ *Wildt M.* Geschichte des Nationalsozialismus. Göttingen, 2008. S. 202.

⁴⁰ См.: *Schmidt R.F.* Op. cit. S. 182–183; *Schulze H.* Op. cit. S. 191; *Wildt M.* Op. cit. S. 186–187; *Herbert U.* Op. cit. S. 81, 95; *Kerschaw I.* Op. cit. S. 473–474, 529–530; *Erler G.* Op. cit. S. 7.

информирования немецкого общества, в первую очередь молодежи о германо-советской войне являются научные и научно-популярные издания Федерального и земельных центров гражданского образования. При небольшом количестве специальных книг о войне 1941–1945 гг. материалы о ней включаются в публикации по истории Германии, Третьего рейха и Второй мировой войны. Акцент в этих публикациях сделан не на военном противостоянии Германии и Советского Союза, а на характере войны Германии против Советского Союза как войны расовой и мировоззренческой, а также на нацистских преступлениях против мирного населения и военнопленных. Операция «Барбаросса» рассматривается в популярной литературе ФРГ как авантюра, основанная на переоценке германским политическим и военным руководством собственных сил и недооценке военных и экономических возможностей СССР. Зарубежные историки объясняют, почему тяжелые поражения Красной армии, обусловленные ошибками Сталина, захват Германией огромных материальных и людских ресурсов Советского Союза не обеспечили агрессорам победу. Причинами этого стали не перенос сроков нападения с середины мая на третью декаду июня и не раннее наступление зимы. Согласно публикациям системы гражданского образования ФРГ, операция «Барбаросса» потерпела крах из-за ошибок в стратегическом планировании, непродуманности транспортного, материального и кадрового обеспечения армии вторжения, упорного сопротивления советских войск и эффективного партизанского движения. Если разгром вермахта под Москвой ознаменовал собой переход вермахта от молниеносной войны к войне на истощение, а Сталинградская катастрофа стала психологическим поворотным пунктом в войне, то Курская битва имела следствием перелом в ходе военных действий на советско-германском фронте, и лишь разгром группы армий «Центр» ознаменовал начало завершающего этапа всей Второй мировой войны. Заметим, что авторы популярных публикаций опровергают старую западную концепцию провала «блицкрига» в результате погодных условий. В то же время они, очевидно, ввиду ограниченности объемов публикаций, обходят молчанием причины героического сопротивления Красной армии. Как повторение старых генеральских теорий звучат мысли о противоречиях между Гитлером и генералами во время летнего наступления 1942 г. Отдавая дань модной в Германии последних десятилетий теме жестокого обращения красноармей-

цев с немецким населением, зарубежные историки не скрывают, что оно было спровоцировано зверствами нацистов на оккупированной советской территории.

Как показывает содержание публикаций системы гражданского образования ФРГ о войне Третьего рейха против Советского Союза, они направлены на воспроизводство в коллективной исторической памяти немцев фактов, мнений и оценок, преобладающих в западной исторической науке, распространяемых через школьное образование, средства массовой информации и принятых большинством граждан современной Германии.

Сохраняя память: материалы РГАНИ по истории Великой Отечественной войны

В последние годы объединенными усилиями российских историков и архивистов значительно активизировался процесс рассекретивания и ввода в научный оборот документов, посвященных событиям Второй мировой войны. Без ложной скромности можно сказать, что Россия в вопросах доступа к документам предвоенных и военных лет стоит на передовой международной архивной политики. Руководство страны санкционировало открытие материалов, затрагивающих различные, в том числе болезненные темы советской военной истории. Подобный мировой прецедент нуждается в дополнительном анализе, но уже сейчас можно констатировать, что благодаря этому шагу произошел значительный поворот в понимании событий конца 1930-х — первой половины 1940-х гг. Это наглядно демонстрируют как издания, подготовленные в рамках академической историографии, так и научно-популярные проекты, ориентированные на самые широкие круги. Из последних достаточно указать на многочисленные сборники документов и на архивные выставки, смело осваивающие не только традиционные пространства выставочных залов и музеев, но и виртуальные площадки.

В качестве примера можно привести электронную выставку на сайте РГАНИ, где в мае этого года экспонировались документы, посвященные формированию памяти о Великой Отечественной войне в фокусе советского властного дискурса². В выставке были представлены

¹ Пермяков Игорь Альбертович — кандидат исторических наук, директор Российского государственного архива новейшей истории (г. Москва).

² Выставка доступна на сайте ргани.рф: URL: <http://ргани.рф/75-let-pobedy> (дата обращения: 15.08.2020).

три основных блока: 1. Приветственные телеграммы в связи с героической борьбой СССР против гитлеровской Германии по случаю Дня Победы и ответы на них. 2. История празднования Дня Победы. 3. История создания мемориального комплекса Парк Победы на Поклонной горе. Посетители виртуальной выставки могли познакомиться с уникальными документами, в том числе связанными с мероприятиями в связи с 20-летием Победы, так и с подготовкой Парада Победы 24 июня 1945 г. На выставке, в частности, экспонировалась электронная копия проекта речи маршала Г. К. Жукова, которую он произносил на параде 1945 г. На документе сохранились расплывшиеся от дождя пометы-указания на полях неизвестного суфлера о том, как следовало прославленному полководцу произносить свою речь: «Торжественно», «Тише, суровее», «Под конец читать с нарастанием, приподнять»³.

Несомненно, что главными боевыми единицами, за счет которых происходит приращение новых фактических данных о Великой Отечественной войне, выступают военные архивы — в первую очередь ЦАМО, РГВА. Но не менее важны материалы бывших советских и партийных архивов, демонстрирующие историю войны с самых разных сторон, раскрывающие механизмы принятия решений. Например, документы ГКО, архива Сталина, Центрального штаба партизанского движения, хранящиеся в РГАСПИ, или материалы Чрезвычайной государственной комиссии, отложившиеся в ГА РФ. Важные документы, посвященные формированию советского военно-промышленного комплекса, сохранились в РГАЭ, а совсем недавно сотрудники архива выпустили пятитомное издание, затрагивающее данные вопросы.

Показательны документы Российского государственного архива новейшей истории (далее — РГАНИ) — материалы бывших архивов ЦК РКП(б) / ВКП(б) / КПСС. Например, для понимания процессов, которые происходили на территории СССР с 1939 по 1945 г., исключительно важное значение имеют источники Контрольно-партийной комиссии при ЦК ВКП(б) (по сути партийной полиции), сотрудники которой тщательно фиксировали все недостатки, которые происходили как в республиках, краях и областях, так и в центральных наркоматах и ведомствах. Например, сохранились в документах КПК материалы проверки за январь 1939 — май 1941 г. хода строительства заводов наркоматов боеприпасов, вооружений, цветной металлургии. За первый

³ См.: URL: <http://ргани.рф/75-let-pobedy-2> (дата обращения: 17.08.2020).

год войны сотрудниками Комиссии было проверено, как проходила приемка, размещение и монтаж эвакуированных заводов, как были возвращены госпитали и в целом организована работа среди раненых. Важное место в работе КПК при ЦК ВКП(б) занимали вопросы помощи инвалидам и детским домам, а также семьям военнослужащих. Незаменимой для исследователей, занимающихся историей высших органов власти в СССР, станет картотека входящих документов в ЦК ВКП(б), которая показывает нам рутинную историю этой высшей партийной структуры. Уникальность картотеки состоит в том, что в ней фиксировались все документы, направляемые в адрес ЦК, в том числе и те, что были уничтожены и не оставлены на хранение.

В данной статье основное внимание планируется уделить одному из ключевых документальных комплексов РГАНИ, посвященных событиям Великой Отечественной войны. Речь идет о так называемых тематических делах Политбюро ЦК⁴. Вплоть до последнего времени эти дела хранились особым образом в Архиве президента. Затрудненный доступ в этот ведомственный архив подтолкнул его сотрудников к подготовке фундаментальных сборников документов, основанных на рассекреченных материалах тематических дел Политбюро⁵. Нисколько не умаляя значение изданий, следует признать, что в них был представлен далеко не полный набор документов. Тем более что уже после передачи архивных дел в РГАНИ была произведена дополнительная процедура рассекречивания, что позволяет говорить о значительных источниковых комплексах для раскрытия военной истории.

Прежде чем перейти к обзору документов, необходимо кратко охарактеризовать, что представляют из себя тематические дела Политбюро ЦК. Самая главная ценность этих папок состоит в том, что они состоят из документов, с которыми непосредственно работало высшее партийное руководство того времени — Сталин, Маленков, Молотов, Берия, Ворошилов, Каганович и др. Тематические дела стали формироваться аппаратом ЦК еще в довоенное время. Ряд исследователей

⁴ В историографии иногда встречается несколько иное название — тематические папки. Сотрудники ЦК, занимавшиеся комплектованием этих архивных дел, называли их просто: «Досье».

⁵ Вестник Архива Президента РФ. СССР — Германия. 1933–1941 гг. М., 2009 (второе дополненное издание — 2019 г.); Вестник Архива Президента РФ. Война. 1941–1945 гг. М., 2009 (второе дополненное издание — 2015 г.); Вестник Архива Президента РФ. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны. М., 2015.

относит начало формирования такого рода дел к 1922–1923 гг.,⁶ другие историки считают, что это произошло позже, и относят это к началу 1930-х гг.⁷ Так или иначе, к концу 1930-х тематические дела стали делопроизводственной обыденностью в работе Особого сектора ЦК ВКП(б), отвечавшего за их комплектование и сохранность. Все тематические дела делились в соответствии с особым классификатором, разработанным в ЦК еще в конце 1920-х гг., на различные документальные группы и подгруппы. Например, в статье главное внимание сконцентрировано на анализе документов группы 31 («Тяжелая промышленность и строительство, электростанции») и группе 34 («Вооруженные силы СССР»). Каждая из этих больших групп в свою очередь делилась на более мелкие подгруппы, которые имели свои классификационные обозначения. Так, в группе 31 тематические дела, посвященные «Авиационной промышленности», обозначались как «А1-а», а дела, посвященные танкостроению, проходили под шифром «О». Для примера, достаточно сказать, что в группе 34, в которой были сосредоточены материалы, посвященные военной тематике с 1917 по 1966 г., насчитывалось свыше 50 подгрупп.

Объем тематических групп и подгрупп напрямую зависел от важности вопроса, от того, как часто высшее партийное руководство обращалось нему. Так, для упомянутой выше группы 34 ключевой подгруппой стали тематические дела, выделенные в «Вопросы формирования Советской армии» (в соответствии с классификатором ЦК КПСС: подгруппа А/13-а). В эту подгруппу вошло несколько десятков дел, причем каждое довольно солидного объема, в среднем от 150 до 200 архивных листов. Но нередко подгруппы насчитывали одно или два дела. Важно отметить, что на протяжении 1930–1980-х гг. тематические дела подвергались неоднократной переработке. Так, отдельные документы могли изыматься из одних папок и подшиваться к другим, формировались новые тематические подгруппы и даже группы. По сохранившимся отметкам в самих делах и в описях к ним можно

⁶ Покровский Н.Н. Источниковедение советского периода: Документы Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) первой половины 1920-х гг. // Археографический ежегодник за 1994 год. М.: Наука, 1996. С. 18–46; Зеленов М.В., Пивоваров Н.Ю., Чернобаев А.А. И.В. Сталин и «конструирование» партийной власти. Июль 1922 — февраль 1923 г. // Исторический архив. 2017. № 2. С. 134–165.

⁷ Зеленов М.В. Аппарат ЦК РКП(б) — ВКП(б), цензура и историческая наук в 1920-е годы. Нижний Новгород, 2000. С. 138.

констатировать, что после ликвидации ЦК КПСС этим продолжили в 1990-е — начале 2000-х заниматься сотрудники Архива президента. Анализ документов позволяет утверждать, что «военные» тематические дела в основном комплектовались уже в послевоенное время, а скорее всего в 1950-е — начале 1960-х гг. Об этом свидетельствуют пометы на целом ряде документов такого рода: «Из арх[ива] Сталина», «Из личного архива Маленкова», «Из архива Берия», «Поступило с ближней дачи» и т. д.

Ключевым документом для всех тематических групп и подгрупп была выписка постановления Политбюро ЦК, к которой прикладывались материалы (копийные и оригинальные), связанные с этим постановлением, раскрывающие историю вопроса, расположенные в хронологической последовательности (от более позднего документа к более раннему). Однако если мы обратимся к тематическим делам военной поры, то увидим, что они, как правило, были скомплектованы по иному принципу. В анализируемых тематических делах все документы по тому или иному вопросу подкладывались один к другому в хронологической последовательности, при этом практически не встречается выписок постановлений Политбюро. Чаще мы находим машинописные копии или черновики постановлений ГКО. В исследовательской литературе довольно неплохо изучен процесс «перетекания» властных полномочий от традиционных, постоянно действующих партийных органов (Политбюро, Оргбюро и Секретариата) к такой чрезвычайной структуре, как ГКО, от лица которой в годы войны принимались основные политические решения⁸. Изучение тематических дел довольно наглядно демонстрирует этот историографический факт. Но не менее показательно, что значительная часть проблем, обозначенных в документах, вообще принималась без решения конкретной инстанции, а через прямые указания высших советских руководителей. Если ситуация требовала оперативного решения, то было достаточно лишь резолюции одного из них.

Какие с видовой точки зрения документы отложились в тематических делах, связанных с войной? В соответствии с разными типами классификаций исторических источников⁹ мы можем по-разному

⁸ *Деятов С. В., Шеферов А. Н., Юрьев Ю. В.* Ближняя дача Сталина. Опыт исторического путеводителя / под ред. Ю. В. Сигачева. М., 2011.

⁹ *Шмидт С. О.* О классификации исторических источников // Шмидт С. О. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997.

их классифицировать. С точки зрения видовой классификации в тематических делах сохранились делопроизводственные документы (распорядительно-рекомендательного, докладного, протокольного, организационного, отчетного, учетного и контрольного вида), частично публичные документы (просительного-апелляционного, регистрационно-учетного, удостоверительного, рекомендательного вида). С субъектной классификации в материалах тематических дел отложились постановления высших государственных и партийных органов (черновики, выписки постановления, рассылочные экземпляры, проекты постановлений), записки различных ведомств (машинописные и рукописные, оригинальные и копийные, на бланках организаций и на листах из отрывного блокнота, в форме телеграмм и шифро-телеграмм), справки, отчеты, письма личного характера, различные картографодокументы (чертежи, карты) и фотодокументы. С тематической классификации мы можем выделить три неравные группы: 1. «Дипломатические» документы, посвященные преимущественно событиям 1939–1941 гг. и 1944–1945 гг. 2. Документы военных структур. 3. Документы промышленных и военно-промышленных структур.

Для военных историков и советологов целый ряд документов, отложившихся в тематических делах, хорошо известен и неоднократно использовался в исследованиях. Знакомство исследователей с различными экземплярами, вариантами, редакциями документов стало возможным благодаря широко распространенному принципу копийности в советском делопроизводстве, когда текст одного и того же документа (с вариациями или без них) мог сохраниться в разных архивах. Уникальность документов из тематических дел Политбюро ЦК заключается как раз в том, что исследователь может познакомиться не только с текстом, но и с реакцией на него со стороны высшего руководства. Материалы из тематических дел в буквальном смысле испещрены различного рода резолюциями и пометами. Особенно показательна в этом отношении работа И. В. Сталина с документами. Несмотря на тяжелые, авральные условия, требующие принятия незамедлительных решений, вождь очень внимательно работал с ними. Практически на каждом таком документе встречались его замечания, пометы. В том числе такие: «Согласиться», «НВ», «Трудно», «Вопрос решен», «Кто такие» и т. д. Сохранились даже отдельные записки Сталина, которые он, видимо, писал для себя, пытаясь лучше проанализировать ситуацию. Например, изучая шифротелеграмму от генерал-полковника

Н. Н. Воронова от 23 сентября 1941 г. об организации минометных формирований, Сталин синим карандашом на клочке бумаги запишет: «1) как организовать минометные группы (роты, батареи) в дивизиях? 2) штурмовые дивизии»¹⁰. Не менее показательна резолюция Сталина на сопроводительной записке А. С. Щербакова от 7 декабря 1943 г. к записке начальника политуправления 1-го Украинского фронта генерал-майора В. М. Шатилова о тяжелом положении в частях фронта с обувью и обмундированием: «Маленкову, Микояну, Щербакову. Прошу заставить т. Хрущева немедленно удовлетворить нужды 1-го Украинского фронта в области вещевого довольствия и проследить за исполнением»¹¹.

Изучение сталинских помет демонстрирует нам, как менялись подходы И. В. Сталина в принятии решений в годы войны. Так, 25 февраля 1942 г. Сталин получил от Л. П. Берии записку о том, что работники штабов Ленинградского, Западного, Юго-Западного, Брянского, Волховского фронтов передают боевые приказы и сведения о дислокации частей по телефону, телеграфу и радио открытым текстом. Понятно, что этим нарушались прямые приказы о соблюдении секретности передач. Глава НКВД предлагал предать суду Военного Трибунала нарушителей в лице руководителей частей. Но Сталин на сопроводительной к записке Берии напишет зеленым карандашом: «Т-щу Берия Нельзя арестовывать». Эта небольшая резолюция показывает, что Сталин в условиях войны подходил к арестам военнослужащих не административно, осознавая, что любой арест офицеров может оголить участки фронтов, а значит не будут решены важнейшие военно-тактические задачи. Пометы на документах тематических дел демонстрируют нам и подход Сталина в поддержке низовой инициативы, даже если против нее выступали влиятельные члены Политбюро. В ноябре 1941 г. генерал-майор П. А. Белов направил советскому руководству предложения о создании специальных отрядов автоматчиков. Против этой инициативы выступал Маленков, считая, что в Красной армии недостаточно количество бойцов, владевших ПППШ. Однако Сталин на сопроводительной записке написал синим карандашом: «т. Маленкову, т. Белов [–] прав. Пусть немедленно организует подразделение автоматчиков согласно своего *(так в тексте)* предложения. Сообщите Белову».

¹⁰ РГНИ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 263. Л. 80.

¹¹ Там же. Д. 272. Л. 132.

На документах из тематических дел сохранились резолюции и пометы не только Сталина, но и его ближайшего окружения, что позволяет лучше понять, какова их роль в принятии политических решений. Например, довольно многие документы начального периода войны визировались Маленковым. В некоторых случаях Георгий Максимилианович писал резолюции и подписывался Сталиным или ставил «Ст.». В этом отношении показательна записка Жукова от 1 сентября 1941 г. о положении на Рославленском направлении и в районе Ельни. Эта записка интересна сама по себе — она написана Жуковым карандашом на листах из отрывного блокнота, где он спрашивал: «Жду указания т. Сталина — выезжать ли в Москву или на передовые позиции». На обороте записки рукой Маленкова тоже простым карандашом было записано: «В таком случае можете отложить свою поездку в Москву и выехать на позиции. Сталин». Маленков также подписался на записке Булганина от 4 января 1942 г., который просил выделить «хотя бы два батальона» в район озера Ильмень. Маленков написал: «Дать. Ст.». Можно предположить, что Маленков был исправным стенографистом вождя, записывая его устные распоряжения, но судя по другим пометам, а также пометам и резолюциям других приближенных Сталина (в первую очередь Молотова и Берия), Георгий Максимилианович получил право принимать ряд решений от имени Сталина. Во всяком случае об этом свидетельствует анализ помет на документах из тематических дел, хотя этот вопрос требует еще дополнительного изучения.

Особый интерес представляют черновики документов (в первую очередь постановлений Политбюро, ГКО, ТАСС), записанные руководителями СССР. Например, проект сообщения ТАСС «Польские подлодки в Таллинском порту», написанный Молотовым не ранее 18 сентября 1939 г., или проект постановления Политбюро от 21 июня 1941 г. об организации Южного фронта, написанный Маленковым. Отдельные постановления были написаны самим Сталиным, а затем перепечатаны машинистками. Примером служит черновик постановления ГОКО-83сс от 10 июля 1941 г. о назначении Ворошилова главнокомандующим войсками северо-западного направления, Тимошенко — западного направления, а Буденного — юго-западного направления и о преобразовании Ставки Главного командования в Ставку Верховного командования.

Документы из тематических дел Политбюро являются незаменимым источником по истории повседневной деятельности высшего

руководства страны накануне и в годы войны. Тысячи многообразных шифровок, писем, отчетов позволяют нам говорить, что советское руководство было достаточно полно информировано для принятия стратегических решений, от которых зависела судьба не только отдельных полков, дивизий, армий, но и целых регионов, и даже всего государства. Эти документы практически в режиме реального времени помогают увидеть реакцию сталинского окружения на те или иные вопросы и проблемы. Документы тематических дел лишены того помпезного лоска, с которым обычно у нас ассоциируется деятельность высших партийных органов. Эти материалы как никакие другие показывают трудность в достижении Победы, путь к которой был весьма непрост. Основная цель, которая стоит сегодня перед нами — не только сохранение этих документов для наших потомков, но и активный ввод их в научный и общественный оборот. Особенно актуальным это представляется на сегодняшний день, когда активно, но без использования документальных материалов создаются попытки формирования «иного» взгляда на роль нашего народа в это тяжелое, но героическое время. Вместе с тем президент России В. В. Путин в статье «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим» призывал при написании истории Великой Отечественной войны «опираться только на архивные материалы, свидетельства современников, исключить любые идеологические и политизированные домысливания»¹². На наш взгляд, материалы тематических дел Политбюро ЦК как никакие другие отвечают задачам, обозначенным российским руководством.

¹² *Путин В. В.* 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим // Российская газета. 2020. 19 июля (№ 133).

Комплекс Главного храма Вооруженных сил Российской Федерации и Музейного комплекса «Дорога памяти» как символ сохранения памяти о подвиге народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

История нашего Отечества, изобиловавшая войнами за свою независимость, неразрывно связана с постройкой памятников в виде христианских культовых сооружений, как в знак благодарения за победу в войне, так и в память о защитниках Родины, отдавших свою жизнь в кровопролитных битвах. Традиционно это храмы-памятники, часовни, памятные знаки и целые комплексы. Начиная с XVIII в. кроме посвящения престолов храмов-памятников память о воинском подвиге защитников Отечества закреплялась визуально, изобразительными средствами.

Впервые было использовано сочетание богослужебного, исторического и музейного назначения в храме Христа Спасителя, возведенном в 1839–1883 гг. для увековечивания памяти исторической победы в Отечественной войне 1812 г.

Как о символе Великой Победы уже сегодня можно говорить о Главном храме Вооруженных сил Российской Федерации, освящение которого состоялось 14 июня 2020 г. святейшим патриархом Московским и всея Руси Кириллом. А открыл Главный храм ВС РФ и Музейный комплекс «Дорога памяти» президент Российской

¹ Чертов Виктор Владимирович — начальник отдела, Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации (г. Москва).

Федерации В. В. Путин 22 июня 2020 г., в день 75-летия начала Великой Отечественной войны. Необходимо отметить, что министр обороны РФ генерал армии С. А. Шойгу предложил посвятить Главный храм Вооруженных сил Победе в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и сделать его храмовым и методическим комплексом по духовно-нравственному воспитанию личного состава Вооруженных сил России.

Согласно концепции, храм станет не только духовным центром для военнослужащих, окормляющих войска православных священников и российских граждан, но и крупным музейным и историко-мемориальным комплексом, посвященным истории России и русского воинства. В этих целях во внутреннем и внешнем убранстве храма использованы художественные композиции (росписи, скульптура, барельефы и пр.), отражающие героические страницы ратной славы нашего Отечества. А также всего того, что иллюстрирует взаимодействие церкви со страной в такие переломные моменты, когда требуется вместе встать на защиту Родины.

Именно поэтому в верхнем храме были освящены пять престолов. Центральный престол освящен в честь главного христианского праздника — Воскресения Христова. Четыре престола посвящены небесным покровителям видов и родов войск Вооруженных сил: благоверному князю Александру Невскому — покровителю Сухопутных войск; пророку Божию Илии — покровителю Воздушно-космических и Воздушно-десантных войск; апостолу Андрею Первозванному — покровителю Военно-морского флота; великомученице Варваре — покровительнице Ракетных войск стратегического назначения. Также был освящен нижний храм в честь равноапостольного князя Владимира, крестителя Руси.

Как министром обороны, так и его заместителем — начальником Главного военно-политического управления ВС РФ генерал-полковником А. В. Картаполовым неоднократно делался акцент на абсолютной исторической достоверности росписей, художественных композиций и иных художественных форм, планируемых к размещению в храме. В этой связи в состав экспертной группы при художественном совете по строительству храма были включены представители Научно-исследовательского института (военной истории). Это и доверие, и высокая ответственность. Стоит отметить, что эксперты — представители Института принимали участие в разработке концептуальных решений и научно-методическом сопровождении проектирования

оформления внутреннего и внешнего облика Главного храма ВС РФ, прихрамовых экспозиционных сооружений уже с конца сентября 2018 г. — с начала формирования общей концепции храма и первых дней работы художественного совета.

Таким образом, можно утверждать, что Институт, являясь полноправным членом колоссального коллектива, претворяющего в жизнь духовный и патриотический замысел убранства храма, реализовал его важную государственную составную часть — военно-историческую составляющую разрабатываемых художественных решений.

Необходимо отметить, что данная работа являлась новаторской и не имела аналогов среди других разрабатываемых в Министерстве обороны Российской Федерации. Уникальность выражалась:

- во взаимодействии авторского коллектива с широчайшим кругом как представителей органов военного управления, организаций и учреждений Минобороны России, Русской православной церкви, так и исполнителей (архитекторов, художников, скульпторов, дизайнеров);
- в постоянном тесном сотрудничестве авторского коллектива с исполнителями, практически круглосуточном оказании им научно-методической помощи;
- в масштабности, разнообразии и уникальности разработанных и предоставленных исполнителям данных и материалов, которые нашли воплощение в оформлении внутреннего и внешнего облика Главного храма ВС РФ, прихрамовых экспозиционных сооружений.

Также характер научных задач требовал не только знаний по всей истории России и ее Вооруженных сил, но и знаний в иных областях: культурологии, основы православия, геральдики, изобразительного искусства и т. п.

Все это нашло отражение в основных результатах работы Института, которые позволили реализовать следующие проектные решения.

Прежде всего, почти в каждую деталь Главного храма ВС РФ и комплекса «Дорога памяти» вложен особый смысл. Высота звонницы — 75 м. Диаметр основания центрального купола — 1945 см, высота малого купола — 1418 см. 1418 кв. м — площадь витражей на сводах храма. В иконостасе размещено 48 икон — почти столько месяцев длилась Великая Отечественная война. Высота мандорлы (сияние овальной формы, вытянутое в вертикальном направлении, внутри которого

помещается изображение Христа или Богоматери) — 11 694 м — по числу воинов армии и флота, партизан и подпольщиков, удостоенных звания Героя Советского Союза за подвиги, совершенные в годы Великой Отечественной и советско-японской войн. Площадь мозаики в интерьере храма составляет 2640 кв. м — столько воинов за годы войны стали полными кавалерами ордена Славы. И конечно, «Дорога памяти» — это 1418 шагов, по числу дней и ночей Великой Отечественной. Один шаг — одни сутки.

«Спас нерукотворный» — главная икона храма. Совместно с главным архитектором разработана концепция оформления и размещения главной иконы храма, утвержденная президентом РФ — верховным главнокомандующим. Этот образ с древности присутствовал на знаменах и штандартах Русской армии, под его сенью одержаны блистательные победы. Современный киот расписан образами святых русских воинов и сюжетами основных битв истории России. В основе иконы — орудийный лафет пушки XVIII в., поднятый со дна Невы.

В оформлении витражных сводов Главного храма использована наградная система России. Предлагаемая концепция предусматривает расположение на сводах орденов Российской империи, СССР и Российской Федерации, которыми награждались (и награждаются) государственные деятели, военнослужащие, священнослужители и другие (в том числе иностранные) граждане за военные и боевые заслуги или за вклад в укрепление армии и обороноспособности нашей страны. Данная концепция показывает преемственность как ратных, так и православных традиций, героизма и подвига, а также славных побед отечественных Вооруженных сил: со сводов храма русские святые и великие полководцы, а также учрежденные в их честь ордена осеняют героические битвы и сражения Красной армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Одновременно на сводах храма представлены эмблемы (символы) видов и родов войск отечественных Вооруженных сил.

В приделах храма размещены боевые знамена прославленных частей и соединений основных видов и родов войск Красной армии и Военно-морского флота, покрывших себя неувядаемой славой в годы Великой Отечественной войны.

Житийные описания святых русских воинов, справочный материал о героических личностях, выдающихся военачальниках и полководцах в военной истории России нашли отражение в эскизах внутренней росписи храма и проекте расположения икон в храме.

Расположенные по внешнему периметру Главного храма ВС РФ барельефы отображают основные события военной истории России и ключевые события Великой Отечественной войны. Одновременно основные события Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. отображены на барельефах Северных и Южных врат Главного храма ВС РФ.

Трагические и славные страницы войны нашли отражение в сюжетах Великой Отечественной и советско-японской войн 1941–1945 гг., изображенных в медальонах главного колокола храма. Лестница и все крыльцо главного храма Вооруженных сил России вымощены чугуными плитами. В них, помимо чугуна, переплавленные трофейные пистолеты и автоматы, гусеницы фашистских танков, осколки мин и снарядов. Каждый входящий буквально попирает ногами оружие вермахта.

В оформлении створок врат использованы изображения выдающихся военных деятелей в истории России, от первых русских князей до советских военачальников, полководцев и флотоводцев Великой Отечественной войны. А в наличниках дверей — настольные и памятные медали Российской империи, посвященные знаменательным событиям и выдающимся победам русских армии и флота в XVIII–XIX вв.

Таким образом, реализация данного подхода обеспечивает в соединении в убранстве Храма славных деяний разных эпох — императорской России, Советского государства и современной России — в единое историческое полотно.

Не менее грандиозно и масштабно отображен подвиг нашего народа в историко-мемориальном комплексе «Дорога памяти», длиной 1418 шагов по количеству дней войны. Галерея состоит из 35 залов и 34 галерей. В их экспозиционной части размещены материалы и экспонаты, отражающие основные этапы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., трудовой и ратный подвиг гражданского населения, а также преступные деяния фашизма. На общем фоне хода военных действий раскрыт и показан ратный подвиг советского человека, гражданина, воина, патриота своей Родины. В залах и галереях представлены основные события каждого дня, сводки с фронтов, яркие подвиги, звуки боя, мелодии военных лет, а главное — люди.

Для этого в галереях используются мозаичные панно — фотографии времен войны, состоящие из изображений участников Великой

Отечественной войны. На посетителя смотрят буквально миллионы глаз. Сотни тысяч микрофотографий солдат, тружеников тыла, партизан складываются в масштабные кадры общего порыва всей страны.

Под ними расположена интерактивная фотогалерея «Река времени»: большие экраны, вписанные в архитектурную форму, с установленными рядом сенсорными панелями, на которых посетители с помощью поиска могут найти своих родственников. Одновременно используются и экспонаты, интегрированные в пол и витрины: личные вещи, документы, оружие и т. п.

Тематические залы обеспечивают полное погружение в события Великой Отечественной войны. С помощью встроенных декораций, мультимедийных технологий, направленного звука и видеопрооекций можно добиться ощущения полного присутствия в решающих битвах и событиях войны, почувствовать эмоциональное состояние воинов в этих условиях, когда над головой свистят пули, взрываются снаряды и т. п. В музейном комплексе представлены подлинные экспонаты времен Великой Отечественной войны — живые свидетельства эпохи.

Это переводит посетителей в различные эмоциональные состояния на протяжении всего прохода по «Галерее памяти», тем самым сохраняя и усиливая интерес к правдивой истории Великой Отечественной войны.

Необходимо отметить, что хронология основных событий в залах полностью соответствует хронологии барельефов на стенах и стратегических карт на полу храма, благодаря чему у посетителя формируется целостный образ величия подвига народа в Великой Отечественной войне.

Концепцией историко-мемориального комплекса «Дорога памяти» также предусмотрено размещение (закладка) на его территории капсул (гильз), наполненных землей как субъектов Российской Федерации, стран — участниц Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., так и морей, на которых вели бои Красная армия и советский ВМФ и где находятся воинские захоронения. Каждая капсула (гильза) сопровождается информационно-справочным материалом о месте захоронения и количестве похороненных воинов.

Музей под открытым небом «Поле победы» входит в комплекс Главного храма Вооруженных сил РФ. Она не имеет аналогов в мире, при его создании использовалась боевая техника времен Великой Отечественной войны. Историческая экспозиция представляет собой

собирательный образ поля боя при обороне Москвы в 1941 г. и посвящена сражениям в районе Акулово и освобождению деревни Юшково. Перед посетителями разворачивается картина поля боя и действий 32-й стрелковой дивизии, которая в условиях двухдневного ожесточенного боя отбила все попытки противника пробиться к Кубинке, нанеся большой урон в живой силе и технике врага. Территория музея под открытым небом разделена на несколько тематических зон — передовая линия обороны, размещение войск в тылу, инженерные заградительные сооружения. Реконструкцию местности воссоздавали по архивным документам и снимкам фронтовой поры.

Нельзя не отметить, что работа по формированию тематики и содержания историко-мемориального комплекса храма организована так, что каждый желающий может внести посильный вклад в увековечение подвига народа в борьбе против фашизма. На главной странице сайта «Память народа» размещен баннер, призывающий загрузить фотографию своего родственника — участника Великой Отечественной войны. Там же можно дополнить биографическими данными, при этом на страницу пользователя автоматически будут загружены соответствующие документы, хранящиеся на порталах «Память народа» и «ОБД Мемориал». Если ранее пользователь самостоятельно не нашел все документы об участнике Великой Отечественной войны, он сможет увидеть их полный перечень и пополнить свой личный семейный архив.

Впоследствии фотографии, предоставленные родственниками ветеранов, дополнят базу данных Министерства обороны и будут использованы при формировании постоянно пополняемой мультимедийной «Галереи памяти». Так, всем миром будет реализована историко-мемориальная концепция Главного храма ВС РФ и еще раз подтвержден истинный смысл великого девиза: «Никто не забыт, ничто не забыто!»

Надеюсь, что у нас есть общая уверенность в том, что Главный храм ВС РФ станет подлинным символом Великой Победы, центром духовности и центром исторической памяти.

В.М. Арутюнян¹

Пересмотр истории Второй мировой /
Великий Отечественной войны недопустим.
История — это не про прошлое, это про наше
настоящее и будущее

*«Кто не знает своего прошлого,
никогда не будет иметь своего будущего».*

В. О. Ключевский

В 2020 г. многие страны мира отметили 75-летие окончания величайшего трагического события мирового масштаба — Второй мировой войны. Но особенностью интерпретации этого события в послевоенные годы в Европе оказалось то, что при этом стали расставляться различные акценты. Чем дальше от нас уходит дата начала Второй мировой войны, тем яростнее становится фальсификация и идеологическая борьба. Почему?

Нам хотят «доказать», что именно Запад в лице США и Великобритании выиграл Вторую мировую войну. Так, администрация президента США 8 мая 2020 г. опубликовала следующее заявление от имени президента Д. Трампа: «8 мая 1945 года Америка и Великобритания одержали победу над нацистами! — Дух Америки всегда будет побеждать. В конце концов именно так и происходит»². Посол России в США Анатолий Антонов прямо заявил, что попытки США

¹ Арутюнян Вреж Михайлович — Академик — действительный член Академии военных наук, профессор, сопредседатель от ВС РФ «Центра исследования военной истории» СПбГУ, почетный работник высшего профессионального образования РФ (г. Санкт-Петербург).

² Инстаграм-аккаунт Белого дома за 8 мая 2020 г.

принизить роль СССР в победе над фашизмом являются неприемлемыми и Москва не должна молчать в ответ на подобные заявления.

В пропагандистской машине оболванивания в ход идет весь арсенал испытанных форм фальсификаций и лжи во всех ее интерпретациях. Широко используются «безупречные формулы» фальсификации министра пропаганды Третьего рейха Йозефа Геббельса по принципу «Чем более чудовищна ложь, тем охотнее ей верят люди», «Многократно повторенная ложь становится правдой», умолчание, полуправда, интерпретации проблемы в выгодном для фальсификаторов ракурсе, навязывание для обсуждения «нужных» тем и нужной повестки дня и многие другие. Активно используются методы гибридной войны в области СМИ с широким использованием Интернета: социальных сетей, телеграмм-каналов, мессенджера WhatsApp, Youtube-каналов и многие другие.

Так, 19 сентября 2019 г. Европарламент 535 голосами «за» при 66 «против» принял внесенную Польшей и прибалтийскими государствами резолюцию «О важности европейской памяти для будущего Европы», где содержится резкая критика политики руководства СССР кануна Второй мировой войны. Что же ставится в вину Советскому Союзу?

В своей резолюции вслед за ОБСЕ Европарламент утверждает, что Вторая мировая война была спровоцирована Германией и СССР. В резолюции Европарламента говорится: «80 лет назад, 23 августа 1939 года, коммунистический Советский Союз и нацистская Германия подписали Договор о ненападении, известный как Пакт Молотова — Риббентропа, и его секретные протоколы, разделив Европу и территории независимых государств между двумя тоталитарными режимами и сгруппировав их в сферы интересов, что открыло путь к возникновению Второй мировой войны». Хорошо известно, что ОБСЕ принял аналогичный документ, осуждающий пакт от 23 августа 1939 г., в июле 2009 г. Принято решение считать 23 августа «Европейской днем памяти жертв сталинизма и нацизма». Именно в такой последовательности, на первом месте упоминается сталинизм и лишь потом нацизм!³

³ Декларация Европарламента «О провозглашении 23 августа Европейской днем памяти жертв Сталинизма и нацизма», принятая 23 сентября 2008 г. (далее — Декларация 2008 г.); «Варшавская декларация от 23 августа 2011 года, посвященному Европейскому дню памяти жертв тоталитарных режимов».

В 1989 г. Съезд народных депутатов СССР осудил заключение Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом и других соглашений, подписанных с нацистской Германией.

Но, как отмечается в резолюции, в августе 2019 г. российские власти отказались взять на себя ответственность за подписание этого договора и его последствия и в настоящее время продвигают утверждения, что подлинными зачинщиками войны явились Польша, прибалтийские страны и Запад⁴.

Безусловно, Европарламент с этим не согласен и, чтобы «доказать» вину Советского Союза, раз за разом приводит аргументы, отражающие прежде всего идеологическую предвзятость и лицемерие их авторов. Резолюция называет Россию «самой большой жертвой коммунистического тоталитаризма», чье продвижение к демократии, как заявлено в документе, «будет сдерживаться до тех пор, пока правительство, политическая элита и политическая пропаганда продолжит оправдывать коммунистические преступления и прославлять советский тоталитарный режим»⁵.

По убеждению авторов резолюции, сохранение в некоторых странах ЕС памятников и мемориалов (парков, площадей, улиц), прославляющих тоталитарные режимы, способствуют «искажению исторической памяти о Второй мировой войне и пропаганде тоталитарной политической системы».

Итак, главным «краеугольным камнем» в обвинении СССР Европа в лице Европарламента и ОБСЕ считает заключенный 23 августа 1939 г. пакт Молотова — Риббентропа (Договор «О ненападении»), который будто бы привел к развязыванию Второй мировой войны.

В принятом документе дословно сказано: «23 августа 1939 года коммунистический Советский Союз и нацистская Германия подписали Договор о ненападении, известный как пакт Молотова — Риббентропа, и его секретные протоколы, разделяющие Европу и территории независимых государств между двумя тоталитарными режимами и группирование их в сферы интересов, которые проложили путь к началу Второй мировой войны»⁶.

⁴ См. Декларацию 2008 г.

⁵ Там же.

⁶ «Важность европейской памяти для будущего Европы». Резолюция Европейского парламента от 19 сентября 2019 г. Пункт В.

Соответственно, если внимательно читать данный документ, то именно наличие договора от 23 августа 1939 г., как они считают, дает полное право Европе в лице Европарламента утверждать, что Советский Союз наряду с гитлеровской Германией является первопричиной, зачинщиком Второй мировой войны.

Чтобы объективно разобраться в предъявляемом обвинении, на наш взгляд, необходимо ответить на несколько уточняющих вопросов.

Во-первых, а действительно ли Советский Союз был единственным «аморальным» государством, заключившим «аж с самим Гитлером» пакт Молотова — Риббентропа («Договор о ненападении»). Из контекста Постановления Европарламента как бы следует, что высокоморальная Европа, очевидно, была безукоризнена и ничего подобного не совершала. А вот СССР пошел на подобное «преступление».

Во-вторых, если все же договоры с фашистскими режимами Германии, Италии и милитаристской Японией были заключены, то когда по времени? После того ли, как Советский Союз пошел на сговор с фашистским режимом Третьего рейха, а Запад был вынужден принимать лишь контрмеры? Или наоборот, именно западные демократии заключали договора и пакты, догоняя друг друга, и Советскому Союзу приходилось принимать соответствующие меры для обеспечения своей безопасности?

Исходя из «тона», в котором составлено постановление Европарламента, резонно предположить, что европейцы в середине 30-х гг. категорически отказывались от заключения каких-либо договоров «аж с самим Гитлером» и, соответственно, от личных встреч с фюрером.

Но так ли это было на самом деле? Ничего подобного. Демократические европейские страны подписывали множество пактов (договоров), и не только с фашистской Германией но и с фашистской Италией, а также и с милитаристской Японией, которая уже два года вела боевые действия на восточных границах СССР. И, в отличие от тирана Сталина, который лично никогда не встречался ни с Гитлером, ни с Муссолини, руководители западных демократий — и Чемберлен (премьер-министр Великобритании), и Даладьё (Франция) — лично приезжали к Гитлеру в логово фашистов (Мюнхен). Они вели лично переговоры с Гитлером и с готовностью удовлетворяли, как правило, все его пожелания и требования. А их, как мы увидим, было

немало. Главной целью Англии и Франции все это время было направить основной удар фашистской Германии против Советского Союза. Даже в руководстве Великобритании была такая установка: чтобы жила Англия, большевизм должен умереть!

И началось это сразу же после прихода Гитлера к власти. Не является секретом то, что Гитлер с начала 1933 г. стал активно готовиться к войне за передел «Версальского» мира. Версальский договор стал для Германии символом глубокой несправедливости. Фактически речь шла об ограблении стран. Именно национальное унижение сформировало питательную среду для радикальных и реваншистских настроений в Германии⁷.

Приведем другой неопровержимый факт. Общеизвестно, что, стремясь полностью развязать себе руки для подготовки новой мировой войны и чтобы при этом избежать требований отвечать на неудобные вопросы соседних государств с трибуны международной организации, Япония (март 1933 г.) и Германия (октябрь 1933 г.) вышли из Лиги Наций.

При полном попустительстве европейских демократий, и в первую очередь Англии и Франции, полным ходом шла милитаризация Третьего фашистского рейха. И как показала историческая практика, именно Великобритания и Франция — страны — победительницы в Первой мировой возглавили фронт пособников Гитлера в области милитаризации фашистской Германии. Почему они активно способствовали вооружению фашистов вопреки решениям Версаля? Главная цель этой политики никогда не скрывалась и была ясна изначально. Создать мощный «таран» в лице гитлеровской Германии и ее пособников против Советского Союза при безусловном сохранении статус-кво на Западе. Гитлер, как показала практика, в полной мере воспользовался этим, если это можно так назвать, попустительством. Он, с одобрения этих государств откровенно игнорировал все Версальские ограничения и усиленно вооружался⁸. Например 18 июня 1935 г. было подписано англо-германское «морское соглашение». В своих воспоминаниях У. Черчилль пишет: «Изучив в то время этот документ, я написал: “Морское соглашение фактически было равносильно согласию Великобритании на нарушение военных статей

⁷ Путин В.В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим // Российская газета. 2020. 19 июня (№ 133).

⁸ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. Т. I. М., 1991. С. 70.

Версальского договора, то есть открывалась широкая, столбовая дорога для милитаризации фашистской Германии”»⁹.

В начале статьи мы говорили о позорной резолюции Европарламента от 19 сентября 2019 г. Я полностью согласен с оценкой президента России В. В. Путина, охарактеризовавшего подобные резолюции как «беспардонную ложь», подписанную людьми, которые «не знают историю». Безусловно, речь идет о грубой попытке переписывания истории Второй мировой войны. Цель — обелить пособников фашистов, развязавших мировую бойню. Сегодня ни у кого нет сомнений, это достоверно известно, что основным «коноводитом» инициатив в современном Евросоюзе по всемерному обвинению Советского Союза (читай России), безусловно, является Польша, затем следует ряд «подпевающих» ей стран, таких как Литва, Латвия, Эстония, Украина и некоторые другие. Предлагаем проанализировать роль самой Польши в европейских делах кануна Второй мировой войны. Это весьма важно и, на наш взгляд, интересно. Вся ее предвоенная политика свидетельствует об обратном, особенно после прихода Гитлера к власти.

Польша, по образному выражению У. Черчилля, с жадностью гины приняла участие в ограблении и уничтожения чехословацкого государства. Следовательно, она была одним из инициаторов развязывания войны. Однако, учитывая то, что после окончания Второй мировой войны Польша входила в социалистический блок государств, многие моменты из ее предвоенной истории по политическим мотивам замалчивались. Именно «Варшавским договором» назывался военно-политический союз социалистических стран. Этим объясняется, почему никто не оспаривал роль Польши как жертвы.

После окончания Второй мировой войны в общественном мнении и историографии целенаправленно продвигалась идея, что в 1930-е гг. Польша стала первой жертвой фашистской агрессии. Действительно, Вторая мировая война началась нападением Германии на Польшу. Это произошло 1 сентября 1939 г.

Но любой объективный историк знает, что после прихода Гитлера к власти началось экстренное сближение профашистской Польши, руководимой диктатором Юзефом Пилсудским, с фашистской Германией. Известно, что в 1932 г. между СССР и Польшей был подписан договор «О ненападении», но после 1933 г., прихода фашистов к власти

⁹ Там же. С. 162.

в Германии этот договор де-юре существовал, де-факто его никто не собирался исполнять.

Об этом со всей очевидностью свидетельствовало реальное поведение Польши. Она буквально «в воздухе стала переобуваться» и прикладывала титанические усилия совместно с Гитлером, чтобы аннулировать договоры о создании антифашистского блока в Европе¹⁰. Идя в фарватере политики фашистской Германии, Польша прилагала максимум усилий, чтобы развалить антифашистский блок. То, что она жестко и инициативно выполняла все пожелания и требования Германии, ни у кого не может вызывать сомнения. Об этом свидетельствует множество неопровержимых фактов. В частности, ее участие в разграблении Чехословакии, о чем будет сказано.

Именно Польша явилась первым профашистским государством в мире, официально закрепившим этот статус! Пакт «Пилсудский — Гитлер», заключенный сроком на 10 лет¹¹, был подписан 26 января 1934 г., за 2,5 года до заключения договоров Берлин — Рим, закрепивших союз фашистской Германии и Италии, и заключения Антикоминтерновского пакта, подписанного в Берлине между Германией и Японией!¹² Таким образом, Польша стала первым в мире государством, которое заложило основу для заключения последующих фашистских договоров с Гитлером. Фашистская Италия и милитаристская Япония были лишь последователями маршала Ю. Пилсудского¹³.

Согласно всем известным фактам, к пакту «Пилсудский — Гитлер» прилагался секретный договор, хотя поляки и не признают этого. Есть множество косвенных фактов, свидетельствующих о его существовании. Приведем некоторые из них. Во-первых, активное сближение между Польшей и Германией имело место уже в течение весны — лета 1934 г. Началась активная совместная борьба против создания системы коллективной безопасности, которую продвигали нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов и глава французского МИДа Л. Барту. После убийства министра иностранных дел Франции

¹⁰ Последовательно осуществляя политику создания антифашистского блока, в 1935 г. СССР подписал с Чехословакией и Францией договоры антифашистского содержания. Договоры предусматривали взаимную помощь, в том числе военную, если фашистская Германия нападет на одну из этих стран.

¹¹ *Климовский Д. С.* Зловещий пакт (Из истории германо-польских отношений межвоенного двадцатилетия). Минск, 1968. С. 69–70.

¹² Антикоминтерновский пакт был заключен 25 ноября 1936 г.

¹³ См. Великая Отечественная война 1941–1945 Энциклопедия. М., 1985. С. 54, 552.

9 октября 1934 г. политическая атмосфера в Европе стала накаляться. В дипломатических кругах заговорили о неизбежной войне.

Во-вторых, в октябре — начале ноября 1934 г. германские и польские дипломатические представительства были возведены в ранг посольств. Возникает резонный вопрос, а по какой причине? В-третьих, в 1933–1934 гг. Польша совершила резкий внешнеполитический кульбит и переметнулась в фашистский лагерь. Отдаление Польши от СССР и Франции, даже несмотря на Польско-советский договор 1932 г., безусловно, означает, что она получила «железные» гарантии от Гитлера. Действительно, отчего Польша вдруг так осмелела после подписания пакта с Гитлером? Настолько осмелела, что сломя голову бросилась разрушать антигитлеровские механизмы безопасности в Европе.

Что могли пообещать немцы? Эти вопросы тогда ставили во всех без исключения европейских столицах, подозревая наличие секретных германо-польских договоренностей, прилагавшихся к пакту от 26 января 1934 г. Даже спустя пять лет после подписания пакта «Пилсудский — Гитлер» Адольф Гитлер пребывал в восторге. В своей речи в Рейхстаге 30 января 1939 г. он сказал: «Едва ли среди истинных друзей мира сегодня могут существовать два мнения относительно величайшей ценности этого соглашения... Подписав это соглашение, великий польский маршал и патриот (Ю. Пилсудский. — В. А.) оказал своему народу такую же важную услугу, какую руководители национал-социалистического государства оказали германскому народу. В течение тревожных месяцев прошлого года дружба между Германией и Польшей являлась одним из решающих факторов в политической жизни Европы»¹⁴.

8 июля 1934 г. между Японией и Польшей был подписан еще один агрессивный антисоветский договор, что свидетельствовало о полном вхождении Польши в фашистский блок. Примечательно, что с японской стороны договор подписал брат императора Японии принц Канно¹⁵. Безусловно, цель была ясна: совместная агрессия против СССР с Запада и Востока. Полагаем, не требуются дополнительные доказательства того, что Польша была ближайшим другом и союзником фашистской Германии и милитаристской Японии.

¹⁴ Нюрнбергский процесс. М., 1957. Т. 1. С. 369.

¹⁵ Пыхалов И. В. Великий оболганный вождь. Ложь и правда о Сталине. СПб., 2010. С. 176–180. Глава «Польско-Японская дружба против СССР в 30-х гг.».

Еще одной «яркой» страницей в профашистской истории Польского государства было то, что оно самоотверженно отстаивало интересы фашистской Германии на международной арене, когда Гитлер по ряду причин в октябре 1933 г. был вынужден уйти из Лиги Наций (некоего аналога ООН между двумя мировыми войнами).

Ярким свидетельством о более чем близких, дружественных отношениях фашистской Германии и Польши явился тот факт, о котором поляки предпочитают сегодня не вспоминать. Когда умер польский диктатор маршал Юзеф Клеменс Пилсудский (12 мая 1935 г.), в рейхе был объявлен траур! Геринг, наци № 2, председатель Рейхстага, по поручению фюрера лично прибыл в Краков и шел за гробом в первом ряду рядом с семьей. В Берлинском кафедральном соборе Гитлер заказал мессу и лично присутствовал во главе высшего руководства рейха. На сцене находился пустой гроб, покрытый польским флагом. По всему было видно, что фюрер потерял доверенного человека и близкого друга. Даже когда немецкие войска захватили Польшу, то в Кракове в кафедральном соборе святых Станислава и Вацлава, где был погребен Ю. Пилсудский, был выставлен немецкий почетный караул.

Сегодня, как вы знаете, личный друг Гитлера Пилсудский очень уважаемая в Польше фигура! Память о нем широко увековечена. Так, его именем названа Парадная площадь в центре Варшавы где установлен его памятник. В городе Кракове на красивой площади, через которую проходит улица Пилсудского, установлено два памятника маршалу.

Оценивая роль Польши в европейских делах в период активного сближения с фашистской Германией за пятилетие кануна Второй мировой войны (с 1933/1934 — до весны 1939 г.) и вплоть до денонсации пакта «Гитлер — Пилсудский» Гитлером, Уинстон Черчилль писал: «Англия, ведя за собой Францию, предлагает гарантировать целостность Польши — той самой Польши, которая всего полгода назад с жадностью гиены приняла участия в ограблении и уничтожении чехословацкого государства»¹⁶. Действительно, речь в прямом смысле этого слова шла о сговоре между Германией и Польшей по согласованию своих разбойных планов. Министр иностранных дел Польши Бек¹⁷ заверяет посла Германии, что «в областях, на которые претендует

¹⁶ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. Т. 1. М., 1991. С. 162.

¹⁷ Бек Юзеф — реакционный польский политический деятель, один из главарей фашистской клики пилсудчиков, в 1932–1939 гг. министр иностранных дел Польши.

Польша, — он прямо об этом говорит, — не возникнет противоречий с германскими интересами»¹⁸. В русле своей профашистской политики Польша сделала все, чтобы не позволить Советскому Союзу выполнить свои обязательства по оказанию военной помощи Чехословакии. Она откровенно заявила Франции, что, если СССР направит войска на помощь Чехословакии, не пропустит солдат Красной армии и готова сбивать советские самолеты. Именно позиция Польши во многом не позволила Франции и СССР выполнить свои союзнические обязательства по отношению к Чехословакии. Премьер-министр Франции Даладье после подобных заявлений польского посла Лукасевича пришел к выводу, что «не видит смысла во франко-польском союзе и в жертвах, которые во имя него приносит Франция». Гитлер неоднократно и откровенно подчеркивал роль, отводимую Польше в политике рейха. Дословно было сказано: «при всех обстоятельствах Германия будет заинтересована в сохранении сильной национальной Польши, совершенно независимой от положения дел в России».

Наличие сильной польской армии снимает с Германии значительное бремя. Дивизии, которые Польша вынуждена держать на российской границе, избавляют Германию от дополнительных военных расходов¹⁹. Взамен в беседе министра иностранных дел Германии Иоахима фон Риббентропа с министром иностранных дел Польши господином Беком от 6 января 1939 г. Риббентроп выразил позицию Берлина: Германия «будет исходить из того, чтобы рассматривать украинский вопрос как привилегию Польши, и во всех отношениях поддерживать Польшу при обсуждении этого вопроса, но опять-таки при условии, что Польша займет еще более отчетливую антирусскую позицию... На вопрос Риббентропа, отказались ли поляки от честолюбивых устремлений маршала Пилсудского в отношении Украины, господин Бек заявил: “Поляки уже побывали в Киеве, и подобные замыслы, без сомнения, живы и сегодня”».

Естественным для поляков был сильный антисемитизм. В этой политике Польша шла в ногу с фашистской Германией. Чтобы

См.: Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сб. материалов в семи томах. М., 1961. Т. 7. С. 692.

¹⁸ С целью агрессии была сформирована специализированная военная группа под названием «Силезия». — Стенограмма лекции В. В. Путина // Российская газета. 2019. 23 дек. № 8047.

¹⁹ Там же.

не повторяться, хотелось бы отослать читателя к прекрасной статье нашего президента и беседе В. В. Путина с руководителями стран СНГ на неформальном саммите в Санкт-Петербурге²⁰. Однако хотелось бы привести хотя бы одну выдержку. Хорошо известен и другой факт, что интересы Польши при подписании Мюнхенской сделки представлял лично Адольф Гитлер. После подписания Мюнхенских договоренностей, обращаясь к полякам, фюрер сказал: «Оказалось не так-то просто добиться в Мюнхене от французов и англичан соглашения на включение в соглашение также польских и венгерских претензий к Чехословакии». Несколько позже посол Германии в Польше господин Мольтке докладывает своему руководству в Берлин: «Господин Бек выразил большую благодарность за лояльную трактовку польских интересов. Он сказал, что правительство и общечеловечность Польши полностью отдаёт должное позиции фюрера и рейхсканцлера»²¹. Но вся эта дружба была нужна Гитлеру до определенного времени, пока он в ней нуждался и Польша была безотказна на немецкие просьбы. Но, однако, она никак не соглашалась передать Германии Данциг. К апрелю 1939 г. положение резко изменилось. В директиве от 11 апреля 1939 г. Гитлер поставил задачу о подготовке вооруженных сил к войне в 1939–1940 гг. Именно в ней говорилось о плане «Вайс»²² и о присоединении Данцига. Проанализировав сложившуюся ситуацию, У. Черчилль дал следующее заключение: «Денонсирование Германо-Польского пакта о ненападении 1934 года — чрезвычайно серьезный и угрожающий шаг. Подобно морскому соглашению, он давал Германии явные выгоды. Оба соглашения облегчили положение Германии, когда она была слабой. Германо-польский пакт позволил нацистам сосредоточить внимание сначала на Австрии, а затем на Чехословакии, что имело губительные последствия для этих несчастных стран. Он... помешал развитию солидарности между государствами Восточной Европы. Теперь, когда он сослужил Германии свою службу, его

²⁰ «В чем все-таки правда?» Стенограмма беседы В. В. Путина на неформальном саммите СНГ в Санкт-Петербурге 23 декабря 2019 г. № 289 (8047) и статья «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим» // Российская газета. 2020. 19 июня. № 133 (8187).

²¹ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сб. материалов в семи томах. Т. 1. М., 1957. С. 372–373.

²² Директива «План Вайс» — кодовое обозначение для намечавшегося вторжения в Польшу. Weiss, в переводе означает «белый», что частично соответствует государственному флагу Польши.

отбросили односторонним актом. Тем самым Польшу поставили в известность, что теперь она включена в зону потенциальной агрессии»²³.

Безусловно, характеристики, данные премьер-министром Великобритании, это не просто жесткие и образные сравнения. Он, как очень опытный политик мирового масштаба, приводит множество конкретных фактов и оценивает поляков и как народ, и как государство весьма объективно. Так, говоря о польской политике кануна Второй мировой войны, которая «растворилась» в дружбе к фашистам и фюреру», У. Черчилль вполне справедливо подчеркивает, что, несмотря ни на какие прошлые заслуги Польши, нельзя «закрывать глаза на его безрассудство и неблагодарность поляков. Мы увидели, как теперь, пока на них падал отблеск могущества Германии, они поспешили захватить свою долю при разграблении и разорении Чехословакии... В момент кризиса для английского и французского министров иностранных дел». Говоря о поляках и польском государстве, Черчилль пишет, что оно постоянно проявляет такие огромные недостатки почти во всех аспектах своей государственной жизни. Деятельность Польши можно коротко охарактеризовать как «гнусность и позор в периоды триумфа»²⁴. Она была готова участвовать и в дальнейших разбоях, безусловно получая свою разбойную долю. И действительно, после такой теплой дружбы между профашистской Польшей и фашистской Германией, Гитлер 1 сентября напал на Польшу. У фюрера был свой план действий, и он его последовательно осуществлял. Дальнейшее использование Польши больше не входило в планы фюрера.

Прошло 75 лет после окончания Второй мировой войны. Как казалось польскому руководству, профашистское прошлое «забылось». Во всяком случае об этом не принято было вспоминать «по общеевропейскому консенсусу».

С трибуны пленарного заседания 70-й сессии ООН президент Польши Анджей Дуда в своем выступлении сказал буквально следующее: «На рассвете 1 сентября 1939 года вторжение нацистской Германии обрушилось на мою страну, 17 сентября 1939 года был нанесен удар с другой стороны, СССР атаковал Польшу и Польша исчезла с карты»²⁵.

²³ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. Т. 1. С. 146–147.

²⁴ Там же. С. 147.

²⁵ Из выступления президента Польши на пленарном заседании ООН, посвященном 70-й годовщине образования Организации Объединенных Наций.

Однако господин президент «забыл» сказать: что, во-первых, в результате «Освободительного похода Красной Армии» ни одного метра польской территории советские войска не заняли. «Керзона линия»²⁶ осталась неприкосновенной! И наконец, Красная армия вернула себе территории, отторгнутые Польшей у Советского Союза уже после Первой мировой войны. То есть речь идет о землях Западной Украины и Западной Белоруссии, отторгнутых Польшей²⁷. Советский Союз ввел свои войска, когда Польша, как субъект международного права, перестала существовать. После бегства польского правительства бежало и руководство вооруженных сил из Варшавы. К 17 сентября 1939 г. они уже были на границе Румынии, а вскоре оказались в Лондоне.

После первого профашистского договора, 18 июня 1935 г. было подписано и англо-германское «морское соглашение». В своих воспоминаниях У. Черчилль пишет: «Морское соглашение фактически было равносильно согласию Великобритании на нарушение военных статей Версальского договора, то есть открывалась широкая, столбовая дорога для милитаризации фашистской Германии»²⁸. К сказанному нечего и добавить. Более емкой и точной характеристики и быть не может. То есть сам сэр У. Черчилль подчеркивает, что именно с благословения Великобритании началась откровенная милитаризация фашистской Германии.

Но это было далеко не все. Уже 16 апреля 1938 г. между Англией и другим фашистским государством — Италией подписывается договор «О дружбе и сотрудничестве». Любой вменяемый человек видит, что Лондон, а вслед за ним и Париж делают все, чтобы крепко подружиться с Гитлером. Повторимся, главная цель подобной дружбы

²⁶ Восточная граница Польши установленная по итогам Первой мировой войны по предложению министра иностранных дел Великобритании сэра Керзона.

²⁷ Рижский мирный договор был подписан 18 марта 1921 г. между РСФСР и УССР с одной стороны и Польшей — с другой. Советско-польская граница проходила значительно восточнее «Керзона линии». К Польше отходили западные земли Украины и Белоруссии. Советская сторона обязалась выплатить Польше в годичный срок 30 млн золотых рублей и согласилась возвратить различные военные трофеи, все научные и культурные ценности, вывезенные с территории Польши начиная с 1 января 1772 г. Польское правительство не соблюдало условий договора о прекращении враждебной деятельности против Советского государства и о равноправии русских, украинцев и белорусов, проживавших в Польше. См.: Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. Т. 4. М., 1987. С. 508.

²⁸ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. Т. 1. С. 162.

состояла в том, чтобы направить основной удар фашистской Германии против СССР, при полном сохранении статус-кво на Западе. Именно благодаря всемерному попустительству, а еще точнее можно сказать, всемерному подталкиванию лидерами европейских демократий Гитлера на Восток, фашистам был дан карт-бланш в области милитаризации, которым они воспользовались в полной мере. Обращает на себя внимание, что буквально накануне подписания демократической Англией очередного договора «О дружбе и сотрудничестве» с фашистской Италией, Гитлеру позволили 12 марта 1938 г. спокойно осуществить аншлюс (поглощение) Австрии. Но главным дипломатическим позором европейских демократий, запустивших «механизм» мировой бойни, была Мюнхенская сделка. Особо хотелось бы подчеркнуть, когда пактом Молотова — Риббентропа еще и не пахло. Представьте себе, Англия и Франция в лице своих высших руководителей, премьер-министров Невилла Чемберлена и Эдуарда Даладье, лично возглавивших делегации своих стран, приехали в Германию, в Мюнхен, главное фашистское логово. Цель поездки: совместно с фашистскими лидерами Гитлером и Муссолини решить судьбу суверенного государства. Что собой представляла Чехословакия? Демократическое государство, пятая экономика Европы! С высокоразвитой экономикой и военно-промышленным комплексом и вооруженными силами. И что характерно, при решении судьбы крупного европейского государства, делегация самой Чехословакии к столу переговоров не была допущена. Ее после просто проинформировали, поставили в известность, после подписания этой позорной сделки.

Под совместным ультиматумом Англии и Франции к Чехословакии у нее первоначально было отторгнуто в пользу фашистской Германии 20% всей территории, 25% населения, 50% тяжелой промышленности. Свою разбойничью долю в виде территорий получили Польша и Венгрия.

По прибытии в Лондон Н. Чемберлен, размахивая над головой текстом договора, восклицал: «Я привез вам вечный мир». Однако хорошо известно, что «вечный мир» продлился менее чем полгода. 15 марта 1939 г. Чехословакия была полностью оккупирована Гитлером. Политики уровня Уинстона Черчилля уже тогда видели перспективу подобной политики и к чему это приведет в недалекой перспективе. В своем наполненном горечью выступлении в Палате общин Британского парламента он сказал: «Мы только что

потерпели полное и безоговорочное поражение. Все кончено. Чехословакия сломлена, всеми покинута, в скорбном молчании погружается она во мрак. Настало время посмотреть правде в глаза. Довольно обманывать самих себя. Мы должны реально оценить масштаб бедствия, постигшего мир. Мы оказались перед лицом величайшей катастрофы, обрушившейся на Великобританию и Францию. Мы потерпели поражение, не участвуя в войне. И последствия этого поражения еще долго будут напоминать о себе. Не думайте, что опасность миновала, это еще далеко не конец, это только начало грандиозного сведения счетов»²⁹. Если коротко резюмировать, о чем сказал У. Черчилль в Британском парламенте, то это начало войны. Были и другие, в том числе лицемерные оценки.

Так, США в лице своего посла в Великобритании Джозефа Кеннеди³⁰ были в восторге. Оценивая подписанные в Мюнхене соглашения, Кеннеди писал: «Уже долгое время я считаю, что как для демократий, так и для диктатур непродуктивно и неразумно подчеркивать существующую между ними разницу. Они могут с выгодой направить свои силы на дело решения их общих проблем, изменив в лучшую сторону собственные отношения»³¹. Действительно, звучит высокоморально! Настоящий союз демократов и фашистов. 6 декабря 1938 г.³² между демократической Францией и фашистской Германией был подписан «Договор о ненападении».

Что касается наших «соседей» Латвии и Эстонии, они также «бегом» помчались в Берлин к Гитлеру: 7 июня 1939 г. в Берлине³³ было подписано два договора «О ненападении» — с Эстонией и с Латвией³⁴.

В начале статьи автор ставит два принципиальных вопроса. Первый из них: был ли Советский Союз единственным государством, подписавшим пакт Молотова — Риббентропа («Договор о ненападении»)

²⁹ Стенограмма лекции В. В. Путина от 23 декабря 2019 // Российская газета. Федеральный выпуск. 2019. 23 дек. № 289 (8047).

³⁰ Отец будущего президента Соединенных Штатов Джона Кеннеди.

³¹ Стенограмма лекции В. В. Путина от 23 декабря 2019.

³² Историки прекрасно знают, что первая попытка Франции и Англии заключить договор с фашистами была предпринята еще 15 июля 1933 г. Был подготовлен «Пакт согласия и сотрудничества». Он не вступил в силу под давлением французской общественности.

³³ Документы и материалы кануна Второй мировой войны 1937–1939 гг. В 2 т. Т. 1. М., 1981. С. 334–335.

³⁴ Дюков А. Р. «Пакт Молотова — Риббентропа» в вопросах и ответах. М., 2009. С. 51.

«с самим Гитлером», или были и другие государства, которые подписывали аналогичные договоры. И второй вопрос: если подобные договоры имели место быть, то когда по времени они были подписаны, до или после подписания пакта Молотова — Риббентропа?

Для более наглядного ответа автор предлагает в кратком изложении вспомнить эти подписанные и с Гитлером, и с Муссолини договоры:

- 15 июля 1933 г. — договор между Англией и Францией с одной стороны — фашистской Германией с другой. «Пакт соглашения и сотрудничества»;
- январь 1934 г. — между Польшей и Германией. «Пакт Пилсудского»;
- 8 июля 1934 г. — договор между Японией и Польшей. Цель — совместная агрессия против СССР одновременно с Запада и Востока;
- 18 июля 1935 г. — подписано Англо-германское морское соглашение. Договор санкционировал нарушение Версальского договора, т. е. вооружение Германии (У. Черчилль);
- 16 апреля 1938 г. — между Англией и Италией. Договор «О дружбе и сотрудничестве»;
- 29 сентября 1938 г. — Мюнхенский сговор (Англия — Франция — лидеры европейской демократий с одной стороны и фашистские режимы Германии и Италии с другой стороны. Договор, разваливший антифашистский блок: Франция — Чехословакия — СССР и реально заложивший фундамент Второй мировой войны);
- 30 сентября 1938 г. — Великобританией и Германией подписана «Декларация о взаимном ненападении»;
- 6 декабря 1938 г. — между Францией и Германией подписан «Договор о ненападении». Фон Риббентроп с восторгом писал: «Декларация отколола Францию от СССР и устранила последние остатки франко-русского сотрудничества». Антифашистский блок был уничтожен;
- 7 июня 1939 г. в Берлине был подписан договор «О ненападении» с Латвией;
- 7 июня 1939 г. (в этот же день) в Берлине был подписан еще один договор «О ненападении» с Эстонией.

И только 23 августа 1939 г. — подписан пакт Молотова — Риббентропа (договор «О ненападении»).

Советский Союз пошел на подписание этого документа только после того, как были исчерпаны все возможности и были отклонены все предложения СССР о создании единой системы безопасности, антифашистской коалиции в Европе.

Как нам кажется, на поставленные в начале статьи два вопроса получен исчерпывающий ответ, исключающий двойное толкование. Приведенные аргументы ясно свидетельствуют, что к моменту подписания договора от 23 августа 1939 г. «О ненападении» и секретного протокола все основные агрессивные решения уже были приняты Германией и направлены в войска. СССР знал достоверно, что целью Запада в лице его лидеров, Англии и Франции, было вооружить (вопреки Версальским договоренностям) Германию для нападения на СССР. Они были уверены, что Гитлер это жаждет давно. Об этом он откровенно говорил в своей книге «Майн Кампф» («Моя борьба»). Безусловно, советское руководство в первую очередь думало о безопасности Советского Союза. И это единственно правильная политика, которую может проводить любое суверенное государство. Соответственно, можно считать пакт 23 августа 1939 г. выдающейся дипломатической победой Советского Союза. С начала 30-х гг. XX в. со стороны нашей страны шла бескомпромиссная борьба за то, чтобы не допустить мировое пожарище. Сегодня, спустя более 80 лет после начала Второй мировой, Европарламент и ОБСЕ обвиняет СССР за то, что он заключил «аморальный» пакт Молотова — Риббентропа с Германией и тем самым способствовал развязыванию мировой войны. Однако почему-то «отшибленная» память совершенно забыла, что именно Советский Союз был самым последним из государств Европы, которое настойчиво стремилось заключить антигитлеровский союз. Вывод однозначен: именно политика европейских демократий не позволила создать антифашистский блок и предотвратить мировую войну с неимоверными жертвами.

Заботясь о своей безопасности, в создавшихся условиях СССР был вынужден пойти на подписание договора «О ненападении» от 23 августа 1939 г. с Германией. СССР прекрасно понимал, что, говоря о жизненном пространстве, Гитлер всегда имел в виду СССР. У Сталина никогда не было каких-либо иллюзий насчет захватнических планов Гитлера относительно территорий СССР. Питая патологическую ненависть к советскому строю, Англия и Франция мечтали и были готовы использовать фашистский режим Гитлера и его сателлитов как

таран для уничтожения Советской России³⁵. И для этого западные демократии ничем не гнушались. Англичане и французы откровенно торпедировали все инициативы СССР о создании единого антифашистского блока. Все пять лет (1934–1939 гг.) многочисленные попытки Советского Союза наталкивались на глухую стену непонимания и отвергались с порога. Когда уже к 1939 г. было ясно, что фашистская Германия всю готовится развязать войну, и отнюдь не только с советской Россией, Советский Союз вновь предложил правительствам Англии и Франции заключить тройственный союз — антифашистский блок и защитить себя. Именно СССР 17 апреля 1939 г. предложил Англии и Франции провести переговоры с целью подписания конкретных антифашистских договоренностей.

Чтобы успокоить общественное мнение в своих странах, Англия и Франция согласились прислать свои делегации в Москву. Но, как показала практика, это была лишь профанация переговоров. На самом деле переговорный процесс, даже в условиях неминуемого начала Второй мировой войны, всячески тормозился. Обе делегации, и Англии, и Франции, направленные для переговоров в Москву, получили конкретные инструкции ни в коем случае не подписывать какие-либо обязывающие договоры. Видя, что политические переговоры буксуют и не принесут каких-либо результатов, именно СССР предложил провести конкретные военные переговоры.

Они проходили в Москве с 12 по 21 августа 1939 г. Однако из-за деструктивной позиции Англии и Франции военные переговоры в конечном итоге потерпели крах. Оценивая политику Лондона, даже У. Черчилль провозгласил: «Однако даже сейчас не может быть сомнений в том, что Англии и Франции следовало принять предложение России и провозгласить тройственный союз»³⁶. Но почему это не было сделано? Ларчик открывался просто. Ближайший друг и главный помощник Н. Чемберлена Г. Вильсон в июле 1939 г. в разговоре с немецким дипломатом Вольфгангом откровенно подчеркивал: «Переговоры в Москве — это только отвлекающие маневры, это резерв на случай, если нам не удастся добиться главного: договориться с Германией. Если мы договоримся с немцами, переговоры в Москве будут отодвинуты в сторону, и мы будем решать все европейские дела и вопросы

³⁵ Так на Западе называли Советский Союз.

³⁶ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. Т. 1. М., 1991. С. 163.

с вами. Если французы и Италия захотят к нему примкнуть, тем лучше»³⁷. Как нам кажется, более откровенно о позиции так называемых европейских демократий сказать невозможно. Московские переговоры служили лишь ширмой, прикрывающей переговоры с фашистами за спиной Советского Союза. Шла активная деятельность с целью договориться с агрессорами.

Сталин достоверно знал, что Н. Чемберлен ведет секретные переговоры с Германией, а контакты с СССР использует для их прикрытия. Он понимал, что в подобной ситуации надо предпринимать конкретные меры, чтобы не дать втянуть себя в войну против объединенного Запада и Японии.

Сегодня, после рассекречивания архивов, достоверно известно, что англичане и французы были готовы объединить свои усилия с фашистами для нападения на СССР не только в 1939 г., но даже в 1944 и 1945 гг. Об этом свидетельствует наличие таких планов, как «Рэнкин» и Операция «Немыслимое». Так, план «Рэнкин» был принят 20 августа 1943 г. Он предусматривал вступление в войну против СССР союзников по антигитлеровской коалиции совместно с немцами в 1944–1945 гг. при наличии благоприятных условий. Перед высадкой союзников в Нормандии генерал Д. Эйзенхауэр имел приказ, если сложатся условия, осуществить план «Рэнкин». Операция «Немыслимое» — кодовое название двух планов, разработанных весной — летом 1945 г. по заданию У. Черчилля на случай военного конфликта между Британской империей и США против СССР. В комментариях к плану У. Черчилль указал, что план является «предупредительной» мерой, на, как он надеется, «чисто гипотетический случай»³⁸. До 1998 г. правительство Великобритании категорически отрицало существование подобных планов. Между тем документы с ними хранятся в Национальном архиве Великобритании. В 1939 г. в своем выступлении в Палате общин У. Черчилль прямо предупреждал: «Мы окажемся в смертельной опасности, если не сможем создать великий союз против агрессии. Было бы величайшей глупостью, если бы мы отвергли естественное

³⁷ Гаспарян А. С. Неизвестные страницы Великой Отечественной Войны. М., 2012. С. 247; Фонограмма разговора Г. Вильсона с немецким дипломатом Вольфгангом. Июль 1939.

³⁸ Ржевский О. А. Секретные военные планы У. Черчилля против СССР в мае 1945 г. // Новая и новейшая история. 1999. № 3; Безыменский Л. А. Тайный фронт против второго фронта. М., 1987. С. 164–168.

сотрудничество с Советской Россией»³⁹. Однако высшее руководство правящей консервативной партии Великобритании считало иначе. В своем дневнике заместитель министра иностранных дел Великобритании Кадоган записал: «Премьер-министр (Чемберлен) заявил, что он скорее подаст в отставку, чем подпишет союз с Советами»⁴⁰. Лозунг консерваторов в то время — чтобы жила Британия, большевизм должен умереть. Другой альтернативы в арсенале Великобритании не было. К чему подобная позиция привела, хорошо известно. Известно также, что лишь спустя пять лет непрерывных попыток создать совместный антифашистский блок (1934–1939) и убедившись окончательно, что Запад категорически отвергает создание антифашистского блока, Советский Союз был вынужден предпринять конкретные меры, чтобы не оказаться один на один с объединенным Западом.

Одной из мер по недопущению подобного объединения и было подписание пакта Молотова — Риббентропа 23 августа 1939 г. Хорошо известно, что инициатива подписания пакта принадлежала Берлину. Именно Гитлер 21 августа обратился к Сталину с личным посланием. Было предложено, чтобы министр иностранных дел Германии Риббентроп прибыл в Москву 22 или, самое позднее, 23 августа. В послании говорилось: «Напряженность между Германией и Польшей стала невыносимой. В любой день возможен кризис».

Что давало СССР заключение договора от 23 августа 1939 г.?

1. Оно отодвинуло начало войны с 1939 г. на середину 1941 г., что было жизненно необходимо для подготовки страны к отпору фашистской агрессии.
2. Договор 23 августа вбил клин между Берлином и Токио в разгар боев на Халхин-Голе. Для Японии договор был настоящим шоком, одним из последствий чего было заключение 13 апреля 1941 г. неожиданного для Гитлера договора о нейтралитете с Советским Союзом.
3. В IV томе исследования «Германский рейх и Вторая мировая война», изданном в ФРГ в 1983 г., сказано: «Поставки германского оборудования способствовали интенсивному развитию военной промышленности СССР». На основе экономических

³⁹ Жухрай (Мироненко) В. М. Загадка 37 года. М., 2011. С. 23.

⁴⁰ Ржевский О. А. Указ. соч.

соглашений с Германией Советский Союз закупил крайне необходимые ему материалы, оборудование и технологии для нашей военной промышленности.

Гитлер агрессию против СССР открыто называл «общевропейским походом против большевизма». И это было действительно так. Если проанализировать, кто вместе с Гитлером напал на Советский Союз, то по сути против нас выступил так или иначе весь «Евросоюз» того времени: Польша, Румыния, Венгрия, Италия, Финляндия, Португалия, Франция, Дания, Словакия, Хорватия, Испания, Голландия и многие другие⁴¹. Некоторые страны если непосредственно и не участвовали, то ковали фашистское оружие в тылу⁴². Если Гитлер виноват, то они, более 90% европейских государств, как его сторонники и пособники, также виноваты. Значит, надо доказывать, что Советский Союз, как тоталитарное государство, так же виновно в развязывании Второй мировой и еще не наказано, и надо Россию, как правопреемника СССР, судить международным судом, наподобие Нюрнбергского. Идет целенаправленное шельмование и фальсификация нашей Великой Победы.

Страны Балтии, Польша и некоторые другие, как сказал наш президент, «подхрюкивающие» им государства почему-то поставили ОБСЕ и Европарламент «на уши», доказывая, что именно договор Молотова — Риббентропа от 23 августа 1939 г. стал спусковым крючком Второй мировой войны, хотя сам план начала войны был создан еще весной 1939 г. Почему-то поляки проявляют неимоверную активность, считая причиной нападения фашистской Германии на Польшу именно договор от 23 августа 1939 г. Что касается роли нашей Великой Страны в победе над мировым злом — фашизмом и нацизмом, чьими подпевалами были предвоенная Польша и некоторые другие государства, то, наверное, следует послушать авторитетных руководителей стран, которые знали об этих событиях не понаслышке и четко понимали, что они говорят. Ф. Рузвельт — президент США⁴³:

⁴¹ См.: Овчинников А. Они сражались за Гитлера // Комсомольская правда. 2019. 8 мая.

⁴² Суржик Д. Нацистский меч Европа ковала сообща. URL: <https://rusnext.ru/news/1498159396> (дата обращения: 16.08.2020).

⁴³ Франклин Делано Рузвельт, президент Соединенных Штатов Америки, единственный, который переизбирался четыре раза подряд. Рузвельта справедливо считают не только величайшим американским политиком, но одной из центральных фигурой мировой истории.

«С точки зрения большой стратегии, трудно уйти от того очевидного факта, что русские армии уничтожают больше солдат и вооружения противника, чем все остальные 25 государств Объединенных наций, вместе взятых». У. Черчилль — премьер-министр Великобритании: «Я воспользуюсь случаем, чтобы повторить завтра в Палате Общин то, что я сказал раньше, что именно русская армия выпустила кишки из германской военной машины и в настоящий момент сдерживает на своем фронте несравненно большую часть сил противника»⁴⁴. «Красная Армия празднует свою двадцать седьмую годовщину триумфом, который вызвал безграничное восхищение ее союзников и который решил участь германского милитаризма»⁴⁵. И таких высказываний большое количество. Если господам из Европарламента нужны более «свежие» данные, то вот они. В текущем 2020 г. министр иностранных дел ФРГ Хайко Маас в соавторстве с директором Института современной истории Андресом Виршингом, к всеобщему неудовольствию ОБСЕ и Европарламента, в майские дни на весь мир заявили: «В последние месяцы предпринимается все больше попыток переписать историю столь бесчестным образом, и это требует от нас разъяснений, которые в принципе не должны были понадобиться перед лицом незыблемых исторических фактов: Германия единолично развязала Вторую мировую войну нападением на Польшу... Кто ставит это под сомнение и приписывает другим народам роль преступника, тот чинит несправедливость по отношению к жертвам, тот пытается превратить историю в инструмент и раскалывает Европу»⁴⁶. Сказанное выше было подтверждено и усилено: «Германия единственная несет ответственность за развязывание страшной бойни XX столетия, а все остальные трактовки, ставящие под сомнение этот исторический факт, недопустимы и несправедливы по отношению к жертвам национал-социалистического режима»⁴⁷.

Почему Евросоюз так хочет дискредитировать СССР (читай Россию)? Чего он хочет в конечном итоге добиться? Какова его конечная цель? Из вышесказанного однозначно ясно, что большинство европейских государств в годы Второй мировой войны так или иначе

⁴⁴ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. Т. 6. М., 1991. С. 441.

⁴⁵ Переписка председателя Совета Министров СССР, Президента Соединенных Штатов и Премьер-министра Великобритании в 2 т. М., 1976. Т. 1. С. 362.

⁴⁶ Шпигель. 2020. 8 мая. Колонка министра иностранных дел.

⁴⁷ Там же.

были сторонниками и пособниками фашистов на фронте и в тылу. И это было действительно так. Любой историк прекрасно знает, как устанавливались в 20-е гг. XX в. фашистские режимы в Европе: Венгрии (1920 г.), Италии (1922 г.), Болгарии и Испании (1923 г.), Албании (1924 г.), Германии (1933 г.), Греции (1925 г.), Польше, Литве и Португалии (1926 г.), Югославии (1929 г.). Против Советского Союза воевали Венгрия, Италия, Румыния, Финляндия, Словакия, Хорватия, на советско-германском фронте находились французы, испанцы, норвежцы, датчане, голландцы и др. При этом очень важно учесть тот факт, что некоторые страны если непосредственно и не участвовали в нападении, то ковали фашистское оружие в тылу.

Некоторые государства, например Чехословакия, пытаются объяснить свое активное участие в эффективном вооружении гитлеровской Германии и ее сателлитов тем, что чехов заставляли работать на заводах, выпускающих боеприпасы, танки, самолеты, тягачи и другую технику в огромных масштабах. Но при этом они как-то «забывают», что за это они получали награды, чины, хорошую зарплату, паек и многие другие блага. Объяснение выглядит, мягко говоря, не очень убедительно.

Гитлер в открытую агрессию против СССР называл «общеевропейским походом против большевизма». Становится очевидным и понятным, за что против нас ополчились. Сегодня мы можем с полным основанием констатировать, что мы победили не только немецкий фашизм, а европейский фашизм, а этого нам не простят. Как нам кажется, именно это положение является предпосылкой того, что евробюрократы всех мастей в лице ОБСЕ и Европарламента и других не могут простить нам нашу Великую Победу.

Даже в такой стране, как ФРГ, где немецкий народ в полной мере хлебнул военные беды, снят запрет на издание книги Гитлера «Моя борьба». В начале 2016 г. книга была выпущена первым тиражом 4 тыс. экземпляров. Уже выпущено 6 изданий. Нам кажется, этот факт говорит о многом. К сожалению, в ряде стран Евросоюза, таких как страны Балтии, на Украине и др., стал бурно развиваться неонацизм. Фашистские прихвостни и их современные последыши устраивают факельные шествия, в рядах которых идут и руководители этих государств, чиновники и депутаты. Им выплачивают государственные пенсии и пособия... Евросоюз об этом знает и в лучшем случае об этом говорит, но никаких конкретных мер не предпринимает.

Делая обобщенный вывод, хотелось бы ответить еще на один очень важный вопрос: чего добиваются Запад и его союзники, тратя огромные средства и иные ресурсы для всемерной фальсификации реальной истории Второй мировой (Великой Отечественной) войны?

Как видно из решений Европарламента, ОБСЕ (десятков резолюций и иных документов, принятых этими органами), сотен томов по истории Второй мировой войны, написанных в США, Великобритании, Канаде и странах Евросоюза, главная цель всех этих манипуляций — поставить знак равенства между идеологией фашизма и социализма (коммунизма), хотя это в принципе невозможно. Идеологией СССР был, безусловно, интернационализм. А у фашистов — расовая теория. Людей делили на арийцев — высшую расу, расу господ, расу творцов и носителей цивилизации; на англосаксов — высокоразвитую популяцию, близкую к высшей расе; на славян — унтерменши (недочеловеки). В ходе Второй мировой войны репрессии, проводимые из данных соображений, стали осуществляться не только в нацистской Германии, но и на оккупированных ею государствах.

Следующая цель — судить Россию международным судом, перед которым стоят следующие задачи:

- лишить Россию (как правопреемницу СССР) места постоянного члена в Совете безопасности ООН, поскольку будто бы СССР все эти годы занимал его незаконно;
- заставить Россию под давлением политических и экономических санкций США и Европы вернуть «незаконно оккупированные» территории: «Восточную Пруссию» (Калининградскую область) — ФРГ; Курильские острова — Японии; Карелию, Выборг — Финляндии и далее по списку;
- безоговорочно вернуть Крым Украине, прекратить поддерживать Новороссию, Осетию, Абхазию, Приднестровье;
- выплатить странам Балтии и Польше более 150 млрд долларов за многолетнюю оккупацию.

Это еще не все. Запад, в лице своих высших чиновников (К. Райз, М. Тэтчер, З. Бжезинского и др.), считает, что Сибирь слишком большая территория, чтобы принадлежать одной стране. Озвучена откровенная претензия на расчленение России! Нам до сих пор не вернули только в Беринговом море 23,7 тыс. кв. км морских акваторий и огромные акватории 47 тыс. кв. км в Баренцевом море (исключительной

экономической зоны СССР), «подаренные» Горбачевым и Шеварнадзе США (соглашение Бейкер — Шеварнадзе от 1990 г.) и Ельциным в 1993 г.⁴⁸ Каждый из нас прекрасно понимает, что пересмотр истории Второй мировой — Великой Отечественной войны непосредственно касается не прошлого, а нашего настоящего, соответственно, и нашего будущего.

⁴⁸ Согласно экспертным оценкам. Речь идет о том, что подобный договор блокирует с востока Севморпуть, который Россия объявила стратегической задачей; речь также идет о крупных нефтегазовых месторождениях «Наваринское» и «Алеутское». Американцы распродали в спорных районах участки американским кампаниям. Ресурсы только проданных американцами участков оцениваются 200 млн тонн нефти и 200 млрд куб. м газа, не говоря уже что там вылавливалось (сейчас наших рыбаков туда не пускают) сотни тысяч тонн рыбы.

Память о Второй мировой войне на линии огня: победы, поражения, уроки

Большая честь — представлять на столь важном научном форуме Республику Беларусь, которая всегда для России будет братской. Или не будет вообще. Уроки Великой Отечественной войны, Второй мировой вопиют об этом, призывают к нашей общей исторической памяти. Глубокие, разноплановые доклады, прозвучавшие на пленарном заседании конференции и в ходе работы секции, в тех или иных аспектах уже обозначили самую главную, общую проблему, которая лежит в основе и моего обращения к коллегам-единомышленникам, озабоченным опасной, стремительной деформацией исторического сознания как за рубежами нашего общего Отечества, так и во внутренних пределах его. Замысел, диагноз этих процессов установлен точно и сомнений не вызывает. Однако хотелось бы привести один пример, который лично меня повергает в растерянность. Пример связан с современной белорусской ситуацией, очень ответственной и, прямо скажем, не очень простой.

30 июня 2020 г. в Светлогорском районе Гомельской области был открыт мемориальный комплекс на месте сожженной и не восстановленной после войны деревни Ола. Воскрешением памяти о деревне-страданице занимался выдающийся современный белорусский поэт, сын фронтовика Великой Отечественной войны, почетный гражданин города Светлогорска Изяслав Григорьевич Котляров. Наконец дело его жизни свершилось: мемориальный комплекс был открыт. Что такое деревня Ола? Из глубочайшего уважения к благородству

¹ *Афанасьев Иван Николаевич* — заведующий кафедрой русской и мировой литературы Гомельского государственного университета им. Франциска Скорины, профессор Академии военных наук России (г. Гомель, Республика Беларусь).

человеческого и гражданского подвига Изяслава Григорьевича сообщу об этом словами из авторского предуведомления к его документальной поэме «Ола»: «14 января 1944 года фашисты расстреляли и сожгли в д. Ола Светлогорского района Гомельской области 1758 человек, в том числе 950 детей, собравшихся из соседних селений в ожидании наступающей Советской Армии». Одна карательная операция одного дня унесла на Гомельщине десять Хатыней! Между тем — трагедия, до недавнего времени практически забытая.

Открытие мемориала, созданного коллективом гомельских архитекторов под руководством С. В. Первицкого, было торжественным и трогательным. Было много слез. Церемонию почтил своим присутствием и курировал возведение мемориала, открывал его президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко. Казалось, что с этой памятью никакие силы совладать уже не смогут. Но что мы видим в Беларуси сейчас, спустя считанные недели после слез, пролитых на мемориале в Оле? Мы видим новые-старые символы так называемого «протеста». Мы видим бело-красно-белую символику. Мы видим бело-красно-белые полотнища, которые для памятливых белорусов намертво связаны с преступлениями гитлеровских коллаборантов в годы оккупации. Непреложный исторический факт: антипартизанские националистические формирования создавались гитлеровцами именно под этими знаменами. Известен ли нынешним участницам «женских маршей Беларуси», облаченным в бело-красно-белые одежды, тот трагический исход белорусских женщин в пламя Олы, который в дьявольски-страшное число 1758 убиенных включил 508 (!) женщин: матерей, дочерей, бабушек, сестер, внучек, вдов... Вот он, вечный, скорбный **ЖЕНСКИЙ МАРШ БЕЛАРУСИ**, о котором под бело-красно-белым флагом не задумывается никто.

И далеко ли до национального позора, если атмосферу белорусских городов и весей 2020 г. наполняют раскатные ритмы гимна послевоенной белорусской эмиграции «Магутны Божа»?

Гениальные стихи!.. Правда, вдохновенно рожденные в оккупированном Минске 1943 г. поэтессой Натальей Арсеньевой — женой гитлеровского коллаборанта и завсегдатаем газетных полос оккупационной прессы. Избыток патетических чувств, поощренных «новым порядком», овладел гимнописицей тогда, когда у Беларуси уже были Борки (деревня в Могилевской области, 1800 жителей которой и прилегающих поселков в июне 1942 г. были уничтожены интернациональным

карательным батальоном СС под командованием Дирлевангера). Когда уже была Хатынь. И вот-вот должна была случиться Ола...

На наших глазах совмещается несовместимое: то, что не может, не должно было прорасти на белорусской почве, — прорастает. Входит в силу и во вкус. Неверно и нечестно говорить о том, что люди, которые ходят под бело-красно-белыми знаменами (в большинстве своем, быть может, чудесные в детской, юношеской наивности молодые ребята), отдают себе отчет в том, что они избрали в качестве символов своего другого мнения. Но в том и ужас ситуации, что нынешнее поколение перестало отдавать себе в этом отчет! Не в этом ли самая страшная угроза? Можно ли найти какой-нибудь другой вопрос, который столь жестко и требовательно соединял бы все проблемы нашего мировоззренческого и нравственного устройства: жизненную, бытийную, экзистенциальную, научную, идеологическую, воспитательную, политическую — какую угодно еще?

В анкете конференции участникам предложено было выбрать какой-либо один пункт из перечня актуальных задач, обусловленных памятью о Великой Победе. Право, теряешься, делая выбор: все важно, все не второстепенно. Но, коль условие поставлено, большинство наверняка предпочтет воспитательное значение памяти о Победе прочим иным, ведь воспитательный момент включает в себя все остальное: и образование, и просвещение.

По моему глубокому убеждению, подчиненному не логике анализа, а конкретной практике, опыту преподавательской работы в классическом университете, молодежь и, увы, даже некоторые коллеги теряют живое ощущение истории. Важнейшая задача, которая встает во весь свой исполинский рост: как живое ощущение истории вернуть?

История гораздо ближе к нам, чем представляется. Полезным, познавательным и поучительным является обращение к немецкой историографии и к оценке ею истории войны. Мне посчастливилось много лет общаться с профессором Иоахимом Фестом, который в свое время был соиздателем и редактором ведущей общенациональной газеты Германии «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг». Это незабываемые десять лет переписки, телефонных бесед и двух личных встреч в особняке И. Феста в Кронберге — элитном пригороде Франкфурта-на-Майне. В историю Германии и мировой гуманитарной мысли И. Фест вошел, прежде всего, как автор классической биографии Гитлера и цикла работ, посвященных истории Третьего рейха и написанных

с четких антифашистских позиций, которые порой не щадили национальных чувств немцев. В то же время одной из важнейших своих книг И. Фест считал работу, посвященную антигитлеровскому сопротивлению в Германии. В центре внимания автора было покушение на Гитлера 20 июля 1944 г., неудачно осуществленное полковником Штауффенбергом. Однако И. Фест стремился дать полную историю всего германского сопротивления. Английское и американское издания книги, вышедшей в англо-саксонском мире под названием «Plotting Hitler's death: The story of the German Resistant», были подарены И. Фестом автору этих строк.

И. Фест, который в последние годы жизни вступил в жесткий, непримиримый спор с германским нобелевским лауреатом по литературе Гюнтером Грассом, признавшимся на склоне лет в своей службе в подразделениях СС, считал невозможным претендовать на роль морального авторитета нации и скрывать такое прошлое от соотечественников. Нравственное утешение, по мысли И. Феста, искать немцам следовало в другом. И. Фест много потрудился для того, чтобы германский народ получил право хотя бы на момент национального самооправдания в той трагедии фашистского периода в собственной судьбе, которая всеобщему умопомрачению и грехопадению противопоставила отчаянное мужество антифашистов. Неслучайно по моему приглашению, оформленному вполне официально — от имени руководства Гомельской области, И. Фест собирался приехать в Беларусь. Была предусмотрена дискуссия, одним из участников которой должен был стать Лев Александрович Аннинский. Лев Аннинский с большим интересом относился к трудам Феста. Мне тоже посчастливилось лично знать Льва Александровича, который по приглашению нашей кафедры в 2008 г. читал курс лекций по русской поэзии в Гомельском государственном университете имени Ф. Скорины. А еще раньше, опубликовавшись в научном сборнике нашей кафедры «Война в славянской литературе» (2006) и познакомившись с напечатанной там же главой из знаменитой книги И. Феста «Гитлер», откликнулся на размышления германского профессора статьей «Тевтобург — Аушвиц: Как немец стал гитлеровцем». К несчастью, преждевременная кончина И. Феста не позволила осуществиться его приезду и интеллектуальному диспуту, исходные условия которого были заданы Львом Александровичем в статье: «Народ поэтов и мыслителей поверил в миф — не в миф политического обустройства Германии, а в миф

судьбоносного переустройства Вселенной. Захотелось вернуть запустевшему миру простоту, величие, экстаз, харизму и гениальность. <...> Иоахим Фест пишет: вопреки бытующему мнению, развитие немецкого Духа отнюдь не ведет только к Освенциму. Как хотелось бы, чтобы он оказался прав!»²

Как хочется, чтобы Лоэнгрин, ставший эмблемой тогдашнего германского подъема, не подменил собой всадника с древнего белорусского символа «Погоня»...

Мне памятно, с каким уважением И. Фест говорил о том, что он приедет в Беларусь, сражавшуюся с фашизмом. И приедет в Беларусь, которая не только сама сражалась с фашизмом, но именно тогда, в 2006 г., организовала в Гомеле выставку о деятельности немецкой антифашистской организации «Белая Роза». И. Феста это известие тронуло невероятно. Он готов был тотчас отправиться в путь, но его удерживали врачи. Как очень скоро выяснилось — удерживали совсем не напрасно. В сентябре 2006 г. Иоахима Феста не стало... Осталась светлая память о благородном человеке и настоящем патриоте Германии. Осталось чувство дружеского участия, которое, по теории «трех рукопожатий», приближает современников к важнейшим фигурам в истории XX в., порой поистине демоническим, страшным. Автор книги о Шпеере и редактор воспоминаний главного архитектора Третьего рейха в этой цепочке человеческих соприкосновений не только отворяет двери бункера фюрера, но и отрезвляет современников нынешних белорусских «протестантов» изощренным, дьявольским сходством мотивов и соблазнов в европейских событиях 1930-х гг. и в белорусских волнениях образца 2020 г.

И. Фест писал о злой насмешке истории над германским простодушием — «бидермайером», из которого обыватель, доселе безропотный и податливый, устремился в «модерн». Мы в Беларуси XXI в. изумляемся потребительской среде вполне себе европейского достатка, которая парадоксальным образом вскормила как бы проевропейский белорусский протест. И. Фест разгадывает феномен Шпеера и видит в нем моральный крах чистого технократизма. А белорусская IT-сфера, заботливо вскормленная государством за счет многих других созидательных социальных сегментов общества, превращается в одну из главных движущих сил белорусского «протеста» и, пожалуй, закономерно находит

² Родина. 2006. № 9. С. 17.

поддержку там, где в чести бандеровское прошлое или марши недобитых эсэсовцев (как на Украине и в Прибалтике, куда айтишники-белорусы с легкостью переводят бизнес). Кто из думающих людей, не потерявших ощущение земной почвы под ногами, назовет эту метаморфозу неожиданной, случайной? Кто из них не назовет происходящее в том числе бунтом ЦИФРЫ, технократически заменившей вкус живой жизни? До нравственных ли терзаний, если даже слово «Клава» пробуждает не легкое томление от очарования женщины, а механическую чечетку на костяшках компьютерной КЛАВИатуры?

Живое ощущение истории лишает нейтралитета даже формулировку темы нашей конференции: «Вторая мировая война». Во многих постсоветских республиках, которые отягощены поиском нового (по их представлениям) национального смысла, эта формулировка вступает в сражение с другой: «Великая Отечественная война». Осмелюсь даже предположить, что россияне не всегда в полной мере это осознают. Современная белорусская коллизия — яркое тому подтверждение. Между тем на разных уровнях общественной и государственной жизни национальных младогосударств появляются те, кто публично задается вопросом: «А была ли для белорусов, для украинцев и прочих Вторая мировая война Великой Отечественной?» Печально, но линия преемственности в современной белорусской историографии более чем очевидна: Отечественная война 1812 г. давно превратилась во «Французско-российскую». Удивительно ли, что в год 75-летия Великой Победы на Гомельщину прибывает выставка **«Немецко-советская (!) война: украинский взгляд»**, которая экспонируется в Брагинском районе области, на границе с Украиной? Наверное, этот конфликт не так ощутим в России. Но заслуга конференции в том, что из тематического многообразия докладов, соединивших разгром гитлеровской Германии и капитуляцию милитаристской Японии, возникает то самое «Великое Отечественное» содержание Второй мировой войны, которое лично для меня является, если угодно, переживанием родственным.

Глубоко и увлекательно на конференции говорилось о том, что такое Япония в годы Второй мировой войны, что такое ее боевой потенциал и возможности, в последний момент пресеченные безукоризненной стратегической операцией Красной армии, которой принадлежит решающий вклад в Победу на Востоке. Однако Япония в годы Второй мировой — Отечественной — войны — это Япония, которая все-таки

не открыла фронт против Советского Союза в 1941 г. И во многом потому, что гитлеровская Германия увязла и понесла серьезные потери в Смоленском сражении. Говорю об этом с особой гордостью, потому что под Смоленском отличился и мой дед — военный комендант Соловьевой переправы полковник Александр Ильич Лизюков, который одним из первых в начальный период войны 5 августа 1941 г. получил звание Героя Советского Союза по отдельному Указу Президиума Верховного Совета СССР. Полковник А. И. Лизюков, по свидетельству секретаря Смоленского обкома ВКП(б) М. Д. Попова, собирал штабы двух окруженных под Смоленском армий, фактически выводил эти армии из котла через Соловьеву переправу и, по сути, предопределял будущее решение Токио. Оно, безусловно, было бы иным, случись под Смоленском катастрофа, от которой спасла переправа. «Великий Отечественный» подвиг и Александра Лизюкова, и тысяч, миллионов людей здесь, на смоленском рубеже, отозвался в Великой Отечественной победе на завершающем этапе Второй мировой войны в сентябре 1945 г.

Грустно это признавать, но произошла определенная трансформация исторической памяти. И сейчас основное кредо в отношении к ней можно выразить, не мудрствуя лукаво: **необходимость простоты**. Когда у нас была твердая почва исторического знания в школе, в специальных и высших учебных заведениях, мы охотно погружались в нюансы. Даже в ситуации фронта, который стоял за общенародное правое дело в Великой Отечественной войне, мы уходили от двучетного представления, что такое хорошо и что такое плохо. Мы начинали искать полутона. И не заметили, как почва из-под ног ушла, как она была размолота во что-то невообразимое. И вместо четкого представления, что такое хорошо и что такое плохо, что такое тьма и что такое свет, мы вдруг остались с деталями, с частностями, с полутонами, которые сейчас замещают целостность всего исторического знания. Или нам кажется, что замещают. Во всяком случае, медицинская карта Зои Космодемьянской сделалась важнее бессмертного подвига героини-мученицы, а арифметика сражения на Волоколамском шоссе — выше воинского чуда, сотворенного реальными героями-панфиловцами... Возвращение к тем вопросам, которые в стихотворении В. Маяковского задавал еще кроха сын («что такое хорошо?» и «что такое плохо?»), как бы странно это ни прозвучало на высоком научном форуме, нынче — определяющая, важнейшая задача. Мы обязаны,

вынуждены восстанавливать просто систему координат, которая, к сожалению, в значительной мере потеряна.

Вспомним великую прозу фронтовика Василя Быкова. Его герои конфликтуют со «своими», с теми, кто сидит в одной траншее, в одном окопе. В повестях «Мертвым не больно», «Атака с ходу», «Третья ракета», «Круглянский мост», «Сотников», «Его батальон» иноземный неприятель не так страшен, как собственная слабость и подлость других, посягнувших на фронтовое товарищество. В быковском конфликте, отторгнутом многими критиками в 1960-е гг., решался вопрос о том, кто достоин будущей справедливой жизни после Победы и кого достойна жизнь после войны.

Война закончилась. Наступил мир. Поколение победителей, исполнив свой святой долг, почти ушло. На быковском рубеже, в «завтра» его героев теперь остались мы: со всем грузом ответственности и некупимой вины перед ними.

Подлый умысел вызывает к «равной ответственности» гитлеровской Германии и Советского Союза. Невежество потакает подлости. На этой передовой личный спрос с каждого учиняет семейная память. Однако и она подвержена ущербу 1990-х, изъязвлена лакунами беспомысленности, заполнить которые усилиями семьи нередко оказывается невозможным. Требуются усилия коллективные, системные, согласованные с теми преимуществами и задачами, которые призвана решать система образования.

В 2013 г. при кафедре русской и мировой литературы Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины, которую имею честь возглавлять и представлять на конференции, был открыт уникальный «Литературно-просветительский центр памяти о Великой Отечественной войне “Патриотика”». Центр был создан по моей инициативе и на основе моей личной коллекции, сложившейся в процессе многолетнего сотрудничества с гуманитариями из России. Открытие Центра поздравительной телеграммой приветствовал президент Российского фонда культуры Н. С. Михалков, который принял участие в книгоиздательском проекте кафедры.

«Патриотика» является действующей лабораторией-музеем историко-мемориальной направленности. В Центре представлены уникальные экспонаты: книги и автографы писателей-фронтовиков, маршала Советского Союза Д. Т. Язова; наградные листы наших выдающихся современников — участников Великой Отечественной

войны; семейные родословия и экспонаты преподавателей и студентов на тему Великой Победы; книжное собрание знаменитых российских гуманитариев, которые участвовали в проектах кафедры русской и мировой литературы, выступали с лекциями перед студентами и преподавателями филологического факультета нашего университета. В стенах «Патриотики» преподается мой авторский спецкурс «Литература о Великой Отечественной войне как исторический и художественный феномен», который в нашем университете введен в учебную программу. Нам повезло, посчастливилось, мы — успели познакомиться, пообщаться и подружиться с великими писателями фронтового поколения: Василием Субботиным, Даниилом Граниным, Юрием Бондаревым, Владимиром Карповым, Анатолием Генатулиным, Артемом Анфиногеновым, Борисом Васильевым, Григорием Баклановым, Василем Быковым, Алесем Адамовичем. Нашими собеседниками и наставниками стали Лев Аннинский и Андрей Турков, Игорь Золотусский и Лазарь Лазарев, Василий Песков и Екатерина Симонова-Гудзенко, Юрий Шевчук (группа «ДДТ») и Игорь Шумейко, Юрий Борисенко и Фекла Толстая, Борис Олейник и Степан Анастасович Микоян, Валентин Курбатов и Сергей Небольсин, Иоахим Фест и Валентин Распутин.

Все материалы Центра представляют собой результат многолетней систематической работы, тесных и плодотворных связей с патриотическими общественными объединениями России. Георгиевская ленточка как символ Великой Победы никогда не исчезала из «Патриотики», выдержала все конъюнктурные поползновения недавнего времени и остается смысловым и художественным акцентом всей экспозиции. Центр является зримым свидетельством долгосрочного сотрудничества кафедры с Воронежской областной общественной организацией «Наше общее дело» и Воронежским историко-патриотическим поисковым объединением «Дон» в деле увековечения подвига героев Великой Отечественной войны. В экспозиции музея представлены раритеты военной поры, найденные воронежскими поисковиками в тех самых местах, где в июле 1942 г. сражалась 5-я танковая армия под командованием гвардии генерал-майора Александра Ильича Лизюкова.

Сейчас, обсуждая ситуацию в Беларуси, задаются вопросом: «Каким образом Россия может поддержать Беларусь на общем гуманитарном поприще?» Ответ прост и, как многие другие важные начинания, требует только политической воли. Можно финансовыми вливаниями взращивать новый казенный патриотизм, определять благородной

идее денежное довольствие. А можно обратиться к реально существующему опыту работы конкретной университетской кафедры русской и мировой литературы Гомельского университета. Кстати говоря, она единственная из всех, что существуют в региональных университетах Беларуси, сохранила в своем названии это сочетание: «русской литературы». Лично для меня — определение принципиальное. Основополагающее. Все остальные учебные подразделения подобного типа давно стали либо кафедрами филологии, либо кафедрами литературы (вообще), либо кафедрами языка и литературы. Опыт нашей работы, который дан в беглом перечислении, заслуживает того, чтобы быть поддержанным Россией: и финансово, и организационно. Минимальной поддержки, хотя бы соотносимой с финансовой политикой китайских Центров Конфуция (куда в Беларуси охотно переходят русисты), было бы достаточно, чтобы избежать рыночной «оптимизации», сохранить не только коллектив, но и все, что создано за многие годы. Создано не за зарплату, гранты и премии. Сделано от души и от чистого сердца, с болью за наше общее с Россией прошлое и с надеждой на общее с Россией будущее.

Важно, чтобы горизонт политической и государственной воли включал в себя также подготовку самих кадров высшей квалификации, которые будут учить, просвещать, воспитывать. Давно настала пора отменить искусственные барьеры в общем образовательном и научном пространстве Российской Федерации и Беларуси. Почему дипломы доктора или кандидата наук, полученные белорусами в России, могут быть признаны в Республике Беларусь только в том случае, если предварительное разрешение на защиту в России соискателю выдано белорусским ВАКом? Кто возьмется абсолютно исключить ситуацию, когда белорусский соискатель, написавший работу об «Отечественной войне 1812 года», вынужден будет испрашивать позволения на защиту в России у белорусского экспертного сообщества, для которого эта война уже «Французско-российская»?

Уместно ли претендовать в научном докладе на решения государственного масштаба? Да, если и Центр «Патриотика» в провинциальном Гомеле вполне может состояться на уровне государственных задач, поручкой которому — наша генетическая память о Великой Победе. У каждого народа есть много поворотных вех в истории. Можно погрузиться в седую древность и найти успокоение историческому чувству в символических фигурах Миндовга или Костюшко. Но это никогда не отменит

того, что Великая Победа навсегда стала первоначалом нашей исторической судьбы, истоком истоков, поскольку спасла и белорусов, и русских от абсолютного конца. Исторического небытия. Превращения в НИ-ЧТО. Генетическая память простого человека способна переформатировать в четыре года Великой Отечественной войны все, что накоплено было за тысячелетие прежней жизни. В архиве «Патриотики» хранится записанный девочкой-магистрантом рассказ о белорусской деревне Колки, уничтоженной гитлеровцами. Название деревни, конечно, имеет свою научную этимологию, которую филолог-специалист готов живо разложить по полочкам. Однако народная память устанавливает собственный этимологический канон и объясняет название старинной деревни тем, что после страшной трагедии из всех жителей уцелел всего один человек. Один, словно «кол». И происхождение имени убитой деревни теперь уже навсегда ведут от несчастного сироты: «Кóлки».

Государство с его церемониальностью и важностью — всего лишь несмышленный подросток перед такой памятью. Если отвернется от нее. В то же время простая человеческая инициатива, ею порожденная, возносит народный почин на уровень государственного решения.

Важнейшим достижением Центра «Патриотика» явилось восстановление фронтовой биографии Героя Советского Союза А. И. Лизюкова и документальное обоснование его полководческих заслуг, которое поддержало инициативу воронежской общественности по посмертному награждению Александра Ильича наградой современной России.

15 февраля 2018 г. президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин отдельным Указом наградил А. И. Лизюкова полководческим орденом Жукова (посмертно) «за умелую организацию боевых действий войск в ходе стратегических операций Великой Отечественной войны в 1941–1942 годах».

Эта награда — реквием всем героям 1941–1942 гг. Мы непросто мало говорим о них. Мы знаем маршалов Победы, поклоняемся полководцам-победителям. Но без миллионов и миллионов героев — командиров и рядовых, которые легли в нашу землю в первые два года войны, которые не дожили до погон и будущих победоносных наступлений, — никаких маршалов Победы не было бы. Это явное упущение исторического, в том числе стратегического, знания, которое, безусловно, следует исправить. Цена стратегических успехов 1941 и 1942 гг., цена противостояния под Москвой и Воронежем — спасение державы и народа.

Полководца Великой Отечественной войны, равного Александру Лизюкову, в Республике Беларусь нет. И президент В. В. Путин совершил беспрецедентный, исторический шаг: спустя 76 лет после гибели наградил полководческим орденом современной России человека, уже удостоенного звания Героя Советского Союза. Это впервые. И вряд ли повторится. Только наличие Звезды Героя Советского Союза у Александра Ильича воспрепятствовало тому, чтобы белорусу было присвоено звание Героя России. Экспертная комиссия «Общевойсковой академии Вооруженных сил Российской Федерации» в 2013 г., изучив материалы командирской и военной деятельности Александра Ильича, вынесла заключение, что генерал-майор А. И. Лизюков посмертно го звания «Герой России» достоин.

Даже после смерти в бою герои не оставляют позиций. Свергнутые с пьедесталов за пределами союзного государства, они возрождаются в Ржевском мемориале Советскому солдату и в гомельском памятнике трем братьям-белорусам Лизюковым, который был торжественно открыт 3 июля 2019 г. на площади Победы в Гомеле в ознаменование 75-летия освобождения Беларуси (авторы — скульптор В. А. Кондратенко и архитектор С. В. Первицкий). На пьедестале воздвигнуты бронзовые скульптуры трех героев, двое из которых отдали свою жизнь, защищая русскую землю. Генерал Александр Лизюков погиб в июле 1942 г. под Воронежем в танковом бою. Его младший брат, Герой Советского Союза, полковник, командир 46-й истребительно-противотанковой артиллерийской Ленинградской бригады Петр Лизюков принял последний бой под Кенигсбергом в январе 1945 г. и похоронен в братской могиле в поселке Ушаково Гурьевского района Калининградской области. Третий брат Евгений Лизюков был легендарным партизанским командиром в Беларуси и погиб в июле 1944 г., вступив в бой с окруженной немецкой частью по пути на знаменитый партизанский парад в освобожденном Минске.

Все трое братьев Лизюковых погибли, как простые солдаты, в ближнем бою.

Все трое были похоронены в братских могилах.

Все трое посмертно награждены.

Петр Лизюков посмертно удостоен звания Героя Советского Союза 19 апреля 1945 г.

Евгений Лизюков Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 декабря 1948 г. посмертно был награжден орденом Отечествен-

ной войны 1-й степени (спустя четыре с половиной года после гибели 7 июля 1944 г.).

В Беларуси это единственная семья, в которой погибли все трое братьев, а двое из них при этом стали Героями Советского Союза. В СССР было не более двенадцати таких семей.

В церемонии открытия памятника принимала участие делегация из Воронежа во главе с мэром города В. Ю. Кстениным, который днем ранее подписал с руководством Гомеля Соглашение об установлении побратимских отношений между двумя городами. Официальное воплощение получила инициатива, с которой в 2010 г. выступили участники Международной научной конференции «Война в судьбе литературы и культуры», организованной нашей кафедрой.

У Беларуси много настоящих друзей в России. В созидательном соглашении руководства и общественности в Липецкой области, в мемориальном комплексе «Тербунский рубеж» в 2020 г. открыт бронзовый бюст Александра Лизюкова. Общественное объединение «Русская община» в Калининградской области объявило сбор средств для установки бронзового бюста Героя Советского Союза Петра Лизюкова и обустройства сквера его имени на том месте, где герой-белорус пал смертью храбрых в январе 1945 г. В поселке Ушаково Калининградской области установлены информационные стенды в честь семьи Лизюковых, выдвинута инициатива о присвоении одной из новых улиц имени Петра Лизюкова. В Воронеже прах Александра Лизюкова покоится на центральном Мемориале Славы города, а благодарные жители по своему собственному почину обустраивают неподалеку сквер имени белорусского героя. Народным почином установлен Поклонный Крест на месте фронтового захоронения Александра Лизюкова и семи неизвестных воинов у Знаменского Храма в селе Лебяжье Рамонского района Воронежской области, а место гибели Александра Ильича увековечено в памятном знаке. Камень памяти о военном коменданте Соловьевой переправы под Смоленском Александре Лизюкове дополнил мемориал героям войны в поселке Соловьево Смоленской области. В 2009 г. на поля Воронежской области вышел первый в России именной зерноуборочный комбайн «Командарм А. И. Лизюков», изготовленный на Родине героя в Гомеле и профинансированный правительством Воронежской области. За штурвалом комбайна на первом покосе в годовщину гибели Александра Ильича был сам губернатор А. В. Гордеев (ныне — вице-спикер Государственной думы Российской Федерации).

Именно Воронежская область в лице нынешнего губернатора А. В. Гусева первой поддержала обращение гомельской и воронежской общественности о проведении в Гомеле встречи руководителей тех регионов России и Беларуси, где сражались братья Лизюковы. 19 декабря 2019 г. мне посчастливилось сообщить об этой инициативе президенту В. В. Путину на большой пресс-конференции и попросить у него поддержки. Это совершенно новый формат сотрудничества, максимально «очеловеченный», замкнутый на конкретных человеческих судьбах и не повторяющий повестку ежегодных Форумов регионов Беларуси и России. Неслучайно президент поблагодарил за эту инициативу, пообещал «обязательно посмотреть» ее и поддержал. Социально-экономические перспективы межрегионального взаимодействия, обусловленные живой, плодоносящей памятью о подвиге наших общих героев, трудно переоценить. Перед требовательным взором павших защитников Отечества не остается места мелочной конъюнктуре и сиюминутным интересам, а единение становится не только экономической, но, прежде всего, человеческой потребностью всех, кому дорого ответственное звание наследников Победы. В противном случае для чего были принесены на ее жертвенный алтарь жизни лучших сынов и дочерей Родины? Если угодно, это второй Парад Победы, который должна провести именно Беларусь. В годы войны Беларусь потеряла каждого третьего, а значит, понесла самые большие потери в процентном отношении к численности населения. К слову, довоенная численность населения Беларуси не восстановлена до сих пор.

Точкой притяжения, объединения усилий гомельский памятник Братьям Лизюковым станет не случайно. История сама плетет символическую вязь.

География подвигов братьев отражает всю историю Великой Отечественной войны: Москва и Московская область, Петербург-Ленинград и Ленинградская область, Смоленская, Воронежская, Новгородская, Волгоградская, Калининградская, Липецкая области.

Совсем чуточку не хватает, чтобы на доме по улице Разъезжей, 37, в Санкт-Петербурге, где в 1930-е гг. проживал Александр Ильич Лизюков, была установлена в его честь памятная доска, о чем ходатайствовали автор этих строк и Марина Данииловна Чернышева-Гранина — директор «Центра сохранения и популяризации наследия Д. А. Гранина», дочь легендарного писателя, который сыграл огромную роль в награждении Александра Ильича. Презрен-

ный металл, надобный для изготовления и установки доски, не вправе быть сильнее нашей памяти, совести и государственной воли. Надеемся, что и на мемориале в подмосковной Яхrome в честь воинских формирований, отстоявших Москву, откуда совершенно справедливо соскоблили имя генерала Власова, появится другое: Александра Лизюкова. И не по табели о рангах, как то приличествует заместителю командующего 20-й армией, Герою Советского Союза полковнику Лизюкову. А по исторической и человеческой справедливости, которая устанавливает подлинную иерархию подвигов и злодеяний.

Александр Лизюков, боевой путь которого продолжался 13 месяцев, четырежды представлялся к государственным наградам: трижды — к ордену Красного Знамени (в том числе посмертно) и один раз — к ордену Ленина за Москву, уже являясь Героем Советского Союза. Награждения не состоялись по субъективным причинам (об этом нашу семью известило Министерство обороны России). Давно отгремели пушки, но рикошет вражеских орудий все еще целит в наших героев. В то время как из четырех наградных листов Александра Ильича комиссия Министерства обороны Российской Федерации выбирает подписанный командующим Калининским фронтом И. С. Коневым, в Праге убирают памятник советскому маршалу, чтобы поставить какое-то невообразимое сооружение в честь бойцов так называемой «Русской освободительной армии» Власова. Однако именно Александр Лизюков, восстановленный (в том числе благодаря Ивану Степановичу Коневу) в своих исторических правах, выносит власовщине и власовскому мифу смертный приговор. И никакая мерзость последышей отменить его не в силах. Приговор приведен в исполнение тогда, когда, по свидетельству маршала Г. К. Жукова, бригады Лизюкова закрывали «дырку» в нашей обороне в 30 км от Кремля и начинали контрнаступление под Москвой. Тогда, когда под личным руководством Лизюкова были освобождены Красная Поляна, Солнечногорск и Волоколамск, а он сам, лично, трижды в пешем строю водил бойцов в атаку. Когда 4 января 1942 г. этот приговор истории Власов собственной рукой утвердил себе сам, подписав наградной лист на Александра Лизюкова, где черным по белому вынужден был признать очевидное и расписаться в своей непричастности к победам 20-й армии на ближних подступах к столице: «Товарищ Лизюков все время руководил боевой деятельностью войск 20-й армии».

История выстроила не столь уж причудливый и никак не случайный треугольник «Конеv — Лизюков — Власов», обозначив нерв и суть сегодняшней битвы за правду о войне и ее настоящих героях. Правда, по странному стечению обстоятельств эти факты (для власовского мифа убийственные) в публичном информационном и идеологическом, политическом пространстве так и не были озвучены. То, что сделал верховный главнокомандующий Российской Федерации, оказалось не под силу идеологам. Не потому ли ни один из российских каналов, куда были отправлены пресс-релизы об открытии памятника в Гомеле, не проявил заинтересованности в освещении этого события? Неинтересным, не заслуживающим «информационного повода» оказался памятник, который сражается, который искореняет власовщину самым фактом своего существования, который отражает ратный путь братьев Лизюковых по российским полям сражений, в том числе — визуально. Помимо информации на специальных гранитных элементах, где Александр Ильич представлен как командир Северной группы войск обороны Москвы, танкист Лизюков держит в руках планшет с картой Воронежской области 1942 г.

Сюжет великой истории протянулся из военной поры в день сегодняшний. Установил в нем линию фронта, которая разделила наследников и хулителей Победы.

На войне как на войне?

Как знать...

Только бы не забыть: во имя чего...

Л. И. Будченко¹

Архивы Волгоградской области в помощь поисковым группам и отрядам по установлению судеб погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны

Прошедшее по нашей земле крупнейшее в мировой истории сражение — Сталинградская битва — еще долгие годы будет объектом изучения историков, краеведов, семей погибших воинов — слишком велики ее масштабы. Еще очень многие моменты великой битвы ждут своих настойчивых исследователей, ответы на вопросы которых тщательно хранят архивные документы периода Великой Отечественной войны.

Важный подготовительный этап для успешной работы поисковой группы — выявление и сбор информации из архивов.

Большой массив документов, отразивших историю Сталинградской битвы, представлен в двух основных архивных учреждениях Волгоградской области — ГКУВО «Центр документации новейшей истории Волгоградской области» («ЦДНИВО») и ГКУВО «Государственный архив Волгоградской области» («ГАВО»).

В последние десятилетия в связи с проходящим в архивах рассекречиванием архивных документов, расширением доступа к ним, источниковая база по истории Сталинградской битвы, по ее отдельным

¹ Будченко Лидия Ивановна — кандидат юридических наук, директор государственного казенного учреждения Волгоградской области «Центр документации новейшей истории Волгоградской области», член Общественной палаты Российской Федерации V состава, председатель Совета Волгоградского регионального отделения Ассамблеи народов России, председатель Волгоградского областного отделения Российского общества историков-архивистов (г. Волгоград).

событиям обогатилась новыми документами, изданными документальными сборниками, которые позволяют повысить качественный уровень научных исследований событий Сталинградской битвы.

Одна из категорий запросов, поступающих в ГКУВО «ЦДНИ-ВО» и ГКУВО «ГАВО», — розыск погибших или пропавших без вести во время Великой Отечественной войны. И если еще сравнительно недавно выяснением судьбы погибшего или пропавшего без вести занимались исключительно его родственники, то ныне окрепло движение по розыску «забытых солдат», тех, чьи военные судьбы не удалось установить. Это движение получило широкую общественную поддержку.

В 1993 г. на территории Волгоградской области было зарегистрировано Волгоградское общество «Поиск». Отрадно, что в это движение включилась и тогда в первую очередь молодежь. Массовые поисковые экспедиции получили название «Вахта Памяти»².

Волгоградская область по праву является одним из основных центров патриотического воспитания, из года в год подтверждая этот статус. В регионе действуют 234 военно-патриотические организации; семь общественных объединений, занимающихся военно-исторической реконструкцией; пять региональных поисковых общественных организаций, 58 поисковых отрядов. В работу по сохранению исторической памяти вовлечены школьники, студенты, молодежь. Волгоградская школа поисковиков считается одной из самых сильных в России — ряды движения постоянно пополняются. Добровольцы поднимают останки погибших солдат и офицеров, исследуют архивные источники и личные вещи, чтобы установить личность бойцов³.

Молодежные поисковые отряды из разных уголков страны съезжаются в Волгоградскую область. Работая на местах боев, они обнаружили останки тысяч погибших воинов.

В августе 2019 г. в Волгоградской области завершилась «Студенческая вахта Памяти 2019 г.». В полевых условиях начинающие поисковики знакомились со спецификой раскопок в степи, учились

² Методические рекомендации по использованию документов Государственного учреждения «Государственный архив Волгоградской области» для организации работы поисковых отрядов (объединений, групп) на территории Волгоградской области. Волгоград, 2008. С. 4.

³ *Сабадаш М.* В Волгоградской области перезахоронили более тысячи павших защитников Отечества // Газета «Известные люди Юга». URL: <http://vipstav.ru/smi/92990> (дата обращения: 18.11.2019).

работать с глубинными металлоискателями, картами и архивами, а также данными аэрофотосъемки. Экспедиция проходила на участке между населенными пунктами Вертячий и Песковатка Городищенского района, где в августе 1942 г. шли ожесточенные бои. Ее участниками стали более 100 поисковиков из Волгоградской, Астраханской, Свердловской, Калужской, Рязанской, Оренбургской областей, республик Татарстан и Башкортостан, Красноярского края. Найдены останки 57 красноармейцев⁴.

23 августа 2019 г. в Волгоградской области на Россошинском военно-мемориальном кладбище были захоронены останки 1139 бойцов и командиров Красной армии. Поисковики смогли установить личности 24 солдат, которые ныне покоятся в отдельных могилах. Ежегодно торжественные захоронения проходят на военно-мемориальных кладбищах на Мамаевом кургане, в Россошках и других районах области. Поисковики принимают участие в церемонии захоронения поднятых останков защитников Отечества.

С 20 по 22 сентября 2019 г. в Среднеахтубинском районе Волгоградской области прошел Межрегиональный молодежный слет «Поисковик-2019» поисковых отрядов Южного и Северо-Кавказского федеральных округов. Он объединил более 150 молодых людей в возрасте от 14 до 18 лет. В рамках слета состоялся «Диалог на равных» с ответственным секретарем Общероссийского общественного движения по увековечиванию памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России», членом Общественной палаты Российской Федерации Еленой Цунаевой. Для участников слета были организованы дискуссионные площадки, посвященные специфике поисковой работы и Сталинградской битве, практические занятия по топографии, правильному ведению поисковых работ, технике безопасности и практические занятия по архивному делу⁵.

Работа поисковиков начинается с изучения архивных материалов, поэтому Комитет по управлению архивами Администрации

⁴ Завершилась «Студенческая Вахта Памяти — 2019» в Волгоградской области: найдены останки 57 красноармейцев // Поисковое движение России [Электронный ресурс]. URL: <http://rf-poisk.ru/news/7137/> (дата обращения: 18.11.2019).

⁵ Рыкова Ю. В Волгоградской области проходит слет поисковых отрядов // Газета «Волгоградская правда». URL: <http://vpravda.ru/obshchestvo/poiskoviki-rossii-obmenivayutsya-opytom-v-volgogradskoy-oblasti-76712/> (дата обращения: 18.11.2019).

Волгоградской области и коллективы учреждений ГКУВО «ЦДНИВО» и ГКУВО «ГАВО» несколько лет тому назад поставили перед собой задачу оказать практическую помощь в этой работе поисковым отрядам.

Востребованность документов архива периода Великой Отечественной войны, активное использование их (в читальных залах) для розыска и установления имен и судеб павших воинов послужили толчком к разработке и изданию «Методических рекомендаций по использованию документов Государственного учреждения “Государственный архив Волгоградской области” для организации работы поисковых отрядов (объединений, групп) на территории Волгоградской области»⁶.

Рекомендации увидели свет в 2008 г. и с тех пор стали настольной книгой для многих поисковиков. Цель рекомендаций заключается в оказании информационно-методической и практической помощи исследователям, поисковым группам, а также всем заинтересованным гражданам в поиске воинов, погибших на полях сражений в Сталинградской битве, и мест их захоронений.

Книга состоит из двух глав, первая из которых посвящена методике организации исследовательской работы в архиве, во вторую включен перечень архивных фондов и печатных источников, содержащих информацию о судьбах и местах захоронений бойцов и офицеров Красной армии в период Сталинградской битвы на территории области.

Методические рекомендации дополнены чрезвычайно важными для исследователей приложениями. В их числе: перечень наименований районов и городов Сталинградской области, на территории которых велись боевые действия и которые были временно оккупированы противником; списки концентрационных лагерей советских военнопленных на территории Сталинградской области в период Сталинградской битвы; акты о злодеяниях оккупантов на территории области; коллекции фотодокументов; списки фамилий и мест захоронения солдат, погибших в ходе Сталинградской битвы⁷.

В «Методические рекомендации» для иллюстрации помещены фотографии памятников погибшим воинам и уникальные архивные

⁶ Методические рекомендации по использованию документов Государственного учреждения «Государственный архив Волгоградской области» для организации работы поисковых отрядов (объединений, групп) на территории Волгоградской области. Волгоград, 2008. С. 6–7.

⁷ Там же. С. 17–79.

документы, связанные с поиском захоронений павших в Сталинградской битве солдат и офицеров Красной армии.

Эффективная работа с архивными документами требует от исследователей серьезной подготовки и опыта работы с документами архива.

Приступая к работе в архиве, важно определить тему исследования и задачу, которую перед собой ставит исследователь-поисковик.

Есть и еще одно необходимое в поисково-исследовательской работе условие — владение историей проблемы. Если задача исследователей состоит в накоплении сведений о военных событиях, происходивших на территории конкретного населенного пункта, то необходимо выяснить, в какой период времени на данной территории велись боевые действия. Для этого изучается библиотечный фонд научно-справочных библиотек архивов, печатные источники (книжные, газетные, журнальные, картографические). Обращение к печатным источникам помогает выстроить хронологию событий, происходивших на территории данного населенного пункта.

В процессе подготовки к выявлению архивных документов возникает необходимость уточнения названий населенных пунктов и их территориальной подчиненности. В этом случае необходимо обратиться к картотеке по истории административно-территориального деления Волгоградской области систематического каталога «ГАВО» (Б 1 6501), чтобы выявить следующую информацию: дата образования населенного пункта, его подчиненность, реорганизация, ликвидация, переименование, изменение территориальных границ.

Для последующего документального просмотра дел необходимо зафиксировать поисковые данные, указанные в каталожной карточке: номер архивного фонда, описи, дела, листа или печатного источника.

Аналогично строится работа и с другими каталогами архива. Это систематический каталог советского периода; именной каталог; система каталогов «ГАВО».

Масштабы и многогранность событий Сталинградской битвы широко отражены в документах, хранящихся в ГКУВО «ЦДНОВО», созданном на базе партийного архива Волгоградской области.

Наиболее информативными в нем являются документы фонда № 113 «Сталинградский областной комитет (обком) компартии РСФСР»⁸.

⁸ ГКУВО «ЦДНОВО». Ф. 113. Волгоградский (Сталинградский) областной комитет (обком) КПРСФСР.

Среди них — сведения о боевой готовности истребительных батальонов, о формировании батальонов автоматчиков и групп самозащиты. В информации военного и строительного отделов содержатся сведения о строительстве оборонительных рубежей, о партизанском движении, о проведении мобилизационной работы. Имеются приказы командующего Сталинградским фронтом, переписка по вопросам размещения воинских объектов и личного состава, справки, докладные записки о состоянии госпиталей города и области, акты комиссии по расследованию злодеяний фашистских захватчиков. Имеются списки представленных к награждению и награжденных медалями «За оборону Сталинграда».

Чрезвычайно информативными являются и документы фонда № 171 «Сталинградский городской комитет обороны», охватывающие период 1941–1945 гг.,⁹ в котором хранятся документы о боевой деятельности Волжской военной флотилии, формировании и боевой готовности истребительных батальонов, подразделений народного ополчения, партизанских отрядов, диверсионно-разведывательных групп, списки бойцов и командиров партизанских отрядов и групп, действовавших на Сталинградском и Южном фронтах, списки рабочих, служащих, партизан, погибших в период обороны города, а также списки на представление к правительственным наградам.

Существенно дополняют материал о Сталинградской битве и документы, отложившиеся в фондах районных партийных организаций города и области. Большим помощником стало пофондовое издание «Сталинградского городского комитета обороны в годы Великой Отечественной войны»¹⁰ в 2003 г.; «Сталинградская область в постановлениях Государственного Комитета Обороны (1941–1942). Документы и материалы»¹¹ в 2010 г. и «Астраханский городской комитет обороны в годы Великой Отечественной войны»¹² в 2017 г.

Фонд № 13022 Коллекция «Партизанское движение» (1942–1944 гг.)¹³ включает донесения о зверствах фашистских захватчиков,

⁹ Там же. Ф. 171. Сталинградский городской комитет обороны.

¹⁰ Сталинградский городской Комитет Обороны в годы Великой Отечественной войны / Серия «История Волгограда в документах и материалах». Т. 1. Под ред. М. М. Загорулько. Волгоград, 2003. 920 с.

¹¹ Сталинградская область в постановлениях Государственного Комитета Обороны (1941–1942). Документы и материалы / Под ред. М. М. Загорулько. Волгоград, 2010. 680 с.

¹² Астраханский городской Комитет Обороны в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы / Под ред. М. М. Загорулько. Волгоград, 2017. 280 с.

¹³ ГКУВО «ЦДННВО». Ф. 13022. Коллекция «Партизанское движение» (1942–1944 гг.).

доклады командиров и комиссаров партизанских отрядов о боевых действиях, рапорты оперативных групп, списки, заявления, анкеты, боевые характеристики и наградные листы, списки подпольных организаций города и области.

В фонде № 114 «Волгоградский областной комитет российского союза молодежи» хранятся заявления комсомольцев об отправке на фронт, повестки военкоматов о призыве в ряды Красной армии, списки подпольных комсомольских организаций города и области (1942–1943 гг.), материалы о подвигах бойцов-комсомольцев, участвовавших в сражении за Сталинград, комсомольцев-партизан, представленных к награждению медалями «За оборону Сталинграда» и «Партизан Великой Отечественной войны»¹⁴.

К архивным фондам и печатным источникам ГКУВО «ГАВО», содержащим информацию о павших и пропавших без вести, о ходе военных действий на территории Сталинградской области, о судьбах и местах захоронений советских солдат и офицеров в период Сталинградской битвы, относятся документы местных органов государственной исполнительной власти и управления всех уровней (от облисполкома (Ф. Р-2115)¹⁵ и горисполкома (Ф. Р-71)¹⁶ до сельских советов).

Это именные списки воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны; воинов, имеющих правительственные награды, списки бойцов и командиров, захороненных на территории населенных пунктов Сталинградской области, фронтовые письма, списки граждан, мобилизованных в Красную армию, списки воинов, погибших и пропавших без вести, сведения о захоронениях советских воинов в районах области.

Поисковикам, исследующим проблему павших воинов, историю захоронений на территории Волгоградской области в ГКУВО «ГАВО», рекомендованы к работе следующие разделы систематического каталога: Государственная власть, государственное управление; Вооруженные силы; Вооруженная защита социалистического Отечества; Культура, здравоохранение¹⁷.

¹⁴ Там же. Ф. 114. Волгоградский областной комитет Российского Союза молодежи.

¹⁵ ГКУВО «ГАВО». Ф. Р-2115. Волгоградский областной Совет народных депутатов и его исполнительный комитет.

¹⁶ Там же. Ф. Р-71. Волгоградский городской Совет народных депутатов и его исполнительный комитет.

¹⁷ Каталоги ГУ «ГАВО» / Сост. Т. С. Фомичева. Волгоград, 2006.

При работе в архивном фонде ГАВО следует учесть, что архивные фонды 2-й и 3-й категории, такие как сельсоветы или санитарно-эпидемиологические станции, тематически не разрабатывались, поэтому очень важно выявить здесь круг архивных фондов, потенциально содержащих информацию о захоронениях и о наличии памятников на братских могилах, которые в большинстве своем остаются безымянными до сих пор.

Документы по рассматриваемой проблеме отложились и в архивных фондах ГКУВО «ГАВО» областного, городского и районных отделов (Ф. 6531, 6019) по культурно-воспитательной работе. Это списки братских могил советских воинов, партизан и мирных жителей, погибших в годы Великой Отечественной войны на территории Волгоградской области¹⁸.

Очень часто положительный результат дает исследователям обращение к электронным тематическим базам данных ГКУВО «ГАВО» «Списки военнослужащих, погибших в период Великой Отечественной войны и захороненных в районах Сталинградской области» и «Географический указатель к документам архивной коллекции “О призыве граждан военными комиссариатами Сталинградской области”».

В составленную так же ГКУВО «ГАВО» «Архивную коллекцию документов о призыве граждан военными комиссариатами Сталинградской области» (Ф. Р-354)¹⁹ входят именные списки военнообязанных, призванных в армию военными комиссариатами Сталинградской области в 1941–1944 гг., списки команд, сформированных на сборных пунктах Сталинградского городского военкомата, сведения о военнообязанных, направленных на военно-морские базы, списки военнослужащих, погибших в период Великой Отечественной войны и захороненных на территории Сталинградской области.

В процессе работы по рассекречиванию документов архивов Сталинградского обкома КПСС и облисполкома были введены в научный оборот ранее недоступные документы периода Великой Отечественной войны, в числе которых справки о захоронении трупов бойцов

¹⁸ Методические рекомендации по использованию документов Государственного учреждения «Государственный архив Волгоградской области» для организации работы поисковых отрядов (объединений, групп) на территории Волгоградской области. Волгоград, 2008. С. 10.

¹⁹ Там же.

Красной армии, описания захоронений с указанием географического местоположения и количества захороненных.

В хранящихся в фондах документах учреждений здравоохранения — областных, городских (ГКУВО «ГАВО» Ф. Р-2672, Р-3969, Р-6098) — отчеты о работе эвакогоспиталей²⁰.

Отдельный фонд ГКУВО «ГАВО», Ф. Р-6088²¹ образуют материалы созданной в марте 1943 г. в соответствии с Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) Сталинградской областной комиссии содействия работе Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и причиненного им ущерба.

Часть документов хранится в ГКУВО «ЦДНИВО». Кроме того, большое количество документов о деятельности комиссии содержит Государственный архив РФ; часть документов находится в архиве Управления ФСБ по Волгоградской области.

Уже в 1945 г. Сталинградским областным книгоиздательством была выпущена первая брошюра с материалами актов о злодеяниях гитлеровских войск на Донской и Сталинградской земле.

В 2008 г. Комитетом по управлению архивами Администрации Волгоградской области, Государственным учреждением «Государственный архив Волгоградской области», Представительством Российского общества историков-архивистов Волгоградской области был подготовлен и выпущен сборник документов «Сталинградская областная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Сталинградской области». В состав редакционной коллегии вошли: управляющий делами Администрации Волгоградской области А.А. Федюнин; д. э. н. профессор М.М. Загоруйко (ответственный редактор); председатель Комитета по управлению архивами Администрации Волгоградской области

²⁰ ГКУВО «ГАВО» Ф. Р-2672 — Отдел здравоохранения исполнительного комитета Волгоградского областного Совета народных депутатов; Ф. Р-3969 — Отдел здравоохранения исполнительного комитета Волгоградского городского Совета народных депутатов; Р-6098 — Волгоградская областная санитарно-эпидемиологическая станция.

²¹ ГКУВО «ГАВО» Ф. Р-6088 Сталинградская областная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Сталинградской области.

к. ю. н. Л. И. Будченко (заместитель ответственного редактора); директор Государственного учреждения «Государственный архив Волгоградской области» к. и. н. Н. Н. Смирнов.

Основная часть документов, вошедших в сборник, была опубликована впервые — 672 документа, из них 27 копий и 42 заверенные копии. Остальные документы подлинные, публиковались полностью. Всего фонд ГАВО насчитывает 806 единиц хранения²². Сегодня они помогают разоблачить фальсификаторов истории, пытающихся «обелить» или оправдать фашизм.

Согласно документам комиссии, на территории Сталинградской области существовало 22 лагеря для советских военнопленных²³. Из-за неполноты сведений установить общее число погибших в них не представляется возможным, но даже имеющиеся сведения говорят сами за себя. Так, например, в с Алексеевка Городищенского района в лагере № 205, число заключенных в котором доходило до 6 000 человек, в момент освобождения его советскими войсками было обнаружено на территории 1 500 трупов, рядом с лагерем в трех больших ямах — 2 500 трупов²⁴.

Эти буквально леденящие душу документы могут быть рекомендованы как источник информации о чудовищных преступлениях гитлеровцев не только по отношению к мирным гражданам, жителям Сталинградской области (в документах много имен с конкретным указанием мест преступлений над ними), но и к попавшим в плен красноармейцам, имена и фамилии которых иногда встречаются в показаниях свидетелей. Так, например, в протоколе допроса свидетелей, жителей Калачевского района Сталинградской

²² Методические рекомендации по использованию документов Государственного учреждения «Государственный архив Волгоградской области» для организации работы поисковых отрядов (объединений, групп) на территории Волгоградской области. Волгоград, 2008. С. 11.

²³ Сталинградская областная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Сталинградской области. Документы. Волгоград, 2008. С. 1348–1349.

²⁴ Зверства немецко-фашистских захватчиков в районах Сталинградской области, подвергавшихся немецкой оккупации. Сб. док. Сталинград, 1945. С. 10, 11; Сталинградская областная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Сталинградской области. Документы. Волгоград, 2008. С. 1351.

области о зверствах гитлеровцев упоминаются имена убитых гитлеровцами в середине сентября 1942 г. в фашистском концентрационном лагере военнопленных Василия Николаевича Левшина и Василия Ерохина²⁵. В документах указано и местонахождение многих лагерей.

Среди замученных гитлеровцами мирных граждан были не только местные жители, но и те, которые были эвакуированы в Сталинградскую область, а в ходе Сталинградской битвы оказались на оккупированной территории. В их числе — представители еврейской национальности. Информация о них также встречается в актах. В одном из них — поименный список 43 граждан, расстрелянных в конце августа 1942 г. за балкой Крутая у с. Водино Ворошиловского (сельского) района Сталинградской области. Это были граждане, ранее эвакуированные из Бессарабии и Украины и проживавшие до августа 1942 г. в с. Водино (возраст от 3 до 73 лет)²⁶.

Первичные материалы — архивные документы ГКУВО «ЦДНИВО» и ГКУВО «ГАВО» вошли в Федеральный архивный проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»²⁷. Архивные документы данной тематики еще не нашли в полной мере своего исследования.

Внимательное изучение документов помогает и на пути поиска имен тех, кто лежит в земле самого Сталинграда. Так, например, сотрудники ГКУВО «ЦДНИВО» при работе с материалами за 1943 г. в фонде № 71 обнаружили, что имена 5 защитников Мамаева кургана, погибших и похороненных на Мамаевом кургане, оказались забытыми. Их в списках погибших и похороненных на Мамаевом кургане и в картотеке памятника-ансамбля нет, о чем мы сообщили в Музей панорамы «Сталинградская битва».

Сегодня задача архивов — помочь выявить все возможные сведения о местах ожесточенных боев, о воинских захоронениях — госпитальных кладбищах, братских могилах, захоронениях умерших в концлагерях и др. Результативность работы поисковых групп, безусловно, зависит от скоординированных действий в условиях полевой экспедиции и широкого архивного поиска.

²⁵ Там же. С. 124.

²⁶ Там же. С. 153.

²⁷ URL: <http://victims.rusarchives.ru> (дата обращения: 12.12.2019).

Федеральный проект «Фронтовой портрет. Судьба солдата» родился в ГКУВО «ЦДНИВО». Автор — Алексей Бормотов, теперь он работает в «Поисковом движении России». С проектом «Без срока давности» он приезжал к нам для встречи с архивистами и поисковиками.

Выявляя документы, архивы издают в помощь поисковикам и исследователям сборники документов выборочные и пофондовые.

Чтобы научить исследователей работе с архивными документами, с 2018 г. в ГКУВО «ЦДНИВО» проводятся занятия для волонтеров и поисковиков по вопросам использования архивных документов и правилам работы в читальном зале архива. Круглые столы по темам изучения Сталинградской битвы проводятся совместно с Центром по изучению Сталинградской битвы — руководитель — доктор экономических наук, профессор М. М. Загоруйко. С учетом полученных знаний и навыков работы поисковые группы по выявлению сведений о погибших воинах могут работать в ведомственных архивах РФ.

В 2020 г. проявлен особый интерес к документам 1941–1945 гг., так как 2020 г. объявлен президентом Российской Федерации Годом памяти и славы²⁸. Много проектов и собственных инициатив граждан начаты в этом юбилейном году Победы по восстановлению имен воинов, погибших на полях сражений, и замученных на оккупированной территории мирных жителей.

Можно приводить многочисленные примеры помощи архивов поисковым группам, положительного влияния на формирование личности, подготовленной к жизни в сложных современных условиях, умеющей мыслить, анализировать, оперировать полученными знаниями, обладающей глубокими знаниями для продолжения образования и исследования.

Эта работа требует проявления заинтересованности как исследователя, несмотря на возраст, так и архива. Сегодня мы выполняем задачу сделать доступной работу в архиве и на его ресурсах всем пользователям, желающим знать историю, ценить, уважать прошлое и открывать для себя и для других неизвестные страницы и имена.

За плодотворную работу по пропаганде исторических знаний, патриотическое воспитание граждан ГКУВО «ЦДНИВО» и ГКУВО

²⁸ Указ Президента РФ от 8 июля 2019 года № 327 «О проведении в Российской Федерации Года памяти и славы».

«ГАВО» награждены почетными знаками «За активную работу по патриотическому воспитанию граждан Российской Федерации».

Уверена, что архивы Волгоградской области и далее будут востребованы молодыми поисковиками, учеными, студентами, учителями, учащимися, широкой общественностью, которые занимаются восстановлением судеб погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны, изучением истории не только Волгоградской области, но и нашей большой страны — России.

Полет к Победе

Увековечение памяти погибших при защите Отечества неразрывно связано с поисковой работой. Но прежде, чем имя человека, отдавшего свою жизнь за Родину, будет увековечено на камне, в печатном ли издании, проходят месяцы, а зачастую и годы. И самым важным фактором в достижении цели, наряду с архивной и полевой формой поисковой работы, является работа с людьми. Именно от людей, хранителей памяти, носителей исторической информации, неравнодушных к судьбе защитников Отечества зависит исход поиска.

В статье речь пойдет о трех воинских захоронениях и о судьбе военнов-авиаторов, членов трех экипажей бомбардировщика Ил-4, погибших в разное время, в разных регионах нашей страны и покоящихся в братских могилах.

«Дядя Петя»

На старинном погосте села Новокиевка Мазановского района Амурской области с 1944 г. существует братская могила летчиков, о которой жителям района не было известно ничего фактически с 60-х до начала 2000-х гг.

В 2009 г. в Новокиевский сельсовет пришла жительница села Новокиевский Увал Галина Григорьевна Москалюк и рассказала историю про то, как в годы войны на окраине села разбился военный самолет, что летчиков похоронили на сельском кладбище. Один из летчиков Петр Васильев являлся ее дядей, он был женат на Екатерине Бубело, сестре матери Галины Григорьевны. Кто остальные члены экипажа, откуда родом, когда и как погибли, не было известно. Да и о летчике

¹ Савченко Андрей Анатольевич — руководитель поисково-краеведческого объединения «Подвиг» (Амурская область, Мазановский район, село Новокиевский Увал).

Васильеве информации было крайне мало. Новокиевским советом ветеранов было принято решение восстановить братскую могилу и увековечить имена авиаторов. В ходе поисков нашлась еще одна племянница жены погибшего летчика, Татьяна Егоровна Шелепова (Бубело), которая лично знала Петра Васильева, дядю Петю, как звали его дети. Он бывал в доме у родителей маленькой Тани, играл с ней, держал на руках, угощал галетами из летного пайка. А когда над Новокиевской пролетали самолеты, дети выбегали, махали им руками и кричали: «Дядя Петя летит, дядя Петя летит», и бывало, порой самолет делал круг и покачивал крыльями, и тогда дети точно знали, кто это летит.

Первым этапом нужно было найти и идентифицировать братскую могилу, которая представляла собой небольшой безымянный холмик, поросший травой и мхом. Совместными усилиями родственников и очевидцев это было сделано.

Затем предстояло установить имена летчиков и найти информацию о них. Члены районного поисково-краеведческого объединения «Подвиг» первым делом обратились в отделение Мазановского ЗАГСа, предположив, что там сохранились какие-либо сведения. И действительно, в актовых записях о смерти за 1944 г. по селу Новокиевка нашлись сведения на всех троих членов экипажа. Совсем немного, но мы узнали главное: фамилии, имена, отчества, год рождения погибших и, что очень важно, номер воинской части, в которой они служили (в/ч-74520).

Следующий этап был долгим, работа с Центральным архивом Министерства обороны в г. Подольск Московской области, куда и были отправлены запросы. Ответа ждали около четырех месяцев, попутно ища дополнительные сведения и родственников погибших. Все члены экипажа, включая командира, лейтенанта Петра Васильевича Васильева, у себя на родине числились пропавшими без вести, а воздушный стрелок-радист старший сержант Владимир Иосифович Каретко в Книге Памяти Приморского края значился как рядовой пехотинец, пропавший без вести в 1944 г., почему-то в Прибалтике.

И вот пришли долгожданные архивные справки, со всеми послужными данными на членов погибшего экипажа. Сложив все полученные в ходе поисков сведения, архивные документы, рассказы очевидцев, мы выяснили: 3 октября 1944 г. на окраине с. Новокиевский Увал Мазановского района, выполняя учебно-тренировочное задание, потерпел авиакатастрофу дальний бомбардировщик Ил-4, принадлежащий

443-му дальнебомбардировочному авиационному полку. Все члены экипажа погибли.

Экипаж в составе младшего лейтенанта Петра Васильевича Васильева, старшего летчика (командира экипажа); младшего лейтенанта Андрея Федоровича Сокурено, штурмана экипажа; старшего сержанта Владимира Иосифовича Каретко, воздушного стрелка-радиста, был захоронен в братской могиле на сельском кладбище с. Новокиевка.

Командир экипажа Петр Васильевич Васильев (дядя Петя) родился в 1918 г. в д. Малые Собары, Тюръярского сельсовета Красноармейского района Чувашской АССР. Призван на службу в РККА в 1938 г. Канашским ГВК, г. Канаш Чувашской АССР. С июня 1942 г. по 3 октября 1944 г. проходил службу в 443-м дальнебомбардировочном авиационном полку 55-й бомбардировочной авиационной дивизии на территории Амурской области. Выполнял учебно-тренировочные полеты на строящийся с 1941 г. военный аэродром «Стройка 377» (ныне пос. Пионерский Мазановского района).

В свободное время летчики приходили на танцы в с. Новокиевка, там лейтенант Петр Васильев и познакомился с будущей женой Екатериной, 4 мая 1944 г. в Новокиевском сельсовете был зарегистрирован брак: Петр Васильевич Васильев, 25 лет, чуваш, и Екатерина Петровна Бубело, 19 лет, украинка, уроженка с. Новокиевка Мазановского района, рабочая детского сада. Фамилия жены после брака — Васильева.

В октябре 1944 г. командир экипажа Васильев погиб, так и не увидев своего ребенка (Екатерина на тот момент была беременна). В феврале 1945 г. у Петра и Екатерины Васильевых родилась дочь, которую называли Любой.

В 1950 г. Екатерина Васильева с дочерью выехали за пределы Амурской области.

Последним этапом стало восстановление братской могилы, установка надгробия и увековечение имен погибших. В 2011 г. 22 июня состоялось торжественное мероприятие по открытию памятника на братской могиле авиаторов.

Поисковая работа по экипажу лейтенанта Васильева не окончена. К сожалению, пока не установлены и не найдены родственники младшего лейтенанта Андрея Федоровича Сокурено и старшего сержанта Владимира Иосифовича Каретко. Когда готовился материал к докладу, были найдены еще одно фото пилота Васильева и, к большой нашей радости, фото штурмана Сокурено.

«Штурман Богданов»

В плане Регионального отделения Общероссийского общественного движения по увековечению памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России» по Амурской области на 2017 г., в разделе «Отдельные поисковые задачи», в пункте № 14 тогдашним руководителем Сергеем Михайловичем Орловым была поставлена задача — поиск могилы младшего лейтенанта Петра Иосифовича Богданова, погибшего в августе 1945 г. и захороненного вблизи с. Каменка Приморского края. Но получилось так, что фамилия Богданов уже была у нас на слуху, он оказался жителем с. Молчаново нашего Мазановского района.

Информация о нем была случайно найдена в обобщенном банке данных Министерства обороны «Мемориал», когда мы работали по экипажу Петра Васильева, и зафиксирована. Поэтому розыском могилы Богданова занялось Мазановское поисково-краеведческое объединение «Подвиг».

Из донесения Министерства обороны о гибели офицерского состава были установлены персональные данные младшего лейтенанта, штурмана Петра Иосифовича Богданова и подтверждено место захоронения. В документе значилось — северная окраина с. Каменка Чугуевского района Приморского края. Следовало только удостовериться, действительно ли в с. Каменка Чугуевского района сохранилась могила штурмана Богданова, точные ее координаты и в каком она состоянии. Нами были найдены контакты Каменской СОШ № 9 и состоялся телефонный разговор с директором Екатериной Александровной Лосюк и старшей вожатой Натальей Сергеевной Бабак. Они подтвердили наличие могилы и прислали по электронной почте ее фото.казалось, поисковая задача выполнена, но не тут-то было, захоронение оказалось не одиночным, а братской могилой летчиков. Штурман Богданов был похоронен с товарищами. Остановиться на этом, бросить было бы неправильно, да и невозможно! Тем более что жители с. Каменка, в том числе школьники, ухаживающие за могилой, ничего не знали ни о воинском захоронении, ни о погибшем возле их села самолете, ни о членах его экипажа. Первым делом нами была собрана информация на всех летчиков, значившихся на памятнике, и о произошедшем событии.

9 августа 1945 г., в первый день войны с милитаристской Японией, выполняя боевое задание (нанесение бомбового удара по японским

войскам), попал в тяжелые метеоусловия и потерпел авиакатастрофу дальний бомбардировщик Ил-4, принадлежащий 442-му дальнебомбардировочному авиационному полку. Все члены экипажа погибли.

Экипаж в составе: лейтенанта Сергея Викторовича Артемьева, летчика (командира звена); младшего лейтенанта Петра Иосифовича Богданова, штурмана звена; старшего сержанта Валентина Ивановича Полякова, воздушного стрелка-радиста; младшего сержанта Павла Александровича Пересадына, воздушного стрелка, был захоронен в братской могиле на сельском кладбище с. Каменка Чугуевского района Приморского края.

Сверяя фамилии, значившиеся на братской могиле, с архивными данными Минобороны, выявили следующее: инициалы отчества у пилота Артемьева и штурмана Богданова отсутствуют, инициалов имени, отчества у воздушного стрелка-радиста Полякова нет вообще. Даты рождения неверные у всех троих, даты смерти неполные. Но самое печальное то, что на надгробном памятнике отсутствует фамилия четвертого члена экипажа — воздушного стрелка П. А. Пересадына. Его имя по каким-то причинам не было увековечено в списке.

Попутно с архивной работой велся поиск родственников. Начали с земляка.

Младший лейтенант Петр Иосифович Богданов, 1919 г. р., штурман звена 442-го дальнебомбардировочного авиационного полка 33-й бомбардировочной авиационной дивизии 19-го бомбардировочного авиационного корпуса 9-й воздушной армии 1-го Дальневосточного фронта. Уроженец с. Завьялово Завьяловского района Алтайского края. В 1939 г. призван в ряды РККА Завьяловским РВК Алтайского края. Окончил Оренбургское летное училище. Направлен для прохождения службы на Дальний Восток. Служил в Амурской области. Проживал в с. Молчаново Мазановского района. В 1944 г. Петр Богданов женился на Александре Карповне Чапыгиной, 1925 г. р. Брак зарегистрирован 17.10.1944 Поповским сельсоветом (с. Поповка) Мазановского района Амурской области. Фамилия жены после брака — Богданова; в октябре 1944 г. в семье Богдановых родился сын Леонид.

Младший лейтенант Богданов продолжил службу в 442-м авиapolку в должности штурмана. Перед началом войны с Японией его полк перебросили в Приморье.

На электронном сайте «Бессмертного полка» обнаружили небольшую информацию о Петре Богданове, но основная ее часть оказалась

недостовой и ошибочной. Кроме того, племянница, Наталья Васильевна Богданова, которая ведет страничку, считала, что ее дядя погиб в конце Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и похоронен близ деревни Каменка Амурской области. Зато благодаря сайту «Бессмертный полк» мы получили очень хорошее фото штурмана Богданова.

Задача разыскать сына Леонида оказалась куда сложнее — жив ли он, где проживает? Через равнодушных людей удалось выяснить, что Леонид Петрович Богданов проживает в городе Свободный Амурской области, в возрасте 73 лет (на тот момент). Разыскать его в Свободном оказалось тоже непросто, даже письменное обращение в Свободненский совет ветеранов ничего не дало. Но нам повезло, и мы нашли внука штурмана Богданова — Александра Леонидовича Богданова, жителя г. Благовещенска. Как оказалось при разговоре, Александр и обратился в Региональное поисковое отделение с просьбой разыскать могилу своего деда. Он сообщил нам телефон и домашний адрес отца в г. Свободный. При встрече Леонид Петрович рассказал нам историю своей семьи, об отце и последнем его вылете 9 августа 1945 г. На одной из фотографий, которые показал нам Леонид Петрович, рядом с его отцом стоит еще один летчик, по предположению командир экипажа пилот Сергей Артемьев, но точно не известно. Следовало это установить.

Поиски родственников лейтенанта Сергея Викторовича Артемьева проходили в городе Дубовка Волгоградской области, откуда он был родом, и в городе Александров Владимирской области, где, согласно донесению Минобороны, на момент гибели мужа проживала жена пилота — Муза Ивановна Артемьева. Наше обращение в администрацию города Александров по розыску родственников было переадресовано главе одного из сельсоветов Александровского района — Илье Викторовичу Павлову, который, как оказалось, является еще и поисковиком и возглавляет местный поисковый отряд. Он нам очень помог, фактически нашел родственников. Но выяснилось, что жена Муза Ивановна, ее дочь и даже внук, к сожалению, уже умерли. Проживали они в городе Кострома. Но Илья Викторович дал нам сотовый телефон жены внука — Натальи Дружининой, и мы связались с Костромой. Наталья Александровна мало что знала про летчика Артемьева и посоветовала обратиться к другой дочери Музы Ивановны от второго брака — Татьяне Евгеньевне Торховой, и дала ее номер. Узнав, что мы из Амурской

области и разыскиваем родственников лейтенанта Артемьева, она была очень изумлена и взволнована, так как всю жизнь бережет мамин архив и очень много знает о ее первом муже. Более того, Татьяна Евгеньевна поведала нам, что командир экипажа лейтенант Сергей Артемьев женился на ее маме Музе Яблоковой в Амурской области, Серышевском районе, с. Бирма, где базировался их 442-й дальнебомбардировочный авиаполк, так как Муза Ивановна тоже служила в этом полку связисткой в звании ефрейтора. Мы получили много фотографий и документы из архива Музы Артемьевой.

А человек на фото, стоящий рядом со штурманом Богдановым, оказался другим летчиком, не Артемьевым.

В этой истории следует лишь заметить, что судьба pilota Сергея Артемьева как две капли воды похожа на судьбу pilota Петра Васильева... Погибнув во время боевого вылета 9 августа 1945 г., командир экипажа так и не узнал, что у него родилась дочь. Нина Сергеевна Артемьева родилась 14 августа 1945 г., в самый разгар советско-японской войны.

Пронзительными оказались и поиски родственников младшего сержанта, воздушного стрелка Павла Александровича Пересадына, 1925 г. р., самого молодого из экипажа, чье имя не увековечено на памятнике братской могилы. Поиски начали в городе Гурьевск Кемеровской области, по месту жительства родителей Павла на момент его гибели. Но поскольку он не был женат, а родители давно умерли, то поиск мог окончиться ничем. Но нам везло, видимо, так было нужно! Начальник отдела администрации г. Гурьевск — Ирина Викторовна Сывнова отнеслась к нашей просьбе с большим пониманием и заверила, что сделает все возможное по розыску родственников Пересадына и свяжется с нами. И вот 21 сентября 2020 г. нам пришло сообщение от Ирины Викторовны, удивляться и радоваться пришел наш черед. Она сообщила домашний адрес родной сестры Павла Пересадына — Веры Александровны Андронович (Пересадиной), проживающей в Гурьевске, и даже ее сотовый телефон. Состоялся волнительный разговор, ведь Вере Александровне 82 года, а эмоции и слезы на бумаге не передать. Все годы с момента смерти брата Вера Александровна не знала точного места захоронения и даты его гибели. Сохранилась одна фотография Павла в летной форме. Внучка Веры Александровны — Анастасия изъявила желание посетить могилу дедушки Паши, военного летчика.

Поиски родственников еще одного члена экипажа, воздушного стрелка-радиста, старшего сержанта Валентина Ивановича Полякова, 1918 г. р., продолжаются по сей день в Челябинской области.

Имя штурмана Богданова пока еще не увековечено на памятнике погибшим воинам в с. Молчаново Мазановского района.

«Флотский экипаж»

В сентябре 2019 г. в администрацию Мазановского района поступило электронное письмо-обращение от Виктора Зыкова, заместителя командира поискового отряда «Поиск» Динского района Краснодарского края. В письме была просьба помочь найти родственников Федора Васильевича Порохова, 1921 г. р., уроженца Мазановского района Амурской области, погибшего в составе экипажа самолета ВВС РККА 7 мая 1942 г. в районе станицы Васюринская Краснодарского края. Письмо было переадресовано в наше районное поисково-краеведческое объединение «Подвиг».

Как и в случае со штурманом Богдановым, имя Федора Порохова было у нас на слуху, а сведения о нем как о погибшем воине-земляке — в электронной базе данных «Подвига». Более того, у нас уже имелась архивная справка из Центрального архива Военно-морского флота (г. Гатчина), полученная в июне 2018 г. В архивной справке значилось: младший сержант, воздушный стрелок-радист Федор Васильевич Порохов проходил службу в 5-м минно-торпедном авиационном полку Военно-воздушных сил Черноморского флота. Это означало, что самолет принадлежал ВВС не Красной армии, а Черноморского флота.

В дальнейшем установили и марку самолета, им оказался дальний бомбардировщик ДБ-3ф «Морской торпедоносец» (модификация уже знакомого вам Ил-4).

Оставалось найти родственников. Как оказалось, это был самый сложный поиск по сравнению с поиском родственников членов других экипажей. Первым делом мы обратились в отделение Мазановского ЗАГСа, но никаких абсолютно упоминаний о Федоре Порохове либо его родных обнаружено не было. В с. Норск Селемджинского района, откуда Федор был призван на службу, не знают даже такую фамилию. В с. Красноярово Мазановского района, где родился и рос Федор Порохов, о нем тоже никто ничего не знает и не слышал. В базе данных нашего «Подвига» значатся два родных брата Федора — Михаил и Николай, но их послевоенная судьба была нам неизвестна.

Через какое-то время удалось установить, что в г. Райчихинске похоронен отец Федора — Василий Иванович Порохов, 1880 г. р., но он умер еще в 1953 г., и это нам ничего не дало. Тогда мы обратились за помощью к знакомому поисковику в г. Белгород, и он помог нам найти данные из учетно-наградной карточки брата Федора — Михаила Васильевича Порохова, награжденного медалью «За отвагу». В карточке значился домашний адрес награжденного на 1947 г., улица и номер дома: ст. Завитая Амурской области, улица Курсаковская, 91. Эта улица и сейчас существует в г. Завитинск, и по нашей просьбе заведующая школьным музеем с. Куприяновка Завитинского района — Юлия Анатольевна Леоненко побывала по данному адресу, но, увы, хозяева дома проживают там уже более 30 лет и помочь ничем не смогли. Поиски зашли в тупик.

И только в мае 2020 г. нам пришло сообщение от замечательного человека и краеведа Елены Яковлевны Камоза, проживающей в Селемджинском районе. К ней мы обращались ранее. Она сообщила нам телефон двоюродной сестры Федора Порохова — Елены Ивановны Похабовой (Пороховой). И мы снова позвонили во Владимирскую область, но теперь в город Струнино, где проживает Елена Ивановна. Она лично знала Федора, помнит, как провожали его в армию, и в разговоре сообщила очень много полезного и интересного, и, кроме этого, дала телефон родного племянника младшего сержанта Порохова — Федора Николаевича Порохова, его и называли в честь погибшего дяди. И мы позвонили в город Хабаровск, где живет Федор Николаевич. Он тоже сообщил нам много нового, но самое главное и замечательное — прислал по электронной почте фотографию своего дяди, летчика морской авиации Федора Васильевича Порохова.

Всю собранную нами информацию и фотографию мы тут же отправили поисковикам в Краснодарский край.

В ответ Краснодарские поисковики (в лице замкомандира поискового отряда «Поиск» Виктора Зыкова) прислали свою историю поиска бомбардировщика ДБ-3ф и членов его экипажа:

«...вся история с самолетом (поиск информации) началась в начале 80-х годов. Одна учительница заинтересовалась, что за могила у нас на гражданском кладбище (станция Васюринская), на могиле была всего одна фамилия Нелюбин В. Т. Расспросы в станице (проживает 13 тысяч) среди людей ничего не дали. Провели подворный обход, и нашлось всего несколько человек, кто хоть что-то мог сказать по этому поводу.

Было раннее утро, когда услышали гул самолета, а потом взрыв. Так как люди оставались ночевать на полевых станах, прибежали к месту падения. Самолет горел, и недалеко от самолета лежал летчик (тяжело раненый). При нем был планшет, из которого узнали фамилию. Это был капитан Нелюбин Василий Тимофеевич, штурман экипажа.

Похоронили их на гражданском кладбище, так как на тот момент территория края еще не была занята врагом.

Прошло очень много времени, а информация попала к нам в начале сентября 2019 года. Было решено узнать, кто еще был в экипаже. В процессе поиска узнали, кто был и что произошло.

С 6 на 7 мая 1942 года дальний бомбардировщик ДБ-3ф 5-го минно-торпедного авиационного полка Черноморского флота выполнял боевое задание, наносил бомбовый удар по г. Мариуполь, попал в тяжелые метеоусловия, потерял ориентировку и потерпел катастрофу. Экипаж морского бомбардировщика состоял из четырех человек: старший лейтенант, Колмаков Федор Иванович, пилот, командир экипажа; капитан, Нелюбин Василий Тимофеевич штурман; старший сержант, Жигалин Николай Михайлович воздушный стрелок-радист; младший сержант, Порохов Федор Васильевич воздушный стрелок. Все погибли. Но как выяснили позже, командир экипажа Колмаков Ф. В. прыгнул с парашютом и остался жив.

Разбился самолет в районе железнодорожного разъезда Редутский (входит в состав земель станицы).

Нами (отрядом) найдено место падения, провели обследование. Количество обломков удивляет, нашли самое главное, часть двигателя (их на ДБ-3ф два) с номером. Направлен запрос в архив г. Гатчина, на подтверждение. Кроме этого, попросили (частное лицо) еще дополнительно узнать информацию по экипажу ст. лейтенанта Колмакова.

Ваш земляк Порохов Федор Васильевич похоронен у нас в станице Васюринской в братской могиле...»

Но это оказалось не так, 26 и 27 сентября 2020 г. краснодарские поисковики провели выезд на место падения самолета с использованием тяжелой техники. Были найдены многие фрагменты самолета и, самое главное, останки членов экипажа! А поскольку с самолетом погибло двое — Жигалин и Порохов, то следует считать, что найденные останки принадлежат в том числе и нашему земляку младшему сержанту Федору Васильевичу Порохову. Также были найдены пуговицы с якорем, указывающие на принадлежность к морской авиации.

При телефонном разговоре поисковик Виктор Зыков сообщил нам, что останки воздушных стрелков будут перезахоронены в братской могиле станицы Васюринская.

Всех погибших авиаторов, о ком сегодня было рассказано, объединяет не только авиация и одинаковая судьба, их прежде всего объединяет любовь к Родине, верность воинскому долгу, мужество и вера в Победу!

Победа Советского Союза над Японией и победоносное завершение Второй мировой войны в 1945 г. в исторической политике Российской Федерации

2 сентября в 9 ч. 04 мин. (по токийскому времени) на борту американского линкора «Миссури», находившегося в Токийском заливе, подписан Акт о капитуляции Японии. Япония полностью принимала условия Потсдамской декларации. Согласно Акту, военные действия с ее стороны прекращались немедленно. Подписание Акта ознаменовало завершение Второй мировой войны 1939–1945 гг.

За ратные подвиги в войне против Японии 308 тыс. советских воинов награждены орденами и медалями, 93 человека удостоены звания Героя Советского Союза, из них 6 человек — во второй раз. Более 300 соединений и частей получили боевые награды, 25 из них стали гвардейскими. Свыше 220 соединениям и частям присвоены почетные наименования Хинганских, Амурских, Уссурийских, Харбинских, Курильских и др.

Советско-японская война 1945 г. и победа в ней Советского Союза исторически связана с Русско-японской войной 1904–1905 гг., которая характеризуется не только территориальными потерями для России. Как и во всех других военных конфликтах, были и в Русско-японской войне свои герои, которых необходимо приводить в пример молодому поколению. Ведь это наша история, история защитников Отечества, погибших с оружием в руках. Это история и мирных жителей, многие

¹ Кикнадзе Владимир Георгиевич — советник Российской академии ракетных и артиллерийских наук, главный редактор журнала «Наука. Общество. Оборона», доктор исторических наук, доцент.

из которых были расстреляны, заколоты штыками в занятых японскими оккупантами деревнях и постах Сахалина.

В 1905 г. Япония воспользовалась поражением России для того, чтобы захватить Южный Сахалин, утвердиться на Курильских островах и, таким образом, закрыть на замок для нашей страны на Востоке все выходы в океан — следовательно, также все выходы к портам Камчатки и Чукотки. Было ясно, что Япония ставит себе задачу отторгнуть от России весь ее Дальний Восток. Поражение русских войск в период Русско-японской войны оставило в сознании народа тяжелые воспоминания. «Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот, этот день наступил. Сегодня Япония признала себя побежденной и подписала акт безоговорочной капитуляции. Это означает, что южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу и отныне они будут служить не средоточием отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии», — отметил И. В. Сталин в обращении к народу 2 сентября 1945 г. по случаю Победы Советского Союза в войне против Японии и нашей Великой Победы во Второй мировой войне².

Несправедливо, что современная Россия на государственном уровне не чтит Победы над Японией в 1945 г., которая символизирует и делает оправданными в том числе жертвы защитников Отечества и мирного населения 1904–1905 гг. Советский Союз начинал войну против Японии не только исходя из союзнических обязательств, военно-стратегической обстановки и утраченных территорий на Дальнем Востоке. Во многом это было связано с долгом перед погибшими защитниками Отечества и подвигом народа при защите Российской империи в 1904–1905 гг. Не случайно, что и в военном параде в честь Победы над Японией 1945 г., который состоялся 16 сентября 1945 г. в Харбине, в одном строю с воинами Красной армии прошли торжественным маршем и русские ветераны войны с Японией 1904–1905 гг.³

Победа над Японией означала и Великую Победу во Второй мировой войне. Это была победа не просто над одним из военных

² Обращение тов. И. В. Сталина к народу [2 сентября 1945 г.] // Правда. 1945. 3 сент.

³ Сапрыков В. Чем запомнился прошедший в 1945 году парад Победы над Японией в Харбине // Российская газета. 2020. 12 сент.

противников. Это была победа над государством, развязавшим Вторую мировую войну задолго до 1939 г. Об этом также сказано в обращении И. В. Сталина 2 сентября 1945 г.: «Два очага мирового фашизма и мировой агрессии образовались накануне нынешней мировой войны: Германия — на западе и Япония — на востоке. Это они развязали Вторую мировую войну. Это они поставили человечество и его цивилизацию на край гибели. Очаг мировой агрессии на западе был ликвидирован четыре месяца назад, в результате чего Германия оказалась вынужденной капитулировать. Через четыре месяца после этого был ликвидирован очаг мировой агрессии на востоке, в результате чего Япония, главная союзница Германии, также оказалась вынужденной подписать акт капитуляции. Это означает, что наступил конец Второй мировой войны»⁴.

Итак, Победа СССР в войне против Японии одержана 2 сентября 1945 г., в день, когда Япония подписала Акт о капитуляции перед союзными державами, включая Советский Союз.

2 сентября 1945 г., помимо обращения И. В. Сталина к народу, подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об объявлении 3 сентября ПРАЗДНИКОМ ПОБЕДЫ над Японией»: «В ознаменование победы над Японией установить, что 3 сентября является днем всенародного торжества — ПРАЗДНИКОМ ПОБЕДЫ над Японией. 3 сентября считать нерабочим днем»⁵. На основании этого указа отмечался Праздник Победы над Японией в 1945, 1946 и 1947 гг. В последующем, с 1948 г., 3 сентября как Праздник Победы над Японией стал рабочим днем. До настоящего времени данный Указ является действующим нормативно-правовым актом российской правовой системы, что подтверждено в мае 2019 г. Правовым управлением Совета Федерации Федерального Собрания.

3 сентября 1945 г. состоялся приказ верховного главнокомандующего генералиссимуса Советского Союза И. В. Сталина № 373, в котором указывается следующее: «2 сентября 1945 г. в Токио представителями Японии подписан акт о безоговорочной капитуляции японских вооруженных сил. Война советского народа, совместно с нашими союзниками, против последнего агрессора — японского империализма — победоносно завершена. Япония разгромлена и капитулировала.

⁴ Обращение тов. И. В. Сталина к народу [2 сентября 1945 г.] // Правда. 1945. 3 сент.

⁵ Указ Президиума Верховного Совета СССР. Об объявлении 3 сентября Праздником Победы над Японией // Известия. 1945. 4 сент.

<...> поздравляю Вас с победоносным завершением войны против Японии»⁶.

30 сентября 1945 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР учреждена медаль «За Победу над Японией», на реверсе которой надпись «3 сентября 1945», символизирующая Праздник Победы над Японией. Ею награждено более 1 млн 800 тыс. человек.

Вместе с тем дни воинской славы и памятные даты России, порядок их проведения и финансирования определены в Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом № 32 от 13 марта 1995 г. «О днях воинской славы и памятных датах России». Победоносное завершение войны против Японии и Второй мировой войны 1945 г. не нашло отражения в данном законе.

С тех пор предпринимаются многократные попытки внести изменения в ФЗ-32. Председатель Сахалинского областного отделения Русского географического общества С. А. Пономарев вспоминает: «Руководители области писали тогда письма президенту с просьбой исправить ошибку. И получили ответ: “Видимо, все принимавшие участие в работе над законопроектом не сочли эту победу решающей”. Позже Б. Н. Ельцин признал: “Надо принять во внимание и тот факт, что установление законом дня победы над милитаристской Японией входит в контраст с позитивными тенденциями, которые наметились в российско-японских отношениях в последние годы”»⁷.

23 июня 2010 г. изменения в закон были все-таки внесены — была установлена памятная дата России «2 сентября — День окончания Второй мировой войны (1945 год)».

Тем не менее со стороны общественности продолжались попытки установления на государственном уровне дня воинской славы, название которого отражало бы итог войны и роль СССР в ее окончании — а именно одержанную нашей страной ПОБЕДУ над Японией, предлагая в качестве даты как 2 сентября, так и 3 сентября.

В годовщину 70-летия Победы над Японией появились три новых законопроекта. В мае 2015 г. от депутата Госдумы А. В. Корниенко и других депутатов от КПРФ поступил проект федерального

⁶ Приказ Верховного Главнокомандующего по войскам Красной Армии и Военно-Морскому Флоту [3 сентября 1945 г.] // Известия. 1945. 4 сент.

⁷ Сворцова Е. Крым наш. А Курилы отдашь? Чем закончатся секретные переговоры Японии и России // Собеседник. 03.09.2020. № 33—2020. URL: <https://sobesednik.ru/politika/20200831-krym-nash-a-kurily-sam-otdash> (дата обращения: 20.20.2020).

закона, который предлагал установить День воинской славы России «3 сентября — День победы советского народа над милитаристской Японией (1945 год)». Проект закона был отклонен. В октябре 2015 г. член Совета Федерации В. А. Озеров, глава Комитета по вопросам безопасности и обороны, предлагал установить день воинской славы «19 августа — День разгрома советскими войсками японской Квантунской армии в ходе Маньчжурской стратегической наступательной операции (1945 год)». Эксперты из Минобороны не поддерживали законопроект, учитывая не менее значимые победы после 19 августа в ходе Южно-Сахалинской наступательной и Курильской десантной операции, а также завершение Маньчжурской операции 2 сентября 1945 г. В декабре 2015 г. вновь от А. В. Корниенко поступил проект закона, который подписали 15 депутатов Госдумы, включая Г. А. Зюганова и В. П. Комоедова (председатель Комитета по обороне), предлагая установить день воинской славы «2 сентября — День победы над милитаристской Японией — окончание Второй мировой войны (1945 год)».

В 2017 г. в Госдуме была создана рабочая группа по доработке проекта закона. К концу 2019 — началу 2020 г. на рассмотрении находились три проекта со следующими формулировками дня воинской славы: «2 сентября — День Победы во Второй мировой войне (1945 год)» от КПРФ; «2 сентября — День безоговорочной капитуляции Японской империи — окончания Второй мировой войны (1945 год)» от ЛДПР и «3 сентября — День Победы над милитаристской Японией (1945 год)» от Сахалинской областной думы. Однако 2 марта 2020 г. рассмотрение данных законопроектов было перенесено на более поздний срок, а 1 апреля все три были отклонены в пользу законопроекта от «Единой России», который и был в итоге принят Госдумой 14 апреля, одобрен 18 апреля и подписан президентом 24 апреля 2020 г.

Принятая в итоге формулировка названия Дня воинской славы России не получила поддержки среди экспертов в области истории и исторической политики, фракций КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия» и значительной части «Единой России» (28%) в Государственной думе, некоторых членов Совета Федерации. Более того, принятие данного федерального закона вызвало критику: ветераны, жители Сахалинской области были возмущены отсутствием упоминания Победы над Японией. Мнение академической исторической науки России в лице РАН вновь оказалось невостребованным.

В чем же причина? Кто подготовил такое решение?

С предложением об установлении Дня воинской славы России выступили министр иностранных дел С. В. Лавров и министр обороны С. К. Шойгу. 13 февраля 2020 г. В. В. Путин согласился с их предложением. Основания, которые указаны в обращении к президенту России двух министров, с одной стороны, не в полной мере соответствуют действительности, а также вызывают непонимание среди ветеранов — участников советско-японской войны 1945 г., с другой.

Так, в обращении министров утверждалось, что ветераны и общественность активно ставят «вопрос о возрождении празднования в нашей стране завершения Второй мировой войны». Однако очевидно, что завершение Второй мировой войны никогда не праздновалось ни в Российской Федерации, ни в СССР. Праздничным днем был Праздник Победы над Японией. Ветераны и общественность просили и настаивали, в том числе в обращениях к президенту России, на необходимости возрождения Дня Победы над Японией (1945 г.), а не «завершения Второй мировой войны».

Кроме того, общеизвестен исторический факт, что Вторая мировая война окончилась 2 сентября 1945 г., а потому предложение министров об установлении даты 3 сентября — Дня окончания Второй мировой войны — просто не соответствует выработанной в исторической науке и общепринятой периодизации войны.

Представляется, кроме того, что предложенная министрами и принятая Федеральным законом № 126-ФЗ от 24.04.2020 формулировка «3 сентября — День окончания Второй мировой войны (1945 год)» весьма далека от цели сохранения «исторической памяти и увековечения вклада нашей страны в завершение войны на Тихом океане», — а именно такая цель преобразования памятной даты «2 сентября» в день воинской славы «3 сентября» обозначена Сергеем Лавровым и Сергеем Шойгу в обращении к президенту России. Прежде всего, в смысловом содержании названия дня воинской славы не обозначены ни наша страна, ни наш народ, ни наши вооруженные силы, одержавшие победу над Японией. Во-вторых, окончание войны — вовсе не тождественно понятию «победа». В-третьих, такая формулировка не содержит точной информации для закрепления в исторической памяти: чем завершились военные действия для нашей страны (перемирие или капитуляция) и каков итог войны для нашей страны (поражение или победа СССР) — все это остается за скобками.

Война СССР против Японии в 1945 г. и Вторая мировая война завершились безоговорочной капитуляцией Японии, победой нашей Родины. Об этом не сказано ни слова в формулировке дня воинской славы.

Однако, в соответствии с преамбулой Федерального закона от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России», настоящий закон устанавливает дни славы русского оружия — дни воинской славы (победные дни) России в ознаменование славных побед российских войск. Следовательно, День воинской славы России, обязанный своим существованием победе на Японией в 1945 г., не может ограничиваться словами «окончание войны», а должен содержать термин «победа». В данном случае — историческое событие — победа над Японией.

Как же проходило рассмотрение законопроекта? В феврале — апреле 2020 г. Правительство Российской Федерации и Федеральное Собрание Российской Федерации допустили, как мы предполагаем, нарушения Указа президента России от 31 июля 2013 г. № 659 «О порядке установления в Российской Федерации памятных дней и профессиональных праздников».

Прежде всего, Правительство Российской Федерации не отразило в Заклучении на проект Федерального закона позицию Российской академии наук (РАН), которая не подтвердила достоверность 3 сентября 1945 г. в качестве даты окончания Второй мировой войны. В соответствии с пунктом 6 Указа президента России от 31 июля 2013 г. № 659, рассмотрение предложения об установлении в Российской Федерации памятного дня осуществляется на основе экспертного заключения РАН, подписанного президентом РАН и подтверждающего достоверность памятной даты. Экспертное заключение РАН в установленном порядке должно рассматриваться Правительством России. В данном случае в Аппарате Правительства либо не рассмотрели экспертное заключение РАН, либо пренебрегли мнением экспертов. Авторы законопроекта, представлявшие законопроект от Комитета по обороне Государственной думы, в ходе заседаний Госдумы 1 апреля и 14 апреля 2020 г. не довели до сведения депутатов отрицательное заключение РАН.

Совет Федерации оказался также не в полной мере проинформированным авторами законопроекта. Председатель Совета Федерации В. И. Матвиенко вообще была уверена, как она пояснила, что речь

идет о памятной дате и никаких торжественных мероприятий эта «памятная дата» за собой не повлечет. При этом в финансово-экономическом обосновании законопроекта (стр. 2 ФЭО) оговорены расходы на проведение торжественных мероприятий, предусмотренных ст. 5 ФЗ-32 для дней воинской славы.

Остается открытым и еще один важный вопрос — почему не было организовано широкое, публичное обсуждение новой даты одного из важнейших событий мировой и российской истории? В Заключении Правительства на проект не было указано следующее: «Принятие решений по установлению дней воинской славы и памятных дат России, связанных с важнейшими историческими событиями в жизни государства и общества, должно сопровождаться широким, публичным обсуждением, с учетом профессионального мнения специалистов в области истории и культуры». При этом в аналогичных, по сути, заключениях на другие законопроекты, связанные с этим же историческим событием (день окончания Второй мировой войны, день победы над Японией, день безоговорочной капитуляции Японии и т. п.) данный важный аспект неизменно приводился и служил основанием для отрицательного заключения.

Некоторые СМИ предоставляли обществу искаженную картину. Так, Российское информационное агентство «Победа РФ» сообщило, что на Сахалине ветераны поддержали решение о переносе дня окончания Второй мировой войны со 2 сентября на 3 сентября. С. А. Пономарев осветил в своей публикации подлинную историю с обращением ветеранов. «Передо мной лежит их [ветеранских организаций] обращение к Президенту страны, руководителям палат Федерального Собрания. В нем совсем другая просьба: верните подлинное название праздника — “3 сентября — День победы над Японией”! Именно так он был назван в Указе Президиума Верховного Совета СССР 1945 года, который не отменен, но который хотят заменить новоделом — суррогатом, подменяющим славную победу безликим “окончанием войны”. Сама она что-ли кончилась? Шла-шла, а потом почему-то кончилась...»⁸ Это мнение было своевременно доведено и до авторов законопроекта, но было проигнорировано.

Основные контраргументы против формулировки «Дня победы над Японией», использованные авторами и сторонниками

⁸ Пономарев С. А. Шаг вперед, два шага назад. О Дне Победы над Японией // ИА REGNUM. 19.04.2020.

законопроекта, связаны с интересами США, Великобритании, Китая и Японии. Выступая 01.04.2020 в Госдуме от лица Комитета по обороне, депутат Ю. Н. Швыткин высказался «против того, чтобы увековечивать в качестве военных побед факты капитуляции или выхода из войны по иной причине отдельных государств союзников нацистской Германии». Кроме того, он заявил: «Здесь речь идет не только о роли России, но, чтобы не преуменьшать роль [государств] антигитлеровской коалиции, которые тоже внесли вклад в победу над Японией». Соответственно, предложение о переименовании дня окончания Второй мировой войны (2 сентября 1945 г.) в День победы во Второй мировой войне (2 сентября 1945 г.), предлагавшееся законопроектом от Сахалинской областной думы, он назвал с историко-правовой точки зрения ошибочным, «так как победа во Второй мировой войне является победой не только советских войск, но войск всех стран антигитлеровской коалиции».

Ю. Н. Швыткина не смущает, что такой подход создает опасность появления утверждений, что в системе государственных праздников России не должно быть места и Дню Победы 9 мая (1945 г.), так как победа в войне против Германии также «является победой не только советских войск, но войск всех стран антигитлеровской коалиции».

В ходе тех же слушаний депутат Госдумы от Сахалина Г. А. Карлов оправдывал принятие закона тем, «что в последние годы наблюдается потепление российско-японских отношений. И, по мнению руководства МИД и Министерства обороны РФ, напоминание Стране восходящего солнца о ее поражении в войне 1945-го может сломать тонко настроенный дипломатический инструмент». Председатель комитета по образованию и науке Госдумы В. А. Никонов («Единая Россия») выразил свое мнение следующим образом: «Если мы пойдем на принятие проекта о Дне Победы над Японией, тогда труды нашей дипломатии можно выбросить в урну... Японцы до сих пор на нас обижены страшно, что мы тогда им объявили войну...»

Таким образом, мы видим, что аргументация в пользу принятия данного законопроекта велась вне связи с историей России, ее современными государственными интересами и суверенитетом. После принятия поправок в Конституцию РФ появилась возможность соотнесения его содержания с п. 3. статьи 67.1 Конституции — «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите

Отечества не допускается»⁹. В какой мере принятый закон соответствует этому положению Конституции?

Каковы были внешнеполитические последствия установления в России дня воинской славы «3 сентября — День окончания Второй мировой войны»? Зарубежные «партнеры», как можно судить по сообщениям СМИ, не оценили направленного в их адрес «дружественного посыла»: США и Великобритания 8 мая 2020 г. не упомянули СССР (Россию) в числе победителей нацизма в Европе в 1945 г. В Японии перенос «Дня окончания Второй мировой войны» со 2 на 3 сентября был воспринят «обиженными» японцами с недовольством и раздражением. Москву даже «предупредили», что проведение каких-либо торжеств по случаю 75-летия Победы 3 сентября исключит участие в них премьер-министра Японии Синдзо Абэ. МИД Японии уже 19 мая 2020 г. в докладе «Синяя книга по дипломатии», дабы не «ослаблять позицию Японии», восстановил (после исключения в 2019 г.) южные острова Курильского архипелага под суверенитет Японии, отмечая, что с Россией «мирный договор может быть заключен только после решения вопроса о принадлежности четырех островов». 22 мая глава МИД Японии Тосимицу Мотэги, в ответ на высказывание МИД РФ от 21 мая, публично заявил о неизменной позиции Токио по принадлежности южных Курил его стране. А 17 июня Япония сделала России представление из-за проведения геолого-разведочных работ в Охотском море в районе между Сахалином, Камчаткой и Курильскими островами «в связи с тем, что это не совпадает с позицией» Токио. 3 августа появились сообщения о выдвижении из японской базы Иокосука авианосной группы ВМС США во главе с авианосцем «Ronald Reagan» к Курилам для демонстрации России силы. 6 августа, в ответ на обращение к участникам памятной церемонии в Хиросиме по случаю 75-летия атомной бомбардировки министра иностранных дел России Сергея Лаврова, на портале Yahoo News Japan (Япония) появились следующие комментарии японцев: «России, которая нарушила советско-японский пакт о ненападении, насилвала и убивала японцев, включая мирных жителей, а затем незаконно оккупировала японские территории, лучше молчать», «СССР столкнул лбами США и Японию, пытаясь поймать рыбку в мутной

⁹ Конституция Российской Федерации с изменениями, внесенными на общероссийское голосование. 2020. М., 2020. С. 20.

воде», «СССР нарушил пакт о ненападении, а теперь Лавров пытается оправдаться»¹⁰.

При этом Китай отмечает День победы над милитаристской Японией (3 сентября), США и Великобритания — День победы над Японией (Victory over Japan Day) 2 сентября и 14 августа соответственно. Как видно, союзники СССР в войне против Японии 1945 г. празднуют СВОЮ победу, что является обоснованным для государственного праздника.

Современную политику России на японском направлении эксперты оценили как не только внешнеполитический, но и внутривнутриполитический провал. «Кремль и Смоленская площадь не раз пытались убедить граждан России в том, что речи о передаче Японии части территории нашей страны не идет. На фоне маловразумительных пояснений о том, что России зачем-то нужен “мирный договор” с Японией, хотя состояние мира между нашими странами было зафиксировано еще в 1956 году, эти заявления лишь усиливали и усиливают опасения по поводу готовности нынешней власти ради конъюнктурных выгод поступиться той землей, которая была отвоевана нашими предками в 1945 году. Дело дошло до того, что нас попытались лишить Дня Победы над Японией, заменив его соглашательским “днем окончания Второй мировой войны”»¹¹, — отмечает эксперт-международник М. В. Демури.

Установление такого дня воинской славы означает не только поражение перед геополитическими противниками на фронтах ведущихся против России информационно-пропагандистской и экономической войн. Во многом это и широкое внутривнутриполитическое поражение. Совет Федерации признал, что закон вызвал «резонанс в обратную сторону».

На Сахалине готовится новый законопроект, предлагающий установление Дня воинской славы России «3 сентября — День победы над Японией — окончание Второй мировой войны (1945 год)». В поддержку новой законодательной инициативы выступил председатель фракции «Справедливая Россия» в Государственной думе С. М. Миронов: «наша фракция настаивает, чтобы день воинской славы был назван

¹⁰ Yahoo News Japan (Япония): министр иностранных дел России критикует США в связи с ядерной бомбардировкой, но оправдывает войну против Японии // ИноСМИ. Ru. 07.08.2020.

¹¹ Политика в отношении Японии — дипломатический и внутренний провал Кремля // ИА REGNUM. 19.05.2020.

Днем победы над Японией». Напомним, что 14 апреля 2020 г., в ходе второго чтения законопроекта в Госдуме, 105 депутатов проголосовали за поправку «День победы над Японией»: в полном составе фракции КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия» и 20 депутатов от «Единой России».

В мае 2020 г. письмо президенту России и в адрес председателя Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации В.В. Володина с просьбой вернуть День Победы над Японией направил один из старейших ветеранов Великой Отечественной и Советско-японской войн, житель Сахалина, гражданин России Н.С. Наумов (101 год). «Награжденных [медалью “За Победу над Японией”] оказалось два миллиона человек! Два миллиона! Представьте себе, насколько сложными были бои на Дальнем Востоке! Сегодня я с удивлением узнаю, что память об этих событиях постепенно стирается. Не у нас стариков — она стирается в календарях. Неужели и медали перекуют? Прошу вас, Владимир Владимирович, принять мудрое решение и вернуть оставшимся ветеранам их заслуги. Они побеждали, побеждали японских милитаристов» — обращается Николай Степанович¹².

Таким образом, установление Дня воинской славы России «3 сентября — День окончания Второй мировой войны (1945 год)» не принесло ожидаемых дивидендов на международной арене. Закон не укрепляет единство российского общества, подрывает авторитет российской науки, создает дополнительные сложности для системы просвещения и высшего образования. Продление новым законом истории Второй мировой войны на один день создает у людей впечатление, что историю легко можно изменить в любое время, кому и как это будет угодно.

19 мая 2020 г. Комитет Совета Федерации по обороне и безопасности направил ответы на обращения председателя Сахалинского областного отделения Русского географического общества С.А. Пономарева и депутата Сахалинской областной думы С.И. Ивановой. Сахалинцы обращались с предложениями дополнить наименование установленного дня воинской славы словами «День победы над Японией». Оба ответа Комитета, к сожалению, по сути говорят, что он не поддерживает данное предложение. Комитет Совета Федерации

¹² Старейший ветеран Сахалина просит Президента вернуть день Победы над Японией // kprf-sakhalin.ru. 08.05.2020.

ссылается на подобные предложения, которые вносились ранее в Государственную думу и были отклонены. Однако в ответах не приводятся основания, по которым были отклонены данные и подобные законопроекты. А это главное для понимания перспектив предложения сахалинцев, которое поддерживает российское общество. Ведь фраза «День Победы над Японией» не являлась основанием для отклонения ни указанных в ответах законопроектов, ни концепций других подобных законопроектов. Причины, по которым законопроекты официально не получали поддержки, заключались в следующем:

- против замены памятной даты на день воинской славы;
- против понятия «милитаристская» Япония;
- против датировок победы над Японией, окончания Маньчжурской операции или войны;
- против победы во Второй мировой войне;
- против дня безоговорочной капитуляции Японии;
- не упразднялась памятная дата 2 сентября при установлении дня воинской славы 3 сентября;
- не проводилось широкое, публичное обсуждение законопроекта;
- недостатки в финансово-экономическом обосновании законопроекта.

Ни одна из этих причин, как мы видим, не имеет отношения к предложению, на которые отвечал Совет Федерации уже в мае 2020 г. Это предложение содержит лишь одно, но весьма существенное для народа России дополнение к уже принятому закону — «День Победы над Японией». Следовательно, аргументы в ответах Комитета от 19 мая 2020 г. в части, касающейся аналогии с ранее рассматриваемыми законопроектами, не имеют достаточных оснований.

Спустя два месяца после подписания федерального закона, 25 июня в Госдуме внесен новый законопроект, предлагающий установить День воинской славы России «3 сентября — День Победы над милитаристской Японией — окончание Второй мировой войны (1945 год)». Его авторы — депутаты Госдумы от фракции КПРФ (А.В. Корниенко и др.). В пояснительной записке отмечается, что «из обращений граждан и публикаций СМИ, общественности совершенно неясно, в связи с чем День окончания Второй мировой войны перенесен из числа памятных дней в число дней воинской славы, а также почему изменена его дата со 2 сентября на 3 сентября. Это

свидетельствует о недостаточной проработанности текста Федерального закона от 24.04.2020 № 126-ФЗ и необходимости уточнения введенной им формулировки нового дня воинской славы “3 сентября — День окончания Второй мировой войны (1945 год)”».

В чем же еще заключается значимость Дня Победы над Японией для российского общества?

Вступление 9 августа 1945 г. Советского Союза в войну против Японии в корне изменило ситуацию на Азиатско-тихоокеанском театре военных действий Второй мировой войны. Мощные удары по крупной группировке японских войск (более 1 млн человек) привели к ее быстрому разгрому, потере контроля Японией над Маньчжурией и Северной Кореей, к коренному изменению военно-политической обстановки в Азии, сделали невозможным продолжение войны и вынудили Японию капитулировать.

Ведущую роль СССР в победе над милитаристской Японией признали многие руководители государств, в частности, Австралии, Новой Зеландии, Канады, КНР, Северной Кореи, Северного Вьетнама, Индонезии, Франции. В ряде этих и других стран праздник победы над Японией отмечается официально.

Однако он не отмечается в России, несмотря на то, что в войне с Японией погибло более 12 тыс. наших соотечественников, 93 стали Героями Советского Союза, почти 2 млн награждены медалью «За Победу над Японией», сделанную по образцу медали «За Победу над Германией». Объяснить ветеранам, награжденным этой медалью, отказ от празднования данной даты, отсутствие указания на данное событие в законодательстве просто невозможно.

Между тем Вторая мировая война закончилась не сама собой. Решающими событиями стали безоговорочная капитуляция гитлеровской Германии 8 мая 1945 г. и безоговорочная капитуляция милитаристской Японии 2 сентября 1945 г. Оба акта о безоговорочной капитуляции по форме и содержанию абсолютно идентичны. Следует подчеркнуть, что Акт о безоговорочной капитуляции не дает никакой возможности предъявлять какие-либо новые претензии ни победителям к побежденным, ни побежденным к победителям.

Курильские острова и южная часть Сахалина отошли под юрисдикцию СССР в полном согласии с нашими основными союзниками по Второй мировой войне, что зафиксировано в основополагающих международных документах — итогах Ялтинской 1945 г.

и Потсдамской 1945 г. конференций, Акте о безоговорочной капитуляции Японии 2 сентября 1945 г. Победа над милитаристской Японией, отраженная в Акте о ее безоговорочной капитуляции, создала надежный правовой фундамент для исключения каких-либо сомнений в правомерности суверенитета России на Сахалине и Курильских островах, юридически подтвердила недопустимость и бесосновательность любых претензий по данному вопросу в будущем.

Невнимание в современной России к Победе над Японией в 1945 г. привело к тому, что часть населения, в особенности подрастающее поколение европейской части страны, склонно считать окончанием Второй мировой войны капитуляцию нацистской Германии и мало знакомо с событиями войны с Японией. Необходимо, чтобы россияне знали о подвиге, совершенном их предками в 1945 г. не только в Европе, но и на Дальнем Востоке, о решающей роли нашей страны в уничтожении как германского нацизма, так и японского милитаризма.

В настоящее время праздник Победы над Японией сохраняет свое значение в основном на Дальнем Востоке и, прежде всего, в Сахалинской области, где день 3 сентября назван Днем освобождения Южного Сахалина и Курильских островов от японских милитаристов. Региональность праздника для Российской Федерации наглядно продемонстрировали и мероприятия в 2020 г. по случаю 75-летия Победы над Японией. Однако очевидно, что победу над Японией одержала не Сахалинская область, а все государство, поэтому формулировка о дне Победы над милитаристской Японией должна быть закреплена в числе действующих праздников — дней воинской славы на уровне федерального закона. И тогда победа Советского Союза над Японией будет широко отмечаться по всей стране.

Также важно подчеркнуть указание в наименовании праздника именно на «милитаристскую Японию», т. е. на действовавший в 1945 г. в Японии политический режим, свержение которого было важным для установления мира на планете и не было направлено против мирных жителей Японии, также пострадавших от тягот войны.

Установление праздника Победы над Японией крайне важно для обеспечения военной безопасности и поддержания территориальной целостности России на Дальнем Востоке, восстановления исторической справедливости, формирования должного уважения к нашим предкам, отдавшим свои жизни в борьбе против фашизма и милитаризма, воспитания подрастающего поколения в духе любви к Родине.

Наличие такого дня воинской славы России создаст и дополнительную правовую основу в рамках юрисдикции статьи 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации для защиты от осквернения исторической правды, памяти о защитниках Отечества и подвиге народа при защите Отечества в ходе советско-японской войны, как это предусмотрено Конституцией России.

В Год памяти и славы в Российской Федерации необходимо принять исторически объективное государственное решение о празднике Победы над Японией, которое будет обосновано экспертами РАН, поддержано теми, кому не безразлична историческая правда о Победе нашей Родины, теми, кто чтит память защитников Отечества. Память о победе СССР в войне против Японии в том числе значима в связи с возвратом территорий нашей Родины, обогранных кровью наших предков в Русско-японской и советско-японской войнах, в том числе советских воинов, отдавших свои жизни, закрывая грудью амбразуры вражеских дотов. Эти территории, Сахалин и Курилы, и сегодня Япония не только считает своими, но и готова бороться за них вооруженным путем. Победа защитников Отечества в войне с Японией 1945 г. должна быть увековечена в современной России не только как долг памяти, но и как предостережение для возможных агрессоров в будущем.

Научное издание

75 ЛЕТ ПОБЕДЫ
Советский Союз и завершение Второй мировой войны
на Дальнем Востоке

Корректор *М. А. Иванова*
Оригинал-макет *А. А. Крыласов*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 04.12.2020. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 43,5. Тираж 300 экз. Заказ № 2231

Издательство «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86